

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова

№ 3

МОСКВА
2026

ISSN 2311-150X (print)
ISSN 2782-4527 (online)

Журнал основан в 2013 г.

Главный редактор

А. М. Молдован, доктор филол. наук, академик РАН (Москва, Россия)

Ответственные редакторы выпуска:

О. Е. Кармакова, канд. филол. наук (Москва, Россия);

С. В. Князев, доктор филол. наук (Москва, Россия);

А. В. Малышева, канд. филол. наук (Москва, Россия)

Редакционная коллегия выпуска:

И. А. Букринская (Москва, Россия);

О. Е. Кармакова, канд. филол. наук (Москва, Россия);

С. В. Князев, доктор филол. наук (Москва, Россия);

Е. В. Колесникова, канд. филол. наук (Москва, Россия);

А. В. Малышева, канд. филол. наук (Москва, Россия)

Редакционный совет:

А. Е. Аникин, доктор филол. наук, академик РАН (Новосибирск);

Синтия Вакарелийска, PhD, профессор (Орегон, США);

Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);

Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);

Марчелло Гардзанини, PhD, профессор (Флоренция, Италия);

А. А. Гиппиус, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Ольга Йокояма, PhD, профессор (Лос-Анджелес, США);

М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);

А. П. Майоров, доктор филол. наук, профессор (Улан-Удэ, Россия);

Ольга Младенова, PhD, профессор (Калгари, Канада);

Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);

А. А. Пичхадзе, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН (Москва, Россия);

В. А. Плунгян, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Ахим Рабус, Dr. habil., профессор (Фрайбург, Германия);

Ф. Б. Успенский, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);

Майкл Флайер, PhD, профессор (Кембридж, США);

Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);

А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия)

Ответственный секретарь

канд. филол. наук А. Е. Журавлёва

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76037

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

E-mail: ruslang@ruslang.ru

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2026

© Авторы, 2026

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

**Proceedings
of the V. V. Vinogradov
Russian Language Institute**

№ 3

MOSCOW
2026

ISSN 2311-150X (print)
ISSN 2782-4527 (online)

The Journal was founded in 2013

Editor-in-Chief

Alexandr M. Moldovan, D. Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

Chief editors of the issue

O. E. Karmakova, Ph. D. (Moscow, Russia);
S. V. Knyazev, D. Sc. (Moscow, Russia);
A. V. Malysheva, Ph. D. (Moscow, Russia)

Editorial board of the issue

I. A. Bukrinskaya, (Moscow, Russia);
O. E. Karmakova, Ph. D. (Moscow, Russia);
S. V. Knyazev, D. Sc. (Moscow, Russia);
E. V. Kolesnikova, Ph. D. (Moscow, Russia);
A. V. Malysheva, Ph. D. (Moscow, Russia)

Editorial Board

Aleksandr E. Anikin, D. Sc., Full Member of the RAS (Novosibirsk, Russia);
Václav Čermák, Ph. D., Professor (Prague, Czech Republic);
Michael S. Flier, Ph. D., Professor (Cambridge, USA);
Marcello Garzaniti, D. Sc., Professor (Florence, Italy);
Alexey A. Gippius, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Maria L. Kalenchuk, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);
Alexandr P. Mayorov, D. Sc., Professor (Ulan-Ude, Russia);
Olga Mladenova, Ph. D., Professor (Calgary, Canada);
Tore Nettet, D. Sc., Professor (Tromsø, Norway);
Anna A. Pichkhadze, D. Sc., Corresponding Member of the RAS (Moscow, Russia);
Vladimir A. Plungian, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Achim Rabus, D. Sc., Professor (Freiburg, Germany);
Alexey D. Shmelev, D. Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Fjodor B. Uspensky, D. Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Cynthia M. Vakareliyska, Ph. D., Professor (Oregon, USA);
Zhanna Zh. Varbot, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);
Björn Wiemer, D. Sc., Professor (Mainz, Germany);
Olga T. Yokoyama, Ph. D., Distinguished Professor (Los Angeles, USA)

Executive secretary

Alexandra E. Zhuravleva

The journal is registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology, and Mass-Media.
Registration certificate ИИ № ФС 77-76037

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019
E-mail: ruslang@ruslang.ru

© by Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2026
© by Authors, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-летию Леонида Леонидовича Касаткина	11
---	----

Фонетика. Интонация

<i>Дьяченко С. В., Князев С. В.</i> (Москва)	
Фразовая просодия мосальского говора: запад или восток?	14
<i>Дьяченко С. В., Иванова В. В.</i> (Москва)	
Оканье в тверском скнятинском говоре	62
<i>Качинская И. Б.</i> (Москва)	
Термины родства в архангельских говорах: фонетический аспект	82
<i>Князев С. В.</i> (Москва)	
Просодия и информационная структура высказывания в русских диалектах: утверждения	97
<i>Савинов Д. М.</i> (Москва)	
Редукция безударных гласных до нуля в говорах с диссимилятивным вокализмом	123

Грамматика

<i>Земичева С. С., Ронько Р. В.</i> (Москва)	
Вариативность форм настоящего времени глагола <i>быть</i> в корпусе говора села Спиридонова Буда (Злынковский район, Брянская область): Проблема на стыке грамматики и социолингвистики	133
<i>Мальшьева А. В.</i> (Москва)	
Субъектный дательный падеж в оскольском говоре села Роговатое	150
<i>Николаев С. Л.</i> (Москва)	
Особенности склонения праславянских консонантных основ мужского рода в карпатоукраинских говорах	170
<i>Толстая М. Н.</i> (Москва)	
К употреблению связок перфекта в карпатоукраинских говорах	189

Лексикология и лексикография

<i>Ананьева Н. Е.</i> (Москва)	
Польские и русские диалектные эпонимы, номинирующие представителей животного мира	204
<i>Большакова Н. В.</i> (Псков)	
Лексико-семантические соответствия в псковско-белорусском пограничье	215
<i>Колесникова Е. В.</i> (Москва)	
Семантика общерусского прилагательного <i>сивый</i> в русских говорах	225
<i>Майоров А. П.</i> (Москва)	
Диалектизмы в исторической динамике	238
<i>Мызников С. А.</i> (Санкт-Петербург — Москва)	
Лексика зверобойного промысла в Беломорье	253
<i>Нефедова Е. А.</i> (Москва)	
Лексико-семантическая вариантность в аспекте динамики современных говоров	266

Этнолингвистика. Лингвокультурология

Крючкова О. Ю., Жандарова А. Н. (Саратов)	
Вербализация культурной идентичности в речи диалектоносителей.....	274
Сурикова О. Д. (Екатеринбург)	
Семантические микросистемы в народном календаре как средство мнемотехники (на примере костромской хрономии).....	285
Толстая С. М. (Москва)	
Об одном типе хрономимов в русском народном календаре.....	299

Лингвогеография и историческая диалектология

Галинская Е. А. (Москва)	
Повтор предлога в южнорусских говорах	306
Кармакова О. Е., Букринская И. А. (Москва)	
Говоры Белозерья в сопоставлении с другими говорами северного наречия.....	314
Пыхов В. А. (Москва)	
Карты Общеславянского лингвистического атласа как источник многоплановой языковой информации.....	334
Шевелева М. Н. (Москва)	
О дательном принадлежности в древнерусских памятниках и в современных русских говорах	343

История науки

Букринская И. А., Кармакова О. Е. (Москва)	
Московская диалектологическая школа: истоки, методы и перспективы развития (К 60-летию публикации академического труда «Русская диалектология»).....	356
Ганцовская Н. С. (Кострома)	
Л. Л. Касаткин и история изучения Костромского акающего острова.....	373
Каленчук М. Л. (Москва)	
Касаткин — орфоэпист.....	385

Этимология

Варбот Ж. Ж. (Москва)	
К этимологии нескольких костромских диалектизмов	393
Иткин И. Б. (Москва)	
Еще раз об этимологии прилагательного <i>скрозекозный</i>	397
Куркина Л. В. (Москва)	
Этимологии русских диалектизмов (<i>трать, снытки, натешить, отвойный</i>).....	402
Шалаева Т. В. (Москва)	
К этимологии русских лексем <i>супир, супер</i> ‘перстень, кольцо со вставкой’	417

In memoriam

Ильин Д. Ю., Тупикова Н. А., Стародубцева Н. А. (Волгоград)	
«Волгоград для меня особенный город...» Вспоминая встречи с Леонидом Леонидовичем Касаткиным.....	425
Оглезнева Е. А. (Томск)	
«Веет прохладой и счастьем...» Об удивительном Леониде Леонидовиче Касаткине.....	433

CONTENTS

On the Centenary of Leonid Leonidovich Kasatkin	11
---	----

Phonetics. Intonation

<i>Dyachenko S. V., Knyazev S. V. (Moscow)</i>	
Phrase Prosody of Mosal'sk Dialect: West or East?	14
<i>Dyachenko S. V., Ivanova V. V. (Moscow)</i>	
Okanye in the Dialect of the Village of Sknyatino Tver region.....	62
<i>Kachinskaya I. B. (Moscow)</i>	
The Terms of Kingship in Arkhangelsk Dialects:the Phonetic Aspect.....	82
<i>Knyazev S. V. (Moscow)</i>	
Phrase Prosody and Information Structure in Russian Dialects: Statements	97
<i>Savinov D. M. (Moscow)</i>	
Reduction of Unstressed Vowels to Zero in Dissimilative Vocalism Dialects.....	123

Grammar

<i>Zemicheva S. S., Ron'ko R. V. (Moscow)</i>	
Variability of Present Tense Forms of the Verb <i>byt'</i> 'to be' in the Dialect Corpus of the Village of Spiridonova Buda (Zlynkovskij District, Bryansk Region): A Problem at the Intersection of Grammar and Sociolinguistics.....	133
<i>Malysheva A. V. (Moscow)</i>	
The Dative Subject in the Oskol Dialect of Rogovatoe Village.....	150
<i>Nikolaev S. L. (Moscow)</i>	
Features of the Declination of Proto-Slavic Consonant Stems of the Masculine Gender in Carpatho-Ukrainian Dialects.....	170
<i>Tolstaya M. N. (Moscow)</i>	
On the Use of Perfect Auxiliaries in Carpathian Ukrainian Dialects.....	189

Lexicology and Lexicography

<i>Ananyeva N. E. (Moscow)</i>	
Polish and Russian Dialectal Eponyms Nominating Representatives of the Animal World.....	204
<i>Bolshakova N. V. (Pskov)</i>	
Lexical and Semantic Correspondences in Pskov-Belorussian Border Region.....	215
<i>Kolesnikova E. V. (Moscow)</i>	
The Semantics of the Adjective <i>sivyy</i> in Russian Dialects.....	225
<i>Mayorov A. P. (Moscow)</i>	
Dialect Words in Historical Dynamics.....	238
<i>Myznikov S. A. (St. Petersburg — Moscow)</i>	
Vocabulary of the Seal Hunting Industry in the White Sea Region.....	253
<i>Nefedova E. A. (Moscow)</i>	
Lexical and Semantic Variance in the Aspect of the Dynamics of Modern Dialects	266

Ethnolinguistics. Linguoculturology

<i>Kryuchkova O. Yu., Zhandarova A. N. (Saratov)</i> Verbalization of Cultural identity in the Speech of Dialect Speakers.....	274
<i>Surikova O. D. (Ekaterinburg)</i> Semantic Microsystems in the Folk Calendar as a Mnemonic Tool (based on data from the Kostroma region).....	285
<i>Tolstaya S. M. (Moscow)</i> One Type of Chrononyms in the Russian Folk Calendar.....	299

Linguistic Geography and Historical Dialectology

<i>Galinskaya E. A. (Moscow)</i> Repetition of Preposition in Southern Russian Dialects	306
<i>Karmakova O. E., Bukrinskaya I. A. (Moscow)</i> Belozerye Dialects in Comparison with Other Northern Russian Dialects.....	314
<i>Pykhov V. A. (Moscow)</i> Maps of the Common Slavic Linguistic Atlas as a Source of Multifaceted Linguistic Information.....	334
<i>Sheveleva M. N. (Moscow)</i> On the Possessive Dative Case in Old Russian Texts and in Modern Russian Dialects.....	343

History of Science

<i>Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. (Moscow)</i> Moscow Dialectological School: Origins, Methods, and Development Prospects.....	356
<i>Gantsovskaya N. S. (Kostroma)</i> L. L. Kasatkin and the History of the Study of Kostroma <i>Akayushchy ostrov</i>	373
<i>Kalenchuk M. L. (Moscow)</i> Kasatkin — Orphoeapist.....	385

Etymology

<i>Varbot Zh. Zh. (Moscow)</i> On the Etymology of Several Dialecticisms from Kostroma Region	393
<i>Itkin I. B. (Moscow)</i> The Etymology of the Adjective <i>skrozekozny</i> Revisited.....	397
<i>Kurkina L. V. (Moscow)</i> Etymologies of Russian Dialecticisms (<i>trat', snytki, nateshit', otvoynyi</i>).....	402
<i>Shalaeva T. V. (Moscow).</i> On the Etymology of the Russian Words <i>cynup</i> [supir], <i>cyneп</i> [super] 'ring'	417

In memoriam

<i>Ilyin D. Yu., Tupikova N. A., Starodubtseva N. A. (Vologograd)</i> “Vologograd is a special city for me...” Remembering Meetings with Leonid Leonidovich Kasatkin.....	425
<i>Oglezneva E. A. (Tomsk)</i> “A breath of freshness and happiness...” About the Amazing Leonid Leonidovich Kasatkin	433

К 100-ЛЕТИЮ ЛЕОНИДА ЛЕОНИДОВИЧА КАСАТКИНА

В конце 2026 года исполняется сто лет со дня рождения Леонида Леонидовича Касаткина — крупного отечественного языковеда, доктора филологических наук, профессора, чьё имя неразрывно связано с Московской диалектологической и Московской фонологической школами. Его исследования охватывают самые разные области русистики — литературную и историческую фонетику, диалектологию и лингвogeографию, орфоэпию, графику, орфографию.

Леонид Леонидович Касаткин родился 30 декабря 1926 года в городе Фрунзе (ныне — Бишкек). Его отец был художником, мать — пианисткой. Детство будущего ученого пришлось на годы большого террора: в 1937 году отец был арестован и вскоре расстрелян, а мать осуждена на 10 лет исправительно-трудовых лагерей как жена врага народа. В феврале 1943 года Леонид Леонидович ушел добровольцем на фронт из 8-го класса школы, прибавив себе год в метрике, и успел принять участие в боевых действиях; от тех лет осталось тяжёлое ранение руки.

После демобилизации Леонид Леонидович окончил школу рабочей молодежи и в 1947 году поступил на русское отделение филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. После окончания университета в 1952 году несколько лет преподавал в вузах Моршанска и Борисоглебска. Любовь к живой народной речи он впервые почувствовал, когда повез студентов на диалектологическую практику, и эта экспедиция определила дальнейшее направление его научных интересов. В 1956–1959 годах Л. Л. Касаткин учился в аспирантуре Института русского языка АН СССР и в 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвящённую прогрессивному ассимилятивному смягчению задненёбных согласных в русских говорах (научный руководитель В. Г. Орлова); в 1968 году эта работа вышла в издательстве «Наука» отдельной книгой. Уже в этом труде проявилась особенность научного подхода Касаткина, которая в дальнейшем будет его визитной карточкой: диалектные данные он рассматривал не только как самоцель, но и как ключ к истории языка и общим проблемам фонологии.

С октября 1961 по январь 1974 года Леонид Леонидович работал младшим научным сотрудником ИРЯ АН СССР, принимал участие в составлении региональных диалектологических атласов и фонетического выпуска «Диалектологического атласа русского языка». В 1974 году сочувствие диссидентскому движению и независимая позиция стали причиной административного давления со стороны

руководства (в частности, со стороны тогдашнего директора Ф. П. Филина), и учёному пришлось покинуть институт. С 1976 года по 1990 г. Леонид Леонидович преподаёт в МГПИ имени В. И. Ленина сначала в должности доцента, а с 1987 года — профессора. С 1993 по 2004 год Леонид Леонидович занимает профессорскую должность в МГУ. Педагогическая деятельность не заслоняла исследовательской работы. Л. Л. Касаткин продолжал ездить в экспедиции, собирать и обрабатывать материал и готовить обобщающую монографию. Итогом стала защищённая в МГУ в 1986 году докторская диссертация, легшая в основу его главного фундаментального труда — книги «Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка» (М.: Наука, 1999). В декабре 1990 г. новый директор ИРЯ Ю. Н. Караулов предложил Леониду Леонидовичу вернуться в родной институт. Сначала Касаткин работал ведущим научным сотрудником, а с 1998 года стал заведующим отделом диалектологии и лингвистической географии, которым руководил до 2012 года.

Теоретические работы Л. Л. Касаткина по литературной и диалектной фонетике продолжают и развивают идеи Московской фонологической школы. Перечень основных книг Леонида Леонидовича показателен уже сам по себе. Помимо ранней монографии 1968 года, это вузовский учебник «Русская диалектология» под его редакцией (М.: Просвещение, 1989; переиздания — М.: Академия, 2005, 2012), «Краткий справочник по современному русскому языку», написанный вместе с Е. В. Клобуковым и П. А. Лекантом (М.: Высшая школа, 1991), коллективная «Звучащая хрестоматия» южнорусских говоров (М.: Наука, 1999), «Фонетика современного русского литературного языка» (М.: Изд-во МГУ, 2003) и др. Итогом многолетней совместной работы с М. Л. Каленчук и Р. Ф. Касаткиной стал «Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и её варианты», за который в 2016 году авторский коллектив был удостоен премии им. А. С. Пушкина РАН. Особое место в поздних работах Л. Л. Касаткина заняло изучение языка и культуры русских старообрядцев. В 2008 году по инициативе Леонида Леонидовича при Международном комитете славистов была создана Комиссия по исследованию старообрядчества, которую он возглавлял с 2008 по 2020 год. Параллельно, с 2012 года и до конца жизни, он руководил и соответствующим центром, созданным при ИРЯ РАН.

Благодаря организаторской энергии Леонида Леонидовича с начала 2000-х годов отдел диалектологии ежегодно получал гранты на полевые исследования, этот период отмечен большим количеством масштабных диалектологических экспедиций. По его инициативе в 2002 году было возрождено серийное издание «Материалы и исследования по русской диалектологии», продолжившее традицию сборников, выходивших в ИРЯ АН СССР в конце 1940-х и в начале 1960-х годов. Тогда же, после многолетнего перерыва, возобновились регулярные Международные конференции «Актуальные проблемы русской диалектологии», которые проводятся каждые три года. Л. Л. Касаткин тонко уловил появившийся в начале XXI века общественный запрос и призывал не просто собирать материал русских говоров по академическим программам, но и записывать тексты, в которых отразилась жизнь

русского крестьянина, его беды и тяготы, трагические события XX в. В результате появилась книга «Русская деревня в рассказах ее жителей» (под ред. Л. Л. Касаткина), которая стала бестселлером. По ней в театре «Практика» был поставлен очень тепло встреченный зрителями спектакль «Бабушки», на премьеру которого пригласили и Леонида Леонидовича.

Л. Л. Касаткин был талантливым преподавателем, блестяще читал лекции, слушатели отмечали виртуозное владение русским литературным языком. Его доклады всегда были понятны и вызывали неизменный интерес. Он умел просто говорить о сложном. Прекрасный редактор, он тонко подмечал недостатки текста и помогал формулировать, выделять важное. Его всегда отличал безупречный внешний вид, Леонид Леонидович любил красивые вещи, музыку, особенно русские романсы, был замечательным фотографом.

Заложенные Л. Л. Касаткиным традиции научной работы продолжают жить в исследованиях его учеников и коллег. Настоящий сборник — дань памяти ученому, столетие которого мы отмечаем.

*С благодарностью,
отдел диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН*

ФОНЕТИКА. ИНТОНАЦИЯ

С. В. Дьяченко¹, С. В. Князев²

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

svet-lan-a@list.ru¹, svknia@gmail.com²

ФРАЗОВАЯ ПРОСОДИЯ МОСАЛЬСКОГО ГОВОРА: ЗАПАД ИЛИ ВОСТОК?

В просодической системе исследованного нами говора д. Берно Мосальского района Калужской области представлены два «нисходящих» тональных акцента — L^* и $H+L^*$, различающихся таймингом. Первый из них употребляется для оформления утверждений с широким фокусом и «шляпных» вопросительных конструкций с вопросительным словом, а второй используется в утверждениях с контрастным фокусом, императиве и одноакцентных частных вопросах. Эта ситуация почти аналогична литературной русской, с той лишь разницей, что оба эти акцента в мосальском говоре «смещены влево» по сравнению с литературными, то есть характеризуются более ранним таймингом.

Что касается основного восходящего акцента, служащего для оформления общего вопроса, переспроса и незавершенности, то ситуация в Берне выглядит существенно сложнее. Можно считать, что он тоже смещен влево относительно литературного (где повышение частоты основного тона наблюдается на всем ударном слоге), если интерпретировать его как H^* аналогично оскольским, смоленским и др. южнорусским говорам. Однако углубленный анализ показывает, что можно считать основным восходящим тональным акцентом в Берне более архаичный «ступенчатый» $H^*+^{\wedge}H^*$, поскольку есть основания рассматривать монотональный высокий H^* и восходяще-нисходящий $L+H^*$ как его (более поздние) фонетические варианты.

Яркой просодической особенностью говора является «толчок» — редкое в русском языке явление ларингализации ударного гласного, фонетически аналогичное датскому *stød* и служащее одним из фонологических коррелятов противопоставления «ступенчатых» восходящих тональных акцентов $H^*+^{\wedge}H^*$ и L^*+H^* .

В лингвогеографическом плане просодические особенности говора позволяют в целом охарактеризовать его как промежуточный между восточными и западными русскими диалектами.

Ключевые слова: южнорусские говоры, фонетика, фразовая интонация, тональный акцент

1.1. Мосальские говоры: краткая характеристика

Говоры вокруг Мосальска довольно хорошо изучены: на рубеже XIX–XX вв. экспедиции в эти говоры совершили выдающиеся учёные А. А. Шахматов и О. Брок, в результате чего появились довольно подробные описания фонетики, грамматики и даже интонации мосальских говоров [Шахматов 1897; Брок 1916]. Примерно через сто лет, в конце XX века, экспедицию «по следам О. Брока» предпринял А. М. Красовицкий, по сделанным им аудиозаписям Л. Л. Касаткиным было составлено ещё одно описание, сосредоточенное на предударном вокализме мосальских говоров [Касаткин 1999: 434–448].

Упомянутые работы свидетельствуют о том, что с точки зрения вокализма мосальские говоры неоднородны: при том, что во всех них фиксируется пятифонемный ударный вокализм и диссимилятивное аканье жиздринского типа, предударный вокализм после мягких согласных различен — в одних населённых пунктах это жиздринское яканье (с. Ивонино, «подмосальское», по выражению О. Брока, а сейчас полностью вошедшее в состав Мосальска с северной стороны, а также д. Сельцо-Кольцово немного к северу от Мосальска), в других — суджанское (сёла Кобылье-Спасское и Котово, окрестности Силькович, Спас-Деменск, Теплово, Шелохи, Сельцо — все пункты к западу и юго-западу от Мосальска). Данные Диалектологического атласа русского языка подтверждают существование на территории Мосальского района говоров с жиздринским и суджанским типами диссимилятивного яканья [ДАРЯ 1986: карта 8].

В соответствии с описанием О. Брока, ивонинский говор характеризуется следующими особенностями консонантизма: так называемое «длительное» (фрикативное) [γ], оглушающееся в [x]; [xv] на месте /ф/; взрывной элемент у [ч'] «выступает более или менее слабо», а зачастую и вовсе исчезает, оставляя только [ш']; долгий твёрдый [шш]: [шш́у́ка]; утрата конечного [т'] в сочетании *-сть*: [н'ес'], [кос']; губно-губной [w] в начале и [ў] — в конце слов, при этом мягкий губно-зубной [в']; предлоги *в* и *у*, а также приставки *в-* и *у-* совпадают и реализуются перед следующим согласным в звуке [у] после согласных или в начале фразы и в звуке [ў] после гласных, перед следующим гласным — сочетанием [uw] [Брок 1916: 11–15].

Некоторые особенности в области именного словоизменения ивонинского говора: совпадение форм Р. и Д. пп. существительных с твёрдой основой и Р., Д. и М. пп. существительных с заднеязычной и мягкой основой склонения на *-а*, *-ја*: *нет совы́* и *говорит жёнѣ*; *нет ногѣ*, *к ногѣ*, *на ногѣ*; *нет землі*, *к землі*, *на землі*; формы мн. ч. от сущ. *сын* — *сы́нья*, *сынóв*, *сынѣм* и т. д.; от сущ. *зять* — *зятьѣ*, *зятьёв*, *зятьѣм*, *зятьѣми*, *зятьѣх*; от сущ. *муж* — *мужѣ*, *мужѣёв*, *мужѣм* и т. д.; некоторые

диалектные формы существительного *гость*: Р. п. *гостья́*, Д. п. *гостью́*, Тв. п. *гостьё́м*, мн. ч. *гостья́, гостей́, гостья́м, -а́ми*, М. п. *гостёх* (эта форма отмечена и как Р. п.: *из гостёх* при *из гостей́*); ещё М. мн. ч. на *-ох*: *козтёх, зверёх*; мн. ч. от сущ. на *-онок* образуется с помощью суффикса *-ат-* и флексии *-ы*: *жеребяты, гусеняты* и т. п.; формы Р., Д., В. и М. пп. местоимения *я* — *минé*; местоимения *ты* — *тибé*, но в Д. п. возможна форма *табé*; в окончаниях Р. п. местоимений *он, оно, мой, твой, кто, что* и т. п. вариативны согласные [w]/[ɣ]: *яwó* и *яyó* [Там же: 33–37].

Говор Кобыля-Спасского и Котова в плане консонантизма почти полностью идентичен говору Ивонина, однако есть и некоторые отличия: например, в нём чаще произносится губно-зубной [w], чем билабиальный [w] [Там же: 48–50]. В области именного словоизменения эти говоры тоже различаются: в частности, в Кобыльем при совпадении Р. и Д. пп. существительных на *-а, -я* с твёрдой основой в форме *сестры́* отмечено ещё и совпадение Р., Д. и М. пп. в форме *сестрэ́* [Там же: 66].

Те же особенности характеризуют и говор Сильковичской волости и более юго-западные, находящиеся почти на границе с Жиздринским уездом говоры Семиревской волости, также обследованные О. Броком [Там же: 89–98, 101–104].

Говор Спас-Деменска и его окрестностей, в целом очень похожий на уже описанные, характеризуется и некоторыми отличительными чертами: например, в нём отмечено «соканье», то есть утрата смычки звуком [ц], переход его в [с] ([сónса] ‘солнце’, [аўсá] ‘овца’ и т. п.) [Там же: 105–107].

Спустя столетие после экспедиций А. А. Шахматова и О. Брока и четверть века после экспедиции А. М. Красовицкого, летом 2023 года, сотрудники ИРЯ РАН С. В. Дьяченко и А. В. Малышева и ИЯз РАН И. И. Исаев¹ также обследовали несколько деревень Мосальского района. В частности, был изучен говор д. Берно́ (сельское поселение Воронино) Мосальского района Калужской области (в 6 км к югу от Мосальска), в котором было записано более 6 часов звучащей речи от информантов ШАВ1939 и МВИ1942². Описание ударного и предупредного вокализма говора, сделанного по этим материалам, см. в [Дьяченко, Колесникова, Пилипец 2024: 96–130]. Анализ аудиозаписей этих двух информанток показал, что в их речи очень хорошо сохраняется диссимилятивное аканье жиздринского типа, при котором перед ударным гласным [а] наблюдается краткий предупредный гласный типа [ɘ], иногда более высокого подъёма типа [ы], а в позиции после губных согласных этот гласный приобретает значительную степень лабиализации и приближается к [о] (как [о] он воспринимается и на слух, а его первая и вторая форманты расположены очень близко друг к другу, что свидетельствует об огубленности). Наличие огубленного гласного в позиции перед ударным [а] в говорах Кобыля-Спасского, Котова, Спас-Деменска и других населённых пунктах к юго-западу и западу от Мосальска (но не в Ивонине, то есть не севернее Мосальска) было отмечено и О. Броком, который называл это явление «новым» оканьем [Брок 1916: 52–53].

¹ В записи принимали участие студенты МГУ А. Б. Колесникова и П. А. Пилипец.

² Здесь и далее буквы соответствуют инициалам информантов, цифры — году их рождения.

Инструментальный анализ длительности и качества предударных гласных после твёрдых согласных показал, что предударный гласный (типа [ъ]) перед ударным [а] на 25–40 мс короче, чем предударный гласный (типа [а]) перед прочими ударными, а значения его F_1 на 150–300 Гц меньше. Кроме того, наблюдается некоторая разница в длительности предударного гласного (типа [а]) перед ударными гласными среднего и верхнего подъёма: предударный гласный тем длиннее, чем выше подъём ударного гласного, перед которым этот предударный находится. Контраст по длительности между этими предударными гласными, однако, довольно небольшой: от 2 до 13 мс. В отношении тембра предударные гласные перед ударными ненижнего подъёма не проявляют значимых различий. Однако в целом все предударные гласные (включая предударные перед ударным [а]) у информантки МВИ1942 несколько более низкого подъёма, чем у информантки ШАВ1939.

Система вокализма после мягких согласных в Берне определяется как суджанское яканье. У ШАВ1939 этот тип выдерживается очень последовательно, у МВИ1942 есть ряд отклонений: она произносит предударный [и] перед ударными гласным верхнего подъёма (типа [т'ипл'иць]). Любопытно, что у обеих информанток обнаружилось ровно два исключения из системы суджанского яканья, которые характеризуются произношением предударного гласного [а] после мягких согласных перед ударным [е] из **ъ*, если этот [е] находится в окончании существительных: [у б'арн'е] и [нъ з'амл'е], при том что эти же словоформы ими же могут произноситься с предударным [и], а все остальные имеющиеся в записях слова с ударным [е] из **ъ* произнесены только с предударным [и] (в соответствии с системой суджанского типа яканья). Подобных примеров нет ни в одном из предыдущих описаний вокализма мосальских говоров с таким типом яканья, объяснить происхождение этих примеров затруднительно. Консонантизм, представленный в речи этих двух информанток, в целом соответствует описанному О. Брокком: фрикативный [γ], оглушающийся в [х] на конце слова, губно-губной [w] и т. д., однако утраты смычки аффрикатами у них отмечено не было (при том, что, по свидетельству ШАВ1939, у более старшего поколения жителей Берна и близлежащих сёл, то есть у поколения бабушек-дедушек и родителей наших нынешних информанток, эта черта прежде присутствовала).

Результаты инструментального анализа гласных первого предударного слога после мягких согласных позволяют продемонстрировать разницу между *а*-образным и *и*-образным гласными: у информантки ШАВ1939 первый имеет длительность 103–115 мс, второй — 69–79 мс, первый — нижнего подъёма с F_1 591–645 Гц, второй верхнего подъёма с F_1 388–424 Гц. Как и при аканье, в позиции первого предударного слога наблюдается некоторое уменьшение длительности *а*-образного гласного с понижением подъёма ударного гласного, перед которым он произносится. При этом выяснилось, что у МВИ1942 в гораздо меньшей степени выражен контраст между [а] и [и] в отношении их длительности, чем у ШАВ1939: длительность предударного [а] 73–85 мс, а предударного [и] 62–80 мс. Однако эти гласные противопоставлены качественно: F_1 предударного [а] составляет 591–689 Гц,

F₁ предударного [и] — 413–453 Гц. Кроме того, в нескольких примерах в позиции перед ударным [а] у МВИ1942 отмечен предударный [е] — звук, по длительности такой же, как предударный [и], но по качеству занимающий промежуточное положение между [и] и [а], значения его F₁ в среднем составляют 520 Гц. Учитывая эти обстоятельства, можно полагать, что идиолект ШАВ1939 представляет собой довольно сохранную версию, а идиолект МВИ1942 демонстрирует начало разрушения суджанского яканья.

1.2. Интонация мосальских говоров: О. Брок

В ходе работы над проектом «Просодия русских диалектов» [Князев, Мороз, Дьяченко 2024] нами была исследована фразовая просодия этого мосальского говора. Одним из факторов, способствовавших выбору для описания именно этого идиома, было то обстоятельство, что в названной выше работе 1916 г. её описывал и Олаф Брок.

Общие представления о просодии были сформулированы им несколько ранее: «246. Музыкальныя движенія связной рѣчи представляют собой компромисъ интонацій подчиненныхъ единицъ (слога, слова) съ мысленной интонаціей (мотивомъ) предложенія. Первые находимъ, когда слово выговаривается про себя, лишь какъ понятіе, безъ той окраски, того построенія, той страсти, которыя могутъ въ разговорѣ превратить и отдѣльное слово въ «предложеніе». Главныя лініи мысленной («идеальной») интонаціи предложенія можно представить себѣ посредствомъ сравненія предложеній разнаго характера или смысла (разсказъ: вопросъ; спокойный вопросъ: досадный или горячій вопросъ и т. д.); удобнѣйшими для воспроизведенія этихъ ліній представляются, конечно, предложенія разнаго характера, при вполнѣ или приблизительно тождественномъ составѣ словъ...

Первичнымъ считаю вообще направленіе мысленной тонной лініи предложенія; величина интерваловъ играетъ, по моимъ наблюденіямъ надъ славянскою рѣчью, скорѣе роль вторичную, находясь въ зависимости отъ личности, отъ настроенія, отъ энергіи говорящаго или его словъ; поэтому часто можно абсолютную величину интерваловъ оставить просто въ сторонѣ — хотя иногда именно ихъ величина имѣетъ значеніе для смысла, такъ что нельзя ее обойти. Но и въ послѣднемъ случаѣ можно довольствоваться опредѣленіемъ относительнаго разстоянія (квинта, малая терція, секунда и т. д.); съ опредѣленными гаммами или скалами встрѣчаемые мотивы (иногда, можно сказать, мелодіи) повидимому не связаны, по крайней мѣрѣ, не тѣсно: они транспонируются произвольно по ситуаціи и личности, а можетъ быть, отчасти даже по собственному звуку начинающаго слога — вообще въ зависимости отъ факторовъ еще не изслѣдованныхъ» [Брок 1910: 226–227]. Таким образом, О. Брок считал, что в русском языке существует особая словесная просодия³, которая в той или иной степени подавляется фразовой. Однако в качестве словесной он описывает скорее «нейтральную» интонацию утверждений с широким информационным фокусом.

³ См., впрочем, описание русской словесной просодии в [Кодзасов 2009: 271–360].

Далее О. Брок характеризует просодические различия между южнорусскими и севернорусскими говорами (и тем языковым вариантом, который сейчас мы называем литературным): «<247.> Напримѣръ, для извѣстныхъ южновеликорусскихъ говоровъ указана мною интонація слова съ пониженіемъ тона въ ударяемомъ слогѣ и съ возвышеніемъ его въ слогѣ предшествующемъ. <...> Можетъ быть, такая особая интонація слова развилась сначала подѣ влияніемъ интонаціи предложенія. Такъ, и въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ, и въ образованной русской рѣчи встрѣчаются случаи интонаціи слова, подобные упомянутому южновеликорусскому типу, т. е. съ пониженіемъ тона въ традиціонно ударяемомъ слогѣ; но эти случаи представляютъ, очевидно, интонацію извѣстнаго типа предложенія, <...> и потому наводятъ на мысль, что такимъ же путемъ развилось также пониженіе тона въ ударяемомъ слогѣ южнорусскихъ говоровъ. <...> 248. Освобождая интонацію слова отъ вліянія «предложенія», замѣчаемъ въ образованной великорусской рѣчи, что ударяемый слогъ обыкновенно выговаривается въ высшемъ тонѣ, при чемъ тонъ внутри самаго слога склоняется вообще къ легкому повышенію» [Брок 1910: 228].

Относительно севернорусской интонации О. Брок отмечает следующее: «Объ интонаціи нужно сказать, что и она не отличается, в Паньковѣ и окрестныхъ говорахъ, по скольку я слышалъ, замѣтнымъ образомъ отъ той картины, в которой рисуется мне интонація образованного русскаго въ спокойной рѣчи. <...> Въ повѣствовательныхъ, а еще болѣе въ вопросительныхъ выраженіяхъ ударяемый слогъ получаетъ обыкновенно, какъ цѣлость, нѣсколько высшій тонъ, чѣмъ окружающіе, а внутри самого ударяемого притомъ находимъ ясную склонность къ извѣстному не сильному повышению тона; число слоговъ слова остается повидимому безъ вліянія на эту черту языка. Въ утвердительныхъ, а также въ повелительныхъ выраженіяхъ замѣтна, напротивъ, склонность отдѣлять ударяемый слогъ отъ окружающихъ низшимъ тономъ, какъ обыкновенно в Россіи, можно, напримеръ, передать «посмотри», *posmotri* условною картиною

Внутри ударяемого слога въ такомъ случаѣ повидимому нѣтъ повышения тона, а если есть, такъ оно во всякомъ случаѣ весьма незначительно» [Брок 1907: 19–20].

Анализируя просодию мосальскихъ говоров, О. Брок отмечает: «По моимъ наблюденіямъ, вообще съ новымъ, скорѣйшимъ темпомъ соединяется рѣзкая пере мѣна въ интонаціонныхъ отношеніяхъ. <...> Интонація новаго образа рѣчи согласуется болѣе или менѣе съ московской: въ спокойной, особенно въ сообщающей рѣчи, безъ особеннаго аффекта, неударяемые слоги держатся въ довольно ровномъ тонѣ, а ударяемые выдвигаются обыкновенно болѣе высокимъ тономъ, склоняющимся внутри слога къ дальнѣйшему слабому повышенію. Что ударяемый слогъ нерѣдко, особенно при подтверждающемъ смыслѣ или около окончательной паузы, вмѣсто повышения выдвигается явнымъ пониженіемъ тона, не разстраиваетъ, конечно,

указаннаго общаго хода и впечатлѣнія, — оно опять согласуется съ общеизвѣстными чертами, напр. московскаго произношенія. <...> *Старинный* же образъ рѣчи соединяется съ своеобразной интонаціей, ярко характеризующей говоръ, и, вообще, рѣчь всей окрестности. Удареніе, падающее на первый слогъ слова, можно назвать высокотоннымъ и нисходящимъ; оно довольно похоже на сербское <...>. А если удареніе лежитъ не на первомъ слогѣ, — типичная форма интонаціи такая, что слогъ *передъ* ударяемымъ имѣетъ высокій тонъ, между тѣмъ какъ ударяемый слогъ выговаривается на значительный интервалъ ниже. <...> Интонаціонныя отношенія отдѣльныхъ словъ подвергаются, конечно, и при этомъ образѣ рѣчи всяческимъ измѣненіямъ въ связи рѣчи, въ пользу интонаціи предложенія. Нерѣдко интонація слова, маловѣснаго, изглаживается въ болѣе или менѣе ровный тонъ <...>; или интонація предложенія требуетъ перемѣны повышенія на пониженіе, или обратно. Однако, спокойное, сообщающее произношеніе позволяетъ и въ связныхъ предложеніяхъ отчетливо узнавать указанную, старинную интонацію слова; она проявляется ярко въ тѣхъ частяхъ предложенія, которыя выступаютъ логически; особенно часто, пожалуй, въ концѣ выраженія, передъ паузой. <...>

Послѣднюю, столь характерную интонацію слова можно сравнить съ движеніемъ тона, напр., въ московскомъ подтвердительномъ «была» (˙ ˙) какъ отвѣтъ на вопросъ «она у васъ была?», или «не могу» (˙ ˙ ˙ или ˙ ˙ ˙) въ отвѣтъ на «не можете?», «во дворѣ» въ отвѣтъ на «гдѣ онъ?», и под. Дѣйствительно, рассказъ въ старомодномъ, спокойномъ, «поющемъ» образѣ произношенія описываемаго говора, и всей окрестности, съ сильной склонностью повышать тонъ предударнаго и понижать тонъ ударяемаго слога, невольно наводитъ мою мысль на рядъ — скажемъ осторожно подтверждающихъ отвѣтовъ на подразумеваемые вопросы; вотъ приблизительно иллюстрація моего, конечно чисто-субъективнаго впечатлѣнія. Эта старомодная интонація — вмѣстѣ съ сильнымъ удлиненіемъ извѣстныхъ предударныхъ слоговъ, см. ниже — сохраняется особенно у старыхъ людей. Однако, въ обыденной рѣчи она еще сильно замѣтна у молодыхъ, очень сильно напимѣръ у дѣтей. Она замѣтна даже у дѣтей образованныхъ семей, вслѣдствіе вліянія мѣстной прислуги. Но, какъ сказано, она борется съ вторгающимся типомъ интонаціи столичнаго говора, и повидимому все болѣе уступаетъ свое мѣсто послѣднему» [Брок 1916: 7–9].

1.3. Фонологическая модель описания просодии

В современной интонологии, опирающейся преимущественно на автосегментно-метрическую фонологическую модель интонации [Pierrehumbert 1980; Beckman, Pierrehumbert 1986; Beckman et al. 2005], просодия описывается с точки зрения выделяемых в том или ином языке **просодических единиц** и ассоциированных с ними **тональных явлений**.

Просодические единицы образуют своего рода континуум от минимальных до самых крупных: мора (M) — слог (Syl) — стопа (F) — лексическое слово в роли просодической единицы (Wd) — фонетическое слово (prosodic word, PrWd) — акцентная группа (accentual phrase, AP) — синтагма (intermediate phrase, ip) — фраза (intonational phrase, IP) — высказывание (utterance, Ut).

Тональные просодические явления подразделяются на лексические (слоговые и словесные тоны) и постлексические (фразовые), собственно интонационные, ассоциированные с единицами, большими чем слово:

1. **тональные акценты** (pitch accents, обозначаются астериском: [N*]), служащие для выделения одной из единиц в ряду подобных;
2. начальные и конечные **пограничные тоны** (boundary tones, [%N, N%]), маркирующие границы между единицами;
3. **фразовые тоны** (phrase accents, [N-]), связывающие тональные акценты и пограничные тоны и/или предъядерные акценты с ядерными.

В системе просодической нотации ToBI [Pierrehumbert 1980; Beckman, Hirschberg 1994; Beckman, Elam 1997] N может принимать различные значения: стандартное описание предполагает использование двух тонов: высокого (H) и низкого (L), в большинстве просодических описаний языков мира используются именно они [Jun 2005; 2014]. В тех случаях, когда возникает необходимость введения промежуточного значения — например, для конечных пограничных тонов в испанском языке, — может использоваться символ среднего тона (M%) или (чаще) применяться нотация с использованием знака !H% (даунстеп с высокого) [Estebas-Vilaplana et al. 2015]. Знак ^, наоборот, маркирует акцент, реализующийся на более высоком уровне, чем предшествующий (upstep). Контурные тоны в этой модели обозначаются с использованием символа «+»: восходящий — [L+H], нисходящий — [H+L].

Таким образом, акценты могут быть монотональными (например, H* — высокий уровневый тон, L* — низкий уровневый тон) и битональными (контурными, скользящими), например, нисходящие H+L и восходящие L+H. В битональных акцентах астериском маркируется тот тон, который наиболее последовательно ассоциирован с ударным слогом акцентоносителя (сильный тон, ‘leading’) в отличие от слабого тона (‘trailing’), который может быть реализован и за пределами ударного слога. Например, нисходящие акценты H*+L и H+L* отличаются друг от друга **таймингом** (характером синхронизации с окном ударного слога или ударного гласного): падение тона в H*+L начинается и заканчивается позже (обычно начинается на ударном гласном и заканчивается в финали ударного слога или инициали следующего), чем в H+L* (чаще начинается в инициали ударного слога или на предударном и заканчивается на ударном гласном); аналогично различие между L*+H (более поздний тайминг) и L+H* (более ранний). В этом смысле тайминг является все более поздним в последовательностях L* H+L* H*+L и H* L+H* L*+H.

Тональные акценты подразделяются также на ядерные (**nuclear accent**), несущие основную коммуникативную нагрузку в пределах синтагмы или фразы, и предъядерные (**prenuclear accent**), при этом одни исследования демонстрируют систематическую роль предъядерных акцентов в передаче элементов информационной структуры высказывания [Baumann et al. 2007; Féry, Kügler 2008; Braun, Biezma 2019], другие указывают на то, что эти акценты в некоторых случаях могут выполнять только ритмические [Calhoun 2010; Chodroff, Cole 2018], «орнаментальные» [Büring 2007] функции [Дурягин 2021: 156]. В конкретных фонологических

описаниях на базе ToBI дефолтные предъядерные акценты обычно не фиксируются: «if a language has a default pre-nuclear pitch accent occurring in almost all content words (e. g. Greek, Spanish), we may not need to label the pitch accent but only label non-default pitch accent» [Jun 2005: 451].

2.1. Утверждения с широким фокусом

Под термином «(информационный) фокус» обычно понимают новую и/или наиболее важную часть предложения или высказывания. В современной лингвистической теории принято разграничивать разные его типы, которые могут быть выражены синтаксически и/или просодически (причем в разных языках и в пределах одного языка способы его выражения могут быть различны) [Kiss 1998; Krifka 2008; Bianchi et al. 2013, 2016; Repp 2016; Dal Farra 2018; Cruschina 2019a,b, 2021].

В первую очередь, выделяются **широкий** («презентационный») фокус (маркирующий все предложение/высказывание, которое может быть ответом на вопрос типа *Что произошло?*) и **узкий** (относящийся к его составляющей). К разновидностям узкого фокуса относятся (в порядке увеличения степени контрастности)⁴:

- информационный (information) отмечается в ответах на вопрос с вопросительным словом, он маркирует введение новой информации в дискурс в случае выбора из контекстуально открытого набора возможностей:
 - — *Кто купил квартиру?*
 - — *Ее купил Ваня;*
- исчерпывающий или, точнее, исключающий (exhaustive) фокус, имеет место в случае идентификации одного варианта из набора существующих (зачастую при помощи выделительно-ограничительных частиц)⁵:
 - *Это именно Ваня купил квартиру!*;
- миративный (mirative) фокус маркирует контраст с ожиданиями участников диалога, когда происходят события, неожиданные для участников коммуникации:
 - *А Ваня вроде не работает, а купил квартиру!*;

⁴ Здесь мы воспроизводим классификацию, предложенную в [Bianchi, Bocci, Cruschina 2016: 5]: “The definitions outlined above simply make reference to the precise kind of contrast within the set of alternatives evoked by narrow focus: open contrast for information focus, explicit contrast for contrastive/corrective focus, contrast against expectations for mirative focus, and restrictive contrast for exhaustive focus”.

⁵ “Another type of focus that refers to the specific interpretation of the alternative’s contribution is **exhaustive** focus. It indicates that the focus denotation is the only one that leads to a true proposition, or rather more generally: that the focus denotation is the logically strongest that does so” [Krifka 2008: 259]; “**Exhaustive** focus can identify a unique referent from the context. The focused constituent is the only one that leads to a true assertion (or it is the strongest option to do so). In several languages such an interpretation can be obtained with some particles (see *solo* for Italian), whereas in others it can be obtained through focus fronting” [Bianchi, Bocci, Cruschina 2016: 45].

- контрастный (contrastive) реализует контраст между выделяемым компонентом и параллельными ему (в случае выбора из имплицитного ограниченного набора):
 - — *Я бы выпил кофе, но скоро спать ложиться.*
 - — *Тогда возьми смузи!*
- корректирующий (corrective) — маркирует выбор из эксплицированного в дискурсе закрытого набора (он может рассматриваться как подтип контрастного):
 - — *Нет, квартиру купил не Ваня, а Петя.*

В литературном русском языке в качестве просодических маркеров того или иного типа фокуса могут использоваться разные тональные акценты: для интонационного оформления информационного и широкого фокуса используется нисходящий акцент с более ранним таймингом, интерпретируемый нами как $H+L^{*6}$; исчерпывающего, контрастного и корректирующего — нисходящий акцент с более поздним таймингом, который мы интерпретируем как $H^{*}+L$, миративного — восходяще-нисходящий акцент, который мы анализируем как $L+H^{*7}$.

При этом до сих пор единого мнения о том, сколько именно типов фокуса существует и в какой степени грамматикализованы различия между ними, в лингвистике так и не сложилось. На этом основании в дальнейшем изложении мы будем использовать несколько упрощенную (по сравнению с приведенной выше) классификацию типов фокусов: основываясь именно на (грамматикализованных) просодических различиях, наблюдаемых в нашем материале, мы будем выделять

- широкий фокус в самом широком смысле, включая в это понятие и информационный вследствие идентичного просодического оформления этих типов высказывания, и
- узкий фокус с подразделением в случае необходимости на
 - контрастный/корректирующий,
 - миративный,
 - исключаящий.

2.1.1. «Однословные» высказывания

Под однословными мы понимаем высказывания с одним словесным ударением.

Во фразах с ударением на первом слоге, которых в южнорусских говорах не так много вследствие широкого распространения в них инициальных лексически безударных частиц [Князев 2025a], ситуация в Берне именно такая, как описана О. Брокком: на начальном слоге высказывания наблюдается восходяще-нисходящее

⁶ Используемые нами знаки просодической транскрипции приведены в Приложении.

⁷ В итальянском же языке, наоборот, $H^{*}+L$ маркирует миративный фокус, а $L+H^{*}$ — корректирующий [Bianchi, Bocci, Cruschina 2016: 9]).

движение тона. Добавим, однако, что падение ЧОТ завершается обычно до окончания ударного гласного, так что тон в его конце чаще всего ровный низкий — см. рис. 2.1.1, 2.1.2.

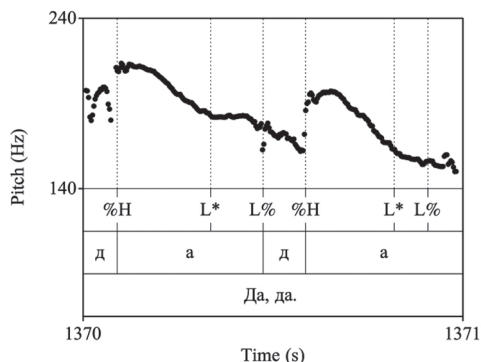

Рисунок 2.1.1. Кривая ЧОТ утверждения с широким фокусом *Да, да.* ШАВ1939-Берно

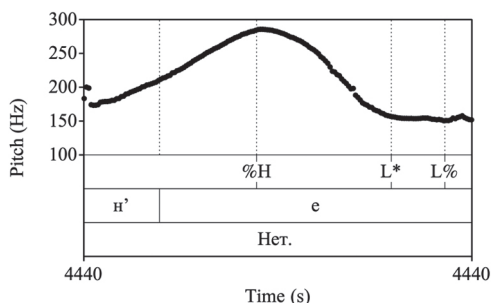

Рисунок 2.1.2. Кривая ЧОТ утверждения с широким фокусом *Нет.* ШАВ1939-Берно

Во фразах с ударением на втором слоге также много сходного с описанием О. Брока: на начальном слоге высказывания всё же наблюдается преимущественно восходяще-нисходящее движение тона (а не ровный высокий тон), на ударном тон ровный низкий, как это было отмечено и Броком — см. рис. 2.1.3, 2.1.4.

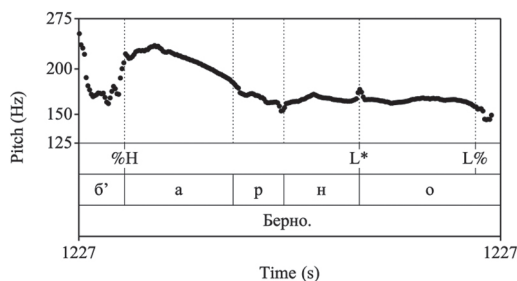

Рисунок 2.1.3. Кривая ЧОТ утверждения с широким фокусом *Берно́.* ШАВ1939-Берно

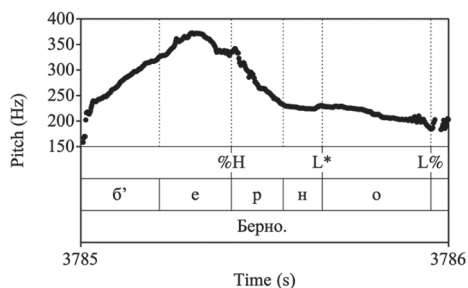

Рисунок 2.1.4. Кривая ЧОТ утверждения с широким фокусом *Берно́.* МВИ1942-Берно

В однословных высказываниях с ударением на третьем слоге на начальном слоге наблюдается обычно восходящее движение тона (а не ровный низкий тон, как это описано у Брока), на ударном может присутствовать отрезок ровного высокого тона (рис. 2.1.7, 2.1.8), но на нем же начинается (а зачастую и завершается) падение ЧОТ — см. рис. 2.1.5, 2.1.7, 2.1.8.

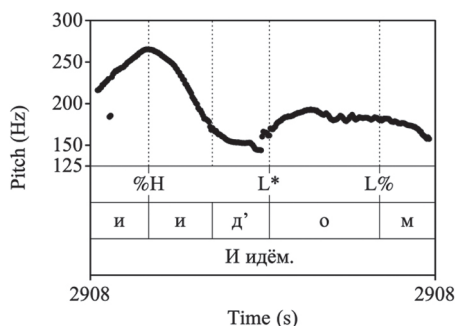

Рисунок 2.1.5. Кривая ЧОТ утверждения с широким фокусом *И идём.* ШАВ1939-Берно

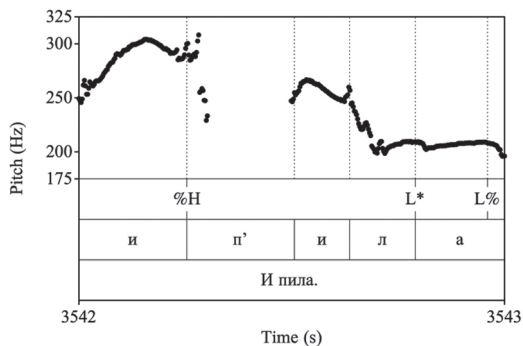

Рисунок 2.1.6. Кривая ЧОТ утверждения с широким фокусом *И пила.* МВИ1942-Берно

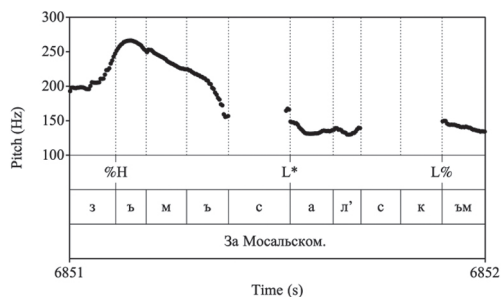

Рисунок 2.1.7. Кривая ЧОТ утверждения с широким фокусом *За Мосальском.* ШАВ1939-Берно

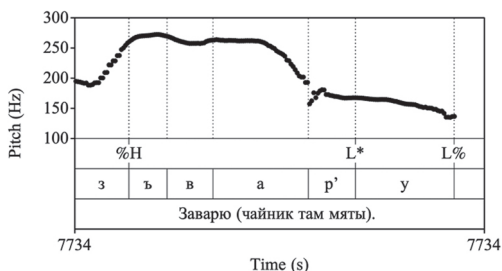

Рисунок 2.1.8. Кривая ЧОТ утверждения с широким фокусом *Заварю.* ШАВ1939-Берно

На основании изложенного выше мы предварительно интерпретируем этот контур как типичный для южнорусских говоров [Князев 2024б] %Н L* L%:

- высокий начальный пограничный тон +
- низкий уровневый тональный акцент (падение ЧОТ завершается до ударного слога словоформы-акцентоносителя⁸) +
- низкий конечный пограничный тон.

Однако в тех (очень редких) случаях, когда в «однословных» высказываниях ударение приходится на четвертый слог или далее, ситуация выглядит несколько сложнее: падение тона после повышения на начальном слоге происходит не сразу, как это обычно бывает в южнорусских говорах, а только на 1-м предударном гласном — см. рис. 2.1.9 и 2.1.10.

⁸ По крайней мере в случае закрытого предударного слога; если он открытый, заключительная часть понижения тона может приходиться на начало согласного инициала ударного слога.

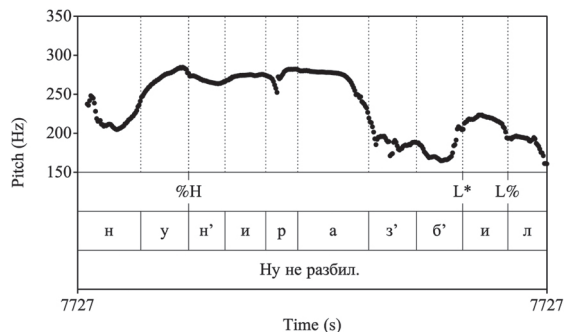

Рисунок 2.1.9. Кривая ЧОТ утверждения с широким фокусом *Ну не разбил.* МВИ1942-Берно

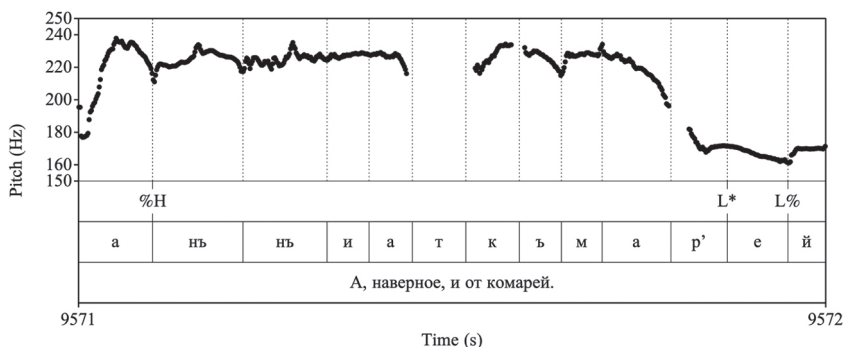

Рисунок 2.1.10. Кривая ЧОТ утверждения с широким фокусом *А, наверное, и от комарей.* ШАВ1939-Берно

2.1.2. Неоднословные высказывания

В неоднословных высказываниях ситуация чаще всего та же, что и в случае однословных с поздним ударением (см. рис. 2.1.11–2.1.14):

- повышение тона обычно приходится на ударный (а не начальный) гласный первого слова, поэтому мы интерпретируем его не как начальный пограничный тон, а как предъядерный восходящий акцент (L+)Н*;
- после этого сохраняется ровный высокий тон;
- затем в слоге, предшествующем ударному слогу словоформы, несущей ядерный акцент (вне зависимости от того, входит ли этот слог в состав словоформы-акцентоносителя), происходит падение ЧОТ (вновь заканчивающееся на нем же, если этот слог закрытый);
- на ударном слоге словоформы-акцентоносителя тон ровный низкий — L*;
- он сохраняется до конца фразы — L%.

Эти факты позволяют интерпретировать данный мелодический контур как «шляпный»: (L+)Н* Н- L* L%.

Рисунок 2.1.11. Кривая ЧОТ утверждения с широким фокусом
А у них дверь открыта. ШАВ1939-Берно

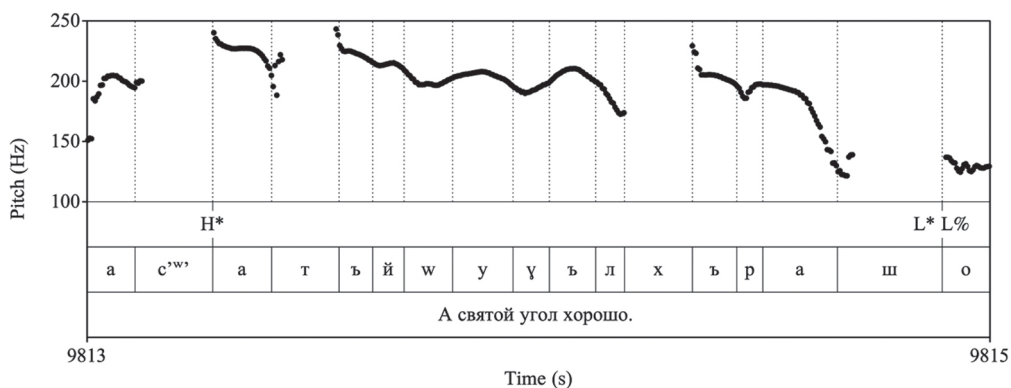

Рисунок 2.1.12. Кривая ЧОТ утверждения с широким фокусом
А святой угол хорошо. ШАВ1939-Берно

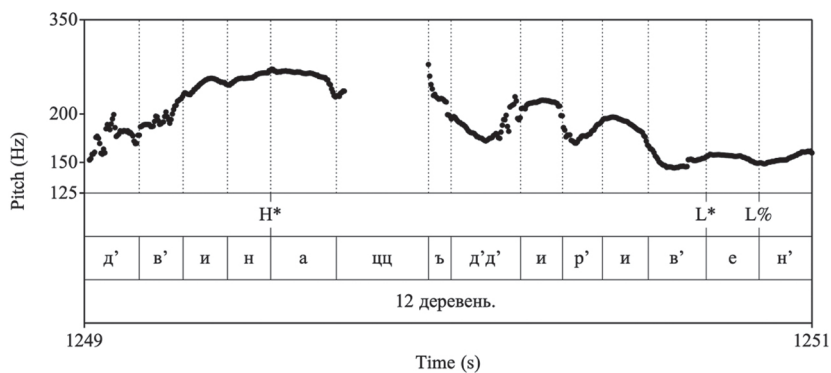

Рисунок 2.1.13. Кривая ЧОТ утверждения с широким фокусом
Двенадцать деревень. ШАВ1939-Берно

Рисунок 2.1.14. Кривая ЧОТ утверждения с широким фокусом
И они меня хотели излупить. МВИ1942-Берно

2.2. Утверждения с узким фокусом

На первый взгляд, утверждения с контрастным/корректирующим фокусом в Берне очень похожи на высказывания с широким фокусом, в первую очередь это касается однословных фраз с тональным акцентом на начальном слоге высказывания: на нем наблюдается восходяще-нисходящее движение тона, падение ЧОТ завершается обычно до окончания ударного гласного, так что тон в его конце чаще всего ровный низкий — см. рис. 2.2.1, 2.2.2.

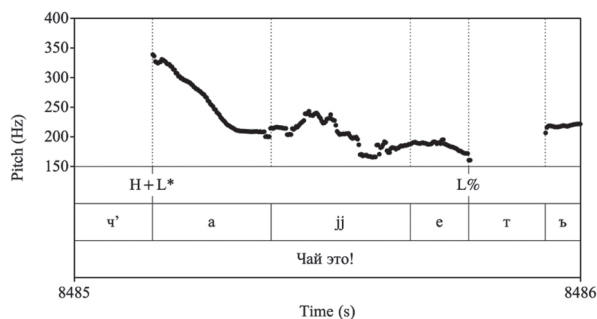

Рисунок 2.2.1. Кривая ЧОТ утверждения
с контрастным фокусом *Чай это!*
ШАВ1939-Берно

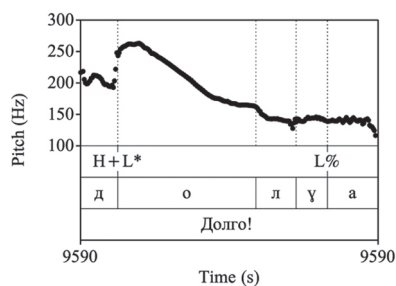

Рисунок 2.2.2. Кривая ЧОТ
утверждения с контрастным
фокусом *Долго!*
ШАВ1939-Берно

Однако в однословных высказываниях с ударением не на первом слоге картина отличается от той, что зафиксирована в утверждениях с широким фокусом: на начальном слоге наблюдается обычно восходящее движение тона (высокий пограничный тон %H), а падение ЧОТ начинается не на первом предударном слоге, а на

согласном инициали ударного слога, продолжается оно и в первой части ударного гласного, завершаясь в его середине, после чего сохраняется низкий ровный тон до самого конца фразы (низкий пограничный тон (L%) — см. рис. 2.2.3, 2.2.4. Таким образом, здесь мы имеем дело с другим тональным акцентом: не L*, как в утверждениях с широким фокусом, а H+L*. Как видим, эти два типа высказываний в говоре различаются, но оба тональных акцента, используемых при их просодическом оформлении, характеризуются более ранним таймингом, чем в литературном языке; по сравнению с ЛЯ они сдвинуты «влево», к началу фразы. Аналогичная картина зафиксирована нами и в русских говорах сел Краснолипые Репьёвского района и Татарино Каменского района Воронежской области [Князев, Дьяченко 2025]⁹.

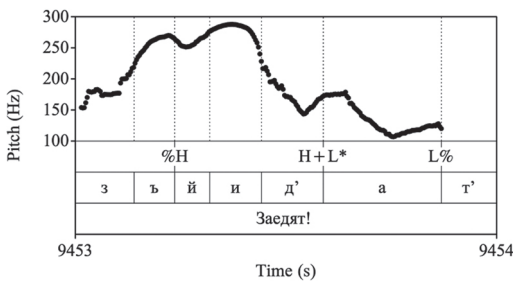

Рисунок 2.2.3. Кривая ЧОТ утверждения с контрастным фокусом *Заедят!* ШАВ1939-Берно

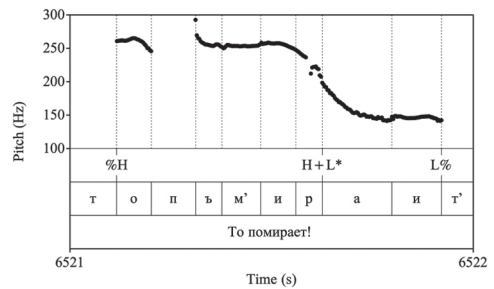

Рисунок 2.2.4. Кривая ЧОТ утверждения с контрастным фокусом *То помирает!* ШАВ1939-Берно

В неоднословных высказываниях с контрастным/корректирующим фокусом ситуация чаще всего та же, что и в случае однословных с поздним ударением (см. рис. 2.2.5–2.2.8):

- повышение тона обычно приходится на начальный или первый ударный гласный первого слова (высокий начальный пограничный тон или предъядерный восходящий акцент (L+)H*);
- после этого сохраняется ровный высокий тон;
- затем в инициали ударного слога словоформы, несущей ядерный акцент, начинается падение ЧОТ, продолжающееся на ударном гласном и завершающееся обычно в его середине, тон в его конце чаще всего ровный низкий; это нисходящий тональный акцент H+L*;
- низкий тон сохраняется до конца фразы — L%.

Эти факты позволяют интерпретировать данный мелодический контур как «шляпный»: (L+)H* H- H+L* L% или %H H+L* L%.

⁹ На этом основании можно предположить, что аналогичная картина может наблюдаться и в говоре села Роговатое Старооскольского района Белгородской области, для которого мы ранее постулировали, возможно, чрезмерно категорично, отсутствие нисходящих тональных акцентов [Князев 2024б]; этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

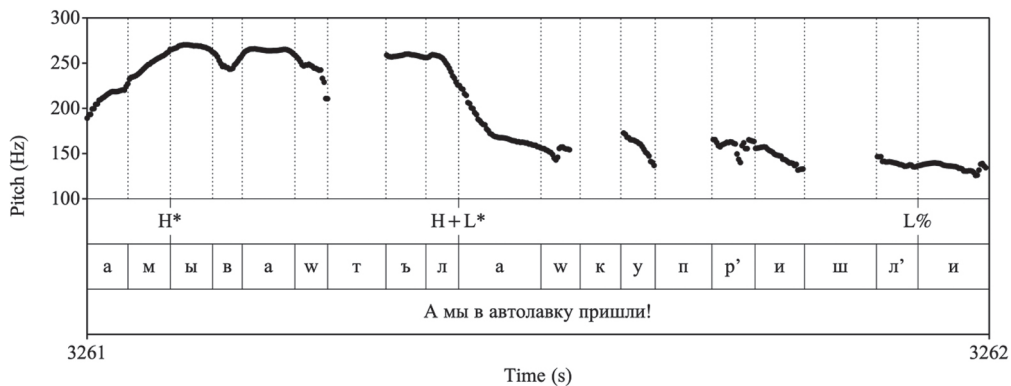

Рисунок 2.2.5. Кривая ЧОТ утверждения с контрастным фокусом
А мы в автолавку пришли! ШАВ1939 (д. Берно Мосальского р-на Калужской обл.)

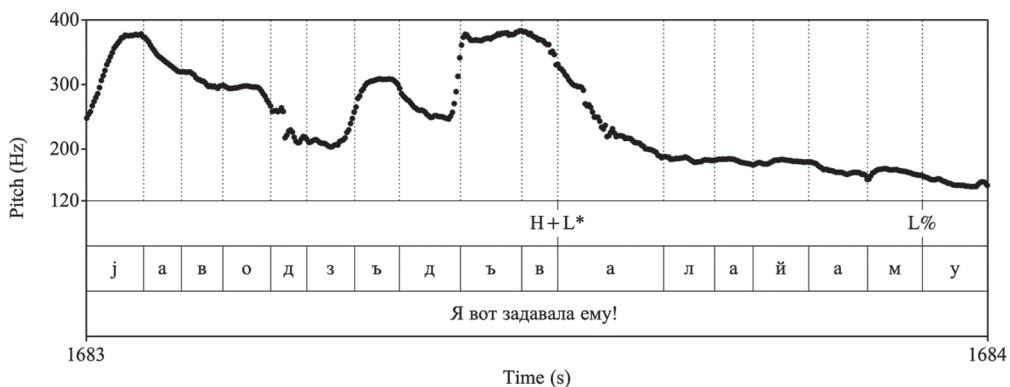

Рисунок 2.2.6. Кривая ЧОТ утверждения с контрастным фокусом
Я вот задавала ему! МВИ1942 (д. Берно Мосальского р-на Калужской обл.)

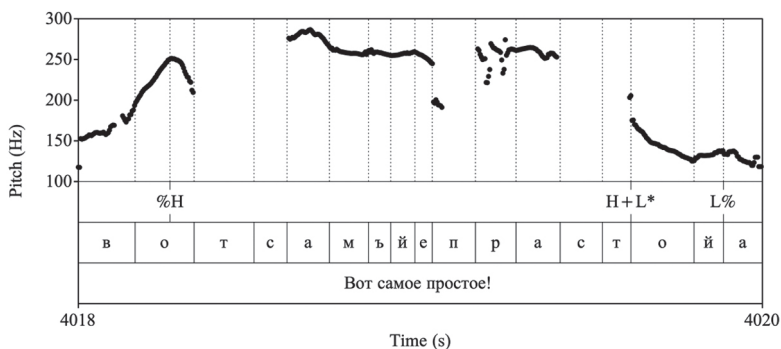

Рисунок 2.2.7. Кривая ЧОТ утверждения с контрастным фокусом *Вот самое простое!* МВИ1942 (д. Берно Мосальского р-на Калужской обл.)

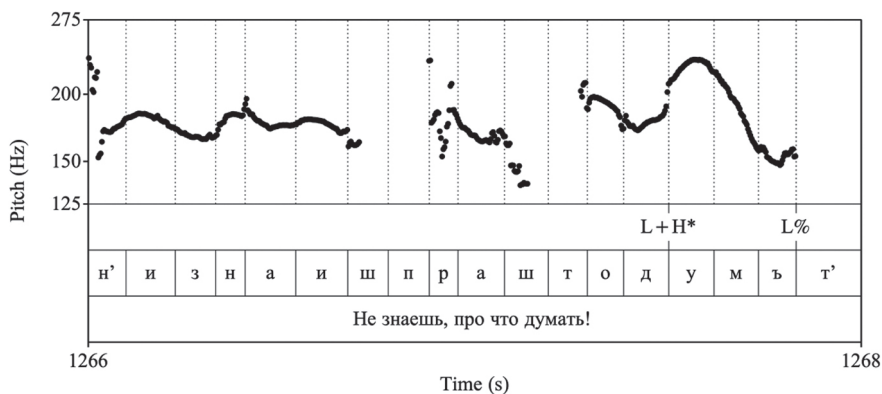

Рисунок 2.2.8. Кривая ЧОТ утверждения с миративным фокусом *Не знаешь, про что думать!* ШАВ1939 (д. Берно Мосальского р-на Калужской обл.)

В утверждениях с исключаяющим ('exhaustive') узким фокусом картина иная: в них отсутствует начальный высокий пограничный тон, зато всегда имеет место восходяще-нисходящее движение тона в конечной части высказывания (см. рис. 2.2.9–2.2.11). Эти высказывания сложны для интерпретации вследствие их небольшой частотности и частого отсутствия сегментного материала (предакцентных и/или заакцентных слогов, см. рис. 2.2.8, 2.2.9), необходимого для корректного фонологического анализа.

Обычно мы интерпретируем этот тип просодического оформления как

- тональный акцент, имеющий низкую тональную цель L^* (возможно, в зависимости от диалекта, в составе нисходящего $(H+)L^*$ или восходящего $L^*(+H)$ акцента) и
 - нисходящий конечный пограничный тон $HL\%$ [Князев, Дьяченко 2023] или
 - высокий фразовый тон + низкий конечный пограничный тон $H-L\%$ [Князев 2023; Князев, Дьяченко 2025]

в зависимости от того, каков характер тона на заакцентной части высказывания до конечного слога (низкий в первом случае, высокий во втором)¹⁰. В мосальском говоре есть основания описывать его как сочетание сложного тонального акцента L^*+H^* с низким конечным пограничным тоном (см. об этом ниже п. 2.5). Отметим в заключение этой темы, что данный мелодический контур весьма похож на ИК-4 литературного языка, но принципиально отличается от нее низким конечным пограничным тоном.

¹⁰ Сходный мелодический контур в СРЛЯ описывается как характеризующийся повтором акцента на одном слове, считается, что он выступает «как средство риторического давления на собеседника» [Кодзасов 2009: 20] и «выражает настойчивость говорящего в осуществлении иллюкутивной цели речевого акта» [Там же: 252].

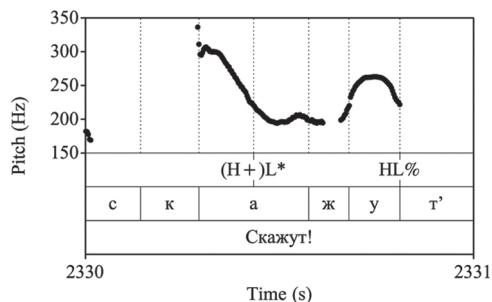

Рисунок 2.2.9. Кривая ЧОТ утверждения с исключаяющим фокусом *Скажут!* МВИ1942-Берно

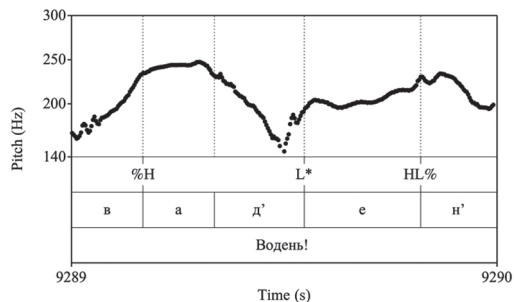

Рисунок 2.2.10. Кривая ЧОТ утверждения с исключаяющим фокусом *Водень!* ШАВ1939-Берно

Рисунок 2.2.11. Кривая ЧОТ утверждения с исключаяющим фокусом *Ну, они ж фамилия-то Жарикова!* МВИ1942 (д. Берно Мосальского р-на Калужской обл.)

2.3. Вопрос с вопросительным словом

Статистические данные о частотности различных вариантов оформления частного вопроса в литературном русском языке приводятся в работах П. В. Дурягина [2021; 2024]: «Согласно нашему анализу, частотным в речи носителей русского языка является вариант частного вопроса с падением тона на вопросительном слове и деакцентуацией остальной части предложения. <...> Мы интерпретируем тональную конфигурацию как H^*+L L - $\%$ ¹¹. Такие результаты в целом согласуются с данными наиболее распространенного традиционного описания русской интонации, системы Е. А. Брызгуновой, в которой эта конфигурация получила

¹¹ Впоследствии П. В. Дурягин реинтерпретировал этот контур как $H+L^*$ L - $L\%$ [Дурягин 2024: 93]; мы придерживаемся интерпретации его как H^*+L L - $L\%$.

название ИК-2. Наряду с контуром H^*+L $L\text{-}\%$ <...> в данных встретился контур с двумя нисходящими движениями тона: на вопросительном слове и на субъекте или предикате. Оба падения тона характеризуются непоздним таймингом, в связи с этим мы анализируем их как репрезентации тонального акцента H^*+L . <...> Нередкой в данных эксперимента оказалась тональная конфигурация $H^* H^*+L$ $L\%$, так называемый «шляпный» контур (ИК-5 в системе Е. А. Брызгуновой), который в работах С. В. Кодзасова и Н. Д. Светозаровой характеризовался как основной нейтральный способ оформления частного вопроса. Первый тональный акцент этого контура всегда ассоциирован с вопросительным словом и фонетически реализуется подъемом ЧОТ, максимум тона достигается в конце ударного слога, после чего не происходит резкого падения тона. Описанная конфигурация оказалась возможной во всех экспериментальных условиях, в том числе как при информационном, так и при контрастном фокусе» [Дурагин 2021: 158–159]. Последний частотный вариант оформления частного вопроса в современном русском литературном языке (СРЛЯ) по данным П. В. Дурагина — это «контур, который в системе Е. А. Брызгуновой называется ИК-4. На основании фонетических данных мы предварительно анализируем этот контур как последовательность акцентов $H^* L^* H\text{-}\%$, причем тональный акцент H^* всегда был ассоциирован с ударным слогом вопросительного слова, а L^* — с ударным слогом слова, выступающего в роли субъекта или предиката. В записях не встретились примеры с L^* на вопросительном слове, охарактеризованные Е. А. Брызгуновой как варианты «назидательного» частного вопроса» [Дурагин 2021: 159].

Просодическое оформление частных вопросов в мосальском говоре в общих чертах очень сходно с литературным, в нём также присутствует, как минимум, три базовых варианта:

- 1) Один нисходящий тональный акцент на вопросительном слове, в этом случае практически безысключительно используется вариант $H+L^*$, характерный и для утверждений с контрастным фокусом, см. примеры с разным количеством заударных слогов на рис. 2.3.1–2.3.3. От литературного H^*+L он отличается более ранним таймингом.
- 2) Два тех же самых нисходящих тональных акцента $H+L^*$ — на вопросительном слове и предикате (второй из них с даунстепом), см. рис. 2.3.4.
- 3) «Шляпная» конструкция с повышением или высоким ровным тоном на вопросительном слове и ровным низким L^* , идентичным утверждениям с широким, а не с узким фокусом¹², на предикате или субъекте — рис. 2.3.5, 2.3.6.

Конструкций, сходных с ИК-4 литературного языка, в нашем материале в этой функции не встретилось.

¹² Впрочем, по нашим данным [Князев 2024в] точно так же устроены вопросительные «шляпные» конструкции и в СРЛЯ.

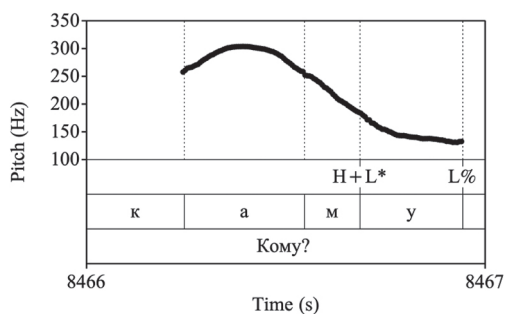

Рисунок 2.3.1. Кривая ЧОТ частного вопроса *Кому?* ШАВ1939-Берно

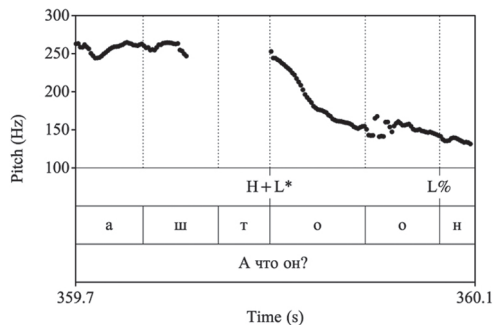

Рисунок 2.3.2. Кривая ЧОТ частного вопроса *А что он?* МВИ1942-Берно

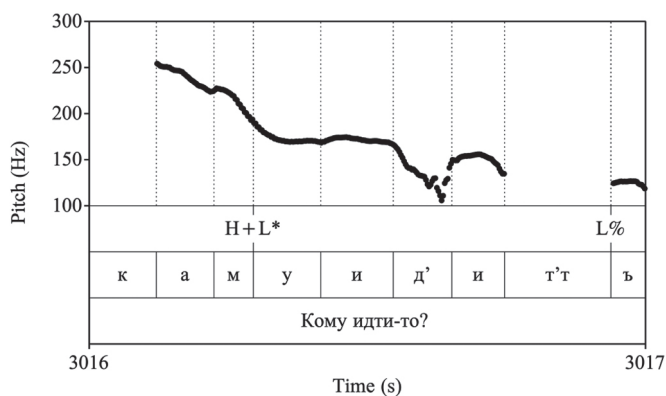

Рисунок 2.3.3. Кривая ЧОТ частного вопроса *Кому идти-то?* ШАВ1939-Берно

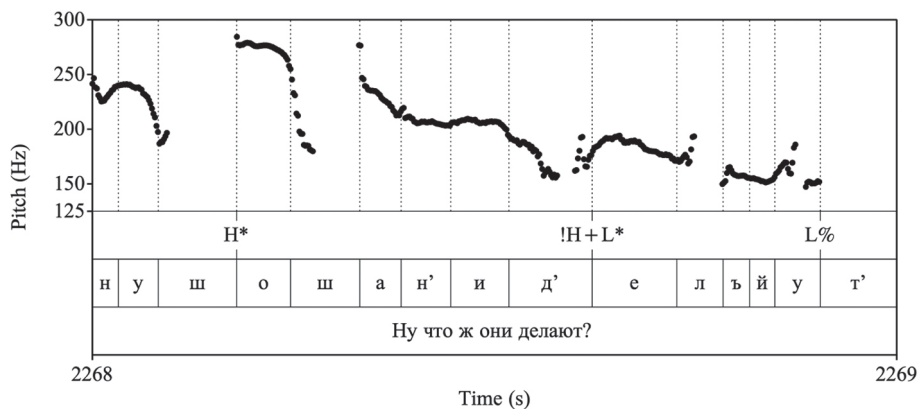

Рисунок 2.3.4. Кривая ЧОТ частного вопроса *Ну что ж они делают?* МВИ1942-Берно

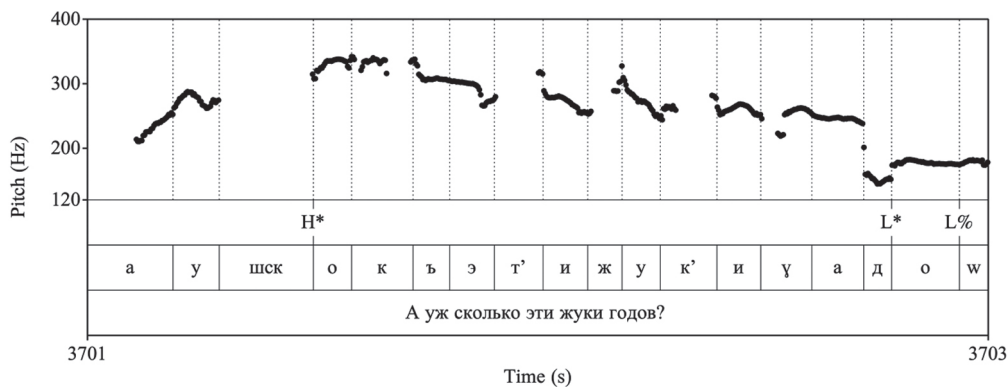

Рисунок 2.3.5. Кривая ЧОТ частного вопроса *А уж сколько эти жуки годов?*
МВИ1942-Берно

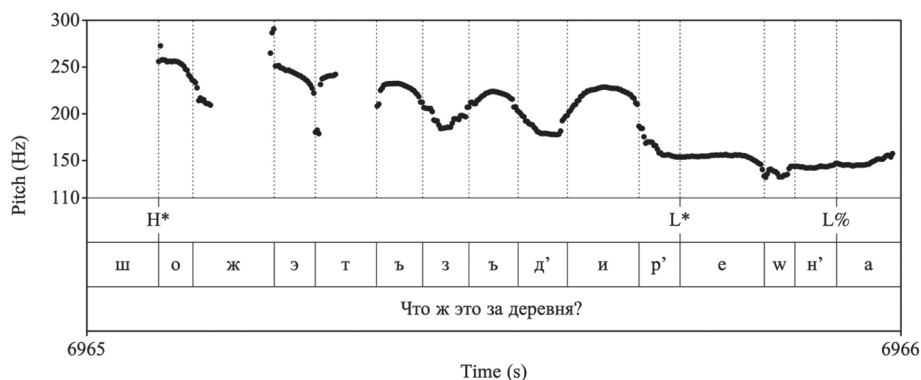

Рисунок 2.3.6. Кривая ЧОТ частного вопроса *Что ж это за деревня?*
ШАВ1939-Берно

2.4. Императив и вокатив

Императивные конструкции в мосальском говоре, аналогично утверждениям с контрастным фокусом и вопросам с вопросительным словом, оформляются нисходящим тональным акцентом с ранним таймингом H+L*, см. рис. 2.4.1–2.4.3.

В нашем материале из д. Берно вокатив встретился дважды — с тем же акцентом H+L* (см. рис. 2.4.4) и с акцентом, который можно интерпретировать как (L+)H* (рис. 2.4.5), о нем см. ниже п. 2.5.

Итак, в мосальском говоре представлены два «нисходящих» тональных акцента — L* и H+L*, различающихся таймингом. Первый из них употребляется для оформления утверждений с широким фокусом и в «шляпных» вопросительных конструкциях с вопросительным словом, а второй используется в утверждениях с контрастным фокусом, императиве и одноакцентных частных вопросах. Весьма

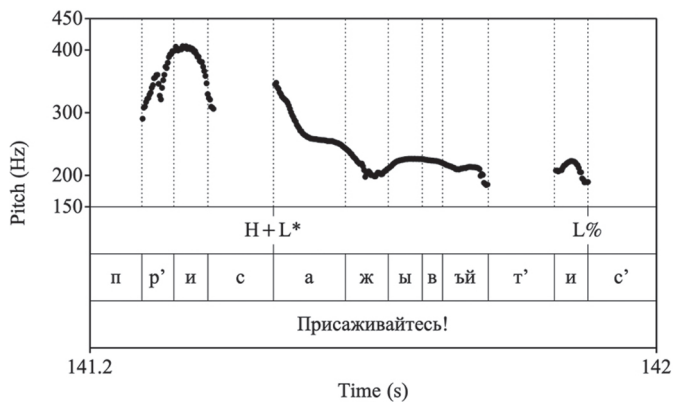

Рисунок 2.4.1. Кривая ЧОТ императива *Присаживайтесь!* МВИ1942-Берно

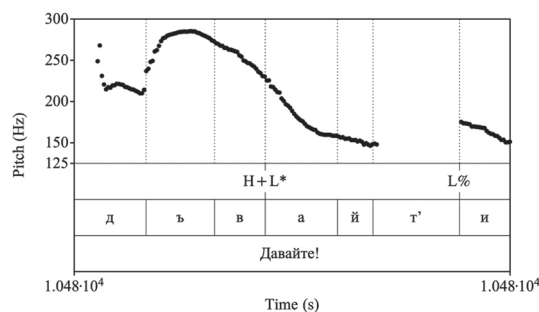

Рисунок 2.4.2. Кривая ЧОТ императива *Давайте!* ШАВ1939-Берно

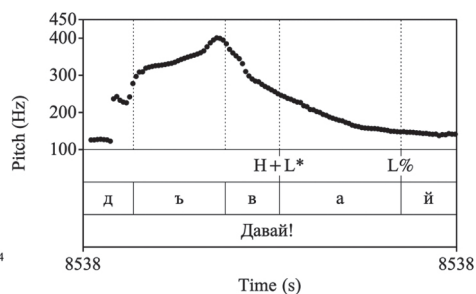

Рисунок 2.4.3. Кривая ЧОТ императива *Давай!* ШАВ1939-Берно

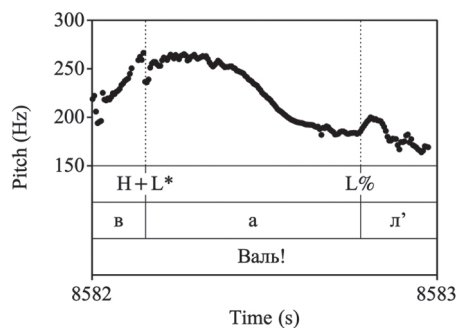

Рисунок 2.4.4. Кривая ЧОТ вокатива *Валь!* ШАВ1939-Берно

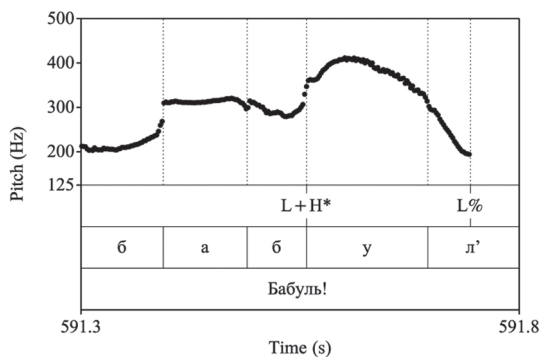

Рисунок 2.4.5. Кривая ЧОТ вокатива *Бабуль!* МВИ1942-Берно

сходная ситуация имеет место и в литературном языке, в котором также находим два нисходящих тональных акцента, причем оба они по сравнению с мосальскими «смещены вправо», то есть характеризуются более поздним таймингом: в первом случае — $H+L^*$, во втором — H^*+L (см. табл. 1).

Таблица 1. Дистрибуция «нисходящих» тональных акцентов в говоре д. Берно и СРЛЯ

	СРЛЯ	Берно
утверждения с широким фокусом, «шляпный» частный вопрос	$H+L^*$	L^*
утверждения с контрастным фокусом, одноакцентный частный вопрос, императив	H^*+L	$H+L^*$

2.5. Общий вопрос и незавершенность

Если в отношении нисходящих тональных акцентов в мосальском говоре наблюдается ситуация весьма сходная с СРЛЯ, то восходящий акцент, используемый для оформления общего вопроса, переспроса и немаркированной¹³ незавершенности, отличается от литературного в очень значительной степени.

2.5.1. Стандартные «восходящие» акценты

Начнем с того, что фонетически в Берне в этой функции представлены четыре разновидности контуров с восходящим тоном. Первые две уже многократно описаны нами, но не являются в говоре самыми частотными:

- 1) монотональный уровневый H^* (ровный высокий тон), представленный, например, и в говоре с. Роговатое [Князев 2024б], и
- 2) восходяще-нисходящий акцент, который мы обозначаем как $L+H^*$, широко распространенный в русских и украинских воронежских говорах [Князев, Дьяченко 2025].

Акцент H^* встречается в говоре достаточно часто (29% всех случаев); фонетически он реализуется таким образом, что повышение тона заканчивается до начала ударного гласного словоформы-акцентоносителя (и приходится, тем самым, обычно на согласный инициали), в первой части этого гласного фиксируется ровный высокий тон, после чего, в заключительной его части, может происходить понижение частоты основного тона — см. рис. 2.5.1, 2.5.2 (общий вопрос) и 2.5.3, 2.5.4 (незавершенность).

¹³ В русском литературном языке выделяются разные типы оформления дискурсивной незавершенности: немаркированным средством ее выражения служит обычно третья интонационная конструкция с восходящим акцентом на ударном слоге словоформы-акцентоносителя и низким конечным тоном. «К маркированным просодиям, которые осложнены дополнительными значениями и которые тоже обслуживают дискурсивную незавершенность, относятся интонационная конструкция ИК-4, говорящая о т. н. «рассказе по порядку», и ИК-6, указывающая на режим воспоминаний или мечтаний о ряде событий, которые имели место в прошлом или произойдут в будущем» [Янко 2017: 205].

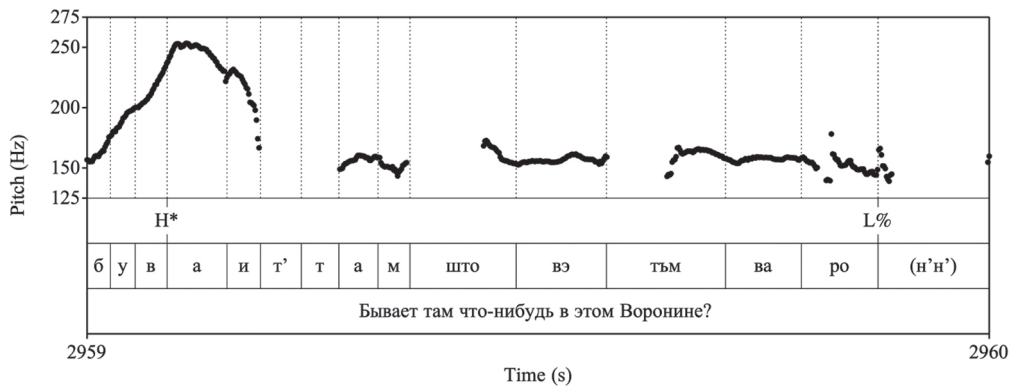

Рисунок 2.5.1. Кривая ЧОТ общего вопроса *Бывает там что-нибудь в этом Воронине?* ШАВ1939-Берно

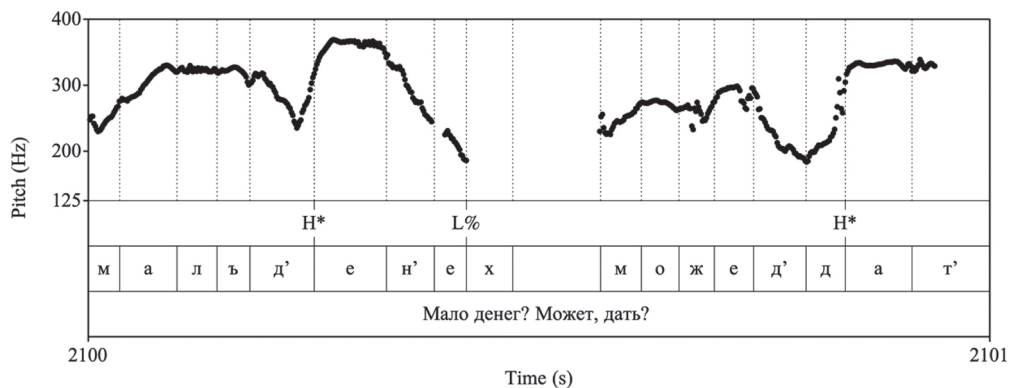

Рисунок 2.5.2. Кривая ЧОТ общих вопросов *Мало денег? Может, дать?*
МВИ1942-Берно

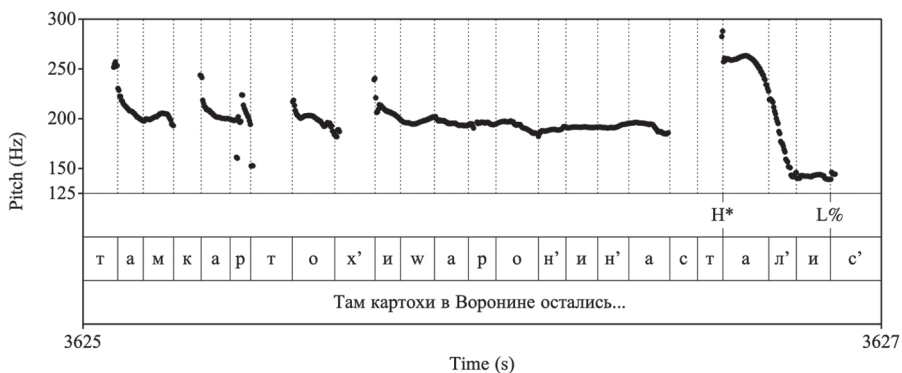

Рисунок 2.5.3. Кривая ЧОТ незавершенной синтагмы *Там картохи в Воронине остались...* ШАВ1939-Берно

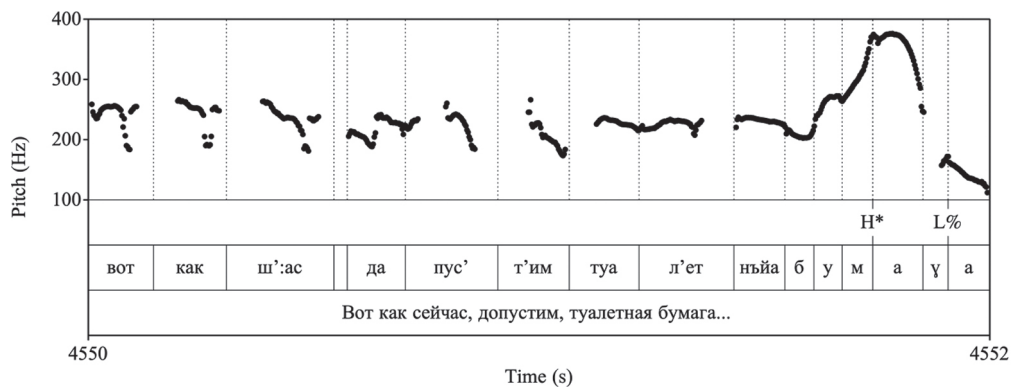

Рисунок 2.5.4. Кривая ЧОТ незавершенной синтагмы *Вот как сейчас, допустим, туалетная бумага...* МВИ1942-Берно

Акцент $L+H^*$ встречается в говоре гораздо реже (8% всех случаев); фонетически он представлен повышением тона в первой половине ударного гласного словоформы-акцентоносителя, после чего сразу, без отрезка ровного высокого тона, начинается понижение ЧОТ, приходящееся на заключительную часть ударного гласного и начало следующего слога — см. рис. 2.5.5–2.5.7 (общий вопрос) и 2.5.8 (незавершенность).

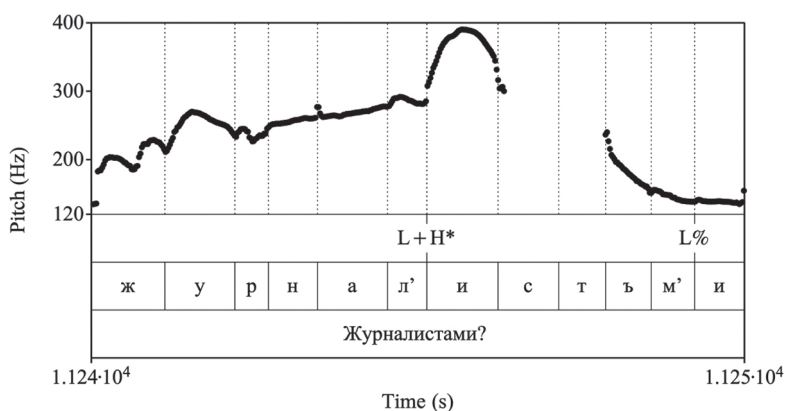

Рисунок 2.5.5. Кривая ЧОТ общего вопроса *Журналистами?* ШАВ1939-Берно

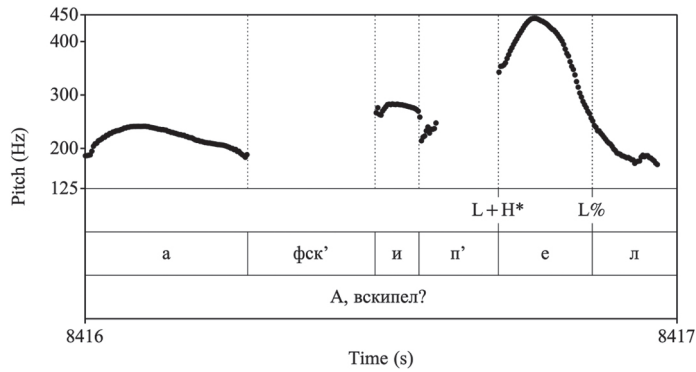

Рисунок 2.5.6. Кривая ЧОТ общего вопроса *А, вскипел?*
ШАВ1939-Берно

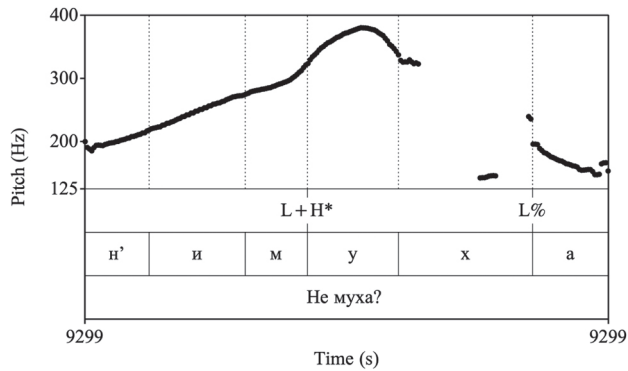

Рисунок 2.5.7. Кривая ЧОТ общего вопроса *Не муха?*
ШАВ1939-Берно

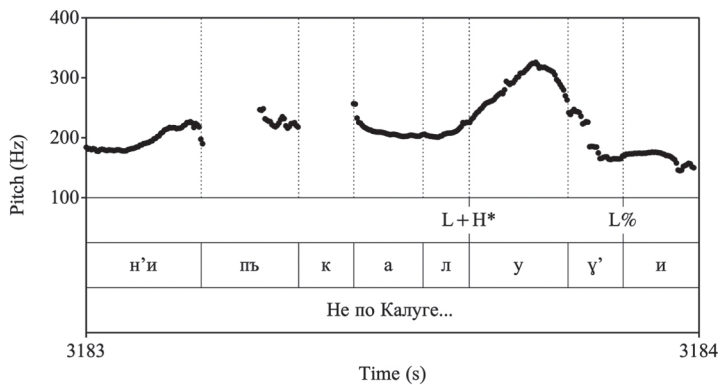

Рисунок 2.5.8. Кривая ЧОТ незавершенной синтагмы
Не по Калуге... МВИ1943-Берно

2.5.2. «Ступенчатые» восходящие акценты

Наиболее регулярно ($2/3$ всех случаев) общий вопрос и немаркированная незавершенность оформляются в Берне весьма специфическим мелодическим контуром. Сходный с ним вариант изначально был описан Р. Ф. Касаткиной на материале калужского говора с. Бояновичи Хвастовического района: «Прослушивание диалектного материала и анализ интонограмм показали, что общий вопрос в калужском говоре оформляется не по общерусской модели, а по той модели, которую условно можно назвать “польской”. Охарактеризовать этот контур можно следующим образом: незначительный подъем тона от предударной части высказывания к гласному центра, затем ровный тон и дальнейшее восхождение на заударной части высказывания. Этот контур для трехсложного слова, завершающего синтагму, можно характеризовать как трехступенчатое восхождение (“лесенку”))» [Касаткина 2002: 147]. Таким образом, предполагаемый Р. Ф. Касаткиной контур в стандартной записи автосегментно-метрической модели фразовой просодии может быть представлен как $L^*+H \text{ } ^\circ H\%$ (восходящий тональный акцент и (сверх)высокий/восходящий конечный пограничный тон), что в определенной мере соответствует тому, как оформляется общий вопрос в польском языке — в первую очередь именно высоким конечным пограничным тоном (но после нисходящего тонального акцента: $H+L^* \text{ } ^\circ H\%$ [Durand et al 2002; Karpinski, Szalkowska-Kim 2012: 9]). Более подробный анализ просодического оформления общего вопроса в аналогичном говоре с. Нехочи, расположенного в 5 км от Бояновичей, на материале диалектного корпуса этого говора [Тер-Аванесова и др. 2020] показал, что наибольшее количество примеров использования этого контура приходится на переспросы (меньшее — на общие вопросы и конструкции со значением незавершенности), а сам контур в случае наличия только одного заударного слога или их отсутствия зачастую действительно представляет собой восходящую “лесенку” (см. рис. 2.5.9, 2.5.10). Однако в случае, если заударных слогов больше одного, становится очевидным, что конечный пограничный тон в этих высказываниях является не высоким, а низким: высоким он сохраняется только на первом заударном слоге или даже только на согласном его инициали (см. рис. 2.5.11–2.5.13), после чего следует **понижение** ЧОТ с минимумом на конечном во фразе слоге. На этом основании мы предлагаем считать, что ровный высокий тон в калужском говоре является частью тонального акцента (мы предварительно обозначаем его как L^*+H^*), за которым следует конечный низкий пограничный тон: $L^*+H^* \text{ } L\%$ [Князев 2024а]. В Берне этот акцент тоже присутствует — в утвердительных предложениях с исключаяющим фокусом (см. выше рис. 2.2.10) и — довольно редко — при оформлении маркированной незавершенности, причем, по-видимому, преимущественно с конечным высоким пограничным тоном (типа ИК-6 литературного языка), что типично для оформления «незамкнутого сочиненного ряда» [Кодзасов 1996: 91] — см. ниже рис. 2.5.14.

При этом в говоре д. Берно, в отличие от диалекта Нехочей, «ступенчатый» восходящий тональный акцент регулярно используется как в общих вопросах, так и при оформлении незавершенности, но это другой акцент: если в Нехочах первая ровная часть тонального акцента чаще всего реализуется на низком или среднем

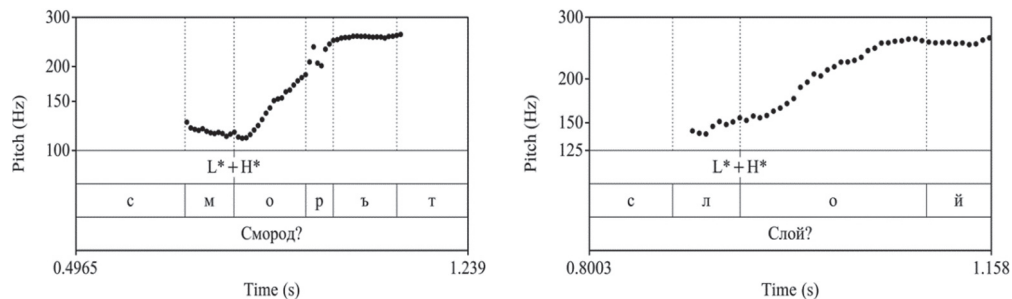

Рисунок 2.5.9. Кривая ЧОТ переспросов *Смород? Слой?* МКФ1943-Нехочи

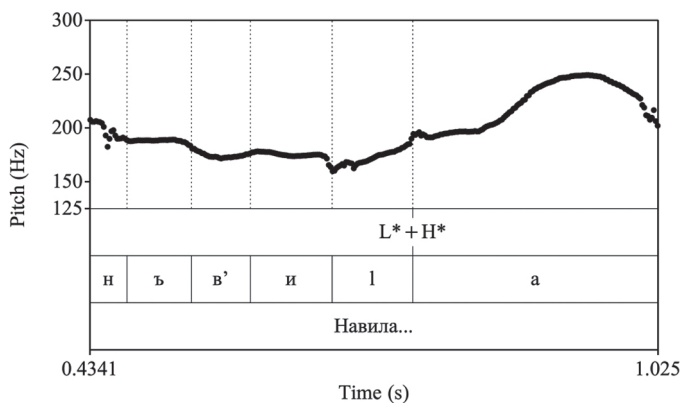

Рисунок 2.5.10. Кривая ЧОТ незавершенной синтагмы *Навила...* МКФ1943-Нехочи

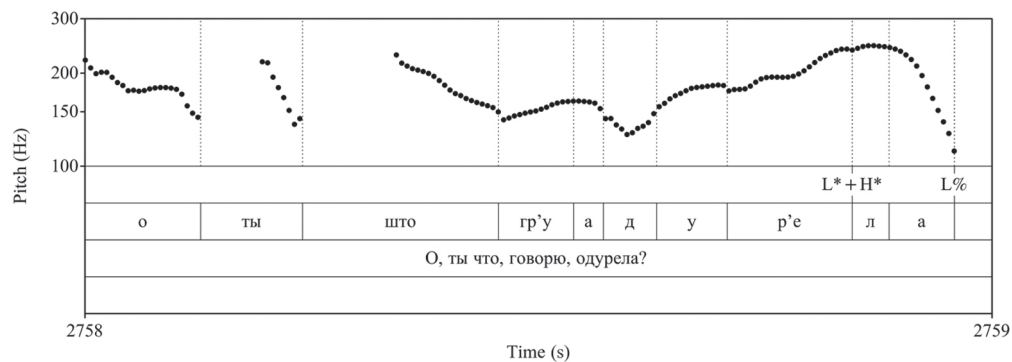

Рисунок 2.5.11. Кривая ЧОТ вопроса *О, ты что, говорю, одурела?* МКФ1943-Нехочи

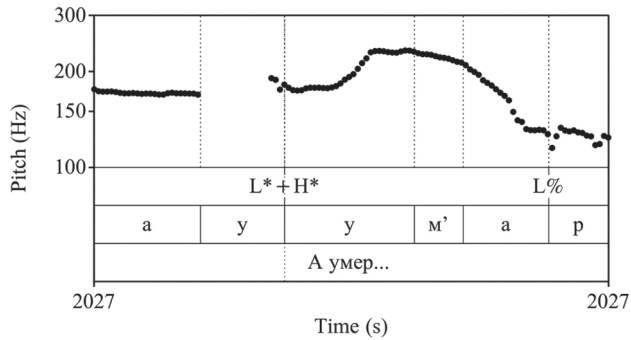

Рисунок 2.5.12. Кривая ЧОТ незавершенной синтагмы *А умер...* МКФ1943-Нехочи

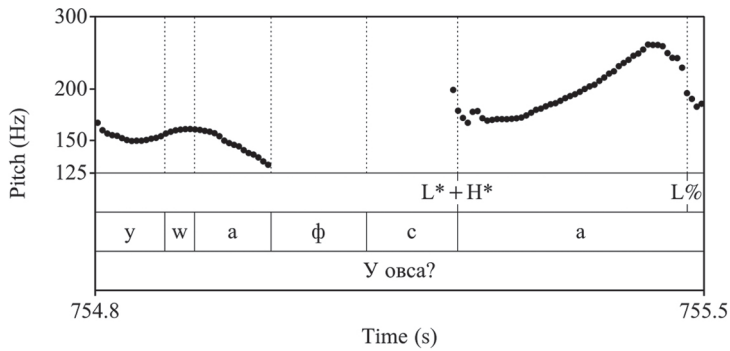

Рисунок 2.5.13. Кривая ЧОТ переспроса *У овса?* МКФ1943-Нехочи

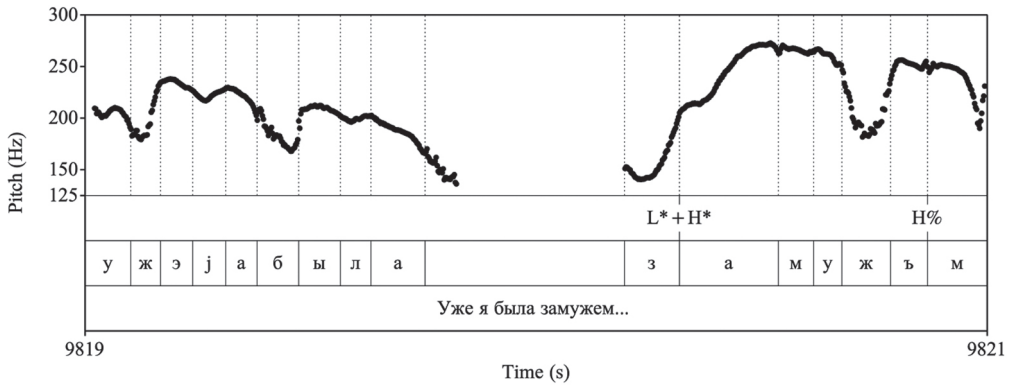

Рисунок 2.5.14. Кривая ЧОТ незавершенной синтагмы *Уже я была замужем...* МВИ1942-Берно

(базовом) тоне, а вторая — на высоком (см. выше примеры 2.5.9–2.5.13), то в Берне уже первая часть произносится на высоком уровне, а вторая — на сверхвысоком (см. ниже рис. 2.5.15–2.5.19). Таким образом, фонетически этот последний тональный акцент может быть описан следующим образом:

- предцентровый тон обычно базовый (средний, нейтральный);
- в инициали (на согласном) ударного слога словоформы-акцентоносителя происходит повышение ЧОТ до высокого;
- в первой части ударного гласного сохраняется ровный высокий тон;
- приблизительно в его середине наблюдается резкое повышение ЧОТ;
- в конечной части ударного гласного в большинстве случаев некоторое время сохраняется сверхвысокий ровный тон, после чего, часто в пределах все того же гласного, начинается падение, даже при наличии заударных слогов (см. рис. 2.5.18).

Таким образом, если для Нехочей мы постулируем в качестве основного тональный акцент L^*+H^* , то для Берна — $H^*+^H H^*$, обоснование его фонологической интерпретации см. ниже п. 2.5.3. Отметим, что акцент этот в Берне нельзя назвать ни спорадическим, ни даже относительно редким: им оформляется большая часть всех возможных случаев (общий вопрос, переспрос, незавершенность).

2.5.3. «Ступенчатый» тональный акцент и ларингализация

Весьма примечательная особенность, связанная с тональным акцентом $H^*+^H H^*$ в мосальском говоре, заключается в том, что он регулярно сопровождается **ларингализацией**, акустические корреляты которой идентичны той, что свойственна датскому *stød*¹⁴:

- первая часть гласного характеризуется значительно более высокой интенсивностью, нежели вторая;
- между первой и второй его частями имеет место сужение в гортани,
- в результате чего происходит резкий скачок частоты основного тона;
- во второй части гласного сигнал становится более или менее аperiодичным.

¹⁴ *Stød* (рус. ‘толчок’) — просодическое явление, максимально полно описанное на материале различных вариантов датского языка. Его акустические и физиологические корреляты в датском литературном языке и диалектах наиболее подробно охарактеризованы в работах Эли Фишер-Йоргенсен: “The *stød* is a prosodic feature bound to definite syllables in certain word types and connected to the latter part of the syllable. Phonetically it is a phonation type related to creaky voice. The first part of the syllable is characterized acoustically by a higher pitch level and often a higher intensity level than syllables without *stød* <...> In the second part, the *stød* phase proper, there is a considerable decrease in intensity, particularly in the lower part of the spectrum and, for the majority of the speakers, a noticeable decrease in fundamental frequency, and/or aperiodicity. Moreover the airflow is low, and inverse filtering shows a longer closure time in each vibration. There is also a slight decrease in subglottal pressure, and all speakers have a constriction of the vocal folds and often of the ventricular folds as well, but with large interindividual variation as to the degree of constriction. On the boundary between the first and the second phase most speakers have a strong contraction of the vocalis and lateralis muscles, obviously preparing for the glottal constriction of the second phase.” [Fischer-Jørgensen 1989: 1].

Перечисленные выше факты можно наблюдать на интонограммах, огибающих интенсивности, осциллограммах и спектрограммах на рис. 2.5.15, 2.5.16 (общий вопрос) и 2.5.17–2.5.19 (незавершенность)¹⁵.

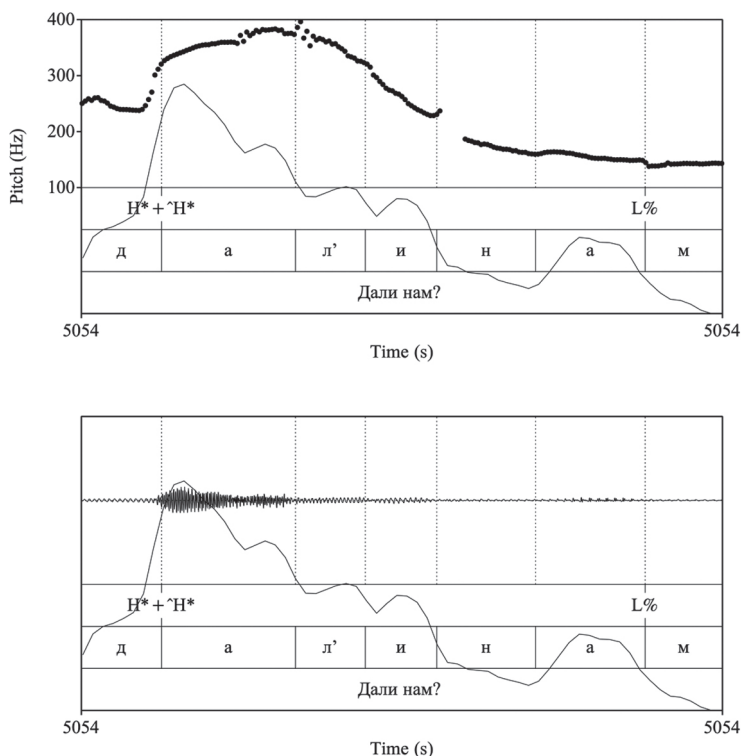

Рисунок 2.5.15. Кривая ЧОТ, огибающая интенсивности и осциллограмма общего вопроса *Дали нам?* МВИ1942-Берно. Интенсивность второй части ударного гласного существенно ниже, чем в первой части (хотя тон выше); на осциллограмме видна аperiodичность сигнала во второй половине гласного

Отметим, что и Олаф Брок в работе 1916 г. описал “спорадическія, но прекрасныя, типично развитыя іллюстраціи къ извѣстному датскому «Stød-tone»” [Брок 1916: 47, сноска ²⁾] в говоре села Кобылье-Спасское к юго-западу от Мосальска, правда, при нисходящем, а не восходящем тональном акценте: «Но стоитъ еще разъ вернуться къ самому характеру «ударенія ^П». Какъ уже сказано, экспираторная сила больше въ первой, высокотонной части гласнаго. Спускъ съ этого «верха» гласнаго происходитъ болѣе или менѣе рѣзко, круто, въ зависимости отъ характера

¹⁵ Мы не будем во всех подробностях останавливаться здесь на вопросах о происхождении, фонетической природе и фонологических свойствах «толчка» в южнорусских говорах: этому посвящено специальное исследование [Князев 20256].

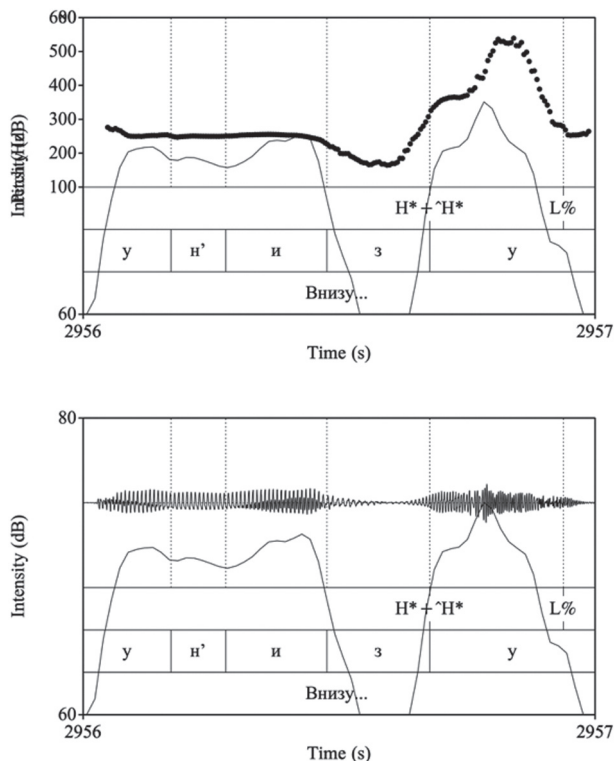

Рисунок 2.5.16. Кривая ЧОТ, огибающая интенсивности и осциллограмма незавершенной синтагмы *Внизу...* МВИ1942-Берно. Интенсивность во второй части ударного гласного понижается (хотя тон выше); на осциллограмме видна аперриодичность сигнала во второй половине гласного

выражения. Въ спокойномъ, сообщающемъ выражении спускъ идетъ довольно ровно, при меньшемъ тонномъ интервалѣ. Особенно крутой спускъ наблюдается, напр., въ рѣзкомъ подтвержденіи¹⁶. А при такомъ крутомъ спускѣ я весьма часто замѣчалъ около конца гласнаго явственнаго смыканіе голосовыхъ связокъ, болѣе или менѣе совершенное закрытіе голосовой щели. Обыкновенно, гласный этимъ крѣпкимъ отступомъ <...> и оканчивался <...>; иногда же голосовая щель опять отворялась, давая голосу послѣ перерыва снова зазвучать — или еще въ самомъ гласномъ, или же въ слѣдующемъ звонкомъ согласномъ [Там же]; «Какъ сказано, такое развитіе ¹ свойственно чаще всего эмфатическимъ выраженіямъ (рѣзкому подтвержденію и под.); при спокойномъ съмѣ съ тихимъ отступомъ стоитъ рѣзкое «съмѣ'!», и такъ часто въ концѣ слова <...>; а иногда также въ слогахъ неначальныхъ внутри слова [Там же].

¹⁶ Черта, замѣтная также въ московской рѣчи — ср. хоть рѣзко отказывающее «Нѣтъ!» съ нисходящей интонаціей, — особенно ярко у дамъ?

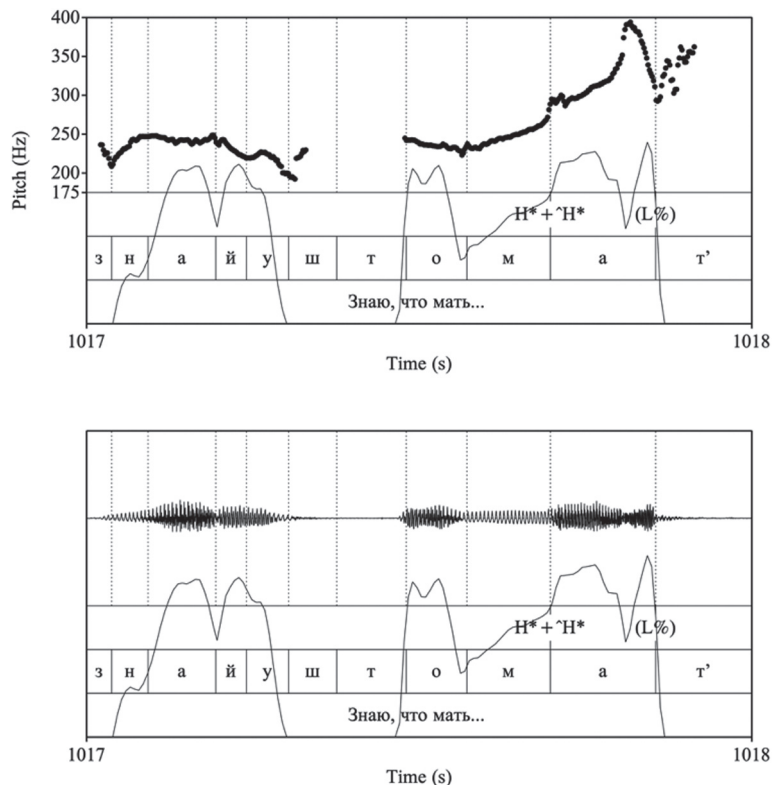

Рисунок 2.5.17. Кривая ЧОТ, огибающая интенсивности и осциллограмма незавершенной синтагмы *Знаю, что мать...* МВИ1942-Берно. На осциллограмме видна явная аperiodичность сигнала в последней трети гласного

При этом встречается немало случаев, которые только на основании анализа мелодического контура затруднительно отнести к классу $H^* + ^H H^*$ или H^* : повышение тона во второй части гласного имеет место, но явно незначительное, менее полутора полутонов¹⁷. Однако зачастую и в тех случаях, когда тон на ударном

¹⁷ В современной интонологии принято считать, что надежной границей, позволяющей отличить наличие тонального акцента от его отсутствия, является изменение в три полутона (ST). J. 't Haart, исследовавший перцептивную значимость величины изменения ЧОТ, отмечал: "Some listeners requiring only 1.5-2.0 semitones (ST), others apparently as much as 4.0 ST. The outcome suggests that only differences of more than 3 semitones play a part in communicative situations" ['t Hart 1981: 811]; см. также ['t Hart et al. 1990: 29]. Однако другие исследования показывают, что и изменения в полтора полутона могут быть достаточно надежными показателями просодического выделения при условии, что они имеют место в одном и том же типе тонального контура: "This finding warrants the conclusion that a difference of 1.5 ST is sufficient to create an impression of a difference in prominence, provided the contour within which the difference is embedded is kept constant" [Rietveld & Gussenhoven 1985: 304].

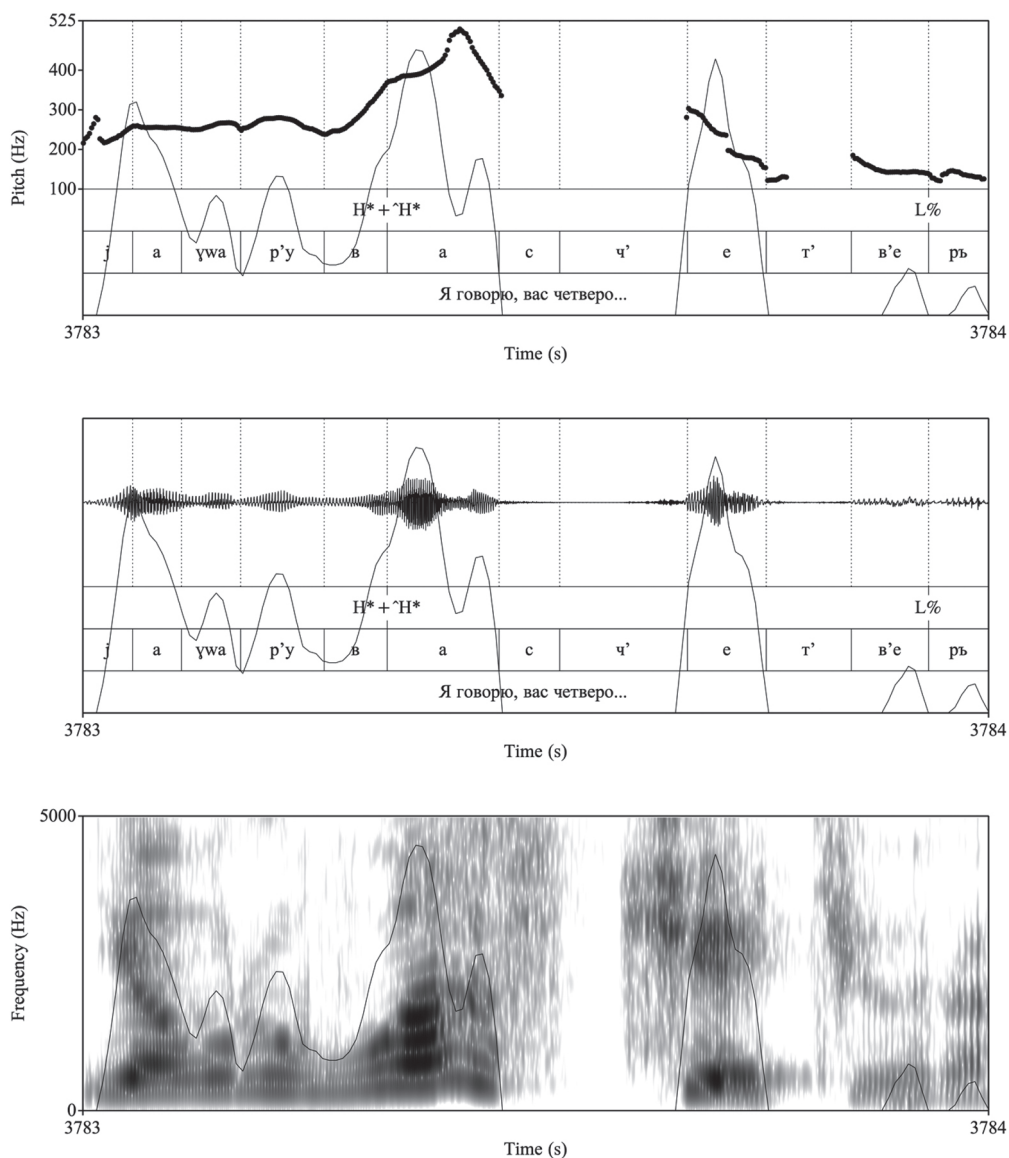

Рисунок 2.5.18. Кривая ЧОТ, огибающая интенсивности, осциллограмма и динамическая спектрограмма незавершенной синтагмы *Я говорю, вас четверо...* МВИ1942-Берно.

Интенсивность второй части ударного гласного существенно ниже, чем в первой части; на осциллограмме и спектрограмме видна аperiodичность сигнала в третьей четверти гласного

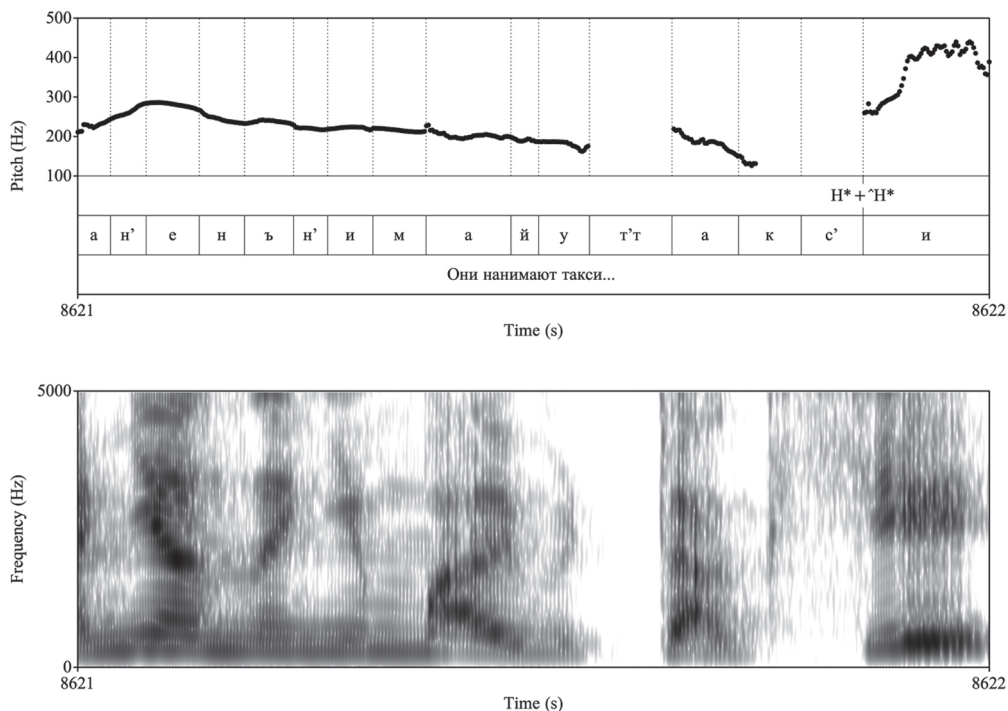

Рисунок 2.5.19. Кривая ЧОТ и динамическая спектрограмма незавершенной синтагмы *Они нанимают такси...* МВИ1942-Берно. На интонограмме и спектрограмме видна аперриодичность сигнала во второй половине гласного

гласном ровный высокий, на нем может быть в той или иной степени выраженная ларингализация (см. рис. 2.5.20, 2.5.21), что свидетельствует о том, что это прототипический $H^*+^H H^*$, а не просто H^* , и его основным физическим коррелятом является ларингализация: в схожем с $H^*+^H H^*$ «ступенчатом» тональном акценте L^*+H^* , отличающемся лишь более низким регистром, «толчок» всегда отсутствует.

Таким образом, можно считать, что современный акцент H^* , широко распространенный в (юго-)западных говорах, представляет собой упрощение исходного $H^*+^H H^*$, который, в свою очередь, является следствием компрессии мелодического контура $L^*+H H- L\%$, свойственного говорам с «пословным» тональным оформлением, в один слог в процессе формирования сильно централизованного мелодического контура в южнорусских говорах [Князев 2025б]. В свою очередь, акцент $L+H^*$ развивается из H^* за счет обобщения факультативного понижения тона на второй части ударного гласного словоформы-акцентоносителя. На основании этих умозаключений мы постулируем в фонологической системе Берна восходящий акцент $H^*+^H H^*$.

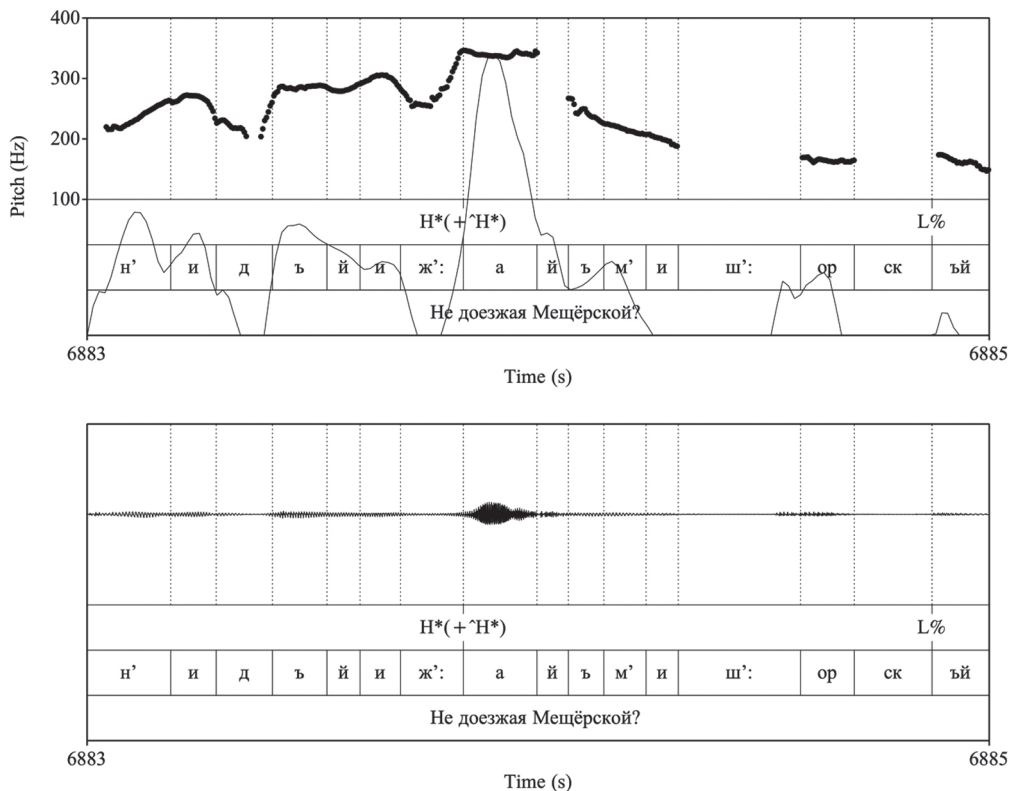

Рисунок 2.5.20. Кривая ЧОТ, огибающая интенсивности и осциллограмма общего вопроса *Не доезжая Мещёрской?* МВИ1942-Берно. Интенсивность во второй части ударного гласного понижается; на осциллограмме видна апериодичность сигнала во второй половине гласного

3. Заключение

В просодической системе исследованного нами мосальского говора (д. Берно Мосальского района Калужской области) представлены два «нисходящих» тональных акцента — L^* и $H+L^*$, различающихся таймингом. Первый из них употребляется для оформления утверждений с широким фокусом и в «шляпных» вопросительных конструкциях с вопросительным словом, а второй используется в утверждениях с контрастным фокусом, императиве и одноакцентных частных вопросах. Эта ситуация почти аналогична литературной русской, с той лишь разницей, что оба эти акцента в Берне «смещены влево» по сравнению с литературными, то есть характеризуются более ранним таймингом.

Что же касается основного восходящего акцента, то ситуация в Берне выглядит существенно сложнее. Можно считать, что он тоже смещен влево относительно

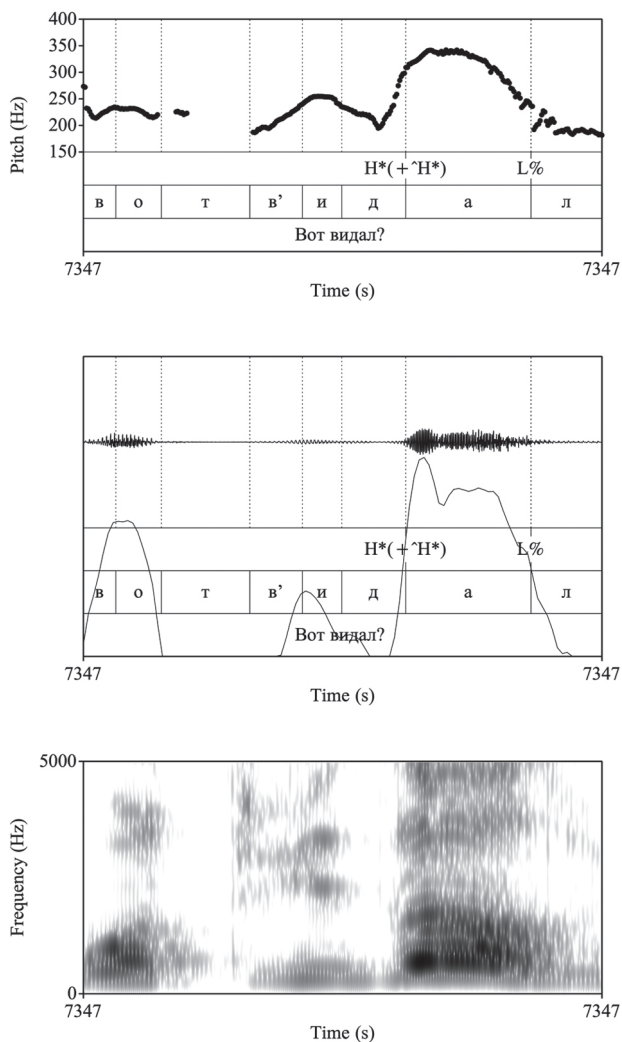

Рисунок 2.5.21. Кривая ЧОТ, огибающая интенсивности, осциллограмма и динамическая спектрограмма общего вопроса *Вот видал?* МВИ1942-Берно. Интенсивность во второй части ударного гласного понижается; на осциллограмме и спектрограмме видна аперриодичность сигнала во второй части гласного

литературного (где повышение частоты основного тона наблюдается на всем ударном слоге), если интерпретировать его как H^* аналогично оскольским, смоленским и некоторым другим южнорусским говорам. Однако более подробный анализ показывает, что имеется больше оснований считать основным восходящим тональным акцентом в Берне более архаичный «ступенчатый» $H^*+^H^*$ и рассматривать

монотональный высокий Н* и восходяще-нисходящий L+N* как его (более позднее) фонетические варианты.

К числу интереснейших просодических явлений, зафиксированных в Берне, можно отнести достаточно редкую в русском языке ларингализацию гласного, служащую одним из фонологических признаков, противопоставляющих реализующиеся на разных тональных уровнях «ступенчатые» восходящие тональные акценты Н*+^Н* и L*+Н*.

Наконец, в лингвогеографическом плане просодические особенности говора позволяют в целом охарактеризовать его как промежуточный между восточными и западными русскими диалектами.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Знаки интонационной разметки

Н* = ровный высокий тон на большей части ударного гласного просодически выделенного слова;

L* = ровный низкий тон на большей части ударного гласного просодически выделенного слова;

L+N* = восходяще-нисходящий тональный акцент с нейтральным таймингом: повышение тона начинается обычно до начала ударного гласного просодически выделенного слова и заканчивается приблизительно в его середине, после чего в пределах ударного гласного происходит понижение ЧОТ;

L*+Н = восходящий тональный акцент с более поздним таймингом: повышение тона начинается обычно в середине ударного гласного просодически выделенного слова и заканчивается в его конце;

L*(+Н) = восходящий тональный акцент с еще более поздним таймингом: повышение тона начинается обычно в конце ударного гласного и продолжается на заударном слоге;

(L+)Н* = восходящий + ровный высокий тон в пределах ударного гласного акцентоносителя;

(L+Н)* = восходящий тональный акцент с повышением тона на всем протяжении ударного гласного;

L*+Н* = ровный низкий тон + подъем + ровный высокий тон в пределах ударного гласного акцентоносителя;

(L+Н>)* = восходящий тон на всем протяжении ударного гласного с продолжением повышения ЧОТ на заударном слоге;

Н*+^Н* = ровный высокий тон + подъем + сверхвысокий тон в пределах ударного гласного акцентоносителя

Н*+L = нисходящий тональный акцент с нейтральным таймингом: понижение тона на всем протяжении ударного гласного, которое начинается обычно в самом его начале;

Н+L* = нисходящий тональный акцент с более ранним таймингом: понижение тона начинается обычно до начала ударного гласного и заканчивается до его конца;

H*(+L) = ровный высокий + нисходящий тон в пределах ударного гласного акцентоносителя;

!H*+L = падение с более низкого уровня, чем в предыдущем тональном акценте;

L% = низкий тон на последнем слоге фразы без просодического выделения (конечный пограничный тон);

HL% = нисходящий тон на последнем слоге фразы без просодического выделения (конечный пограничный тон);

H% = высокий тон на последнем слоге фразы без просодического выделения (конечный пограничный тон);

%H = высокий или восходящий тон на первом слоге фразы без просодического выделения (начальный пограничный тон);

H- = высокий ровный фразовый тон между двумя тональными акцентами или между тональным акцентом и конечным пограничным тоном;

L- = низкий ровный фразовый тон между двумя тональными акцентами или между тональным акцентом и конечным пограничным тоном.

Литература

Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1907. 154 с.

Брок О. Очерк физиологии славянской речи: Энциклопедия славянской филологии. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1910. 266 с.

Брок О. Говоры к западу от Мосальска. Петроград: Типография Императорской Академии Наук, 1916. IV, 128 с.

Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. 1: Фонетика. М., 1986.

Дурагин П. В. Интонация частного вопроса в русском языке: экспериментальное исследование источников вариативности. Русский язык в научном освещении. 2021. 1 (41). С. 137–177.

Дурагин П. В. Интонация русского частного вопроса. Флоренция, Изд-во университета Флоренции, 2024. 174 с.

Дьяченко С. В., Колесникова А. Б., Пилипец П. А. Предударный вокализм мосальских говоров: история и современность // Русский язык в научном освещении. 2024. № 1 (47). С. 96–130.

Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Языки славянской культуры, 1999. 526 с.

Касаткина Р. Ф. Заметки о южнорусской интонации // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII). М.: Наука, 2002. С. 134–150.

Князев С. В. О фразовой интонации в русских говорах с пословным мелодическим оформлением // Вопросы языкознания. 2022. № 1. С. 7–39.

Князев С. В. Фразовый завершитель в архангельских говорах: фонетическая реализация и фонологическая интерпретация // Русский язык в научном освещении. 2023. 45 (1). С. 32–65.

Князев С. В. Русская диалектная просодия и интонационная фонология русского языка: восходящий акцент // Русский язык в научном освещении. 2024а. 47 (1). С. 54–95.

Князев С. В. Фразовая интонация южнорусского говора: Роговатое // Вопросы языкознания. 2024б. № 1. С. 85–127.

Князев С. В. Корпус говоров окрестностей Михайлова. 2024. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/mikhaylov> (дата обращения: 18.11.2024).

Князев С. В. Интонационная фонология русского языка: «шляпные» конструкции // Тезисы докладов IX Международной научной конференции «Фонетика сегодня»: Материалы Международной научной конференции (Москва, 5–7 декабря 2024 г.) / Под ред. М. Л. Каленчук. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2024в. С. 43–45.

Князев С. В. Зачем нужна частица *ну* в южнорусских говорах? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2025а. № 1. С. 125–144.

Князев С. В. “Южнорусский *stød*”: фонетика или фонология? // Вопросы языкознания. 2025б. № 2. С. 49–104.

Князев С. В., Дьяченко С. В. Фразовая просодия двух восточных среднерусских говоров // *Slovene*. 2023. Vol. 12, № 1. С. 189–258.

Князев С. В., Дьяченко С. В. Фразовая просодия трех воронежских говоров — русская и украинская // Русский язык в научном освещении. 2025. 49 (1). С. 95–170.

Князев С. В., Евстигнеева М. Ю. «Пословный» тональный контур в русских говорах: количественный аспект // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции Диалог-2022. РГГУ. М., 2022. Вып. 21. С. 284–294.

Князев С. В., Мороз Г. А., Дьяченко С. В. Корпус Просодии Русских Диалектов. 2024. Электронный ресурс: <https://LingConLab.github.io/PRuD/> (дата обращения: 04.10.2025).

Кодзасов С. В. Комбинаторная модель фразовой просодии // Просодический строй русского языка. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 181–204.

Кодзасов С. В. Исследования в области русской интонации. М.: Языки славянских культур, 2009. 496 с.

Пауфошима Р. Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М.: Наука, 1983. 112 с.

Тер-Аванесова А. В., Дьяченко С. В., Корпечкова Е. В., Малышева А. В., Пекунова И. С., Толстая М. Н. Корпус говора деревни Нехочи. 2020. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ), Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Институт славяноведения РАН. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/nekhochi/> (дата обращения: 18.11.2024).

Шахматов А. А. Звуковые особенности ельнинских и мосальских говоров // Русский филологический вестник. 1896. Т. XXXVI, № 3–4. С. 60–99 (продолжение статьи: Там же. 1897. Т. 3. XXXVIII, № 3–4. С. 172–209).

Янко Т. Е. Просодические средства эмфазы // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. Ред. А. В. Архипов, О. В. Фёдорова и др. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 658–668.

Янко Т. Е. О просодической вариативности // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2017. № 13. С. 205–214.

Basbøll Hans. The phonology of Danish. Oxford: Oxford University Press, 2005. 596 p.

Baumann S., Becker J., Grice M., Mücke D. Tonal and articulatory marking of focus in German. 16th International Congress of Phonetic Sciences. Trouvain J., Barry W. J. (eds.). Saarbrücken: Univ. des Saarlandes, 2007. P. 1029–1032.

Beckman M. E., Pierrehumbert J. Intonational structure in Japanese and English. *Phonology yearbook*. 1986. № 3. P. 15–70.

Beckman M. E., Hirschberg J. ToBI annotation conventions. Ms. Ohio: Ohio State Univ., 1994. 7 p.

Beckman M. E., Hirschberg J., Shattuck-Hufnagel S. The Original ToBI system and the evolution of the ToBI framework. *Prosodic typology // The phonology of intonation and phrasing*. Jun S.-A. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. P. 9–54.

Beckman M. E., Elam G. A. Guidelines for ToBI labelling, version 3. Ohio: Ohio State Univ., 1997.

Bianchi V., Giuliano B., Silvio C. Focus fronting and its implicatures. In Enoch Aboh et al. (eds.), *Romance Languages and Linguistic Theory 2013: Selected papers from 'Going Romance'*. Amsterdam: John Benjamins, 2013. P. 1–20.

Bianchi V., Giuliano B., Silvio C. Focus fronting, unexpectedness, and evaluative implicatures. *Semantics and Pragmatics*. 2016. 9 (3). P. 1–54.

Braun B., Biezma M. Prenuclear L*+H activates alternatives for the accented word. *Frontiers in Psychology*. 2019. № 10. P. 1993.

Büring D. Semantics, intonation, and information structure. *The Oxford handbook of linguistic interfaces*. Ramchand G., Reiss C. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007, P. 445–474.

Calhoun S. The centrality of metrical structure in signaling information structure: A probabilistic perspective. *Language*. 2010. № 86. P. 1–42.

Chodroff E., Cole J. Information structure, affect, and prenuclear prominence in American English. *Proc. of Interspeech 2018*. Yegnanarayana B. (ed.). E-publication, 2018. P. 1848–1852.

Cruschina S. Syntactic movement and focus-associated implicatures in Hungarian. *Rivista di Grammatica Generativa (RGG)*, 2019. № 41. P. 1–37.

Cruschina S. Focus Fronting in Spanish: Mirative implicature and information structure. *Probus*, 2019. № 31 (1). P. 119–146.

Cruschina S. The greater the contrast, the greater the potential: On the effects of focus in syntax. *Glossa: a journal of general linguistics*, 2021. № 6 (1). P. 30–31.

Dal Farra Ch. Towards a Fine-Grained Theory of Focus // *Annali di Ca' Foscari. Serie Occidentale*. Vol. 52. Settembre 2018. P. 39–63.

Durand P., Durand-Deska A., Gubrynowicz R., Marek B. Polish: Prosodic Aspects of “Czy” Questions. Proceedings of Speech Prosody Conference, April 11–13, 2002, Aix-en-Provence. Laboratoire Parole et Langue. P. 309–312.

Estebas-Vilaplana E., Gutierrez Y. M., Vizcaino F., Cabrera M. Boundary tones in Spanish declaratives: Modelling sustained pitch. Proc. of the 18th International Congress of Phonetic Sciences. Glasgow: The Univ. of Glasgow, 2015. 196 p.

Féry C., Kügler F. Pitch accent scaling on given, new and focused constituents in German. Journal of Phonetics. 2008. No. 36. P. 680–703.

Fischer-Jørgensen Eli. Phonetic analysis of the stød in Standard Danish. Phonetica. 1989. No. 46 (1). P. 1–59.

Grønnum N., Miguel V.-L., Hans B. Danish stød: laryngealization or tone. Phonetica. 2013. No. 70 (1–2). P. 66–92.

Hart't J. Differential sensitivity to pitch distance, particularly in speech. Journal of the Acoustical Society of America. 1981. Vol. 69 (3). P. 811–821.

Hart't J., R. Collier and A. Cohen. A Perceptual Study of Intonation. An Experimental-phonetic Approach to Speech Melody. Cambridge University Press, 1990.

Jun S.-A. Prosodic typology. Prosodic typology. The phonology of intonation and phrasing. Jun S.-A. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. P. 430–458.

Karpinski M., Szalkowska-Kim E. On intonation of questions in Korean and Polish task-oriented dialogues. Spontaneous speech analysis using perception modelling. Speech and Language Technology, 2012. vol. 14/15, Polish Phonetic Association. Available at https://www.academia.edu/373344/Karpinski_M_Szalkowska_Kim_E_2012_On_intonation_of_questions_in_Korean_and_Polish_task_oriented_dialogues_Spontaneous_speech_analysis_using_perception_modelling_Speech_and_Language_Technology_vol_14_15_Polish_Phonetic_Association [Accessed October 04 2025].

Kiss, Katalin É. Identificational Focus Versus Information Focus. Language, 1998. No. 74 (2). P. 245–73.

Krifka M. Basic Notions of Information Structure. Acta Linguistica Hungarica, 2008. No. 55 (3). P. 243–276.

Pierrehumbert J. B. The phonology and phonetics of English intonation. Ph. D. diss., Massachusetts Institute of Technology, 1980. 402 p.

Repp S. Contrast: Dissecting an elusive information-structural notion and its role in grammar. In Caroline Féry & Shinichiro Ishihara (eds.), Oxford handbook of information structure. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 270–289.

Rietveld A. C. M. and C. Gussenhoven. On the relation between pitch excursion size and prominence. Journal of Phonetics. 1985. Elsevier, vol. 13. P. 299–308.

Svetlana V. Dyachenko¹, Sergey V. Knyazev²

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

svet-lan-a@list.ru¹, svknia@gmail.com²

PHRASE PROSODY OF MOSAL'SK DIALECT: WEST OR EAST?

Prosodic system of the dialect in question (Berno village, Mosal'sky district, Kaluga region) possess two “falling” pitch accents L* and H+L*, being differentiated with timing (earlier for the L*). The former one is used in the broad focus statements and the ‘hat-type’ wh-questions; while the latter one is found in the statements with contrastive focus, the imperatives and the monoaccentual wh-questions. Both these “falling” pitch accents has earlier timing than the corresponding accents in Standard Russian.

The main “rising” pitch accent used in Berno to mark yes-no questions, echo questions and non-finality is a bit similar to that H* one found in the same contexts in (South)-Western Russian dialects but differs from the latter one in a sense that it has two tonal targets — the high and the extra-high ones realized withing one and the same accented vowel; we thus analyze it as H*+[~]H* (followed by the low final boundary tone L%) as opposed to L*+H* found in non-final phrases with the high final boundary tone H%). Phonologically these two “stepwise” pitch accents differ primarily by means of laryngealization inherent to the H*+[~]H* accent, which is quite similar to the Danish stød prosodic feature.

As to the linguogeographical specifications Berno idiom, its prosodic characteristics define it as on the whole the intermediate one between the Eastern and the Western Southern Russian dialects.

Keywords: South-Russian dialects, phonetics, phrase prosody, pitch accent

References

- Basbøll, Hans. *The phonology of Danish*. Oxford, 2005: Oxford University Press.
- Baumann S., Becker J., Grice M., Mücke D. Tonal and articulatory marking of focus in German. *16th International Congress of Phonetic Sciences*. Trouvain J., Barry W. J. (eds.). Saarbrücken, Univ. des Saarlandes, 2007, 1029–1032.
- Beckman M. E., Pierrehumbert J. Intonational structure in Japanese and English. *Phonology yearbook*, 1986 (3): 15–70.
- Beckman M. E., Hirschberg J. *ToBI annotation conventions*. Ms. Ohio: Ohio State Univ., 1994.
- Beckman M. E., Hirschberg J., Shattuck-Hufnagel S. The Original ToBI system and the evolution of the ToBI framework. Prosodic typology. *The phonology of intonation and phrasing*. Jun S.-A. (ed.). Oxford, Oxford Univ. Press, 2005, 9–54.
- Beckman M. E., Elam G. A. *Guidelines for ToBI labelling, version 3*. Ohio, Ohio State Univ., 1997.

Bianchi Valentina, Giuliano Bocci & Silvio Cruschina. Focus fronting and its implicatures. In Enoch Aboh et al. (eds.), *Romance Languages and Linguistic Theory 2013: Selected papers from 'Going Romance' Amsterdam 2013*, 1–20. Amsterdam, John Benjamins.

Bianchi Valentina, Giuliano Bocci & Silvio Cruschina. 2016. Focus fronting, unexpectedness, and evaluative implicatures. *Semantics and Pragmatics* 9 (3). 1–54.

Braun B., Biezma M. Prenuclear L*+H activates alternatives for the accented word. *Frontiers in Psychology*, 2019, 10, 1993.

Brok O. *Opisanie odnogo govora iz yugo-zapadnoy chasti Totemskogo uezda* [Description of a dialect from the south-western part of the Tot'ma region]. Sankt-Peterburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1907. 154 p.

Brok O. *Ocherk fiziologii slavyanskoy pechi: Entsiklopediya slavyanskoy filologii* [An outline of Slavik speech : Encyclopedia of Slavic philology]. Sankt-Peterburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1910. 266 p.

Brok O. *Govory k zapadu ot Mosal'ska* [Dialects to the West of Mosal'sk]. Petrograd, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1916. 128 p.

Büring D. Semantics, intonation, and information structure. *The Oxford handbook of linguistic interfaces*. Ramchand G., Reiss C. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007, 445–474.

Calhoun S. The centrality of metrical structure in signaling information structure: A probabilistic perspective. *Language*, 2010, 86: 1–42.

Chodroff E., Cole J. Information structure, affect, and prenuclear prominence in American English. *Proc. of Interspeech 2018*. Yegnanarayana B. (ed.). E-publication, 2018, 1848–1852.

Cruschina Silvio. Syntactic movement and focus-associated implicatures in Hungarian. *Rivista di Grammatica Generativa* (RGG) 41, 2019. 1–37.

Cruschina Silvio. Focus Fronting in Spanish: Mirative implicature and information structure. *Probus*, 31 (1), 2019. 119–146.

Cruschina Silvio. The greater the contrast, the greater the potential: On the effects of focus in syntax. *Glossa: a journal of general linguistics*, 6 (1): 3, 2021. 1–30.

Ch. Dal Farra. Towards a Fine-Grained Theory of Focus. *Annali di Ca' Foscari. Serie Occidentale*. Vol. 52. Settembre 2018, pp. 39–63.

Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka: Tsentr Evropeiskoi chasti SSSR [Dialectological Atlas of the Russian language: The Center of the European Part of the USSR]. Ed. R. I. Avanesov, S. V. Bromley. Issue 1: Phonetics, Moscow, 1986.

Durand P., Durand-Deska A., Gubrynowicz R., Marek B. Polish: Prosodic Aspects of “Czy” Questions. *Proceedings of Speech Prosody Conference, April 11–13, 2002, Aix-en-Provence*. Laboratoire Parole et Langue, 309–312.

Duryagin P. V. [Russian *wh*-question intonation: Experimental data on some sources of variation]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2021, 1 (41), pp. 137–177. (In Russ.)

Duryagin P. V. *The Intonation of Russian Wh-questions*. Firenze University Press, 2024. 174 p.

Dyachenko S. V., Kolesnikova A. B., Pilipets P. A. [Pre-tonic vocalism of Mosal dialects: history and modernity]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, no. 1 (47), 2024, pp. 96–130. (In Russ.)

Estebas-Vilaplana E., Gutierrez Y. M., Vizcaino F., Cabrera M. Boundary tones in Spanish declaratives: Modelling sustained pitch. *Proc. of the 18th International Congress of Phonetic Sciences*. Glasgow, The Univ. of Glasgow, 2015. 196 p.

Féry C., Kügler F. Pitch accent scaling on given, new and focused constituents in German. *Journal of Phonetics*, 2008, no. 36, pp. 680–703.

Fischer-Jørgensen Eli. Phonetic analysis of the stød in Standard Danish. *Phonetica*, no. 46 (1), 1989, pp. 1–59.

Grønnum Nina, Miguel Vazquez-Larruscaín, Hans Basbøll. Danish stød: laryngealization or tone. *Phonetica*, no. 70 (1–2), 2013, pp. 66–92.

Hart t J. Differential sensitivity to pitch distance, particularly in speech. *Journal of the Acoustical Society of America*, vol. 69 (3), 1981, pp. 811–821.

Hart t J., R. Collier, A. Cohen. A Perceptual Study of Intonation. *An Experimental-phonetic Approach to Speech Melody*. Cambridge University Press, 1990.

Jun S.-A. Prosodic typology. *Prosodic typology. The phonology of intonation and phrasing*. Jun S.-A. (ed.). Oxford, Oxford Univ. Press, 2005, pp. 430–458.

Karpinski M., Szalkowska-Kim E. On intonation of questions in Korean and Polish task-oriented dialogues. Spontaneous speech analysis using perception modelling. *Speech and Language Technology*, 2012, vol. 14/15, Polish Phonetic Association. Available at https://www.academia.edu/373344/Karpinski_M_Szalkowska_Kim_E_2012_On_intonation_of_questions_in_Korean_and_Polish_task_oriented_dialogues_Spontaneous_speech_analysis_using_perception_modelling_Speech_and_Language_Technology_vol_14_15_Polish_Phonetic_Association (Accessed October 04 2025).

Kasatkin L. L. *Sovremennaya russkaya dialektnaya i literaturnaya fonetika kak istochnik dlya istorii russkogo yazyka* [Russian Russian dialect and literary phonetics as a source for the history of the Russian language]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 1999. 526 p.

Kasatkina R. F. [Remarks on Southern Russian intonation]. *Materialy i issledovaniya po russkoj dialektologii*. I (VII), Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 134–150. (In Russ.)

Kiss Katalin É. Identificational Focus Versus Information Focus. *Language*, no. 74 (2), 1998, pp. 245–273.

Knyazev S. V. [Sentence intonation in Russian dialects with word-by-word melodic contour]. *Voprosy Jazykoznanjya*, 2022, no. 1, pp. 7–39. (In Russ.)

Knyazev S. V. [Phrase finalizer in the Archangel'sk dialects: phonetic realization and phonological interpretation]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2023, no. 1 (45), pp. 32–65. (In Russ.)

Knyazev S. V. [Russian dialectal prosody and intonational phonology of Russian: rising pitch accent]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2024a, no. 1 (47), pp. 54–95. (In Russ.)

Knyazev S. V. [Phrase prosody of a Southern Russian dialect: Rogovatoe]. *Voprosy Jazykoznanjya*, 2024b, no. 1, pp. 85–127. (In Russ.)

Knyazev S. V. *Corpus of the Russian dialect spoken in the Mikhaylov area*. 2024. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Science. (Available online at URL: <https://lingconlab.ru/mikhaylov>, accessed on 18.11.2024.)

Knyazev S. V. [Intonational phonology of Russian: “hat” constructions]. *Tezisy dokladov IX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Fonetika segodnya»: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 5–7 dekabrya 2024 g.)* [Abstracts of the IX International Scientific Conference “Phonetics Today”: Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, December 5–7, 2024)]. Moscow, 2024b, pp. 43–45. (In Russ.)

Knyazev S. V. [Why Do Southern Russian Dialects Need *Nu* Particle?]. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2025a, no. 1, pp. 125–144. (In Russ.)

Knyazev S. V. [“Southern Russian *stød*”: Phonetics or phonology?]. *Voprosy yazykoznanija*, 2025b, no. 1, pp. 125–144. (In Russ.)

Knyazev S. V., Dyachenko S. V. [Phrase Prosody of Two Eastern Middle-Russian Dialects]. *Slovene*, vol. 12, no. 1, 2023, pp. 189–258. (In Russ.)

Knyazev S. V., Dyachenko S. V. [Phrase prosody of three Voronezh dialects: Russian and Ukrainian]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2025, no. 1 (49), pp. 95–170. (In Russ.)

Knyazev S. V., Evstigneeva M. Yu. [“Word-by-word” melodic contour in Russian dialects: quantitative approach]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye texnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunar. konf. «Dialog»*, Moscow, RGGU Publ., 2022, pp. 284–294. (In Russ.)

Knyazev S. V., Moroz G. A., Dyachenko S. V. *Prosody of Russian Dialects*. Available at: <https://LingConLab.github.io/PRuD/>. (Accessed October 04 2025).

Kodzasov S. V. *Kombinatornaya model' frazovoy prosodii* [Combinatorial model of phrase prosody]. *Prosodicheskii stroi russkoi rechi*. Moscow, IRYa RAN Publ., 1996, pp. 181–204. (In Russ.)

Kodzasov S. V. *Issledovaniya v oblasti russkoi prosodii*. Moscow, Jazyki Slavjanskikh kul'tur, 2002. 496 p.

Krifka Manfred. Basic Notions of Information Structure. *Acta Linguistica Hungarica*, no. 55 (3), 2008, pp. 243–276.

Paufoshima R. F. *Fonetika slova i frazy v severnorusskikh govorakh* [Phonetics of word and phrase in Northern Russian dialects]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 112 p.

Pierrehumbert J. B. *The phonology and phonetics of English intonation*. Ph. D. diss., Massachusetts Institute of Technology, 1980.

Repp Sophie. Contrast: Dissecting an elusive information-structural notion and its role in grammar. In Caroline Féry & Shinichiro Ishihara (eds.), *Oxford handbook of information structure*, Oxford, Oxford University Press, 2016, pp. 270–289.

Rietveld A. C. M. and C. Gussenhoven. On the relation between pitch excursion size and prominence. *Journal of Phonetics*. Elsevier, vol. 13, 1985, pp. 299–308.

Shakhmatov A. A. [The sound features of the Yelnya and Mosalsk dialects]. *Russkii filologicheskii vestnik*, 1896, vol. XXXVI, no. 3–4, pp. 60–99. (Continuation of the article: In the same place. 1897, vol. 3, XXXVIII, no. 3–4, pp. 172–209). (In Russ.)

Ter-Avanesova A. V., Dyachenko S. V., Korpechkova E. V., Malysheva A. V., Pekunova I. S., Tolstaya M. N. *Corpus of the Nekhochi dialect*. Moscow, Linguistic Convergence Laboratory HSE University, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Science, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Science, 2020. Available at: <http://lingconlab.ru/nekhochi/>. (Accessed October 04 2025).

Yanko T. V. Prosodicheskiye sredstva emfazy. In *Fonetika i nefonetika*. K 70-letiyu Sandro V. Kodzasova. Moscow, 2008, pp. 658–668. (In Russ.)

Yanko T. V. O prosodicheskoy variativnosti. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, no. 13, 2017, pp. 205–214. (In Russ.)

С. В. Дьяченко¹, В. В. Иванова²

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

Российский государственный гуманитарный университет²

(Россия, Москва)

svet-lan-a@list.ru¹, victoria.ivanova2002@gmail.com²

ОКАНЬЕ В ТВЕРСКОМ СКНЯТИНСКОМ ГОВОРЕ

Статья посвящена анализу специфики предударного вокализма после твёрдых согласных в говоре д. Скнятино Калязинского р-на Тверской обл. и окрестных населённых пунктов. Материалом исследования послужили аудиозаписи речи носителей говора, сделанные в экспедиции 2019 г. Неполное оканье, характерное для говоров Владимирско-Поволжской группы, сохраняется не у всех информантов одинаково хорошо. Анализ акустических характеристик гласных двух информантов разных возрастов показал тенденцию к нейтрализации гласных /о/ и /а/ в первом предударном слоге после твёрдых согласных у обоих, но в большей степени у младшего информанта. В задачи исследования входило выявление условий, способствующих наиболее устойчивому сохранению предударного гласного [о] на месте фонемы /о/, были проверены следующие рабочие гипотезы: 1) гласный [о] в первом предударном слоге лучше сохраняется в позиции после губных, заднеязычных согласных и [л]; 2) гласный [о] в первом предударном слоге лучше сохраняется, если в ударном слоге лабиализованный гласный; 3) гласный [о] в первом предударном слоге лучше сохраняется в тех словоформах, которые несут на себе фразовый акцент; 4) гласный [о] в первом предударном слоге может лучше сохраняться в какой-либо из морфем слова (например, в приставке, а не в корне и т. п.). Из четырёх гипотез подтвердилась только третья, о влиянии на предударный гласный фразовой позиции словоформы. Таким образом, мы полагаем, что первоначально тенденция к нейтрализации гласных верхнего подъёма в первом предударном слоге после твёрдых согласных в говорах с неполным оканьем охватывает словоформы в слабой фразовой позиции.

Ключевые слова: диалектология, фонетика, Владимирско-Поволжская группа говоров, неполное оканье, нейтрализация

1. Введение

Одним из соответственных явлений, на основе которых выделяется Северное наречие русского языка, является полное оканье. Полное оканье предполагает

последовательное различие гласных неверхнего подъёма /o/ и /a/ во всех безударных слогах после твёрдых согласных; территория его распространения фактически совпадает с границей Северного наречия [Русская диалектология 2005: 251–252]. В русских говорах встречается также неполное оканье, которое представляет собой различие гласных неверхнего подъёма /o/ и /a/ не во всех безударных слогах, а только в первом предударном и совпадение их во всех прочих безударных слогах¹. Неполное оканье характерно для части среднерусских говоров: новгородских и говоров Владимирско-Поволжской группы [там же: 270–272].

Кроме этих типов оканья, существуют вокалические системы, демонстрирующие переход от оканья к аканью: оканье с ассимилятивным аканьем, аканье с ассимилятивным оканьем, а также полновское и гдовское оканье. Все они встречаются на границе оканья и аканья, в частности на территории Псковской группы говоров [там же: 51–52]. Однако и в некоторых работах 1960-х годов, и в ряде статей последних десятилетий исследователи описывают явления отхода от оканья и перехода к нейтрализации гласных /a/ и /o/ в безударных слогах, в том числе в первом предударном, в тех говорах, которые существуют глубоко на окающей территории, например, в Костромской, Архангельской и Кировской областях, где контакты с носителями акающих говоров заподозрить довольно сложно.

В работе [Пауфошима 1967] охарактеризован безударный вокализм после твёрдых согласных в говоре деревни Фаддеиха Межевского района Костромской области². Описаны два слоя говора: архаический и инновационный. Первый характеризуется последовательным оканьем, при котором фонема /o/ реализуется в безударных слогах огубленными звуками среднего подъёма, а фонема /a/ — неогубленными нижнего подъёма, второй — нейтрализацией /o/ и /a/ в безударных слогах и совпадением их в гласных с разными тембральными характеристиками. В инновационном слое говора при этом выделяется две подсистемы: 1) фонемы /o/ и /a/ совпадают в гласных типа [ъ] среднего подъёма, 2) фонемы /o/ и /a/ совпадают в гласном [а] нижнего подъёма. Кроме того, автор описывает и некий переходный этап, который связывает архаическую систему с новой. Он представлен тремя разновидностями, наблюдаемыми у разных носителей говора и предполагающими сохранение различий между фонемами /o/ и /a/ в безударных слогах и отсутствие нейтрализации между ними: 1) обе фонемы /o/ и /a/ реализуются нелабиализованными гласными, но разница между ними сохраняется, так как на месте /o/ выступают звуки более высокого подъёма, чем на месте /a/; 2) фонема /o/ реализуется огубленными гласными, а фонема /a/ — неогубленными, но не нижнего, а среднего подъёма; 3) обе фонемы реализуются неогубленными гласными, но различаются по ряду и подъёму — на месте /a/ выступают гласные более переднего ряда и более низкого подъёма, чем на месте /o/.

¹ Особую позицию представляет собой начальный неприкрытый слог, в котором на месте фонемы /o/ в говорах с неполным оканьем обычно выступает [y]: [угорóт] — ‘огород’.

² Говор относится к Вологодской группе говоров, населённый пункт расположен в окружении окающих говоров на значительном отдалении от территории Костромского акающего острова. Иными словами, этот говор не подвержен влиянию акающих говоров, за исключением влияния литературного языка.

В архангельском говоре деревень Сафоново и Ёлкино на Верхней Пёзе (Мезенский район Архангельской области) аналогичное явление отступления от оканья было обнаружено А. М. Красовицким [Красовицкий 2014] на материале, собранном самим автором: информанты были опрошены по программе, предполагающей чтение и повторение выражений и слов из списка, включающего более 400 реализаций гласных фонем в различном консонантном окружении как в ударных, так и в безударных позициях, из которых почти 200 находятся в позиции 1-го и 2-го предударного слогов после твёрдого согласного. В процессе анализа автор распределил идиолекты на 3 группы: А (присутствует различие /а/ и /о/ в безударных слогах), В (непоследовательная нейтрализация /а/ и /о/ в безударных слогах) и С (обязательная нейтрализация /а/ и /о/ в безударных слогах). В работе говорится о том, что артикуляционные зоны аллофонов /а/ и /о/ в ударных слогах для носителей идиолектов, относящихся к разным типам, выглядят по-разному. Так, в идиолекте А эти зоны чётко разграничены, в идиолектах же В и С области рассеивания этих аллофонов смыкаются, что во многом связано с тем, что в идиолектах типов В и С артикуляционная зона аллофона /о/ «растянута» по оси, соответствующей значению второй форманты, см. схемы 8–10 [там же: 269–270]. Для безударных слогов оказалось характерным не частичное наложение артикуляционных зон, а их объединение, см. схемы 11–12 [там же: 272–273]. Автор этой работы, как и Р. Ф. Пауфوشима, описывавшая костромской говор с отступлением от оканья, связывает это с ослаблением лабиализации: «В типе А нелабиализованные гласные на месте /о/ произносятся в одном из шести случаев, в типе В они составляют, в зависимости от диктора, половину или две трети» [там же: 272]. Процесс эволюции оканья автор понимает как артикуляционный сдвиг гласных, реализующих фонемы /а/ и /о/ в ударных и безударных слогах, в результате чего сближаются их области рассеивания, что ослабляет акустический и перцептивный контраст между ними. В сочетании с сильной количественной редукцией это приводит к развитию нейтрализации в безударных слогах [там же: 263].

Процесс отступления от оканья описан также Т. Н. Коробейниковой на материале говора с. Кай и д. Южаки Верхнекамского р-на Кировской обл. [Коробейникова 2021]. Автор анализирует речь трёх информантов 1932-го, 1955-го и 1998-го годов рождения и приходит к заключению, что последовательного различения фонем неверхнего подъёма в безударных слогах ни у одного из информантов уже не наблюдается. Однако фиксируется наличие довольно большого числа о-образных безударных гласных в речи старшего информанта и их отсутствие или гораздо меньшее число в речи более молодых информантов. Автор связывает это с тем, что огубленные безударные гласные (как на месте /о/, так и на месте /а/) у старших информантов выступают регулярно только в соседстве с губными, заднеязычными согласными и [л], а у младших в аналогичном окружении соответствующие гласные встречаются редко или же вообще не встречаются, то есть «инновативный идиолект более устойчив к влиянию качества соседних согласных» [там же: 114].

Причины разрушения окающей системы вокализма в севернорусских говорах авторы названных выше статей усматривают во внутренних закономерностях развития самого говора, а не во влиянии литературного акающего варианта [Пауфошима 1967: 94–95; Красовицкий 2014: 272–273].

Таким образом, на материале севернорусских говоров с полным оканьем перестройка вокализма от окающего к акающему была охарактеризована неоднократно. Однако, насколько нам известно, до настоящего времени подобные процессы не описывались для говоров с неполным оканьем, хотя непоследовательность этого типа оканья для скнятинского тверского говора, который относится к неполноокающим говорам Владимирско-Поволжской группы, отмечалась в [Дьяченко 2020: 293]. Там же приводится расшифровка одной аудиозаписи, сделанная на слух и представленная в виде транскрипции, так что выводы о состоянии оканья в ней основываются только на аудитивном анализе материала. Настоящая статья имеет целью более тщательное рассмотрение этой проблемы с привлечением методов инструментальной фонетики.

Для выяснения специфики неполного оканья и условий отступления от него в скнятинском говоре мы провели два эксперимента и использовали в ходе этих экспериментов три аудиозаписи. Первый эксперимент посвящён определению формантной картины гласных, в которых реализуются фонемы неверхнего подъёма в первом предударном слоге после твёрдых согласных, в речи двух информанток разных возрастов; установлению степени сохранности неполного оканья у обеих информанток; проверке гипотезы о влиянии на выбор того или иного аллофона фонемы /о/ в первом предударном слоге характера предшествующего согласного по месту его образования, а также наличия/отсутствия огубленного гласного в следующем ударном слоге, второй эксперимент — проверке гипотезы о влиянии на выбор аллофона фонемы /о/ наличия или отсутствия тонального акцента на словоформе, а также типа морфемы с аллофоном /о/ в первом предударном слоге.

2. Материал, информанты, краткая характеристика говора

В статье рассматривается говор деревень Скнятино и Красная Горка, а также села Капшино Калязинского р-на Тверской обл., для краткости этот говор мы называем скнятинским. Все названные населённые пункты расположены примерно в 16 км к югу от Калязина, на берегах рек Нерли и Волнушки, недалеко друг от друга (расстояние между ними составляет от 2 до 8 км).

Для анализа использованы аудиозаписи, сделанные в экспедиции 2019 года сотрудниками Отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН С. В. Дьяченко, Е. В. Колесниковой, А. В. Малышевой и А. В. Тер-Аванесовой, общим объёмом 5 часов³. Каждая из этих записей — аудиофайл формата .wav, который представляет

³ Полный аудиоархив экспедиции составляет около 21 часа и хранится в Отделе диалектологии и лингвогеографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

собой записанную естественную речь информанта в виде ответов на вопросы собирателей или более или менее длительных монологов — рассказов о жизни, работе, бытовых историях и т. п.

Все информанты — женщины старшего возраста, родившиеся в одной из деревень и прожившие в ней или каком-то из соседних населённых пунктов всю жизнь:

ВAB1939⁴ — записана в с. Капшино, родилась в д. Плотница в 3 км от Капшина, замуж вышла в Капшино и там живёт до сих пор, образование 7 кл.,

ДКР1939 — записана в д. Красная Горка, родилась в д. Красная Горка, там же и жила почти всю жизнь, несколько лет прожила в Кимрах Калязинского района Тверской области, образование 7 кл. и курсы трактористов,

ВИС1947 — записана в д. Скнятино, родилась и прожила всю жизнь в Скнятине, образование 10 классов и финансовый техникум заочно.

Вокализм говоров Владимирско-Поволжской группы обычно пятифонемный, то есть под ударением в них различаются гласные /а, о, е, у, и/; в первом предударном слоге после твёрдых согласных для этих говоров характерно оканье; в первом предударном слоге после мягких согласных выбор того или иного аллофона фонем неверхнего подъёма зависит, во-первых, от этимологии самого предударного гласного, а во-вторых, от твёрдости/мягкости следующего за ним согласного (на месте *а произносится [а] и перед твёрдым, и перед мягким согласным, на месте *е, ь, а также *ѣ перед твёрдым согласным произносится [о] и [е], а перед мягким — в большинстве случаев [е], реже [и]); во втором предударном слоге гласные неверхнего подъёма не различаются, совпадая после твёрдых согласных в гласном типа [ъ] (им же могут выражаться и гласные верхнего подъёма /у/ и /и/ после твёрдых согласных), а после мягких согласных в гласном типа [ь] (или [и]), который выступает и на месте фонемы /и/ в этой позиции. Яркой характерной особенностью этих говоров является гласный [у] в соответствии с начальным о во втором предударном слоге ([у]гурцы, [у]топри и т. п.), а также в соответствии с начальным а в заимствованиях ([у]гроном). Вокализм заударных слогов в этих говорах довольно сложен и обусловлен в том числе не собственно фонетическими закономерностями: положением слова в речевом потоке (редукция гласного в положении не перед паузой и произношение гласных полного образования перед паузой), а также морфемным составом слова и принадлежностью его к той или иной морфологической категории (входит ли гласный в состав корня, суффикса или флексии, к какой грамматической категории относится флексия) [Образование 1970: 353–385]. В скнятинском говоре ёканье, то есть произношение безударного [о] после мягких согласных существует только в виде остаточных явлений, оно отмечено в единичных примерах в речи всех трёх информанток, записи которых мы использовали, обычно же в качестве аллофона фонем /е/ и /о/ в первом предударном слоге выступает гласный [е]. В остальном говор более или

⁴ Код обозначает инициалы и год рождения информанта.

менее последовательно демонстрирует черты вокализма говоров Владимирско-Поволжской группы.

Специфика оканья в говорах этой группы тесно связана с ритмической структурой слова. Для говоров такого типа характерен большой контраст между гласными первого предударного слога и гласными других безударных слогов, выражающийся особенно ярко в длительности и интенсивности этих гласных. Первый предударный гласный характеризуется почти той же степенью выделенности, что и ударный, в то время как гласные остальных прикрытых слогов всегда значительно слабее и короче ударного и первого предударного гласных [Образование 1970: 357–358; Высотский 1973: 35–40]. Соответственно, в первом предударном слоге после твёрдых согласных в таких говорах закономерно очень последовательно проведённое различие фонем неверхнего подъёма. С учётом сказанного случаи отступления от различия фонем неверхнего подъёма, о которых пойдёт речь в нашей статье, представляются весьма удивительными.

3. Первый эксперимент

3.1. Методика исследования

Для первого эксперимента использовались две аудиозаписи информантов ВАБ1939 и ВИС1947. Предварительное прослушивание этих записей и анализ системы вокализма на слух показали, что у старшей информантки оканье более последовательное, чем у младшей [Дьяченко 2020].

Целью первого эксперимента было выявление артикуляционных различий между гласными, реализующими фонемы неверхнего подъёма в 1 п/у слоге после твёрдых согласных, у двух информанток, системы оканья которых на слух определялись как более сохраняющая и менее сохраняющая. Для этого мы проанализировали, насколько акустически различаются звуки на месте фонемы /o/ у обеих информанток, которые на слух воспринимаются как разные, насколько они схожи со звуками, выступающими на месте фонемы /a/, а также сопоставили системы предударного вокализма старшей и младшей информанток. Кроме того, задачей первого эксперимента было определить, насколько выбор того или иного аллофона фонем неверхнего подъёма в 1 п/у слоге у каждой из информанток обусловлен консонантным контекстом и/или наличием/отсутствием лабиализованного гласного в ударном (последующем) слоге.

Работа с материалом выглядела следующим образом.

1. Из каждой записи было выбрано по 500 слов, содержащих фонему /o/ в первом предударном слоге после твёрдого согласного, а также по 70 слов, содержащих /a/ в той же позиции.
2. В программе Praat были расставлены границы описанных в пункте 1 фонетических слов, в них отсегментированы звуки в позиции 1 п/у слога, измерены значения их двух первых формант (далее — F_1 и F_2), которые соответствуют подъёму и ряду гласного, в герцах (Гц). Значения формант были получены на участке средней трети звука, то есть на его стационарной части.

3.2. Результаты эксперимента. Характеристика качества предударных гласных

Распределение аллофонов фонемы /о/ в первом предударном слоге после твёрдого согласного в записи ВАБ1939, которые разбиты на 3 группы в зависимости от того, как определяется на слух конкретный аллофон, выглядит следующим образом: 54,8% [o] (274 слова), 1,6% [a] (8 слов) и 43,6% [ъ] (218 слов).

Графическое представление в виде зон рассеивания аллофонов и средние значения F_1 , F_2 для этих гласных представлены на схеме 1 и в таблице 1.

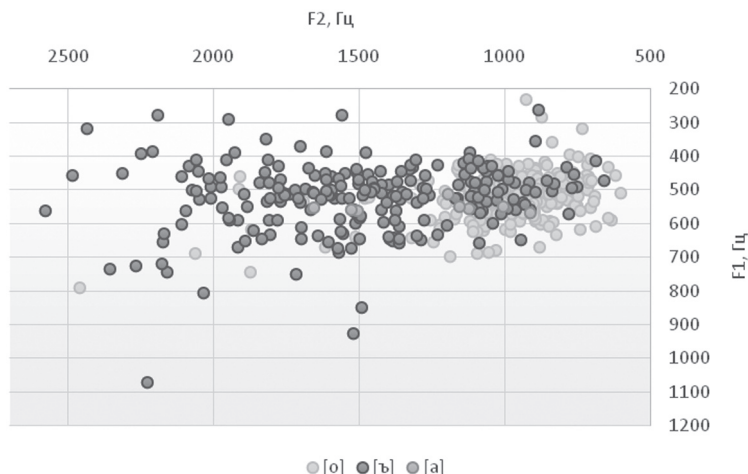

Схема 1. Зоны рассеивания аллофонов /о/ в первом предударном слоге после твёрдого согласного в идиолекте ВАБ1939

Таблица 1. Средние значения первых двух формант для аллофонов /о/ после твёрдого согласного в первом предударном слоге в идиолекте ВАБ1939

	Среднее значение F_1 , Гц	Среднее значение F_2 , Гц
[o]	519	980
[a]	551	1261
[ъ]	523	1491

Эти результаты позволяют сделать следующие наблюдения. Звуки, которые на слух кажутся отличными от [o], часто оказываются в той же самой зоне заднего ряда среднего подъёма, где и звуки, которые воспринимаются как [o] (см. правую часть схемы 1). В большинстве же случаев звук [ъ], который отличается от [o] на слух, характеризуется более передним рядом по сравнению с [o], вообще зона рассеивания его больше. В материале встретилось совсем немного примеров, в которых предударный аллофон /о/ на слух воспринимается как [a]. На графике, иллюстрирующем формантную плоскость, эти гласные попали в ту же зону, где

локализируются звуки типа [ъ] и даже типа [о]. Анализируя средние значения, приведённые в таблице 1, можно говорить о том, что все три аллофона /о/ относятся к среднему подъёму (их F_1 в диапазоне 519–551 Гц), однако между ними есть различия по ряду: [о] локализуется преимущественно в заднем ряду (F_2 980 Гц), а [ъ] и [а] могут быть и в заднем ряду, и в среднем.

Для анализа аллофонов фонемы /а/ в речи ВАБ1939 мы отобрали первые 70 примеров, встретившихся в записи. Предударные гласные распределились следующим образом: [ъ] — 75,7% (53 слова), [а] — 24,3% (17 слов). Средние значения первых двух формант этих гласных приведены в таблице 2.

Таблица 2. Средние значения первых двух формант для аллофонов /а/ после твёрдого согласного в первом предударном слоге в идиолекте ВАБ1939

	Среднее значение F_1 , Гц	Среднее значение F_2 , Гц
[а]	654	1297
[ъ]	592	1635

На схеме 2 представлены зоны рассеивания, объединяющие все проанализированные аллофоны фонемы /а/ (70) и часть аллофонов фонемы /о/ (были отображены 70 первых случаев в записи), для информантки ВАБ1939.

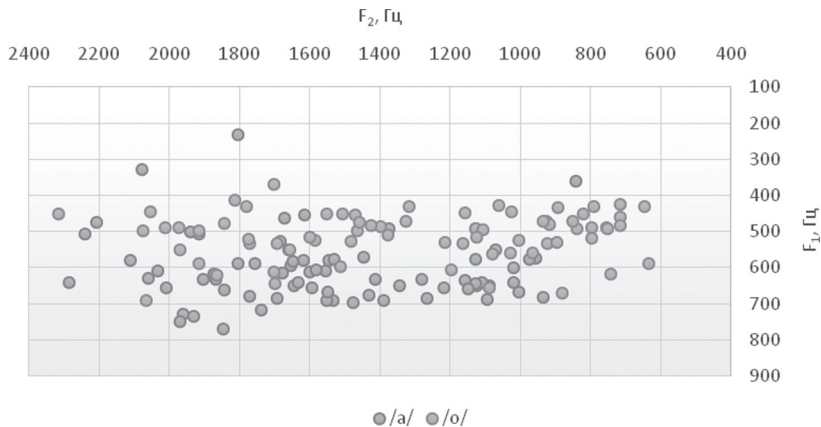

Схема 2. Зоны рассеивания аллофонов /а/ и /о/ в идиолекте ВАБ1939

Схема 2 показывает, что аллофоны фонемы /о/ в большинстве случаев локализируются в зоне несколько более высокого подъёма, чем аллофоны /а/. Различия по ряду при этом минимальны, но всё же в среднем аллофоны /о/ в целом более заднего ряда, чем аллофоны /а/. Зона пересечения, в которую попадают аллофоны обеих фонем, небольшая.

Далее рассмотрим результаты анализа качества предударных гласных для ВИС1947.

Количественное распределение аллофонов /о/ в первом предударном слоге после твёрдого согласного в этом случае таково: 30,2% [o] (151 слово), 15,8% [a] (79 слов) и 54% [ɤ] (270 слов), то есть число лабиализованных гласных составляет меньше трети от общего числа случаев. Это распределение говорит о существенном сдвиге системы предударного вокализма этой информантки по сравнению с ВАБ1939 в сторону аканья.

На схеме 3 представлены зоны рассеивания этих аллофонов, а в таблице 3 — средние значения их первых двух формант.

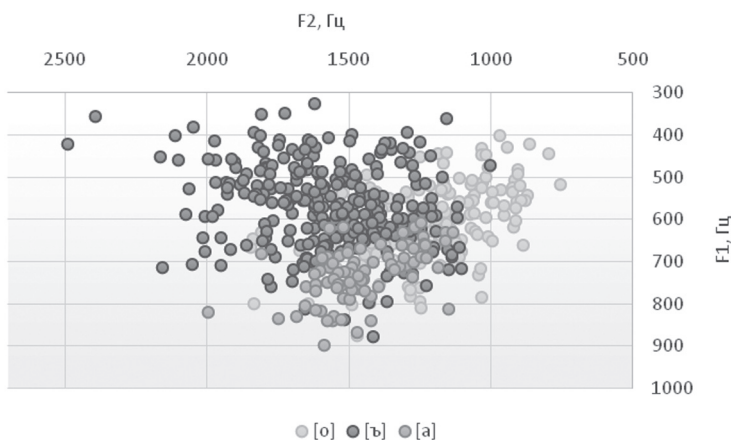

Схема 3. Зоны рассеивания аллофонов /о/ в первом предударном слоге после твёрдого согласного в идиолекте ВИС1947

Таблица 3. Средние значения первых двух формант для аллофонов /о/ после твёрдого согласного в первом предударном слоге в идиолекте ВИС1947

	Среднее значение F1, Гц	Среднее значение F2, Гц
[o]	603	1203
[a]	730	1451
[ɤ]	570	1575

Данные, визуализированные на схеме 3 и приведённые в таблице 3, показывают, что основная зона, в которой локализуются звуки, выступающие на месте фонемы /о/ у ВИС1947, в отношении F_1 характеризуется значениями 550–750 Гц. Что касается значений F_2 , то основная часть примеров попадает в диапазон 1100–1700 Гц. Таким образом, в речи ВИС1947 предударный гласный, реализующий /о/, существенно ниже по подъёму и значительно более центральный (более *a*-образен), чем соответствующий гласный в речи ВАБ1939.

Результаты анализа гласных на месте /а/ в первом предударном слоге после твёрдого согласного для идиолекта ВИС1947 (так же, как и в предыдущем случае, мы рассмотрели 70 соответствующих примеров, обнаружившихся с начала записи) свидетельствуют о том, что в этой позиции возможны звуки типа [а] и типа [ъ], а их количественное распределение таково: 45,7% [ъ] (32 слова) и 54,3% [а] (38 слов). Средние значения первой и второй формант этих гласных приведены в таблице 4.

Таблица 4. Средние значения первых двух формант для аллофонов /а/ после твёрдого согласного в первом предударном слоге в идиолекте ВИС1947

	Среднее значение F1, Гц	Среднее значение F2, Гц
[а]	740 Гц	1566 Гц
[ъ]	697 Гц	1722 Гц

На схеме 4 представлены рассеивания аллофонов фонемы /а/ (70) и фонемы /о/ (из 70 первых примеров) для информантки ВИС1947.

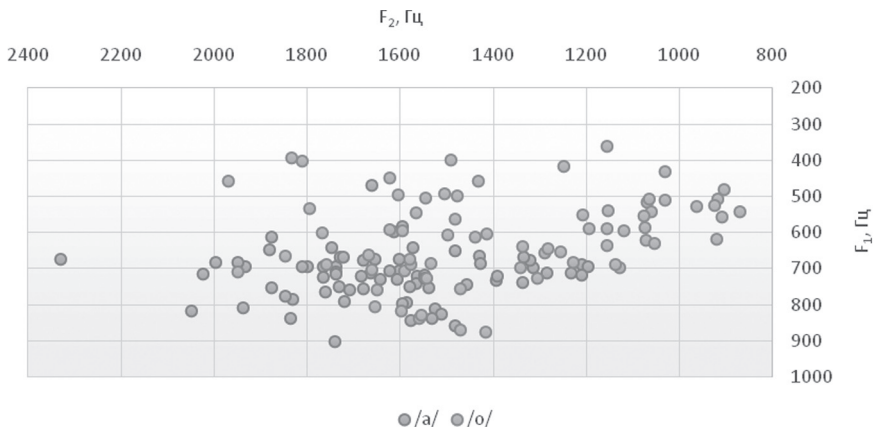

Схема 4. Зоны рассеивания аллофонов /а/ и /о/ в идиолекте ВИС1947

Сопоставление схем 2 и 4 позволяет говорить о том, что зона пересечения аллофонов фонем /о/ и /а/ у ВИС1947 больше, в основном, конечно, за счёт того, что аллофоны фонемы /о/ попадают в зону аллофонов /а/ (нижний подъём, средний ряд). Кроме того, заметно, что зона пересечения аллофонов централизована. Таким образом, тенденция к нейтрализации этих фонем у ВИС1947 проявляется в большей степени, чем у ВАБ1939.

3.3. Влияние фонетического контекста на выбор аллофона

Системы вокализма, находящиеся на каком-либо из этапов перехода от оканья к аканью, могут демонстрировать зависимость качества гласного в первом предударном слоге от соседних с ним согласных, прежде всего от предшествующего.

Подобная ситуация наблюдается, например, в кайском кировском говоре, где в предударном слоге гласный [о] выступает только после губных, заднеязычных согласных и [л] [Коробейникова 2021]. Мы проверили, нет ли соответствующей закономерности в вокализме скнятинского говора; для этого весь материал был разделён на соответствующие группы в зависимости от характера согласного, находящегося в инициали первого предударного слога. Результаты общих подсчётов приведены в таблицах 5 и 6 (курсивом выделены строки с непоказательными данными в связи с недостаточным материалом), а результаты подсчётов по группам согласных (губные+заднеязычные+[л] ~ все остальные) — в таблицах 7 и 8. На схемах 5 и 6 показаны зоны рассеивания аллофонов фонемы /о/ в позиции после губных, заднеязычных согласных и [л] (этот согласный в говоре веляризованный, как в русском литературном языке), с одной стороны, и после прочих согласных — с другой.

Таблица 5. Распределение согласных, стоящих перед аллофонами /о/ в речи ВАБ1939

Губные согласные	
б: 14 слов	[о]: 64,29% (9 слов), [ъ]: 35,71% (5 слов)
п: 94 слова	[о]: 64,89% (61 слово), [ъ]: 35,11% (33 слова)
м: 24 слова	[о]: 37,5% (9 слов), [ъ]: 58,33% (14 слов), [а]: 4,17% (1 слово)
в: 80 слов	[о]: 41,25% (33 слова), [ъ]: 58,75% (47 слов)
ф: 1 слово	[ъ]: 100% (1 слово)
Заднеязычные согласные	
г: 22 слова	[о]: 36,36% (8 слов), [ъ]: 63,64% (14 слов)
к: 68 слов	[о]: 63,24% (43 слова), [ъ]: 33,82% (23 слова), [а]: 2,94% (2 слова)
х: 33 слова	[о]: 72,73% (24 слова), [ъ]: 24,24% (8 слов), [а]: 3,03% (1 слово)
Переднеязычные согласные	
д: 38 слов	[о]: 44,74% (17 слов), [ъ]: 55,26% (21 слово)
т: 21 слово	[о]: 33,33% (7 слов), [ъ]: 57,14% (12 слов), [а]: 9,52% (2 слова)
з: 4 слова	[о]: 75% (3 слова), [ъ]: 25% (1 слово)
с: 16 слов	[о]: 31,25% (5 слов), [ъ]: 62,5% (10 слов), [а]: 6,25% (1 слово)
ш: 4 слова	[о]: 25% (1 слово), [ъ]: 75% (3 слова)
н: 15 слов	[о]: 53, 33% (8 слов), [ъ]: 46,67% (7 слов)
Боковые переднеязычные согласные	
л: 20 слов	[о]: 65% (13 слов), [ъ]: 30% (6 слов), [а]: 5% (1 слово)
Дрожащие переднеязычные согласные	
р: 45 слов	[о]: 73,33% (33 слова), [ъ]: 26,67% (12 слов)

Таблица 6. Распределение согласных, стоящих перед аллофонами /о/ в речи ВИС1947

Губные согласные	
б: 11 слов	[о]: 36,36% (4 слова), [ъ]: 45,45% (5 слов), [а]: 18,18% (2 слова)
п: 70 слов	[о]: 42,86% (30 слов), [ъ]: 45,71% (32 слова), [а]: 11,43% (8 слов)
м: 29 слов	[о]: 24,14% (7 слов), [ъ]: 55,17% (16 слов), [а]: 20,69% (6 слов)
в: 64 слова	[о]: 32,81% (21 слово), [ъ]: 59,38% (38 слов), [а]: 7,81% (5 слов)
Заднеязычные согласные	
г: 64 слова	[о]: 17,19% (11 слов), [ъ]: 73,44% (47 слов), [а]: 9,38% (6 слов)
к: 67 слов	[о]: 19,4% (13 слов), [ъ]: 46,27% (31 слово), [а]: 34,33% (23 слова)
х: 27 слов	[о]: 40,74% (11 слов), [ъ]: 37,04% (10 слов), [а]: 22,22% (6 слов)
Переднеязычные согласные	
д: 27 слов	[о]: 18,52% (5 слов), [ъ]: 59,26% (16 слов), [а]: 22,22% (6 слов)
т: 38 слов	[о]: 21,05% (8 слов), [ъ]: 68,42% (26 слов), [а]: 10,53% (4 слова)
з: 2 слова	[ъ]: 50% (1 слово), [а]: 50% (1 слово)
с: 15 слов	[о]: 20% (3 слова), [ъ]: 73,33% (11 слов), [а]: 6,67% (1 слово)
н: 22 слова	[о]: 50% (11 слов), [ъ]: 27,27% (6 слов), [а]: 22,73% (5 слов)
Боковые переднеязычные согласные	
л: 18 слов	[о]: 55,56% (10 слов), [ъ]: 38,89% (7 слов), [а]: 5,56% (1 слово)
Дрожащие переднеязычные согласные	
р: 46 слов	[о]: 36,96% (17 слов), [ъ]: 52,17% (24 слова), [а]: 10,87% (5 слов)

Таблица 7. Распределение аллофонов /о/ по группам согласных в идиолекте ВАБ1939

Губные, заднеязычные, латеральные (356 слов):	Переднеязычные (144 слова):
[о]: 56,18% (200 слов)	[о]: 51,39% (74 слова)
[ъ]: 42,42% (151 слово)	[ъ]: 46,53% (67 слов)
[а]: 1,4% (5 слов)	[а]: 2,08% (3 слова)

Таблица 8. Распределение аллофонов /о/ по группам согласных в идиолекте ВИС1947

Губные, заднеязычные, латеральные (350 слов):	Переднеязычные (150 слов):
[ъ]: 53,14% (186 слов)	[ъ]: 56% (84 слова)
[о]: 30,57% (107 слов)	[о]: 29,33% (44 слова)
[а]: 16,29% (57 слов)	[а]: 14,67% (22 слова)

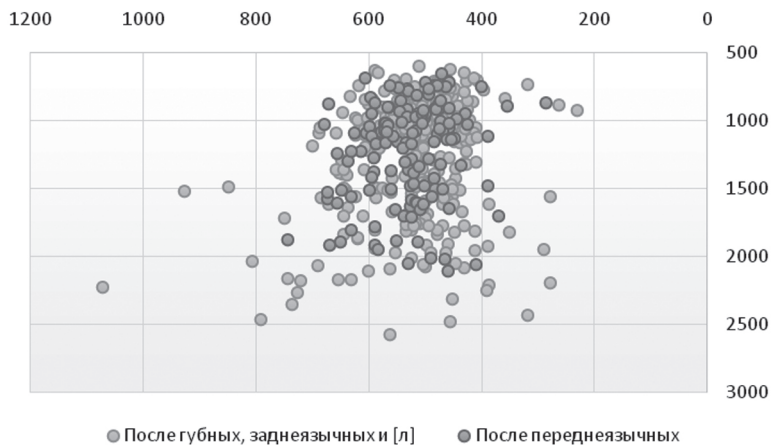

Схема 5. Зоны рассеивания аллофонов /о/ в разном консонантном контексте в идиолекте ВАБ1939

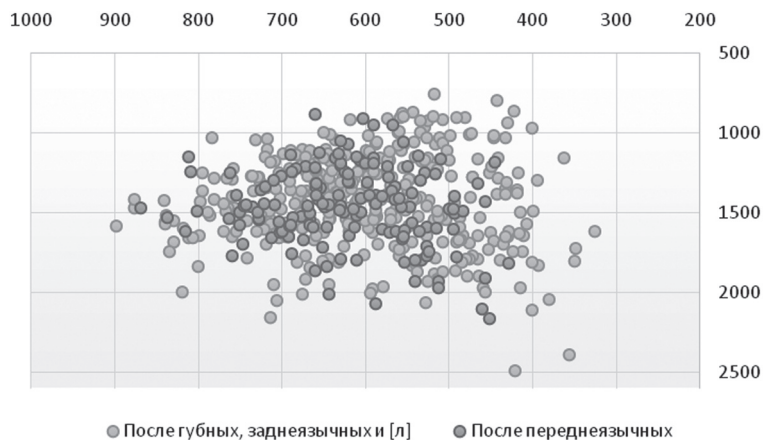

Схема 6. Зоны рассеивания аллофонов /о/ в разном консонантном контексте в идиолекте ВИС1947

Как видно из таблиц и схем, нет оснований говорить о том, что в скнятинском говоре прослеживается зависимость выбора того или иного аллофона фонемы /о/ от левого консонантного контекста, ни для одной из информанток, поскольку примеры с разными предударными гласными встречаются как после губных, заднеязычных согласных и [л], так и после переднеязычных примерно с равной частотностью. Схемы иллюстрируют, что зоны рассеивания предударных гласных после губных, заднеязычных согласных и [л] (зелёные кружки) накладываются на зоны предударных гласных после переднеязычных согласных (синие кружки). Область расположения зелёных кружков на обоих графиках больше области расположения синих, что связано с более высокой частотностью в речи слов с первым предударным

гласным — аллофоном фонемы /o/ — после губных, заднеязычных согласных и [л] (типа *покажет*) по сравнению со словами, в которых первый предударный гласный оказывается в позиции после переднеязычных согласных (типа *содрать*).

Кроме того, мы проверили, нет ли влияния на выбор одного из аллофонов фонемы /o/ наличия в следующем ударном слоге лабиализованных гласных ([o] или [y]). Распределение материала по этому параметру выглядит следующим образом:

для ВАБ1939

- перед огубленным ударным гласным (219 слов): 50,68% [o] (111 слов), 48,4% [ъ] (106 слов), 0,91% [a] (2 слова);
- перед неогубленным ударным гласным (281 слово): 58,01% [o] (163 слова), 39,86% [ъ] (112 слов), 2,14% [a] (6 слов);

для ВИС1947:

- перед огубленным ударным гласным (219 слов): 49,77% [ъ] (109 слов), 31,51% [o] (69 слов), 18,72% [a] (41 слово);
- перед неогубленным ударным гласным (281 слово): 57,3% [ъ] (161 слово), 29,18% [o] (82 слова), 13,52% [a] (38 слов).

Таким образом, материал, записанный от обеих информанток, демонстрирует примерно равное количество случаев предударного [o] и предударных нелабиализованных гласных и перед лабиализованными ударными гласными, и перед нелабиализованными. Зависимости предударного гласного от качества ударного гласного выявлено не было.

4. Второй эксперимент

4.1. Материал, задачи и этапы исследования

В ходе этой части исследования на материале скнятинского говора мы проверили две гипотезы: 1) о влиянии фразовой позиции, в которой оказывается словоформа, на выбор гласного первого предударного слога на месте фонемы /o/; 2) о зависимости качества гласного первого предударного слога от морфемы, в которой он представлен.

В качестве материала для второго эксперимента использовались три аудиозаписи: две те же, которые использованы для первого эксперимента (ВАБ1939 и ВИС1947), и третья — ДКР1939. Третья запись была добавлена на этом этапе для того, чтобы восполнить недостающие позиции с предударным гласным в некоторых морфемах (например, в суффиксе — в первых двух записях этих примеров оказалось крайне мало).

Каждая из трёх записей была прослушана с целью определения наличия или отсутствия тонального акцента⁵ на словоформе с /o/ в первом предударном слоге.

⁵ Под тональным (фразовым) акцентом мы понимаем просодическую выделенность ударного слога словоформы, которая характерна для сильной фразовой позиции [Князев, Пожарицкая 2011: 184]. Надо подчеркнуть, что определялось только наличие или отсутствие тонального акцента на слове, но не его тип в случае наличия.

Заключительным этапом в обработке материала стало разбиение всех имеющихся словоформ в зависимости от морфемы, в которой встретилась фонема /o/ первого предударного слога (например, в группу «Корень» попали словоформы *коров*, *прошу*, *болеть* и т. п., в группу «Приставка» — *сознать*, *попробуйте* и т. п.).

4.2. Анализ данных и результаты

4.2.1. Влияние наличия/отсутствия тонального акцента

Данные о том, как распределился материал по типам предударных гласных в зависимости от наличия/отсутствия тонального акцента на словоформе, представлены ниже для каждой из информанток в таблицах 9–11. Словами «да» и «нет» обозначено, соответственно, наличие и отсутствие акцента. Полу жирным в каждой таблице выделено большее значение (всего в каждой записи было рассмотрено по 500 примеров с предударным аллофоном /o/, см. описание работы с материалом в разделе 3.1).

Таблица 9. Количественное распределение аллофонов фонемы /o/ в первом предударном слоге в связи с наличием/отсутствием тонального акцента на словоформе в идиолекте ВАБ1939

	Всего 273 (100 %)	Всего 227 (100 %)
[a]	4 (1,5 %)	4 (1,5 %)
[o]	203 (74,5 %)	71 (31,5 %)
[ъ]	66 (24 %)	152 (67 %)
	да	нет

Таблица 10. Количественное распределение аллофонов фонемы /o/ в первом предударном слоге в связи с наличием/отсутствием тонального акцента на словоформе в идиолекте ВИС1947

	Всего 260 (100 %)	Всего 240 (100 %)
[a]	47 (18 %)	32 (13 %)
[o]	116 (44,5 %)	35 (15 %)
[ъ]	97 (37,5 %)	173 (72 %)
	да	нет

Таблица 11. Количественное распределение аллофонов фонемы /o/ в первом предударном слоге в связи с наличием/отсутствием тонального акцента на словоформе в идиолекте ДКР1939

	Всего 343 (100 %)	Всего 157 (100 %)
[a]	9 (2,5 %)	2 (1 %)
[o]	291 (85 %)	91 (58 %)
[ъ]	43 (12,5 %)	64 (41 %)
	да	нет

Из таблиц видно, что для всех информанток более характерно произнесение *о*-образного предударного гласного в том случае, когда словоформа является акцентоносителем, при этом *ь*-образный гласный чаще отмечен в тех словоформах, которые акцента на себе не несут.

Распределение материала по группам предударных гласных в зависимости от наличия/отсутствия тонального акцента на словоформе позволяет думать, что этот параметр является значимым в выборе аллофона фонемы /*о*/ в первом предударном слоге после твёрдых согласных.

Приведенные выше данные дают основания полагать, что *ь*-образные гласные звуки на месте фонемы /*о*/ возникают в позиции вне фразового акцента. Возможно, именно эта позиция создаёт условия, в которых нивелируется контраст по силе и длительности между гласными первого предударного и других безударных слогов, характерный в том числе для окающих говоров Владимирско-Поволжской группы и особенно ярко выраженный именно в этих говорах (см. об этом [Высотский 1973: 35–40]).

4.2.2. Тип морфемы

Известно, что в русских диалектах встречаются такие системы вокализма, в которых гласные в одних морфемах подчиняются одним правилам, а в других — другим. Например, есть целый ряд говоров с яканьем, в которых вокализм приставок (а также предлогов и частицы *не*) отличается от вокализма прочих морфем, см. об этом [Дьяченко 2025: 157–166]. На заключительном этапе исследования мы провели анализ материала на предмет возможного влияния типа морфемы на реализацию фонемы /*о*/ в первом предударном слоге в скнятинском говоре.

В материале встретилось 5 типов морфем с предударным аллофоном фонемы /*о*/ после твёрдого согласного у информанток ВИС1047 и ДКР1939 (корень, суффикс, приставка, интерфикс и окончание) и 4 типа у ВАБ1939 (нет примеров в суффиксе). Количественное распределение словоформ в зависимости от положения 1 п/у гласного в той или иной морфеме приведено ниже в таблицах 12–14. Полужирным в каждой строке выделено наибольшее значение из трёх.

Как и следовало ожидать, распределение материала оказалось очень неравномерным: большая часть примеров — это случаи с предударным гласным в корне, следующая по объёму группа приставок, все остальные группы очень малы. Группы примеров с предударным аллофоном /*о*/ в корнях и приставках демонстрируют противоречивые результаты: у ВАБ1939 число случаев с предударным [о] в корнях незначительно превышает число случаев с [ь], а в приставках — превышает более чем в два раза. У ВИС1947 в корнях, напротив, больше примеров с [ь], чем с [о], причём разница существенна (229 против 109), в приставках же число случаев с [о] почти такое же, как и с [ь]. У ДКР1939 и в корнях, и в приставках число примеров с предударным [о] значительно превышает число примеров с [ь]. Учитывая эти обстоятельства, мы считаем, что зависимость реализации 1 п/у гласного от типа морфемы отсутствует.

Таблица 12. Морфемы на месте /o/ в идиолекте ВАБ1939

	[o]	[ъ]	[a]
корень	207	187	8
приставка	58	24	0
интерфикс	2	3	0
окончание	7	4	0

Таблица 13. Морфемы на месте /o/ в идиолекте ВИС1947

	[o]	[ъ]	[a]
корень	109	229	7
суффикс	0	6	2
приставка	33	29	6
интерфикс	7	6	1
окончание	2	0	0

Таблица 14. Морфемы на месте /o/ в идиолекте ДКР1939

	[o]	[ъ]	[a]
корень	305	94	11
суффикс	11	1	0
приставка	58	8	0
интерфикс	1	3	0
окончание	7	1	0

5. Выводы

Исследование показало, что отступление от последовательного оканья возможно не только в говорах с относительно равнозначными безударными слогами (изначально полное оканье), но и в говорах с большим контрастом по силе и длительности между первым предударным и прочими безударными слогами (неполное оканье).

Анализ качества гласных у двух информантов с разницей в возрасте в 8 лет, представляющих скнятинский тверской говор Владимирско-Поволжской группы говоров, позволяет говорить о некотором расширении артикуляционного пространства, в котором реализуется фонема /o/, и наложении этой зоны на зону реализации фонемы /a/ у более молодого из информантов.

Попытка выявить условия, способствующие большей сохранности огубленного гласного среднего подъёма в первом предударном слоге, не вполне увенчалась успехом. Ни положение после губных, заднеязычных согласных и [л], ни позиция перед следующим ударным лабиализованным гласным не характеризуются более частыми случаями произношения предударного [o] (а не [ъ] или [a]), чем положение после переднеязычных согласных или перед ударными гласными незадного ряда, ни

у одного из информантов. Предположение о том, что отступления от оканья могут в большей степени охватывать какие-то конкретные морфемы, содержащие первый предударный гласный, также не подтвердилось.

Удалось установить влияние на выбор предударного гласного, реализующего фонему /o/, фразовой позиции словоформы: предударный [o] коррелирует с наличием тонального акцента на словоформе, предударный [ъ] с его отсутствием. Это обстоятельство позволяет предполагать, что позиция вне фразового акцента является условием для нейтрализации гласных /o/ и /a/ в первом предударном слоге в говорах, где ритмическая структура слова такой нейтрализации как будто не способствует, поскольку первый предударный слог по длительности и интенсивности может превышать ударный слог и, разумеется, значительно превышает по этим параметрам другие безударные слоги. Возможность нейтрализации этих гласных в условиях вне фразового акцента приводит к тому, что артикуляционное пространство, в котором реализуется /o/, централизуется, пересекаясь с зоной реализации фонемы /a/. Следующим этапом становится возможность произнесения а-образных предударных гласных на месте фонемы /o/.

Литература

- Высотский С. С.* О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973. С. 17–41.
- Дьяченко С. В.* Говор д. Скнятино Калязинского района Тверской области // Русский язык в научном освещении. № 2 (40). М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2020. С. 292–295.
- Дьяченко С. В.* Вокализм приставок и проклитик в русских говорах с яканьем // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. № 1. 2025. С. 157–170.
- Захарова К. Ф., Орлова В. Г., Сологуб А. И., Строганова Т. Ю.* Образование севернорусского наречия и срднерусских говоров. По материалам лингвистической географии. М.: Наука, 1970. 456 с.
- Князев С. В., Пожарицкая С. К.* Современный русский литературный язык: фонетика, орфоэпия, графика, орфография. Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2011. 430 с.
- Коробейникова Т. Н.* Гласные на месте /o/ и /a/ в первом предударном слоге в одном севернорусском говоре // Актуальные проблемы русской диалектологии. Материалы международной конференции 29–31 октября 2021 г. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2021. С. 111–115.
- Красовицкий А. М.* Артикуляционный сдвиг гласных и нейтрализация (на материале архангельского говора) // Проблемы фонетики. VI / Отв. ред. М. Л. Каленчук, Д. М. Савинов. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014. С. 262–279.
- Пауфощима Р. Ф.* О переходе от окающего безударного вокализма к акающему в одном севернорусском говоре (по данным спектрального анализа) // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М.: Наука, 1967. С. 83–98.
- Русская диалектология: Учебник для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, О. Г. Гецова и др.; Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Академия, 2005. 288 с.

Svetlana V. Dyachenko¹, Victoriya V. Ivanova²

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)*

*Russian State University for the Humanities²
(Russia, Moscow)*

svet-lan-a@list.ru¹, victoria.ivanova2002@gmail.com²

OKANYE IN THE DIALECT OF THE VILLAGE OF SKNYATINO TVER REGION

The article is devoted to the analysis of the specifics of pre-stressed vocalism after hard consonants in the dialect of village Sknyatino of the Kalyazinsky district of the Tver region and surrounding settlements. The research material was audio recordings of native speakers made during the 2019 expedition. Partial okanye, characteristic of the dialects of the Vladimir-Volga group, is not preserved equally well by all informants. An analysis of the acoustic characteristics of the vowels of two informants of different ages showed a tendency to neutralize the vowels /o/ and /a/ in the first pre-stressed syllable after hard consonants in both, but to a greater extent in the younger informant. The objectives of the study were to identify the conditions conducive to the most stable preservation of the pre-stressed vowel [o]. To do this, the following working hypotheses were tested: 1) the vowel [o] in the first pre-stressed syllable is better preserved in position after labial, velar or [l]; 2) the vowel [o] in the first stressed syllable is better preserved if the labialized vowel [o] or [u] is in the next stressed syllable; 3) the vowel [o] in the first pre-stressed syllable is better preserved in those word forms that carry a phrasal accent, and worse in those that are not under phrasal accent; 4) the vowel [o] in the first pre-stressed syllable may be better preserved in any of the morphemes of the word (for example, in the prefix). Of the four hypotheses, only the third one was confirmed, about the influence of the phrasal position of the word form on the pre-stressed vowel. Thus, we believe that initially the tendency to neutralize the vowels in the first pre-stressed syllable after hard consonants in dialects with partial okanye covers word forms outside the phrasal accent, and then can spread to other positions.

Keywords: dialectology, phonetics, Vladimir-Volga dialect, partial okanye, neutralization

References

D'yachenko S. V. [The dialect of the village of Sknyatino in the Kalyazinsky district of the Tver region]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, no. 2 (40), 2020, pp. 292–295. (In Russ.)

D'yachenko S. V. [Vocalism of prefixes and proclitic in Russian dialects with a yakanye]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN*, no. 1, 2025, pp. 157–170. (In Russ.)

Knyazev S. V., Pozharitskaya S. K. *Sovremennyi russkii literaturnyi yazyk: fonetika, orfoepiya, grafika, orfografiya. Uchebnoe posobie dlya vuzov* [Modern Russian literary

language: phonetics, orthoepy, graphics, spelling. Textbook for universities]. Moscow, Akademicheskii Proekt; Gaudeamus Publ., 2011. 430 p.

Korobeinikova T. N. [Vowels in place of /o/ and /a/ in the first pre-stressed syllable in one Northern Russian dialect]. *Aktual'nye problemy russkoi dialektologii. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii 29–31 oktyabrya 2021 g.* [Current problems of Russian dialectology. Proceedings of the international conference on October 29–31, 2021]. Moscow, Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021, pp. 111–115. (In Russ.)

Krasovitskii A. M. [Articulatory shift of vowels and neutralization (based on the Arkhangelsk dialect)]. *Problemy fonetiki. VI* [Problems of phonetics. VI]. Ch. eds. M. L. Kalenchuk, D. M. Savinov. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2014, pp. 262–279. (In Russ.)

Paufoshima R. F. [On the transition from an okanye unstressed vocalism to an akanye in a Northern Russian dialect (according to spectral analysis)]. *Ocherki po fonetike severnorusskikh govorov* [Essays on the phonetics of Northern Russian dialects]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 83–98. (In Russ.)

Russkaya dialektologiya: Uchebnik dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenii [Russian dialectology: A textbook for students. philol. fac. higher. studies. establishments]. S. V. Bromlei, L. N. Bulatova, O. G. Getsova etc.; ed. by L. L. Kasatkin. Moscow, Akademiya Publ., 2005. 288 p.

Vysotskii S. S. [About the sound structure of a word in Russian dialects]. *Issledovaniya po russkoi dialektologii*, 1973, pp. 17–41. (In Russ.)

Zakharova K. F., Orlova V. G., Sologub A. I., Stroganova T. Yu. *Obrazovanie severnorusskogo narechiya i srdenerskikh govorov. Po materialam lingvisticheskoi geografii* [Formation of the Northern Russian dialect and Old Russian dialects. Based on the materials of linguistic geography]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 456 p.

И. Б. Качинская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

(Россия, Москва)

kacza@yandex.ru

ТЕРМИНЫ РОДСТВА В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ: ФОНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

В статье на материале, собранном в полевых условиях для «Архангельского областного словаря», рассматривается, как фонетические изменения, характерные для северного наречия, представлены в лексико-семантической группе «Термины родства». Описана вариативность в области консонантизма и вокализма, сохранение архаических черт и появление новаторских. Отмечаются такие явления, как утрата губных и зубных согласных и [j], ассимиляции и диссимиляции, варианты с твердым и мягким согласным в основе, значительная вариативность ударений в пределах одной лексемы, переход и непереход /*с/ в [о], рефлексy *ѣ и др. В результате фонетических трансформаций варьируется звуковой образ слова, может изменяться его фонемная и морфемная структура. При этом далеко не всегда изменения на фонемном уровне позволяют вычленить новую лексему. В то же время некоторые фонетические процессы в современных говорах перестали быть обязательными, и приходится признать лексикализацию некогда фонетических явлений.

Необходимость анализа фонетического и фонематического вариантов лексем вызвана традицией их подачи в словарях: диалектных, древнерусского языка, а иногда и современного русского.

Ключевые слова: термины родства, фонетика, северные говоры, архангельские говоры, русская диалектология.

1. Синонимия терминов родства

Термины родства справедливо считаются наиболее архаичным языковым пластом, но и для них характерна динамика. В архангельских говорах (АГ) выявлено около 1 тыс. лексем, связанных с номинацией родства, при том что основных терминов немногим более 30: кровного — чуть более десятка, родства по браку — около 15, приёмного — 4, духовного — около 5.

Синонимия возникает благодаря различным языковым факторам: лексическому, когда для одних и тех же базовых понятий родства используются разные корни

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00027, <http://rscf.ru/project/23-18-00027>.

(мама, мать, родная; отец, тата, тятя, батя, папа, родитель; крёстная, божатка и т. д.); словообразовательному, когда используются различные словообразовательные модели — чаще всего аффиксальные (суффиксальные и префиксальные), но присутствует также сложение и сращение, субстантивация. Достаточно широко представлены грамматические варианты (*дедо* — *деда* — *дед*, *татка* — *татко*, *мать* — *матка*, *свекровь* — *свекрова*). Приходится учитывать фонетические и фонемные варианты.

2. Регулярные и окказиональные фонетические процессы

Принято считать, что изменения на фонемном уровне приводят к появлению нового слова, тогда как фонетические явления, даже если они не всегда регулярны, представляют собой варианты одной и той же лексемы (*дочка* и *доцька*). Однако то, что в современном литературном языке безусловно относится к фонологии или морфонологии, в говорах может представлять собой продолжающийся процесс (например переход *e > o*: *тёта* и *тёта*). Иногда уровни фонетики, фонологии и морфонологии бывает затруднительно разделить.

Рассматривая лексико-семантическую группу «Термины родства» в архангельских говорах в фонетическом аспекте, мы делим явления фонетики на стандартные, т. е. регулярные, типичные для архангельской зоны, и менее типичные, даже окказиональные. Некоторые фонетические процессы в современных говорах перестали быть обязательными, и приходится признать лексикализацию некогда фонетических явлений.

Практически все фонетические процессы, характерные для архангельских говоров, приводятся в фундаментальной работе О. Г. Гецовой [Гецова 1997]. Но когда мы изучаем конкретную лексико-семантическую группу, бывает важно выявить фонетическую и фонемную вариативность отдельных лексем.

Исследование основано на материалах вышедших выпусков «Архангельского областного словаря» (АОС), его богатейшей картотеки и собственных полевых записей автора. Примеры — слова и предложения — даны в упрощенной фонетической транскрипции, принятой в АОС [АОС, 1: 50–52]. В случае необходимости отдельные слова приводятся в стандартной транскрипции с использованием квадратных скобок. В статье сохранены места записей, расшифровка сокращений названий районов приводится в конце.

3. Вариативность терминов родства в области консонантизма

3.1.1. Аффрикаты /ч/ и /ц/. К стандартным фонетическим вариантам в архангельских говорах относится цоканье: *до́цьерь*, *вну́цек*, *вну́цька*, *ма́цеха*, *о́тчим*, *па́ццериця*. Спорадически наблюдается чоканье (как вариант цоканья): *оте́чь*, *очёв*, *молоди́ча*. В позиции перед аффрикатой может происходить ассимиляция взрывных с последующей утратой долготы: *па́ццериця*, *па́тцериця*, *паччерёнок*, *оццёв*, *оцёв*, *очёв*. При этом записи [тц] и [цц] оказываются для отражения произношения равнозначными, т. к. речь идет об удлиннении эксплозии при затворе. То же про [тч] и [чч].

Встретился случай утраты затвора у /ч/ с последующим отвердением (в примере мы наблюдаем одновременно и непоследовательное цоканье, и непоследовательную утрату затвора):

У йей и доцери, и внучки, и уш правнушки. ПИН. Кеврола.

Слово *правнушка* зафиксировано в СРНГ как самостоятельная лексема [СРНГ, 31: 59].

На месте аффрикаты /ч/ встретилось сочетание [шт']:

Две доштэри. КАРГ. Лёкимозеро.

На месте /с/ иногда фиксируется аффриката [ц]: *пáцынки*.

3.1.2. Историческая аффриката /*шч/. На месте /*шч/ в архангельских говорах встречаются все возможные варианты: мягкий [ш'ч'] и твердый [шч], мягкий и твердый однородный шипящий ([ш'ш'] и [шш]), сочетания [шт'] и [шт]: [т'óш'ч'а, т'óшча, т'óшт'а, т'óшта, т'óш'ш'а, т'óшша].

У лексем с корнем *крест-* наблюдается чередование [ст] // [ш'ш'] (*крестить* — *крещенье, крещёной, крещать*), но присутствие /ш'ш'/ в лексемах, связанных с терминами духовного родства, встретилось лишь однажды: *хрещенка*.

На месте /*шч/ в позиции после согласного встретилось произношение [ч'] ([жén'ч'ина]) с утратой первой фрикативной части.

3.2.1. Утрата губных согласных. В интервокальной позиции перед лабиализованным гласным могут утрачиваться губные согласные /б/, /в/: *баушка, деушка, свекроушка, золоушка*:

Дедушко пошóл траву косить, а баушка со скотом обряжайеца. ВИН. Заостровье. Я-то правбаушка, уш правнуцята йесь. ПРИМ. Лопшеньга. Ну што ты, мойó зерно золотойе, да разе не баушкина деушка? ВЕЛЬ. Лиходеево. От Валина-то мама тожэ моя золоушка была. ПРИМ. Нёнокса. Зделай, батюшко, скамейку, я повыберу семейку: свекорá, свекроушку, деверя, золоушку. КОН. Климовская. Какú деушку во двóр возьмút, дак рóсьтят, вóт и скáжут двороушка. МЕЗ. Дорогорское.

Лексема *баушка* настолько частотна, что во многих диалектных словарях подается как самостоятельная.

Встретилась утрата губного не в интервокальной позиции — после согласного перед лабиализованным гласным: *сёкор, сёкóр*, где /св/ > [с].

3.2.2. Утрата зубного согласного. В интервокальной позиции в заударном слоге может утрачиваться зубной /д/: *дяденька* — *дяенька*; *дядева* — *дяева*, *дэдина* — *дэина*, *дядина* — *дяина*, *дэденка* — *дэенка*, *дэдинька* — *дэинька* и проч.:

Нее, это дяинька чужой приходил, не Анатолий. ОНЕЖ. Тамица. Дяенька какой-то омманул йейó. ШЕНК. Котажка. Дунька-то дяева. ЛЕШ. Белаяцелье.

Утрата /д/ происходит через ступень ослабления /д/ в [j], и слова *дэя*, *дэешка*, *дэена* уже признаются самостоятельными лексемами:

Дэя не сёдет качёцце! ШЕНК. Поташевка. Не ба́тюшка, дэя. НЯНД. Верала. А О́льгин о́тец, о́ццү бра́т мойему́, ино́гды дэ́еши́ка назовё́ш, ино́гды дэ́дя. КАРГ. Лёкима. Фи́лпн пришо́л з дэ́еиной. ОНЕЖ. Большо́й Бор.

Достаточно частотная лексема *дэйна* образована, вероятно, в результате нескольких последовательных переходов: *дэ́дина* > *дэ́ина* > *дэйна* в результате ослабления смычного и редукции следующего гласного переднего ряда в сочетании с палатальным согласным:

Вот он з дя́тькой и дэ́йной воспíтывался. НЯНД. Моша.

Возможна утрата /д'/ и ослабление ее в [j] и в начале корня перед ударным гласным: *дэйна* > *ейна*, *эйня*, *дэверь* > *эверь*:

Фчерá говори́ла йéйня-то. За горо́хом к йéйны по́йэхали. ПИН. Ёркино. Бы́л Алексе́й да Ми́трий, они́ йéверя бра́тья мужы́ки бы́ли. ПИН. Сура.

3.2.3. Утрата /j/. В архангельских говорах (как и в других говорах, и в литературном языке), утрата /j/, или реализация /j/ звуковым нулем, достаточно частотна: *зя́тьюшко* и *зятюшко*, *деверью́шко* и *деверю́шка*, *дэверьин* и *дэвэ́рин*, *шурья́к* и *шуря́к*, *сва́тьюшко* и *сва́тушко*; *сва́тьюха* и *сва́ту́ха*.

В позиции после согласного перед гласным /j/ может полностью ассимилироваться с предшествующим согласным, удлинняя его: *бра́ттjá*, *бра́тя* (с утратой долготы), *бра́ттев*.

Встретилась и замена /j/ на /н/:

З бра́тнями жы́ла. МЕЗ. Долгоще́лье.

Соотнесенность /j/ и /н/ наблюдается в собирательных существительных *бра́тия* и *бра́тня* и в притяжательных прилагательных *бра́тьев* и *бра́тнев*, *бра́тьей* и *бра́тней*, *бра́тын* и *бра́тнин*, *дэвэ́рын* и *дэвэ́рнин*. В синхронии следует признать, что здесь конкурируют самостоятельные суффиксы.

Если /j/ утрачивается в интервокальной заударной позиции конца слова, это дает толчок грамматике, появляются стяженные окончания: *крёсненька*, *крёстенка*, *хрёсенька*, *богодána*. Может возникать вторичная субстантивация, когда слово начинает изменяться по субстантивному, а не по адъективному склонению, превращаясь в новое существительное: *крёстная мать* > *крёстная* > *крёстна* (*хрёстна*):

Я гу (говору), кака́ жэ тибé хрёсна́, ты́, грю, доро́гу не зна́шш ко хрёсьне. Эть то́ко бы собе́рись да пойдём-ка дава́й, сходи́м ко хрёсне — я бы и обраде́ла. Ты приходи́ла ко хрёсне-то? ВИЛ. Павловск. Коля уехал в мастерские узнать на счет масла и взял газ, был умерший день хрёсне (дневниковая запись). ХОЛМ. Сия. Жы́л у хрёсны́ сын. ЛЕШ. Вожгора. Фся поро́дова́-то у йéй больша́я. Сёстры, да сыновья́ да зятя́ — мно́го поро́довы́. ПЛЕС. Рыжково. У мо́лоды приди́, фсе́ выно́сиш платья́. ЛЕШ. Вожгора.

В АГ и субстантивация, и вторичная субстантивация — живой процесс, слово может иметь две парадигмы склонения одновременно (у *хрёстной* и у *хрёстны*).

Через утрату конечного [j] осуществлялся переход от субстантивата *отчей* (отчим) к вторичному субстантивату *отче*:

Отёць не родно́й — отце. Он и тепе́рь горит — я на отча не обижа́юсь, на па́пку. Он сра́зу па́пой зава́л, и фсе́. ПИН. Ёркино. С отчем бая́ть-то ста́неш, так язы́к-от шы́пко не выте́лечивай. ВИЛ. Дьяконово.

3.3. Фонема /в/. Встречаются говоры, в которых /в/ реализуется губно-зубным звуком [в] (перед гласным) и как [w] или [ў] перед согласным (и на конце слова): де́йка, золо́йка. Как вариант [ў] на месте /в/ появляется [j]:

Золо́йке ви́зоф пришо́л. ЛЕН. Паста.

В абсолютном начале слова перед согласным /в/ может вокализоваться, появляется гласный полного образования [у]. Словоформы с начальными [у, ў, w] на месте /в/ рассматриваются как фонетические варианты: *уну́к, уну́ка, пра́нука*:

Уну́ки тка́ли половики́. ПЛЕС. Федово. Уну́ка у ми́ня прие́жжя́ла, уну́ка два ра́за за́муш выходи́ла. КАРГ. Архангело. Она́ фсе́ со вну́цько́м. ВИЛ. Павловск. Эта пра́нука. КОН. Климовская.

В абсолютном начале слова перед гласным непереднего ряда может появиться протетический [в]: [во́тч'им]:

У нас у во́тчима ма́ть была́ ш Ша́рдомени. У во́тчима ма́ть з быка́ми была́. МЕЗ. Совполье.

3.4. Ассимиляция и мена губных согласных. Еще в недавнем прошлом в архангельских говорах достаточно регулярно фиксировалась ассимиляция *вн > мн* (да́мнó, сла́мнó, ро́мня, дере́мня), поэтому все варианты с начальным *мн-* на месте *вн-* в корне *внук-/внуч-* не рассматриваются как отдельные лексемы (*мнук, мну́ка, мну́чка, мну́чата, прамну́ка*):

У йей веть мну́ки, мну́ки. Фсе́ мнуця́та мо́й вы́росли. МЕЗ. Бычье. Она́ хоро́ша у нас мну́чя — молоді́цю покажу́. В-Т. Вершина. Не́т, сва́тьюшка она́ мнэ́, йейо́нна мну́чка, а мой мну́к. ВИЛ. Павловск. Я с прамну́кой ня́нчила́сь. ОНЕЖ. Пурнема.

В настоящий момент это явление как общefonетическое в говорах утрачивается и может рассматриваться или как черта идиолекта, или как вариант лексем с корнем *внук-/внуч-*.

Встретился переход *мл > бл/вл*: *младень > бла́день* или *владень* (ребенок, младенец), *млада — бла́да* (невестка):

Бла́день зове́м, кото́рый йеце́ не хо́дит. ПИН. Кеврола. Он (ребенок) цихну́л в зы́пки, а он (домовой) говори́т: «Бы́дь здра́в вла́день на сего́дняшней де́нь». Он пи́ть не пью́т, за мно́й бла́ду иле́т. МЕЗ. Дорогорское.

В корне *божат-* может происходить мена начального губного: б/в: *божа́тка* — *вожа́тка*, *божатушка* — *вожа́тушка*:

Тут йейо́ то́жэ вожа́тка увезла́, хрёсна. ШЕНК. Кота́жка. Роді́ма вожа́тушка, ты пошто́ приходи́ла? УСТЬ. Бестужево.

Л. П. Михайлова связывала произношение [б] и [в] на месте /м/ с финно-угорским влиянием [Михайлова 2013: 40]):

3.5. Диссимиляция. В лексемах, объединенных понятием ‘духовное родство’, отмечается диссимиляция в корне *крест-*: /кр/ > [хр]. Вариативность характерна практически для всех словообразовательных моделей: *крёстная* — *хрёстная*, *крёстнушка* — *хрёстнушка*, *крёстненькая* — *хрёстненькая*, *кресто́вая* — *хресто́вая*, *крёстной* — *хрёстной*, *крёстник* — *хрёстник*, *крёстница* — *хрёстница*, *крёстничка* — *хрёстничка* и т. д.:

Крёсный отёц, крёсный — не крёсный, а хрёсный, хё́ буква, хрёсной, ра́ньшэ на́шы-то ма́мы называ́ли хрёсный. ОНЕЖ. Ля́мца.

В суффиксе *-н-ниц-* на месте *-нниц-* фиксируется *-л'ниц-*: *сестре́нница* > *сестре́льница*. В настоящее время примеры на *-льниц* обычно рассматривают как лексикализацию и помещают в словари как отдельные лексемы наряду со словами на *-нниц*: *воспи́тальница*, *воспи́тальник*, *сестре́льница*, а также *сво́ячельница* (< *сво́яченица*). С другой стороны, здесь можно предполагать не только фонетические причины, а ориентацию на модель *воспи́тательница*, *роди́тельница*, *корми́льница*.

3.6. Среди терминов родства регулярно встречаются **варианты с твердыми и мягкими согласными** в основе. Корни с редупликацией в корне твердого и мягкого [т]: *та́та*, *та́тя*, *тя́тя* являются самостоятельными лексемами, каждая из основ достаточно частотна, имеет свои дериваты и свои ареалы на территории Архангельской области. Наряду с этими корнями частотны варианты *те́та* — *те́тя*. В корне *сват-* встретились *сва́тко* и *сва́тка*. Твердый /д/ в лексемах *дя́да*, *дядо́*, *деда́ся*, *дяду́шка*, возможно, вызван аналогией с лексемами *те́та*, *те́тушка*. Варианты с [д’/д] зафиксированы и в лексемах, называющих жену дяди: *де́дьна* и *де́дна*.

Вариативность по твердости — мягкости особенно частотна у вибранта *р*. С корнем *роб-* (более древним) в картотеке АОС встретилось около 50 лексем, с корнем *реб-* около 40. Многочисленны дублиеты: *робёнок/ребёнок*, *робята/ребята*, *робёш*, *робёш/ребёш*, *робятишки/ребятишки* и др. [ОСАГ; КАОС]. Помимо этого, зафиксированы параллели *до́черька* — *до́черка*, *до́чёрка*, *шу́ряк* — *шура́к*, *се́стрин* — *се́стрын*; *сестри́нница* — *сестры́нница* и др.

3.7. Омофония. Стандартные фонетические изменения (оглушение) делают одинаково звучащими слова с разным фонемным составом. Появляются омофоны: [д’ётки] — *детки* или *дедки*. Совпадают в звучании лексемы *пра́вдетко*, *пра́вдетки* (‘правнук’, ‘правнуки’) и *пра́вде́тко*, *пра́вде́дки* (‘прадед’, ‘прадеды’) —

надежность значения вытекает только из очевидного контекста или пояснения собирателя:

правнук: *Мáленькой парнеце́к — мнѐ **пра́вдетко** ли хтó. У сына парни́це́к. В-Т. Вершина. Фсѐ помира́ют, худя́ишы **пра́вдетки**, бу́тто и не жыва́ли. МЕЗ. Долгощелье.*

прадед: ***Пра́вдетко** у йѐй был по́п. ОНЕЖ. Турчасово. **Пра́вдетки** — старíнны дѐды, отцѐй отцы́. МЕЗ. Кимжа.*

4. Акцентологические варианты

4.1. Регулярно встречается вариативность ударения в основе: *до́чишка, до́чушка, до́черка; сыно́чек — сыночо́к, вну́чек — внучо́к, вну́чата; пра́дед, пра́дедка, пра́внук:*

*Одна́ до́чишка оста́лась. Тут хо́ит друго́во му́жа до́чишка, ста́ра де́ва. ОНЕЖ. Лямца. Та́к-то у меня́ до́церки одна́ в Алта́йе, друго́а ф Ка́рпове. ПИН. Шардонемь. Схо́дят-то до́черки за водо́й. ПИН. Вальтево. Хорошо́, сыно́чѐк йѐще́ не забыва́. Пнѐ пина́чѐк, да сво́й сыно́чѐк. ПИН. Ёркино. Тут йѐйны фсе вну́чаты. КАРГ. Архангело. **Вну́чаты**, те́ бы хоте́ли спа́ть, да неохо́та с йимя́ волю́ция. УСТЬ. Строевская.*

Акцентологические варианты встретились в словах *бра́тѐльник, бра́ти́лко, бра́ткó; сѐстра́, сѐстри́ца, сѐстри́нка, сѐстрѐнница; свѐкра́, свѐко́р, зя́тькó, сно́ха, дѐвѐрья; двою́родник, трою́родник, двою́родный, трою́родный и, соответственно, двою́родница, двою́родная, трою́родная и др.*

Отмечено разноместное ударение в падежных формах: *де́дья́, дя́дья́, дя́дѐй; бра́тья́, бра́тѐй, бра́тьѐв и братьѐв, бра́тьями́, сѐстѐр.*

4.2. Вариативность ударения в приставках. Самый частотный префикс *пра-*, который используется для указания на 3-е колено восходящего и нисходящего родства, может быть как ударным, так и безударным. Иногда колебания ударности-безударности встречаются в одном контексте:

И пра́внучька́ йѐсь, и правну́к. Правну́чька, пра́внучька. Чѐтыре правну́цьки имѐю. ШЕНК. Верхоледа.

Префикс *про-* под ударением встречается реже, чем без ударения:

Про́внук-от йѐй бу́дѐт. Ищѐ́ про́внуки жы́вут, дѐржу́ йѐх. ВИЛ. Павловск. Про́внуки ужѐ́. ПРИМ. Нѐнокса. — Пе́тька-то вну́к, а э́тот про́вну́к. ПИН. Покиеньга.

Префикс *па-* оказывается ударным при корне *сын-*; при корне *дчер-* он практически везде безударный, кроме лексемы *па́дчерица*, в которой наблюдается два ударения: на исторической приставке (основная масса примеров) и на основе (реже):

Робѐнок му́жа от пе́рвой жѐны́ — па́дчери́ца, неродна́я до́чь. УСТЬ. Сабуровская. Пачерѐнок да пачери́ца называ́лись. ОНЕЖ. Турчасово.

5. Вариативность терминов родства в области вокализма

5.1.1. Сохранение и утрата гласного на конце слова. В АГ спорадически наблюдается конечный *-о* в словах муж. рода 2-го скл. (*заво́до, тра́кторо* и проч.). Это фонетическое явление было характерно для поколения до 20-х годов рождения включительно. Появляются фонетические варианты терминов родства *оте́цо, сы́но, му́жо, свё́коро, зя́тё, пра́внуко*:

Оте́цо фсё охотником был то́жэ. *Сы́но* при́еде. *Пра́внуко* йесть. ПИН. Веегора. *Сы́но*-то и зна́ть не зна́ет, где ма́терь. ПИН. Кушкопала. Э́тот му́жо мо́ложэ йейо́ был. ПРИМ. Зимняя Золотица. Поги́п на войны́ у меня́ му́жо. ПИН. Чакола. Де́душко са́м плёл, *свё́коро*. ПИН. Шотогорка. У ва́с у хозя́йки *зё́тё*-то то́жо дво́ряга. ВИН. Заостровье.

Л. Л. Касаткин считал этот конечный *[-о]* пояснением *ъ [Касаткин 1996; 1999: 464–477], хотя рассматривал и другие гипотезы. С. В. Князев возводит происхождение конечного *[-о]* у таких существительных к изменению постчастицы *-от* [Князев, 2023]. Подобные примеры с конечным *-о* есть и в [Гецова 1997: 171]. Мы не считаем эти словоформы самостоятельными лексемами, но кажется правильным их отметить. Возможно, существование таких словоформ поддерживалось большим количеством существительных на *о*-склонение (*де́до, де́дко, ба́тюшко, та́то, та́тко, та́тонько, сынíшко, сы́нушко, бра́та́нко, бра́та́нушко, бра́телко, бра́тишко, дя́дюшко, дя́дько* и даже *ма́мушко, ма́тенко, ма́тко, те́ченько, те́тушко* и мн. др.), которые изменяются по модели среднего рода.

Исторически у лексем *мати, доче* конечный гласный утрачивался, хотя в очень многих АГ он до сих пор сохранился:

Она то́у́ста́я ста́ла, как ма́ти, на ма́терь нахо́дит. ВИЛ. Павловск. Реба́та (мальчики) называ́ли ма́ти, де́фки — ма́ма. ПИН. Кеврола. Ле́на, моя́ до́чи-то, на мото́цы́кле йеха́ли. В-Т. Вершина.

5.1.2. Утрата гласного. Конечный гласный может утрачиваться у лексем *дядя, тётя* при сочетании с именем собственным (явление общерусское):

Дя́ть Ко́ля тут запо́лжа́л (заползал) на э́тот сто́лп и на то́ттам. ПИН. Явзора. У на́с ма́мин бра́т, дя́дь Ми́ша-то во́т, жэни́лся. УСТЬ. Синики. Те́ть Ли́да, у тебя́ йе́сть вино́-то? ОНЕЖ. Большой Бор.

Возможно, на это повлияла новая звательная форма 1-го скл. с нулевым окончанием.

5.2. Переход и непереход *е > о*. Фонетические особенности многих лексем связаны с переходом *е > 'о* или его отсутствием: *те́та — та́та, те́тка — та́тка, те́тушка — та́тушка, те́ченька — та́ченька, те́тин — та́тин; се́стры — се́стры, сестре́на — сестре́ни, сестре́нка — сестре́нка, се́стрины — се́стрины; доче́рка — доче́рка, же́нушка — же́нушка; те́ща — та́ща, свё́кор — свё́кор, свё́кр — свекр, крё́стная — крё́стная, крё́стенькая — крё́стенькая,*

Даже если считать, что в большинстве примеров соответствие *дяд'* — *дед'* обусловлено фонетическими причинами, в некоторых случаях произошла лексикализация, появилось противопоставление корней *дед'*–/*дяд'* на уровне семантики. Лексемы *дядя*, *дядюшка*, *дядюшко* означают кровного родственника, родного дядю, лексемы *дэдя*, *дэюшка*, *дэюшко* — родственника по браку, мужа родной тетки:

Родныйе — это дядя и тётя, а чужыйе — дэдина и дэдя. МЕЗ. Баковская. Это нам ле пошто-то чужым дэдя, а йему-то дядя. Это не по крови уж дэдей-то зовут, так-то дядя, оц-то брат был. МЕЗ. Бычье. Йещё не дядя звали ф старину — дэдя, дэдя Миша. ВИЛ. Тырпасовская. Котора папы родна сестра — то тётя. А йесли замужем она, невестка кому ф том доме, значит, она нам дэдинка. А йесли зять, звали дэдя. ПИН. Кушкопала. Дэюшко — мойей тётке муш. КАРГ. Ошевенск.

Жену дяди в архангельских говорах называют особым термином, связанным с корнем *дяд-* (*дэденка* и мн. др.). Вариантов с *дед-* намного больше, чем с *дяд-*:

Мой дядя жэнился на жэньщине, она мне будет дэдина, надо бы дядина, а говорили дэдина. УСТЬ. Синики.

Наблюдается мена [а]/[е] на месте /а/ для понятия ‘муж дочери, зять’: *зять* — *зеть*, *зятелко* — *зётелко*, *зятюшка* — *зётюшко*:

Раньше-то не зять, а зеть, стары таг звали. ОНЕЖ. Тамица.

То же для племянников: *племянник* — *племённый*, *племяннищек* — *племённыйчек*, *племённыйчко*, *племянница* — *племённая*, *племяненька* — *племёненка*.

Следовало бы ожидать похожую картину у лексем *тятя*, *тятька*, *тятенька* (‘отец’). Однако при всей частотности этих лексем пример на переход /а/ в [е] в картотеке АОС встретился только один:

Я попросила, да тетя сказал: и так умёйеш пресь. КРАСН. Верхняя Уфтюга.

Возможно, отсутствие перехода связано с избеганием омонимии с корнем *тет-*, обозначающим ‘тетку’, в котором /е/ далеко не всегда переходит в [о] (*тётя*, *тётенька*).

Встречается [е] на месте /а/ в безударной позиции между мягкими согласными:

Дедяк приехал. ПЛЕС. Рыжково. Дедьё и дэдины да тётки. КАРГ. Лёким-озеро. Такой дэдина был, пот потолок. ВИЛ. Тырпасовская.

Переход а > е в первом предударном между мягкими столь же непоследователен, как и под ударением: *зятёк*, *зятько́*, *зятило́* и *зетёк*, *зетько́*, *зети́ло*, *зетю́ха*. То же в непервом предударном: *зятенёк* — *зетенёк*.

5.4. Рефлексы *ѣ. С историческим ятем связаны лексемы *дед*, *девушка*, *невестка*, *свесть*, *дети* и их дериваты. Кроме того, этимологи предполагают, что в лексеме *дядя* и ее дериватах также был *ѣ: «В литературе русск. дядя давно

рассматривается как родственное слав. *дѣдъ*» [Трубачев 1959: 85]. Таким образом, вариант [d'ed'- на месте ожидаемого [d'ad'-] может рассматриваться и как результат современных фонетических преобразований, где /a/ > [e] (см. выше), и как элемент архаического слоя, где /e/ был ятевого происхождения.

Этимологическим *ѣ может объясняться наличие в корне [и] в словоформе [d'íd'úшко] наряду с вариантом *дѣдюшко*:

Там дѣдюшко Арсѣнтий дал игрушку, он приломал, фсю приломал. МЕЗ. Дорогорское.

Есть похожие примеры, где речь идет о жене дяди:

А минѣ дѣденка — тати за братом-то — и гоорит... ПИН. Сура. Она мне дѣйенка — значит, тѣта. ПИН. Ёркино.

Не очень ясно возникновение варианта дѣдя:

Прямо под горой карбас у йогó, у йогó больша дóрочька (лодка). Дѣдя шиыл сам. МЕЗ. Дорогорское.

Если считать, что здесь произошел переход *e* > *o*, то этот переход имел не фонетические причины. Возможно аналогическое влияние слова *тѣтя*.

В АГ встречаются случаи, когда *e* любого происхождения, в том числе неятевого, может произноситься под ударением между мягкими согласными как [и]: *сестрѣнница — сестринница, хрѣщенка — хрищенка*.

6. Фонетика > морфонология

Фонетические трансформации могут способствовать изменениям не только на уровне грамматики, но и на словообразовательном уровне, способствуя появлению новых морфем и даже создавая некоторую словообразовательную проблему.

Фонетические и фонемные изменения часто возникают не как единичные, а в комплексе. Утрата согласного в интервокальной позиции влечет за собой зияние, зияние, если не происходит эпентезы, приводит к стяжению гласных, исчезает слог — меняется морфологический шов. Так, адъективы *двоюрдной*, *троюрдной*, *двоюрная* представляют собой результат стандартных фонетических изменений: сначала происходит утрата заударного гласного: *...юррод* > *...юрд*, а потом упрощение группы согласных: *рдн* > *рн* (в АГ зафиксированы обе стадии этого процесса), в результате от корня *род-* может сохраниться только звук [р] (*двоюрдной* > *двоюрдой* > *двоюрной*).

С утратой /б/ в интервокальной позиции связано появление лексем *прабушка* и *прабулечка*. Фонетические изменения, вероятно, шли следующим путем: утрата согласного и последующее стяжение на месте зияния: *праба(б)ушка* > *праб(а)-ушка* > *прабушка*:

Прабушка, да фсѣ жыву. ВИН. Заостровье.

В значении 'прадед' встретилось слово *правдушка*, которое может быть объяснено фонетически: утратой заударного слога: *прав(де)душка* > *правдушка*. Другое

предположение — как и в случае с *пра́бушкой*, сначала утратился интервокальный согласный /д/, после чего произошло стяжение гласных: *пра́вде(д)ушка* > **пра́в-д(е)ушка* > *пра́вдушка*. Лексема *пра́вдушки* встретилась и в значении 'прадеды, предки':

Это пра́вдушки говори́ли, пра́вердушки. ВИЛ. Павловск.

В номинации 'прабабушка' встретилась лексема *пра́ведушка*. Возможно, это слово является фонетическим вариантом лексемы *пра́вдедушка* (так могли называть не только прадеда, но и прабабку). В результате ассимиляции мог утратиться согласный /д/: *вд* > *в*: *пра́в(д)едушка*.

Пра́ведушка — не ба́бушка уи она́ бу́дет, у сы́на-то уи робя́та, оцю́-то ба́бушка, моя́-то бы свекро́фка, фторя́я ба́бушка. Я давно́ **пра́ведушка**. КРАСН. Верхняя Уфтюга. Тепе́рь зову́т ма́мой (свекровь), ра́ньшэ ма́тушкой, а **пра́ведушка** — праба́бушка. **Пра́ведушка** моя́ дак уж го́ря приняла́! ЛЕН. Рябово. Я уи **пра́ведушка** тепе́рь, го́т уи. ВИЛ. Селяна.

Лексемы *пра́ведушка* и *пра́вдушка* в значениях 'прадед' и 'прабабка' есть в СРНГ [СРНГ, 31: 52]).

Лексему *прадде́душко*, возможно, не стоило бы рассматривать как самостоятельную, а лишь как вариант лексемы *правде́душко*: оба слова оказались в одном контексте, и слово *прадде́душко* как бы «поясняет» слово *правде́душко*:

*А он уи им не де́душка, а **правде́душко**, **прадде́душко**. ШЕНК. Котажка.*

Однако в том же говоре зафиксированы лексемы *прадба́бушка* и *прадвну́к*. Встретились лексемы с видоизмененным корнем: *вник-* (вместо *внук-*):

*У ста́ршэй уи **пра́вник**, дво́йе. ШЕНК. Усть-Паденьга. До́щерь ту́т недалёко жы́вёт, да вну́ка, да **пра́вники**. ШЕНК. Ямская Гора.*

Лексемы *пра́вник*, *пра́вничек*, *пра́вничка* с заменой /у/ на /и/ в значениях 'правнук' и 'правнучка' есть и в СРНГ [СРНГ, 31: 59].

7. Заключение

Нет таких говоров, где бы наблюдалась сплошная архаика или сплошное новаторство. В какой-то языковой зоне сохраняется архаика, а в какой-то развивается новаторство. Однако то же самое можно сказать не только о говорах вообще, но и о лексико-семантических группах, полях. Фонетические и фонемные изменения не обошли стороной и такую, казалось бы, устойчивую, стабильную лексическую группу, как термины родства. Фонетические трансформации (переход **e* в *o*, отверждение плавных, регулярные диссимиляции, метатезы, выравнивание парадигмы и мн. др.) порождают изменения на фонемном уровне, и далее сдвиг идет в области морфонологии, грамматики, лексики. При этом наблюдается широкая вариативность не только на междиалектном уровне, но порой у одного и того же информанта даже в пределах одной синтагмы.

Необходимость представления фонетического и фонематического вариантов интересующих нас лексем вызвана традицией их подачи в словарях: диалектных, древнерусского языка, а иногда и современного русского.

Районы Архангельской области. Список сокращений

В-Т.	Верхнетоемский	МЕЗ.	Мезенский
ВИЛ.	Вилегодский	ОНЕЖ.	Онежский
ВИН.	Виноградовский	ПИН.	Пинежский
КАРГ.	Каргопольский	ПЛЕС.	Плесецкий
КОН.	Коношский	ПРИМ.	Приморский
КОТЛ.	Котласский	УСТЬ.	Устьянский
КРАСН.	Красноборский	ХОЛМ.	Холмогорский
ЛЕН.	Ленский	ШЕНК.	Шенкурский
ЛЕШ.	Лешуконский		

Литература

АОС — Архангельский областной словарь. М.: Изд-во Моск. ун-та; Наука, 1980–2025—. Вып. 1–26— (изд. продолжается). <http://www.philol.msu.ru/~dialectology/dictionary/>

Гецова О. Г. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингво-географическая характеристика // Русские диалекты: История и современность / Вопросы русского языкознания. Вып. VII. М.: Диалог МГУ, 1997. С. 138–197.

КАОС — Картотека «Архангельского областного словаря». МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, каф. русского языка, каб. русской диалектологии.

Касаткин Л. Л. Гласные звуки на конце слова в современных севернорусских говорах на месте редуцированных гласных древнерусского языка // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сб. к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. М.: Индрик, 1996. С. 243–255.

Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Языки славянской культуры, 1999. 529 с.

Князев С. В. Хлебо, кресто и паёко в архангельских говорах: фонетика или не фонетика? // Русская речь. 2023. № 1. С. 21–44.

Михайлова Л. П. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск. М.: Изд-во КГПА, 2013. 350 с.

ОСАГ — Обратный словарь архангельских говоров / Под ред. О. Г. Гецовой. М.: Наука, 2006. 559 с.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., СПб.: Наука, 1965–2023—. Вып. 1–54—. (изд. продолжается).

Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 212 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4-х тт. / Пер. с немецкого и доп. чл.-кор. АН СССР. О.Н. Трубачева. Изд. 2-е. М.: Прогресс, 1984–1986.

Irina B. Kachinskaya

Lomonosov Moscow State University

(Russia, Moscow)

kacza@yandex.ru

THE TERMS OF KINSHIP IN ARKHANGELSK DIALECTS: THE PHONETIC ASPECT

The paper examines how phonetic changes characteristic of Arkhangelsk dialects as a northern variety of Russian affected items of the lexico-semantic group “Kinship Terms”. The article shows variability of terms as related to consonantal and vocalic systems, the preservation of archaic features and the emergence of innovative ones. There are such phenomena as the loss of labial and dental consonants and [j], assimilation and dissimilation, variants with a hard and soft consonant in the base, significant variability of accents within the same lexeme, transition and intransigence /**e/* in [o], reflexes of **ѣ* and much more. Some phonetic processes in modern dialects have ceased to be mandatory, and it is necessary to recognize the lexicalization of once phonetic phenomena. As a result of phonetic transformations, the sound image of a word varies, and its phonemic and morphemic structure may change. However, changes at the phonemic level do not always make it possible to isolate a new lexeme.

The need to present phonetic and phonemic variants of the lexemes we are interested in is caused by the tradition of their presentation in dictionaries of the Old Russian (and sometimes modern Russian) language, as well as in dialect dictionaries.

A large amount of factual material collected in the field during the collection of materials for the Arkhangelsk Regional Dictionary is presented.

Keywords: the terms of kinship, phonetics, Arkhangelsk dialects, Northern dialects, Russian dialectology.

Reference

Arkchangel'sky oblastnoy slovar [Arkhangelsk Region Dialect Dictionary]. Moscow, 1980–2024, vol. 1–25–. (In Russ.)

Fasmer M. [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, 1984–1986.

Getzova O. G. [Dialectal differences of Russian Arkhangelsk dialects and their linguistic and geographical characteristics] // *Russkie dialekty: Istoriya i sovremennost'* / *Voprosy russkogo yazykoznanija*. Vol. VII. Moscow, 1997. P. 138–197. (In Russ.)

Kasatkin L. L. [Vowel sounds at the end of a word in modern Northern Russian dialects in place of the reduced vowels of the Old Russian language] // *Rusistika. Slavistika. Indoeuropeistika. Sbornik k 60-letiyu Andreyana Anatol'evicha Zaliznyaka* [Russian studies. Slavistics. Indo-European studies. Collection dedicated to the 60th anniversary of Andrei Anatolyevich Zaliznyak], Moscow, 1996. Pp. 243–255. (In Russ.)

Kasatkin L. L. *Sovremennaya russkaya dialektnaya i literaturnaya fonetika kak istochnik dlya istorii russkogo yazyka* [Russian Russian dialect and Literary phonetics as a Source for the History of the Russian language]. Moscow, 1999.

Knyazev S. V. [*Hlebo, kresto and payoko* in Arkhangelsk dialects: phonetics or not phonetics?] *Russian speech*. 2023. № 1. P. 21–44. (In Russ.)

Mihajlova L. P. *Slovar' ekstencional'nykh leksicheskikh edinits v russkikh govorah* [Dictionary of extensive lexical units in Russian dialects]. Petrozavodsk — Moscow, 2013. (In Russ.)

Obratnyj slovar' arhangel'skikh govorov [Reverse dictionary of Arkhangelsk dialects] / Ed. by O. G. Getzova. Moscow, 2006.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [A dictionary of Russian folk dialects]. Ed. by F. P. Filin, F. P. Sorokoletov, S. A. Myznikov. Leningrad, Sankt-Petersburg, Vol. 1–54. 1965–2023.

Trubachev O. N. *Istoriya slavyanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevnejshikh terminov obshchestvennogo stroja* [The history of Slavic kinship terms and some of the oldest terms of the social system]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1959.

С. В. Князев

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Москва, Россия

svknia@gmail.com

ПРОСОДИЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ВЫСКАЗЫВАНИЯ В РУССКИХ ДИАЛЕКТАХ: УТВЕРЖДЕНИЯ

Сопоставительный анализ интонации утверждений с разным типом информационной структуры в 62 русских диалектах показал, что основные диалектные различия в этом отношении распределены в направлении с севера на юг и заключаются, в первую очередь, в наборе интонационных контуров, которые используются для просодического оформления презентационного, информационного, мимативного, исключаяющего и контрастного типов фокусов. В большинстве говоров в этой функции зафиксировано пять мелодических контуров (взаимнооднозначное соответствие между типом информационного фокуса и интонацией высказывания), в ряде других диалектных систем — только четыре, так что в говорах центра совпадает просодическая структура утверждений с презентационным и информационным фокусом. Дальнейшие лингвогеографические различия наблюдаются в фонологической структуре утвердительных контуров: в южнорусских и западных среднерусских системах различие между информационным и контрастным фокусом может быть реализовано как за счет типа тонального акцента, так и за счет характера начального пограничного тона. В северо-восточных говорах в утверждениях с информационным фокусом представлен восходящий тональный акцент, в остальных — нисходящий.

Ключевые слова: лингвогеография, русские диалекты, утверждения, информационный фокус, интонация, тональный акцент

1. Цель и материал исследования

Целью работы является анализ просодического оформления¹ утверждений с разными типами информационной структуры в русских диалектах. Один из основных вопросов, ответ на который мы хотели бы получить (или хотя бы приблизиться к возможности дать этот ответ), поставлен в работе М. Краузе, К. Саппока

¹ Основные сведения об интонационной модели, в рамках которой строится описание, см., например, в [Князев 2026]. Расшифровка знаков просодической транскрипции, которую мы используем при анализе русской диалектной интонации, приведена в Приложении.

и О. Йокоямы: можно ли считать, что в диалектах представлена та же интонационная система, что и в литературном языке, или же это особая система с собственным набором интонационных типов и специфическим соотношением с определенными значениями [Krause et al. 2003: 251]?²

Материалом исследования служили диалектные записи, сделанные в разное время в основном сотрудниками Института русского языка РАН им. В. В. Виноградова. В ходе исследования использовались только данные, полученные от информантов не позднее 1942 года рождения (самые старшие родились еще в XIX в.), так что наше описание характеризует то, что принято называть «архаическим слоем говоров». Значительная часть использованных материалов, включая собственно звуковые файлы и их интонационную разметку, доступна онлайн в созданном нами корпусе просодии русских диалектов (ПРuD) [Князев, Мороз, Дьяченко 2024]. Всего было обследовано 62 говора, относящихся к 14 диалектным группам, из 98 населенных пунктов: 17 севернорусских, 17 среднерусских, 28 южнорусских; дополнительно были рассмотрены 2 белорусских и 4 украинских говора, пограничных с русскими. Все информанты, данные которых приводятся ниже, — женщины, поэтому данный параметр в подписях к рисункам не указывается.

2. Утвердительные высказывания: типы фокуса и просодия

2.1. Первое подробное описание русской диалектной интонации представлено в работах Олафа Брока [1907; 1910; 1916]. О. Брок считал, что в русском языке существует особая словесная просодия³, которая в той или иной степени подавляется фразовой. Однако в качестве словесной он описывает скорее «нейтральную» повествовательную интонацию [Брок 1910: 226–227]. О. Брок характеризует также просодические различия между южнорусскими и севернорусскими говорами (и тем языковым вариантом, который сейчас принято называть литературным). Его описание можно суммировать следующим образом: в вопросительных и нейтральных «повествовательных выражениях» в севернорусских говорах и «образованной русской речи» фиксируется повышение тона на ударном слоге, а «въ утвердительныхъ, а также въ повелительныхъ выражѣніяхъ» — понижение [Брок 1907: 19–20]. Наоборот, в южных (мосальских) говорах в нейтральном повествовании «старинный образъ рѣчи» заключается в том, что «удареніе, падающее на первый слогъ слова, можно назвать высокотоннымъ и нисходящимъ; оно довольно похоже на сербское <...>. А если удареніе лежитъ не на первомъ слогѣ, — типичная форма интонаціи такая, что слогъ *передъ* ударяемымъ имѣетъ высокій тонъ, между тѣмъ какъ ударяемый слогъ выговаривается на значительный интервалъ ниже» [Брок

² “However, any attempt to describe these intonational differences is faced with the following questions: Does the language variety in question have a separate intonational system in its own right, a different set of intonational rules creating contours and corresponding meanings that are not found in other language varieties or, as dialect is involved, in the standard language? Or is it the case that the intonational system remains the same and that there are other factors determining speakers’ differing behaviour?” [Krause et al. 2003: 251].

³ См., впрочем, описание русской словесной просодии в [Кодзасов 2009: 271–360].

1916: 7], то есть фиксируется понижение тона там, где в северных говорах наблюдается повышение. Весьма примечательным представляется, конечно, сейчас тот факт, что О. Брок считает, что московская речь образованных людей сходна в этом отношении именно с севернорусской.

В дальнейшем специфический характер просодического оформления утверждений в северо-восточных русских диалектах не раз становился объектом исследования, так что к настоящему времени хорошо известно, что в этих говорах в подобной функции наряду с нисходящими тональными акцентами используется и восходящий⁴ [Кузнецов 1949: 13–14; Щигель 1985: 109; Пауфощима 1989: 58–59, 61]. Весьма примечательно при этом, что практически никто из исследователей, описывавших эту особую севернорусскую утвердительную интонацию, не пытается охарактеризовать условия, в которых она используется. Исключением здесь является только О. Брок, но его разделение на «повествовательную» и «утвердительную» интонацию не совсем очевидно. В работе [Князев, Пронина 2021] было отмечено, что характер движения тона в утвердительных репликах в архангельских говорах хорошо коррелирует с типом просодического оформления предшествующего высказывания: после нисходящего тона предшествующей реплики в реплике-реакции чаще всего фиксируется нисходящий, после восходящего — восходящий. Очевидно, однако, что эта «фонетическая» корреляция представляет собой всего лишь проявление каких-то иных языковых закономерностей.

2.2. Прежде чем описывать собственно интонацию утвердительных высказываний, на наш взгляд, следует попытаться определить, какие существуют их типы в отношении возможных просодических различий. Представляется, что наиболее удобной в этом отношении является классификация высказываний в рамках теории их информационной структуры. В ней под термином «информационный фокус» в самом широком смысле обычно понимают новую и/или наиболее важную часть предложения или высказывания: “The notion of focus has been explicated in a variety of ways, in particular as ‘highlighting’ the ‘most important’ or ‘new’ information in an utterance” [Krifka 2008: 255]. Разные типы фокуса могут быть выделены на основании 1) наличия и типа возможных альтернатив, которые важны для интерпретации сообщения [Krifka 2008: 247]; 2) степени выражаемого контраста [Kiss 1998; Krifka 2008; Cruschina 2012, 2022; Bianchi et al. 2016; Repp 2016; Dal Farra 2018]. Эти типы могут быть выражены лексически, синтаксически и/или просодически, причем в разных языках и в пределах одного языка способы их выражения могут быть различными.

Ниже мы (с несущественными уточнениями) воспроизводим классификацию, предложенную в [Bianchi et al. 2016: 5]: “The definitions outlined above simply make reference to the precise kind of contrast within the set of alternatives evoked by narrow focus: open contrast for information focus, explicit contrast for contrastive/corrective focus, contrast against expectations for mirative focus, and restrictive contrast for exhaustive focus”.

⁴ По нашим данным, нисходящий тональный акцент при оформлении утвердительных реплик в архангельских говорах встречается лишь в 20% всех случаев, восходящий — в 80% [Князев, Пронина 2021].

В первую очередь на этом основании выделяются:

- **широкий** («презентационный») фокус (маркирующий все предложение / высказывание, которое может быть ответом на вопрос типа *Что произошло?* — **К нам приехал Ваня**); он характеризуется отсутствием как контраста, так и возможных альтернатив;
- **узкий** фокус (относящийся к составляющей высказывания).

К разновидностям узкого фокуса относятся (в порядке увеличения выражаемой степени контрастности):

- **информационный** в узком смысле (information) отмечается в ответах на вопрос с вопросительным словом, маркирует введение новой информации в дискурс в случае выбора из контекстуально открытого набора возможностей:
 - — *Кто купил квартиру?*
 - — *Ее купил **Ваня**;*
- **исчерпывающий** или **исключающий** (exhaustive) фокус, имеет место в случае идентификации одного варианта из набора существующих (зачастую при помощи выделительно-ограничительных частиц)⁵, к этому же типу мы относим высказывания со значением очевидности:
 - *Это именно **Ваня** купил квартиру!*
 - ***Естественно!**;*
- **миративный** (mirative) фокус маркирует контраст с ожиданиями участников диалога когда происходят события, неожиданные для участников коммуникации:
 - *А Ваня вроде не работает, а купил **квартиру!**;*
- **контрастный** (contrastive) реализует контраст между выделяемым компонентом и параллельными ему (в случае выбора из имплицитного ограниченного набора):
 - — *Я бы выпил кофе, но скоро спать ложиться.*
 - — *Тогда возьми **смузи!**;*
- **корректирующий** (corrective) — маркирует выбор из эксплицированного в дискурсе закрытого набора (он может рассматриваться как подтип контрастного):
 - — *Нет, квартиру купил не Ваня, а **Петя**.*

Единого мнения о том, сколько именно типов фокуса существует и в какой степени грамматикализованы различия между ними, в лингвистике к настоящему времени не сложилось. На этом основании в дальнейшем изложении мы будем использовать несколько упрощенную (по сравнению с приведенной выше) классификацию без разграничения контрастного и корректирующего фокуса, поскольку

⁵ “It indicates that the focus denotation is the only one that leads to a true proposition, or rather more generally: that the focus denotation is the logically strongest that does so” [Krifka 2008: 259].

в нашем материале не встретилось ни одного случая, когда они противопоставлены при помощи просодических средств.

Конечно, приведенная выше классификация довольно условна; кроме того, в условиях анализа диалектных записей, значительная часть которых сделана довольно давно, принимать решения об отнесенности того или иного высказывания к тому или иному типу только по контексту, зачастую к тому же отсутствующему, бывает затруднительно (в наибольшей степени это касается дифференциации утверждений с презентационным и собственно информационным фокусом). Поэтому в некоторых случаях наши решения основывались на следующих критериях:

- к высказываниям с презентационным фокусом мы относим нейтральные утверждения, представленные в повествовании, которые чаще всего оформляются мелодическим контуром с факультативным восходящим предъядерным акцентом на теме и нисходящим ядерным на реме;
- к высказываниям с информационным фокусом — неконтрастивные утверждения в ответах на конкретные вопросы, оформленные наиболее частотным мелодическим контуром;
- к высказываниям с исключаяющим фокусом — утверждения со значением очевидности в ответах на конкретные вопросы, оформленные гораздо более редким мелодическим контуром, зачастую сопровождаемые соответствующими частицами;
- выделение утверждений с контрастным и миративным фокусом обычно затруднений не вызывают.

Следует отметить, что в предыдущих исследованиях русской диалектной интонации, посвященных преимущественно фразовой просодии отдельных (групп) русских говоров, авторы не разграничивали описанные выше типы информационной структуры, сосредоточиваясь лишь на противопоставлении утверждений с «нейтральным» (презентационным и информационным) и «ненейтральным» (остальными) типами. В настоящей работе предпринимается попытка восполнить этот существенный пробел на всем доступном к настоящему моменту материале.

2.3. Вопрос о просодических маркерах того или иного типа фокуса в литературном русском языке (СРЛЯ) не становился еще предметом специального анализа. Одним из очевидных противопоставлений этого рода можно считать, например, разграничение ИК-1 и ИК-2 в рамках концепции Е. А. Брызгуновой, где считается, что ИК-1 (см. рис. 1) «употребляется при повествовании» и «выражает собственно завершенность, в которой отсутствует смысловое противопоставление или сопоставление» [Брызгунова 1980: 109], то есть характеризует высказывания с широким **презентационным** и узким **информационным** фокусом⁶, в то время

⁶ Об этом свидетельствует тот факт, что ИК-1, по мнению Е. А. Брызгуновой, употребляется как в высказываниях типа газетных заголовков (презентационный фокус), так и в ответах на вопрос типа *Кто стоит на мосту?*, *Что пьет Наташа?* (информационный фокус) [Брызгунова 1981: 28].

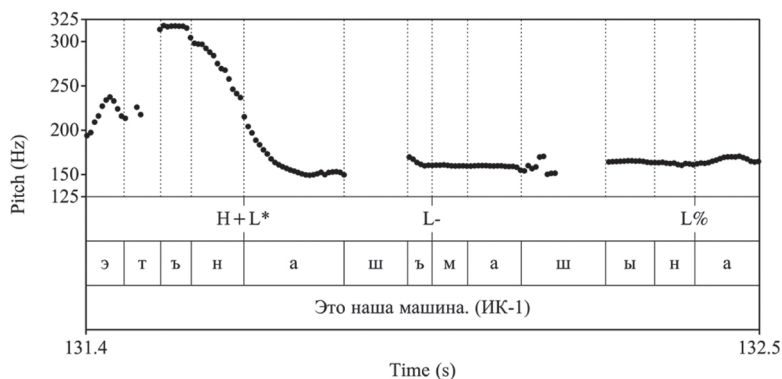

Рисунок 1. Кривая ЧОТ фразы *Это наша машина* (утверждение с широким презентационным фокусом, ИК-1, СРЛЯ, ВОС1906); звуковой пример из [Брызгунова 1981], интонационная разметка наша

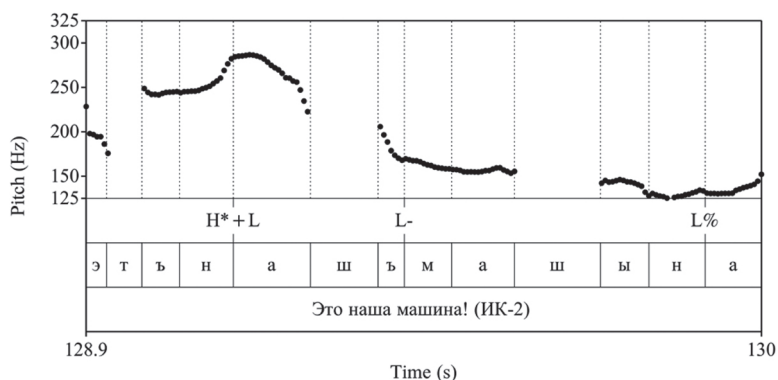

Рисунок 2. Кривая ЧОТ фразы *Это наша машина!* (утверждение с узким корректирующим фокусом, ИК-2, СРЛЯ, ВОС1906); звуковой пример из [Брызгунова 1981], интонационная разметка наша

как ИК-2 (см. рис. 2) «является средством смыслового выделения или противопоставления» [Брызгунова 1980: 111], то есть маркирует утверждения с узким **контрастным** фокусом.

Относительно просодического оформления остальных типов фокуса в СРЛЯ можно указать лишь на отдельные содержащиеся в литературе замечания, касающиеся той или иной его разновидности. Так, **миративный** фокус маркируется восходяще-нисходящим тональным акцентом, который мы интерпретируем как L+N*, в конце фразы тон низкий (L%): «Скользкие тоны дают две комбинации: $\wedge$ и $\vee$... (7) — Кто же это сделал? — Петя. — Ах, Пе-тя ($\wedge$). (с оттенком

удивления)» [Кодзасов 1996: 91]; «(36) — Бо/льно! — Здо/рово!» [Кодзасов 2009: 110] (см. рис. 3).

Наконец, утверждения с **исключающим** фокусом оформляются при помощи контура, сходного с ИК-4⁷: это нисходяще-восходящий тональный акцент, см. рис 4: «Приведем в качестве примера употребительную конструкцию повтора тона на конечном слоге: (59) — На чем мне поехать? — Как на чем? На автобусе! (∧) / На метро-о! (∨)» [Кодзасов 2009: 60]⁸.

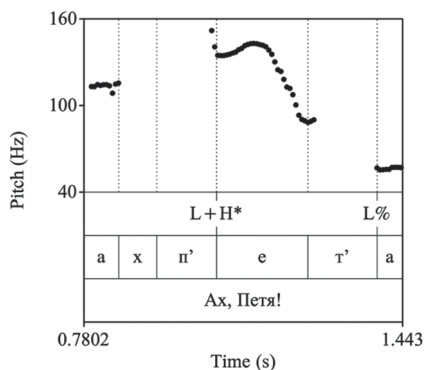

Рисунок 3. Кривая ЧОТ утверждения с мимативным фокусом *Ах Петя!*; СРЛЯ

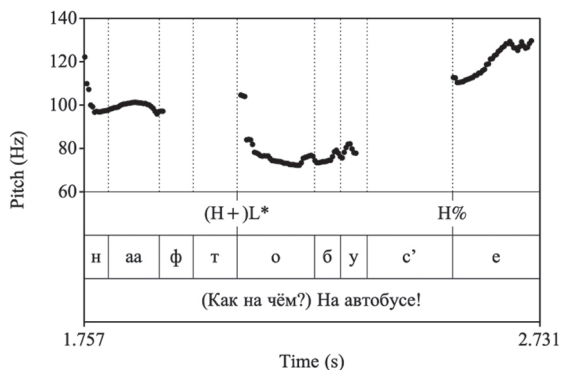

Рисунок 4. Кривая ЧОТ утверждения с исключающим фокусом (*Как на чём?*) *На автобусе!* СРЛЯ

Таким образом, можно полагать, что для просодического оформления пяти разных типов утвердительных высказываний (утверждений с пятью типами фокуса) в СРЛЯ используются четыре мелодических контура (два «нисходящих» с разным таймингом, один «восходяще-нисходящий» и один «нисходяще-восходящий»).

3. Презентационный фокус

Наш материал свидетельствует о том, что утверждения с широким (презентационным) фокусом⁹ в русском диалектном континууме просодически оформляется весьма сходным образом. Это значение во всех проанализированных нами говорах интонационно выражается мелодическим контуром с низким или нисходящим

⁷ Которая в СРЛЯ в ответных репликах имеет значение очевидности ответа, «подчеркивая при этом противопоставление, категоричность утверждения, удивление, вызов» [Брызгунова 1980: 115]. Об использовании ИК-4 в СРЛЯ как просодического средства реализации контраста см. также [Янко 2008: 209–211].

⁸ В концепции С. В. Кодзасова пограничные тоны не выделяются, поэтому он интерпретирует такой контур как содержащий два нисходящих тональных акцента — на ударном и на конечном слогах.

⁹ По-видимому, «повествовательные» в терминологии О. Брока.

тональным акцентом и низким конечным пограничным тоном. Однако есть основания выделять два основных варианта, используемые в этой функции в разных диалектах. Южные говоры, как и большинство среднерусских (кроме говоров центра) характеризуются наличием контура %Н L* L%:

- фраза начинается с высокого тона или с резкого повышения на первом сегменте вне зависимости от места ударного слога;
- на последующих слогах наблюдается падение тона:
 - в случае если ударный слог является вторым во фразе, он «встраивается» в нисходящую кривую: на нем отмечается либо понижение тона с последующим ровным низким, либо ровный низкий тон,
 - в случае если ударный слог словоформы-акцентоносителя третий (или далее) во фразе, тон на нем всегда ровный низкий;
- на всех заакцентных слогах сохраняется ровный низкий тон.

Соответствующие примеры из южнорусского говора приведены на рис. 5, восточного окающего среднерусского — на рис. 6. Отметим, что подобная картина спорадически наблюдается даже в наиболее близких в отношении фразовой просодии литературному языку центральных тверских и селигеро-торжковских говорах [Князев, Дьяченко 2023; 2024] (см. рис. 7). Этот мелодический контур существенно отличается от ИК-1 — наличием высокого начального пограничного тона и распространением нисходящего движения ЧОТ на всю преакцентную часть (а не начало ударного слога или первый предударный слог, как в СРЛЯ).

Второй вариант представлен в центральных среднерусских (рис. 8) и северо-восточных (рис. 9) говорах. В этом случае начальный высокий пограничный тон отсутствует, повышение ЧОТ происходит на преакцентной части высказывания, а понижение начинается на первом предударном слоге и заканчивается в начале ударного (зачастую еще на согласном инициали), после чего сохраняется ровный низкий тон до конца фразы (низкий конечный пограничный). Этот тип мы интерпретируем как Н+L* L%, практически идентичный ИК-1 СРЛЯ.

4. Миративный фокус

В группе утверждений с миративным фокусом в интонационных диалектных системах, по нашим данным, наблюдается единообразная картина. Значение «неожиданности» (контраста с ожиданиями участников диалога) во всех известных нам говорах просодически выражается одинаково: тональным акцентом с восходяще-нисходящим движением ЧОТ на ударном гласном словоформы-акцентоносителя и низким конечным пограничным тоном: L+H* L%¹⁰. Соответствующие примеры приведены ниже: из южнорусского говора на рис. 10, севернорусского на рис. 11, среднерусского на рис. 12.

¹⁰ Возможно, точнее было бы интерпретировать этот акцент как L+H*+L (а весь контур как L+H*+L L%), но до получения более точных данных мы пока сохраняем традиционный для этого типа вариант нотации.

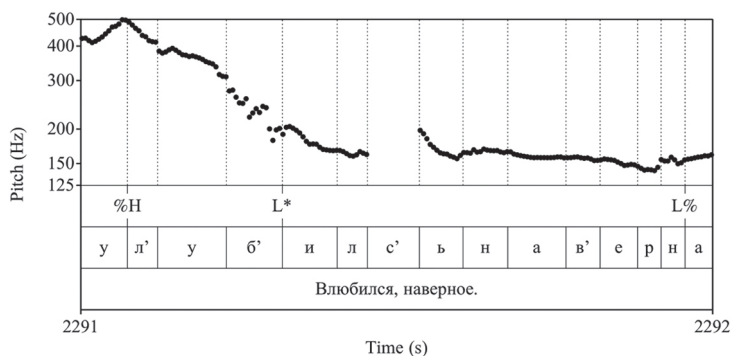

Рисунок 5. Кривая ЧОТ утверждения с презентационным фокусом *Влюбился, наверное.* ЛЕА193 (с. Горяны Починковского р-на Смоленской обл.)

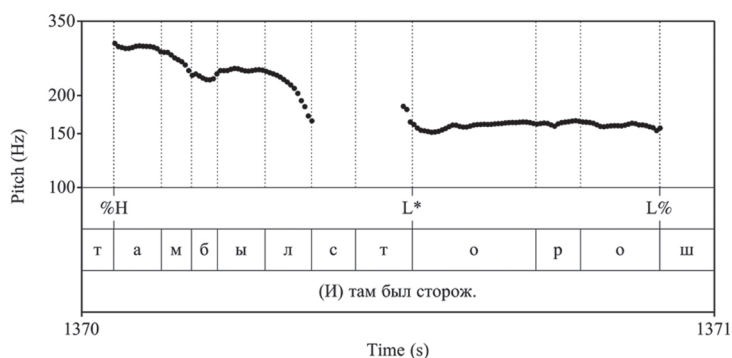

Рисунок 6. Кривая ЧОТ утверждения с презентационным фокусом *И там был сторож;* ЕФБ1923 (д. Лазаревка Гусь-Хрустального р-на Владимирской обл.)

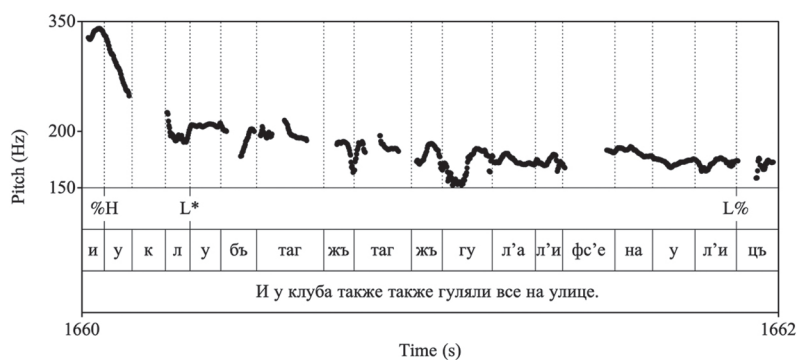

Рисунок 7. Кривая ЧОТ утверждения с презентационным фокусом *И у клуба также также гуляли все на улице;* КАП1929 (с. Ильинское Вышневолоцкого р-на Тверской обл.)

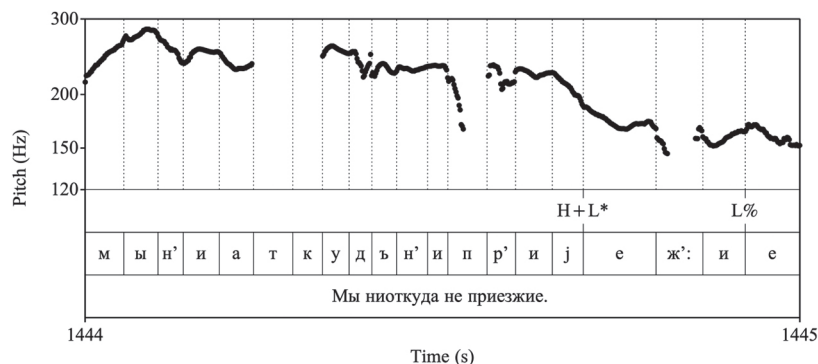

Рисунок 8. Кривая ЧОТ утверждения с презентационным фокусом *Мы ниоткуда не приезжие*; ЗВП1927 (с. Ильинское Вышневолоцкого р-на Тверской обл.)

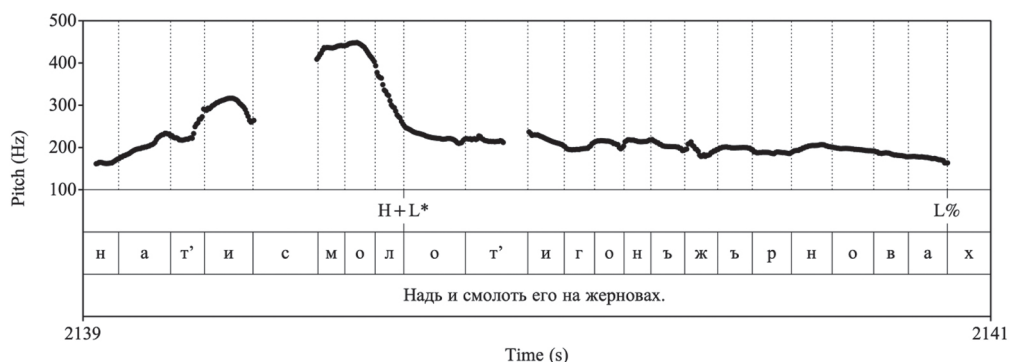

Рисунок 9. Кривая ЧОТ утверждения с презентационным фокусом *Надь и смолоть его на жерновах*; КМВ1919 (д. Кеба Лешуконского р-на Архангельской обл.)

5. Контрастный фокус

Значительной степенью общности характеризуется в русских диалектах и просодическое оформление утверждений с контрастным фокусом. В этой функции в них используется преимущественно мелодический контур с нисходящим тональным акцентом (характеризующимся более поздним таймингом, чем акцент утверждений с широким фокусом) и низким конечным пограничным тоном. В этом русские говоры сходны с СРЛЯ, однако в диалектном континууме имеются и определенные различия, связанные с таймингом этого акцента, который может быть:

- 1) поздним (аналогично СРЛЯ, рис. 2) H*+L: падение тона начинается в самом начале или в первой трети ударного гласного акцентоносителя и заканчивается в его конце или за его пределами;

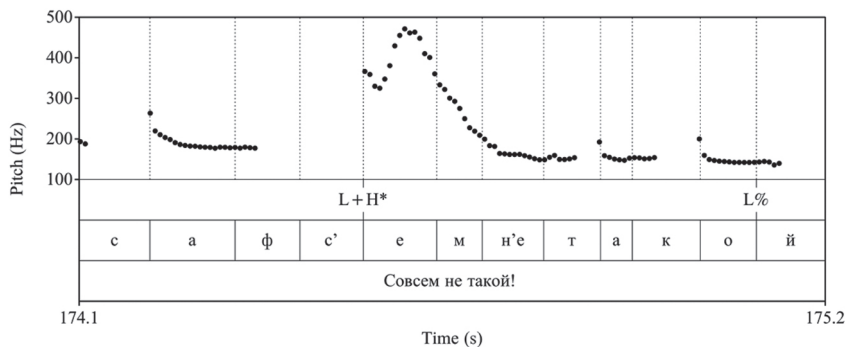

Рисунок 10. Кривая ЧОТ утверждения с митаривным фокусом
Совсем не такой! ЧВФ1922
(д. Свишни Долгоруковского р-на Липецкой обл.)

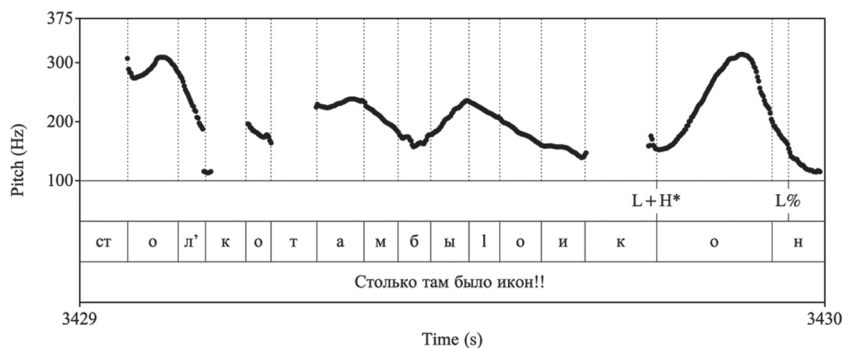

Рисунок 11. Кривая ЧОТ утверждения с митаривным фокусом
Столько там было икон!! ЧТВ1930
(д. Овинища Пречистенского р-на Ярославской обл.)

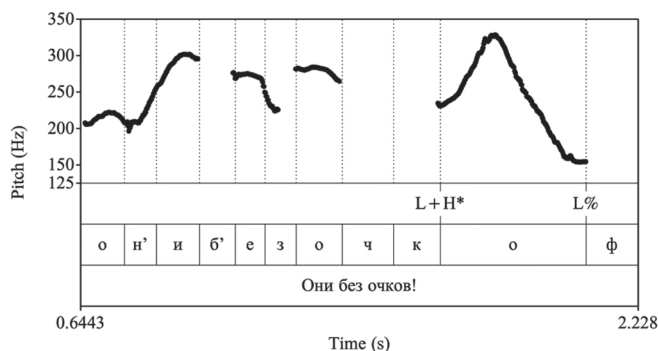

Рисунок 12. Кривая ЧОТ утверждения с митаривным фокусом
Они без очков! АВК1933
(д. Хотяж Новгородского р-на Новгородской обл.)

- 2) сверхпоздним $H^*+(L)$, который в северо-восточных и северо-западных говорах зачастую весьма близок уровневому высокому H^* (и, возможно, восходит к нему в диахроническом отношении): падение тона начинается во второй половине ударного гласного и заканчивается за его пределами;
- 3) относительно ранним $H+L^*$ (но никогда таким сверхранним, как L^* в утверждениях с презентационным фокусом¹¹): падение тона начинается до начала ударного гласного и заканчивается в его середине;
- 4) в говорах со ступенчатым восходящим тональным акцентом $H^*+\hat{H}^*$ (чаще всего в речи самых старших носителей) встречается в этой функции и ступенчатый же нисходящий H^*+L^* : резкое падение тона начинается в первой трети ударного гласного и заканчивается до его окончания (наблюдается два тональных плато — высокое перед падением тона и низкое после него).

Нисходящему тональному акценту чаще всего (но только в случае базового начального тона — см. рис. 14, 16) предшествует «занос» — повышение ЧОТ на предударном слоге. В других случаях тон может быть высоким с самого начала (рис. 18, 19) [Князев 2025].

Первый тип, аналогичный представленному в СРЛЯ, является самым частотным. Он распространен, в общем, повсеместно¹², но особенно последовательно употребляется в самых близких к СРЛЯ говорах, которые в отношении их просодических систем можно объединить в группу «говоров центра» — тверских и селигеро-торжковских (см. рис. 13).

Второй, с самым поздним таймингом, чаще всего фиксируется в северо-восточных говорах, но представлен также в рязанских (см. рис. 14, 15).

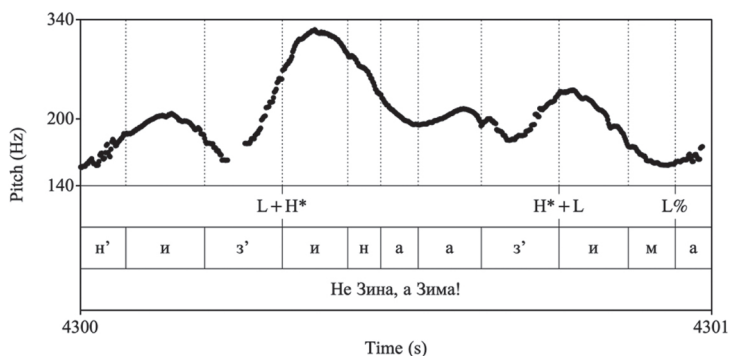

Рисунок 13. Кривая ЧОТ утверждения с контрастным фокусом
Не Зина, а Зима!; ЗВП1927
 (с. Ильинское Вышневолоцкого р-на Тверской обл.)

¹¹ Другое отличие заключается в том, что в случае $H+L^*$ отсутствует немедленное падение тона после начала фразы: либо начальный пограничный тон базовый (фонологически низкий %L), а подъем происходит на предударных слогах, либо начальный пограничный тон высокий, но падение происходит не сразу, а только на словоформе-акцентоносителе.

¹² В значительной степени, возможно, вследствие влияния литературного языка.

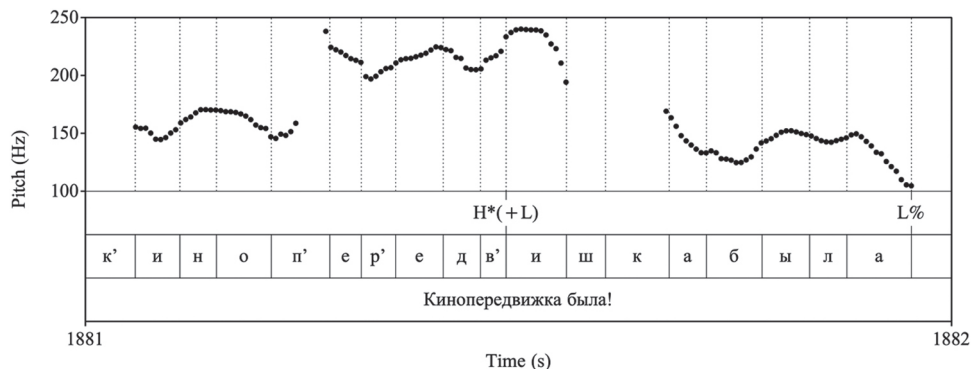

Рисунок 14. Кривая ЧОТ утверждения с контрастным фокусом *Кинопередвижка была!*; ИФ1940 (д. Семёнова Гора Нюксенского р-на Вологодской обл.)

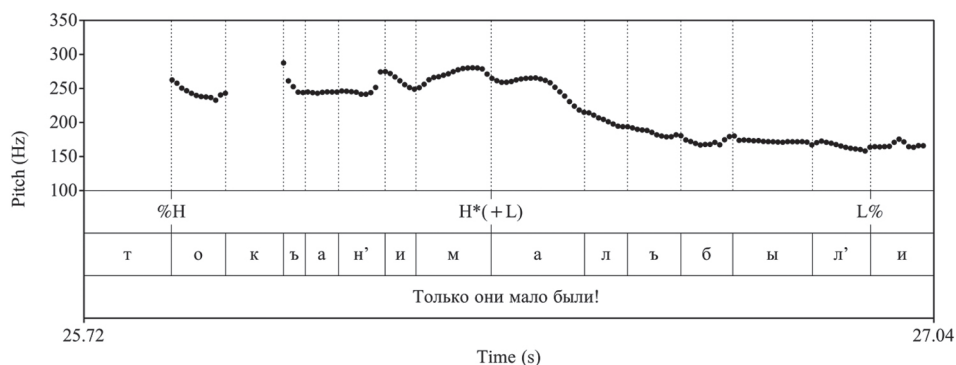

Рисунок 15. Кривая ЧОТ утверждения с контрастным фокусом *Только они мало были!*; ММ1913 (д. Хавертово Михайловского р-на Рязанской обл.)

Третий тип встречается в тульских, калужских, воронежских, курских, оскольских говорах южнорусского наречия и среднерусских владимирско-поволжских (см. рис. 16, 17).

Четвертый, ступенчатый, представлен в юго-западных диалектах, особенно частотен он в смоленских и липецких говорах (см. рис. 18).

6. Исключающий фокус

Несколько сложнее обстоит дело с высказываниями, которые мы объединяем в группу утверждений с узким исключаящим фокусом. В целом мелодические контуры, которые используются для их просодического оформления в разных говорах, обладают значительным сходством. В них обычно присутствует и нисходящее, и восходящее движение тона, та или иная часть которого (первая, вторая или обе) непосредственно ассоциирована с ударным слогом словоформы-акцентоносителя.

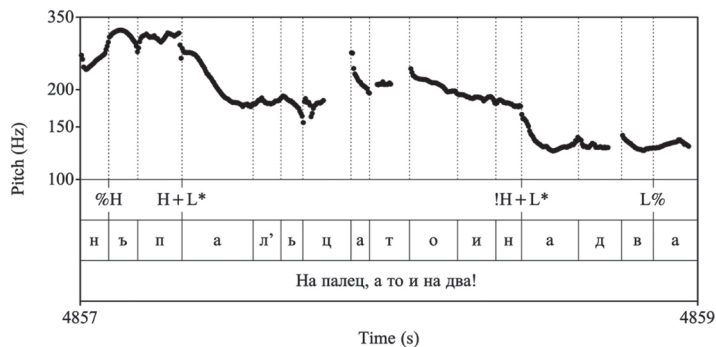

Рисунок 16. Кривая ЧОТ утверждения с корректирующим/контрастным фокусом *На палец, а то и на два!*; МПЕ1929 (с. Краснолипе Репьёвского р-на Воронежской обл.)

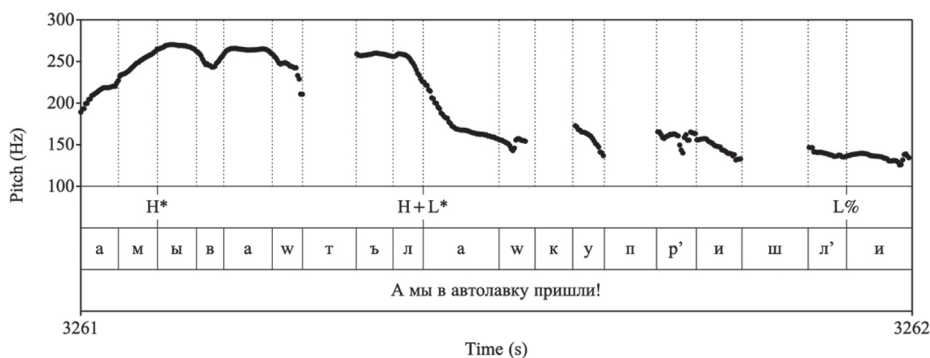

Рисунок 17. Кривая ЧОТ утверждения с корректирующим/контрастным фокусом *А мы в автолавку пришли!*; ШАВ1938 (д. Берно Мосальского р-на Калужской обл.)

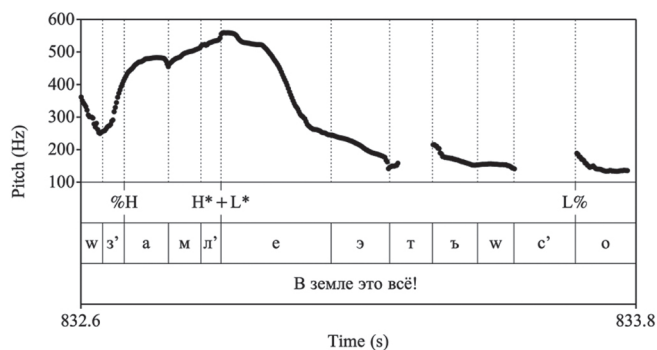

Рисунок 18. Кривая ЧОТ утверждения с корректирующим/контрастным фокусом *В земле это всё!*; ПДС1932 (д. Жанвиль Хиславичского р-на Смоленской обл.)

Однако тайминг этого движения может быть очень разным, с чем связана проблема фонологической интерпретации подобного контура в том или ином конкретной говоре. Другая проблема заключается в том, что наличие восходящей части тонального акцента и обычное отсутствие большого числа заакцентных слогов в таких репликах далеко не всегда позволяет определить тип конечного пограничного тона (низкий он или высокий). Наконец, в разных говорах может варьировать степень выраженности первой (нисходящей) и второй (восходящей) частей этого акцента: по нашим наблюдениям, в южных говорах первая обычно преобладает над второй, в северо-восточных — вторая над первой.

В акающем селигеро-торжковском говоре в отношении утверждений с узким исключаяющим фокусом наблюдается сходная с ИК-4 литературного языка картина, но конечное повышение тона приходится всегда строго на последний слог фразы (см. рис. 19)¹³; на этом основании мы интерпретируем мелодический контур не как (литературный) $H+L^* H\%$, а как $H+L^* LH\%$ с конечным восходящим, а не высоким пограничным тоном (альтернативным вариантом мог бы служить более сложный вариант интерпретации $H+L^* L- H\%$).

В окаяющем тверском говоре высказывания того же типа оформляются принципиально иначе: уже в начале ударного гласного словоформы-акцентоносителя тон низкий (падение осуществляется в слоговой инициали), в конечной его части начинается повышение ЧОТ, после чего ровный высокий тон сохраняется до последнего слога фразы, и лишь на нем происходит падение (см. рис. 20). Принципиальным отличием тут является низкий, а не высокий конечный пограничный тон [Князев 2023]. Этот нисходяще-восходяще-нисходящий мелодический контур с тональным акцентом $H+L^*+H$ в том или ином виде свойствен большинству южных и среднерусских говоров (см. также рис. 21–23).

В северо-восточных говорах ситуация выглядит более сложным образом. С одной стороны, в утверждениях со значением очевидности в них тоже встречается мелодический контур с нисходяще-восходящим акцентом $H+L^*+H$ (см. рис. 24); с другой, этот контур представлен реже, чем в других русских говорах, а наряду с ним в той же (или очень сходной) функции фиксируется контур, в котором отсутствует акцентное падение тона (и занос перед ним). Тональный акцент ассоциирован в них с низким тоном, после чего следует повышение ЧОТ, высокочастотное плато и падение тона на последнем слоге (низкий конечный пограничный тон): $L^*+H H- L\%$ (см. рис. 25, 26). Этот контур обладает значительным сходством с тем, что используется в северо-восточных говорах для просодического оформления утверждений с информационным (в узком смысле) фокусом — $L^* H- L\%$. Соответствующая семантика может быть выражена в таком случае лексически (чаще всего при помощи частицы *ведь*), а, возможно, и фонетически (за счет увеличения тональных интервалов); этот вопрос, конечно, нуждается в дальнейших исследованиях.

¹³ В ИК-4 СРЛЯ повышение ЧОТ от низкого акцентного тона к высокому пограничному в большинстве случаев происходит постепенно на протяжении всей постцентровой части [Князев, Савельева 2021: 47–48].

Рисунок 19. Кривая ЧОТ утверждения с исключаяющим фокусом *Дрались, наверное* ЗВП1927 (с. Ильинское Вышневолоцкого р-на Тверской обл.)

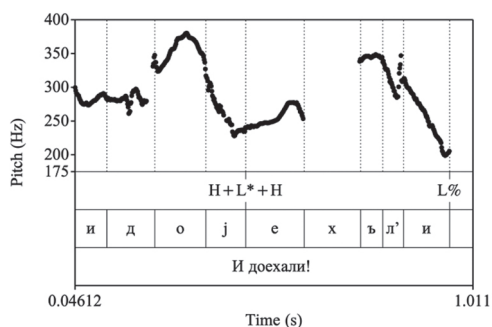

Рисунок 20. Кривая ЧОТ утверждения с исключаяющим фокусом *И доехали!*; ВАБ1939 (д. Капшино Калужинского р-на Тверской обл.)

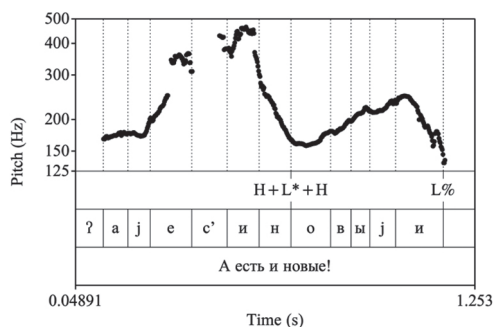

Рисунок 21. Кривая ЧОТ утверждения с исключаяющим фокусом *А есть и новые!*; АВ1911 (с. Новопанское Михайловского р-на Рязанской обл.)

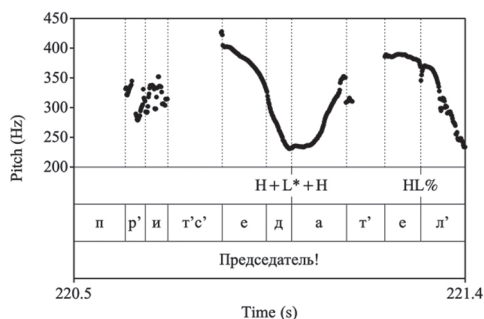

Рисунок 22. Кривая ЧОТ утверждения с исключаяющим фокусом *Председатель!*; КЛА1938 (д. Соболево Юрьевецкого р-на Ивановской обл.)

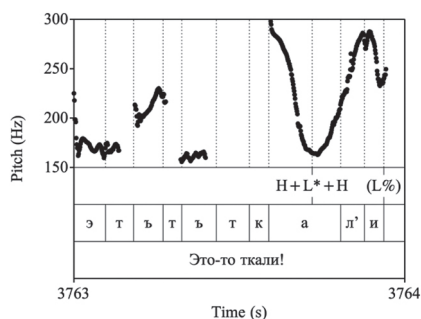

Рисунок 23. Кривая ЧОТ утверждения с исключаяющим фокусом *Это-то ткали!*; АДТ1926 (д. Старово Чухломского р-на Костромской обл.)

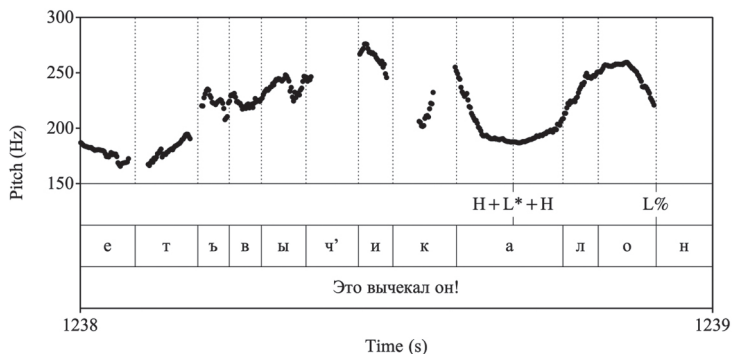

Рисунок 24. Кривая ЧОТ утверждения с исключаяющим фокусом *Это выжека́л он!*; МНС1916 (д. Кеба Лешуконского р-на Архангельской обл.)

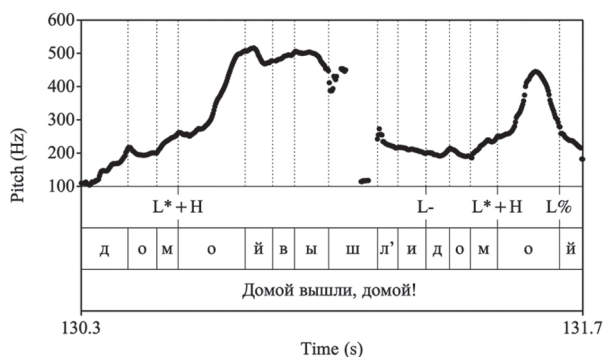

Рисунок 25. Кривая ЧОТ утверждения с исключаяющим фокусом *Домой вышли, домой!*; НЛЛ1887 (д. Вожгора Лешуконского р-на Архангельской обл.)

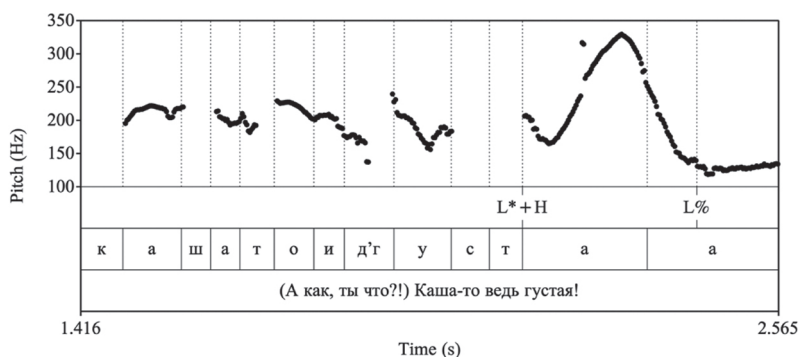

Рисунок 26. Кривая ЧОТ утверждения с исключаяющим фокусом *(А как, ты что?!) Каша-то ведь густая!*; ГМА1911 (д. Мосеево Мезенского р-на Архангельской обл.)

Таким образом, при оформлении утверждений с исключаяющим фокусом мелодический контур типа ИК-4, сходный с литературным (с высоким конечным пограничным тоном), представлен только в акающих говорах центра; во всех остальных имеет место низкий конечный пограничный тон. Основное различие между диалектными системами в этом отношении заключается в начальной части тонального акцента: в южных и среднерусских перед низкой тональной целью всегда есть еще одна высокая, в севернорусских она может отсутствовать.

7. Информационный фокус

На рис. 27 приведен типичный для северо-восточных архангельских говоров пример оформления утверждения с информационным фокусом:

- реплика начинается с базового тона;
- затем, в начале ударного слога словоформы-акцентоносителя, реализуется низкая тональная цель L^* ;
- после этого происходит повышение ЧОТ (+Н), которое заканчивается на последнем ударном слоге при его наличии или на последнем слоге фразы при отсутствии заакцентных ударных слогов (Н-);
- в самом конце происходит падение тона к низкому конечному пограничному ($L\%$).

Рисунок 27. Кривая ЧОТ утверждения с информационным фокусом

Дақ у нас же в семье не было мужчины-то дақ. МКМ1897

(с. Дорогорское Мезенского р-на Архангельской обл.)

Это стандартный для ответных архангельских ответных реплик мелодический контур L* H- L% с монотональным акцентом, высоким фразовым и низким конечным пограничным тоном, ср. [Князев 2023].

На рис. 28 представлен типичный для южнорусских говоров контур утверждения с информационным фокусом $H+L^*$ (L^-) $L\%$:

- реплика начинается с базового тона;
- на предупредном слоге наблюдается повышение ЧОТ, реализующее высокую тональную цель H^{14} ;
- на том же слоге начинается падение тона;
- которое завершается на ударном гласном (L^*);
- контур оканчивается низким конечным пограничным тоном ($L\%$).

Рисунок 28. Кривая ЧОТ утверждения с информационным фокусом *И другим не давал.*; СМН1926 (д. Летошники Жуковского р-на Брянской обл.)

Сравнение разных реализаций контура утверждений с информационным фокусом дает основания утверждать, что фонологически они существенно отличаются друг от друга в зависимости от территориального расположения говоров на оси *север* — *юг*. Чем говор южнее, тем в большей степени выражена в нем первая (нисходящая) часть тонального акцента и в меньшей степени вторая (восходящая), и наоборот; в промежуточных среднерусских (и близких к ним говорах Чухломского акающего острова) эти части равноправны (см. рис. 29). Таким образом, в направлении с севера на юг при оформлении утверждений с информационным фокусом имеет место градуальный переход от восходящего тонального акцента к нисходящему через нисходяще-восходящую ступень.

8. Выводы

На основании результатов описанного выше исследования фразовой просодии утверждений с разным типом фокуса в русских диалектах можно заключить, что основное диалектное различие между интонационными системами русского языка заключается не столько в фонетико-фонологической структуре мелодических

¹⁴ Отметим, что именно начальное повышение тона свидетельствует о том, что акцент нисходящий: чтобы реализовать падение ЧОТ необходим «занос».

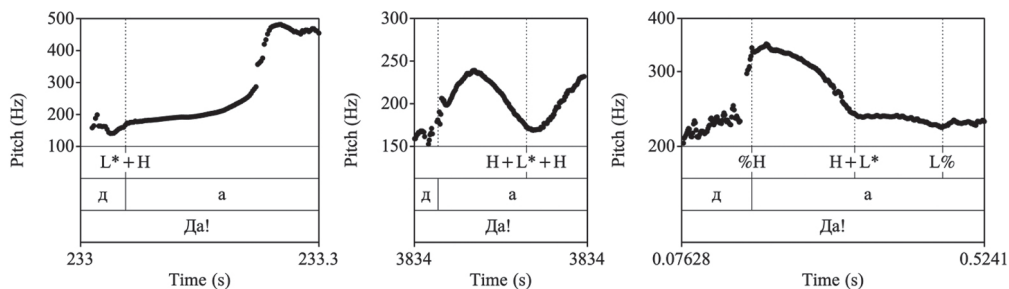

Рисунок 29. Кривая ЧОТ утверждения *да* с информационным фокусом: НЛЛ1887, д. Вожгора Лешуконского р-на Архангельской обл. (слева); АДТ1926, д. Старово Чухломского р-на Костромской обл. (в центре); ТПА1935, д. Краснолипые Репьёвского р-на Воронежской обл. (справа)

контуров, использующихся для оформления утверждений, сколько в их распределении по разновидностям утверждений в зависимости от типа информационной структуры высказываний. В этом отношении говоры русского языка характеризуются существенными отличиями по оси север — юг, точнее, *северо-восток — юго-запад*.

В большинстве южных говоров для просодического оформления пяти типов фокуса имеется пять интонационных вариантов, и отношения между типом фокуса и мелодическим контуром взаимно однозначны. При этом различие между утверждениями с информационным и контрастным типами фокуса в южнорусских (и некоторых западных среднерусских) говорах может быть реализовано по-разному: 1) при помощи тональных акцентов $H+L^*$ и H^*+L соответственно; 2) при помощи одного и того же нисходящего тонального акцента H^*+L или $H+L^*$ в сочетании с разными типами начального пограничного тона — высокого или низкого соответственно.

В некоторых среднерусских говорах и СРЛЯ для оформления пяти рассмотренных типов утверждений используются четыре мелодических контура, причем в говорах центра и литературном языке одинаково интонируются высказывания с презентационным и информационным фокусом. Наиболее типичное соотношение типов мелодического контура и информационной структуры высказывания в юго-западных, центральных и северо-восточных говорах приведено в Таблице 1.

Таким образом, наши данные свидетельствуют в пользу точки зрения, согласно которой во многих русских диалектах представлена не та же интонационная система, что и в литературном языке, а особая система с собственным набором интонационных типов и специфическим их соотношением с определенными значениями. Так, носители СРЛЯ вполне «нейтральные» утверждения с информационным фокусом в архангельских говорах воспринимают как явно маркированные высказывания со значением недовольства или очевидности [Князев, Пронина 2021]. Добавим, что и в южных говорах существуют способы просодического оформления речи,

Таблица 1. Наиболее типичное соотношение типов мелодического контура и информационной структуры высказывания в юго-западных, центральных и северо-восточных говорах

	Юго-запад	СРЛЯ и центр	Северо-восток
презентационный	%H L* L%	H+L* L%	H+L* L%
информационный	H+L* L%	H+L* L%	L* H- L%
контрастный	H*+L L%	H*+L L%	H*(+L) L%
миративный	L+H*(+L) L%	L+H*(+L) L%	L+H*(+L) L%
исключающий	H+L*+H L%	H+L* H%	(H+)L*+H L%

которые могут приводить к непониманию между носителями диалекта и литературного языка — например, в говорах типа роговатовского (Старооскольского р-на Белгородской обл.) в общих вопросах представлен восходящий акцент H* с таким ранним таймингом, что даже опытные диалектологи зачастую воспринимают соответствующие вопросы как утверждения [Князев 2024].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Знаки интонационной разметки

Знаки просодической разметки	Расшифровка
H*	ровный высокий тон на большей части ударного гласного просодически выделенного слова
L*	ровный низкий тон на большей части ударного гласного просодически выделенного слова
L+H*	восходяще-нисходящий тональный акцент с нейтральным таймингом: повышение тона начинается обычно до начала ударного гласного просодически выделенного слова и заканчивается приблизительно в его середине, после чего в пределах ударного гласного происходит понижение ЧОТ
L*+H	восходящий тональный акцент с более поздним таймингом: повышение тона начинается обычно в середине ударного гласного просодически выделенного слова и заканчивается в его конце
L*(+H)	восходящий тональный акцент с еще более поздним таймингом: повышение тона начинается обычно в середине ударного гласного и продолжается на заударном слоге
L*(+H)>	восходящий тональный акцент с очень поздним таймингом: повышение тона начинается обычно в конце ударного гласного и завершается на заударном слоге
(L+)H*	восходящий + ровный высокий тон в пределах ударного гласного акцентоносителя
(L+)H*>	восходящий + ровный высокий тон с тональным максимумом за пределами ударного гласного акцентоносителя
(L+H)*	восходящий тональный акцент с повышением тона на всем протяжении ударного гласного

Знаки интонационной разметки (окончание)

Знаки просодической разметки	Расшифровка
L*+H*	ровный низкий тон + подъем + ровный высокий тон в пределах ударного гласного акцентоносителя
(L+H>)*	восходящий тон на всем протяжении ударного гласного с продолжением повышения ЧОТ на заударном слоге
H*+^H*	ровный высокий тон + подъем + сверхвысокий тон в пределах ударного гласного акцентоносителя
H*+L	нисходящий тональный акцент с нейтральным таймингом: понижение тона на всем протяжении ударного гласного, которое начинается обычно в самом его начале
H+L*	нисходящий тональный акцент с более ранним таймингом: понижение тона начинается обычно до начала ударного гласного и заканчивается до его конца
H*(+L)	ровный высокий + нисходящий тон в пределах ударного гласного акцентоносителя
!H*+L	падение с более низкого уровня, чем в предыдущем тональном акценте
H+L*+H	нисходяще-восходящий тональный акцент: повышение тона с базового в начале фразы, затем падение и повышение тона с возможным ровным участком на ударном гласном словоформы-акцентоносителя
L %	низкий тон на последнем слоге фразы без просодического выделения (конечный пограничный тон)
HL %	нисходящий тон на последнем слоге фразы без просодического выделения (конечный пограничный тон)
H %	высокий тон на последнем слоге фразы без просодического выделения (конечный пограничный тон)
!H %	средний тон (иначе — высокий с даунстепом) на последнем слоге фразы без просодического выделения (конечный пограничный тон)
%H	высокий или восходящий тон на первом слоге фразы без просодического выделения (начальный пограничный тон)
H-	высокий ровный фразовый тон между двумя тональными акцентами или между тональным акцентом и конечным пограничным тоном
L-	низкий ровный фразовый тон между двумя тональными акцентами или между тональным акцентом и конечным пограничным тоном

Литература

Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1907. 154 с.

Брок О. Очерк физиологии славянской речи: Энциклопедия славянской филологии. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1910. 266 с.

Брок О. Говоры к западу от Мосальска. Петроград: Типография Императорской Академии Наук, 1916. IV, 128 с.

Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. Т. 1: Фонетика, фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Шведова Н. Ю. (ред.). М.: Наука, 1980, 103–118.

Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. М.: Русский язык, 1981.

Князев С. В. Фразовый завершитель в архангельских говорах: фонетическая реализация и фонологическая интерпретация // Русский язык в научном освещении. 2023. Т. 44, № 1. С. 32–65.

Князев С. В. Фразовая интонация южнорусского говора: Роговатое // Вопросы языкознания. 2024, № 1. С. 85 — 127.

Князев С. В. Интонационная фонология русских диалектов: начальный пограничный тон // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 25. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2025. С. 178–206.

Князев С. В. «Просодическая география» русских диалектов: общий вопрос, незавершенность, переспрос // Вопросы языкознания. 2026, № 3, С. 1–28.

Князев С. В., Дьяченко С. В. Мелодический контур общего вопроса в западном среднерусском акающем говоре. Часть I: Селигеро-Торжковские говоры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 1, С. 50–70.

Князев С. В., Дьяченко С. В. Среднерусская интонация: Тверские говоры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2024. № 2. С. 26–99.

Князев С. В., Мороз Г. А., Дьяченко С. В. Корпус Просодии Русских Диалектов. 2024. Электронный ресурс: <https://LingConLab.github.io/PRuD/>

Князев С. В., Пронина М. К. Интонация *да* и *нет* в архаическом говоре с словным тональным оформлением. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог», 2021, 20: 251–263.

Князев С. В., Савельева К. А. Фонетическое и фонологическое описание в интонации (ИК-4 в русском языке: постцентр или пограничный тон?) // Русский язык в научном освещении. 2021. — Т. 42, № 2. С. 41–64.

Кодзасов С. В. Комбинаторная модель фразовой просодии // Просодический строй русского языка. М., ИРЯ РАН, 1996. С. 181–204.

Кодзасов С. В. Исследования в области русской интонации. М., Языки славянских культур, 2009.

Кузнецов П. С. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы. Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949, 5–44.

Пауфошима Р. Ф. Об использовании регистровых различий в русской фразовой интонации (на материале русского литературного языка и севернорусских говоров). Славянское и балканское языкознание. Просодия. Бернштейн С. Б. (ред.). М.: Наука, 1989, 53–63.

Щигель Е. В. Особенности интонационной организации фразы в некоторых северно-русских говорах. Диалектография русского языка. Аванесов Р. И., Горшков А. И. (ред.). М.: Наука, 1985, 102–111.

Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008. 312 с.

Bianchi V., Bocci G., Cruschina S. Focus fronting, unexpectedness, and evaluative implicatures. *Semantics and Pragmatics* 9 (3) 2016. 1–54.

Cruschina S. *Discourse-Related Features and Functional Projections*. Oxford: Oxford University Press. 2012.

Cruschina S. Focus and Focus Structures in Romance. *Oxford Encyclopaedia of Romance Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 1–48.

Dal Farra C. Towards a Fine-Grained Theory of Focus. *Annali di Ca' Foscari. Serie Occidentale* Vol. 52 — Settembre 2018; P. 39–63.

Kiss K. É. Identificational Focus Versus Information Focus. *Language*, 74 (2), 1998. P. 245–273.

Krause, M., Ch. Sappok, O. Yokoyama. Accentual prominence in a Russian dialect text: An experimental study. *Russian Linguistics*, vol. 27, No. 3 (2003). P. 251–286.

Krifka M. Basic Notions of Information Structure. *Acta Linguistica Hungarica*, 55 (3), 2008. P. 243–276.

Repp. S. Contrast: Dissecting an elusive information-structural notion and its role in grammar. In Caroline Féry & Shinichiro Ishihara (eds.), *Oxford handbook of information structure*, Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 270–289.

Sergey V. Knyazev

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

Russia, Moscow

svknia@gmail.com

PHRASE PROSODY AND INFORMATION STRUCTURE IN RUSSIAN DIALECTS: STATEMENTS

Comparative analysis of statements with various types of information focus in 62 Russian dialects has shown that the key dialectal distinctions in this field are distributed along the south — north direction. They consist primarily in the way of correlation between the type of the informational structure of an utterance (presentational, information, exhaustive, mirative, contrastive focus) and the type of the melodic contour used. Most of the dialects (including peripheral varieties in the Russian-Ukrainian and Russian-Belorusian borderlands) exhibit the one-to-one correspondence while others utilize only four prosodic types for five types of statements. Thus, in Central varieties, the same melodic contour with a bitonal falling pitch accent and low boundary tone is used to mark both presentational and informational foci. More phonological distinctions are found in the way how the statements with information and contrastive foci are distinguished in Northern and some South-Western dialects different pitch accents are used while in others different initial boundary tones are utilized in this function.

Keywords: language geography, Russian dialects, statements, information foci, intonation, pitch accent

References

- Brok O. [Description of a dialect from the south-western part of the Tot'ma region]. Sankt-Peterburg, *Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk Publ.*, 1907. 154 p. (In Russ.)
- Brok O. [An outline of Slavik speech: Encyclopedia of Slavic philology]. Sankt-Peterburg, *Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk Publ.*, 1910. 266 p. (In Russ.)
- Brok O. [Dialects to the West of Mosal'sk]. Petrograd, *Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk Publ.*, 1916. 128 p. (In Russ.)
- Bryzgunova E. A. Intonation. *Russkaya grammatika. Vol. 1: Fonetika, fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya*. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980, 103–118. (In Russ.)
- Bryzgunova E. A. Sounds and intonation in Russian speech. Moscow: *Russkiy Yazyk*, 1981. (In Russ.)
- Knyazev S. V. [Phrase finalizer in Arkhangel'sk dialects: phonetic realisation and phonological interpretation]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2023, 1: 32–65. (In Russ.)
- Knyazev S. V. [Phrase prosody of a Southern Russian dialect: Rogovatoe]. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 1. 85–127. (In Russ.)
- Knyazev S. V. [Intonational phonology of Russian dialects: initial boundary tone]. *Studies in Slavic dialectology*. 25. Moscow: Institute for Slavic studies. 2025. Pp. 178–206. (In Russ.)
- Knyazev S. V. [“Prosodic geography” of Russian dialects: Yes-no questions, nonfinality, request for repetition]. *Voprosy Jazykoznanija*, 2026, № 3, P. 1–28. (In Russ.)
- Knyazev S. V., Dyachenko S. V. [Melodic contour of yes-no question in Western middle-russian dialect with akan'je. Part I: Seliger-Torzhok dialect]. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 2023, № 1, 50–70. (In Russ.)
- Knyazev S. V., Dyachenko S. V. [Phrase prosody of a Middle-Russian dialect: Tver]. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 2024, no. 2, pp. 26–59. (In Russ.)
- Knyazev S. V., Moroz G. A., Dyachenko S. V. Prosody of Russian Dialects. 2024. (Available online at URL: <https://LingConLab.github.io/PRuD/>). (In Russ.)
- Knyazev S. V., Pronina M. K. [The intonation of yes and no in an archaic Russian dialect]. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. “Dialogue”*, 2021, 20: 251–263. (In Russ.)
- Knyazev S. V., Savelyeva K. A. [Phonetics and phonology in intonational description (IK-4 in Russian: postcenter or boundary tone?). *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2021, 2: 41–64. (In Russ.)
- Kodzasov S. V. Combinatorial model of phrase prosody. *Prosodicheskij stroy russkoy rechi*. Moscow: IRYa RAN. 1996. Pp. 181–204. (In Russ.)
- Kodzasov, S. V. Studies in the field of Russian prosody. Moscow: *Jazyki slavjanskix kul'tur*. 2009.
- Kuznetsov P. S. On Upper Pinega and Upper Toima dialects. *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii. Vol. 1*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1949, 5–44. (In Russ.)

Paufoshima R. F. On the use of tone level differences in phrase intonation in Standard Russian and Northern Russian dialects. *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Prosodiya*. Bernshtein S. B. (ed.). Moscow: Nauka, 1989, 53–63. (In Russ.)

Shchigel' E. V. Peculiar properties of intonational structure in some Northern Russian dialects. *Dialektografiya russkogo yazyka*. Avanesov R. I., Gorshkov A. I. (eds.). Moscow: Nauka, 1985, 102–111. (In Russ.)

Yanko T. E. Intonatsionnye strategii russkoi rechi v sopostavitel'nom aspekte. Moscow: *Yazyki slavyanskikh kul'tur*, 2008. (In Russ.)

Bianchi V., Bocci G., Cruschina S. Focus fronting, unexpectedness, and evaluative implicatures. *Semantics and Pragmatics* 9 (3) 2016. 1–54.

Cruschina S. Discourse-Related Features and Functional Projections. Oxford: *Oxford University Press*. 2012.

Cruschina S. Focus and Focus Structures in Romance. *Oxford Encyclopaedia of Romance Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 1–48.

Dal Farra C. Towards a Fine-Grained Theory of Focus. *Annali di Ca' Foscari. Serie Occidentale* Vol. 52 — Settembre 2018; P. 39 — 63.

Kiss K. É. Identificational Focus Versus Information Focus. *Language*, 74 (2), 1998. P. 245–273.

Krause, M., Ch. Sappok, O. Yokoyama. Accentual prominence in a Russian dialect text: An experimental study. *Russian Linguistics*, vol. 27, No. 3 (2003). P. 251–286.

Krifka M. Basic Notions of Information Structure. *Acta Linguistica Hungarica*, 55 (3), 2008. P. 243–276.

Repp. S. Contrast: Dissecting an elusive information-structural notion and its role in grammar. Caroline Féry & Shinichiro Ishihara (eds.), *Oxford handbook of information structure*, Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 270–289.

Д. М. Савинов

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

crillon@yandex.ru

РЕДУКЦИЯ БЕЗУДАРНЫХ ГЛАСНЫХ ДО НУЛЯ В ГОВОРАХ С ДИССИМИЛЯТИВНЫМ ВОКАЛИЗМОМ

Статья посвящена анализу диерезы безударных гласных в говорах юго-западной зоны южнорусского наречия. В частности, показано, что бо́льшая вовлеченность безударных гласных в позиционные чередования, свойственная этим говорам в отличие от юго-восточных, обуславливает слабую распространенность в диалектных системах с диссимилиативным вокализмом редукции гласных до нуля. При этом наиболее благоприятной для редукции безударных гласных в говорах с диссимилиативной организацией вокализма оказывается 1-й предударный слог перед аллофонами /a/ (при архаических типах также перед аллофонами /e/ и /o/) в сочетании с сонорными согласными; в трехсложных словах в этой позиции иногда встречается полная редукция 1-го предударного гласного: у *го[лв]áх, по[рс']ёнок, на сково[рд]áх* и др. В статье отмечается, что фиксация в южнорусских говорах подобных примеров с диерезой гласного в 1-м предударном слоге перед аллофонами /a/, /o/ и /e/ может свидетельствовать о наличии в них (хотя бы в прошлом) диссимилиативной системы вокализма, в том числе архаического типа. При этом лексикографирование подобных произносительных вариантов в диалектных словарях в качестве особых лексем с графическим отражением диерезы 1-го предударного гласного не всегда оправдано.

Ключевые слова: южнорусские говоры, диссимилиативный вокализм, диереза безударных гласных, лексикализация, диалектные словари.

1. Диапазон научных интересов Леонида Леонидовича Касаткина был чрезвычайно широк, но наибольшей глубиной и новизной открытий отличаются исследования Л. Л. Касаткина в области диалектной фонетики, снискавшие ему известность не только в России, но и среди зарубежных лингвистов. Большое внимание в работах ученого уделено просодическим особенностям русских говоров, в частности — изучению диалектных типов ритмической структуры слова. Л. Л. Касаткин писал, что русский вокализм нельзя исследовать в отрыве от просодических характеристик слова: так, разное распределение «по позициям в фонетическом

слове [а] и [э] в говорах с сильным и диссимильным аканьем — это различие поверхностное, тогда как глубинное, лежащее в его основе — это отличие этих говоров по ритмической структуре слова» [Касаткин 2017: 273].

Для южнорусского наречия характерны две основные ритмические модели. В юго-восточной зоне распространен контур «сильный центр и слабая периферия», который предполагает контрастное противопоставление акцентного ядра слова, включающего ударный и 1-й предударный (далее — п/у) слоги, всем остальным безударным (далее — б/у) слогам. Этим говорам обычно свойственно сильное аканье и ассимильно-диссимильные типы яканья.

Юго-западная зона характеризуется особой ритмической структурой фонетического слова: в 1-й п/у позиции происходит позиционное чередование «сильных» и «слабых» слогов в зависимости от качества ударного гласного, что обуславливает функционирование в юго-западных говорах различных типов диссимильного аканья и яканья. Диссимильный принцип затрагивает также 2-й п/у и 1-й заударный (далее — з/у) слоги.

Ритмическая модель предопределяет степень редукции б/у гласных. Так, контур «сильный центр и слабая периферия» обуславливает значительное ослабление всех б/у гласных (кроме 1-го п/у) — вплоть до их полной утраты, что свойственно говорам юго-восточной зоны [ДАРЯ: карта 32]; наиболее часто диереза гласного отмечается в позиции 2-го п/у слога, реже — в з/у неконечном слоге. В некоторых юго-восточных говорах редукция б/у гласных до нуля — чисто фонетическое явление, однако ряду диалектных систем свойственна лексическая прикрепленность диерезы гласного к конкретному слову или морфеме, а иногда — и лексикализация проношения без гласного (подробнее см. [Савинов 2025]).

Подобная сильная редукция «практически отсутствует в западных южнорусских говорах, т. е. в говорах с диссимильным аканьем» [Касаткин 2017: 273]. Ритмический контур, распространенный в этих говорах, характеризуется прочной связью между ударным и б/у гласными, что предопределяет большую функциональную значимость б/у гласных, чем в системах с резким противопоставлением акцентного ядра остальным гласным слова (как в говорах юго-восточной зоны). Именно бо́льшая вовлеченность б/у гласных в позиционные чередования, а также сильная взаимозависимость вокальных компонентов и обуславливают слабую распространенность в диалектных системах с диссимильным вокализмом редукции гласных до нуля.

2. В говорах юго-западной зоны с диссимильными системами вокализма наибольшей длительностью и интенсивностью характеризуются ударные гласные, а также гласный нижнего подъема [а], находящийся в 1-м п/у слоге перед гласными верхнего и среднего / верхне-среднего подъемов (в зависимости от типа вокализма). Так, в говорах с архаическим диссимильным вокализмом перед аллофонами фонем /и/, /у/, /ω/, /ѣ/ гласный [а] в 1-м п/у слоге «может приближаться к ударному гласному по количественным данным, а также значительно превышать его» [Градиционная фонетика 1985: 104]. Гласные остальных б/у слогов (в том числе гласные, репрезентующие звукотип не-[а] в 1-м п/у слоге), сокращены и ослаблены.

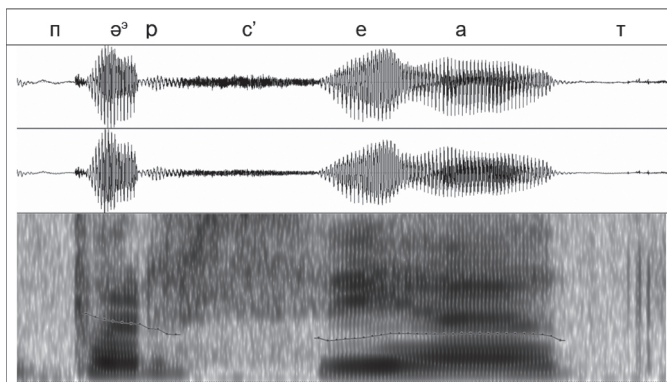

Рис. 1. Осциллограмма, спектрограмма и интонограмма формы *поросят* (с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл.)

О. Брок указывал, что в говорах Мосальского уезда Калужской губ. с диссимильными типами вокализма «кроме ударяемого удлинняется также слог предударный; в старомодном произношении удлинение гласного в слове предударном очень сильно; получается два условно длинных слога, напр. *ńícsáyó*: — — — <...> Интересное исключение представляет предударное *ъ*; <...> очевидно нужно считать его кратким, т. е. *тъгъwáń* дает фигуру — — —» [Брок 1915: 9]. По мнению О. Брока, отдельно следует выделить позицию, где *ъ* сочетается с сонорным: в этом случае склонность к удлинению, свойственному вообще 1-му п/у слогу, «заметна скорее в *согласном*: *тъńkńá* и под., оставляя впечатление, будто бы слоговым звуком слога был этот согласный («*тъ*», «*тъ*» — но *ań*, не *ań*, напр. в *xańst'ína*)» [Брок 1915: 27].

Можно предположить, в говорах с диссимильной организацией вокализма позиция 1-го п/у слога перед аллофонами /а/ (при архаических типах также перед аллофонами /е/ и /о/) оказывается благоприятной для редукции б/у гласного в сочетании с сонорными согласными, которые в этой позиции могут развивать слоговость. Если в двусложных словах (типа *холста́*, *толкла́*) слоговость [э] в 1-м п/у слоге при некоторых условиях может переходить на сонорный согласный, однако сам гласный сохраняется (в транскрипции О. Брока «*тъ*», «*тъ*»), то в трехсложных словах в позиции после сонорного иногда встречается полная редукция гласного в 1-м п/у слоге. Ср. примеры «с пропуском гласной после плавных», отмеченные Н. Н. Дурново в говорах с диссимильным аканьем: *парсе́нак*, *варта*, *галва* [Дурново 1927: 129], также у *галвашики* [Дурново 1917: 27]; подобные примеры встречаются и в картотеке воронежских говоров, многим из которых свойствен диссимильный вокализм: *дерва́нныя*, *дир'в́енскаяя*, *парс'аты*, *скаварда́*, *пъд варта́* и т. д. [КВД; КСВГ]¹.

Диереза гласного в 1-м п/у слоге отмечается и в аудиозаписях, сделанных в говорах с архаическими типами диссимильного аканья и яканья. На рис. 1 представлены спектрограмма, осциллограмма и интонограмма формы *поросят*, записанная

¹ Материалы этих картотек предоставлены мне Т. В. Карасевой, за что я ей искренне признателен.

в говоре с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл. На графике отчетливо видно отсутствие 1-го п/у гласного; на отсутствие гласного и соответствующего слога также указывает уподобление (упереднение) начального гласного первой фазе ударного дифтонга [ea], которое возможно только в контактной позиции.

Обычно произношение с диерезой гласного в этой позиции проведено в говорах непоследовательно и сосуществует с такими вариантами, где гласный (обычно [э]) рядом с сонорным произносится.

В некоторых работах утверждается, что произношение с полной редукцией гласного в 1-м п/у слоге может быть лексикализировано. Например, О. Д. Кузнецова в качестве лексикализованных приводит варианты *карва́й*, *галва́шки*, а также сочетание *у галва́х* (во *галва́х*), соответствующее литературному *в головах*; наиболее часто подобные примеры фиксируются в материалах, записанных в курских говорах [Кузнецова 1985: 114]. М. Я. Запрягаева фиксирует в южнорусских говорах Белгородской и Воронежской обл. «слова *сковорда́*, *порсе́нок* (*сковорды*, *на сковорде*, *под сковородою*, но *сковородка*; *парсенки*, *парсенка* и др.), где наблюдается выпадение второго гласного элемента полногласного сочетания в первом предударном слоге» [Запрягаева 1979: 167]. Исследовательница определяет варианты *сковорда́* и *порсе́нок* как лексикализованные и описывает их в параграфе «Случаи лексикализации некоторых фонетических явлений в говорах» [Там же: 162–169].

3. Слова с графически зафиксированной диерезой гласных в 1-м п/у слоге отмечаются и в диалектных словарях: *голва́шки* ‘изголовье’ [ДООВС: 34; Даль⁴ 1: 908]; *голва́шки* ‘изголовье’, *порся́* ‘поросёнок’, *сковорда́* [СРНГ 6: 288; СРНГ 30: 91; СРНГ 38: 45]; *вортá* ‘ворота’, *голва́* ‘голова’, *под голва́* ‘в изголовье’, *голда́ть* ‘голодать’ [СВГ 1: 247; СВГ 2: 75]; *голва́*, *голва́шки* ‘изголовье’; *парсе́нок* ‘домашнее животное свинья’; *порсе́нок* ‘поросёнок’ [СОГ 2: 157; СОГ 9: 24; СОГ 10: 182]; *голва́шки* ‘изголовье’ [СКГ 3: 35].

По мнению диалектологов, о лексикализации произношения с диерезой гласного в 1-м п/у слоге прежде всего свидетельствует нерегулярный характер этого явления, фиксация редукции гласного до нуля не во всех словах, где для этого есть фонетические условия, а лишь в отдельных лексемах. Так, О. Д. Кузнецова пишет о том, что в некоторых диалектологических работах приводится «ряд конкретных слов, которые в говорах имеют новый звуковой облик — без гласной фонемы в безударном слоге. Закрепление нового фонетического облика слова имеет место лишь у отдельных слов. Происходит, таким образом, лексикализация фонетического явления» [Кузнецова 1985: 110].

Исследователи считают, что на лексикализацию указывают также устойчивость и широкая распространенность произношения с диерезой в 1-м п/у слоге в диалектных системах. Например, М. Я. Запрягаева отмечает, что существительное *сковорода* «ни в одном из исследуемых говоров не отмечено с сочетанием *-оро-*» [Запрягаева 1979: 168], что, по-видимому, подтверждает лексикализацию соответствующих вариантов с редуцированным до нуля п/у гласным.

Необходимо отметить, что вопреки мнению многих диалектологов, лексикализация — это не просто закрепление во внешней форме слова какой-то нерегулярной

фонетической особенности, даже устойчивой и широко распространенной; лексикализация — это системное языковое изменение, в результате которого происходит фонематически значимое преобразование, то есть это не просто утрата позиционной обусловленности диерезы гласного и исчезновение вариативности произношения, но также изменение фонемного состава конктерных слов (или морфем). Поэтому наличие в одних и тех же говорах форм *сковорда́*, *сковорды́* и т. д., с одной стороны, и слова *сковоро́дка*, с другой (на что указывает сама М. Я. Запругаева: «сковорды́, на сковорде, под сковородою, но сковородка» [Запругаева 1979: 167]), — делает предположение о лексикализации варианта *сково[рд]а́* сомнительным.

Следует отметить, что однокоренные слова с чередованием в корне «гласный звук || ø гласного звука» (типа *сково[рòд]ка* || *сково[рд]а́*) не просто гипотетически сосуществуют в лексической системе конкретного говора, но могут встречаться у одного и того же информанта в пределах одной фразы: [скаварда́ / скаварòтка па-нын'аму / скавардú ч'áплáй'у вын'имáл'и] [Шаповалова 2013: 158]; в приведенном фрагменте текста лексические варианты *скаварда́* и *скаварòтка*, находящиеся в контактной позиции, несомненно указывают на позиционный характер редукции гласного до нуля в этом корне.

Лексикализацию произношения с диерезой в 1-м п/у слоге можно предположить у существительного *голова́шки* 'изголовье', которое обычно употребляется в предложно-падежных формах: *в голова́шках*, *в голова́шки*, *под голова́шками* 'в изголовье'. Развитие в подобных предложно-падежных формах обстоятельственного локативного значения ведет к их большей изоляции от семантических характеристик производящего *голова*, к адвербиализации этих форм, к образованию новых слов — наречных сочетаний — с особым фонемным составом. Слово *голова́шки* и его предложно-падежные формы с диерезой 1-го п/у гласного широко распространены в курских и орловских говорах и фиксируются диалектными словарями начиная с XIX в. [ДООВС: 34; Даль⁴ 1: 908; КОС: 243; СКГ 3: 35; СОГ 2: 157; СРНГ 6: 288].

Возможно, в некоторых говорах изменение фонемного состава произошло и в слове *порсёнок* (*порсы́та*). Довольно много примеров с диерезой 1-го п/у гласного в этом слове содержится в материалах картотеки Словаря воронежских говоров: *Парсёнка зарезали и свижа́ны пажари́ли*; *Атец парсё́нка зарезал — нам пиря́док* (грудинку) *а́ддал*; *Парсё́нак у лужы гваздаи́ца — уже увесь грязнай*; *Рязакóф на́да пазва́ть парсё́нка зареза́ть*; *Пáйду у заку́ту, парся́там да́м*; *Ма́линька́й парсё́начик са́фсем закажа́нил* (исху́дал, зача́х) и др. [КСВГ]. Отмечаются они и в работах воронежских диалектологов: [*адо́нк'и* (остатки пищи) *парс'áтам дай'эм*]; [*и парс'áтк'и там жы́л'и пат п'э́ч'й'у з'имóй*] и др. [Шаповалова 2013: 19, 25, 51, 80, 166]; *У нас растёт парсё́нок*; *Пакарми парсё́нка* [Карасева 2011: 242]; *Парс'óнку да́ла* [Титовская 1955: 102] и др. В такой огласовке это слово отмечено в некоторых населенных пунктах Семилукского, Острогожского, Рамонского, Репьёвского р-нов Воронежской обл., а также Валуйского и Старооскольского р-нов Белгородской обл.

Возможно, именно лексикализацией диерезы 1-го п/у гласного объясняется появление варианта *персёнок*, отмеченного в Задонском и Землянском уездах

Воронежской губ. [Тростянский 1916: 27]: подобная регрессивная ассимиляция обычно происходит в контактных слогах, что свидетельствует об устойчивости не только слогового, но и сегментного состава корня. При сохранении в этом корне двух п/у гласных регрессивной ассимиляции подвергается только второй: вариант *порисёнок* фиксируется в некоторых говорах Дмитровского р-на Орловской обл. [СОГ 10: 179].

Особо следует остановиться на графическом различии слов *парсёнок* ‘домашнее животное свинья’ и *порсёнок* ‘поросёнок’, отмеченных в Словаре орловских говоров [СОГ 9: 24; СОГ 10: 182]; этот же материал приведен в статье [Королева 2017: 304]. Очевидно, что наименование взрослого животного и его детеныша — это два значения одной лексемы, и зафиксированы они в южнорусских акающих орловских говорах, где этимологические гласные [а] и [о] в безударной позиции различаться не могут. Поэтому графическое различие (*парсёнок* / *порсёнок*) в зависимости от значения в данном случае представляется семантически неоправданным и орфографически некорректным.

Однако в других говорах, в том числе и с архаическим диссимилиативным вокализмом, 1-й п/у гласный в лексеме *поросёнок* довольно последовательно сохраняется, чему, видимо, способствует наличие однокоренных слов, где соответствующий гласный находится в сильной позиции — типа *порóсная* ‘беременная (о свинье)’ или *опорóс* ‘роды (у свиньи)’. Поэтому для принятия решения о возможной лексикализации произношения *по[рс’]ёнок* с диерезой в 1-м п/у слоге необходимо проанализировать сегментный и слоговой состав однокоренных слов и их форм: *пороситься*, *порóсная* (*супорóсная*/супоросная) и др.

4. Очевидно, что фиксация в некоторых южнорусских говорах примеров с диерезой гласного в 1-м п/у слоге перед аллофонами /а/, /о/ и /е/ (*по[рс’]ёнок* / *по[рс’]ята* или в *го[лв]а́шки* / *под го[лв]а́шками*) может свидетельствовать о наличии в них (хотя бы в прошлом) диссимилиативной системы вокализма, в том числе архаического типа. Например, по данным М. Ю. Запрягаевой, «слово *порсенок* записано в говоре села Перлевки, где очень сильна редукция» [Запрягаева 1979: 167], форму *парс’онку* В. В. Титовская отмечает в с. Солдатское [Титовская 1955: 102], а вариант *под голва́* ‘в изголовье’ зафиксирован в с. Мастюгино [СВГ 2: 75]. В ходе диалектологических экспедиций Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН было обнаружено, что говорам **Перлѐвки** Семилукского р-на, **Мастюгина** Острогожского р-на Воронежской обл. и **Солдатского** Старооскольского р-на Белгородской обл.² свойствен архаический диссимилиативный вокализм [Исаев, Дьяченко 2011: 287–288; Корпечкова 2013: 49–51]. Архаический диссимилиативный вокализм фиксируется и в других говорах Семилукского, Острогожского, Репьѐвского р-нов Воронежской обл., Старооскольского р-на Белгородской обл. [ДАРЯ 1986: карты 1, 8], где чаще всего отмечаются варианты *порсёнок* и *порся́та*.

² До середины 1950-х гг. село Солдатское относилось к Шаталовскому р-ну Воронежской обл.

При этом фиксация в диалектных словарях подобных произносительных вариантов в качестве особых лексем с графическим отражением диерезы 1-го п/у гласного не всегда оправдана. Ни лексическая прикрепленность этого явления к конкретным словам, ни устойчивость произношения без гласного, ни даже распространение диерезы гласного с позиции диссимилиации на всю парадигму целиком (*го[лд]áть* → *го[лд]úю* или *сково[рд]á* → *сково[рд]ы́*), отмечающееся в некоторых говорах, не создают условий для изменения фонемного состава произносительных вариантов *го[лд]áть* или *сково[рд]á*, поскольку, как правило, в местной лексической системе есть однокоренные слова с иным местом ударения, где соответствующий гласный проявляется (*голо́дный*, *сковоро́дка* и т. д.).

Можно предположить, что об изменении фонемного состава в некоторых случаях свидетельствует изменение слоговой структуры слова, когда диереза гласного приводит к уменьшению количества слогов. Однако зачастую полная редукция гласного приводит не к утрате слога, а к вокализации сонорного согласного, который становится вершиной слога. В этом случае произношение со слоговым гласным / слоговым сонорным обычно вариативно, то есть лексикализации также не происходит и можно говорить лишь о лексической прикрепленности диерезы гласного к конкретному слову.

Источники

Даль⁴ — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд. / Под. ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.; М., 1912. Т. I–IV.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. Вып. 1: Фонетика. М., 1986 (карты). 99 сдв. л.

ДООВС — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря // Опыты областного великорусского словаря и Дополнение к Опыту областного великорусского словаря [репринтное издание]. СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. 327 с.

КОС — С. М. Кардашевский. Курско-орловский словарь (Мат-лы для изучения лексики курско-орловских говоров) [буквы В–Ж] // Учен. зап. Моск. областного пед. ин-та. Т. 48. Труды кафедры русск. языка, вып. 4. М., 1957. С. 135–358.

КВГ — Картотека «Воронежские диалекты», хранится в Центре региональных лингвистических исследований при кафедре теории, истории и методики преподавания русск. языка и литературы ВГПУ.

КСВГ — Картотека Словаря воронежских говоров, хранится в Лаборатории воронежского лингвокраеведения им. проф. В. И. Собинниковой при кафедре славянской филологии ВГУ.

СВГ — Словарь воронежских говоров / Науч. ред. Г. Ф. Ковалев. Вып. 1–3—. Воронеж, 2004–2019—.

СКГ — Словарь курских говоров / Науч. ред. Т. А. Пименова, И. С. Климас. Вып. 1–8—. Курск, 2004–2024—.

СОГ — Словарь орловских говоров / Науч. ред. Т. В. Бахвалова. Вып. 1–17–. Ярославль; Орёл, 1989–2016–.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52– / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.–Л.; СПб.: Наука, 1965–2021–.

Литература

Брок О. Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916. 128 с.

Градационная фонология языка и просодия слова русской диалектной речи / Под ред. З. М. Альмухамедовой. Казань: Из-во Казан. ун-та, 1985. 184 с.

Дурново Н. Н. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. 1: Южновеликорусское наречие. Вып. 1 [Труды Моск. диалектолог. комиссии. Вып. 6]. М., 1917. 224 с.

Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. Ч. 1. Источники [Spisy filozofické fakulty Masarykovy University v Brně. Číslo 20]. Brno, 1927. 266 с.

Запругаева М. Я. Лексика с полногласными и неполногласными сочетаниями в русских и украинских говорах (На мат-ле говоров восточной части южнорусского наречия) : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1979. 240 с.

Исаев И. И., Дьяченко С. В. Экспедиции во Владимирскую, Воронежскую, Рязанскую, Тамбовскую и Ярославскую области // Русск. язык в науч. освещении. 2011. № 1 (21). С. 285–289.

Карасева Т. В. Названия свиньи в воронежских говорах // Актуальные вопросы современной лингвистики: Тихоновские чтения. Ч. 1. Елец, 2021. С. 239–245.

Касаткин Л. Л. Избранные труды. Т. II. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. 752 с.

Королева Е. В. Семантические и мотивационные особенности наименований свиньи в орловских говорах // Лексический атлас русск. народных говоров (мат-лы и исслед.) 2017. СПб., 2017. С. 303–313.

Корпечкова Е. В. Развитие типов архаического вокализма (на примере говора с архаическим аканьем и обоянской разновидностью архаического яканья) // Фонетика сегодня. Мат-лы докл. и сообщ. VII межд. науч. конф. М., 2013. С. 49–51.

Кузнецова О. Д. Актуальные процессы в говорах русского языка (лексикализация фонетических явлений). Л.: Наука, 1985. 178 с.

Савинов Д. М. К вопросу о лексикализации произношения с диерезой безударного гласного в южнорусских говорах // Труды Ин-та русск. языка им. В. В. Виноградова. 2025, № 1 (43). С. 413–421.

Титовская В. В. Формы глаголов в говорах юго-западной части Воронежской области (Структура глагольных форм): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1955. 404 с.

Тростянский В. И. К изучению местных говоров в Воронежской губернии [Сборник ОРЯС. Т. ХСV, № 2]. СПб., 1916. 28 с.

Шаповалова О. И. Комплексное описание говора села Коротояк Острогожского района Воронежской области: диплом. работа. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2013. 187 с.

D. M. Savinov

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
crillon@yandex.ru*

REDUCTION OF UNSTRESSED VOWELS TO ZERO IN DISSIMILATIVE VOCALISM DIALECTS

The article is devoted to the analysis of the diaeresis of unstressed vowels in the dialects of the southwestern zone of the southern Russian dialect. In particular, it is shown that the greater involvement of unstressed vowels in positional alternations, characteristic of these dialects, determines the weak prevalence of vowel reduction to zero in dialect systems with dissimilative vocalism. At the same time, the most favorable for the reduction of unstressed vowels in dialects with dissimilative vocalism organization is the 1st pre-stressed syllable before the allophones /a/ (in archaic types also before the allophones /e/ and /o/) in combination with sonorant consonants; in three-syllable words in this position, a complete reduction of the 1st pre-stressed vowel is sometimes encountered: *u go[lv]ákh, po[rs']ěnok, na skovo[rđ]ákh*, etc. The article notes that the recording of similar examples with diaeresis of the vowel in the 1st pre-stressed syllable before the allophones /a/, /o/ and /e/ in southern Russian dialects may indicate the presence in them (at least in the past) of a dissimilative vocalic system, including an archaic type. At the same time, the lexicography of such pronunciation variants in dialect dictionaries as special lexemes with a graphic reflection of the diaeresis of the 1st pre-stressed vowel is not always justified.

Key words: South Russian dialects, dissimilative vocalism, diaeresis of unstressed vowels, lexicalization, dialect dictionaries.

References

- Al'mukhamedova Z. M. (Ed.). *Gradatsionnaya fonologiya yazyka i prosodiya slova russkoi dialektnoi rechi* [Gradational phonology of language and word prosody of Russian dialect speech]. Kazan, 1985. 184 p.
- Brok O. *Govory k zapadu ot Mosal'ska* [Dialects west of Mosalsk]. Petrograd, 1916. 128 p.
- Durnovo N. N. *Dialektologicheskie razyskaniya v oblasti velikorusskikh govorov. Ch. 1: Yuzhnovelikorusskoe narechie. Vyp. 1* [Dialectological research in the field of Russian dialects. Part 1: South Russian dialect. Issue 1]. Moscow, 1917. 224 p.
- Durnovo N. N. *Vvedenie v istoriyu russkogo yazyka. Ch. 1. Istochniki* [Introduction to the history of the Russian language. Vol. 1. Sources]. Brno, 1927. 266 p.
- Isaev I. I., D'yachenko S. V. [Expeditions to Vladimir, Voronezh, Ryazan, Tambov and Yaroslavl regions]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2011. No. 1 (21), pp. 285–289. (In Russ.)
- Karaseva T. V. [Pig names in Voronezh dialects]. *Aktual'nye voprosy sovremennoi lingvistiki: Tikhonovskie chteniya* [Topical issues of modern linguistics: Tikhonov Readings]. Vol. 1. Yelets, 2001, pp. 239–245. (In Russ.)

Kasatkin L. L. Izbrannye trudy. T. II. [Selected works. Vol. II]. Moscow: Izdatel'skij Dom YASK, 2017. 752 p.

Koroleva E. V. [Semantic and motivational features of the names of pigs in Orel dialects]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniya) 2017* [Lexical atlas of Russian dialects (materials and research)]. Saint Petersburg, 2017, pp. 303–313. (In Russ.)

Korpechkova E. V. [Development of archaic vocalism types (using the example of a dialect with archaic akanye and the Oboyan variety of archaic yakanye)]. *Fonetika segodnya. Materialy dokladov i soobshchenii VII mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii* [Phonetics today. Materials of reports and communications of the VII international scientific conference]. Moscow, 2013, pp. 49–51. (In Russ.)

Kuznetsova O. D. *Aktual'nye protsessy v govorakh russkogo yazyka (leksikalizatsiya foneticheskikh yavlenii)* [Active processes in the Russian dialects (lexicalization of phonetic phenomena)]. Leningrad, Nauka Publ., 1985. 178 p.

Savinov D. M. [On the question of lexicalization of pronunciation with dieresis of unstressed vowel in South Russian dialects]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2025, no. 1 (43), pp. 413–421. (In Russ.)

Shapovalova O. I. *Kompleksnoe opisanie govora sela Korotoyak Ostrogozhskogo rajona Voronezhskoi oblasti: diplom. rabota* [Comprehensive description of the dialect of the village of Korotoyak, Ostrogozhsky district, Voronezh region: diploma thesis]. Voronezh state university, 2013. 187 p.

Titovskaya V. V. *Formy glagolov v govorakh yugo-zapadnoi chasti Voronezhskoi oblasti (Struktura glagol'nykh form)*. Kand. diss. [Verb forms in dialects of the southwestern part of the Voronezh region (Structure of verb forms) . Kand. diss.]. Voronezh, 1955. 404 p.

Trostyansky V. I. *K izucheniyu mestnykh govorov v Voronezhskoi gubernii* [Towards the study of local dialects in the Voronezh province]. Saint Petersburg, 1916. 28 p.

Zapryagaeva M. Ya. *Leksika s polnoglasnymi i nepolnoglasnymi sochetaniyami v russkikh i ukrainskikh govorakh (Na materiale govorov vostochnoi chasti yuzhno-russkogo narechiya)*. Kand. diss. [Vocabulary with full-vowel and non-full-vowel combinations in Russian and Ukrainian dialects (Based on the dialects of the eastern part of the Southern Russian dialect). Kand. diss.]. Voronezh, 1979. 240 p.

ГРАММАТИКА

С. С. Земичева

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Россия, Москва)
optysmith@gmail.com*

Р. В. Ронько

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
romanronko@gmail.com*

ВАРИАТИВНОСТЬ ФОРМ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА *БЫТЬ* В КОРПУСЕ ГОВОРА СЕЛА СПИРИДОНОВА БУДА (Злынковский район, Брянская область): ПРОБЛЕМА НА СТЫКЕ ГРАММАТИКИ И СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

В белорусских говорах и говорах русско-белорусского пограничья глагол *быть* в настоящем времени представлен рядом коротких (*е, ё*) и длинных форм (*есть, ёсць* и др.). В статье исследуется вариативность форм в говоре села Спиридонова Буда (Брянская область, Злынковский район) и Национальном корпусе белорусского языка. Работа фокусируется на трёх вопросах: социолингвистическом, грамматическом и ареальном. В статье будет представлена карта распространения коротких и длинных вариантов на территории русских и белорусских говоров. Говор Спиридоновой Буды, центральный для представленной работы — говор белорусской основы, который столетиями подвергается сильнейшему влиянию русского языка. Будет показано, что в этом пограничном говоре эффект прайминга и ситуация переключения кодов влияют на выбор форм. Однако проблема не сводится к социолингвистической, а имеет и грамматическую сторону: длинная форма тяготеет к экзистенциальным конструкциям, короткая — к контекстам из грамматической зоны, центром которой является посессивность.

Ключевые слова: предикативная посессивность, экзистенциальность, личный локатив, прайминг, переключение кодов, говоры русско-белорусского пограничья, южнорусские говоры, диалектология, белорусский язык

1. Введение

В белорусских говорах и в русских говорах русско-белорусского пограничья существует вариативность форм настоящего времени глагола *быть* (см. примеры 1, 2)

- (1) Дети обычно рождаются там, где *есть* любовь, где супруги любят друг друга (Брянская область, Злынковский район с. Спиридонова Буда)
- (2) Ну, какие вороны, вороны *ё* в мире: орлы, орланы, вороны. (Брянская область, Злынковский район с. Спиридонова Буда)

В примере один, взятом из корпуса говора села Спиридонова Буда (Злынковский район, Брянская область) использована форма *есть*. Во втором примере использован короткий вариант *ё*. Здесь мы видим вариативность форм, в нашей работе мы проанализируем механизм выбора длинной и короткой формы в зависимости от грамматических и социолингвистических параметров.

Вариативность подобных форм распространена в говорах белорусского языка и русских говорах белорусского пограничья. Русскими говорами белорусского пограничья мы называем говоры Брянского угла, Западные говоры (по диалектному членению К. Ф. Захаровой и О. Г. Орловой [Захарова, Орлова 2004] и южно-псковские говоры (по классификации Н. Н. Пшеничной [Пшеничнова 1996, 2008]). Подобное понимание говоров «пограничья» возникает из дискуссии о границах белорусского и русского языков. В зависимости от признаков, лежащих в основе известных диалектных членений, двигается граница между языками. Удачное наложение разных карт с границами белорусского языка представлено в работе [Barszczewska, Jankowiak 2012].

Вариативность форм настоящего времени глагола *быть* отмечена в литературе по восточнославянской диалектологии. Так, Е. Ф. Карский приводит встречающиеся в старобелорусских памятниках варианты *еси, ес, есть, есь*, а также *ёсь, ёсьць* и короткие формы *е, ё* [Карский 1956: 260]. Формы *е, ё*, согласно работе Е. Ф. Карского, представлены в разговорной речи. Отмечается также, что начальное *ё* в формах глагола *быть* представляет собой исключение из фонетических правил: «звук *о* с предыдущей мягкостью согласного (*ё*) в 3 лице перед личным окончанием (кроме форм *ё, ёсь, ёсьць*) в белорусском языке не известен» [Там же: 260].

Вариативность исследуемых форм упоминается в грамматике говоров Новозыбковского района, написанной П. А. Расторгуевым [Расторгуев 1927]. Наблюдения Расторгуева особенно важны для нашей работы, в центре внимания которой лежит говор села Спиридонова Буда.

Литературная форма белорусского языка *ёсьць*, как и диалектные варианты *ёсь, ё* классифицируется как поздняя инновация, характерная для белорусских диалектов юго-восточной зоны, отличающая её от других региональных вариантов [Barszczewska, Jankowiak 2012: 194]. Исследователи считают, что эта особенность наряду с некоторыми другими возникла на белорусской территории, откуда распространилась на восток, на российскую территорию западно-брянских, южно-псковских и западно-смоленских говоров [Там же].

Наша работа преследует одну основную и одну вспомогательную цели. Основная цель — обнаружить механизм выбора между короткой и длинной формами в говоре села Спиридонова Буда. Мы выдвигаем две гипотезы. Первая гипотеза — социолингвистическая. В Спиридоновой Буде распространён говор белорусской основы, находящийся под сильным влиянием русских говоров с одной стороны и влиянием русского литературного языка с другой. Это позволяет нам предположить, что вариативность изучаемых форм связана с социолингвистическими процессами. Вторая гипотеза — грамматическая. Семантика высказываний с бытийным глаголом может выражать разные значения (экзистенциальное, локативное, временное, possessive). См. подробный обзор, например, в [Mylar 2016]). В стандартных восточнославянских языках в зависимости от семантики распределены конструкции с выраженной формой глагола и формой глагола, выраженной синтаксическим нулём (см., например, [Летучий 2018]). Мы предполагаем, что распределение двух типов форм может быть связано с семантикой конструкций. Материал говора Спиридоновой Буды позволяет обстоятельно рассмотреть обе гипотезы (подробнее см. раздел 2).

Вторая цель — определить механизм выбора форм в говорах белорусского языка, опираясь на материалы корпуса говора Спиридоновой Буды и Национального корпуса белорусского языка. Здесь из-за характера данных (подробнее см. раздел 2) мы можем проверить только грамматическую гипотезу.

Таким образом, наша работа будет устроена следующим образом: в разделе 2 мы обсудим данные, которые легли в основу анализа гипотез, и источники, которые использовались для построения карт. В разделе 3 будет представлен лингвогеографический обзор изучаемой вариативности. В следующем разделе мы проанализируем социолингвистическую гипотезу и влияние семантики конструкции на выбор форм в говоре Спиридоновой Буды и в белорусском языке, а в заключении будут представлены основные выводы работы.

2. Материалы и методы

2.1. Методы корпусного исследования

Для решения поставленных проблем мы использовали три типа источников. В основе нашей работы лежит исследование корпуса говора села Спиридонова Буда [Гардер и др. 2018]. Этот сложный для классификации говор, согласно работе П. А. Расторгуева [Расторгуев 1927] относится к Северским белорусским говорам. В 1952–1954 году по программе ДАРЯ осуществлялся сбор материалов в деревнях Рогово, Барки, Лысые, Серовка и Добродеевка Злынковского района Брянской области, эти материалы представлены в базе данных ДАРЯ [БД ДАРЯ]. По классификации К. Ф. Захаровой и О. Г. Орловой [Захарова, Орлова 2004] исследуемый диалект не классифицируется как говор русского языка, однако материалы корпуса показывают, что со времён обследования ДАРЯ и со времён Расторгуева язык этой местности претерпел ряд изменений под влиянием русских говоров и литературного русского языка [Кузьмина 2024]. Объём корпуса — 70 565 словоформ,

в корпусе представлена только женская речь. Важной особенностью этого корпуса (и других корпусов лаборатории языковой конвергенции НИУ ВШЭ) является простой доступ к социолингвистической информации. Это позволило нам поставить и протестировать социолингвистическую гипотезу, описанную выше.

Второй важный источник для исследования — диалектный подкорпус Национального корпуса белорусского языка (далее БНК). В корпусе представлены материалы, собранные в разных районах Белоруссии. Объём диалектного подкорпуса составляет 740 текстов и около 468 тыс. словоупотреблений. Из диалектного подкорпуса были извлечены все варианты длинных и коротких форм настоящего времени глагола *быть* для анализа поставленной грамматической гипотезы.

На первом этапе разметки мы извлекли из корпуса говора Спиридоновой Буды все контексты с леммой *быть* в форме настоящего времени, затем исключили нерелевантные примеры с *есть* в значении ‘принимать пищу’. Т. к. расшифровки речи в корпусе даны в стандартной орфографии и диалектные особенности могут быть не отражены, сначала мы прослушали все примеры, разметили высказывания по используемой форме: *есть* (стандартная), *ё* (нестандартная). Итоговая выборка включает 92 примера. Случаи с повторением формы информантом в одном высказывании (*ну, ё, ё плохое чтось такое*) считались как один пример; при повторях варианты всегда совпадают (не встретилось: **есть, ё* подряд). Полученные контексты были размечены по следующим параметрам: 1. Возраст информанта 2. Наличие формы настоящего времени глагола *быть* в вопросе интервьюера (прайминг при переключении кодов). 3. Семантический тип высказывания. Прокомментировать процесс разметки полученных контекстов.

Мы предположили, что важным фактором, влияющим на выбор формы в смешанном говоре, могут стать прайминг и переключение кодов. Под праймингом в психологии и нейрофизиологии понимается предшествование одного стимула другому — обычно в процессе проведения эксперимента [Русакова 2013: 53–60]. В материалах корпуса диалектная речь перемежается с вопросами интервьюеров — носителей литературного языка. Если в реплике интервьюера, предшествующей реплике информанта, содержится форма *есть*, мы утверждаем, что в этом месте возможен эффект прайминга. Явление прайминга тесно связано с феноменом переключения кодов. Обычно при употреблении этого термина говорят о переключении с одного языка на другой (см. обзор лингвистических проблем, связанных с переключением кодов, в [Poplack 2015]), но этот термин используется и при описании процесса взаимодействия носителей разных диалектов одного языка, на этом фоне выделяются несколько исследований о переключении кодов между нидерландским литературным языком и диалектами [Vandekerckhove 1998]. Мы предполагаем, что носители говора в разной мере знакомы с литературной нормой и их речь способна меняться при разговоре с носителями литературного языка из-за обсуждаемого эффекта.

Условием для проявления эффекта прайминга мы считали контексты, в которых ответ следует непосредственно за репликой собирателя или после короткой

реплики информанта, состоящей из дискурсивных единиц (междометий, вводных слов и проч.). ср.:

- (3) О домовом: [*А **есть** у вас такой?*] *А кто его знает. Наверное ж, **есть**, в каждом доме*¹.

В этом примере интервьюер употребляет длинную форму, такую же форму в своей реплике использует информант.

Необходимо отметить, что в работе П. А. Расторгуева [1927: 37–38] упоминается, что короткая форма встречается только в ответах на вопросы. Это наблюдение может относиться именно к изучаемому нами эффекту.

Для проверки грамматической гипотезы мы использовали типологически ориентированную классификацию конструкций с глаголом *быть*. Форма *есть* в русском языке может употребляться в контекстах предикативного обладания, в пространственных и временных контекстах ([Kondrashova 1996, Летучий 2018]). В литературе по русскому синтаксису большое внимание уделено конкуренции конструкций с выраженной формой и конструкций с нулевым элементом. Проблема синтаксического нуля остаётся за рамками нашей работы.

Мы разбили полученные примеры на следующие семантические рубрики: 1) значение существования; 2) предикативная посессивность; 3) локативное значение. Разберём каждый тип подробнее.

- 1) Конструкции со значением существования (экзистенциальные)

Семантику собственно существования отражают следующие примеры:

- (4) *Заливали водой, носили с вёдрами, воду носили. Ну а то знали ж молитвы от пожара, так кругом и с этой, **есть** такая икона, что обходили, и за-
тухал.*
(5) *Хотя я не скажу, что я атеистка, я верую в Бога, знаю, чувствую, что он ё.*

Высказывания такого типа, с абстрактной семантикой, часто используются как ответ на вопрос интервьюера:

- (6) [*А было такое, что вот человек очень боялся грома?*] *Ну это **есть**, конечно. Например, я не боюсь ни грома, ни молонью, мне тогда ещё лучше спать хочется, як гроза идёт. А **есть**, что боятся, конечно, **есть**.*

- 2) Конструкции со значением предикативной посессивности

Здесь рассматриваются такие конструкции, где значение обладания составляет предикативное ядро высказывания [Stassen 2001, 2013; Mazzitelli 2015]: использование

¹ Здесь и далее перед двоеточием кратко обозначается тема разговора, помогающая понять контекст высказывания. В квадратных скобках даются реплики интервьюеров. Реплики информантов приводятся в точном соответствии с аудиозаписью, без смыслового редактирования, однако фонетические диалектные особенности не отражаются.

глагола *быть* в посессивных контекстах отражает специфику восточнославянских языков (белорусский, русский, украинский); в других славянских языках соответствующая семантика передаётся с помощью глагола *иметь*.

(7) *Краснолобова Валентина, у меня тоже её адрес есть.*

(8) *Это ж теперь дак не проблема: и деньги ё у людей, и всё — пошёл, купил что надо. Вот тебе и приданое. А так то же надо было наткать, напрядь, навывшивать.*

В приведённых высказываниях посессор обозначен типичным предложно-падежным сочетанием предлога *у* с генитивом (*у людей, у меня*). Более сложными являются случаи, где посессивность передаётся иными средствами, в частности, субъект может быть выражен формой в дательном падеже:

(9) *Она уже в годах, в возрасте, ей годов восемь уже ё, этой кошке.*

Кроме того, в диалогической речи формальный маркер может отсутствовать в высказывании информанта, но восстанавливается по предыдущей реплике собирателя; такие случаи мы рассматривали как эллиптические, например:

(10) [*У Вас, наверное, и дети, внуки есть?*] *Пять уже правнуков. И внуки есть.*

В этой грамматической зоне встречается ряд осложнённых грамматических значений. Одно из дополнительных значений, которое нам пришлось выделить в рамках работы, среди примеров похожих на предикативную посессивность — **до-ступность**. В эту подгруппу включались высказывания со значением ‘имеется, находится в наличии’. В таких случаях посессор не обозначен ни в высказывании информанта, ни в реплике собирателя, соответствующая семантика обнаруживается только в более широком контексте. Вместе с тем актуализируется темпоральный аспект посессивности, как в следующем примере.

(11) О внуках: [*А маленькие или уже большие подросли?*] *Внуки, внуки уже большие, а вот правнуки ещё и по году есть, и по три, и по четыре. И по одиннадцать годов есть уже правнуки такие.*

Пример (11) сообщает нам, что внуки определённого возраста есть у говорящего (посессора) в момент речи. Иногда высказывание обозначает наличие объекта в определённый момент времени в конкретном пространстве (‘у меня — здесь — сейчас’):

(12) *Детки, извините, что я вас сегодня угостить ничем не могу. Не, по-стойте. <...> Детки, яичко, может, ещё вам дать <...>² постойте-ка, нате-ка ещё сегодняшнее вот. Давайте, давайте [‘берите’], ещё сегодняшние яички ё.*

² Пропуск нескольких реплик.

В приведённом высказывании частица *вот* маркирует одновременно локативность и темпоральность.

В подгруппу ‘доступность’ также было включено несколько высказываний, где описываемая ситуация имеет гипотетический характер (возможное наличие чего-либо), ср.:

- (13) *[А на родах кто мог присутствовать?] <..> Свекровь. Ну там, если есть, золовка там или кто. Это ж раньше жили як семьями. Один сын женатый живёт, другой сын женатый вместе живут, третий ещё женатый.*

В таких высказываниях предполагается наличие чего-либо у кого-либо в конкретный момент времени (в момент родов, как в примере выше; в других случаях — в момент свадьбы, похорон и т. п.); частотность подобных примеров обусловлена характером материала (интервью). Высказываний с собственно темпоральной семантикой в нашем материале не встретилось, ср.

- (14) *Сегодня есть футбол* из [Летучий 2018].

3) Локативные конструкции

Этот тип семантики конкретизирует существование в пространстве, см. следующие примеры:

- (15) *Псалмы обязательно, в этом храме. А как поют, девчата, там такие псалмы **есть**, ой-ой-ой.*
(16) *Да тутока, кажут, богато ё книг этих в Спиридоновке. Но я не знаю, я это, я этого [колдовства] не знаю и не интересуюсь даже и близко не хочу это.*

Как и в случае с посессивностью, локативный маркер часто содержится в вопросительной реплике интервьюера, но отсутствует в ответе информанта:

- (17) *[А вот ящерицы здесь есть?] Ну они **есть**, **есть-есть**, да.*

В качестве отдельного подтипа необходимо выделить **личный локатив**, представляющий собой сочетание локативности и посессивности (содержит маркеры обоих типов). Личным локативом называются грамматические конструкции, которые используются для обозначения места, ассоциируемого с местом проживания человека. Выражения данного значения посредством конструкций с внешним посессором распространены в языках мира [Daniel 2003, Жигульская 2015]:

- (18) *Тут у нас такие **есть** товарищи, они уже как покойник, так к ним и бегут люди, чтоб они, это самое, покопали да закопали их.*
(19) *[Вы сказали, что ещё здесь есть какая-то Валентина.] А, Журба ещё у нас ё Валентина.*

В нашей выборке такие примеры немногочисленны. Во всех случаях обозначается наличие / присутствие в деревне, сельском сообществе.

4) Другое

В двух примерах рассматриваемая форма включена в специальные конструкции, мы исключили эти случаи из выборки:

- (20) *А клуб был у нас в церкви, вот. Это сейчас, моя детка, грешно было, а что, мы виноваты? **Клуб ё клуб**, а в церкви.*
- (21) *[А новорождённого ребёнка оберегали специально?] Ну а как же, это в обязательном порядке, а как же, **новорождённый есть новорождённый**.*

Из выборки также были исключены два примера, не имеющие однозначной интерпретации:

- (22) *О покойниках: [А с мылом моют или без?] Может, и мыло **есть**, не знаю. Я ни разу не видела и не интересовалась.*
- (23) *вот полынь обычно многие держали от моли. [А куда клали полынь?] А, вот **есть** там где-то вон я, может, на шкаф бы положила веточку полыни. Но она же так резко пахнет, я не люблю.*

Подобная разметка использовалась и для материала корпуса Спиридоновой Буды, и для материалов БНК.

Для анализа параметров была применена модель логистической регрессии. Эта модель позволяет установить связь между предикторами (в нашем случае праймингом и семантическим типом конструкции) и зависимой переменной (длинный или короткий вариант формы).

2.2. Методы исследования лингвогеографии

Для исследования лингвогеографии и построения карт использовались данные нескольких диалектных корпусов и сборников диалектных текстов. В БНК содержится 26 вариантов формы настоящего времени глагола *быть*. С помощью поиска были собраны контексты с данными формами. Примеры использования интересующих нас форм найдены в 46 районах (из 118 существующих районов Беларуси). Для нанесения на карту использовались материалы, собранные после 2000-го года. Основным источником материала по русским говорам стали диалектные корпуса, созданные на базе международной лаборатории языковой конвергенции НИУ ВШЭ [Гардер и др. 2018, Ронько и др. 2019, 2022, 2024, Рыко, Спиричева 2020]. Эти ресурсы отражают современное состояние говоров, их материалы собраны в 2017–2024 гг.

3. Географическое распределение коротких и длинных форм

В диалектном подкорпусе БНК содержится 26 вариантов форм настоящего времени глагола *быть*. Это следующие единицы:

Короткие формы: *ё, е.*

Длинные формы: *ес, ест, есть, ёсть, есь, ёсь, ёсьсь, есьць, есьць, ёсьць, ёсьць, ёсьці, есьця, есья, еся, есека, есяка, есека, есьека, есьцяка, ёсьцяка, ёсьцяка, ёсьцяка, ёсьцяка-ка*

На карте 1 представлено географическое распределение длинных и коротких форм

Карта 1³

За некоторым исключением, большая часть говоров с короткими формами — это южные белорусские и русские говоры, находящиеся в непосредственной близости с территорией украинского языка, в котором присутствует только короткий вариант.

4. Результаты

Как уже было указано, для статистической обработки данных мы использовали модель логистической регрессии. Это модель предназначена для предсказания шанса конструкции А быть выбранной в определённом типе контекста в сравнении с конструкцией Б, использующейся в таких же условиях [Levshina 2015: 253–254]. Мы применили этот подход только для анализа данных Спиридоновой Буды. В ходе экспериментов мы обнаружили, что модель, в которой в качестве предикторов выступают прайминг и выраженность значения существования, лучше всего описывает наши данные. В таблице 1 представлены значения коэффициентов для такой модели, стандартное отклонение, значение z-test и p-value. Z-test используется

³ Карта сделана с помощью инструмента folium [Python-visualization. (2020)]. Со списком населённых пунктов с координатами, кодом для визуализации и более интерактивной картой можно ознакомиться по ссылке: <https://github.com/RomanRonko/Short-forms-in-Bel.-dialects>

Таблица 1. Модель логистической регрессии⁴

Предиктор	Коэффициент	Стандартное отклонение	z-value	p-value
Прайминг	2.6060	1.081	-2.277	0.023
Экзистенциальная конструкция	-1.0606	0.466	-2.410	0.016

в связи с тем, что распределение, которое представлено в данных, отличается от нормального. Мы не анализировали параметр «возраст» с помощью модели.

Согласно модели, для выбора формы значимыми параметрами являются значение экзистенциальности и наличие длинной формы в реплике интервьюера. Далее мы детально разберём зависимость выбора форм от социолингвистических параметров и от семантики конструкции, опираясь на результаты регрессии.

4.1. Зависимость выбора формы настоящего времени глагола *быть* от прайминга и возраста информанта в говоре Спиридоновой Буды

Регрессионная модель показала, что наличие стимула в вопросе интервьюера является значимым параметром для выбора формы, теперь обратимся к описательной статистике, представленной в таблице 2.

Таблица 2. Вариативность длинных и коротких форм в зависимости от наличия стимула в вопросе интервьюера

Наличие стимула	<i>есть</i>	<i>ё</i>
стимул в вопросе	14 (93%)	1 (7%)
нет стимула	40 (51%)	37 (49%)

Из таблицы 2 мы видим, что при наличии стимула информанты в 14 случаях из 15 выбирают длинную (она же литературная форма). В случае отсутствия стимула распределение почти равномерное. На данном этапе мы вправе предположить, что в говоре присутствует сразу два типа вариативности: и социолингвистическая, в данном случае обусловленная контактом с носителем литературного языка, и грамматическая. Важным дополнением к анализу контекстов с наличием стимула может служить распределение форм по информантам разного возраста. Эти данные, которые не являются пригодными для статистического анализа, представлены в таблице 3.

Следует обратить внимание, что все информанты кроме информантов 1953 и 1936 годов рождения так или иначе используют оба варианта связки, при этом старший информант предпочитает короткую форму длинной. Однако необходимо оговориться, что информант 1953 года родилась к северо-западу от Спиридоновой Буды и переехала в деревню в детстве. Важным обстоятельством является тот факт, что только три примера с праймингом относятся к материалу информанта

⁴ Расчёты выполнены с помощью модуля `statmodels` библиотеки `pandas` [Skipper, Perktold 2010]. С данными и кодом для расчёта регрессии можно ознакомиться по ссылке: <https://github.com/RomanRonko/Logistic-regression-for-Belarusian-Be.PRS>

Таблица 3. Распределение длинного и короткого вариантов форм по информантам разных лет рождения

Год рождения информанта	<i>есть</i>	<i>ё</i>
1930	18 (75%)	6 (25%)
1936	0	5
1940	5 (25%)	15 (75%)
1942	14 (70%)	6 (30%)
1942	0	6
1953	17	0

1953 года рождения, при исключении её из рассмотрения, прайминг остаётся значимым параметром.

Теперь установив, что в материале присутствуют два типа вариативности, обратимся к грамматике исследуемой конструкции.

4.2. Зависимость выбора формы настоящего времени глагола *быть* от семантики конструкции в корпусе говора Спиридонова Буда и в БНК

В таблице 4 представлено распределение короткой и длинной форм в зависимости от семантики конструкции в корпусе говора села Спиридонова Буда

Таблица 4. Вариативность короткой и длинной форм настоящего времени глагола *быть* в зависимости от семантического типа конструкции в говоре села Спиридонова Буда

Тип конструкции	<i>есть</i>	<i>ё</i>
существование	30 (70%)	13 (30%)
предикативная посессивность	9 (35%)	17 (65%)
доступность	6 (67%)	3 (33%)
локативность	5 (56%)	4 (44%)
личный локатив	4 (80%)	1 (20%)
всего	54 (59%)	38 (41%)

Описанная выше модель предсказывает, что экзистенциальность конструкции влияет на выбор формы. В 30 из 43 примеров с бытийной семантикой нами зафиксирована стандартная длинная форма. Единственный тип примеров, где преобладают короткие диалектные формы — это конструкции с предикативной посессивностью. Остальные типы конструкций представлены недостаточно широко для каких-либо интерпретаций.

Данные диалектного подкорпуса БНК не показывают никаких статистически значимых результатов, однако представляют интерес в сопоставлении с данными корпуса Спиридоновой Буда. Распределение изучаемых конструкций в БНК представлено в таблице 5.

Таблица 5. Вариативность короткой и длинной форм настоящего времени глагола *быть* в зависимости от семантического типа конструкции в диалектном подкорпусе БНК

Семантический тип конструкции	Длинная форма	Короткая
экзистенциальная конструкция	42 (71%)	17 (29%)
предикативная посессивность	94 (78%)	26 (22%)
локативная конструкция	86 (69%)	28 (31%)
личный локатив	44 (68%)	21 (32%)
со значением доступности	27 (60%)	18 (40%)
коллокации	19 (83%)	4 (17%)
не удалось классифицировать	14 (52%)	13 (48%)

Интересно отметить, что в конструкциях с предикативной посессивностью, а также конструкциях с локативом, личным локативом и значением доступности мы видим сравнительно высокий процент конструкций с короткой формой глагола. Теперь мы перейдем к интерпретации полученных результатов.

5. Заключение

Наша работа проливает свет на устройство вариативности форм настоящего времени глагола *быть* в говоре русско-белорусского пограничья. С одной стороны, мы описываем грамматическое явление в условиях контакта и показываем, что выбор формы, соответствующей русскому литературному языку, мотивирован стимулом, который задан носителем литературного русского языка. Подобная реакция на стимул может сообщать о возможной неустойчивости диалектной черты в говоре (прайминг как мерило устойчивости диалектной черты рассматривается в некоторых работах (см. [Ron'ko 2025])). Данные, связанные с возрастом информантов, позволяют нам предположить, что наиболее молодые и образованные информанты во всех контекстах склонны употреблять длинный вариант, но мы не способны сделать сильное утверждение в этом месте нашего рассуждения.

Однако имеющаяся вариативность только частично объясняется социо- и психолингвистическими факторами. В оставшейся части контекстов вариативность определяется другими факторами, на это в том числе указывает материал белорусских говоров, представленных в БНК. Конструкции с глаголом *быть* в русском и белорусском языках выражают широкий спектр значений, наличие двух форм настоящего времени предоставляет языку возможность развести некоторые из них. Описываемый набор значений широко обсуждается в литературе. В этой связи отдельного внимания заслуживает работа Эмиля Бенвениста [Бенвенист 1952] о развитии значения обладания от глаголов типа *быть* к глаголам типа *иметь*. Особенно наглядной кажется конкуренция этих значений на примере *have* языков. Приведём ограниченный список значений конструкций с глаголом *have* (примеры даны по [Myler 2016]):

- (23) *I have a Playstation 3* (предикативная посессивность)
- (24) *I have a sister* (выражение родственных отношений)
- (25) *John has black hair/short leg* («обладание» частями тела)

- (26) *This tree has nests in it* (локативное значение)
(27) *John had something wonderful happen (to him) today* (экспериенциальное значение)
(28) *John has a headache* (похожее на (27) значение с выражением боли)

Здесь мы видим, что глаголом *иметь* в том числе выражаются значения, которые в русском языке выражены бытийной конструкцией.

Полученные нами данные свидетельствуют о распределении исследуемых конструкций между двумя полюсами — экзистенциальном полюсе с одной стороны и посессивном полюсе с другой. Между этими полюсами существуют промежуточные значения, особенно сложным значением здесь являются примеры с семантикой личного локатива (*Я живу у своей сестры*). Подобная континуальность значений порождает сложность классификации контекстов и вынуждает нас постулировать такую группу контекстов, как контексты «доступности»⁵.

Источники

БД ДАРЯ — Марченко И. А., Долгов О. Н., Азанова А. С., Замбрицкая М. С., Заливина Е. А., Землянская С. А., Мочульский Д. И., Цейтина Е. И., Чистякова Д. Г., Ронько Р. В. База данных диалектологического атласа русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://da.ruslang.ru/> (дата обращения: 30.03.2025).

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. I. Фонетика. М., 1986. Вып. II. Морфология. М., 1989. Вып. III. Часть 1. Лексика. М., 1997; Часть 2. Синтаксис и лексика. М., 2004.

Гардер М. О., Петрова Н. С., Мороз А. Б., Панова А. Б., Добрушина Н. Р. Корпус говора с. Спиридонова Буда. 2018. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: <https://lingconlab.ru/SpiridonovaBuda> (дата обращения 02.02.2025).

Ронько Р. В., Вольф Е. А., Гребёнкина М. Ю., Ершова М. Ю., Охапкина А. В., Хадасевич А. С., Морозова В. А. 2019. Корпус опочечких говоров. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ), Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: lingconlab.ru/opochka/ (дата обращения 15.01.2025).

Ронько Р. В., Азанова А. С., Бутенко З. А., Замбрицкая М. С., Марченко И. А., Мочульский Д. И., Цейтина Е. И., Волошина Е. Ю. 2022. Корпус деревень Шетнево и Макеево. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: lingconlab.ru/shetnevo/ (дата обращения 19.02.2025).

Ронько Р. В., Агеева Э. В., Анцупова А. В., Азанова А. С., Войтович Е. Е., Гумерова П. С., Кузьмина А. С., Манусов А. В., Мони́на В. Е., Мочульский Д. И., Смолкина М. С. Корпус говора деревни Пятиусово. 2024. М.: Международная

⁵ Авторы не настаивают на удачности подобной классификации, альтернативное решение, которое авторы приняли бы в том случае, если бы разделяли структуралистский подход, — исключить подобные примеры из выборки.

лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: <https://lingconlab.ru/pyatiusovo>, дата обращения 01.07.2025).

Рыко А. И., Спиричева М. В. 2020. Корпус Хиславичского района Смоленской области. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/khislavichi> (дата обращения 10.02.2025).

Литература

Бенвенист Э. Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. Пер. с фр. Изд. 2-е, стер. М.: Едиториал УРСС, 2002 (1959). С. 203–224.

Жигульская В. Р. Типология личных локативов: выпускная квалификационная работа. М.: НИУ ВШЭ, 2015.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка: учебное пособие для педагогических вузов. 2-е изд., стер. М.: УРСС, 2004. 169 с.

Карский Е. Ф. Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 2–3. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 520 с.

Кузьмина А. С. Определение положения говоров, традиционно относимых к русскому языку, внутри восточнославянской языковой подгруппы: говор села Спиридонова Буда: квалификационная работа третьего курса. М.: НИУ ВШЭ 2024.

Летучий А. Б. Нулевая связка. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М. 2014. Электронный ресурс: <http://rusgram.ru>. (дата обращения 10.02.2025).

Пишеничнова Н. Н. Типология русских говоров. М.: Наука, 1996. 208 с.

Пишеничнова Н. Н. Лингвистическая география (по материалам говоров). М.: Азбуковник, 2008. 220 с.

Расторгуев П. А. Северско-белорусский говор: Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров. Л.: Издание института белорусской культуры, 1927. 227 с.

Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянских культур, 2013. 568 с.

Barszczewska N., Jankowiak M. Dialektologia białoruska. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2012. 308 s.

Daniel M. Towards a typology of personal locatives. Problem setting. Paper presented at the Fifth International Conference of the Association for Linguistic Typology, Cagliari, September 2003, available at: http://web.tiscali.it/summerschool/scientific_program.html (Accessed 15 Oct. 2021).

Kondrashova N. Yu. The Syntax of Existential Quantification. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin dissertation. 1996.

Levshina N. How to do linguistics with R. Data exploration and statistical analysis. Amsterdam: Benjamins, 2015. 443 p.

Mazzitelli L. F. The Expression of Predicative Possession: A Comparative Study of Belarusian and Lithuanian. Berlin, München, Boston: De Gruyter Mouton, 2015. 239 p. <https://doi.org/10.1515/9783110412321>

- Myler N. Building and Interpreting Possession Sentences. MIT Press: 2016. 472 p.
- Poplack S. Code Switching (Linguistic) // James D. Wright (ed), International encyclopedia of the social & behavioral sciences. Oxford: Elsevier, 2015, pp. 918–925.
- Python-visualization. Folium. 2020. Retrieved from <https://python-visualization.github.io/folium/>
- Ron'ko R. Evaluating dialect loss through priming of code-switching: a case of Pskov dialects of Russian 2025 Ricerche slavistiche. Nuova serie. 2025. No. 8 (68) [Special issue: Slavic Minority and Regional Languages. M. Biasio, L. F. Mazzitelli (eds.)]. Pp. 183–205.
- Skipper S., Perktold J. Statsmodels: Econometric and statistical modeling with python // Proceedings of the 9th Python in Science Conference. 2010, pp. 92–96.
- Stassen L. Predicative Possession // Language typology and language universals: an international handbook / ed. by M. Haspelmath, W. Oesterreicher, W. Raible. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2001, pp. 954–960. DOI: 10.23951/2307-6119-2018-2-29-38
- Stassen L. Predicative Possession // The World Atlas of Language Structures Online / ed. by M. S. Dryer, M. Haspelmath. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. URL: <http://wals.info/chapter/117> (accessed on 06.01.2023).
- Vandekerckhove R. Code-Switching between Dialect and Standard Language as a Graduator of Dialect Loss and Dialect Vitality. A Case Study // West Flanders. Zeitschrift Für Dialektologie Und Linguistik, 65 (3), 1998, pp. 280–292. <http://www.jstor.org/stable/40504403>

Svetlana S. Zemicheva

*National Research University Higher School of Economics
(Russia, Moscow)
optysmith@gmail.com*

Roman V. Ron'ko

*National Research University Higher School of Economics
(Russia, Moscow)
Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
(Russia, Moscow)
romanronko@gmail.com*

**VARIABILITY OF PRESENT TENSE FORMS OF THE VERB BYT' 'TO BE'
IN THE DIALECT CORPUS OF THE VILLAGE OF SPIRIDONOVA
BUDA (ZLYNKOVSKIY DISTRICT, BRYANSK REGION): A PROBLEM
AT THE INTERSECTION OF GRAMMAR AND SOCIOLINGUISTICS**

In the dialects of the Russian-Belarusian borderland, the verb byt' 'to be' in the present tense is represented by a set of short (e, ě) and full forms (*есть, ёсть*, etc.). This article investigates the variability of these forms in the dialect corpus of the village of Spiridonova Buda (Zlynkovskij District, Bryansk Region) and in the National Corpus of

the Belarusian Language. The study focuses on sociolinguistic, grammatical, and areal issues. The study will show the distribution of short and full variants across the territory of Russian and Belarusian dialects. The dialect of Spiridonova Buda is based on Belarusian but has been strongly influenced by Russian for centuries. The analysis shows that in this borderland dialect, the effects of priming and code-switching influence the choice of verb forms. However, the issue is not limited to sociolinguistics — it also has a grammatical dimension: the full form tends to appear in existential constructions, while the short form is associated with grammatical contexts centered around the possessive meaning.

Keywords: predicative possession, existentiality, personal locative, priming, code-switching, dialects of the Russian-Belarusian borderland, South Russian dialects, dialectology, Belarusian language

References

Barszczewska N., Jankowiak M. *Dialektologia bialoruska* [Belorussian dialectology]. Warszawa, Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2012. 308 p. (In Polish)

Benvenist E. [Verbs “to be” and “to have” and their functions in language] // *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. Moscow: URSS Publ., 2002/1959, pp. 203–224.

Daniel M. *Towards a typology of personal locatives*. Problem setting. Paper presented at the Fifth International Conference of the Association for Linguistic Typology, Cagliari, September 2003. Available at: http://web.tiscali.it/summerschool/scientific_program.html (accessed 15.10.2021).

Karskii E. F. *Belorusy. Yazyk belorusskogo naroda* [Belarusians. Language of the Belarusian people] Vols. 2–3. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1956. 520 p.

Kondrashova N. Yu. *The Syntax of Existential Quantification*. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin dissertation, 1996.

Kuz'mina A. S. *Opreделение polozheniya govorov, traditsionno odnosimykh k russkomu yazyku, vnutri vostochnoslavianskoi yazykovoi podgruppy: govor sela Spiridonova Buda* [Determination the position of dialects traditionally attributed to the Russian language within the East Slavic language subgroup: dialect of the village of Spiridonova Buda] vypusknaya kvalifikatsionnaya rabota [Graduation thesis]. Moscow, HSE University, 2024.

Letuchii A. B. [Zero copula] // *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* [Materials for Russian corpus grammar] Manuscript. Moscow, 2014. Available at: <http://rusgram.ru> (accessed 10.02.2025). (In Russ.)

Levshina N. *How to do linguistics with R. Data exploration and statistical analysis*. Amsterdam: Benjamins, 2015. 443 p.

Mazzitelli L. F. *The Expression of Predicative Possession: A Comparative Study of Belarusian and Lithuanian*. Berlin; München; Boston: De Gruyter Mouton, 2015. 239 p. <https://doi.org/10.1515/9783110412321>

Myler N. *Building and Interpreting Possession Sentences*. Cambridge, MA: MIT Press, 2016. 472 p.

Poplack S. Code Switching (Linguistic). In: Wright J. D. (ed.), *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, Oxford: Elsevier, 2015, pp. 918–925.

Pshenichonova N. N. *Tipologiya russkikh govorov* [Typology of Russian dialects] Moscow, Nauka Publ., 1996. 208 p.

Pshenichonova N. N. *Lingvisticheskaya geografiya (po materialam govorov)* [Linguistic geography (based on dialect materials)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008. 220 p.

Python-visualization. *Folium*. 2020. Retrieved from <https://python-visualization.github.io/folium/>

Rastorguev P. A. *Seversko-belorusskii govor: Issledovanie v oblasti dialektologii i istorii belorusskikh govorov* [Seversk-Belarusian dialect: Research in dialectology and history of Belarusian dialects] Leningrad, Izдание instituta belorusskoi kul'tury Publ., 1927. 227 p.

Ron'ko R. *Evaluating dialect loss through priming of code-switching: a case of Pskov dialects of Russian*. Ricerche slavistiche. Nuova serie. 2025. No. 8 (68) [Special issue: Slavic Minority and Regional Languages. M. Biasio, L. F. Mazzitelli (eds.)]. Pp. 183–205.

Rusakova M. V. *Elementy antropotsentricheskoi grammatiki russkogo yazyka* [Elements of anthropocentric grammar of Russian language] Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2013. 568 p.

Skipper S., Perktold J. Statsmodels: Econometric and statistical modeling with Python. In: *Proceedings of the 9th Python in Science Conference, 2010*, pp. 92–96.

Stassen L. Predicative Possession. In: Haspelmath M., Oesterreicher W., Raible W. (eds.), *Language Typology and Language Universals: An International Handbook*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2001, pp. 954–960. DOI: 10.23951/2307-6119-2018-2-29-38

Stassen L. Predicative Possession. *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at: <http://wals.info/chapter/117> (accessed 06.01.2023).

Vandekerckhove R. Code-Switching between Dialect and Standard Language as a Graduator of Dialect Loss and Dialect Vitality: A Case Study. *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*, 65 (3), 1998, pp. 280–292. <http://www.jstor.org/stable/40504403>

Zakharova K. F., Orlova V. G. *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka* [Dialectal division of Russian language]: uchebnoe posobie dlya pedagogicheskikh vuzov [Textbook for pedagogical universities]. 2nd ed. Moscow, URSS Publ., 2004. 169 p.

Zhigul'skaya V. R. *Tipologiya lichnykh lokativov* [Typology of personal locatives]: vypusknaya kvalifikatsionnaya rabota [Graduation thesis]. Moscow, HSE University, 2015.

А. В. Малышева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

annamalyys@mail.ru

СУБЪЕКТНЫЙ ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ В ОСКОЛЬСКОМ ГОВОРЕ СЕЛА РОГОВАТОЕ

В статье описывается функционирование беспредложного дательного падежа в субъектном значении в говоре с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области на материале двух диалектных корпусов — неопубликованного корпуса расшифрованных текстов и электронного звучащего корпус (всего около 200 000 словоупотреблений). Исследуются валентные формы датива (при экспериенциальных глаголах, модальных предикатах, предикативах на *-o/-e*, прилагательных, предикативных существительных и словосочетаниях) и конструктивно обусловленные формы в предложениях с инфинитивом и безличным пассивом. Сопоставление с корпусными данными литературного языка, представленными в работе А. А. Бонч-Осмоловской, выявляет некоторые расхождения между стандартным русским языком и диалектом. К числу диалектных особенностей относятся употребление предикатива *надо* с номинативным аргументом (*она мне надо*); валентность на дативный субъект у ряда полных и кратких прилагательных, не имеющих такой валентности в современном литературном языке (*он мне досажен, он мне хороший*); полное отсутствие в говоре модели «датель + *нужно* + инфинитив» (*мне нужно идти*).

Ключевые слова: русская диалектология, диалектные корпуса, южнорусские говоры, субъектный дательный падеж, экспериенцер, модальные предикаты, инфинитивные предложения.

1. Введение

В настоящей статье представлены материалы по функционированию в южнорусском межзональном оскольском говоре беспредложного субъектного дательного падежа. Эти материалы являются частью описания диалектной падежной системы в рамках комплексного многоуровневого описания говора. Село Рогова́тое (местное название Рогова́тка или Рогова́товка) Старооскольского района Белгородской области расположено примерно в 50 км к востоку от Старого Оскола на

границе с Воронежской областью. Материал для описания говора Роговатки был собран в нескольких экспедициях отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН в 2007, 2010, 2012–2015 гг.

Прежде чем перейти к анализу субъектного дательного, необходимо отметить, что с точки зрения морфологии система именного склонения Роговатки относится к числу наиболее сложно устроенных диалектных систем. Для характеристики словоизменения существенно, что в говоре представлен семифонемный вокализм и различаются мягкая и твёрдая, ударная и безударная разновидности I и II склонения. Мягкая разновидность склонения, кроме основ на парные мягкие согласные, включает также основы на задненёбные и исконно мягкие согласные (шипящие и *ц*). В ДП ед. ч. I скл. варьируют показатели {ê} и {и}: в твёрдой ударной разновидности всегда употребляется окончание {ê}: *жан'ê*; в твёрдой безударной разновидности возможны {и} и {ê}: *к в'ёрбы, скажы́ Св'ёты; ба́б'е, каро́в'е*; в мягкой ударной разновидности обычно {и}: *душ'и, снах'и, с'ам'ийи* (но есть один пример с {ê}: *афи́е*), в мягкой безударной — всегда {и}: *дала́ эт'ий н'ан'и, ба́нк'и, Пит'ун'и*; подробнее о селе и особенностях его говора см.: [Букринская и др. 2014: 263–281].

Субъектное значение наряду с объектным образует семантическое ядро дательного падежа; остальные значения не противопоставлены резко двум основным и обычно совмещаются с одним из них [Русская грамматика 1980: 430–432]. В «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой перечислены следующие значения субъектного датива: субъект непроизвольного действия-состояния (*Мне не спится*); потенциального действия (*Вам выходить*); состояния (*Грустно сидеть одному*); непроизвольного восприятия предмета или явления (*Ей послышался звонок*); непроизвольного эмоционально-оценочного отношения (*Мне эти разговоры надоели*) и др. [Золотова 1988: 118–119]. В «Русской корпусной грамматике» у субъектного датива выделяются валентные формы, входящие в модель управления глагола (семантическая роль Экспериенцера) и конструктивно обусловленные формы, для которых выбор падежа задается грамматической моделью предложения — инфинитивной или безличной: *Что мне теперь делать? На даче ему всегда хорошо работается* [Куцова 2012].

Оформление семантического субъекта дательным падежом широко распространено в европейских языках [Haspelmath 2001; Seržant, Kulikov 2013; Seržant 2015]; целый ряд работ посвящен сопоставительному изучению конструкций с дативным субъектом в русском и других языках [Циммерлинг 2010; Voloshina 2021; Аверина 2022; Стаменов, Циммерлинг 2022] и др. Корпусные описания субъектного датива и отдельных конструкций с ним на материале русского языка содержатся в [Бонч-Осмоловская 2003; Say 2013; Бонч-Осмоловская 2015; Циммерлинг 2017; Zhamaletdinova 2022] и др. Важно подчеркнуть, что материал русских говоров в ареальных, типологических и корпусных исследованиях субъектного датива до сих пор не использовался.

В настоящей работе предпринимается сравнение функционирования субъектного датива в южнорусском говоре села Роговатое с корпусными данными русского

литературного языка, содержащимися в работе [Бонч-Осмоловская 2003]. Диалектный материал анализируется на основе 273 контекстов, извлечённых из двух разных по структуре диалектных корпусов. Это корпус расшифрованных текстов объёмом 80 000 словоупотреблений (не опубликован), в котором представлены образцы речи 9 информантов 1919–1948 гг. рождения, и электронный звучащий корпус объёмом 120 218 словоупотреблений на основе речи 12 информантов, также носителей архаического варианта говора [Тер-Аванесова и др. 2018]. Из корпуса расшифрованных текстов вручную извлекались все контексты с субъектным дативом; для отдельных конструкций (например, с модальными предикативами, предикативами на *-о/-е*, экспериенциальными глаголами и др.) полученная база примеров проверялась и дополнялась по электронной базе данных, созданной С. А. Крыловым на основе корпуса расшифрованных текстов. В электронном звучащем корпусе поиск осуществлялся путем простого запроса на личные местоимения и местоимения 3 лица ед. и мн. ч. (*мне, тебе, ему, ей, нам, вам, им*), далее вручную отбирались субъектно-дативные конструкции. Такой принцип отбора материала используется в [Бонч-Осмоловская 2003]; для диалектной системы он также представляется релевантным: подсчеты показали, что в корпусе расшифрованных текстов доля личных местоимений и местоимений 3 лица среди всех употреблений форм ДП составляет 79%. Примеры далее даются так, как они оформлены в рассматриваемых базах данных: в корпусе расшифрованных текстов применялась фонетическая транскрипция, в электронном звучащем корпусе — орфографическая запись с сохранением диалектной специфики фонемного состава корней, приставок и суффиксов.

В работе [Бонч-Осмоловская 2003] выделены следующие типы дативных субъектных конструкций: 1) конструкции с глаголами экспериенциальной семантики (*нравиться, хотеться, казаться* и др.); 2) конструкции с немодальными предикативами (*жаль, вредно, холодно* и др.); 3) конструкции с модальными глаголами и предикативами (*доставаться, удаваться, надо, нужно, можно* и др.); 4) инфинитивные предложения (*Тебе выходить*); 5) безлично-пассивные предложения с модальной семантикой (*Мне не спится*). Для удобства сопоставления субъектный датив в Роговатке описывается с опорой на указанную работу. Далее в разделе 2 рассматриваются типы 1–3 (валентные употребления ДП), в разделе 3 — типы 4–5 (конструктивно обусловленные формы).

2. Валентные формы дательного падежа

В корпусах говора Роговатки валентный дательный падеж зафиксирован при экспериенциальных глаголах, модальных предикатах, предикативах на *-о/-е*, предикативных существительных и словосочетаниях, прилагательных в предикативной функции.

2.1. Экспериенциальные глаголы. В корпусе русского литературного языка самыми частотными в моделях с дативным субъектом оказываются глаголы *казаться* (33 %), *хотеться* (23 %) и *нравиться* (23 %); лишь 21 % от общей

выборки составляют иные глаголы [Бонч-Осмоловская 2003: 81–82]. В корпусах Роговатки в дативных субъектных конструкциях доминирующую позицию занимают предикаты *понравиться* (12 примеров), *нравиться* (x2), *захотеться* (x4), *хотеться* (x2), а самый употребительный в литературном корпусе глагол *казаться* представлен одним примером; единичные вхождения дают также *надоест*, *надоедать*.

- (1) *Он бы и в́ам пнь́рав'илс'и, харо́шгъ* ЕН.
- (2) *А ему понравилось, чисто да прохладно, ну давай, я говорю, как хочешь* ПФ.
- (3) *Во́т' йа́ бвы́л бумáшку каку́йу пь́дыму — в́ро́д'и ч'ита́йу иду́, ну хат'э́лс' мн'э́ ў шко́лу* ЕН.
- (4) *Доченька, да мне чечевики захотелось смерть* ЕЖ.
- (5) *Да ну, мама, тебе только кажется* ПФ.
- (6) *А мн'э́ то́жэ н́дайэ́с'т' э́та, ў́вар'йт' йей: «Н'у́р, на́ з'д'э́лгъ, Н'у́р, на́ пь́да́й, Н'у́р, вь́н'с'и»* ДР.

2.2. Модальные предикаты. Рассматриваемые в [Бонч-Осмоловская 2003] модальные предикаты делятся на два класса в соответствии с тем, с каким из двух базовых значений они соотносимы. Первый класс — модальные глаголы «дефектной агентивности», обозначающие ситуацию, не целиком находящуюся под контролем агенса, происходящую помимо его воли: *доводиться, случаться, предстоять, оставаться, приходиться, стоить, удаваться*. Второй класс — предикаты, выражающие отношение к норме: *нужно, надо, надобно, необходимо, понадобиться, требоваться* (внутренняя норма), *можно, нельзя, положено, надлежать* (внешняя норма) [Бонч-Осмоловская 2003: 194–204]. Модальные значения предикатов этого класса также определяются как значения необходимости и возможности/невозможности [Мордашова 2025: 73–83].

В литературном корпусе в конструкциях с дативным субъектом наиболее частотны модальные предикаты *нужно* (27 %), *приходиться* (17 %), *надо* (17 %), *удаваться* (12 %) [Бонч-Осмоловская 2003: 196]. В говоре Роговатки самыми употребительными являются предикаты со значением необходимости — *надо* и *нужно*.

2.2.1. Предикаты дефектной агентивности. В корпусах Роговатки встретились следующие глаголы с семантикой дефектной агентивности: *приходиться* (x3), *прийтись* (x2), *удаться* (x2), *доставаться, достаться, припасть* ('оказаться необходимым, понадобиться'). Глагол *прийтись* имеет значение 'стать необходимым, неизбежным', в этом значении обязателен зависимый инфинитив (пример 7), который может быть опущен в эллиптической конструкции (пример 8; то же при глаголе *припасть* в примере 9):

- (7) *Ну, и всё, пришлось вывести мне эту лошадь и отдать* ЕЖ.
- (8) *И рабочих собирают, какие работали, когда хоронили. Вот этих собирают, и родня своя, все — один, два ли, три ли, четыре ли стола. И выпивку*

становят. **Мне пришлось**, маму хоронили, мы сами схоронили. А мужа я хоронила, племянники все были. Все молодые, все в поре, племянники все хоронили и их уплачивали АД.

- (9) Ну, вот и вот, а Капралиха пришла: «Завтра праздник, не работают». А **нам припало** (пришлось работать) АД.

У глагола *приходиться* есть также значения ‘испытывать какие-л. трудности, лишения’ (пример 10), ‘испытывать какие-л. ощущения’ (11–12):

- (10) Так же всё горе, чи влез, а чи ещё тут с нами будет? (непонятно, поднялся ли Иисус Христос на небо или еще остается на земле). Как-то **людям приходится** АД.
- (11) Это у́вар’а, крѣв’а зъстыва́йут’. Крѣв’а н’епрѣв’ил’нѣ этъ... нѣч’ина́йут’ рабѣтът’, и ч’илав’ѣку та́х-тъ **пр’ихѣд’ицѣ**, каг дѣмьво́й дѹшь (человек чувствует себя так, как будто его душит домовый) ДР.
- (12) (Колдун или кто там душили ночью? Во сне, нет?) — Да не, **мне не приходилось, мне не приходилось** МЮ.

Примеры с другими глаголами:

- (13) **Дѣствѣ́альс’** ус’еу́о **нам ур’ѣшным**, ѣт’им вот ста́рым АД.
- (14) Как, как **ей удалось** так **подойти**, водила корову я вкруговую, вот тут, корова была хорошая, она и... вые́м была она завидная ЕЖ.

2.2.2. Предикаты необходимости и неизбежности. В первую очередь обращают на себя внимание различия в употреблении высокочастотных модальных предикатов *надо* и *нужно* в стандартном языке и роговатовском говоре. В литературном корпусе *нужно* количественно превосходит *надо*: *нужно* — 530 вхождений, *надо* — 316 [Бонч-Осмоловская 2003: 196]; ср.: [Лауфер 2007]. В корпусах Роговатки *надо* является более частотным, чем *нужно*: соответственно 53 и 38 примеров.

1) Предикатив *надо* в литературном корпусе в 52% случаев управляет инфинитивом (*Мне надо идти*). В роговатовских корпусах второй аргумент в конструкции с *надо* также может быть выражен инфинитивом, однако общий процент таких конструкций меньше, чем в литературном языке (29 %).

- (15) Ба́бы, што́ мѣл н’еа л’уд’и, **йѣс’т’-тъ** то́жъ **на́дѣ ба́бѣм** НИ.
- (16) И в колхоз не повелел заходить, а **им надо б** в первую очередь **заходить** в колхоз АД.

Дативная конструкция с *надо* и именем в форме ИП или ВП в корпусе литературного языка встречается редко (4% случаев) [Бонч-Осмоловская 2003: 200]; ниже приводится иллюстрация из Национального корпуса русского языка:

- (17) **Нам надо куклу**, — сказал он сипло. — Ну, которую я тогда достал [Людмила Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996].

Дативные *надо*-конструкции с именем в форме ВП в современном литературном языке относятся по преимуществу к разговорному стилю, более свободно они употреблялись до середины XIX в., конструкции же с ИП были полностью утрачены литературным языком к концу XVIII в. [Очерки... 1968: 312–320]. Недопустимость в современном русском литературном языке оформления второго аргумента при *надо* номинативом постулируется в [Циммерлинг 2009: 374; Циммерлинг, Трубицина 2015: 79]. Е. А. Земская отмечает употребление ИП при безлично-предикативных словах типа *надо*, *можно* в разговорной речи: 1) *сахар надо*, 2) *надо / газета?* [Земская 2021: 170], однако следует отметить, что приводимые примеры неоднозначны: в первом случае ИП омонимичен ВП, во втором форма ИП отделена от предиката паузой.

Для русских диалектов конструкция «*надо* + ИП» обычна и неоднократно отмечалась исследователями, однако преимущественно в контексте севернорусских говоров [Кузьмина 1993: 126–129; Ронько 2017: 246]. В южных и среднерусских говорах такие конструкции значительно менее частотны и фиксируются в основном на территории Западной диалектной зоны [Кузьмина 1993: 126, 128; см. также: Дьяченко и др. 2018: 300; Ронько и др. 2023: 250–251]. Таким образом, в межзональном оскольском говоре Роговатки, который характеризуется признаками как западных, так и восточных южнорусских говоров, наличие *надо*-конструкций с ИП можно отнести к западным чертам.

В корпусах Роговатки количество случаев синтаксического оформления второго аргумента существительным или местоимением в форме ИП (пример 18), ВП (19) или РП (20) составляет 21 %; см. также примеры (21–22) с неразличением ИП/ВП.

- (18) *Ну сейчас она мне и не надо, там пенсию принесут две этих, она скажет Наташа* МК.
- (19) *У меня мучица вон есть, а молока нету. Надо-то скоромную, а сухую, её же не уеешь, вот АД.*
- (20) *Мне этого, я говорю, не надо. Я прожила, я говорю, ради детей, и прожила, я говорю, протрудила на детей всю жизнь* ЕЖ.
- (21) *А я из-за этой девочки: ну, что ж, раз уколы ей надо* АД.
- (22) *Ну дъ иишió таб'ё м'ешóк бѣль нѣдъ таб'ё* АИФ.

В позиции второго аргумента отмечено также местоименное числительное *сколько* (пример 23), локативная группа (24).

- (23) *Как мѣль (пенсии), ѡа на н'ёй уѣвар'у, как мѣль, а скóкъ ш таб'ё нѣдъ?* АИФ.
 - (24) *Ох, да мне теперь надо на ворок, к дитю* МК.
- Кроме того, второй аргумент может быть никак не выражен:
- (25) *Да мне надо, кум Алёшка, у меня налог нечем платить* АД.

Статистика употребления конструкций с разными типами оформления второго аргумента при модальном предикате *надо* в литературном языке [Бонч-Осмоловская 2003: 200] и роговатовских корпусах представлена в Табл. 1.

Таблица 1. *Надо*: оформление второго аргумента

	ИП, ВП, РП	ИНФ	ДРУГОЕ
Корпус ЛЯ	4 %	52 %	44 %
Роговатка	21 %	29 %	57 %

2) В [Бонч-Осмоловская 2003] описываются два типа конструкций с модальным предикатом *нужно* — с предикативом и с кратким прилагательным. В 17 % случаев используется конструкция с предикативом, управляющим инфинитивом (*Мне нужно идти*); в 58 % случаев — краткое прилагательное, согласованное по роду и числу с объектом в форме номинатива (*Мне нужна информация*); в 25 % случаев модальный предикат *нужно* входит в состав других конструкций [Там же: 200].

В корпусах Роговатки предикатив *нужно* встречается очень редко: в корпусе расшифрованных текстов обнаружилось три примера с дативным субъектом и анафорическими местоимениями (пример 26), в электронном корпусе — два контекста, при этом субъект не выражен, а второй аргумент оформлен формой аккумулятива (27). О низкой частотности предикатива *нужно* в материалах ДАРЯ упоминается в [Кузьмина 1993: 126].

(26) *А йа ѓстр'евайу — ѓтъ мн'ѓ ну́жнѓ* ДР.

(27) *Ну а что делать, денежку нужно* МК.

Обычная для литературного языка конструкция с предикативом *нужно* и инфинитивом в сочетании с ДП субъекта (*Мне нужно идти*) в роговатовских корпусах не встречается ни разу. Это один из наиболее заметных синтаксических контрастов с литературной нормой.

В абсолютном большинстве случаев в корпусных материалах Роговатки отмечается краткое прилагательное *нужен* (*нужо́н*), согласованное с ИП существительного или местоимения (примеры 28–29):

(28) *Ла́ѓк'и то́жѓ был'и л'ѓд'ѓм ну́жнѓ́, пѓкупáт'-тъ л'ѓд'и ш'л'и́* НИ.

(29) *Тѓка́йа каро́ва мн'ѓ сѓмамѓ ну́жнѓ́!* НИ.

В примере (30) стимул в форме номинатива подразумевается, но не выражен:

(30) *И т'ип'ѓр', м'илѓй мѓйá, ѓ ѓлáн', [ты — АМ] н'икамѓ н'ѓ ну́жо́н, пѓтамѓ ш'о, ну дѓ ч'ѓѓо́, ну кѓка́йѓ ѓт т'иб'ѓ нѓвáр, н'ика́ко́й* (речь идет о том, что старые люди никому не нужны) АИФ.

Большинство контекстов содержит отрицание — эксплицитное (31) или имплицитное (32–34):

(31) *А йа скѓзáлѓ: н'ѓ, мн'ѓ тѓка́йѓ мазѓ́ркѓ не ну́жнѓ́* ДР.

(32) *«Дѓ на што́ ѓнá мн'ѓ ну́жнѓ́, кѓм Ёндр'ийáх»* АД.

(33) *Ѕна ѓвáр'ѓт': О, дѓ тáм ѓйму хáтъ ну́жнѓ́* (то есть не нужна)! *Дѓ ѓамѓ ну́жнѓ́ тѓ́* ЕН.

(34) *Да нехай пишѓт, не то она мне нужна* (то есть не нужна) АД.

Соотношение конструкций с разными типами оформления второго аргумента при модальном предикате *нужно* в литературном языке [Бонч-Осмоловская 2003: 200] и роговатовском диалекте показано в Табл. 2.

Таблица 2. *Нужно*: оформление второго аргумента

	ИП, ВП	ИНФ	ДРУГОЕ
Корпус ЛЯ	58 %	17 %	25 %
Роговатка	100 %	—	—

3) Приведу примеры ДП при других предикатах со значением необходимости: *трéбоваться, необходóимо*.

(35) *Пр'ишлá хъжáлкъ, ўвар'йт': «Т'óткъ Нáс'к', ш'ó таб'ê тр'éб'иццъ?» АД.*

(36) *Штó-н'ибут' зъдъвáй нам, што вам н'и'нхад'има НИ.*

При предикатах *полóжено, слéдовать*:

(37) *Вóт у нáз б'ыл Ис'ус Хр'истóс, как у стър'ину ўв'ър'á. Вот он адб'ыл, скóл'к'е йáмý п'лóж'нъ, сл'ес, а пátом он пал'ез'е ѓп'áт' нъ н'ьб'есá АД.*

(37) *Ет'и л'уд'и, как'их он т'ан'ул: Слáвъ т'еб'е рóсп'д'и! Сл'ед'уйе йáмý* (то есть он заслужил наказание, должен быть наказан) ЕС.

2.2.3. Предикаты возможности и невозможности. В роговатовских корпусах отмечены следующие предикаты со значением возможности и невозможности в контекстах с выраженным дативным субъектом: *мóжно* (х4), *вóльно* ('можно'), *нел'з'я* (х5); в качестве второго аргумента выступает преимущественно форма инфинитива (38–43).

(38) *Верка училась, дочь, училась, а я говорю: «Верка, мóжно ведь тебе в свою контору-то п'ерейти?» АД.*

(39) *И таб'ê мóжнъ хóт' пр'ийт'йт' у скóкъ ДР.*

(40) *И ўвар'йт': «Р'иб'áт, кáк мн'ê вóт, мóжнъ этъ, прáйт'йт' т'ут, нъпр'ам'уйу?» ЕН.*

(41) *Топили дровами, ходили в лес, в лесе лесничий был, что тебе, вóльно было эту палку срубить? ЕЖ.*

(42) *А без дождя и жит'е нел'з'я нам, грешным-то этим АД.*

(43) *Н'ил'з'á н'икам'у б'ез рóсп'ис'и уйт'йт'. АД*

(44) *Кому мóжно было, он выехал отселя ЕС.*

Корпусное исследование Э. Жамалетдиновой показывает, что в современном русском языке в речевом акте просьбы конструкция с *можно* и дативным субъектом (*можно мне сказать*) постепенно вытесняется конструкцией с номинативным субъектом (*можно я скажу*) [Zhamaletdinova 2022]. В корпусных материалах Роговатки конструкции просьбы с *можно* + ДП или *можно* + ИП не встретились.

2.3. Немодальные предикативы на -о/-е. Субъектно-предикативным конструкциям в русском литературном языке посвящено множество исследований (историю изучения см., например в: [Циммерлинг 2018:12–13]). В русском языке предикативы на -о, -е могут иметь валентность на ДП лица (*мне холодно*), а могут не иметь ее (**мне дождливо*, **мне пыльно*). Для русского литературного языка установлены семантические классы предикативов, способных образовывать дативно-предикативную конструкцию [Там же]. В корпусах Роговатки в субъектных дативных конструкциях зафиксированы следующие предикативы на -о/-е со значением общей оценки: *хорошо* (x5), *лучше* (x2), *любо* (x6), *легче*1 (x2), *порядочно* ‘хорошо’, *плохо*1 (x4), *хуже*, *нехорошо*; физического состояния: *тесно* (x2), *больно*, *плохо*2, *студено*, *теплее*; эмоционального состояния: *страшно* (x2), *весело*, *обидно*; моральной оценки: *стыдно*, *неудобно*2; сенсорной и интеллектуальной реакции: *жалько* (x12), *интересно*; удобства/неудобства исполнения: *легко*, *легче*2, *тяжело* (x4), *трудно* (x8), *неудобно*1; параметризуемого признака: *далеко* (x4), *недолго*; релевантности/нерелевантности: *одинаково* ‘все равно, безразлично’.

- (45) *Уш таг былъ, л'убъ л'и жыт' л'и, плóхъ л'и жыт' л'и, ёнтъму д'ёду, он пѣн'ёцъ* (сунется) *уш ёту кар'з'ину, въз'м'ё* (хлеб) АД.
- (46) *Ван', дъ н'е надъ* (пить водку), *л'ёбо таб'ё плóхъ бѹд'а* ДР.
- (47) *Ну вот, а йа ўвар'у: «Шо и йа пайдѹ, н'иужёл'и н'е страшнѹ мн'ё бѹд'е, скъзат', вѣч'ьркнут' йеуó ис пѣм'инан'йа, д'ёда?»* АД.
- (48) *А мн'ё стыднѹ* была, *а он ўвар'ит'*: «Ты́ б брѣла саб'ё атр'ёзла (хлеб)» НИ.
- (49) *Вот жалькѹ мн'е* Дóху, *страс'т'* ЕН.
- (50) *Вот как труднѹ былъ мн'ё жыт' у вайнѹ, и б'ѣз вайн'ё труднѹ, бат'е-т н'е йав'ѣлс'и* АД.
- (51) *До воскресенья, мол, далеко ему, пожалуйста, серед недели* МК.
- (52) *А ему одинаково. Что этому, клиенту. Хотя я тебе отдам, а хотя я в кассу* АД.

2.4. Краткие формы прилагательных. В [Say 2013] формулируется иерархия конструкций с предикативами, краткими формами прилагательных и полными формами прилагательных и устанавливается, что при общности основ наиболее свободно присоединяют дативный аргумент предикативы, наименее свободно — полные формы прилагательных. Выделяются классы основ, которые встречаются с дативным субъектом только в форме предикатива (*мне грустно*, но: **мне грустна песня*, **грустная мне песня*) или в форме предикатива и краткой формы прилагательного (*мне тесно*, *мне тесен пиджак* но: **тесный мне пиджак*). С другой стороны, имеются классы основ, которые допускают субъектный датив в любой из форм (*мне приятно*, *мне он приятен*, *приятный мне человек*), или вообще его не допускают (**мне солнечно*, **мне солнечен день*, **солнечный мне день*) (цит. по: [Бонч-Осмоловская 2015]).

В Роговатке встретились три примера дативно-экспериментальных конструкций с краткими формами прилагательных *жалький* ‘вызывающий жалость,

любовь' (х2) и *досáдный* 'создающий неудобства, мешающий'. Единственный способ оформления второго аргумента для конструкций с краткими прилагательными — форма ИП.

- (53) *Фс'е равнó он н'е жáлък, нав'ёрнъ, йей этът р'иб'онък, этъй мáч'их'и* ДР.
 (54) *Ну, он мне не жалок!* ПФ.
 (55) *И вези её, и вези обязательно курей забирай, вот что ему дюже досадны эти куры* АФ.

Для литературного языка дативная конструкция с предикативным прилагательным *жалкий*, номинативным аргументом и выраженным дативным субъектом признаётся архаической: *Земля мне кажется верней, И жалок мне рыба́к суровый* (А. С. Пушкин) [Бонч-Осмоловская 2003: 152].

2.5. Полные формы прилагательных. В корпусах Роговатки отмечено несколько примеров дативного субъекта при полных формах прилагательных *хорóший* (2), *плохóй*, *неплохóй*, *тяжёлый*, которые в литературном языке не имеют валентности на дативный субъект. Второй аргумент оформлен номинативом (примеры 56–58), в том числе в инвертированном придаточном предложении (59), или не выражен (60).

- (56) *Я ўвар'у: н'ё. Мън'ё пáлч'к'и эт'и харóшьи, а кдá с'áду, хад'ит' н'а б́ду, и х́дул'к'и эт'и н'ь нужны́ и эт'и* ДР.
 (57) *Морына, ну мне б она девочка она неплохая, а вот чья-то порода не нравилась ей* АИФ.
 (58) *Ну я понимаю, конечно, ей-то тяжёлая там тоже это писанина, там тоже надо это, да у компьютера, всё ж то уставают* МК.
 (59) *Ну, я же говорю, сейчас вот, жисть, что нам плохая.* ЕЖ.
 (60) *Ну, мн'ё д'ит'о, мн'ё харóшгый* ЕН.

2.6. Предикативные существительные. Конструкции с субъектным дательным образуют в говоре предикативные существительные *люботёнъ*, *заба́ва*, ср.: [Кустова 2012].

- (61) *Йей л'убат'ён', ан'и тут у с'ал'ё, сын у с'ал'ё жыв'ё, доч' у с'ал'ё* МК.
 (62) *Да ну, курочки мне это забава, ты что, они меня ждуют, я вот иду, они меня облепят* МК.

2.7. Безлично-предикативные местоимения. *Нё с чего, нё до чего, некогда, не́коли* ('некогда'), ср.: [Кустова 2012].

- (63) *Ну, вот я говорила, а теперь давай оставим, нехай он с нами побудет, нам неколи и не с чего* АД.
 (64) *Я говорю: мне не до чего было* ПФ.
 (65) *Да погоди, посиди, тебе некогда* МЮ.

2.8. Предикативные фраземы. Накануне смерти, не так, что надо, ни при чём, ср.: [Кустова 2012].

- (66) *Пр'ишл'и купцы — дароу'и н'е бълъ, ш'ас купцоу' н'ету, дароу' йес'т' — купцоу' н'ету, н'ъ плуч'аициъ, а мн'ѣ — нъканун'а см'ѣр'т'и* (скоро умирать, а дорогу никак не сделают) АД.
- (67) *Нынче не так ей, завтра ей не так, я ж тебе вот рассказываю: с курями перевезут её* АФ.
- (68) *Ну они-то сейчас в вот этих лохуньях не пойдут, а мне самое... что надо* МК.
- (69) *Им и Николай угодник и Бог ни при чём* АД.

Кроме перечисленных выше случаев, дативный субъект является компонентом инфинитивных и безличных предложений, в которых он представляет собой конструктивно обусловленную форму.

3. Конструктивно обусловленный дательный падеж

3.1. Безличный пассив. В русском литературном языке субъектный ДП в безлично-пассивных модальных конструкциях (*Мне не спится*) представлен очень небольшим количеством контекстов (0,4 % всех примеров) [Бонч-Осмоловская 2003: 260–271]. В корпусах Роговатки эта конструкция не встретилась ни разу, что свидетельствует если не о полном отсутствии данной модели в говоре, то, во всяком случае, о её крайне низкой частотности (в целом это совпадает с данными литературного корпуса).

3.2. Инфинитивные предложения. В корпусах Роговатки отмечен субъектный датив в инфинитивных предложениях с различными модальными значениями, в предложениях с частицей *бы* и союзом *кубы*, с вопросительным словом, отрицательными и вопросительными местоимениями (о предложениях с независимым инфинитивом см.: [Падучева 2017а]).

3.2.1. Типы модальных инфинитивных предложений с субъектным дательным падежом. В корпусах Роговатки зафиксированы инфинитивные предложения со значением необходимости, долженствования, примеры (70–71), а также отсутствия необходимости в отрицательном предложении (72):

- (70) *А йа щ'ас уйду, ъна астын'е, ты скажыш, што ъна халоднѣй, ты халоднѣу н'а буд'иш... ъп'ат' мн'ѣ к'ип'ат'ит'* АФ.
- (71) *Варька, ну корова-то отелилась, мне, я говорю, отдавать* ЕЖ.
- (72) *В войну я умела плести, бывало, сяду плести: «Батя, да приезжай, теперь тебе лапти не плести, я сама сплету»* АД.

Со значением предстояния, в том числе с отрицанием:

- (73) *Вам ещё неделю тут быть!* МК.
- (74) *Г'ѣч'ѣа м'ин'е хвал'ит', мн'ѣ т'ип'ѣр' замуш н'е выхад'ит'* АФ.

Инфинитив со значением побуждения представлен только в контексте пожелания:

(75) *Вс'о, да? Ну, **празньвѣт'** там хърашѡ **вам** ДР.*

Инфинитивных предложений со значением неизбежности, где дативный субъект обозначает не лицо, а предмет, абстрактное понятие (*кризису быть, саду цвесть*) (примеры из: [Падучева 2017a]) в корпусах Роговатки не встретилось.

Отмечено несколько контекстов, не имеющих модального значения:

(76) *Вѡт тѡб'и фс'о, и **мн'ѣ** [придет время — АМ] **ум'ураѣт'**, кѡк рѡс вѡт пѡ дарѡу'и (гроб повезут на кладбище по новой асфальтированной дороге) АД.*

(77) *А у него, пока **тебе замуѡ** [придет время — АМ] **выхѡдитѣ**, не будет ни денег, ни книжки, ничего АД.*

(78) *Приходила — капустки у вас не осталось, **ему посадить?** АД.*

3.2.2. Инфинитивные предложения с показателем сослагательного наклонения бы, союзом кубы. Такие предложения могут иметь дебитативное значение 'следовало бы' (пример 79), оптативное (80–81); с союзом *кубы* 'если бы' — значение потенциально выполнимого условия (82).

(79) *«Дѡ куды и ты шѡл — **йаму п скѡзѡт'**, а ѡн зѡшѡл там у старѡшку ЕН.*

(80) *А **йѣй бы** (внучке) иѡ'ѡс пѡмѡтѡцѣ уѡ'ѣй-тѣ ДР.*

(81) ***Мн'ѣ п пѡл'ежѡт'**, да ЕН.*

В примере (82) обиженный кавалер строит планы мести капризной красавице: если бы удалось уговорить её выйти за него замуѡ, он бы женился и после свадьбы развѣлся, ушѣл от неё:

(82) *Ну ѡн мѡйѣй сѡс'ѣт'к'и рѡз уѡвар'ит': «Ну, бѡпкѣ Вѡр', **кубы мн'ѣ уѡѡвар'ит' замуѡи**, ну уи иѡ п иѣй пр'ѡиз'в'ѡл, н'и л'уд'ѡм, н'и сѡб'ѣ, и брѡс'ил бы йѣй» ЕН.*

3.2.3. Инфинитивные предложения с вопросительным словом. В Роговатке зафиксированы субъектные дативные предложения с вопросительными местоимениями и наречиями *что, чем, как, куда, далѣко* ('куда'); наиболее частотное сочетание *что дѣлѡть* (12 контекстов).

(83) *Ой, дѡ **ш'о ж д'ѣлѡт'-тѣ мн'ѣ**, а? АД.*

(84) *Она говорит: ну **что мне теперь с ней дѣлѡть?** ПФ.*

(85) *Значит это я не сказала там: далѣко (куда) ты б пошла или там: **далѣко тебе иѡти**, а куды пошла МК.*

Инфинитивные предложения с вопросительным словом в литературном языке имеют свойство во многих случаях выражать не прямой, а риторический вопрос: *Где ей ещё быть? А куда мне было дѣлѡться?* [Бонч-Осмоловская 2003: 248; см.

также: Гехтляр 1996]. Как отмечает А. А. Бонч-Осмоловская, «предложения с вопросительными местоимениями часто являются не запросом об условиях выполнения субъектом действия, а формой, избираемой говорящим для сообщения, что таковые условия отсутствуют» [Бонч-Осмоловская 2003: 258]. Большинство примеров этой группы из корпусов Роговатки также представляют собой риторические вопросы.

- (86) *Мам, как маятник, над глазами туда-сюда, ну а что ему делать, мужику?* МК.
- (87) *Ну, поглядела и думаю, а что мне идти говорить, если я не поняла ЕЖ.*
- (88) *Потому что они уже начинают сохнуть, чем им тянуть?* (неразвитые корни, нечем «тянуть» воду из почвы) МК.
- (89) *Бднэй-т'ь иш как жыт'?* АД.
- (90) *А потом думаю: да ладно, как ему и этому глядеть, нехай ещё полежит* МК.
- (91) *А куда ещё ему деваться в лесе* ПФ.
- (92) *Это уж сейчас уже и года большие, тут сколько мне жить* МК.

Отдельно отметим в этой группе риторические вопросы с местоимениями *ско́лько, идё* ('где'), *докэда* и неодушевлёнными существительными — частями тела (93–95).

- (93) *И болят, и болят (ноги). Но они только болят — сколько им можно ходить! И вот сколько им можно ходить?* МК.
- (94) *Дэкэдь им мбжнъ рьббът'ь, эт'им улзám, прьс'ид'эль в'ес' в'эк прьул'а-д'эль у бамау'и* ДР.
- (95) *А патбм р-р, р-р, вот, ид'е (где) там с'эрицу н'е трбнуицъ* ДР.

3.2.4. Инфинитивные предложения с отрицательными местоимениями. Широко представлены в говоре инфинитивные предложения, выражающие невозможность осуществления действия, с отрицательными местоимениями *нечем, нечего, не на кого, не к чему, негде, некуда, некогда* (об отрицательных местоимениях-предикативах на *не-* см.: [Падучева 2017б]; о конструкциях типа *негде спать* — [Апресян, Иомдин 1989]).

- (96) *«Ну, ш'о вы тут, вам д'эльт' н'эч'ьуа — с'ид'йт'а?»* АД.
- (97) *Мбжъ н'ъ дьн'акл'и* (обрядовое печенье в форме лесенки, по которой Иисус Христос в день Вознесения должен подняться на небо), *мбш йаму н'эч'ем лэс'* (т. е. не может подняться, поскольку нет лестницы), *мбш он тут с нам'и, правдъ жь?* АД.
- (98) *Ббх нъэрнъ wz'áл'и, и вбт картбх н'ету, и им (жукам) н'эч'ему в'эс'ицъ, жыт'-т'ь н'эч'им* АД.
- (99) *Ну и что, я хоть на вас буду тут глядеть, а там мне глядеть не на кого* АФ.
- (100) *После этой коровы больше и всё, и я не стала, не к чему уже мне было её заводить* ЕЖ.

- (101) *Тады́, н'ѣкуды л'уд'ам д'е́ва́иць, б'ез дѣкум'ѣнтѣў — ан'и́ у лѣс, у вот ѣтът лѣс, лѣс туд бы́ў ѣрѣма́най* ЕС.
- (102) *Вот выпусти курей, и они бегут, ну нехай, ну если их выпустила на волю <...> куда они денутся, тут им некуда деваться* МК.
- (103) *Ад'ин с'ел'сав'ѣт и у хат'е, н'ѣуд'е йаму́ былъ пр'ил'епл'а́иць, а ў хат'ь* ЕС.
- (104) *И вот она сеет, мне негде сеять* АД.
- (105) *И у дѣч'ир'и кварт'иръ, и у сы́нь кварт'иръ, и ва фс'ѣх кварт'иры, и ва фс'ѣх маши́ны, и да́жъ н'ѣкъдѣ йаму́ йѣз'д'ит' нъ уѣс'т'ам* ДР.

Отдельно следует рассматривать конструкции с инфинитивом и отрицательными местоимениями в форме ДП *некому, нечему* в роли субъекта.

- (106) *Йа ур'у, зѣстун'и́иць н'ѣка́му былъ* АД.
- (107) *Н'е скъза́л нъм'ерѣк, а скъза́л — мълѣд'ѣи уйѣхъл'и ў ѣѣрѣт, у клѣп н'ѣ зъ ч'им хад'ит' и нѣкъму* АД.
- (108) *Ну бѣл'е н'ел'з'а, н'ѣкъму лѣшыд'ѣй с'т'ер'ѣч', у нач'нѣй ѣнат', а́т'ѣц н'е пус'т'ил* АД.

3.2.5. Придаточные инфинитивные предложения с относительным местоимением. В корпусах Роговатки эта широко распространённая в литературном языке конструкция представлена всего одним примером:

- (109) *Ты ж выходила замуж, знала, что тебе тут не жить, а там, вот и там живи* АД.

4. Заключение

Сопоставление роговатовских корпусов с корпусом литературного языка [Бонч-Осмоловская 2003: 272–273] позволяет сделать ряд наблюдений о функционировании субъектного датива в южнорусском говоре. В зоне предикатов необходимости наблюдается иное распределение между *надо* и *нужно*, чем в литературном языке. В говоре, в отличие от литературного языка, преобладает *надо* (53 vs. 38 примеров); при этом существенно чаще, чем в стандартном языке, используется модель «*надо* + ИП, ВП, РП» (21 % vs. 4 %). Обычная для СРЛЯ конструкция «ДП + *нужно* + инфинитив» в Роговатке не зафиксирована ни разу: её место во всех контекстах занимает краткое прилагательное *нужен*, согласованное с формой ИП существительного.

Особый интерес представляют фиксации субъектного ДП при полных и кратких формах прилагательных, которые в литературном языке не имеют такой валентности. В говоре сохраняется ряд конструкций, которые в стандартном языке либо признаются архаическими, либо отсутствуют вовсе. Речь идёт прежде всего о дативных конструкциях с краткими прилагательными (*он мне не жалок, дюже досадны эти куры*) и, что особенно показательно, с полными прилагательными (*мне хороший, ей эта писанина тяжёлая*). Насколько нам известно, ранее такие конструкции на диалектном материале систематически не описывались и требуют дальнейшего исследования по данным других говоров.

Список информантов

1. ДР — Дарья Ильинична Рожкова, 1923, 10 кл.
2. АФ — Анна Ивановна Фомина, 1948 г.р., 10 кл. и библиотечный техникум, дочь Д. И. Рожковой.
3. ЕН — Елена Андреевна Нечаева, 1932, неграм.
4. АИФ — Арина Ивановна Фомина, 1931, 1 кл.
5. АД — Анастасия Андриановна Дементьева, 1926, неграм.
6. НИ — Нина Дмитриевна Исакова, 1939, 7 кл.
7. ЕС — Евдокия Кузьминична Серикова, 1919, неграм.
8. ММ — Мария Алексеевна Макарова, 1932, 7 кл.
9. ЕЖ — Екатерина Антоновна Жильникова, 1935, неграм.
10. ПФ — Прасковья Ивановна Фомина, 1940, 5 кл.
11. МК — Мария Сергеевна Колесникова, 1929, 3 кл.
12. МЮ — Марфа Петровна Юдина, 1928, неграм.

Литература

Аверина А. В. Семантика безличных конструкций с дательным субъекта состояния в немецком и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 2. С. 569–575.

Апресян Ю. Д., Иомдин Л. Л. Конструкция типа *негде спать*: синтаксис, семантика, лексикография // Семиотика и информатика. Вып. 29. М., 1989. С. 34–92.

Бонч-Осмоловская А. А. Конструкции с дательным субъектом в русском языке: Опыт корпусного исследования: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.

Бонч-Осмоловская А. А. Квантитативные методы в диахронических корпусных исследованиях: конструкции с предикативами и дативным субъектом // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2015. Т. 1. № 14 (21). С. 80–95.

Букринская И. А., Дьяченко С. В., Исаев И. И., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В. Экспедиция в село Роговатое Старооскольского р-на Белгородской области / Под общей редакцией А. В. Тер-Аванесовой // Русский язык в научном освещении. 2014. № 2 (28). С. 263–281.

Гехтляр С. Я. Вопросительно-инфинитивные предложения в современном русском языке. Брянск, 1996.

Дьяченко С. В., Жидкова Е. Г., Малышева А. В., Ронько Р. В., Тер-Аванесова А. В. Экспедиция в Опочечкий район Псковской области // Русский язык в научном освещении. № 2 (36). 2018. С. 257–312.

Земская Е. А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: учеб пособие. 6-е изд., стереотип. М.: Флинта, 2025.

Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988.

Кузьмина И. Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука, 1993.

Кустова Г. И. Дательный падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2012.

Лауфер Н. И. Модальные слова *надо* и *нужно* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог–2007». М., 2007.

Мордашова Д. Д. Структура семантической зоны модальности и смежных категорий: конструктикографический подход: дис. ... канд. филол. наук. М., 2025.

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.: Изменения в системе простого и осложненного предложения. М.: Наука, 1968.

Падучева Е. В. Конструкция с независимым инфинитивом. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2017а

Падучева Е. В. Отрицательные местоимения-предикативы (на *-не*). Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2017б.

Ронько Р. В. *Надо корова доить*: номинативный объект в севернорусских диалектах // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XIII. Ч. 3. СПб.: Наука, 2017. С. 244–264.

Ронько Р. В., Азанова А. С., Анисимов А. Д., Войтович Е. Е., Заливина Е. А., Землянская С. А., Марченко И. А., Мочульский Д. И. Псковский говор деревень Шетнево, Макеево, Щелкино, Терехово и Степаньково Западнодвинского района Тверской области. Элементы корпусного описания и полевые материалы // Русский язык в научном освещении. 2023. № 1 (45). С. 216–262.

Русская грамматика. Т. II: Синтаксис / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.

Стаменов М., Циммерлинг А. Дативно-предикативные структуры и семантико-синтаксический интерфейс в русском и болгарском языках // Онтология на ситуациите за състояние — лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2022. С. 303–357.

Тер-Аванесова А. В., Дьяченко С. В., Колесникова Е. В., Малышева А. В., Игнатенко Д. И., Панова А. Б., Добрушина Н. Р. Корпус говора села Роговатка. 2018. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: <https://lingconlab.ru/rogovatka/>, дата обращения 28.04.2026.)

Циммерлинг А. В. Два типа дативных предложений в русском языке // «Слово — чистое веселье...»: Сборник статей в честь А. Б. Пеньковского. М.: Языки славянской культуры (Studia philologica), 2009. С. 373–386.

Циммерлинг А. В. Именные предикативы и дативное предложение в европейских языках // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, вып. 9 (16) по материалам международной конференции «Диалог 2010». М.: РГГУ, 2010. С. 549–558.

Циммерлинг А. В. Русские предикативы в зеркале эксперимента и корпусной грамматики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии.

Вып. 15 (23). Т. 2. Труды международной конференции “Диалог-2017”. М.: РГГУ, 2017а. С. 466–482.

Циммерлинг А. В. Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 7–33.

Циммерлинг А. В., Трубицина М. В. Предикативы состояния и субъектный датив: корпусное и экспериментальное исследование // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. № 6. С. 473–517.

Haspelmath M. Non-canonical marking of core arguments in European languages // Non-canonical Marking of Subjects and Objects / Ed. by A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon, M. Onishi. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001. P. 53–83.

Say S. On the nature of dative arguments in Russian constructions with “predicatives” // Current studies in Slavic linguistics. Amsterdam, Philadelphia, 2013. P. 225–246.

Seržant I. A. Dative experiencer constructions as a Circum-Baltic isogloss // Contemporary Approaches to Baltic Linguistics / Ed. by P. Arkadiev, A. Holvoet, B. Wiemer. De Gruyter, 2015. P. 325–348.

Seržant I. A., Kulikov L. (eds.) The Diachronic Typology of Non-Canonical Subjects // Studies in Language Companion Series, 140. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2013.

Voloshina E. The bare Dative radial category in Old Church Slavonic and Modern Russian // Poljarnyj Vestnik: Norwegian Journal of Slavic Studies, vol. 24, 2021, pp. 13–32.

Zhamaletdinova E. The trajectory of the “Možno ja X?” construction: variation in speech acts of request in contemporary Russian // Russian Linguistics. 2022. Vol. 46. No. 2. P. 133–164.

Anna V. Malysheva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

annamalys@mail.ru

THE DATIVE SUBJECT IN THE OSKOL DIALECT OF ROGOVATOE VILLAGE

The article investigates the functioning of the prepositionless dative case in subject position in the dialect of Rogovatoye, a village in the Starooskolsky District of Belgorod Region, on the basis of data from two dialect corpora: an unpublished corpus of transcribed texts and an electronic spoken corpus, totaling approximately 200,000 word tokens. The study examines valency-driven dative constructions, including those with experiencer verbs, modal predicates, predicatives in *-o/-e*, adjectives, predicative nouns, and predicative phrases, as well as constructionally determined dative forms in infinitival and impersonal passive constructions. Comparative analysis with corpus data for

Standard Russian, as documented by A. A. Bonch-Osmolovskaya, reveals systematic divergences between the standard language and the dialect. Characteristic dialectal features include the use of the predicative *nado* with a nominative argument, dative-subject valency in a range of full and short-form adjectives lacking this pattern in contemporary Standard Russian, and the complete absence of the construction “dative + *nuzhno* + infinitive”.

Keywords: Russian dialects, dialect corpus, South Russian dialects, subject dative, experiential construction, modal predicates, infinitive sentences.

References

Averina A. V. [Semantics of impersonal constructions with the dative of subject of state in German and Russian]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2022, vol. 15, no. 2, pp. 569–575. DOI: 10.30853/phil20220072. (In Russ.)

Apresyan Yu. D., Iomdin L. L. [Construction of the type *negde spat'*: syntax, semantics, lexicography]. *Semiotika i informatika*, no. 29. Moscow, 1989, pp. 34–92. (In Russ.)

Bonch-Osmolovskaya A. A. *Konstruktsii s datel'nym sub'ekta v russkom yazyke: Opyt korpusnogo issledovaniya* [Constructions with the dative subject in Russian: A corpus study]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2003.

Bonch-Osmolovskaya A. A. [Quantitative methods in diachronic corpus studies: constructions with predicatives and the dative subject]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*, 2015, vol. 1, no. 14 (21), pp. 80–95. (In Russ.)

Bukrinskaya I. A., D'yachenko S. V., Isaev I. I., Karmakova O. E., Ter-Avanesova A. V. [Expedition to the village of Rogovatoe, Starooskol'sky district, Belgorod region]. A. V. Ter-Avanesova (Ed.). *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2014, no. 2 (28), pp. 263–281. (In Russ.)

Dyachenko S. V., Zhidkova E. G., Malysheva A. V., Ron'ko R. V., Ter-Avanesova A. V. [Expedition to the Opochna district of the Pskov region]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2018, no. 2 (36), pp. 257–312. (In Russ.)

Gekhtlyar S. Ya. *Voprositel'no-infinitivnye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Interrogative-infinitival sentences in modern Russian]. Bryansk, 1996.

Haspelmath M. Non-canonical marking of core arguments in European languages. A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon, M. Onishi (Eds.). *Non-canonical Marking of Subjects and Objects*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 2001, pp. 53–83.

Kustova G. I. *Datel'nyi padezh. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki (rusgram.ru)* [The dative case. Materials for the project of corpus description of Russian grammar (rusgram.ru)]. Manuscript. Moscow, 2012. URL: <http://rusgram.ru> (In Russ.)

Kuz'mina I. B. *Sintaksis russkikh govorov v lingvogeograficheskom aspekte* [Syntax of Russian dialects in the linguogeographic aspect]. Moscow, Nauka Publ., 1993.

Laufer N. I. [Modal words *nado* and *nuzhno*]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy Mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog–2007"*. Moscow, 2007. (In Russ.)

Mordashova D. D. *Struktura semanticheskoi zony modal'nosti i smezhnykh kategorii: konstruktikograficheskii podkhod* [The structure of the semantic zone of modality and adjacent categories: a constructicographic approach]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2025.

Ocherki po istoricheskoi grammatike russkogo literaturnogo yazyka XIX v.: *Izmeneniya v sisteme prostogo i oslozhnennogo predlozheniya* [Essays on the historical grammar of the Russian literary language of the 19th century: Changes in the system of the simple and complex sentence]. Moscow, Nauka Publ., 1968.

Paducheva E. V. [Independent infinitive]. *Materialy dlya proekta "Russkaya korpusnaya grammatika"*, 2017a. URL: <http://rusgram.ru> (In Russ.)

Paducheva E. V. [Negative pronoun-predicatives with *ne-*]. *Materialy dlya proekta "Russkaya korpusnaya grammatika"*, 2017b. URL: <http://rusgram.ru> (In Russ.)

Ron'ko R. V. [*Nado korova doit'*: the nominative object in North Russian dialects]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*, vol. XIII, part 3. St. Petersburg, Nauka Publ., 2017, pp. 244–264. (In Russ.)

Ron'ko R. V., Azanova A. S., Anisimov A. D., Voitovich E. E., Zalivina E. A., Zemlyanskaya S. A., Marchenko I. A., Mochul'skii D. I. [The Pskov dialect of the villages of Shetnevo, Makeevo, Shchelkino, Terekhovo and Stepan'kovo of the Zapadnodvinsky district of the Tver region. Elements of corpus description and field materials]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2023, no. 1 (45), pp. 216–262. (In Russ.)

Russkaya grammatika. T. II: Sintaksis [Russian grammar. Vol. II: Syntax]. N. Yu. Shvedova (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1980.

Say S. On the nature of dative arguments in Russian constructions with “predicatives”. *Current Studies in Slavic Linguistics*. Amsterdam, Philadelphia, 2013, pp. 225–246.

Seržant I. A. Dative experiencer constructions as a Circum-Baltic isogloss. P. Arkadiev, A. Holvoet, B. Wiemer (Eds.). *Contemporary Approaches to Baltic Linguistics*. De Gruyter, 2015, pp. 325–348.

Seržant I. A., Kulikov L. (Eds.). *The Diachronic Typology of Non-Canonical Subjects*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 2013. (Studies in Language Companion Series, 140.)

Stamenov M., Zimmerling A. [Dative-predicative structures and the semantic-syntactic interface in Russian and Bulgarian]. *Ontologia na situatsiite za състояние — lingvistichno modelirane. Съпоставително изследване за български и руски*. Sofia, Izdatelstvo na BAN “Prof. Marin Drinov”, pp. 303–357. (In Russ.)

Ter-Avanesova A. V., D'yachenko S. V., Kolesnikova E. V., Malysheva A. V., Ignatenko D. I., Panova A. B., Dobrushina N. R. *Korpus govora sela Rogovatka* [Corpus of the dialect of the village of Rogovatka]. Moscow, International Laboratory of Language Convergence, HSE University, 2018. URL: <https://lingconlab.ru/rogovatka/> (accessed 28.04.2026). (In Russ.)

Voloshina E. The bare Dative radial category in Old Church Slavonic and Modern Russian // *Poljarnyj Vestnik: Norwegian Journal of Slavic Studies*, vol. 24, 2021, pp. 13–32.

Zemskaya E. A. *Russkaya razgovornaya rech'*. *Lingvisticheskii analiz i problemy obucheniya: uchebnoe posobie* [Russian Spoken Language. Linguistic Analysis and Teaching Issues: A Textbook]. 6th Edition. M.: Flinta, 2025.

Zhamaletdinova E. The trajectory of the “Možno ja X?” construction: variation in speech acts of request in contemporary Russian. *Russian Linguistics*, 2022, vol. 46, no. 2, pp. 133–164.

Zimmerling A. V. [Two types of dative sentences in Russian]. “*Slovo — chistoe vesel'e...*”: *Sbornik statei v chest' A. B. Pen'kovskogo*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ. (Studia philologica), 2009, pp. 373–386. (In Russ.)

Zimmerling A. V. [Nominal predicatives and the dative sentence in European languages]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*, no. 9 (16). Proceedings of the international conference “Dialog 2010”. Moscow, RSUH Publ., 2010, pp. 549–558. (In Russ.)

Zimmerling A. V. [Russian predicatives in the mirror of experiment and corpus grammar]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*, no. 15 (23), vol. 2. Proceedings of the international conference “Dialog-2017”. Moscow, RSUH Publ., 2017, pp. 466–482. (In Russ.)

Zimmerling A. V. [Impersonal constructions and dative-predicative structures in Russian]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2018, no. 5, pp. 7–33. (In Russ.)

Zimmerling A. V., Trubitsina M. V. [State predicatives and the subject dative: a corpus-based and experimental study]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2015, no. 6, pp. 473–517. (In Russ.)

Zolotova G. A. *Sintaksicheskii slovar': Repertuar elementarnykh edinits russkogo sintaksisa* [Syntactic dictionary: A repertoire of elementary units of Russian syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1988.

С. Л. Николаев

*Институт славяноведения РАН
(Россия, Москва)
sergenicko@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ СКЛОНЕНИЯ ПРАСЛАВЯНСКИХ КОНСОНАНТНЫХ ОСНОВ МУЖСКОГО РОДА В КАРПАТОУКРАИНСКИХ ГОВОРАХ¹

Настоящая статья посвящена особенностям склонения праславянских консонантных основ мужского рода в украинских говорах Закарпатья и отчасти Прикарпатья. Используются материалы, собранные по акцентологической программе в ходе Карпатской экспедиции Института славяноведения РАН (1987–2005 гг.) с добавлением форм из опубликованных диалектологических источников. По этой программе систематически записывались формы им.-вин., род. ед., им.-вин. мн. Формы других падежей фиксировались не систематически. В статье рассматриваются исконные консонантные основы, по которым нами собран сколь-либо достаточный для сравнительно-исторического анализа карпатоукраинский материал. Карпатоукраинские (в первую очередь закарпатские) говоры сохраняют рудименты автономного склонения консонантных основ мужского рода (также среднего и женского родов, которые здесь не рассматриваются). В отличие от старославянского, древнерусского извода церковнославянского и «наддиалектного» древнерусского языка, в древнегалицком ареале проникновение форм *i*-склонения, судя по нашим данным, было минимальным (по контрасту с древненовгородским диалектом, в котором окончания *i*-основ использовались в максимальном числе позиций). В карпатоукраинских говорах у консонантных основ отсутствуют заимствованные из *i*-склонения окончания G Sg *-i (др.-рус. -и), N Pl *-ьје (др.-рус. -ие) и G Pl *-ьји (др.-рус. -ии), характерные как для старославянского, так и для «наддиалектного» древнерусского.

Ключевые слова: карпатоукраинские говоры, особенности склонения, праславянские консонантные основы мужского рода, акцентологическая программа

В статье используются сокращения падежей: N, G, A, In, L; чисел: Sg, Du, Pl. Праславянские окончания: [cons] — «консонантные»; [i] — окончания *i*-основ; [cons=i] — общие окончания консонантных и *i*-основ; [jo] — окончания мягких

¹ Автор приносит глубокую благодарность М. Н. Толстой за ее содействие в подготовке настоящей статьи и М. Н. Саенко за ценные замечания в области исторической морфологии.

о-основ, [o] — твердых о-основ, [u] — и-основ, [a] — твердых ā-основ, [ja] — мягких ā-основ.

Так же как в балтийских языках, в праславянском не сохранилось «чистое» консонантное склонение основ мужского рода (равно как других родов). В прабалтийское склонение, реконструируемое в основном по литовским данным, рано проникали окончания *i*-основ, а также *jo*- и *jā*-основ [Stang 1966: 219–227]. Из старославянских, церковнославянских и прочих славянских памятников раннего периода также известно включение в парадигму консонантных основ окончаний *i*-склонения. В отличие от литовского, также заимствуются окончания о-/и-основ (позднее — ā-основ), перед которыми корневой согласный не смягчается. Наряду с этим известно использование окончаний *jo*- (позднее также *jā*-) основ. Достоверная праславянская реконструкция парадигмы консонантного склонения скорее всего невозможна, поскольку окончания других основ активно проникали в нее как в дописьменную эпоху, так и в истории отдельных языков. Прямое сопоставление литовских и славянских окончаний, общих для консонантного и *i*-склонения, не служит серьезным обоснованием для балто-славянской реконструкции, так как эти окончания могли независимо попасть в консонантную парадигму в истории этих двух групп. Можно надежно реконструировать только часть собственно консонантных праславянских окончаний, восходящих к балто-славянскому и, далее, к индоевропейскому уровню, — в их числе G Sg и N Pl *-e, G Pl *-ъ.

Наша статья не ставит своей целью систематизировать² имеющиеся в науке сведения об истории консонантного склонения в славянских языках, мы ограничимся общеизвестными данными древних памятников славянской письменности [Vaillant 1964: 104–108, 157; Зализняк ДНД: 115–116; Шахматов 1957: 94–104; Крысько 2020: 667–670].

«Обычные» консонантные основы³

Слова, имеющие старославянское и древнерусское окончание -ь в A Sg, включая числительные *desęty и *četyre (последнее только во мн. ч.)⁴:

N Sg *коры/корѧ*⁵, *пламы*, *камы* [cons].

Исконный A Sg (у большинства основ используется для NA Sg) *днь* (NA), *корень*, *пламень*, *камень* (A Sg >> NA Sg); *лакътъ* (NA), *десѧтъ* (NA) [cons=i].

G Sg *дъне*, *корене*, *камене*, *десѧте* [cons] и *дъни*, *корени*, *камени*, *десѧти* [i].

L Sg *дъне*, *корене*, *камене*, *десѧте* [cons] и *дъни*, *корени*, *камени*, *десѧти* [i].

N Pl *дъне*, *ѧлене*, *степене*, *десѧте*, *четыре* [cons] и *дъние*, *ѧление*, *степение* [i].

² См. попытку такой систематизации в [Саенко 2019а].

³ Согласно [Саенко 2019б], эти основы подразделяются на два подтипа.

⁴ Примеры здесь и в таблицах даются в «обобщенном старославянском» облике (с заменой ѣ [ä] на я), за исключением специально оговоренных случаев. Примеры из берестяных грамот приводятся в оригинальном написании.

⁵ См. обсуждение этих вариантов в [Olander 2015: 84].

A Pl *дѣни, ѱелени, камени, пазнегѣти, десѣти, чѣтыри* [cons=i].

G Pl *дѣнь, сажень, лакѣтъ, десѣтъ чѣтырь* [cons] и *дѣнии, ѱелении, камении, ногѣтии* [i].

In Pl *дѣны, лакѣты, десѣты* [o] и *дѣньми, ногѣтьми, степеньми, чѣтырьми* [i].

В новгородских берестяных грамотах вариант древнерусской системы с G, L Sg и N Pl на *-i — примеры из [Зализняк ДНД: 116]: N Sg *полоть* 218 (2×) (XIII), *полоте* 215 (XIII); A Sg *о дѣнь* 908, *пол[ъ]ть* 831, также ряд примеров с *дѣнь*; G Sg *локѣти, безо локѣти* 130 (XIV), *локѣти* 536 (XIV), также *[o^m] Д[o]м[ит]рова дѣни* Торж. 7; D Sg *ко Петрову дѣни* 558; также *ко Илѣну дѣни* 134 (XIV); L Sg *на полѣти* 609, *томо дѣни* 731, *по Петровѣ дѣни* 417 (XIV), *о Петровѣ дѣни* 463 (XIV); N Pl *3 локѣти* 288 (XIV), *4 локѣти, 14 локѣти* 130 (XIV); A Pl *ты дѣни* 731, также *три дѣни* 490 (XIV); G Pl *локѣтъ* 609, также в поздних грамотах *локотѣ* 366, *локото* 130, *полото* 750; NA Du *полѣти* 2 — 718 (XIII), *полѣти* 2 — 196 (XIV), *2 локѣти* 500 (XIV), *12 локѣти* 130 (XIV).

«Маргинальные» консонантные основы

Для «маргинальных» консонантных основ мужского рода характерен морфологический супплетивизм — консонантная основа мн. ч. противопоставлена основам другого вида в ед. и дв. ч. При этом в парадигме мн. ч. начиная с древнейших памятников письменности обнаруживаются окончания, заимствованные из *о-* и *jo-*склонения.

1) Основы с суффиксом *-jan- (также *-an-), имеющие супплетивную парадигму (с суффиксом *-инѣ* в ед. ч.): ст.-слав. NA Sg *гражданинѣ, боляринѣ* — N Pl *граждане, боляре* [cons], A Pl *гражданы, боляры* [o], G Pl *гражданѣ, болярѣ* [cons=o], In Pl *гражданы, боляры, Татары* [o] — наряду с реликтовым консонантным *-ями* < *-jan-mi в этнонимах: *Персями, Деревлями*. Также в D и L Pl: др.-рус. *Полямѣ, Волочамѣ, Вавилонямѣ, Содомлямѣ; Погощахѣ, Галилѣяхѣ, Деревляхѣ*; др.-серб. *Височахѣ, Дѣчахѣ / Дѣчахѣ, Заборахѣ, Комарахѣ* и т. д., ст.-чеш. *Wranach* [Шахматов 1957: 100–101].

2) Основы с суффиксами *-tel- и *-ar-, склоняющиеся как *jo-*основы в ед. и дв. ч. и частично как консонантные основы во мн. ч.: N Pl *дѣлателе* (с вторичной мягкостью *дѣлатѣле*), *мытарѣ* [cons], *мытари* [jo], A Pl *дѣлатѣла, мытарѣла* (др.-рус. *-ѣ*) [jo], G Pl *дѣлатѣль* [o=cons], *дѣлатѣль, мытарѣль* [jo], In Pl *дѣлатѣлы, мытары* [o], *дѣлатѣли, мытари* [jo].

В новгородских берестяных грамотах представлено аналогичное склонение «маргинальных» основ [Зализняк ДНД: 115–116]: N Pl *оуглицѣне, гублѣне* (наряду с поздними формами на *-ѣ* / *-и* *ѣлицѣнѣ ~ череницѣни*); A Pl *про городищѣне*; G Pl *отѣ имоволожѣнѣ и отѣ жаблѣнѣ*; D Pl *къ сѣланомѣ*; In Pl *поздн. хрѣстиѣны*; L Pl *на погощахѣ* наряду с *в городищѣнѣх* и т. д.

В табл. 1 представлен обзор склонения консонантных основ мужского рода в старославянском, церковнославянском древнерусском извода и «наддиалектном» древнерусском.

Таблица 1. Склонение консонантных основ мужского рода в старославянском, церковнославянском древнерусского извода и древнерусском языках

	* дѣнь	* ть	* -ень	* -мень	* десаѣъ , * četyre m.	* -jan-	* -tel(j)- , * -ar(j)-
N Sg			[cons] <i>корѣ/коры</i>	[cons] <i>камы, пламы, гачьмы</i>		« <i>гражданинъ</i> »	[jo] <i>дѣлатель, мытарь</i>
A и A >> N Sg	[cons=i] <i>дыѣ</i>	[cons=i] <i>лакѣтъ, ногѣтъ, печѣтъ</i>	[cons=i] <i>корень, степень, ялень, сажень</i>	[cons=i] <i>камень, пламень, ремень, гачмень</i>	[cons=i] <i>десаѣтъ</i>		[jo]
G Sg	[cons] <i>дыне, [i] дьни</i>		[cons] <i>корене, [i] корени</i>	[cons] <i>камене, пламене, ремене, [i] камени</i>	[cons] <i>десаѣте, [i] десаѣти</i>		[jo]
D Sg	[cons=i] <i>дыни</i>		[cons=i] <i>корени</i>	[cons=i] <i>камени</i>	[cons=i] <i>десаѣти</i>		[jo]
In Sg	[cons=i] <i>дыньмѣ</i>	[cons=i] <i>печѣтъмѣ</i>	[cons=i] <i>кореньмѣ</i>	[cons=i] <i>каменьмѣ</i>	[i f.] <i>десаѣтью</i>		[jo]
L Sg	[cons] <i>дыне, [i] дьни</i>	[i] <i>лакѣти</i>	[cons] <i>корене, [i] корени</i>	[cons] <i>камене, пламене, [i] камени, пламени</i>	[cons] <i>десаѣте, [i] десаѣти</i>		[jo]
N Pl	[cons] <i>дыне, [i] дьние</i>	[cons] <i>печѣте</i>	[cons] <i>ялене, степене, [i] яленье, степение</i>		[cons] <i>десаѣте, четьре</i>	[cons] <i>граждане</i>	[cons] <i>дѣлатели, мытари, [jo] мытари</i>
A Pl	[cons] <i>дыни</i>	[cons] <i>пѣзгѣти</i>	[cons] <i>ялени</i>	[cons] <i>камени</i>	[cons] <i>десаѣти, четьри</i>	[o] <i>граждани</i>	[jo] <i>дѣлѣла, мытарѣ</i>
G Pl	[cons] <i>дыѣ, [i] дьни</i>	[cons] <i>лакѣтъ, ногѣтъ, [i] ногѣти</i>	[cons] <i>сажень, [i] ялени, степени</i>	[i] <i>камени</i>	[cons] <i>десаѣтъ, четьрь, [jo] четьрь</i>	[cons] <i>граждани</i>	[cons] <i>дѣлѣтель, [jo] дѣлѣтель, мытарь</i>

Таблица 1 (окончание)

	*дынь	*ть	*-ень	*-мень	*desať, *četyre m.	*-jan-	*-tel(j)-, *-ar(j)-
D Pl	[cons=i] дыньмъ	[cons=i] печатъмъ	[cons=i] <i>яленьмъ</i> , <i>кореньмъ</i>		[cons=i] <i>десатъмъ</i> , <i>четырьмъ</i>	[cons] <i>Полямъ</i> ; [cons=i] <i>Селуянъмъ</i> ; [o] <i>горожаномъ</i>	[cons=i] <i>дѣлательмъ</i> , <i>цѣсаръмъ</i> , [jo] <i>дѣлательмъ</i> , <i>мытаремъ</i>
In Pl	[o] <i>дыны</i> , [cons=i] <i>дыньми</i>	[o] <i>лакъты</i> , <i>ногъты</i> , [cons=i] <i>ногътъми</i>	[cons=i] <i>степенъми</i>		[o] <i>десати</i> , [i] <i>четырьми</i>	[cons] <i>Персами</i> , [o] <i>гражданы</i>	[o] <i>дѣлатели</i> , [jo] <i>дѣлатели</i> , <i>мытари</i> , [o] <i>мытары</i>
L Pl	[cons=i] дыньхъ		[cons=i] <i>степенъхъ</i>	[cons=i] <i>каменьхъ</i>	[cons=i] <i>десатъхъ</i> , <i>четырьхъ</i>	[cons] <i>Деревлахъ</i>	[cons=i] <i>дѣлательхъ</i> , <i>боярьхъ</i> ; [jo] <i>дѣлательхъ</i> , <i>цѣсарихъ</i>
N-A Du	[cons=i] <i>дыни</i>	[cons=i] др.-новг. <i>польти</i>	[cons=i] <i>ялени</i>		[cons=i] <i>десати</i>	«гражданина»	[jo]
G-L Du	[cons] <i>дыноу</i> , [cons=ii] <i>дынию</i>		[cons=i] <i>ялению</i>		[cons] <i>десатюу</i>		[jo]
D-In Du	[cons=i] дыньма		[cons=i] <i>яленьма</i>		[cons] <i>десати</i> ; [cons=i] <i>десатъма</i>		[jo]

Карпатоукраинские рефлексy склонения консонантных основ мужского рода

Все специально не оговоренное в этом разделе относится к «обычным» консонантным основам, а не «маргинальным».

В карпатоукраинских говорах утрачено морфологическое различие между N и A Pl — чаще в обоих значениях используются праславянские окончания A Pl. Также исчезла категория двойственного числа, хотя отдельные его формы могут быть включены в парадигму множественного.

Карпатоукраинские (в первую очередь закарпатские) говоры сохраняют рудименты автономного склонения консонантных основ мужского рода (также среднего и женского родов, которые здесь не рассматриваются). В отличие от старославянского, древнерусского извода церковнославянского и «наддиалектного» древнерусского языка, в древнегалицком ареале проникновение форм *i*-склонения, судя по нашим данным, было минимальным (по контрасту с древненовгородским диалектом, в котором окончания *i*-основ использовались в максимальном числе позиций). Из окончаний *i*-склонения в карпатоукраинских говорах только окончание L Sg **-i* (др.-рус. *-и*, общее с *i-*, *jo-* и *jā-*основами), по-видимому, полностью вытеснило «консонантное» окончание **-e*. При этом в карпатоукраинских говорах у консонантных основ отсутствуют заимствованные из *i*-склонения окончания G Sg **-i* (др.-рус. *-и*), N Pl **-ьje* (др.-рус. *-ие*) и G Pl **-ьjъ* (др.-рус. *-ии*), характерные как для старославянского, так и для «наддиалектного» древнерусского.

Наряду с рудиментами «консонантного» склонения в карпатоукраинских говорах широко распространена вторичная субституция любых окончаний консонантного склонения окончаниями *jo*-основ (во мн. ч. также *jā*-основ) — инновационные окончания присоединяются к «мягкой» основе: Убля *kám'in'*, G *kámen'a* / *kám'in'a*, In *kámen'om* / *kám'in'om*, L *kámeni* (формально восходит к **kamenī* [i] или к **kamen+jī* [jo]), Pl *kám'in'i* / *kámen'i*, G *kámen'u*, D *kámen'um* / *-am*. Ниже материал говоров, в которых представлены инновационные *jo*-/*jā*-формы, цитируется только в случае сосуществования их с формами, имеющими окончания консонантного и *i*-склонения и/или твердую основу перед окончаниями, заимствованными из *o*-/*u*-склонения.

В галицком (карпатоукраинском) ареале согласные, вероятно, уже в позднюю древнерусскую эпоху вторично отвердели перед монофтонгическими рефлексами **e*, **i* и сильного **ь*. Таким путем в парадигму консонантных основ к исконным формам, в которых могли использоваться «твердые» окончания (в их числе G Pl *дѣнь*, *локѣть*, *десѣть*, In Pl *дѣны*, *локѣты*, *десѣты*), в позднедревнерусском юго-западном ареале добавились формы с отвердевшими согласными (G Sg *дѣне* > [-ne], *локѣте*⁶ > [-te], In Sg *дѣньмь*, *локѣтьмь* > [-nym, -tym], L Sg *дѣни* > [-ni], *локѣти* > [-ti]), что способствовало переходу части консонантных основ м. р.

⁶ Здесь и далее, когда не указан конкретный говор, карпатоукраинские примеры приводятся в «наддиалектной» записи. В частности, в ней под буквой *ô* обобщены рефлексy удлинненного в «новозакрытых» слогах **o* > *o/u/ü/i/i*.

в «твердое» -*o*/-*u*-склонение или продуктивному заимствованию окончаний из последнего (а позднее из склонения *ā*-основ) с сохранением твердости согласных на конце корня.

В закарпатских говорах отмечены рефлексy исконных окончаний консонантных основ — G Sg *-*e* и N Pl *-*e*, A Pl *-*i*. Исконное окончание G Sg -*e* в ряде говоров заменяется окончанием *o*-основ -*a* (*лôкъта*).

Как уже было сказано выше, в современных карпатоукраинских говорах N и A Pl морфологически не различаются, поэтому рефлексy N Pl *-*e* и A Pl *-*i* используются как окончания NA Pl. В закарпатском склонении слов мужского рода, имеющих -*ь* в NA Sg, отмечено окончание A Pl *-*у* (в говорах NA Pl), вероятно, заимствованное из склонения *o*/-*u*-основ, — NA Pl *дны, лôкъты*, ср. ст.-слав. / др.-рус. окончание «маргинальных» основ *граждань, боляры* (N Pl *граждане, боляре* с «консонантным» окончанием, таким же, как в *дъне, ѡлене*). В гуцульских говорах и в большинстве говоров Прикарпатья различие между *-*i* и *-*у* утрачено, поэтому рефлексy окончаний *-*у* и *-*i* фонетически совпадают.

В NA Pl также отмечено окончание -*a* неясного происхождения, присоединяемое к твердой основе, — *лôкъта, нôгъта, ячмена*.

Консонантное окончание G Pl *-*ъ* в современных говорах в консонантных основах отмечено только у «маргинальных» основ: в частности, В. Верецькі *dvoch cyhan, chryst'an* [Панькевич 1938: 190]. У других слов консонантного склонения в G Pl используется окончание *u*-склонения *-*овъ*, присоединяемое как к твердой основе (*днôвъ* вместо **ден*, *нôгтôвъ* вместо **ногот*), так и к мягкой основе при переходе основы в *jo*/-*jā*-склонение (*дн'ôвъ, нôгт'ôвъ*). Окончание G Pl *-*ъ*, заимствованное из склонения *jo*-основ, в нашем материале отмечено в гуцульском говоре с. Тюдôв — *ден'*.

Таким образом, в отличие от старославянского, «наддиалектного» древнерусского и древненовгородского языка не отмечено проникновение в склонение карпатоукраинских консонантных основ дополнительных окончаний *i*-склонения (в их числе G Sg *-*i*, N Pl *-*ьje*, G Pl *-*ьjъ*). Такие окончания, как In Sg *-*ьмь*, In Pl *-*ьмі*, наверное, вошли в консонантное склонение еще в балто-славянскую эпоху. Скудно документированное окончание L Sg *-*i* фонетически совпадает с окончанием *jo*- и *jā*-склонения — *лôкти, камени* как *кони* (в отличие от вторичного укр. литер. *коні* < **konj+ě*).

Карпатоукраинская парадигма консонантных основ **nogъть, *olkъть*

В эволюции автономного склонения консонантных основ при замене «консонантных» окончаний продуктивными типами склонения мужского рода предпочтение вначале отдается не «мягким» окончаниям, а «твердым» — заимствованным из склонения *o*/-*u*-основ: в «наддиалектной» записи NA Pl *дны, лôкта*, G Pl *днôвъ, лôктôвъ*.

Это хорошо видно по истории склонения консонантных основ м. р. на *-*ъть*. При использовании окончаний более раннего периода -*o*- регулярно удлиняется

в слогах перед слабым редуцированным («новозакрытых»). Формы с окончаниями *-е* (консонантное), *-а*, *-у* (заимствованные из *о-/у*-основ) имеют твердую основу с удлинением **-о-* (*нѡгѣт-*, *лѡкт-* < **ногѣт-*, **olkѣт-* в отличие от NA Sg *ноготь*, *локоть* < **ногѣтъ*, **olkѣтъ*). Несомненно позднейшими являются формы мн. ч. от *ѧ*-основ (*лѡкт+ам*, *лѡкт+ам*, *лѡкт+ах*). Формы с окончаниями *jo-* и *jā*-склонений обычно содержат нерегулярный корень без удлинения корневого гласного (*ногѣт'-*, *локѣт'-*) — иными словами, склонение консонантных основ по *jo-* и *jā*-склонению также является позднейшим.

В ряде говоров представлена смешанная парадигма, в которой чередуются окончания, характерные для разных этапов эволюции системы склонения, — см. табл. 2. В большинстве говоров полностью проведена инновационная парадигма *jo-/jā*-склонения (*нѡготь*, G Sg *нѡгѣ* / *ногѣ*, NA Pl *нѡгѣи* / *ногѣи*, D Pl *нѡгѣям* / *ногѣям*) — материал из таких говоров в таблице не приводится.

Карпатоукраинская парадигма консонантной основы **дѣнь*

В склонении консонантной основы **дѣнь* в боржавском говоре с. Керезьки сохраняется окончание G Sg **-е*, а во мн. ч. исконные окончания консонантного склонения замещены окончаниями *о-/у*-склонения: G Sg *нѣ* [cons], Pl *нѣи* [o], G Pl *дѣи* [u].

В говоре восточнолемковской Убли в парадигме ед. ч. проведена вторичная *jo*-основа⁷. Парадигма мн. ч. пестрая по составу. В NA Pl отмечены окончания A Pl **-i* [cons=i] и **-у* [o/u], в G и L Pl окончания **-овѣ* и **-ѣхъ* [u], в D Pl **-омѣ* [o], присоединенные к твердой основе, в In Pl — окончание **-ѣми* [cons=i]; также в парадигме мн. ч. используется вторичная мягкая основа [jo/ja]: *дѣн'*, G *дн'а*, D *дн'у* / *дн'ови*, In *дн'ом*, L *днѣ* [jo]; Pl *днѣи* [o/u], *днѣи* [cons=i], G *днуѣ* [u], D *днѣм* [o] / *дн'ам*, In *дн'ѣми* [ja], *дн'омѣ* [jo], *днѣи* [cons=i], L *днѣхъ* [u], *дн'охъ* [j+ѣхъ].

В верховинском говоре с. Битля записан G Sg с окончанием *и*-основ (в NA Pl **-у* [o/u]): *дѣн'*, G *нѣи*, Pl *нѣи*.

Во многих закарпатских говорах в ед. ч. представлено инновационное *jo*-склонение, в NA Pl окончание **-у* [o/u] и G Pl **-овѣ* [u] и/или D Pl **-омѣ* [o] (наряду с формами *jo-* и *jā*-основ): Нов. *дѣн'*, G *дн'а* [jo] ~ Pl *днуѣ* [o] (наряду с *дн'и* [jo]), также D *днѣм* [o] (и In *дн'омѣ*, L *дн'ѣхъ* [jo/ja]); ЧПот. *дѣн'*, G *дн'а* ~ Pl *днуѣ* / *нѣи*, G *днѣи*; Тор. *дѣн'*, G *дн'а* и т. д. ~ Pl *днуѣ*, G *дн'ѣи* (и D *дн'ам*, In *дн'ѣми*, L *дн'ѣхъ*); Син. *дѣн'*, G *дн'а* ~ Pl *днуѣ*, G *днѣи*; ЛП *дѣн'*, G *дн'а* ~ Pl *днуѣ* (наряду с *дн'и* [jo]), D *днѣм* (и D *дн'ам*, In *дн'омѣ*, L *дн'ѣхъ*, *дн'ѣхъ* [jo/ja]); Сок. *дин'*, G *дн'а*, In *дн'ом* ~ Pl *днѣи*, G *днуѣ* (и In *дн'ѣми*).

Не записан G Pl: Люта *дѣн'*, G *дн'а* ~ Pl *днуѣ*; Ярок *дн'*, G *дн'а* ~ Pl *днѣи*; Бен. *дѣн'*, G *дн'а* ~ Pl *днуѣ* (инновация In *дн'ѣми*); Брод *дѣн'*, G *дн'а* ~ Pl *днуѣ*; Дус. *дн'*, G *дн'а*, In *дн'ом* ~ Pl *днѣи*; Скот. *дѣн'*, G *дн'а* / *дн'а*, Pl *днѣи*; СинП *дѣн'*, G *дн'а*, In *дн'ом* ~ Pl *днѣи* (и D *дн'ам*, In *дн'омѣ*, L *дн'ѣхъ* [jo/ja]); Негр. *дѣн'*, G *дн'а* ~ Pl *днуѣ*; *дѣн'*, G *дн'а* ~ Pl *днуѣ*; Олыш. *дѣн'*, G *дн'а* ~ Pl *днуѣ*; PM *дѣн'*, G *дн'а*, In *-ом* ~ Pl *днуѣ*.

⁷ Включая L Sg *днѣи* — форму, общую для *и*-, *jo*- и *jā*-склонений.

Таблица 2. Формы слов *погъть и *olkъть в ряде карпатоукраинских говоров

		Первичная основа (погъ-, локъ-)							Вторичная основа (погъ-, локъ-)
		NA Sg [cons]	G Sg и NA Pl -e [cons]	L Sg *-i, In Pl *-ьmi [cons=]	G Sg *-a [o] G Sg /ikta	NA *-y [o/u] и *-a [o]; G Pl *-оуъ [u]	Окончания jo-скл.	Окончания й-скл.	
Гдеш.	lókuť				G Sg /ikta				
Чапли	nixť (вторичная основа)				G Sg nixta		Pl nixť i		
Битля	nóxoť					Pl n'ixtá			G Sg nóxt' a
	lókxoť					Pl l'ixtá	G Sg likť a		
Люта	lókxoť		Pl l'ixtá		G Sg l'ikta				G Sg lókt' á, Pl lókt' i
Ирл.	nóxoť / nixxoť					Pl nixtú, G nixtú	G Sg nixť a	D Pl nixtam / nixtám, In -ámi, L -áx	In Sg nóxtem, Pl nóxt' i
	lókoť					Pl luktú, G luktú			G Sg lókt' a, In lóktem, Pl lókt' i, D lókt' am, In loxt' ámi, L lókt' ax
Кер.	nóxoť ,		G Sg nixte			Pl nixtá	Pl nixť i		
	lókxoť		G Sg lúkte			Pl lúktá			
Довг.	nóxoť			In Pl nixť mi		Pl nixtá	G Sg nixť a	In Pl nixť am	

	Первичная основа (нѣгт-, лѣкн-)							Вторичная основа (нѣгт-, лѣкн-)
	NA Sg [cons]	G Sg и NA Pl -e [cons]	L Sg *-i, In Pl *-ьmi [cons=]	G Sg *-a [o]	NA *-y [o/u] и *-a [o]; G Pl *-оуъ [u]	Окончания jo-скл.	Окончания ā-скл.	Окончания jā-скл.
Тор.	нѣхот'				Pl n'ixtá			G Sg nѣxt' a, D -ovi, In -om, L -ovi, Pl -i, G -ivw, In -ami, L -ax
	лѣхот'				Pl l'ixtá		D Pl l'ixtám, In -ám, L -ax	G lѣxt' a, D -ovi, In -om, L -ovi, Pl -i, G -ivw
СинП	нѣхот'				Pl n'ixtá			G Sg nѣxt' a, In -om, Pl -i; In -ami, L -ax
Син.	нѣхот'		In Pl nѣxt' mǐ		Pl nѣxtá	G Sg nѣxt' a, L -ovi		G Sg nѣxt' a, Pl -i, In -ami
	лѣхот'		L Sg lѣktǐ		Pl lѣktá	G Sg lѣkt' a, In -om		G Sg lѣkt' a, In -om, L -ovi, Pl -i, G -ü, In -ami, L -ax
Нер.	нѣхит'		In Pl nѣxt' mǐ		Pl nѣxtá, G lѣktǐ			G Sg nѣxt' a, L -ovi, Pl -i, In nѣxt' ámi
	лѣхит'		L Sg lѣktǐ		Pl lѣxtá, G lѣktǐ	G Sg lѣkt' a, In -om	In Pl lѣktám, L -ax	G Sg lѣkt' a, In -om, L -ovi, Pl -i, G -ü, In -ami, L -ax

Не записаны косвенные падежи ед. ч.: Ганьк. *đen'*, Pl *nñu*, также L *nñax* [a] (и инновационные D *n'n'am*, In *n'n'ámí* [ja]); Кол. *dín'*, Pl *dñu*, G *dñu* (и In *dñ'ámí* [ja]); Драг. *đen'*, Pl *dñu* (и D *dñ'om*, In *dñ'omá*, *dñ'ámí*, L *dñ'ax* [jo/ja]); ВелК *đen'*, Pl *dñw* (и D *dñ'am*, In *dñ'omá*, L *dñ'ax* [jo/ja]).

В прикарпатских говорах распространено pl. *dñu*, однако из-за совпадения рефлексов *у и *і невозможно определить, к какой из древнегалицких форм оно восходит — *дьни* или *дьны*.

Комментарии к ряду падежных окончаний

G Sg

1) «Консонантное» окончание *-e* в нашем материале отмечено в боржавском говоре с. Керецки, единичный пример из говора с. Довге:

Кер. *đen'*, G Sg *nñe*; Кер. *nóxot'*, G Sg *nñxte*; Кер. *lókot'*, G Sg *lúkte*; Кер. *kámin'*, G Sg *kámene*; Довг. *kámin'*, G Sg *kámene*; Кер. *remín'*, G Sg *reméne*.

В других закарпатских говорах по сведениям И. Панькевича [1938: 199]: Заріча, Имстичово *dñe*, *kámene*, Осой *tyžne*, Чума *dñe*.

Также «консонантное» окончание *-e* отмечено в *i*-основах м. р. по преимуществу в боржавских говорах: Кер. *oñen'*, G Sg *oñné*, также Брод, Довг. (и прикарпатская Битля) *oñen'*, G Sg *oñné*; Кер. *put'*, G Sg *puté* и с исконным окончанием *i*-основ *putí*, также Брод *put'*, G Sg *puté*. В других говорах это слово имеет *jo*-склонение, если относится к мужскому роду, и *i*-склонение, если относится к женскому.

Окончание *-e* у праслав. *i*-основ м. р. (*pǫtь, *tatь, *zětь, *tьstь) известно из древнерусского западного ареала: смоленская грамота 1229 г. *поуме*, *tame* (списки Д, Е); *емлеть tame* (список Д); в Ипатьевской лет.: *оу зате* 114г, *ѡ зате* 172г, *зате свое* 118б; *ѡ цте* 'от тестя' 182а (примеры из [Шахматов 1957: 102]).

По-видимому, в карпатоукраинском праслав. *i*-основа *děverь перешла в консонантное склонение — впрочем, она восходит к и.-е. консонантной основе, поэтому не исключено сохранение морфологического архаизма. В ряде говоров, в которых не отмечено фонетическое отверждение [r'], косвенные падежи образуются от твердой основы, несмотря на мягкое *-r'* в NA Sg (*diverь* ~ G Sg *divera*, NA Pl *divery*): ЧПот. *d'iver'*, G Sg *d'ivera* [вместо *děvere], Pl *d'iveru* [вместо *děvere], G Pl *d'iverüw* [вместо *děverь]; Клим. *d'iver'*, G *d'ivera* [вместо *děvere]; Дус. *d'iver'*, G Sg *d'iver'a*, Pl *d'iverы* [вместо *děvere] (также *d'iver'i*); Влс. *d'iver*, G Sg *d'ivera* [вместо *děvere] (также *d'ivr'a*), Pl *d'ivr'i*, G Pl *d'ivr'iw*. В других говорах это слово имеют последовательное *jo*-склонение.

2) Окончание *-a* после твердой основы, заимствованное из склонения *o*-основ, в ужанском говоре с. Люта: *lókot'*, G Sg *l'ikta* (ср. «консонантное» окончание в NA Pl *l'ikté*); Гдеш. *nixt* (вторичная основа, заимствованная из косвенных падежей), G Sg *nixta* (ср. *jo*-окончание в Pl *nixt'i*).

NA Pl

1) «Консонантное» окончание *-e* отмечено в ужанском говоре с. Люта: *lókot'*, Pl *l'ikté*.

Это же окончание у «маргинальных» основ на *-jan- (также *-an-) и *-ag-: В. Верещьк *cyhane*, *chryst'ane*, *Vereč'ane*, Орябина *dva cig'ane*, Р. Поруба *cyhane*, также *Vugl'ane*, *Terebl'ane*, *Rakiūč'ane*, *Bil'č'ane* [Панькевич 1938: 190–193]. В говорах галицких лемков: *воляре*, *учаре*, *кізаре*, *чколяре*, *боднаре*, *горчаре*, *косяре*, *паляре* [Верхратский 1902: 118].

Вторичное «консонантное» окончание -е засвидетельствовано у исконной *i*-основы наряду с регулярным *-i (в косвенных падежах окончания *i*-, *jo*- и *jā*-основ) — ср. праслав. Pl t. *ljudьje, A *ljudi, G *ljudьjъ:

Окончание *-е: Убля *l'ude*, G *l'udij*, D *l'úd'om* / -am, In *l'ud'mí*, L *l'úd'ox* / -ax; Нов. *l'ude*, D *l'úd'om*, In *l'ud'mí*, L *l'úd'ax*; Ганьк. *l'ude*, D *l'úd'om*, In *l'ud'mí*, L *l'úd'ax*; ВелК *l'ude*, D *l'úd'om*, In *l'ud'mí*, L *l'úd'ox*; Річка *l'ude*, G *l'уде*, D *l'удем*, 422, In *л'ур'мие*, L *л'удех* 320, 369. Также Страбичово *dvóje l'ude* [Панькевич 1938: 190–191].

Колебание между *-е и *-i: Ирл. *l'udi* / *l'ude*, D *l'úd'om* / *l'úd'am*, In *l'ud'mí*, L *l'úd'ox* / *l'úd'ax*; Новос. *l'udi* / *l'ude*, D *l'úd'om* / *l'úd'am*, In *l'ud'mí*, L *l'úd'ox* / *l'úd'ax*; ЛП *l'udi* / *l'ude*, D *l'úd'om*, In *l'ud'mí*, L *l'úd'ox*.

Окончание *-i: СинП *l'udi*, D *l'úd'am*, In *l'ud'mí*, L *l'úd'ax*; Драг. *l'udi*, D *l'úd'om*, In *l'ud'mí*, L *l'úd'ox*; КсП *l'údā*, D *l'údām*, In *l'ud'mā*, L *l'údāx*.

Вторичное окончание -е известно из склонения *o*-основ: Нов. *rip*, NA Pl *rópe* / *rópi* (*рорь) — также Осой, Білок NA Pl *vóyce* [Панькевич 1938: 189] (*вълкъ). Из мягких основ в закарпатских говорах засвидетельствованы NA Pl: Заріча, Имстичово *pne* (*рьпъ), В. Студений, Воловець *Rýlupce*, *Vol'ícce*, *Klýmce* [Панькевич 1938: 199] (*-ьсь).

2) «Консонантное» окончание A Pl *-i: Убля Pl *dni* (наряду с *dnu*). NA Pl *dni* известно из других лемковских говоров: «В західних областях *den'* зберігає давнє закінчення -i > -y: *dva dny* (Р. Поруба)» [Панькевич 1938: 203].

3) Окончание NA Pl -y, заимствованное из склонения *o*-основ⁸:

Формы слова *den'* — Кер. *nni* (ср. «консонантное» окончание G Sg *nne*); Битля *nni*; Убля *dnu* (наряду с *dni* — см. выше); Люта *dny*; Нов. *dnu* (наряду с *dn'i*); Ярок *dnø*; Ирл. *dnu*; Бен. *dny*; ЧПот. *nni*; Брод *dnu*; Ганьк. *nni*; Дус., Скот. *nni*; Тор. Син. *dnu*; СинП *dny*; Нгр., НБ, Кол., Олыш. *dnu*; ЛП *dnu* (наряду с *dn'i*); Драг., ВелК *dnu*; Сок. *дны*; РМ *dnu*.

Формы *ногъть и *olkъть: Ирл. *nóxot'* / *núxot'*, Pl *nuxtú*; *lókot'*, Pl *luktú*.

Вероятно, сюда же примеры ЧПот. *d'iver'*, Pl *d'iveru*; Дус. *d'iver'*, Pl *d'iveri* (см. выше).

⁸ Вопреки И. Панькевичу, «фонетическое» происхождение этого окончания сомнительно. Согласно И. Панькевичу [1938: 203], «додати треба, що закінчення *y* має також і іменник *den'* — *dny* майже на цілій області східньо-карпатській (Нанково, Золотарьово, В. Верещьк а також Орябина на Спишу: *dva dny*)». Панькевич полагает, что это окончание «толкувати лиш впливом аналогії твердих пнів тяжко, а мусить то бути явище фонетичне, що повстало під впливом назализації» (со ссылкой на с. 180, где разбирается развитие *dn* > *nn*).

По аналогии с *день* в ряде говоров образует НА Pl слово *пень* (праслав. *jo*-основа *ръпъь): Тор. *pn'i* / *рни*, СинП *pn'i* / *рпы*.

4) Окончание *-а* неясного происхождения (собирательное *-а? окончание NA Du?):

а) Битля *nóxot'*, Pl *n'ixtá*; Кер. *nóxot'*, Pl *nüxtá*; Довг. *nóxot'*, Pl *nüxtá*; Скот. *nóxot'*, Pl *n'ixtá*; Тор. *nóxot'*, Pl *n'ixtá*; СинП *nóxot'*, Pl *n'ixtá*; Син. *nóxot'*, Pl *nüxtá*; Негр. *nóxüt'*, Pl *nüxtá*.

б) Битля *lókot'*, Pl *l'iktá*; Кер. *lókot'*, Pl *lúktá*; Тор. *lókot'*, Pl *l'iktá*; Син. *lókot'*, Pl *lúktá*; Нгр. *lóküt'*, Pl *lúxtá*.

в) Яв. *ječ'mín'*, Pl *jič'mená*.

Это окончание редко, но встречается в склонении *о*-/и-основ как в нашем материале (см. ниже список), так и у Панькевича [1938: 190] (Торун *lisá*, Заріча *zadá*). И. Панькевич [1938: 190] считает, что это окончание заимствовано из дв. ч. Это возможно для объяснения формы *лôкта* (и по аналогии с ней *нôкта*), однако окончание в *ячмена*, *ліса*, *зада* и т. п. с трудом выводится из парадигмы дв. ч. — скорее это то же собирательное *-а, которое, в частности, представлено в русском склонении (*города*, *леса* и т. п.), несмотря на то, что окончание скудно представлено в памятниках письменности.

Карпатоукраинские существительные м. р. с окончанием НА Pl *-а по нашим данным:

От неодушевленных существительных: 1) Ставн., Стуж. *berehá*, ЧПот *berehá* / *berehú*, Луги *berehá* / *berehó*, Бан. *bərehá* ‘невысокая гора, склон’; 2) Ставн. *berestá*; 3) Кер. *čeresá*; 4) Ставн. *č'ixlá*; ЛП *D'ilú* / -á (микротопонимы); 5) Стуж., Ирл. *domá*, Днестр. *domá* / *dómy*; 6) Стуж. *dvorá*; 7) Страб. *hólodu* / *holodá*, Днестр. *hólodá* / *hólody*; 8) Битля, Ставн. *hólosá*, Страб. *hólosá*, ЧПот. *hólosá* / *hólosu*, Кер., Луги Pl *hólosá*, Бел. *hólosá*, Днестр. *hólosá*, Сор. *hólosá* / *hólosá*, Рыж. *hólosá*; 9) Миж. *hórɔdy* / *horodá*, Битля, Ставн., Стуж. *horodá*, Страб. *horodá*, ЧПот., Брод, Кер., Довге, Скот., СинП., Син., Нгр. *horodá*, ЛП *horodá* / *horodú*, Луги *horodá*, Бел. *horodá*, Красн. *horodá*, Бан. *hɔrɔdá*, Днестр. *horodá*; 10) Стуж. *hɔrbá* / *horbý*, Кер. *hɔrbá* ‘холм, горб’; 11) Кер. *hruzá*; 12) Кер., Красн. *kolokolá* ‘ботало’; 13) Ставн. *kolosá*; 14) Ставн. *kutá* / -ý; 15) Гдеш. *kurmá*, Ставн. *kormá*, Стуж. *kormý* / *kormá*, ШЛ *kormá*; 16) Ставн. *krestá* ‘укладка снопов’; 17) Ставн. *l'isá*, Люта *l'isý* / *l'isá*, ШЛ *l'isý* / *l'isá*, Луги *l'isá*; 18) Брод, Кер. *luhá* ‘заливной луг’; 19) Ставн. *morozá*; 20) Ставн., Кер. *mostá*, Стуж. *mostá* / *mostý*; 21) Стуж. *nósy* / *nosá*; 22) Стуж. *nozá* / *nózy*; 23) СинП *ovés*, Pl *vışá*; 24) Стуж., ШЛ *vufily* / *vufilá*; 25) Лукв. *pop'ilá*; 26) Ставн., Кер. *peredá*; 27) Луг *pluhá*; 28) Кер. *postá*; 29) Битля *put'*, G *put'á*, Pl *put'á* (вторичная *jo*-основа); 30) ЛП *perstá* / *pérstu*; 31) Ставн. *rotá* ‘рот’; 32) Ставн. *s'l'idý* / -á, *s'l'idú* / -á, Луги *s'l'idá* / -á; 33) Кер., Днестр. *sudá*; 34) Ставн. *suká*; 35) Ставн. *stavá*; 36) Кер. *stohá* ‘большая укладка соломы’; 37) Битля *seřpá*; 38) Ставн. *toká* ‘площадка для молотбы’; 39) ШЛ *umá*; 40) ШЛ *valý* / *valá* ‘вал сена’; 41) Ставн., Ирл. *več'erá*, Брод *več'erá* / *več'erú*, Кер., СинП *več'erá*, Луги *več'erá* / *več'erá*, Быстр. *več'erá*, Лукв. *več'yrá*, Бан. *vəč'irá* / *věč'iry*, Рыж. *vəč'ará*; 42) Кер., Новос. *viká*; 43) Стуж. *v'itry* / *v'itrá*; 44) Кер. *vidá* ‘лицо’; 45) Кер. *virá* ‘омут’; 46) Брод, ЛП *voloká*; 47) Дус. *vólosy* / *volosá*, Кер. *volosá*; 48) ЛП *voroxá*; 49) Брод *ver'xá* / -ú; 50) Ирл., Брод, Кер., Луги, Сор., Рыж. *xolodá*; 51) Ставн. *xomotá*; 52) Стуж. *xreptá*; 53) Кер. *zadá*; 54) Стуж. *žolobá*, Брод *žolobá* / *žolobu*, Скот. *žolobá*; 55) Нгр. *žolobú* / *žolobá*; 56) Битля *životá*.

Заметно реже от одушевленных существительных: Битля, Кер., Нгр. Pl *storožá*, Днестр. *storož'í / storožá*; Стуж. *vorohá*.

С несомненным окончанием дв. ч. (v)*úsa* 'усы' в большинстве говоров < Du *qsa и Нов., Яроч *bávusa* 'Id.' < Du *oba qsa; сюда также Ставн. Pl *rohá / rófi*, Стуж. *rófi / rohá* 'рога'. Ставн. *pázur*, G -a, In -om, Pl -a 'коготь', возможно, имеет окончание, аналогичное *hōgta* в других говорах.

Окончания консонантного склонения в старославянском / «наддиалектном» древнерусском, с одной стороны, и в карпатоукраинских говорах — с другой, сопоставлены в табл. 3.

Таблица 3. Сопоставительная таблица окончаний консонантного склонения

	Старославянский / древнерусский	Карпатоукраинские говоры
N Sg	-Ø [cons] (<i>корА, камы</i>)	нет примеров
	Асс на месте N -ь [cons] (<i>днь, корень</i>)	NA -ь (<i>день, камінь, ноготь</i>)
Acc Sg	-ь [cons] (<i>днь, корень</i>)	NA -ь (<i>день, камінь, діверь, ноготь</i>)
G Sg	-е [cons] (<i>дье, корене</i>)	-е (<i>дне, камене, нōгте</i>)
	по аналогии с <i>i</i> -основами: -и (<i>дњи, корени</i>)	нет примеров
	нет примеров	по аналогии с <i>o</i> -основами: -а (<i>нōгъта, дівера</i>)
	нет примеров	по аналогии с <i>jo</i> -основами: -'а и -'у (<i>дн+'а, лōкт+'а, дівер+'а, ячмен+'у</i>)
N Pl	-е [cons] (<i>дье, єлене, боляре</i>)	NA Pl -е (<i>дне, лōкте, воляре</i>)
	по аналогии с <i>i</i> -основами: -ие (<i>дъние, єлєние</i>)	нет примеров
Acc Pl	-и [i=cons] (<i>дњи, єлєни</i>)	NA Pl -и (<i>дни</i>)
	по аналогии с <i>o</i> -основами: -ы («маргинальный» тип <i>боляры</i>)	по аналогии с <i>o</i> -основами: N-Асс Pl -ы (<i>дны, лōкты, дівєры</i>)
	нет примеров	по аналогии с <i>o</i> -основами: N-Асс Pl -а (<i>лōкта, ячмена</i>)
	по аналогии с <i>jo</i> -основами: -А Pl <i>мытарА</i>)	по аналогии с <i>jo</i> -основами: N-Асс Pl -ѣ (<i>дні, камені, нōгті, дівєрі</i>)
G Pl	-ь [cons] (<i>днь</i>)	нет примеров
	по аналогии с <i>i</i> -основами: -ии (<i>дънии, єлєнии</i>)	нет примеров
	нет примеров	по аналогии с <i>u</i> -основами: -ōвъ (<i>днōвъ, лōктōвъ</i>)
	нет примеров	по аналогии с <i>jo</i> -основами с заменой окончания *-jъ на *-jevъ с окончанием и-склонения: -'ōвъ (<i>лōкт+'ōвъ, дн+'ōвъ, дівєр+'ōвъ</i>)
	<i>jo</i> -основа: <i>дѣлатель, родитель</i>	по аналогии с <i>jo</i> -основами: <i>ден'</i> (единичный пример)

Сокращения населенных пунктов⁹

Бен. — ужанский говор с. Бенéди́ковцы Ужгородского р-на Закарпатской обл., инф. Мария Ивановна. Зап. М. Н. Толстая, 2008 г. (расшифровка М. Н. Толстой).

Битля — верховинский говор с. Битля Турковского р-на Львовской обл., инф. Мороз Мария Николаевна, 1931 г. р. Зап. С. Л. Николаев, 1991 г.

Брод — боржавский говор с. Брод Иршавского р-на Закарпатской обл., инф. Лома́га Михаил Иванович, 1921 г. р. Зап. С. Л. Николаев, 1988 г.

ВелК — мараморошский говор с. Вели́ка Копáня Виноградовского р-на Закарпатской обл., неизвестный информант. Зап. Е. Э. Будовская, 1988 г.

Влс. — верховинский говор с. Волося́нка Сколевского р-на Львовской обл., инф. Соки́л Ярослава Васи́лівна, 1952 г. р. Зап. А. И. Рыко, 1998 г.

Ганьк. — боржавский говор с. Ганько́вица Свалявского р-на Закарпатской обл., неизвестный информант. Зап. Е. Э. Будовская, 1988 г.

Гдеш. — западногалицкий говор с. Гдéшичи Старосамборского р-на Львовской обл., инф. Прокоп Ольга Владимировна, 1928 г. р. Зап. С. Л. Николаев, 1989 г.

Довг. — боржавский говор с. До́вге Свалявского р-на Закарпатской обл., инф. Михалюк Мария Ивановна, 1929 г. р. Зап. М. Н. Толстая, А. И. Рыко, 2001 г. (расшифровка М. Н. Толстой).

Драг. — мараморошский говор с. Дра́гово Хустского р-на Закарпатской обл. Цит. по [Boudovskaia 2006].

Дус. — боржавский говор с. Ду́сина Свалявского р-на Закарпатской обл. Зап. Е. Э. Будовская, 1988 г.

Ирл. — боржавский говор с. Ирля́ва Ужгородского р-на Закарпатской обл., известные информанты. Зап. О. А. Абраменко, М. Н. Толстая, 2008 г.; использован также материал из [Boudovskaia 2006].

Кер. — ужанский говор с. Керецкі́ Свалявского р-на Закарпатской обл., инф. Греча Мария Николаевна, 1925 г. р. Зап. С. Л. Николаев, 1990 г.

Клим. — говор с. Кли́мовица Иршавского р-на Закарпатской обл., инф. Малейко Михаил Антонович, 1926 г. р. Зап. С. Л. Николаев, 1988 г.

Кол. — мараморошский говор с. Колоча́ва Межгорского р-на Закарпатской обл., инф. Бегунец Василий Васильевич, 1985 г. р. Зап. М. Н. Толстая, 2016 г.

КсП — гуцульский говор с. Ко́совская Поля́на Раховского р-на Закарпатской обл. Цит. по [Boudovskaia 2006].

ЛП — мараморошский говор с. Лі́пецкая Поля́на Хустского р-на Закарпатской обл., инф. Гобан Елена Юрьевна, 1938 г. р. Зап. О. А. Абраменко, 2001 г. Использован также материал из [Boudovskaia 2006].

Люта — ужанский говор с. Лю́та Великоберезнянского р-на Закарпатской обл., инф. Миовканич Мария Михайловна, 1962 г. р.; Анна, 1929 г. р.; Лошак Мария, 1929 г. р. Зап. С. Л. Николаев, Е. Л. Рудницкая, 1989 г.

⁹ Районы указаны по административному делению до 2020 г.

НБ — боржавский говор с. Ні́жний Бѣ́стрый Хустского р-на Закарпатской обл., инф. Барна Христина Федоровна, 1935 г. р. Зап. О. А. Абраменко, 1995 г.

Нгр. — верховинский говор с. Нѣ́гровец Межгорского р-на Закарпатской обл., инф. Росоха Николай Федорович, 1957 г. р. Зап. М. Н. Толстая, 2010 г. (расшифровка М. Н. Толстой).

Нов. — ужанский говор с. Новосѣ́лица Перечинского р-на Закарпатской обл., инф. Янчик Анна Андреевна, 1938 г. р. Зап. С. Л. Николаев, М. Н. Толстая, 1995 г. Использован также материал из [Boudovskaia 2006].

Ольш. — мараморошский говор с. Ольша́ны Хустского р-на Закарпатской обл., инф. Ришко Мария Степановна, 1922 г. р.; Феды́ко Васили́на Ивановна, 1926 г. р. (часть Бовца́ря); Мику́лин Оксана Ивановна, 1938 г. р. (часть Гли́сна). Зап. С. Л. Николаев, 1991 г.

Річка — гуцульский говор с. Речка Косовского р-на Ивано-Франковской обл. Цит. по [Астаф'єва, Воронич 2014]. Цифры означают ссылки на страницы издания.

РМ — мараморошский говор с. Ру́сская Мо́края Тячевского р-на Закарпатской обл., инф. Горкавчук Магдалина Степановна, 1944 г. р. Зап. А. И. Рыко, 1995 г.

Син. — верховинский говор с. Синеві́р Межгорского р-на Закарпатской обл., инф. Цимбо́та Анна Степановна, 1940 г. р. Зап. С. Л. Николаев, М. Н. Толстая, 1993, 1995 гг.

СинП — верховинский говор с. Синеві́рская Поля́на Межгорского р-на Закарпатской обл., инф. Баби́чин Мария Степановна, 1954 г. р. Зап. С. Л. Николаев, М. Н. Толстая, 1998 г. Использован также материал из [Boudovskaia 2006].

Скот. — верховинский говор с. Скотáрское Воловецкого р-на Закарпатской обл., неизвестный информант. Зап. С. Л. Николаев, 1990 г.

Сок. — закарпатский мараморошский говор с. Соки́рница Хустского р-на Закарпатской обл. Цит. по [Сабадош 2008].

Тор. — верховинский говор с. То́рунь Межгорского р-на Закарпатской обл.; цит. по [Николаев, Толстая 2001].

Тюдов — гуцульский говор с. Тю́дов Косовского р-на Ивано-Франковской обл. Цит. по [Голянич].

Убля — восточнолемковский (ужанский по ударению) говор с. У́бля Снинского р-на Прешовского края Словакии, инф. Анна Голубова, 1953 г. р., и Анна Лесова, 1937 г. р. Зап. М. Н. Толстая, 2014 г.; использован также материал из [Брох 1900] и [Leška 1973] (расписала М. Н. Толстая).

Чапли — западногалицкий говор с. Ча́пли Старосамборского р-на Львовской обл., инф. Кулакевич Мария Ильковна; Кулакевич Николай Михайлович, 1913 г. р.; Здо́ров Мария Николаевна, 1912 г. р.; Гучок Мария Петровна, 1941 г. р. Зап. С. Л. Николаев, 1989 г.

ЧПот. — боржавский говор с. Че́рный По́ток Иршавского р-на Закарпатской обл., инф. Що́ка Мария Васильевна, 1936 г. р.; Демчик Анна Васильевна, 1926 г. р.; Лендя́л Анна Васильевна, 1943 г. р.; Синитарь Мария Васильевна,

1924 г. р.; Скуба Гафия Ивановна, 1916 г. р.; Лендял Мария, 1913 г. р. Зап. Г. И. Замятина, 1993 г.

Яв. — гуцульский говор с. Яворів Косовского р-на Ивано-Франковской обл., инф. Бучук Параска Петровна, 1926 г. р. Зап. С. Л. Николаев, М. Н. Толстая, 1995 г.

Литература

Брох О. Угорорусское наречие села Убли (Земплинского комитата). СПб., 1900 (Исследования по русскому языку. Т. II, вып. 1).

Верхратский И. Про говор галицких лемків. Львів, 1902.

Голянич М. І. Мовний портрет села Тюдів. Словник. У 2-х т. Івано-Франківськ, 2018, 2024. Расписала М. Н. Толстая.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.

Крысько В. Б. История именного склонения в русском языке // Русский язык: Энциклопедия / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; под общ. ред. А. М. Молдована. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2020. С. 665–673.

Николаев С. Л., Толстая М. Н. Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М., 2001.

Панькевич Ів. Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей. Ч. І. Звучня і морфологія. Прага, 1938.

Сабадош І. Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород, 2008. Расписала М. Н. Толстая.

Саенко М. Н. (Саенко 2019а). Периодизация истории праславянского субстантивного склонения // Балто-славянские исследования. XX. М., 2019. С. 92–121.

Саенко М. Н. (Саенко 2019б). Формант *-ъть и склонение слов типа *nogъть, *olkъть, *degъть, *desъть и *dънь в праславянском // Rossica Olomucensia. 2019. R. 58. Č. 1. S. 5–24.

Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957.

Boudovskaia Elena E. The Morphology of Transcarpathian Ukrainian Dialects. A dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree Doctor of Philosophy. Los Angeles: University of California, 2006. Расписала М. Н. Толстая.

Leška Oldřich. Govor sela Ublja Vostochnoj Slovaki. Praha, 1973.

Olander Th. Proto-Slavic Inflectional Morphology: A Comparative Handbook. Brill, 2015.

Stang Chr. S. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo; Bergen; Tromsø, 1966.

Vaillant André. Manuel du vieux slave. Tome I. Grammaire. Seconde édition revue et augmentée. Paris, 1964.

Sergey L. Nikolaev

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

sergenicko@email.ru

FEATURES OF THE DECLINATION OF PROTO-SLAVIC CONSONANT STEMS OF THE MASCULINE GENDER IN CARPATHO-UKRAINIAN DIALECTS

This article examines the declension characteristics of Proto-Slavic masculine consonant stems in the Ukrainian dialects of Transcarpathia and, to some extent, Precarpathia. The article draws on materials collected as part of the accentological program during the Carpathian Expedition of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (1987–2005), supplemented with forms from published dialectological sources. This program systematically recorded the nominative-accusative, genitive singular, and nominative-accusative plural forms. Other case forms were not systematically recorded. This article examines the original consonantal stems from which we have collected sufficient material for a comparative historical analysis of Carpatho-Ukrainian dialects. Carpatho-Ukrainian (primarily Transcarpathian) dialects retain rudiments of the autonomous declension of consonant stems of the masculine gender (also neuter and feminine genders, which are not considered here). In contrast to Old Church Slavonic, the Old Russian version of Church Slavonic, and the “supra-dialectal” Old Russian language, in the Old Galician area the penetration of *i*-declension forms, judging by our data, was minimal (in contrast to the Old Novgorod dialect, in which the endings of *i*-stems were used in the maximum number of positions). In the Carpatho-Ukrainian dialects, the consonantal stems do not have the endings G Sg *-i (Old Russian -u), N Pl *-ъje (Old Russian -ue) and G Pl *-ъjъ (Old Russian -uu), borrowed from the *i*-declension, which are characteristic of both Old Church Slavonic and the “supra-dialectal” Old Russian.

Keywords: Carpatho-Ukrainian dialects, declension features, Proto-Slavic consonantal stems of the masculine gender, accentological program.

References

Boudovskaia E. *The Morphology of Transcarpathian Ukrainian Dialects*. A dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree Doctor of Philosophy. Los Angeles, University of California, 2006.

Broch O. *Ugrorusskoe narechie sela Ubli (Zemplinskogo komitata)* [The Ugro-Russian Dialect of the Village of Ubl'a (Zemplén County)]. St. Petersburg, 1900. (In Russ.)

Holianych M. I. *Movnyi portret sela Tiudiv. Slovyk u 2 t.* [Linguistic portrait of the village of Tiudiv. Dictionary in 2 vols.]. Ivano-Frankivsk, 2018, vol. 1; 2022, vol. 2. (In Ukr.)

Krys'ko V. B. [History of nominal declension in Russian] // *Russkii yazyk: Ehn-tsiklopediya* [Russian language: Encyclopedia / V. V. Vinogradov Institute of Russian

Language, Russian Academy of Sciences; edited by A. M. Moldovan. 3rd revised and enlarged ed.]. Moscow, 2020, p. 665–673. (In Russ.)

Leška 1973 — *Oldřich Leška*. Govor sela Ublja Vostochnoj Slovakii. Praha, 1973. (In Russ.)

Nikolaev S. L., Tolstaya M. N. *Slovar' karpatoukrainskogo torun'skogo govora s grammaticheskim ocherkom i obraztsami tekstov* [Dictionary of the Carpatho-Ukrainian Torun dialect with a grammar essay and sample texts]. Moscow, 2001. (In Russ.)

Olander Th. *Proto-Slavic Inflectional Morphology: A Comparative Handbook*. Brill, 2015.

Pan'kevych Iv. *Ukrains'ki hovory Pidkarpats'koi Rusy i sumezhnykh oblastei. Ch. I. Zvuchnia i morfolohiia* [Ukrainian Dialects of Subcarpathian Rus' and Adjacent Regions. Part I. Phonology and Morphology]. Prague, 1938. (In Ukr.)

Sabadosh I. *Slovnyk zakarpats'koi hovirky sela Sokyrnytsia Khusts'koho raionu* [Dictionary of the Transcarpathian Dialect of the Village of Sokyrnytsia, Khust District]. Uzhhorod, 2008. (In Ukr.)

Saenko M. N. [Periodization of the history of the Proto-Slavic substantive declension] // *Balto-slavyanskije issledovaniia. XX* [Balto-Slavic studies. XX]. Moscow, 2019, p. 92–121. (In Russ.)

Saenko M. N. [Formant *-ъъ and declension of words like *nogъъ, *olkъъ, *degъъ, *desęъ and *dъъ in Proto-Slavic] // *Rossica Olomucensia*, 2019, vol. 58, no. 1, p. 5–24. (In Russ.)

Shakhmatov A. A. *Istoricheskaya morfologiya russkogo yazyka* [Historical morphology of the Russian language]. Moscow, 1957. (In Russ.)

Stang Chr. S. *Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen*. Oslo; Bergen; Tromsø, 1966. (In Ger.)

Vaillant A. *Manuel du vieux slave. Tome I. Grammaire*. Seconde édition revue et augmentée. Paris, 1964 (In Fr. Verkhatskyi I. *Pro hovor halytskykh lemkyv* [On the Dialect of the Galician Lemkos]. Lviv, 1902. (In Ukr.)

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt. 2-e izdanie, pererabotannoe s uchedom materiala nakhodok 1995–2003 gg.* [The Old Novgorod Dialect. 2nd edition, revised taking into account the findings of 1995–2003]. Moscow, 2004. (In Russ.)

М. Н. Толстая
 Институт славяноведения РАН
 (Россия, Москва)
 mtolstaya@yandex.ru

К УПОТРЕБЛЕНИЮ СВЯЗОК ПЕРФЕКТА В КАРПАТОУКРАИНСКИХ ГОВОРАХ¹

В статье идет речь о функционировании связок перфекта в пяти карпатоукраинских говорах на материале опубликованных диалектных текстов и полевых записей, а также литературных произведений, написанных на родном диалекте автора. Карпатоукраинские говоры — единственные из восточнославянских, в той или иной степени сохраняющие древнюю систему вакернагелевских энклитик, в том числе связки 1–2 лица. В статье рассматривается состав связок, степень их сохранения в говорах и соотношение их с личными местоимениями 1–2 лица, а также употребление связок и местоимений при однородных сказуемых и в цепочках клауз с одним подлежащим: в закарпатских говорах в таких цепочках грамматическое значение лица обычно выражено при каждом глаголе. Приводятся также случаи употребления связок в роли личных местоимений, до сих пор отмечавшиеся только в истории русского языка. В целом материал свидетельствует о том, что обследованные говоры Прикарпатья, в том числе гуцульские, в значительной мере утрачивают связки (как и другие древние энклитики), в то время как в закарпатских говорах древняя система сохраняет свою актуальность; при этом разные карпатоукраинские говоры показывают картину, похожую на разные этапы истории русского языка.

Ключевые слова: карпатоукраинские говоры, перфект, связки, личные местоимения, фразовые клитики, закарпатский диалект, гуцульский диалект, морфосинтаксис

0. Введение. Карпатоукраинские говоры — единственные из восточнославянских, в той или иной степени сохраняющие древнюю систему вакернагелевских энклитик², и среди них — связки в формах перфекта 1–2 лица. Изоглоссы сохранения связок 1 лица представлены на карте диалектологического атласа украинского языка [АУМ 2, карта 245]. Атлас, однако, отражает лишь фиксации соответствующих форм, но не может показать их реальной употребительности. Говоря огрубленно, в целом положение таково, что говоры Прикарпатья в значительной

¹ Благодарю А. В. Циммерлинга за ценные замечания при подготовке статьи.

² См. о разных карпатоукраинских системах фразовых клитик: [Толстая 2012; 2015].

мере утрачивают связки (как и другие древние энклитики), в то время как в закарпатских говорах древняя система сохраняет свою актуальность.

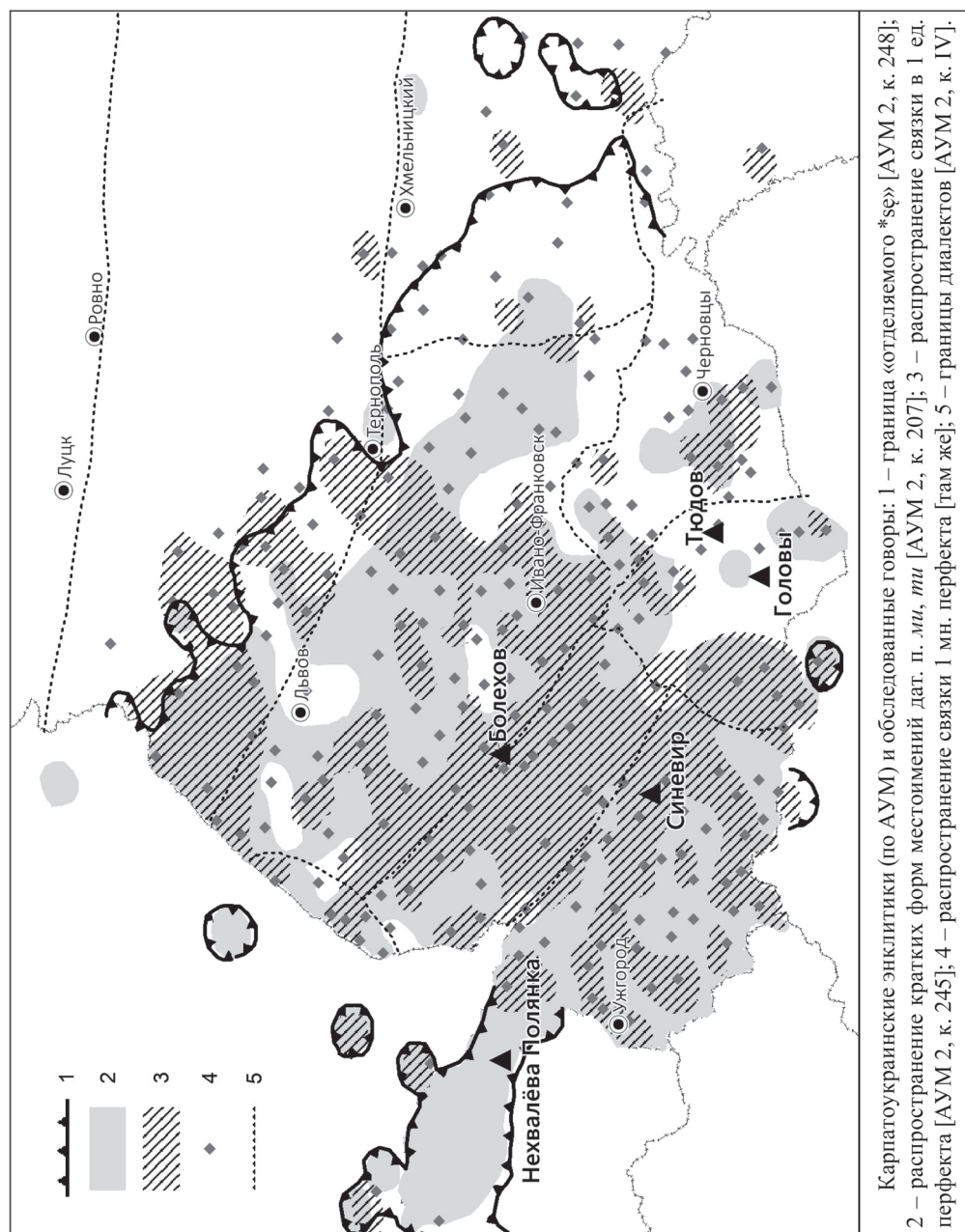
Как показал А. А. Зализняк [2008], отмирание фразовых энклитик в истории русского языка происходило по трем основным направлениям: утрата кратких форм личных местоимений (замена их везде на полные формы, например, 1 sg. dat. *mi — *тънѣ); утрата отделяемого возвратного -ся (превращение его в глагольный постфикс); и, наконец, утрата связок перфекта и именного сказуемого в 1–2 лице (замена конструкций со связками на конструкции с личными местоимениями). В карпатоукраинских говорах, где мы можем наблюдать этот процесс в действии, он происходит по тем же основным линиям, при этом степень его «продвинутости» различается не только по разным говорам, но иногда и по разным линиям в разных говорах.

Исследование закономерностей поведения и утраты древних фразовых энклитик возможно только на материале достаточно обширного корпуса текстов из каждой диалектной системы, чтобы можно было получить относительно надежную статистику. Это в особенности касается связок перфекта, поскольку в диалектных источниках формы 1–2 лица не так часты (при этом около половины всех употреблений связок обычно приходится на форму 1 ед.). Таких объемных источников не так много, но все же некоторые выводы могут быть сделаны. Кроме полевых данных и опубликованных диалектных источников, в качестве материала в статье привлекаются также литературные произведения, написанные на родном диалекте автора (ниже они помечаются звездочкой); следует учитывать, что в литературных произведениях на употребление связок могут влиять стилистические установки автора. Рассматривается материал следующих говоров: закарпатские — центральнозакарпатский говор с. Синевир (Син., полевые данные) и лемковский говор с. Нехвалёва Полянка в Восточной Словакии (НП*); прикарпатские — бойковско-надднестрянский говор г. Болехов (Бол.) и гуцульские говоры с. Головы (Глв.*) и Тюдов (Тюд.), что позволяет сделать наблюдения над карпатоукраинскими говорами разных групп³ (см. карту).

В статье анализируется состав связок, соотношение их с личными местоимениями 1–2 лица, а также употребление связок и местоимений при однородных сказуемых и в цепочках клауз с одним подлежащим. Не рассматриваются свойства связок как (эн)клитик (их просодический статус, место в предложении и место в ранговой организации клитик)⁴. Современные связки перфекта в разных карпатоукраинских говорах имеют разный просодический статус и разное синтаксическое поведение, но везде сохраняют важную древнюю черту: находясь после глагола, они не могут быть отделены от него никакими акцентно самостоятельными словами. Не рассматриваются связки в составе именного сказуемого в настоящем времени, а также в составе

³ Материалы из опубликованных источников приводятся в оригинальном виде. Ниже цифры после таких примеров означают страницы издания. Более подробные географические сведения приводятся в списке сокращений в конце статьи.

⁴ Отметим, что во всех рассматриваемых говорах связки 1–2 лица не встречаются в начале фразы.

форм условного наклонения (где возможность вычленения связки в едином показателе с *by типа *бым* (*бим*), *бысте* (*бисте*) и т. п. должна быть анализирована индивидуально для каждого говора) и в составе плюсквамперфекта (типа *дали сме были*).

1. Общая статистика сохранения древних энклитик в пяти карпатоукраинских говорах разных групп показана в таблице 1. Для сравнения приводятся данные новгородских берестяных грамот (по [Зализняк 2008])⁵.

Таблица 1. Общая статистика сохранения древних энклитик

	Нехвалёва Полянка*	Синевир		Гёловы*	Тюдов	Болехов	НГБ	
	конец XX в.	инф. 1 (1924 г.р.)	инф. 2 (1940 г.р.)	1930-е	нач. XXI в.	нач. XXI в.	XI– XII в.	XIII– XV в.
Препоозиция *se	95%	89%	83%	47%	*50%	*65%	77%	35%
Клитики в паре *mi — *mьlě (dat., беспредложн.)	98,5%	84,5%	81%	51,5%	0%	1,6%	98%	64%
Клитики в паре *me — *mene (acc., беспредложн.)	99,5%	72,5%	74,5%	33,5%	0%	0,4%	92%	43%
Клитики-связки в составе перфекта	77%	61%	58%	19%	32%	6%	85%	

Примечания: 1. В строке «Препоозиция *se» (по отношению к глаголу) звездочкой отмечены показатели, вычисленные не по полному материалу (Тюд. — 50 стр., 315 примеров; Бол. — 64 стр., 286 примеров). 2. В говоре с. Тюдов единичные реликты местоименных клитик дательного падежа встретились только в цитатах из песенного фольклора.

2. Материальный состав связок перфекта в рассматриваемых говорах отражен в таблице 2.

Таблица 2. Связки перфекта в пяти карпатоукраинских говорах

	Закарпатье		Прикарпатье		
	закарпатские лемковские	закарпатские центральные	гуцульские		бойковско- надднестрянский
	Нехвалёва Полянка* (конец XX в.)	Синевир (конец XX — нач. XXI в.)	Тюдов (начало XXI в.)	Гёловы* (1930-е)	Болехов (начало XXI в.)
1 sg.	(e)m	(u)m	смiх	смiх	(e)m
1 pl.	сьме	(u)сме			(e)смо
2 sg.	(e)сь	(u)с'	йіс	сс	(e)с
2 pl.	сьте	(u)сте	йістé (сте)	(e)сте	[(e)сте

Примечания. 1. В материале говора Болехова ожидаемая форма 2 pl. *сте не встретилась. 2. Гуцульская форма 1 л. смiх, по-видимому, возникла в результате контаминации с формой вспомогательного глагола условного наклонения бiх [Кобилянський 1928: 60].

⁵ О методике подсчетов см. [Зализняк 2008: 66, 134, 246], а также ниже примеч. при табл. 3.

В говоре с. Синевир, как и в ряде других закарпатских говоров, связкам перфекта соответствуют редкие полнозначные и полноударные формы глагола «быть» (‘быть, находиться’): Син. 1 sg. *йём*, 1 pl. *йесmé*, 2 sg. *йёс’*, 2 pl. *йестé*, а также 3 sg. *йё*, 3 pl. *суть* (например: *Чём ты туй йёс’?* ‘Для чего ты здесь находишься?’). Выбор формы связки определяется «правилом вокализации», т. е. зависит от фонетического контекста (как в польском языке): после предшествующих согласных употребляются формы с начальным гласным (*дав-им*, *дала-м* [ср. польск. *dałem, dałam*]; *кый-им иичё была д’іука*; *такá невелика-м была ичё*). Таким образом, материально здесь существует три ряда личных форм презенса от глагола «быть» (*йём* / *-им* / *-м*).

В остальных анализируемых говорах формы связок с начальным *є-* (Тюд. *йі-*) материально соответствуют синевирским полноударным формам. В говоре Болехова распределение форм с начальным *є-* и без него идентично «правилу вокализации» (после предшествующего согласного употребляются формы с *-є*: *І як єм посадила на крісло, дала-м печенькі...* 314 ‘Как я посадила (ребенка) на стул, дала печенье...’; *ходів-єс, шо-є дав, дала-є* и т. п.). В лемковском тексте НП* это распределение размыто: краткие формы без *є-*, как правило, употребляются после предшествующих гласных, однако формы с *є-* широко используются в обеих позициях (указано количество примеров):

НП*	-м	єм	-сь	єсь
V_	42	72	10	23
C_	—	125	3	19

В гуцульских говорах облик форм связок практически всегда неизменен. Краткая форма 2 pl. *сте* в говоре Тюдова встретилась лишь дважды из 162 примеров, в материале из с. Головы* — один раз из трех форм связки 2 pl. Такая картина, по-видимому, указывает на утрату кратких форм связок в гуцульских говорах, практически завершившуюся в говоре с. Тюдов (ср. аналогичную утрату кратких форм личных местоимений в этом говоре, отраженную в табл. 1).

3. Статистика употребления связок. А. А. Зализняк описал возможные типы конструкций перфекта для древнерусского языка: трехчленные, со связкой и личным местоимением (типа *ты еси даль*); двучленные, со связкой или с личным местоимением (*даль еси* / *ты даль*); одночленные (*даль*). Одночленные конструкции возможны в 3-м лице при отсутствии подлежащего, а также в клаузах, содержащих непервый член в серии однородных сказуемых (типа *видѣлъ еси и слышалъ*; см. о таких клаузах ниже, § 5). В живом древнерусском языке для 1–2 лица перфекта нормально употребление двучленных конструкций — в соответствии с принципом, что «в предикативной синтагме грамматические значения лица и числа не дублируются: достаточно, чтобы они содержались в каком-то одном члене этой синтагмы — подлежащем или сказуемом» [Зализняк 2008: 239–240]. Такая же картина характерна и для карпатоукраинских говоров⁶ (о трехчленных конструкциях в говоре Нехвалёвой Полянки см. ниже).

⁶ По-видимому, исключение составляет закарпатский лемковский говор села Колбасов (Kolbasov) в Восточной Словакии (см. [Толстая 2013: 141]).

Ниже в таблице 3 приведены подробные статистические данные по связкам перфекта 1–2 лица для пяти говоров. В подсчеты не включены редкие трехчленные конструкции, а также одночленные в цепочках однородных сказуемых или клауз с одним и тем же субъектом. Для сравнения приводятся общие показатели сохранения связок для разных древнерусских памятников (по [Зализняк 2008: 248]; расшифровку источников см. [там же: 271–274]). Можно видеть, что карпатоукраинские говоры показывают картину, похожую на разные этапы истории древнерусского языка. Показатели, отраженные в таблице, в целом соответствуют общей статистике употребления фразовых клитик в рассматриваемых говорах (см. табл. 1), из которой видно, что в Прикарпатье (к которому относятся и гуцульские села Тюдов и Головы) уже заметно проявляется тенденция к утрате клитик.

Таблица 3. Статистика употребления связок в формах перфекта

	Закарпатье			Прикарпатье		
	закарпатские лемковские	закарпатские центральные		гуцульские		бойковско- надднестрянский
	Нехвалёва Полянка* (конец XX в.)	Синевир		Тюдов (начало XXI в.)	Гóловы* (1930-е)	Болехов (начало XXI в.)
		инф. 1 (1924 г. р.)	инф. 2 (1940 г. р.)			
1 sg.	74% <i>250/339</i>	56% <i>70/125</i>	48% <i>472/987</i>	27% <i>256/1261</i>	14% <i>71/520</i>	4% <i>130/3180</i>
1 pl.	88% <i>75/92</i>	64% <i>9/14</i>	61% <i>107/175</i>	2% <i>7/337</i>	13% <i>14/110</i>	7% <i>53/770</i>
2 sg.	77% <i>55/71</i>	71% <i>20/28</i>	77% <i>411/532</i>	61% <i>433/707</i>	42% <i>63/151</i>	15% <i>57/378</i>
2 pl.	88% <i>60/68</i>	76% <i>16/21</i>	60% <i>34/57</i>	46% <i>162/351</i>	27% <i>3/11</i>	18% <i>22/124</i>
Общее	77% <i>440/570</i>	61% <i>115/188</i>	58% <i>1024/1751</i>	32% <i>1092/3448</i>	19% <i>151/792</i>	6% <i>262/4452</i>
Берестяные грамоты (XI–XV вв.)				85%		
Афанасий Никитин I (1470-е гг.)				86%		
Уваровская летопись за XV в.				84%		
Ив. Грозн. I (1568–74 гг.)				76%		
Грязной (1576 г.)				31%		
Аввакум I (1670-е гг.)				1%		

Цифры курсивом после знака процента обозначают исходные данные, т. е. число примеров со связкой среди общего числа учитываемых примеров данной формы; эти цифры не претендуют на абсолютную точность и даются только для общей оценки объема материала (ср. о факторах, влияющих на точность подсчетов данных древнерусских памятников: [Зализняк 2008: 21–22]; эти факторы тем более действенны для записей устной речи). Цифры в столбце НП* уточнены по сравнению с приведенными в [Толстая 2023].

Следует оговорить, что данные древнерусских памятников из таблицы не могут быть прямо соотнесены с карпатоукраинскими, поскольку последние включают сплошной материал без учета синтаксических контекстов, в которых употребление местоимений обязательно или предпочтительно. А. А. Зализняк выделил такие контексты для живого древнерусского языка в целом (не только для перфекта) и не

включал их в статистические подсчеты [Зализняк 2008: 241–245]. Правила подобного рода действуют и в карпатоукраинских говорах⁷.

4. Употребление местоимений и связок. Поскольку в говорах Прикарпатья процесс утраты связок и замены их личными местоимениями находится в уже весьма продвинутой стадии, то о синтаксических контекстах, в которых обязательны или предпочтительны местоимения, а не связки, имеет смысл говорить лишь для закарпатских говоров. Не ставя перед собой цели исчисления всех таких контекстов, проиллюстрируем некоторые из них, аналогичные древнерусским:

— подлежащее несет на себе логическое ударение:

Син. *Йа́ йих и ни йіла ні́гды, ты́ ци йіла?* ‘Я их и не ела никогда, (а) ты ела?’; *И ты́ ни ві́д’ів?* ‘И ты (тоже) не видел?’;

— подлежащее находится в смысловом сопоставлении с подлежащим соседней синтагмы:

Син. *Ты́ прийшла́, йа́ прийшла́, она́ прийшла́, він прийшо́в... то́то́ бы́ли вичі́р-ні́ц’і.* ‘Ты пришел, я пришла, она пришла, он пришел... это были вечерни́цы [вечернее собрание молодежи]’; *...та́ йа́ про́сто то́ не замі́тила, а ви́ на то́ ува́гу зверну́ли.* ‘...и я просто этого не заметила, а вы на это обратили внимание’; *Йа́ вї́т т’а про́сила́ сі́мсто, ты́ пообі́ц’ав сі́мсто три́ццять* ‘Я у тебя просила семью, ты пообещал семью тридцать’; НП* *Ви́шитки́ молоді́шы да́ли, та́й я́ ся не стопа́рчила́.* 160 ‘Все молодые дали, и я не мешкала’; *Він ві́рив, же́сьме́ поро́жні́ голо́вы і́ ідеоло́гічні́ безві́рці́, а ми́ є́дно зна́ли — же́ він фа́наті́к.* 78 ‘Он считал, что мы пустые головы и идеологические нигилисты, а мы одно знали — что он фанатик’.

— к подлежащему относятся частицы:

Син. *Йа́к гово́римé, та́ ўсе́ сло́во йако́йе́с’ та́ко́йе, шо́ ни́ ты́ ни з’ві́дала, ни́ йа́ ни вї́тпові́дала, а упові́ло с’а́ ненáро́ком* ‘Когда мы разговариваем, то постоянно слово какое-нибудь такое, что ни ты не спрашивала, ни я не отвечала, а сказалося нечаянно’; НП* *Бо́же на́ш, та́к і́ я́ там то́гда́ бы́в* 55 ‘Боже наш, так и я там тогда был’;

— местоимение имеет при себе определение или приложение:

Син. *Ци́ ви́ да́котро́йе ві́д’і́ли та́ко́йе?* ‘Кто-нибудь из вас видел такое?’; *мы́ дво́йе ко́лі с’а́ збе́ра́ли* ‘когда мы двое женились’; НП* *Я́к бы́ ся́ то́то у́ ца́рстві́ небесні́м ді́зна́ли, же́ я́ ва́м, грі́шні́й, одпу́стив, та́ бы́ з ня́ до́ друго́го ра́на ві́тор поро́здува́в поро́х!* 39 ‘Если бы об этом дознались в царстве небесном, что я вам, грешный, отпустил (часть грехов), то бы к утру из меня ветер пораздувал пыль!’

⁷ О дискурсивном факторе при выборе связки или местоимения (предпочитание местоимения при первом упоминании субъекта; различия в монологической и диалогической речи) на материале закарпатского говора с. Новоселица Межгорской общины Хустского р-на см. [Boudovskaia 2017].

— местоимение находится в сочинительной связи с другим подлежащим:

НП* *Лем мы, учітелі, і виховны працівники високо тримали заставу теоретичної приправи марксизму-ленінізму*. 146 ‘Только мы, учителя, и воспитатели высоко держали знамя теоретической подготовки по марксизму-ленинизму’.

В материале из Нехвалёвой Полянки* в части контекстов, диктующих употребление местоимения, оно не заменяет связку, а вставляется дополнительно (и тем самым образуется трехчленная конструкция с дублированием показателей лица и числа). Таковы все примеры трехчленных конструкций (15 из около 570 примеров перфекта 1–2 лица). При этом 11 из них совершенно однородны — это конструкции с обращением во 2-м лице или с приложением в 1-м, например:

А ты штоже, Юрк, постити-сь ся надумав? 12 ‘А ты что же, Юрко, поститься надумал?’; *Ірінко, ты на кінцю рока была єсь спокійна із преміями?* 160 ‘Иринка, у тебя в конце года было всё в порядке с премиями?’; *А мы, молодшы, вишиты за нёв сьме ся розплакали* 101 ‘А мы, младшие, все (вслед) за ней расплакались’; *І мы, прямы обекты той великой славы, ходили сьме по валалі в першы дні з галстуками на шыях*. 110 ‘И мы, прямые объекты этой великой славы, ходили по селу в первые дни с галстуками на шеях’.

В остальных четырех примерах усматривается логическое выделение подлежащего и его смысловое сопоставление с подлежащим соседней синтагмы:

Досправды, же маш, хлопча, нове думаня, бо мы ішці з таким сьме ся нігда не стрітили. 75 ‘Действительно у тебя, хлопец, новое мышление, потому что мы еще с таким никогда не встречались’; *Як сьме стратили Божый дар бісіды, за вишитых на таблю написав єм я* 110 ‘Поскольку мы утратили Божий дар речи, за всех на доске написал я’; *Теперь, кедь вышли штудентчата до улиць із своєв ніжнов революцієв, а я вздала єм ся кандідатуры до партії, та наша заступ кыня ся в тихости тыж вздала своєй функції*. 164 ‘Теперь, когда студентики вышли на улицы со своей нежной революцией, а я отказалась от кандидатуры в партию, эта наша заступница без лишнего шума тоже отказалась от своей функции’; <Венгры, очевидно, не трясутся от страха> — *Так, як сьме мы звыкли* <в отличие от венгров> 137 ‘Так, как мы привыкли’.

5. Связки и личные местоимения в цепочках клауз с одним подлежащим (при однородных сказуемых и в последовательности фраз с одним и тем же субъектом). В истории русского языка выделяются следующие типы употребления связок и личных местоимений 1–2 лица (на примере двучленной последовательности): а) *видѣль еси и слышалъ еси* (связка в обеих частях); б) *видѣль еси и слышалъ* (связка только в первой части); в) *ты видѣль и слышалъ еси* (в первой части — местоимение, во второй — связка); г) *ты видѣль и слышалъ* (с местоимением в первой части). В древний период употреблялись схемы без местоимения; для конструкций с местоимением длительное время преобладала схема со связкой во второй части, пока не победила схема с начальным местоимением без связок [Зализняк 2008: 251–252]. Таким образом, эволюция этих конструкций соответствует общему направлению утраты связок в истории русского языка.

В карпатоукраинских говорах существует заметное диалектное различие в организации таких конструкций, а именно, в говорах Прикарпатья, в том числе гучульских, преобладают схемы г) и б), т. е. без повторения показателя лица и числа при непервых членах последовательности сказуемых. Таким образом, в Прикарпатье нормой являются однородные сказуемые, объединенные одним подлежащим-местоимением (или, реже, связкой) при первом сказуемом. Примеры:

Глв.* *Я став на хвильку, запер у собі дух. Слухав, ци то я дишу, ци ничіста сила дышет міні за плечіма. А витак, шо мав путері, то рвав напередь діда у хату.* 27 'Я остановился на минутку, затаил дыхание. Слушал, я это дышу или нечистая сила дышит у меня за спиной. А затем что есть силы рванул, опережая деда, в хату'; *А ек уздрів смих, шо зима далі падет, то спудивси опади тай утік у село.* 207 'А я, как увидел, что начинается снег, испугался сильного снегопада и убежал в село'; Тюд. *У бер'їц'ї ми тримали солоніну / звєр'ха накривали кружком.* 1.54 'В кадушке мы держали сало, сверху накрывали кружком'; *їа ўже ц'їхо стала / на інче перевел:а.* 1.809 'я уже замолчала, перевела (разговор) на другое'; *а їа нашоробувала вўха і так тотό слўхала / шо гаи ни дїхала* 2.463 'а я наостряла уши и так это слушала, что аж не дышала'; *Бо їіс поклала / і пїўрик ни дивїласе* 2.450 'Потому что ты положила и полгода не смотрела'; Бол. *Я пїшів лати рубати, як-єм пїшів, ну, за окопом я мєтрів підисєт-сто урубав лати, а заблудів. Вєв лати в рўкі, итїри лати, і пїшів не знаю де. І пїшів, і пїшів, і лати кєнув.* 225 'Я пошел рубить жерди, как я пошел, ну, за окопом я метров пятьдесят-сто нарубил жердей и заблудился. Взял жерди в руки, четыре жерди, и пошел не знаю куда. И пошел, и пошел, и жерди кинул'; *Я собі ведро зачерпнўв, заліз, зачерпнўв.* 190 'Я себе ведро зачерпнул, залез, зачерпнул'.

Однако отмечены и конструкции типа в) и а):

Глв.* *А я ни мїг спати тай чюв смих, шо й дідо ни спит на печі.* 40 'А я не мог спать и слышал, что и дед не спит на печи'; *А сегодне, ек уздрів смих, шо ви оба вже гей занадто почїнаєте виливати в ріці воду з берегів, то ни миг смих довише утерпїти, забороздив смих вам наперек.* 265 'А сегодня, как увидел я, что вы оба уже слишком начинаете выливать в реку воду из берегов, то не мог дольше терпеть, понесся вам наперерез'; Тюд. *це їа вїд'їла по телев'їзор'ї / на своїй о ч'ї смих вїд'їла.* 1.490 'Это я видела по телевизору, своими глазами видела'; *і шо їіс тогдї в'їтнов'їла? / забўла їіс? / 2.111 'и что ты тогда ответила? Забыла?'; Бол. А баба кáже: «Та пїшлá-м, вїднєсла-м ототό, вїмінєла-м за тотό, тай...» 100 'А бабушка говорит: «Да я пошла, отнесла это, выменяла за то, и всё'.*

В закарпатских Нехвалёвой Полянке и Синевире конструкции типа б) и г), т. е. с «одиночными» глаголами (без связки или местоимения) в непервых членах цепочки клауз, используются редко, а нормой являются конструкции типа в) или (реже) а) — со связкой при втором и следующих сказуемых, например:

в) Син. *Нó напрі́клат т́ї йшл́а та верн́ула-с' с'а.* 'Ну, например, ты пошла и вернулась'; *Та в мене вс'ό б́или час́ї, та ї́а див́їла в час́ї та дзвон́їла-м*

п'йат' минут, так'і стихы настойдичі, йак майуд быти. 'И у меня всегда были часы, и я смотрела на часы и звонила пять минут, такие *стихи* настоящие, как должны быть [о колокольном звоне]'; *Напріклад, ты зайшла та може не знала-с', а може забыла-с', шчо треба спан'а дати.* 'Например, ты вошла и может не знала, а может забыла, что нужно *дать спанья* [оберег при посещении новорожденного]'; НП* *Я тоты співанкы чув, як ем був у Колоніці на свадьбі.* 95 'Я эти песни слышал, когда был в Колонице на свадьбе'; *Я Йожка mocno любив і ем му повірив.* 104 'Я Йожко сильно любил и поверил ему'; *Тогды як вы ся, куме, пробаторили з усопших, та сьте повідали, же сьте многих з нашого валау віділи.* 33 'Когда вы, кум, очнулись от смерти, вы рассказали, что видели (на том свете) многих из нашего села';

а) Син. *Ис стайн'і-с' прийшла з молоком, издойіла-с' корову, прийшла-с' из молоком, та не мош с'а клан'ати.* 'Ты пришла из хлева с молоком, подоила корову, пришла с молоком, и нельзя здороваться [оберег молока]'; *Малин'ко вз'ала-с', вёрла-с', вз'ала-с', вёрла-с'...* 'Ты немножко взяла, кинула, взяла, кинула... [об обычае кидать землю в могилу на похоронах]'; *Но, шче май сатаны вам треба? Пак тоту сте найшли ў півночи де сте хот'іли. Де сте хот'іли, там исте йу найшли.* 'Ну, еще сатаны вам нужно? Да ее вы найдете в полночь где хотите. Где хотите, там ее найдете'; НП* *Але хыбу сьме зробили, бо сьме вірили, же буде честна оплата за честны заслуги.* 148 'Но мы совершили ошибку, потому что верили, что будет честная оплата за честные заслуги'; *А бояв есь ся і втікав-сь передо мною.* 44 'А ты боялся и убежал от меня'.

Это означает, что в говорах Синевира и Нехвалёвой Полянки действуют две тенденции в выражении грамматического лица:

- 1) в предикативной синтагме грамматическое значение лица обычно не дублируется (оно выражено либо в связке, либо в местоимении) — как в живом древнерусском языке;
- 2) в отличие от древнерусского языка грамматическое значение лица обычно выражено в каждой синтагме (т. е. при каждом глаголе из серии однородных сказуемых или синтагм с одним и тем же подлежащим).

Тенденция обозначения лица при каждом глаголе проявляется также в еще одной конструкции (не отмеченной в древнерусском) — с повторением личного местоимения. Эта конструкция встретила в говорах Синевира и Болехова:

Син. *Та йа так ишла-йшла, тай прийшла йа — а там стайн'а.* 'И я так шла-шла, и пришла — а там хлев'; *Йе ў тебе одна вйц'а, на чотыри гелёты, ты пйшла, рано тобі издойіли чотыри гелёты вйці дали, и ты своёе ўз'ала, и ты собі даде пйшла.* 'Есть у тебя одна овца, на четыре ведра, ты пошла, утром тебе надоили четыре ведра, овцы дали, и ты взяла свое и пошла себе'; Бол. *А я сі вженів, та я пішов, я там нагорі жив п'ст роки.* 192 'А я женился и ушел (из родного дома), я там наверху жил пять лет'; *Я пішов там, а я взяв п'ст соток авансу.* 193–194 'Я пошел туда (работать) и взял пять сотен аванса'; *Каже: «Я їхав, я бачив, але я намагався ніяк не показати, бо я знав, що за нашою*

реакцією пильнують». 159 ‘Говорит: «Я ехал и видел, но старался никак не показать, потому что знал, что за нашей реакцией следят»; *А ми там флєшкы поставили, тай дві неділі ми сиділи вдома, а полўчка йшла.* 240 ‘А мы там бутылку поставили и две недели сидели дома, а получка шла’; *Ми брали тудя металолѳм, а звїдтам ми брали ужє з капїталькї трактор, ми забирали другий трактор.* 285 ‘Мы брали [отвозили] туда металлолом, а оттуда забирали уже трактор с капитального ремонта, забирали второй трактор’.

Наличие таких примеров в говоре Болехова позволяет предполагать, что раньше в этом говоре была система, аналогичная закарпатской, однако ныне она сильно разрушена в результате общего процесса утраты связок, диктующего замену связок на личные местоимения, с дальнейшим постепенным избавлением от повтора местоимений в каждой клаузе.

Из принципа обязательного выражения лица, действующего в закарпатских Синевире и Нехвалёвой Полянке, есть еще одно следствие: если каждая глагольная форма определена по лицу, то отсутствие при глаголе связки или местоимения (одночленная конструкция) может обозначать 3-е лицо (т. е. нулевую связку). Это хорошо видно в конструкциях со сменой подлежащего:

НП* *Ты, Андрїю, свого молодшого стрыка ани не зазнав, бо умер барз молодый.* 93 ‘Ты, Андрей, своего младшего дядю (по отцу) и не застал, потому что (он) умер очень молодым’; *Нечїстый, пропав бы з нашого обыстя, лем тото робить, же про каждого з нас на жывотній пути силкы рихтує. Цї знаш ты, яку наставив перед твої крокы?* 37 ‘Нечистый, пропал бы с нашего двора, только и делает, что для каждого из нас на жизненном пути готовит ловушки. Знаешь ли ты, какую (он) расставил для твоих шагов?’; Син. *Йа и своїу телїц’у у воўчникѳви купала, колї хромїла.* ‘Я и свою телку купала в вольчем лыке, когда (она) хромала’.

6. «Мена» связок и личных местоимений. Вследствие изофункциональности связок и личных местоимений в истории восточнославянских языков возникает возможность их взаимной мены. В истории русского языка давно отмечались случаи употребления связок вместо личных местоимений [Соболевский 1907: 241; Горшкова, Хабургаев 1981: 312; Зализняк 2008: 240], например: *купиль есми на торгу, а того жъ есми не знаю, оу кого купиль* (Пск. судн. гр., ст. 46), *чтобы мнѳ о томъ на васъ не бълъ челомъ, о чомъ есте ходите не по крестному челованью* (Рев. арх., № 27, 1530 г.) и др. (цит. по [Зализняк 2004: 179]). Во многих закарпатских говорах встречаются спорадические случаи обратной замены, когда личное местоимение превращается в энклитику и занимает место связки в блоке энклитик; это особенно показательно в позиции после знаменательного глагола, поскольку в позиции после глагола энклитика не может отделяться от него полноударными словами (и это правило в карпатоукраинских говорах действует неукоснительно), ср. примеры из закарпатского говора с. Сокирница: *диўл’у йа с’а* 451, 455 ‘смотрю я’, *покло|ниў йа с’а* 448, 452 ‘поздоровался я’, *кажу йа му* 457 ‘говорю я ему’ [Сабадош 2008]; см. подробнее об этом [Толстая 2013].

В материалах гуцульского говора с. Тюдов впервые для говоров карпатской зоны обнаружился ряд примеров «русского» типа — со связкой в роли личного местоимения в конструкциях настоящего времени⁸:

От:о гандріган'і до добра ни доведé / ўже смих віжду. 1.281 ‘Это баловство до добра не доведет, я уже вижу; *Вам нидогóда / а йа виберáла / шóби свідер буў йекнайтепл'іш:иї / А кудáйа ў нéму піду? / ў бўтин / смих / ни хóжу*. 1.451 ‘Вам не нравится, а я выбирала, чтобы свитер был самый теплый. — А куда я в нем пойду? На лесоповал я не хожу’; *ўже смих ни памн'іта́йу / йек ди́шла́ бўла тхáт'і* 1.639 ‘я уже не помню, как дошла до дома’; *великóго ни бў́ло / ус'о ў м'іру / áле ч'у́йусе смих / шо йа гáздá*. 1.879 ‘большого не было, всё в меру, но я чувствую, что я хозяин’; *áлe жит'é такé м'ін'і мі́ле ї л'убе / шо смих ни зна́йу / шо бих даў / абі́ ш'і хот' трóхи пожі́ти* 2.8 ‘но жизнь мне так мила и любя, что не знаю, что бы я дал, чтобы еще хоть немного пожить’; *Ад'і смих кíl'ко ўсéго несú / тíl'ко / їк б'ін:иї на Вели́ден'* 2.427 ‘Вот сколько я всего несу, столько, как бедный на Пасху’.

Помимо этих бесспорных случаев, еще два однотипных примера со связкой вместо местоимения могут быть интерпретированы как контаминация глагольного и именного сказуемого (глагол *ходиш* может быть опущен):

Йа віжду / їка йіс удéн' хóдиш / їк побі́та кúрка 1.368 ‘Я вижу, какая ты целый день ходишь, как побитая курица’; *Пáрунч'і / ч'о йіс та́кій имар'káтиї хóдиш? / де тво́йá мáма?* 1.570 ‘Парень, что ты такой сопливый ходишь? Где твоя мама?’.

Как видно из вышеизложенного, связки перфекта в отдельных карпатоукраинских говорах значительно различаются — и по степени их сохранности, и по составу, и по деталям их употребления. Такое же неединообразие следует предполагать для связок в составе именного сказуемого, условного наклонения и плюсквамперфекта (в частности, именно в плюсквамперфекте, для которого трудно ожидать какую-либо специфику в употреблении связок по сравнению с перфектом, уникальную особенность показывает говор Болехова, см. об этом [Толстая 2023]). Исследование новых диалектных корпусов позволит сделать более надежные выводы о степени распространения отдельных явлений и о соотношении общего и индивидуального в системе каждого говора.

⁸ В материале из Тюдова обнаружился также единичный пример энклитизации личного местоимения 3-го лица: *Їк Івáн се ўжениў / а ўз'еў вин буў дóста фáйну д'і́ч'іну...* 2.1047 ‘Когда Иван женился, а женился он на довольно красивой девушке...’. В этом говоре вспомогательный глагол плюсквамперфекта в позиции после знаменательного глагола может отделяться от него только синтаксическими клитиками — возвратным **se* и показателями условного наклонения *бих*, *би* и т. д. (например: *і́бї́ ни йі́лáк / шо їміў / то ўбі́лабисе бў́ла у тій' скал'і*. 2.459 ‘если бы не Иляк, который (меня) поймал, то я бы убилаась на этой скале’).

Литература и источники

- АУМ 2 — Атлас української мови: в 3 т. Т. 2. Волинь, Наддністрянщина, Закарпаття і суміжні землі / гол. ред. І. Г. Матвіяс. Київ: Наукова думка, 1988. 520 с.
- Бол. — материал говора г. Болехов Калушского р-на Ивано-Франковской обл. Украины. Цитируется по сборнику диалектных текстов [Гнатишак 2021].
- Глв.* — материал говора с. Гóловы Верховинского р-на Ивано-Франковской обл. Украины. Цитируется по книге [Шекерик-Доників 2007].
- Гнатишак Ю. Болехівські бувальщини. Діалектні тексти / відп. ред. Т. Ястремська; НАН України, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича. Львів, 2021. 624 с.
- Голянич М. І. Мовний портрет села Тюдів. Словник у 2 т. Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2018. Т. 1. 1000 с.; 2022. Т. 2. 1262 с.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
- Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. 280 с.
- Кобилянський Б. Гуцульський говір і його відношення до говору Покуття // Український діалектологічний збірник. Кн. 1. Київ: друк. УАН, 1928. С. 1–92.
- НП* — материал говора с. Нехвалёва Полянка (Нехваль-Полянка; Nechválava Polianka) в Восточной Словакии (Прешовский край, район Гуменне). Цитируется по книге [Сухий 2017].
- Сабадош І. В. Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород: Ліра, 2008. 480 с.
- Син. — материал говора с. Синевір Межгорской общины Хустского р-на Закарпатской обл. Украины. Полевые записи экспедиций Института славяноведения 1990-х — 2000-х гг.
- Сухий Ш. Як Руснакы релаксують. Пряшів: Академія русинської культури в СР, 2017. 166 с.
- Толстая М. Н. Карпатоукраинские энклитики в южнославянской перспективе // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура: 2009–2011. Вып. 2 / отв. ред. А. А. Плотникова. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 190–210.
- Толстая М. Н. Энклитизация личных местоимений в украинских закарпатских говорах // Slavica Svetlanica. Язык и картина мира: К юбилею Светланы Михайловны Толстой / ред. А. В. Гура, О. В. Белова, Е. Л. Березович. М.: Индрик, 2013. С. 134–142.
- Толстая М. Н. Диалектные тексты как источник информации о карпатоукраинских клитиках // Діалекти в синхронії та діахронії: Текст як джерело лінгвістичних студій. Тези доповідей міжнародної конференції / відп. ред. П. Ю. Гриценко; Ін-т укр. мови НАН України. Київ: КММ, 2015. С. 398–416.
- Толстая М. Н. Ирреальный эпизод в истории восточнославянских связок // От сорочка к Олекше. Сб. ст. к 60-летию А. А. Гиппиуса / отв. ред. С. М. Михеев. М.: Издательский дом «Дело», 2023. С. 541–552.
- Тюд. — материал говора с. Тюдів Кутской общины Косовского р-на Ивано-Франковской обл. Украины. Цитируется по иллюстративному материалу в словаре

[Голянич 2018, 2022]. В статистических подсчетах, если не оговорено иное, использованы данные только из первого тома (с. 22–968).

Шекерик-Доників П. Дідо Иванчік. Верховина: Гуцульщина, 2007. 496 с.

Boudovskaia E. Past Tense in the Rusyn Dialect of Novoselycja: Auxiliary vs. Subject Pronoun as the First- and Second-Person Subject // Journal of Slavic Linguistics. 2017. Vol. 25, no. 1. P. 3–62.

Marfa N. Tolstaya

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

mtolstaya@yandex.ru

ON THE USE OF PERFECT AUXILIARIES IN CARPATHIAN UKRAINIAN DIALECTS

The article examines the functioning of perfect auxiliaries in five Carpathian Ukrainian dialects, drawing on published dialect texts, field recordings, and literary works written in the authors' native dialects. The Carpathian Ukrainian dialects are the only East Slavic varieties that, to varying degrees, preserve the ancient system of Wackernagel clitics, including 1st–2nd person auxiliaries. The study analyzes the inventory of auxiliaries, the degree of their preservation across dialects, and their relationship with 1st–2nd person personal pronouns. It also considers the use of auxiliaries and pronouns in coordinated predicates and in chains of clauses sharing a single subject: in Transcarpathian dialects, the grammatical meaning of person in such chains is typically expressed on each verb. The paper further presents cases in which auxiliaries function as personal pronouns, a phenomenon previously attested only in Old East Slavic texts. Overall, the data indicate that the surveyed Pre-Carpathian dialects, including Hutsul, are undergoing a significant loss of auxiliaries (as well as other archaic clitics), whereas in Transcarpathian dialects the ancient system remains productive. At the same time, different Carpathian Ukrainian dialects reflect patterns comparable to different stages in the historical development of the Russian language.

Keywords: Carpathian Ukrainian dialects, perfect, auxiliaries, personal pronouns, sentential clitics, Transcarpathian dialect, Hutsul dialect, morphosyntax.

References

Atlas ukraïns'koï movy: v 3 t. T. 2. Volyn', Naddnistrianshchyna, Zakarpattia i sumizhni zemli [Atlas of the Ukrainian language: in 3 vols. Vol. 2. Volhynia, Transnistrian region, Transcarpathia and adjacent lands]. Ed. by I. H. Matviias. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1988. 520 p. (In Ukr.)

Boudovskaia E. Past Tense in the Rusyn Dialect of Novoselycja: Auxiliary vs. Subject Pronoun as the First- and Second-Person Subject. Journal of Slavic Linguistics, 2017, vol. 25, no. 1, pp. 3–62.

Hnatyshak Yu. *Bolekhivs'ki buval'shchyny. Dialektni teksty* [Bolekhiv oral narratives. Dialect texts]. Ed. by T. Yastrems'ka; NAS of Ukraine, I. Krypiakevych Institute of Ukrainian Studies. Lviv, 2021. 624 p. (In Ukr.)

Holianyeh M. I. *Movnyi portret sela Tiudiv. Slovnyk u 2 t.* [Linguistic portrait of the village of Tiudiv. Dictionary in 2 vols.]. Ivano-Frankivsk, Lileia-NV Publ., 2018, vol. 1. 1000 p.; 2022, vol. 2. 1262 p. (In Ukr.)

Kobylians'kyj B. Hucul's'kyj hovir i joho vidnoshennia do hovoru Pokuttia [The Hutsul dialect and its relation to the Pokuttia dialect]. *Ukrajins'kyj diialektolohičnyj zbirnyk*, 1, 1928, pp. 1–92. (In Ukr.)

Sabadosh I. V. *Slovnyk zakarpats'koï hovirky sela Sokyrnytsia Khusts'koho raionu* [Dictionary of the Transcarpathian dialect of the village of Sokyrnytsia, Khust district]. Uzhhorod, Lira Publ., 2008. 480 p. (In Ukr.)

Shekeryk-Donykiv P. *Dido Ivanchik* [Grandfather Ivanchik]. Verkhovyna, Hutsul'shchyna Publ., 2007. 496 p. (In Ukr.)

Sukhyi Sh. *Yak Rusnaky relaksuyut'* [How Rusyns relax]. Pryašiv, Akademiya rusyn'skoi kul'tury v SR Publ., 2017. 166 p. (In Rusyn)

Tolstaya M. N. [Carpathian Ukrainian enclitics in a South Slavic perspective]. *Karpatobalkanskii dialektnyi landshaft: Yazyk i kul'tura: 2009–2011* [Carpatho-Balkan Dialectal Landscape: Language and Culture: 2009–2011], iss. 2. Ed. by A. A. Plotnikova. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2012, pp. 190–210. (In Russ.)

Tolstaya M. N. [Encliticization of personal pronouns in Ukrainian Transcarpathian dialects]. *Slavica Svetlanica. Yazyk i kartina mira: K yubileyu Svetlany Mikhailovny Tolstoi* [Language and the picture of the world: Festschrift for Svetlana Mikhailovna Tolstaya]. Ed. by A. V. Gura, O. V. Belova, E. L. Berezovich. Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 134–142. (In Russ.)

Tolstaya M. N. *Dialekty v synkhronii ta diakhronii: Tekst yak dzherelo linhvistychnykh studii. Tezy dopovidei mizhnarodnoi konferentsii* [Dialects in synchrony and diachrony: Text as a source of linguistic studies. Proceedings of the International conference]. Ed. by P. Yu. Hrytsenko; Institute of Ukrainian Language NAS of Ukraine. Kyiv, KMM Publ., 2015, pp. 398–416. (In Ukr.)

Tolstaya M. N. [An unreal episode in the history of East Slavic auxiliaries]. *Ot sorochka k Oleksha. Sbornik statei k 60-letiyu A. A. Gippiusa* [From Sorochok to Oleksha: Festschrift for A. A. Gippius on his 60th birthday]. Ed. by S. M. Mikheev. Moscow, Izdatel'skii dom “Delo” Publ., 2023, pp. 541–552. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 872 p. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. *Drevnerusskie enklitiki* [Old East Slavic enclitics]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. 280 p. (In Russ.)

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Н. Е. Ананьева

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
ananeva.46@mail.ru*

ПОЛЬСКИЕ И РУССКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ЭПОНИМЫ, НОМИНИРУЮЩИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЖИВОТНОГО МИРА

В статье рассматриваются польские и русские диалектные эпонимы, называющие представителей животного мира. Используется материал польских и русских лексикографических источников и монографий. Эпонимические зоонимы образуются от всех классов онимов: антропонимов (в том числе агнионимов), топонимов, этнонимов, геортонимов. Выделены 3 типа эпонимов по отношению к базовому ониму: непроизводные, производные и словосочетания, в которых эпонимическим компонентом является адъектив. Приводятся также примеры лжеэпонимов (например, русск. *турция* ‘настурция’ и польск. *ślazak* ‘мальва’). Материал эпонимов-зоонимов располагается по классам, которые выделяются в зоологии: 1) млекопитающие (например, русск. *кузьма* ‘волк’ и польск. *jakubek* ‘волк’); 2) птицы (например, русск. *жид* ‘воробей’ и польск. *wojtek* ‘аист’); 3) рыбы (например, русск. *авдотка* ‘рыба голец’ и польск. *baśka* ‘вид рыбы’); 4) земноводные (например, польск. *kasperek* ‘зеленая лягушка’); 5) насекомые (например, русск. *митя* ‘бабочка’ и польск. *góral* ‘ухвертка’). Важная задача исследователя — выявление признака онима, который послужил основой для образования от него эпонима. Наиболее прозрачна мотивация для оттопонимических образований, более сложна она для деантропонимических эпонимов, хотя возникновение ряда деантро-понимов-зоонимов удастся объяснить. Например, польск. *gabrysie* // *gawrysie* ‘голуби’ соотносится с именем архангела Гавриила (польск. *Gabryel*, гипокористика *Gabryś*), который приносит Деве Марии благовест о рождении ею Спасителя от Святого Духа, символом которого является белый голубь. Отмечается полифункциональность одной и той же формы эпонима как в пространстве определенного диалектного языка, так и в пределах одного говора.

Ключевые слова: эпоним; оним; зооним; русские диалекты; польские диалекты

В польских и русских диалектах эпонимы (апеллятивы, мотивированные именами собственными) занимают значительное место. Образуются от разных классов онимов (антропонимов, включая агонимы, различных типов топонимов и этнонимов), они являются компонентами ряда лексико-семантических или тематических групп: названия представителей растительного мира, названия представителей фауны, номинации человека по его признакам и проявлениям, названия предметов повседневного быта (включая номинации сельскохозяйственных орудий и техники) и их частей, названия одежды и обуви, названия еды и напитков, названия строений, номинации болезней, названия игр и танцев, результатов художественной деятельности и др. В данной статье рассматриваются диалектные польские и русские эпонимы, обозначающие представителей фауны. Эпонимические составляющие этой лексико-семантической группы образуются от антропонимов, этнонимов и топонимов. Надо сказать, что во всех лексико-семантических и тематических группах, представленных эпонимами, наибольшее их число образовано от антропонимов. Не случайно именно этот класс деонимов рассматривается в монографии Р. Кухажик, посвященной эпонимам диалектного польского языка [Kucharczyk 2010]. Класс номинаций представителей фауны отличается также внушительным пластом деонимов, мотивированных названиями этносов (этнонимами и реже субэтнонимами). Деэтнонимы, относящиеся к разным лексико-семантическим группам, были рассмотрены на материале не только славянских, но и западноевропейских языков в статье Е. Л. Березович [Березович 2006], а материал польских и русских деэтнонимов и дехоронимов, представленных в 12-ти лексико-семантических и тематических группах, был проанализирован нами в [Ананьева 2025]. Славянским деэтнонимическим номинациям одного из классов представителей фауны — насекомым — посвящена совместная статья Е. Л. Березович и Ю. А. Кривошаповой [Березович, Кривошапова 2006].

Для всех эпонимов по их отношению к производящему ониму выделяются следующие структуры.

1) **Примарные (первичные)** образования, которые возникли путем апеллятивации без каких-либо дополнительных словообразовательных средств. Например, польск. *zofija* ‘иволга’, русск. *жид* ‘воробей’.

2) **Секундарные (вторичные)** образования, возникающие при присоединении к базовой онимической основе словообразовательного средства. Например: польск. *Sygan* > *syganicha* ‘гнилая короста’, русск. агоним *Св. Петр* > геортоним *Петров день* > *петровка* ‘овечья шерсть летней стрижки’. Заметим, что наличие в структуре деонима суффикса отнюдь не всегда является показателем его присоединения при образовании апеллятива. Словообразовательный формант может быть представлен уже в самом ониме: например, *Абрам* > *Абрашка*. И по отношению к онимической базе *Абрашка* эпоним *абрашка* ‘морженок’ является примарным образованием, результатом чистой апеллятивации. Подобная трактовка возможна для многих деантропонимов и деэтнонимов с суффиксами деминутивности.

3) **Гибридные** словосочетания, в состав которых входит деоним, как правило, представленный адъективом, и нарицательное существительное. Например: *Адамова овца* ‘верблюд’. Следует отличать эпонимы от так называемых псевдоэпонимов,

или фальшивых эпонимов, совпадающих с онимами по внешнему виду, но генетически не связанных с ними. Например, русское диалектное название растения *турция* ‘настурция’ не имеет отношения к названию страны (*Турция*), а возникло в результате элиминации начального слога в лексеме настурция. Сложнее обстоит дело с польским диалектизмом *kazimierówka* ‘шерстяной платок’, корневая часть которого является искажением названия материала, из которого сделан платок (*kaszmir* ‘кашемир’). Тем не менее на направление искажения, безусловно, повлияло известное диалектоносителям имя *Kazimierz*. Таким образом, хотя лексема *kazimierówka* не относится к эпонимам, на ее возникновение оним (антропоним *Kazimierz*) оказал определенное воздействие. Возможно, подобного происхождения номинация жука-рогача, или жука-оленья (*Lucanus cervus*) как *Алёна* // *Олёна*. На это обратил наше внимание С. А. Мызников. Однако личное имя, близкое по звучанию апеллятиву олень, несомненно повлияло на форму номинации данного насекомого. С другой стороны, лексемы *алёнка* и *алёнушка* называют в диалектном русском языке и не имеющего таких рогов (атрибут оленя), как рогач, майского жука, или хруща (*Melolontha*). Возможно, что, возникнув как номинация жука-оленья, лексема стала употребляться и для других жуков, у которых не столь явно наличествуют «рога». Во всяком случае лексемы *алёнка* и *алёнушка* мы приводим в списке деонимов. Если бы это были образования непосредственно от зоонима олень, то скорее они бы выглядели как *олешка* / *алешка* и под. К лжеэпонимам относится и польское диалектное название растения *ślazak* ‘мальва’ (литер. *ślaz*), родственное словам *śluz* ‘слизь’ и *ślina* ‘слюна’ и лишь совпадающее по форме с субэтнонимом *Ślązak* ‘силезец’. Никакого отношения к антропониму *Варя* не имеет и русское диалектное *варя* во всех своих значениях: ряд их связан с глаголом *варить* (‘вареная еда’ и др.), а значение ‘лицо’ мотивировано, по предположению В. Даля, польским *twarz* ‘лицо’. Не относится к деонимам и номинация *мирон*, обозначающая в русских диалектах несколько видов рыб: усач, голавль, елец, язь. Исследовательница славянской ихтиологической терминологии В. В. Усачева относит подобные лексемы к немотивированным, приводя из СРНГ варианты *мерён*, *мирён*, *миран* для усаца, но почему-то не указав вариант *мирон*, известный в том числе и литературному языку [Усачева 2003: 31].

Источниками польского материала послужили польские лексикографические труды и некоторые статьи, посвященные диалектологии. Русские примеры эпонимов почерпнуты из Словаря русских народных говоров (СРНГ), а эпонимические названия рыб приводятся также из фундаментального труда по славянской ихтиологической терминологии В. В. Усачевой [Усачева 2003]. Из СРНГ мы приводим указания на территориальное распространение и опускаем, как правило, авторские источники и даты. Эпонимические компоненты лексико-семантической группы «Представители фауны» распределены по классам, которые выделяются в зоологии: млекопитающие, рыбы, земноводные, насекомые, птицы и т.д. В центре нашего внимания находятся эпонимы польского диалектного языка. Русские диалектные эпонимы приводятся как фоновые. Единственный класс эпонимов, где оказалось больше русских лексем, это названия рыб. Список как польских, так и тем более русских эпонимов не носит исчерпывающий характер.

Эпонимические номинации представителей животного мира:

- Млекопитающие: *jacek* // *jaś*, *kaźmierz*, *filip* ‘заяц’ (*Zająca nazywają tutaj „Jackiem”*) [Karłowicz 2, 1901: 215], *Zająca zowią żartobliwie „Jasiem”*. *Zobaczywszy zająca, wołają: „Uciekaj, Jasiu!”* [Karłowicz 2, 1901: 237], *kaźmierz* ‘заяц’ Sand. [Karłowicz 2, 1901: 328]; *jakubek* ‘волк’ (*Wilka lud niekiedy zowie „Jakubkiem”* Lub. [Karłowicz 2, 1901: 227]); *kasia* ‘лиса’ (*Liszkę w bajce chłop nazywa „Kasią”* Cisz. [Karłowicz 2, 1901: 319]); *абрамка* // *абрашка* ‘моржон-нок’ (*абрамка* 1. Не достигший годовалового возраста моржон Арх., Даль, Мезен.; *абрашка* 1. То же, что *Абрамка* Арх., Даль, Мезен. [СРНГ 1. 1965: 191]); *адамина* ‘большая прожорливая лошадь’ (*Такая адамина — два пуда сена в сутки съест*. Покр. Влад. [СРНГ 1, 1965: 205]); *Адамова овца* ‘верблюд’ **Астрах.** [СРНГ 1, 1965: 206]; *кузьма* ‘волк’ (*Кузьма всю ночь кузьмит*. Юго-вост. Кубан. [СРНГ 16, 1980: 28]); *петровка* ‘белка красноватого цвета’ **Волог.** [СРНГ 28, 1991: 331]; *тунгуска* ‘порода собаки’ (*они на оленях ездют, и тунгуски за леньми бегут; Собаки всяки: лайки, тунгуски*. [СРНГ 45, 2012: 247]). Отмечены эпонимы и для названий частей тела животных: для семейства кошачьих (и не только для него) *антипки* ‘когти’ (*А ваша кошка здорово антипки запускает* Кашин. **Твер.** [СРНГ 1, 1965: 260]); *васюк* ‘желудок свиньи’ (*Варят и начинивают кашей «васюка»*. Мещов. **Калуж.** [СРНГ 4, 1969: 67]). Особую группу составляют части тела животного, используемые человеком в промысловых целях в определенное время года: *петровка* 5. ‘беличья шкурка, добываемая летом, около Петрова дня’ **Сиб., Иркут.**; 6. ‘овечья шерсть летней стрижки’ **Яросл.** [СРНГ 26, 1991: 330].

К противоположному эпонимизации (т. е. апеллированию) явлению можно отнести характерное для сказок (в частности, русских) наделение некоторых животных (медведя, лисы, волка, кота) именами собственными: *Михайло Иванович*, *Михайло Потапыч*, *Топтыгин* (медведь), *Настасья Петровна* (медведица), *Мишутка* (медвежонок), *Лиса* (*Лизавета*, *Лисавета*) *Патрикеевна*, *Лисафья* (лиса), *Левон Иванович* (волк) и др. При этом выбирается имя, близкое по форме к наименованию животного (*медведь* и *Михаил*, *Мишутка*, *лиса* и *Лисавета*, *Лизавета*) или сама номинация (а также ее модификация) онимизируются (*Лиса Патрикеевна*, *Лисафья*, *Котофей Иванович*). Ряд поэтических наименований с личным именем в славянском фольклоре приводит А. Гура: белор. *вовчица Калина*, укр. *Егор* и белор.-пол. *Петро*, называющие волка, русск. *змея Ирина* и *змея Катерина*, *Дрон Дроныч* и *Иван Иваныч*, называющие ужа, укр. *бідный Савка* для зайца [Гура 1997: 34–35]. Подчас сложно определить, имеем ли мы дело исключительно с «поэтическим наименованием» или уже с эпонимом. Это касается, в частности, материалов из «Словаря польских говоров» Я. Карловича, который сам не работал «в поле», а использовал материалы респондентов, присылаемые ему в этнографический журнал «Wisła». Например, приведенная нами номинация лисы *kasia* сопровождается у Карловича комментарием о том, что народ так называет лису в сказке (*w bajce*). Но употребляется ли это название лисы исключительно в фольклоре или встречается

и в повседневной крестьянской речи, остается неясным. Формальным показателем апеллиативации могла бы быть начальная строчная буква эпонима в отличие от имени собственного. Но этот критерий трудно применим при обычном начале словарной статьи с заглавной буквы.

- Птицы: *afrykanka* // *aprykanka* ‘цесарка’ (*Afrykanki takie siemieniatki, takie corne z biołem*. Świątniki sand., Мр. [MSGP: 15]); *gawrysie* // *gabrysie* ‘голуби’ (*Rozleciały się te siwe gawrysie* // *gabrysie* [Karłowicz 2, 1901: 39]); *jozik* ‘вид ястреба’ (*Jozik = jastrząb mniejszy*. Petr. [Karłowicz 2, 1901: 270]); *jurek* (охотн.) ‘черный стриж’ [Karłowicz 2, 1901: 203] (впрочем, и функционирующая в литературном польском языке лексема *jerzyk* ‘стриж’ соотносится с антропонимом *Jerzy*); *jurzyczek* ‘береговая ласточка’ [Karłowicz 2, 1901: 203]; *kasia* ‘сорока’ (*Kasia = tak czasem nazywają srokę* [Karłowicz 2, 1901: 319]); *kaszubka* ‘разновидность бесхвостых кур’ [Karłowicz 2, 1901: 321]; *wojtek* ‘аист’ (*Na bociana mówili wojtek* Obręb sierp., Мр., Maz. [MSGP: 322]); *zofija* // *żofija* ‘иволга’ (*Zofija to ma żółte pióra ji ładnie śpiewa* Obręb sierp., Мр., Maz., Wp., Pom. pd. [MSGP: 358, 365], то же *zofija* ‘птица wilga’ — *Sł. gw. kosciew.* и *zofija* // *sofija* — *Sł. gw. borow.*; *авдотка* 1. ‘болотный кулик птица *Limosa melanura*’, **Сиб.**, ... **Оренб.** ...; ‘птица *Oedienemus crepitans* Lemm., сем. ржанковых’ **Южн.**, **Астрах.**, то же значение в *авдошка*, *авдотька*, *авдюшка*, кроме того *авдошка* ‘бекасовидный веретенник’ **Урал.** [СРНГ 1, 1965: 197]; *варнава* ‘птица сем. утиных; красная утка’ **Зап.-Сиб.**, *варнавка* ‘то же, что варнава’ **Сиб.**, **Даль.** **Енис.** (*На озерах, немного ниже нашего лагеря, держались красные утки — варнавки, как их называют местные охотники*. Туров, К истокам Чулышмана) [СРНГ 4, 1969: 55]; *жид* ‘воробей’ **Новг.**, **Тамб.**, **Курск.** (*Жиды опять хлеб клюют*. Алекс. **Куйбыш.** [СРНГ 9, 1972: 168], *жидик* ‘то же’ (*Жидики вместо скворцов скворешню заняли*. *На посе- вы стая жидиков полетела*. Серов **Свердл.**) [СРНГ 9, 1972: 169], *жиденек* // *жиденышек* ‘воробышек’ (*Я жиденка поймал*. Алекс. **Куйбыш.**). [СРНГ 9, 1972: 169]; *кузя* ‘синичка’ **Перм.**, **Урал.**, 1930 [СРНГ 16, 1980: 29].
- Рыбы: *авдотка* 2. ‘рыба голец, *Nemachilus barbatulus*’ **Южн.**, ‘рыба голец, оголец, *Cobitis barbatula*’. Кругленькая и маленькая рыба, живущая под камнями Трубч., Брян. [СРНГ 1, 1965: 197]; *авдошка* 2. ‘лежень, голец’ [СРНГ 1, 1965: 197]; *агашка* ‘подкаменщик’, *агашка* ‘маленький сом’ [Усачева 2003: 152]; *англичанин* ‘рыба *Loarces viviparus*, бельдюга, голыш’ Нарва **Пск.** [СРНГ 1, 1965: 257]; *анютка* ‘небольшая рыбка, побольше вершка’, не употребляемая в пищу, «потому что мала и горька» [СРНГ 1, 1965: 263–264]; *бориски* pl.t. ‘молодь озёрной форели’ [Усачева 2003: 152]; *варвареньская сельдь* ‘сельдь, вылавливаемая в Сорокской губе после 6–19 декабря’ **Беломор.** [СРНГ 4, 1969: 45]; *василь* ‘мелкий окунь’ Олон. [СРНГ 4, 1969: 66]; *васюха* 1. ‘форель, обитающая в ручьях, ручейная форель’. Арх, **Арх.**, 1929. 2 ‘мелкая рыбка’ Пинеж. **Арх.** [СРНГ 4, 1969: 67]; *катьяка*: *катьяка-рыба* ‘рыба *Cottus gobio* L. Подкаменщик’ Костром. [СРНГ 13, 1977: 137]; *кирюша* ‘севанская форель’ [Усачева 2003: 152]; *самсоначик* ‘мелкий сом’ [Там же]; *степаны* pl.t.

‘уклейка’ [Там же]; *харитон* ‘восточно-сибирский хариус’ [Там же]; *baška* ‘вид рыбы’, *duń(n)ka* ‘плотва’, *paraszka* ‘плотва’, ‘горчак’ [Там же] (В. В. Усачева отмечает, что все 3 ихтионима зафиксированы на территории Галиции, «поэтому нельзя исключить влияние украинских говоров данного региона» [Там же], хотя вряд ли лексема *baška* относится к украинизмам).

- Земноводные: *kasperek* ‘зеленая лягушка’ Wp [MSGP: 96]. Возможно, дальнейшие исследования позволят увеличить число репрезентантов данной группы.
- Насекомые: *francuz, grek, persak, rus, szwaba* ‘таракан’ (*Zamkli gospode, to sie zagnieżdzieli **francuz-i***. Cieciora st-gdań. Maz., Wp., Pom. pd., Kasz. [MSGP: 68], **Francuz** = *owad domowy, zwany także **persakiem*** [Karłowicz 2, 1901: 28], *Przezywają prusaka ‘**grek**’ i nogą go potrącając*. Pozn. [Karłowicz 2, 1901: 123]); *góral* ‘уховертка’ (*Ano, tak, tak, te **górale**... To takie robaki, mniejsze od karaluchów som., spod pieca... to takie mniej czarne jest troche... I mniejsze takie... Chyba tak wołały **górale** albo scypowy*. Dęba, ср. употребление названия этого насекомого в частушке: *Wyleciała spod kómina ziaba, /zrobiła sie z panny młody baba. / Wylecioł spod kómina **górol**, /będzie kupiec z pannom młodom hulol* [Cygan 2018: 121]); *janiczek* ‘светлячок’ (***Janiczki** lecóm w moju abo w czyrwniu, jak się zećmi*. Rogów rąb., Śl.pd. [MSGP: 89]); *katrynka* ‘божья коровка’ (*Gdy biedronka naufneli wykło się mówić: **katrynka**, kóro godzinka? — Pjyrso, drugo, trzecio*. Domasławek wag.; Wp. [MSGP: 96]; этот момент хронологического измерения, объединяющий божью коровку с кукушкой, которую вопрошают о продолжительности жизни, отражается и на номинативном уровне: в частности, в юго-восточных периферийных польских говорах божью коровку именуют совпадающим с названием птицы словом *zezulka*); *marianna* // *marianka* // *marinka* ‘то же’ Śl. gw. borow., *pietrynka* ‘то же’ Wp. [MSGP: 190] (ср. также белорусизм *pietruk* ‘божья коровка’ в польских говорах на территории Литвы, относящихся к северо-восточной разновидности периферийных польских говоров); варшавск. *żydek*, малопольск. *świnty Jan* ‘стрекоза’ [Гура 1997: 524]; *алёнка* ‘маленький (июньский) жук; майский жук’ Бедрицы Мещов. **Калуж.** (*Я поймал **алёнку**, много **алёнок*** Мещов. **Калуж.**, Покров Медын. **Калуж.**, Росл. Смол.) // *олёнка* ‘то же’, *алёнушка* ‘майский жук’ Теревень Жиздр. **Калуж.** [СРНГ 1, 1965: 234]; *катеринка* ‘жук сем. пластинчатоусых — вредитель леса; майский жук; хрущ’ Мосал. **Калуж.** [СРНГ 13, 1977: 127]; *митя* ‘бабочка’ Свердл. [СРНГ 18, 1982: 178]; *турки* 3. ‘мелкая бабочка, моль’ Сиб. [СРНГ 45, 2012: 271].

Как мы видим, деонимические номинации представителей фауны образуются от этнонимов и антропонимов (включая агионимы). Мотивация антропонимами является наиболее репрезентативной для всех лексико-семантических классов эпонимов. Не случайно первая фундаментальная работа по польской диалектной эпонимике посвящена именно деантропонимическим эпонимам [Kucharzyk 2010]. Объяснить использование в качестве эпонима того или иного онима в ряде случаев довольно

сложно. Почему аист называется польскими диалектоносителями *wojtek*, а не, например, *jacek* или *jakubek*? Или почему заяц получил имя *jacek*, а волк *jakubek* или в русских диалектах *кузьма*? На то, что аиста в принципе возможно называть личным именем, указывает наблюдение А. Л. Топоркова, приведенное А. В. Гурой в его монографии «Символика животных в славянской народной традиции»: «В Житомирской обл. дети считают, что каждый аист носит какое-то человеческое имя, и если при виде аистов называть имена Вася, Ваня, Коля, Петя, то, услышав свое имя, аист поднимет голову» [Гура 1997: 35]. Однако на вопрос, почему именно этот антропоним стал употребляться в качестве апеллятива, ответа у нас пока нет. Объяснение находит номинация голубей *gabrysie* // *gawrysie*, мотивированная именем *Gabrys* // *Gawrys*, гипокористикой от *Gabriel* «Гавриил». Как известно, архангел Гавриил приносит благую весть Марии, которая должна родить от Святого Духа, который обычно изображается в виде голубя. Ср.: «Голубь, особенно белый, отождествляется со Св. Духом» [Гура 1997: 613]. Прозрачно также происхождение номинации светлячка *janiczek*, связанное с днем Св. Иоанна (польск. Jan), о чем свидетельствует и вышеприведенный для этой лексемы контекст, указывающий на то, что светлячки появляются в мае или июне. Польск. литер. *robak świętojański* еще в большей степени раскрывает мотивацию названия данного насекомого. Тот же агионим лежит в основе русск. диал. *ивановский* // *иванский червячок* [Гура 1997: 502].

Объяснимыми являются также номинации такого неприятного насекомого, как таракан: это имена иных этносов: *francuz*, *szwaba*, *persak*, *rus*, *grek*. На реализацию здесь оппозиции «свой — чужой» при наделении отрицательным признаком «чужого» неоднократно указывалось в литературе [Березович 2006, Березович, Кривошапова 2006, Ананьева 2025]. Субэтноним *góral*, также называющий не самое приятное насекомое (уховертка), наносящее вред сельскохозяйственным культурам, употребляется не самими гуралями, а носителями северномалопольского региона (Опочно), т. е. представителями отличающейся от жителей Татр диалектной подгруппы.

По словам А. В. Гуры, божья коровка — это «одно из наиболее мифологизированных насекомых» [Гура 1997: 492]. Об этом сакральном насекомом существует большая литература (например, [Топоров 1981, Гура 1997: 492–500]), благодаря которой можно объяснить происхождение некоторых деантропонимических номинаций божьей коровки. Базами таких названий являются агионимы (имена святых), ассоциирующиеся с данным сакральным насекомым. Таким образом объясняются эпонимы *katryнка* (от Св. Екатерины), *marianна* // *marianка* // *marinka* (соотносящиеся с евангельской Девой Марией), *pietryнка*, *pietrunela*, *pietruk* (от Св. Петра).

Если голубь и божья коровка в народном представлении относятся к чистым, божественным, святым существам, то воробей (наряду с тараканом) — к нечистым, дьявольским созданиям [Гура 1997: 20]. Это объясняет употребление русск. диал. *жид*, *жидик*, *жидёнок*, имеющего как название этноса стереотипную отрицательную коннотацию, в качестве номинации этой вредной (клюющей посевы) птицы (подробнее см. [Ананьева 2025]). Причину употребления лексемы *żydek* в значении ‘стрекоза’ в варшавском говоре можно только предположительно связать с подвижностью этого насекомого (ср. русск. стрекоза с переносным значением ‘непоседа,

егоза’), что соответствует стереотипу о ловкости, юркости представителей данного этноса. Возможно, что особенности поведения представителя фауны, проявляющиеся в дни, связанные с определенными святыми, способствуют использованию данного агнионима в качестве эпонима. Предполагаем, что таково происхождение названия иволги (*zofija*), которая начинает петь в мае, а на 15 мая приходится день Św. Zofii (помимо 30 сентября). Возможно, что название промыслового представителя животного мира связано с днем начала охоты на него. Не исключено, что таково происхождение многочисленных номинаций птиц *авдотка*, *авдошка*, *авдотька*, *авдюшка*, на которых охотились с начала мая, а на 4 мая по юлианскому календарю или 17 мая по григорианскому приходится день Авдотьи Малиновки (народное название Св. Евдокии). Непосредственно в толковании эпонима *варвареньская сельдь* присутствует соотнесение с агнионимом Св. Варвара (эту сельдь ловят после 6–19 декабря, а день памяти Святой великомученицы Варвары приходится на 17 (4) декабря). Подобные образования от имен святых и дней их памяти, которые совпадают со временем нереста, выделяет в славянских названиях рыб В. В. Усачева, различая среди них однолексемные номинации и словосочетания. Например: русск. *юрювик* ‘лещ, нерестящийся около дня св. Юрия (Георгия)’, *никольник* ‘лещ, нерестящийся около дня св. Николая’ 9 мая ст. ст. [Усачева 2003: 96], *егорьевский бяляк* ‘севрюга, идущая на нерест из Каспия в р. Урал’, *егорьевский лещ* ‘лещ периода нереста’, *егорьевская сула* ‘судак, мечущий икру’, *юрьевский карп* ‘карп периода нереста’ (день св. Георгия 23 апреля ст. ст., народное название Егорьев / Юрьев день), *ивановская густера* ‘густера периода нереста, более крупная и темная’ (день св. Иоанна, Ивана Купалы 24 июня ст. ст.), *никольский бяляк* ‘севрюга, идущая на нерест из Каспия в р. Урал’, *никольский карп* ‘карп периода нереста’, *никольский лещ* ‘лещ периода нереста’ (день св. Николая 9 мая ст. ст.), *лох петровский* ‘самый светлый лосось, нерестится во время созревания земляники’ (Белое море) (день св. Петра 29 июня ст. ст.), *семеновский сиг* ‘сиг периода нереста’ (день св. Симеона Столпника 1 сентября ст. ст.), *семинская палья* ‘палья, идущая на нереста на луды 10–15 сентября’ [Усачева 2003: 126]. Ихтионим может быть образован от геортонима, не связанного с именем святого, а являющегося названием церковного праздника, на день которого приходится время нереста рыбы. Например: *лох воздвиженский* ‘лосось периода нереста, уже имеющий [в тексте опечатка: имеющего — Н. А.] крестообразный выросток на нижней челюсти’ (р. Нарва) (Воздвижение 14 сентября ст. ст.), *вознесенский лещ* ‘лещ периода нереста’ (Вознесение 14–20 мая ст. ст.) и др. [Усачева 2003: 126–127]. Ихтионимы, образованные от названий церковных праздников, также относятся к эпонимам, поскольку геортонимы — это класс имен собственных. Подобные польские составные номинации в материалах В. В. Усачевой отсутствуют.

Во всех лексико-семантических группах эпонимов, в том числе и в наименованиях представителей фауны, относительно прозрачна мотивация эпонима от топонима. Так, для названий рыб, как указывает В. В. Усачева, это номинации рек и озер, где водится данная рыба (гидроним), местность её распространения или страна её происхождения. Как и в случаях с мотивацией агнионимом и геортонимом, здесь представлены однолексемные и составные ихтионимы. Примеры однолексемных:

русс. *валаамка* ‘сиг-валаамка, который водится близ острова Валаам’, *двинянка* ‘стерлядь’, *дынзирка* ‘озерный голянь’, *зайсанка* ‘тупоногая стерлядь’ (оз. Зайсан), *манерка* ‘тугун’ (р. Мана), *плещеевка* ‘щиповка’ (Плещеево оз.), *сандалка* ‘ряпушка из оз. Сандак’, *сахалинка* ‘азиатская корюшка’, *сосвинка* ‘тугун’ (р. Сосьва); польск. *śniardwa* и *śmiardwa* ‘корюшка’ (оз. Снярдвы), *wiślanka* ‘быстрянка’ [Усачева 2003: 70]. Примеры словосочетаний с эпонимическим компонентом: *байкальская щука* ‘таймень’, *валаамский сиг* ‘валаамка’, *волжинская тарань* ‘плотва’, ‘вобла с Волги’, *волжский лец* ‘синец’, *волховский сиг* ‘сиг’, *донской ерш* ‘донской ёрш’, *кизлярская селедка* ‘шема’, *ковжский судак* ‘берш’, *лодожский сиг* ‘сиг’, *невский сиг* ‘проходной сиг’, *обская ряпушка*, *обская сельдь* ‘сибирская ряпушка’, *сибирский лосось* ‘таймень’, *сосвинская сельдь* ‘тугун’, ‘сунской сиг’, *онежский сиг*, *сылвенская нельма* ‘жерех’, *шальский сиг* ‘сиг’ (р. Шала, впадает в Онежское оз.), *шуйский сиг* ‘сиг’ (р. Шуя); польск. *brzana dunajcowa* ‘балканский усач’, *jesiotr rosyjski* ‘русский осетр’, *kleń wileński* ‘язь’ (Wilno), *łosoś reński* ‘лосось’ (р. Рейн), ~ *wiślany* то же (р. Висла), кашуб. *visłowi naglulc* ‘лосось из р. Висла’ [Усачева 2003: 119]. Поскольку В. В. Усачева, как правило, приводит примеры ихтионимов, образованных от агнионимов, геортонимов, топонимов, а также этнонимов (ср. русск. *молдаванка* ‘лец’, *черкесик* ‘мелкий лец’, польск. *polak* ‘голец’ [Усачева 2003: 147]), не дифференцируя литературное — диалектное (маркеры рус. и польск.), мы не включили эти эпонимы в перечень диалектных (хотя наверняка таковые там присутствуют). Исключение составили ихтионимы, мотивированные антропонимами типа *авдотка*, *baśka*, которые исследовательница сама называет «народными образованиями».

Ближние или тождественные по форме деонимы в разных славянских языках могут называть разные реалии. Например, белор. *маскаль* и укр. *москалин* обозначают насекомых (в белорусском стрекозу, а в украинском божью коровку), а польск. *moskal* // *moskol* в говоре гуралей обозначает мучное изделие — овсяную лепешку. Семантическая полифункциональность одной и той же языковой формы (в том числе эпонима) — явление широко представленное и в монолитвальном пространстве. В случае эпонимов-зоонимов возможно обозначение одной и той же формой разных представителей фауны (ср. польск. *kasia* ‘сорока’ и ‘лиса’, русск. *авдотка*, *авдошка* и под. ‘рыба голец’ и ‘болотный кулик’), возможно функционирование омонимичных эпониму-зоониму форм, называющих различные предметы и явления окружающего мира (ср. польск. *żydek* ‘стрекоза’ и ‘небольшой нож’, ‘небольшая лампа’, ‘кусочек необработанного поля’ и др., польск. *baśka* рыба, ‘деревянная колода с рукояткой для утрамбовывания глины’, ‘шишка’ и мн. др.). Разные значения одной и той же эпонимической формы могут быть представлены как в разных частях определенного диалектного языка, так и наблюдаться в одном и том же диалекте.

Представленный в статье материал, не являясь исчерпывающим, тем не менее демонстрирует наличие в польских и русских диалектах разнообразных зоонимов, мотивированных именами собственными (антропонимами, включая агнионимы, топонимами, геортонимами, этнонимами и субэтнонимами). Степень прозрачности характера связи эпонимов с базовыми онимами на синхронном уровне различна. Задача исследователя — «расшифровать» эту связь, выявить мотивационный признак, который лег в основу деонимической номинации.

Литература и источники

Ананьева Н. Е. Польские и русские диалектные эпонимы, мотивированные этнонимами и хоронимами // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 25. М., 2025. С. 305–315.

Березович Е. Л. О явлении лексической ксеномотивации // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 6–20.

Березович Е. Л., Кривошапова Ю. А. Этнонимическая модель в славянских названиях насекомых // *Studia Etymologica Brunensia*. 3. Praha: „Lidové noviny”, 2006. S. 17–35.

Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52. Л., СПб., 1965–2021.

Топоров В. Н. Еще раз о балтийских и славянских названиях божьей коровки (*Coccinella septempunctata*) в перспективе основного мифа // Балто-славянские исследования 1980. М., 1981. С. 274–300.

Усачева В. В. Славянская ихтиологическая терминология. Принципы и способы номинации. Обратный словарь. М., 2003.

Cygan 2018 — *Cygan S.* Słownik gwary opoczyńskiej. Opoczno, 2018.

Karłowicz J. Słownik gwar polskich. T. 1–6. Kraków, 1900–1911.

Kucharzyk 2010 — *Kucharzyk R.* Słownictwo odantroponimiczne w gwarach polskich. Kraków, 2010.

MSGP — Mały słownik gwar polskich. Kraków, 2010.

Sl. gw. borow. — Słownik gwary borowiackiej. [Электронный ресурс]. URL: <https://borytucholskie.net/slovník/>. Дата последнего обращения 08.12.2024.

Sl. gw. kociew. — Słownik gwary kociewskiej. [Электронный ресурс]. URL: <https://kociewie24.eu/o-kociewiu/slovník-gwary-kociewskiej/>. Дата последнего обращения 8.12.2024.

Natalia E. Ananyeva

Lomonosov Moscow State University

(Russia, Moscow)

ananeva.46@mail.ru

POLISH AND RUSSIAN DIALECTAL EPONYMS NOMINATING REPRESENTATIVES OF THE ANIMAL WORD

The article analyzes Polish and Russian dialectal eponyms that name representatives of the animal world. Material from Polish and Russian lexicographic sources and monographs is used. Eponymic zoonyms are formed from all classes of onyms: anthroponyms (including hagianyms), toponyms, ethnonyms, georonyms. Three types of eponyms are distinguished in relation to the basic onym: non-derivative, derivative and phrases in which the eponymous component is an adjective. Examples of false eponyms are also

given (for example, Russian *тырция* ‘nasturtium’ or Polish *ślazak* ‘malva’). The material of eponyms-zoonyms is arranged according to classes that are distinguished in zoology: 1) mammals (for example, Polish *jakubek* and Russian *кузьма* ‘wolf’; 2) birds (for example, Russian *жуд* ‘sparrow’ and Polish *wojtek* ‘stork’; 3) fishes (for example, Russian *авдотка* ‘chair fish’ and Polish *baśka* ‘a type of fish’); 4) amphibians (for example, Polish *kasperek* ‘green frog’); 5) insects (for example, Russian *муня* ‘butterfly’ and Polish *goral* ‘earwig’). The task of the researcher is to identify the feature of the onym that served as the basis for the formation of the eponym from it. The motivation is most transparent in detoponymic formations, it is most difficult to establish the origin of deanthroponymic eponyms. The article examines a number of eponyms for which it is possible to identify a characteristic feature associated with the basic onym which served as the basis for the formation of the onym. For example, the Polish *gabrysie* // *gawrysie* ‘pigeons’ is related to the name of the Archangel Gabriel (hypocoristic *Gabryś*), who informed the Virgin Mary that she will give birth to the Savior from the Holy Spirit whose symbole is a white pigeon. The polyfunctionality of the same form of eponym is noted both in the space of the whole dialectal language and within the same dialect.

Keywords: eponym; onym; zoonym; Russian dialects; Polish dialects

References

- Anan'eva N. E. [Polish and Russian dialectal eponyms motivated by ethnonyms and choronyms]. *Issledovaniya po slavyanskoi dialektologii*. [Studies on Slavic dialectology], no. 25. Moscow, 2025. (In Russ.) [in print].
- Berezovich E. L. [On the phenomenon of lexical xenomotivation]. *Voprosy yazykoznaniya*, no. 6, 2006, pp. 6–20. (In Russ.)
- Berezovich E. L., Krivoshchapova Yu. A. [On the phenomenon of the Ethnonymic Model in Slavic Names of Insects]. *Studia Etymologica Brunensia*, no. 3. Praha: “Lidové noviny”, 2006, pp. 17–35. (In Russ.)
- Gura A. V. *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii* [Animal Symbolism in the Slavic Folk Tradition]. Moscow, 1997.
- Toporov V. N. [Once again, on the Baltic and Slavic names of the ladybug (*Coccinella septempunctata*) in the perspective of the main myth]. *Balto-slavyanskie issledovaniya 1980* [Balto-Slavic Studies 1980]. Moscow, 1981, pp. 274–300. (In Russ.)
- Usacheva V. V. *Slavyanskaya ikhtiologicheskaya terminologiya. Printsipy i sposoby nominatsii. Obratnyi slovar'* [Slavic ichthyological terminology. Principles and methods of nomination. Reverse dictionary]. Moscow, 2003.
- Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Dialects]. Is. 1–52. Leningrad — Sankt-Petersburg, 1965–2021.

Н. В. Большакова

Псковский государственный университет

(Россия, Псков)

bolshakova55@yandex.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ В ПСКОВСКО-БЕЛОРУССКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

Статья посвящена результатам лексикографического описания русско-белорусских лексико-семантических соответствий на материале говоров псковско-белорусского пограничья. Источником исследования служит новый сопоставительный диалектный словарь, созданный научным коллективом под руководством и по проекту автора статьи. Под категорией соответствия понимается такой тип отношений, который предполагает способность двух или большего количества сторон, обладающих сходными признаками, обнаружить единство. Действительно, словарь дает возможность сделать обобщения, основанные на выявленных фактах соответствий лексико-семантического характера (общим количеством более 700) между южно-псковскими говорами и северными белорусскими говорами, образующими континуальное языковое пространство. Исследование показало, что особенностью данного идиома является значительное число слов-этнографизмов, отражающих комплекс ключевых показателей единства любой этнической группы, а именно: наименований традиционных построек и их частей, предметов одежды и обуви, пищи, предметов хозяйственной утвари, видов хозяйственной деятельности, женских ремесел и мужских промыслов. Картина мира жителей пограничья дополняется соответствиями в области предметов и явлений окружающей природы. Сложность внутреннего мира человека проявляется в сфере общих экстраутилитарных понятий и явлений, включающих наименования социальных отношений, эмоциональных оценок. Таким образом, по своему содержанию лексико-семантические соответствия, составляющие корпус сопоставительного словаря, отражают жизненно важные понятия, относящиеся как к материальной, так и к духовной культуре жителей пограничья.

Сопоставительный словарь, основанный на лексикографических данных русских и белорусских говоров, по типу является словарем-конструктом, концентрирующим в выявленных соответствиях актуальную для территории пограничья культурно-языковую информацию.

Исследование также показало, что результаты применяемой при выявлении соответствий методики могут быть полезны для практической лексикографии при

верификации данных с целью уточнения семантической интерпретации фактов, особенно в случаях единичных фиксаций слов.

Ключевые слова: лексико-семантические соответствия, псковско-белорусское пограничье, сопоставительный диалектный словарь.

Введение: базовые понятия и методика исследования псковско-белорусского пограничья. В течение более чем 10 лет в научно-образовательной лаборатории «Социогуманитарная регионалика» Псковского государственного университета системно изучается язык и культура южнопсковской историко-культурной зоны, составляющей этноконтактную территорию псковско-белорусского пограничья. Одним из итогов исследования является лексикографическое описание уникальной во многих отношениях территории. В настоящее время, когда словарь завершен, можно сделать некоторые обобщения теоретического характера и провести содержательный анализ материала подготовленного и изданного лексикографического труда [ПиР 2026].

В ряде публикаций по теме, выполненных на разных стадиях реализации проекта (см. обобщение вопроса и библиографию в [Большакова 2017; ПиР 2026: 559–589]), отмечено, что псковско-белорусский идиом анализируется посредством методов сопоставительной лексикографии, где в данном случае основным объектом исследования выступает лексико-семантический материал южнопсковских пограничных говоров, которому обнаруживаются соответствия в диалектной системе белорусских северных говоров.

Категория соответствия интерпретируется в науке как такой тип отношений, который предполагает способность двух или большего количества сторон, обладающих сходными признаками, обнаружить единство. Такое понимание соответствия опирается как на логико-философское учение [Мещеряков 1975], так и на результаты лингвистического анализа лексической микросистемы соответствия [Захарова 1997; Тимошенко 2023]. Все сказанное обусловило привлечение категории соответствия к работе по выявлению специфики языкового идиома псковско-белорусской этноконтактной зоны. Термин *соответствие*, таким образом, используется как обозначение опредмеченного действия, называемого глаголом *соответствовать* (ср.: *соответствие* ‘соотношение между чем-л., выражающее согласованность, равенство в каком-л. отношении’; *соответствовать* ‘быть, находиться в соответствии с чем-л., отвечать чему-л.’ [МАС IV: 197]).

Приведем пример. В «Псковском областном словаре с историческими данными» зафиксировано слово *валё* в значении ‘зоб у птицы’: *Валё, валюшка у кúрицы, где зéринь склáдываица, набíла пóлна валё. Себ. Вот што напíрядí у кúры, валё. Вл., а также как шутивное употребление — о животе: Идэ Вáлиха, валё сваё вьíпершы. Оп. [ПОС 3: 20]. Фиксация лексемы в районах, принадлежащих южной Псковщине, определяет основной компонент соответствия, симметрично которому выявляются соответствующие актанты в белорусских диалектных словарях: *валлё, вайлё, валё* 1. ‘валлё’: *Валлё ў курыцы; У птушак усіх вайлё; Курыца наела валё. [СПЗБ 1: 275]; валлё, валлё, валё, валё* 1. ‘валлё’: *Валё — дзе ядá знахóдзіца;**

Кўрыца набіла валё; Валё наёла кўрыца. Валлё ў яё, у кўрыцы. 2. перан. ‘вялікі жыўот’: Валлё наёў [на тоўстага мужыка]. [МС 1: 89].

Использование описанной процедуры выявления соответствий позволило сформировать словник сопоставительного лексико-семантического словаря, состоящий более чем из 700 фактов схождений лексико-семантического характера на материале лексики всех частей речи, среди которых преимущественное большинство составили существительные и глаголы. Основной целью словаря является отображение лексико-семантических соответствий в двух диалектных зонах, принадлежащих разным восточнославянским языкам, однако сам словарь по типу вряд ли следует относить к полидиалектным словарям, т. к. лексикографируемый идиом представляет собой континуальное диалектное пространство [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008; Рыко 2016]. О «славянском континууме», но на материале русско-белорусских говоров смоленского пограничья пишет Е. С. Лунькова [Лунькова 2024].

Принимая за основу «равенство позиций», т.е. синхронное состояние говоров, при котором актанты обеих сторон — русской и белорусской — рассматриваются как равнозначные, не выводимые один из другого, имеющие одинаковую ценность, мы, тем не менее, подчеркиваем псковоцентричность нового словаря, на том основании что определяющим для включения слова в его словник является факт фиксации разрабатываемой лексемы преимущественно в южнопсковской диалектной зоне. Таким образом, применяемый при выявлении соответствий принцип векторной направленности используется исключительно «как методологическое руководство» [Мещеряков 1975: 95]. Сама же специфика этноконтактной зоны по обеим сторонам границы проявляется в симметричном соответствии лексико-семантических диалектных систем, имеющих историческую общность, но функционирующих длительное время относительно самостоятельно.

Обратим внимание на то, что при описанной методике отбора материала лексикографирования за пределами словаря остаются общеславянские и общевосточнославянские слова, не имеющие узкоспециальной локализации (в южнопсковском регионе), в связи с чем словарь можно рассматривать как дифференциальный для псковских говоров. С другой стороны, при дальнейшем выявлении языковых связей словарь по своему содержанию может обнаруживать лексико-семантические соответствия не только в северных пограничных белорусских говорах, но и в белорусском диалектном языке в целом, в украинских и южнорусских говорах, а также, в силу исторических контактов, выходить за пределы восточнославянского пространства.

Словарь как картина бытия: культурно-языковая самобытность русско-белорусского пограничного идиома. Картина мира, создаваемая языком, особенно ярко раскрывается при выявлении тематических зон лексико-семантических соответствий. Существенным признаком представляется наличие в сопоставляемом материале значительного числа слов-этнографизмов, отражающих комплекс ключевых показателей единства любой этнической группы, а именно: наименований традиционных построек и их частей, предметов одежды и обуви, пищи, предметов

хозяйственной утвари, видов хозяйственной деятельности, ремесел, промыслов. Факты соответствия в данной совокупной предметной области указывают на неслучайность и глубокое родство не только в области языка, но и в сфере традиционной материальной культуры.

Представим выявленные основные тематические группы лексико-семантических соответствий со словесными иллюстрациями на первые десять букв алфавита (примеры приводятся со знаком слэш (/), слева от которого даны примеры из южно-псковских говоров, справа — белорусские диалектные данные; значение сформулировано максимально кратко).

Наименования традиционных построек (жилых и хозяйственных) и их частей: *болонка* / *балонка*, *абалонка* ‘оконное стекло’; *ганка*, *ганок* / *ганак*, *ганок*, *ганек* ‘крыльцо’; *всы́пище* / *усы́пища* ‘амбар’; *ёвня* / *ёўня*, *ёўня* ‘овин’; *истёпка*, *istöпка* / *istöпка*, *istöбка* ‘погреб для хранения’; *клу́ня* / *клу́ня* ‘сарай’.

Наименования предметов одежды и обуви (*андарак* / *андарак*, *андрак* ‘домотканая юбка’; *ватовка* / *ватоўка* ‘ватник’; *деревяшка* / {*дзеравяннікі*}, *дзеравяшкі*, *дзярвяшкі* ‘обувь на деревянной подошве’; *кабат*, {*кабаток*} ‘платье’ / *кабат* ‘дущегрейка’; *кавнёр* ‘обшивка’ / *каўнёр*, *куўнёр* ‘воротник’, ‘пояс’; *кишён*, *кишуня* / *кішэня*, *кішаня*, *кашаня* ‘внутренний карман’; *клумба* / *клумп*, *клумпы*, *клумбы*, *клюмбы*, *клёмбы*, *клёмбы*, *клёмпы*, *клёмны* ‘обувь на деревянной подошве’).

Лексика продуктов питания (преимущественно растительных, а также названия самих растений, выращиваемых для питания) и народной гастрономии: *агрэст* / *агрэст*, *гарэст*, *грэст*, *агрэс* ‘крыжовник’; *гарбуза* / *гарбуз*, *гарбузэ* ‘тыква’; *гарбузніца* / *гарбузніца*, {*гарбузянка*} ‘каша из тыквы’; *жур*, *журіха* / *жур*, {*журка*}, *журыха* ‘овсяный кисель’; *колотуха* / *калатуха*, *калатуша* ‘мучная каша’.

Названия предметов хозяйственной утвари, емкостей: *бляха* / *бляха* ‘металлический противень’; *видэлка* / *відэлка*, *відэлька* ‘вилка’; *ворок* / *ворак* ‘мешок’; *гярник* / *гярнак*, *гярнэк* ‘горшок’; *гляк* / *гляк*, *гальяк*, *глёк* ‘глиняный сосуд с узким горлом’; *доёнка* / *доёнка*, {*даёнак*, *даёнік*} ‘подойник’; *жбан*, *жбанок* / *жбан*, *жбанок* ‘сосуд для молока, кринка’; *кана*, {*канка*}, *кановка* / *кана*, *канка*, *канна*, *конаўка* ‘бидон’; *кантар*, *кантάρ* / *кантар*, *кантάρ* ‘безмен’.

Лексика сферы ведения сельского хозяйства, обработки земли: *ашакі* / *ашак*, *ашака*, *ашакі* ‘отходы при веянии’; *борозна* / *баразна*, *борозня* ‘борозда’, ‘грядка’; *взмёжек* / *узмёжак* ‘нераспаханная полоса земли’; *вотрина*, *вотриня* / *вотрана*, *вотрына*, *вотрані*, *вотраны* ‘мякина’; *гирса* / *гірс*, *гірса*, *дзірса*, *дырса* ‘сорняк во ржи’; *гранка* / *гранка* ‘грядка’, ‘борозда’; *гранить* / *граніць*, *граняць* ‘делать борозды’.

Лексика животноводства, птицеводства: *быдла*, *быдло* / *быдла*, *быдло* ‘корова’; *во́лна* / *воўна*, *во́вна* ‘овечья шерсть’; *деті́ниха*, *деті́ниха* / {*дзяту́ха*, *дзяці́на*}, *дзяці́ніха*, *дзяці́нуха*, {*дзяці́хаўна*} ‘курица-наседка’; *индык*, *инды́ка* / *індык*, *індзіок*, *анды́к* ‘индюк’; *кно́роз* ‘некастрированный баран’ / *кно́раз*, *кны́раз*, *кно́рас* ‘некастрированный боров’; *кнур* / *кнур*, *кнюр*, *кныр*, *кнор* ‘то же’.

Лексика ткачества: *бавэ́лна* / {*бавэ́ла*, *бавэ́лка*}, *бавэ́лна*, {*бавэ́льня*} ‘хлопчатобумажные нитки’; *кросна́*, *кросны́* / *кросны́*, *кросна́* ‘ткацкий станок’.

Лексика промыслов: *бóлтка* / *бóлтка*, *бóўтка* ‘шест для загона рыбы’; *вўзá* / *вўзá* ‘пчелиные соты’; *ўскá* / *ўск* ‘пчела-разведчица’, ‘пчелиная разведка’; *кáрнiк* / *каранiк*, *караннiк*, *каранёк* ‘улей’.

Занятость человека в традиционной системе хозяйствования предполагает его полифункциональность, т. к. различные виды ремесел приходилось осваивать как мужчинам, так и женщинам наряду с выполнением крестьянского труда. Поэтому группу наименований человека по роду деятельности можно интерпретировать как отражающую дополнительные занятия крестьян (хотя, конечно, отдельные виды ремесел требовали специализации): *горшiкарь* / *гаршiкаль*, {*гаршiчáн*, *гаршiчэўнiк*} ‘горшечник’; *грáбарь* / *грабáр*, *грэбáр*, *грабьiр* ‘землекоп’; *дымоку́р* / *дымоку́р* ‘трубочист’; *жерноклёв* / *жарнаклёў* ‘кто изготавливает жернова’; *жерносёк* / *жарнасёк* ‘то же’.

В завершение обзора, чтобы показать полноту поименованного окружающего мира и вовлеченность человека в этот мир, приведем информацию о лексике природы. Наименования растений: *быльнiк* / *быльнiк* ‘полынь, чернобыльник’; *дэ́д-верь* / *дзэ́дзвель*, *дзэ́дзiль*, *дзэ́дзвiль*, *дзэ́дзвел* ‘осот’; *елене́ц* / *ялэ́нец*, *ялэ́нiц*, *ялэ́нiц*, *ялэ́нiц*, *едлэ́нец*, *едлэ́нiц*, *едля́нец*, *еля́нец* ‘можжевельник’; *жа́бер* / *жабо́р* ‘пиккульник’; *жа́гра* / *жага́ры*, *жагуры́*, *жагяры́* ‘грибной нарост на стволе’; *жэвiна* / *жавiна*, *жавiны* ‘ежевика’; *жiвoкóст*, *жiвoкóсть* / *жывакóст*, *жавакóст* ‘окопник аптечный’. Наименования птиц: *бацья́н* / *баця́н*, *бацья́н*, {*буця́к*}, *буця́н*, *буця́н* ‘аист’; *кнё́вка*, *кнiгoвкa*, *кнiгoлкa* / *кнiгаўкa* ‘чибис’. В словаре представлена также лексика ландшафта (*ба́гно* / *ба́гна*, *ба́гня*, *багно́* ‘болото’; *взнóрина*, *знóрина*, *изнóрина* / {*узнóр*} ‘родник’), наименования природных явлений (*вeсёлкa* / *вясёлкa*, *вeсялўхa* ‘радуга’).

Помимо приведенных тематических разрядов, выделяется группа наименований человека по его качествам, которая отражает традиционный для данного семантического объединения спектр отрицательных свойств, показывая черты своенравного, непутевого, медлительного, неповоротливого, ленивого, угрюмого человека, т. е. такие характеристики, которые обществом осуждаются, тем самым все немаркированные качества имплицитно декларируются как образцовые.

Данная публикация по своей направленности не стремится к полному охвату всех лексико-семантических соответствий или, наоборот, ожидаемых, но лакунарно представленных данных, хотя сама категория соответствия предполагает свою противоположность (отсутствие соответствия), а также меру и степень ее проявления [Мещеряков 1975: 51–52; Захарова 1997: 7]. В определенном смысле, но без введения интенсификаторов (полное, точное, частичное соответствие), эту проблему затрагивает следующий раздел.

Экстраутилитарная тематика в материале диалектного сопоставительного словаря. Под экстраутилитарностью понимаются такие сферы человеческой природы и культуры, которые определяют его мировоззренческие взгляды, морально-нравственные ценности и эстетические представления, иначе говоря, в культуре выделяются «акты деятельности, стимулируемые и регулируемые не утилитарными, материальными и витальными интересами, а определенными

психологическими потребностями <...> людей» [Флиер 2016: 56]. Однако поскольку жизнь человека социально детерминирована (подчеркнем, что особенно это касается существования человека в традиционном обществе), то вышеназванные сферы «обслуживают» коллективный характер его жизнедеятельности.

Следует признать, что сфера экстраутилитарности во всем корпусе рассматриваемого сопоставительного диалектного словаря занимает гораздо менее заметную по количеству и представленности часть лексики, по сравнению с описанными выше тематическими группами, что может свидетельствовать не только о доминировании материальной сферы в жизни, но и о диспропорции в результатах познания мира человека.

Лексика социальных отношений включает: наименования лиц, отражающих семейные связи (*братова, братовка / братавая, братава, братова, братавая, братоўка, {браці́ха}* ‘жена брата’), названия традиций и ритуалов (*бры́кса, бры́ксы / брі́ксы* ‘устраиваемая женщинами гулянка’; *весё́лье / вясё́лля, вясё́ле, вясё́лё, вясё́лля, высі́лле, вэсэ́лье* ‘свадьба’; *кирма́ш / кірма́ш, кярма́ш, карма́ш, кэрмаш* ‘праздник’, ‘ярмарка’; *деды́ / дзяды́, дзе́ды, дзядэ́* ‘поминки’; *дожэ́н / {дажы́нка, дажы́нкі, дажы́нькі}* ‘праздник окончания жатвы’), лексику церковно-религиозной сферы (*каплі́ца, каплі́чка / каплі́ца, каплі́чка, каплі́чка* ‘католическая часовня’).

Из лексики, передающей внутренний мир человека, выделяется группа сферы негативных эмоций: *бры́дко / бры́дка, бры́дко, бры́тка, бры́тко* ‘неприятно, противно’; *гы́дко* ‘то же’ / *{гы́дкі}, {гы́длівы}* ‘неприятный, отталкивающий’; *грэба́ть, грэ́бовать / грэ́баваць* ‘испытывать отвращение’, ‘брезговать’. Какие стимулы вызывают отвращение и оцениваются как неприятные? Внешние физические признаки человека (*Прыехаў сын у госці да бацькоў і павёў жонку гародам — значыць, жонка бры́дка, кап хороша, вёў ба вуліцай; Мой муш, хай мяккай будзе яму зямліца, быў багаты, але бры́ткі і стары; Даўней дзеўка магла быць бры́ткая, неладная, а як пасах велькі, то і бралі замуш; Надзень панчохі, бо бры́ткія твае ногі* [СПЗБ 1: 224–225]); то, что невозможно употребить в пищу (*Бры́ткая рыба — віон; Выкінь, бо то бры́ткое*. [СПЗБ 1: 224–225]; *Ана пачимў-та грэ́бала у ней малако́ брать, фсе́ ка мне ходит; Я сваё мяса ем, а у людéй ўрэбаю; Ё́сли ня грэ́буеце, ё́ште маю́ ка́шу* [ПОС 8: 7–8, 12]; *Калі ня грэ́баваі́ці, то ешча*. [СПЗБ 1: 493]; *Ё́слі вы не грэ́баеце, ку́шайце; Ня грэ́байце, як сумёю, буду карма́ць. Ня грэ́байце чаго папі́ць*. [МС 1: 145]). Как видим, диалектные данные сосредоточивают внимание преимущественно на визуальных образах, воспринимаемых как некрасивые, неэстетичные, и особенно на сфере питания — жизненно насущной для человека, но выдвигающей ограничения по экстраутилитарным основаниям.

Выявление соответствий в сопоставительном словаре как способ верификации семантики диалектной лексики. Метод сопоставительной лексикографии позволяет уже сейчас внести уточнения в семантическую интерпретацию фактов, особенно в случаях единичных фиксаций диалектного слова.

Так, например, в ПОС слово *невольный* в одном из значений определено как ‘ограниченный в свободе выбора’: *Ма́ти прие́хала посмотре́ть, гаворі́т: «Отходи́ отсе́да»* [из семьи мужа], *а я ей гаварю́: «Я мо́жэ нево́льная, в положе́ннiи»*. Пуст.

[ПОС 21: 52]. Указанная формулировка значения выведена как контекстная, исходя из трактовки составителем общего смысла высказывания. Однако, как показывает сопоставительный анализ, в белорусских говорах это прилагательное употребляется в значении ‘беременная, в положении’ (бел. лит. ‘цязарная’): *Нявóльная яна ў нас; Нявэ́стка наша нявóльная, беражóм яе.* [РСВ 1: 68]. Ср. также: *Ма́нька з дня на дзень бушн́ее, ці ні нявóльная яна́? Нявэ́стка мая́ ж чацвэ́ртым нявóльная.* [Курцова 2016: 27, 64].

К другому из выявленных примеров составители ПОС подошли осторожнее: значение слова *асéлица* определено исходя из его внутренней формы как ‘околица’ (?), правда, со знаком вопроса: *Асéлица, пóжынка, ток, сара́й — так была́ ра́ньша.* Себ. [ПОС 23: 360]. Между тем в диалектных белорусских словарях значение слова *асéлица* несет в себе, помимо пространственной семы, важный прагматический элемент, указывающий на место сенокоса, угоды: ‘сенажаць каля вёскі і гарадаў’ — *Палотны цягалі, бялілі на аселицы. Аселица ў нас проці адрынкі, дзе сена трасём, у гародзе; На аселицы косім; Сенажаць за хатамі, за гарадамі, за вёскай — аселица; Аселица — пры дзярэўні сенакос; Прoci свайго шнура была свая аселица; Аселица — кавалак сенажаці каля гарадаў. Пагналі кароў у аселицу.* [СПЗБ 1: 106]; ‘нізкае, вільготнае месца каля вёскі; луг’ — *Каб патрапіць у вёску, трэба прайсці аселицу; На аселицы ў нас расце капуста; Снег растаў, аселица стаіць у вадзе.* [РСВ 1: 50]; ‘участак пожні, сенакос’ — *Асéлица у канцы́ гарóда, дзе пóжня.* [МС 1: 49].

С другой стороны, данные «Псковского областного словаря» могут служить источником верификации для семантизации белорусской диалектной лексики. В диалектных зонах по обоим сторонам границы отмечено слово *нудá* (варианты — *нужá, нуждá*) в значении ‘кожное заболевание, сопровождающееся зудом’: *Нудá хўжы карóсты, нудá ё́та еўзэ́ма, ко́жа чышу́йца и трэ́скайца.* Себ. *Карóсливы́ или чесатли́вы́, ё́та часо́тка, таўда́ дэлаеш дэ́уць с то́лям, перето́пиш и ребя́т ма́заеш, а тепэ́рь, сла́ва бо́у, тую́ ну́жу вы́нали.* Нев. [ПОС 22: 12]. Между тем в одном из белорусских словарей значение слов *нудá / нуждá* выведено как более отвлеченное — ‘галеча, безвыходнае становішча’ (бел. *галеча* ‘бедность, нищета’: от **golь* ‘голы; бедны’ + *-*еѣ-а* [ЭСБМ 3: 29]): *Карóста была́, у вайну́ і ні мьі́шыся, і ні піра́дзява́ўшы, ад нуды́; Ат нужды́ — ба́нькі ні было́ — ня мьі́ся, дык было́ і карóсты, і блох было́.* [МС 1: 420].

Таким образом, выявленные соответствия позволяют внести существенные коррективы в лексикографическую практику, а в будущем сопоставительный псковско-белорусский словарь позволит избежать погрешностей в семантической интерпретации диалектного слова.

Выводы. Сопоставительный псковско-белорусский словарь-конструкт демонстрирует роль лексических показателей в территориальном диалектном делении, т. к. выявление лексических маркеров позволяет делать надежные выводы о локализации той или иной лексемы, а установленные лексико-семантические соответствия служат основанием для отражения континуальности определенных зон восточнославянского мира.

Локализация значительной доли лексики в южнопсковской историко-культурной и языковой зоне еще четче акцентирует границы псковского исторического ядра.

По своему содержанию лексико-семантические соответствия отражают жизненно важные понятия, относящиеся как к материальной, так и духовной культуре жителей пограничья. Новый словарь-конструкт, привлекающий ряд других лексикографических источников, выполняет задачу концентрации культурно-языковой информации, сосредоточивая внимание на проблемах пограничной идентичности.

Источники

Курцова В. М. (ред.) Полацкія дыяменты: дыялектны слоўнік / Нац. акад. навук Беларусі; навук. рэд. В. М. Курцова. Мінск : Бел. навука, 2016. 116 с.

МАС — Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

МС — Мова Сенненшчыны: дыялектны слоўнік. Ё 2 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., філ. «Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы»; уклад.: І. У. Бунько [і інш.]; навук. рэд. В. М. Курцова, Л. П. Кунцэвіч. Мінск : Беларуская навука, 2015.

ПиР — «Перекрёстки и ростани». Вербальные взаимосвязи в русско-белорусском порубежье. Словарь / ред. Н. В. Большакова. Псков : Логос, 2026. 594 с.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–29 / под ред. Б. А. Ларина [и др.]. Л./СПб.: Изд-во ЛГУ/СПбГУ, 1967–2024 (издание продолжается).

РСВ — Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны: у 2 ч. / склад.: Г. К. Семянькова, Т. А. Грачыха, А. С. Дзядова [і інш.]; пад рэд. Л. І. Злобін (ч. 1), А. С. Дзядовой (ч. 2). Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2012–2014.

СПЗБ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / уклад. Ю. Ф. Мацкевіч, А. Грынавіцкене, Я. М. Рамановіч і інш.; рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск : Навука і тэхніка, 1979–1986.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 3 / Р. У. Краўчук, В. У. Мартынаў, А. Я. Супрун, Н. В. Івашына. Мінск : Навука і тэхніка, 1985. 408 с.

Литература

Большакова Н. В. (автор-сост.) Словарь псковско-белорусского пограничья: Проект. Псков : ЛОГОС, 2017. 71 с.

Букринская И. А., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В. Говоры белорусско-русского пограничья // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М.: Ин-т славяноведения РАН, 2008. С. 118–179.

Захарова И. А. Категория соответствия в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Башкирский гос. ун-т. Уфа, 1997. 23 с.

Лунькова Е. С. Русско-белорусские лексико-словообразовательные параллели (на материале смоленских говоров) // Диалектная лексика — 2024 (К 100-летию со

дня рождения Ф. П. Сороколетова) / отв. ред. О. Н. Крылова, С. А. Мызников. СПб.: Ин-т лингв. исслед. РАН, 2024. С. 175–185.

Мецзяков В. Т. Соответствие как отношение и принцип. Л.: Наука, 1975. 104 с.

Рыко А. И. О лингвистической самоидентификации жителей русско-белорусского пограничья (Невельский район Псковской области) // Севернорусские говоры / отв. ред.: А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. Вып. 15. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 71–88.

Тимошенко Е. И. О внутренней форме слов и выражений со значением соответствия в русском языке // Вестник Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина. 2023. № 2 (62). С. 170–175.

Флиер А. Я. Культурология как система познания // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2016. № 2 (46). С. 53–59.

Natalia V. Bolshakova
Pskov State University
(Russia, Pskov)
bolshakova55@yandex.ru

LEXICAL AND-SEMANTIC CORRESPONDENCES IN PSKOV-BELORUSSIAN BORDER AREA

The article is devoted to the results of the lexicographic description of Russian-Belarusian lexico-semantic correspondences. The source of the research is a new comparative dialect dictionary created by a research team under the guidance and project of the author of the article. A comparative analysis revealed 703 facts of lexico-semantic correspondence between Southern Moscow dialects and northern Belarusian dialects. This linguistic idiom reflects commonality in a number of key thematic groups: names of traditional buildings and their parts, items of clothing and footwear, food, household utensils, types of economic activities, women's and men's crafts. The complexity of a person's inner world manifests itself in the sphere of general extra-utilitarian concepts and phenomena, including names of social relations and emotional assessments.

The study also showed that the results of the methodology used in identifying correspondences can be useful for practicing lexicographers in verifying obscured linguistic facts.

Keywords: lexico-semantic correspondences, Pskov-Belarusian borderland, comparative dialect dictionary.

References

Bol'shakova N. V. (author) *Slovar' pskovsko-belorusskogo pogranich'ya: Proekt* [Dictionary of the Pskov-Belarusian borderland: Project]. Pskov, LOGOS Publ., 2017. 71 p.

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E., Ter-Avanesova A. V. [Dialects of the Belarusian-Russian border area]. *Issledovaniya po slavyanskoi dialektologii*. Iss. 13. *Slavyanskije dialekty v situatsii yazykovogo kontakta (v proshlom i nastoyashchem)*. Moscow, In-t slavyanovedeniya RAN Publ., 2008, pp. 118–179. (In Russ.)

Flier A. Ya. [Cultural studies as a system of cognition]. *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv*, 2016, no. 2 (46), pp. 53–59. (In Russ.)

Lun'kova E. S. [Russian-Belarusian lexical and word-formation parallels (based on the material of Smolensk dialects)]. *Dialektnaya leksika — 2024 (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya F. P. Sorokoletova)* / otv. red. O. N. Krylova, S. A. Myznikov. St. Petersburg, In-t lingv. issled. RAN Publ., 2024, pp. 175–185. (In Russ.)

Meshcheryakov V. T. *Sootvetstvie kak otnoshenie i printsip* [Conformity as an attitude and principle]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. 104 p.

Ryko A. I. [On linguistic self-identification of residents of the Russian-Belarusian border area (Nevelsky district of Pskov region)]. *Severnorusskie govory* / otv. red.: A. S. Gerd, E. V. Puritskaya. Iss. 15. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016, pp. 71–88. (In Russ.)

Timoshenko E. I. [About the internal form of words and expressions with the meaning of correspondence in the Russian language]. *Vestnik Mozyrskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni I. P. Shamyakina*, 2023, no. 2 (62), pp. 170–175.

Zakharova I. A. *Kategoriya sootvetstviya v sovremennom russkom yazyke*: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The category of correspondence in modern Russian: Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Ufa, Bashkirskii gos. un-t Publ., 1997. 23 p.

Колесникова Е. В.

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

el.kolesnikova@bk.ru

СЕМАНТИКА ОБЩЕРУССКОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *СИВЫЙ* В РУССКИХ ГОВОРАХ

В работе представлено исследование семантической структуры общерусского прилагательного *сивый* на обширном материале русских говоров. Анализируемая лексема связана с индоевропейским корнем *k'eī-, который также является основой для прилагательных *серый* и *седой*. В древнерусских памятниках XI–XVI веков прилагательное *сивый* имело исключительно узкое, предметно-ограниченное значение — оно использовалось исключительно для обозначения масти лошадей («темно-серый с сединой»).

Семантическая структура прилагательного *сивый* в говорах представляет собой сложную, многоуровневую систему: лексема может обозначать различные оттенки светло-серого цвета по отношению к широкому кругу предметов, масть животных, оттенки человеческих волос (от седых до светлых), а также способна характеризовать тусклые, выцветшие поверхности. В говорах *сивый* расширяет сферу употребления, становясь универсальным колоративом с общим значением серого цвета, что совпадает с употреблением этого слова в ряде других славянских языков. В говорах выделяется группа междialeктных синонимов (*сивый*, *седой*, *серый*), которые в народной речи функционируют как взаимозаменяемые единицы с общим значением «серый», что свидетельствует об упрощении и унификации цветовой палитры в диалектном языке.

Ключевые слова: семантика, общерусское слово, цветообозначение, прилагательное, междialeктные синонимы, русские говоры, диалектный язык.

Изучение семантики колоративов имеет чрезвычайно большое значение, поскольку данная лексическая группа служит наглядной моделью для изучения семантических трансформаций. Эволюция семантики цветообозначений позволяет отчётливо проследить универсальные механизмы развития языка. Лексика цветообозначения широко освещена в научной лингвистической литературе последнего времени с различных позиций: «цветообозначения по сей день остаются практически единственным столь подробно исследованным «островом»: никаких столь же фундаментальных и широких по охвату материала работ, описывающих другие

семантические поля с типологической точки зрения нет» [Рахилина 2007: 29]. Исследование семантики цветообозначений в говорах не проводилось за исключением отдельных работ [Вендина 1998, Пищальникова 1982, Брысина 2007]. Этот пробел в исследованиях является значительным, поскольку, как справедливо отмечает В. Г. Кульпина, цветовые категории, даже при наличии общих этимологических корней, несут в себе глубокий отпечаток этнокультурной специфики, поскольку формируются на протяжении веков в определенном природно-географическом, социокультурном и лингвоэтническом пространстве и вбирают в себя специфику данной лингвокультуры [Кульпина 2019: 13].

Анализ диалектной семантики общерусских прилагательных-кolorативов позволяет показать этнолингвистическую специфику в осмыслении понятия цвета в русском литературном и диалектном языке — несмотря на их близость по многим параметрам — и продемонстрировать своеобразие цветового восприятия в диалектной языковой картине мира.

Данная работа продолжает серию статей, посвященных анализу семантики общерусских прилагательных-цветообозначений в русских говорах [Колесникова 2021, 2022, 2023]. Объектом данного исследования является семантическая структура общерусского прилагательного *сивый*, анализ которой проводился на материале сплошной выборки из «Свода русских диалектных и региональных словарей» [Лесников, Мызников и др. 2019].

В этимологической литературе представлено единодушное мнение по поводу происхождения лексемы *сивый*: из праслав. *сивь(йь), производного с суф. -вь от корня *си- (ср. *сизый*, *синий*), восходящего к и.-е. *k'jē-: *k'ī- «тёмный или светлый оттенок» [Шапошников 2: 320].

Общеславянская форма *sivъ находит следующие соответствия в других славянских языках: рус. — *сивый* 'светло-серый'; укр. *сивий* 'седой, серый' употребляется применительно к большинству предметов и для обозначения цвета волос; белорус. — *сівы* 'седой'; болг. — *сивъ* — обычное обозначение цвета применительно ко всем предметам, в том числе и для волос; серб.-хорв. — *сив* определение к названию большинства предметов, редко для волос; словенск. — *siv* является обычным определением к названиям всех предметов, в том числе и для волос; чеш. — *sivý* 'пепельно-серый' применяется для обозначения большинства предметов; словацк. — *sivý* 'серый, седоволосый'; польск. — *siwy* употребляется для обозначения цвета волос человека и шерсти определенных животных, в первую очередь лошадей, названное прилагательное обозначает цвет с белым и черным оттенком как в говорах, так и в литературном языке; в.-лужиц. — *sywy* 'серый, цвета морской воды'; н.-лужиц. — *sivik* (šery 'серый' значит и 'сивый'); кашуб. — *sivk* 'серая лошадь'; полаб. — *séive* 'серый'; др.-русск. — СИВЪ, СИВЕЦЬ 'сивый конь' [цит. по: Суровцева 1967: 24].

Из приведенного следует, что слово *сивый* в сербохорватском, чешском, болгарском, словенском языках обозначает серый цвет большинства предметов, а в других языках — какой-то определенный оттенок.

Общеславянская форма *sivъ прослеживается и в и.-е. языках: лит. *šyvas* «белый, белесый»; др.-прус. *sīwan* «серый»; др. инд. *syāvás* «черно-коричневый, темный»;

новоперс. *siyāh* «черный»; осет. *saji, sau* «чёрный»; арм. *seav* «черный, тёмный» [Фасмер 2: 621].

Таким образом, **sivъ* является общеславянским словом, восходит к индоевропейскому периоду.

В памятниках древнерусского периода XI–XIII веков цветообозначение *сивый* ‘темно-серый с сединой’ зафиксировано в двух случаях, в каждом из них *сивый* обозначает масть лошадей:

И дары емоу дать великыи, и конь свои борзыйи сивыи (1213 г.). (Во)лодиславу Данилычу даю *сивый же(ре)бец*, а Васил<ь>ю, брату, даю щить вьиновскыи. (1270 г.) [Срезневский 3: 344].

В XIV–XVI вв. прилагательное также отмечается в качестве характеристики конской масти:

Взяти ми у Василия Радилова конь сивъ. (1488 г.). Да кобылу болюую *сивую* неметцкую (1586 г.). Адамъ Былинский далъ вести пахолонку своему коня *сивого* почтового. (1570 г.). Выменилъ Анимсимъ кобылу *сивую*. Г. лѣтъ, грива налево, а променилъ коня пѣгово .й. лѣтъ (1663 г.). [Срезневский 3: 344. СлРЯзXI–XVII 24: 121].

В памятниках XVII вв. впервые отмечено употребление лексемы для характеристики седой бороды:

У Федька Северга борода маленька сива (1670–1671 г.) [Бахилина 1971: 104].

Таким образом, в древнерусском языке цветообозначение *сивый* имело узкоспециализированное, предметно-ограниченное значение и использовалось исключительно для обозначения масти лошадей. В период с XI по XVI век применение этой лексемы для характеристики цвета волос человека не было свойственно русскому языку. Для этой цели, как отмечает М. А. Суровцева, существовали и использовались другие слова — «*седый*» и «*седина*» [Суровцева 1967: 219]. Лексема *сивый* в значении ‘седой’ впервые фиксируется в памятниках письменности лишь в конце XVII века, что свидетельствует о более позднем семантическом сдвиге.

В современном русском литературном языке выделяются следующие значения прилагательного *сивый*:

1. Серовато-сизый, пепельно-серый (обычно о масти лошади).
2. Разг. Седой, седеющий (о волосах) (БАС 25: 512).

В говорах семантическая картина прилагательного *сивый* иная, чем в литературном языке.

1. Колоратив может служить для характеристики цвета широкого круга предметов и совпадать с основным цветовым значением прилагательного *серый*:

Сивая шерсть [СлАН 1847 6: 136]. *Холст потом белили, он ведь сперва такой сивый*. Тверск. [Селигер 7: 69–70]. *Сивый касьцом*. *Грѣшка надѣл сивый кась-твом, паишол фарситъ*. Лат. [МСРГПриб., 293].

Значение 'серый, серого цвета' также отмечено в говорах у прилагательного *седой*:

Мыша седая. Азерб. ССР. [СРНГ 37: 117]. *Седая кошка у нас хороша была, мышеловка.* Урал. [Малеча 4: 52]. *Вчера Тихон седого зайца домой принёс.* Вятск. [ОСВГ 10: 61]. *Собака седая такая, серая.* Карел. [СРГК 6: 47]. *Были седые нитки (для вышивания). Есть белая, седая земля, её и выбирали (для посевов).* Линбургски *шали хороши — пуховы, седые. Седая краска, за ней не завидывам, а она хорошо хвататцъ.* Урал. [Малеча 4: 52]. *Вон у Матрёнки улаза сядыи. У Райки кофта сядая, фся вытинулась. Есь сатин чёрнай, йесть сядой. Грачи чёрнай ани, а йети (вороны) сядыя. И чёрныи, и жёлтыи, и так пирьпилёсыи, и сядыя [змеи], и йети медницы есть.* Рязан. [Деулино, 509]. *Это называют седой (темно-серый), ии как на седо находит. Нёту седой уи шёрсти. Какі фсё (колыбельные): баю-баюшки-баю, не ложыся на краю, прибежыт седой волцёк, хвэтит Фёдо за боцёк, и утэцит во лесок. Спй давай, вот и фсё.* Арх. [БД АОС].

2. Лексема *сивый* в диалектном языке может совпадать по значению с прилагательным *сизый* и обозначать цвет 'темно-серый, с густым синеватым или белесовато-голубым отливом' для характеристики цветового оттенка растений или шерсти животного, оперения птиц:

Сивый ковыль покрывает степи. [Даль 4: 164]. *Сивья курица.* Латв. [МСРГПриб., 293].

Данное значение поддерживается дериватами: **Сивым-сивёхонький** *Степь сивым-сивехонька.* Южн., зап., Даль. [СРНГ 37: 276]. **Сивым-сивёшенький** Южн., зап., Даль. [СРНГ 37: 276]. **Сивун** *Высохшая прошлогодняя трава.* Иван. [СРНГ 37: 275].

Лексемы с корнем *-сив-* в говорах участвует в образовании немногочисленной группы терминологических обозначений для наименования растений и птиц. Таким образом цветообозначение «выполняет денотативную, маркирующую функцию, выделяя предмет среди ему подобных» [Вендина 1998: 14].

В наименованиях растений:

Сивогушка *Маленький съедобный гриб с сероватой шляпкой. Сивогушки — это такие сивенькие грибочки небольшие.* Новосиб. [СРНГ 37: 273]. **Сиводёд, сивец** *Травянистое злаковое растение белоус.* Смол. [СРНГ 37: 273], [Даль 4: 164]. **Сивоколоска** *Сорт пшеницы с четырехгранным колосом. Сивоколоска имеет сивый колос.* Дон. [СРНГ 37: 274]. **Сиворон** *Растение Ranunculus auricomus L., сем. лютиковых. лютик золотистый.* Костром. [СРНГ 37: 274]. **Сивотал** *Тальник с беловатым оттенком листьев, коры. Там вот дуб дерут, раньше из вербы драли, а счас сивотал, желтотал и чернотал.* Ново-сиб. [СРНГ 37: 275]. **Сивун, сивуха** *Травянистое растение Phleumpratense L., сем. злаков. тимopheевка луговая.* Вят. [СРНГ 37: 275], Даль [4: 164].

В наименованиях птиц:

Сивоворонка (сиворонка) Птица сизоворонка. *А ворон, грачей, сивоворонок, голландских петушков, дроздов... мы считали домашними птицами.* Урал. [Малеча 4: 69]. **Сивец** Птица *Charadrius pluvialis* L., сем. ржанок. золотистая ржанка, сивка. Перм. [СРНГ 37: 273]. **Сивограк и сивогракх, сиворон** Птица сизоворонка. Смол., брян., поволж., курск., орл., тул., калуж. [СРНГ 37: 273, 274]. **Сиводраха** Птица сорокопуд. Зап. [СРНГ 37: 274]. **Сивок** Птица сем. утиных, нырок красноголовый. Яросл. [СРНГ 37: 274]. **Сивора́кша** Птица сизоворонка. Даль. [СРНГ 37: 274]. **Сиворо́кша** Птица *Lunnius collurio*. Курск. [СРНГ 37: 274]. **Сивохо́встка** Птица *Janthia cyanura* Pall., сем. дроздов. славка-сивохо́встка. Сиб. [СРНГ 37: 275]. **Сивочка** Птица *Tringa alpina* L., кулик чернозобик. Пск. [СРНГ 37: 275]. **Сивок, сивуха** Порода диких уток. Горно-Алт. [СРНГ 37: 275]. **Сивчик** Стайный кулик-ржанка. Даль. [СРНГ 37: 275].

В наименованиях животных, рыб и насекомых:

Сиводу́шка Помесь черно-бурой и рыжей лисицы. [МАС 4: 88–89]. **Сивец** Рыба хариус. Пск. [СРНГ 37: 273]. **Сивка** Вид кузнечика. *У нас примета: если сивка расплодился, значит урожай добрый будет.* Забайкалье. [СРНГ 37: 273].

3. Лексема *сивый*, как и в литературном языке, активно функционирует в значении ‘серовато-сизый, пепельно-серый’ для обозначения масти животных:

Украл де он Паришка лошадь кобылу шерстью сивую. Перм. [СЛПП 2: 238]. Вятск. [ОСВГ 10: 88]. *Сивая лошадь — эта серо-беловатая.* Тверск. [Селигер 7: 69–70]. *Лошади все сивые да сиво-яблочные.* Яросл. [СРНГ 37: 275]. *Сивая (корова) — это чёрная, ну, не чёрная, цвет такой с дымкой, дымчатая.* Тверск. [Селигер 7: 69–70].

Для характеристики масти лошади используются также производные с корнем -сив-: **Сивенький** *Осенью снеток сивенький.* Тверск. [Селигер 7: 69–70]. **Сивоватый** *Белка, она сивоватая осенью.* Тверск. [Селигер 7: 69–70]. **Сив-чубарый** *Наперёд-то идёт сив-чубарый конь.* Вятск. [ОСВГ 10: 88]. **Сиворезый** *Чалый — это сиворезый такой, белузный, под белинку крапинками.* Тверск. [Селигер 7: 69–70]. **Сивозалёзый** *У ево две лошади — кобыла да мерин сивозалезые.* Перм. [СРНГ 37: 274]. **Под сивинку** *Бывает лошадь под сивинку.* Тверск. [Селигер 7: 69–70]. Также отмечены существительные со значением ‘лошадь сивой масти’: **Сивец** Смол. [СРНГ 37: 273]. **Сивко** Вятск. [ОСВГ 10: 88]. **Сивок** Сиб. [СРНГ 37: 274]. **Сивочка** Пск. [СРНГ 37: 275]. **Сивушка** Арх., карел., новг. [СРНГ 37: 275]. **Сивка, сивко** [МАС 4: 88–89], [Даль 4: 164]. **Сивуха** Урал. [Малеча 4: 69]; Оренбург., самар., костром., смол. [СРНГ 37: 275]. А также ‘корова с сивой мастью’: **Сивня** *Сивня — это сивая корова.* тверск. [Селигер 7: 69–70]; ‘кликка лошади [коровы] сивой масти’: **сивозалёзко, сиву́нка, сиву́лечка, сиву́лька** [СРНГ 37: 273–276].

Значение ‘светло-серый (о масти животных)’ выявлено и у прилагательного *седой*:

Седой телёнок — он вперед отелённый. Никакую корову не покупай, кроме черной. Прихожу — седая стоит. Урал. [Малеча 4: 52]. *Седый — ну как стальной цвет. Коровы бывают. Ну серый, значит.* Перм. [Акчим 5: 68]. *Овечка бусая, седая, так и серая шерсть.* Р. Коми [СРГКПО, 290]. *Седая масть (масть лошади). Бóльшэ седая порóда овéц у нáс. Седóха клíчут постáришэ сáмую. Онá и бежýт, водíтель. Молодýх-то нетелéй именá им дова́ли (коровам). Чёрныйе, да чёрнопéстрые, рáсные (окраска коров), а тепéря седых нéт-то корóф.* Арх. [БД АОС].

В литературном языке и в говорах данное значение с большей продуктивностью реализует прилагательное *сивый*. Нами было зафиксировано употребление прилагательных *сивый* и *седой* в одной позиции, где одна лексема поясняет другую:

О Ильини́ну дñни сивá коня́ пот кúстом (в августе) не видáть: сíвой кóнь — седой. Арх. [БД АОС].

Также указанное значение представлено и в семантической структуре прилагательного *серый*:

Масья (скотины) разные: карие, сивые, чёрные, серые. Масти лошадей: гнеды, мухорты, игреки, пегы, серы, буры. Кличка коня по масти. Серый у нас головником хорошо ходит, даже в буран не собьётся с дороги, накат чувствует. Урал. [Малеча 4: 64]. *Если он вороной конь, так его зовут воронкóм, если серый, так серкóм.* Новоси́б. [СРНГ 37: 218].

4. В вологодских говорах отмечено прилагательное *сивый* со значением ‘рыжеволосый, рыжий’:

Сíвая дéвка приходíла. Я в дéтстве сíвая была́, некрасíвая. Дéуки сíвых лóбят. Сíвые, онé как и ры́жие: как весна́, так в весну́шках все. Волог. [СВГ 10: 5].

Вероятнее всего, данное значение прилагательное приобрело под влиянием обозначения лошадей сиво-железовой масти, когда сквозь темно-серый окрас шерсти животного проступает заметный красноватый или бурый оттенок. В говорах отмечены: **Сивожел́зная** или — *жел́зовая масть, лошадь, темнос́рая, жел́зистая, но сь чалиною, сь едва зам́тнымъ бурымъ или рыжеватымъ отливомъ противъ свѣту.* [Даль 4: 164]. **Сивочалый**, *свѣтлочалый, это смѣсь шерстей: темногнѣдой, бѣлой или сѣрой и рыжеватой.* [Даль 4: 164]. **Сиво-желёзый** Вост. Сиб. Костром., Ленингр. [СРНГ 37: 274]. **Сиво-желёзный** Волог. [СРНГ 37: 274]. **Сиво-красный** (о масти) Урал. (Малеча 4: 69).

5. Прилагательное *сивый* в диалектном языке характеризует светлые, белокурые волосы:

Ой, у дéушки волóсьичё-то сíвоё! Я э́ко смерть люблю́! Вот когда у челове́ка волосы от рождéнья бѣлые, так проска́жут сíвой, а если ужé от стáрости,

так седые. Совсём у Мэрфы парень не сивой. Волог. [СВГ 10: 5]. Сивые брови подкрашивала. Она меня звала сивой, у меня светлые волосы. Тверск. [Селигер 7: 69–70]. Буду плетать русу косу до шелкового пояса, до сивого до волоса (песня). Смол. Если белая — сивой звали. Новг. В детстве был сивым, а теперь, поди ж ты, почернел. Хакас., Краснояр. [СРНГ 37: 274].

Анализируемое значение также представлено в производных образованиях: **Сивенький** Я тоже сивенькая, белокурая, и он сивенький как блондин. Тверск. [Селигер 7: 69–70]. А также ‘человек со светлыми волосами’: **Сивуля** У матки волосы черные, а дочка у ей сивуля. Смол. [ССГ 10: 7]. **Сивун** Горно-Алт. [СРНГ 37: 276]. **Сивуша** Сев.-зап. [СРНГ 37: 276].

Значение ‘светловолосый, белокурый’ отмечено в семантике прилагательного *седой*: без иллюстративного материала в ржевских говорах Тверской губернии, 1897. В знач. сущ. Блондин. Ярослав., 1990. [СРНГ 37: 117].

Лексема *серый* используется для характеристики цвета волос: Русская девочка — белые виски, серые виски, рыжие виски. волгогр. Вот ана серая внучка пришла, кузлатая. — Ани у нас дваинята, ишо есь чёрнинькая, а эта серинькая, гласки у ней серинькии, а мы называем серинькая. Волгогр. [ССГКН, 386].

Подчеркнем, что ни в одном из славянских языков прилагательное *серый* не используется для характеристики цвета волос.

6. Колоратив *сивый* в говорах функционирует в значении ‘седой, с седыми волосами’: Совсём ужь онъ сивой сталъ. Волог. [Дилакторский, 456]. Я то́жо сивой. Вятск. [ОСВГ 10: 88].

Дериваты в данном значении: **Сивенький** Баба Настя сивенькая така, глуховатая. Тверск. [Селигер 7: 69–70]. **Сиволёзный** Мамка наша саусем сивалёзные стала, а у баби на ней сидой выласинки ни было. Смол. [ССГ 10: 7]. **Сиволёзий** Кыкая ты сивалёзия стала! Смол. [ССГ 10: 7]. **Сиволобый** Пусть убьет он Сива Бобра сиволобого. Моя баба сиволобая у тебя? новг. Ах ты, змей сиволобый! Латв. [СРНГ 37: 274]. **Сивоплёсый** Мыладым ня будиш болиш, сиваплёсым усигда успеши. Смол. [ССГ 10: 7]. А также ‘человек с седыми волосами’: **Сивуля** Ды я ви́жу дауно сивуля, а у моладысти волосы тёмный были. Смол. [ССГ 10: 7]. **Сиводуш** Этот сиводуш еще вмешивается, ему поля жалко. Литов. [СРНГ 37: 275]. **Сиводушина** Ужели этот сиводушина все-то жив? Волог. [СРНГ 37: 275].

Колоратив *серый* используется в диалектных системах для характеристики седого цвета волос.

Сказывали молодой парень, а он, гляди, серый уже. Арх. Его голова уже сивая, только серей моей. Латв. [СРНГ 37: 218]. Он серой стал. Похудел, посерел, серой стал, худой. Там вот как бабушка, серые волосы. Арх. [БД АОС].

Цветовое значение послужило основой для метафорического переноса: Сивыя космы инея. [Даль 4: 164], что создает возможность для образования производных слов с общим значением ‘имеющий отношение к зимней погоде’: **Сивка** ‘снег’ Сивка идет на горку, а бурка — под горку [поговорка: о начале зимы]. Арх.

[СРНГ 37: 276]; ‘иней’ *У, парень, какой сивко выпал — вся картошка сгниет.* Перм. [СРНГ 37: 276]. **Сивон** Снег, мороз. Калуж. [СРНГ 37: 276]. **Сивонка** Зима. Калуж. [СРНГ 37: 276]. **Сивонник** Ледник. Владим. [СРНГ 37: 276]. **Сивонно** нареч., безл. сказ. Холодно. Владим. [СРНГ 37: 276]. **Сивонный** Зимний. Калуж. [СРНГ 37: 276]. **Сивоха** Холодная зимняя погода, вьюга, метель. Перм. [СРНГ 37: 276]. **Сивун** Северный холодный ветер. Урал. [Малеча 4: 69]

7. Значение ‘тускло-серый, неяркий, вылинявший, грязноватого оттенка’ обнаруживается в семантике анализируемого прилагательного и его производных: *Цвет ф пальты какой-та грязнаватый, сивый.* Эст. [МСРГПриб., 293]. **Сиволёзый** *Пиньжак ужу вылиниу увесь, сивалёзый стау.* Смол. [ССГ 10: 7]. **Сивоплёсый** *Што зы плаття ты сабе купила, твет какой-та сиваплёсый.* Смол. [ССГ 10: 7]. **Сиволёзный** *У молодысти я усе любила красивыя, яркыя: кохты были ти красные, ти жоутье, а сивалёзныи усякии ни насила.* Смол. [ССГ 10:7].

Сема ‘мутный, непрозрачный’ реализуется в дериватах с корнем — *сив-* ‘плохо очищенная водка’: **сиву́ха, сиводёр, сиводра́ха, сиво́к, сиво́пляс, сивуши́на, сиво́к, сиволя́с, сивуши́на, сивуши́ца, сивупля́с, сивухва́н** [СРНГ 37: 273–276]. **Сиву́шник** Пьяница. *Яна-ж погибав, ен же натуральный сивушник.* Латв. [СРНГ 37: 276].

Указанное значение входит в семный состав прилагательных *синий* и *зеленый* в говорах, а также частично коррелирует с прилагательным *серый* в устойчивом сочетании *серая вода* ‘неизлечимая слепота у лошадей’ [СРНГ 37: 227]. Отдельно стоит обратить внимание и на сочетание *серое вино* ‘водка’ ярсл. [ЯОС 9: 28–29], которое полностью совпадает по значению в говорах с сочетаниями «синее вино», «белое вино», «зеленое вино» [Колесникова 2021: 201, Колесникова 2022: 135].

8. Прилагательное *сивый* способно характеризовать оттенок бледного цвета кожи: *Ты чего на заусёнышке-то сидишь? Иди на солнце, а то всю зиму сивая будишь.* Тверск. [Селигер 7: 69–70], что, несомненно, ассоциируется с болезненностью состояния человека или животного:

У Махи поросенок-то сивой какой, ничего не кормит его. Москов. [СРНГ 37: 276]. *Мальчик сивенький, худенький, бледный.* Тверск. [Селигер 7: 69–70].

9. В литературном языке с пометами «просторечное, устаревшее» зафиксировано слово *сивола́тый* в значении ‘необразованный, неотесанный, грубый’.

Неправда, Семку любишь. И нашла кого, буфетного мужика сиволапого. Л. Толстой, *Плоды просвещения. Очень мне интересно выходить замуж за какого-нибудь сиволапого купца!* Мамин-Сибиряк, *Хлеб.* [МАС 4: 88–89].

В диалектных системах лексемы с корнем *-сив-* обнаруживаются и другие производные прилагательные в этом же значении: **сивола́пчатый, сивола́повский** [СРНГ 37: 276], а также ряд существительных со значением ‘необразованный, невоспитанный, грубый человек’: **сиволда́ина, сивокло́п, сивола́п, сиволза́й, сивохра́п, сиводу́ш, сивя́к.** Обратим внимание, что в значении ‘малокультурный,

необразованный, грубый' в говорах активно используется лексема *серый* [Колесникова 2023]. В устойчивом сочетании **сѣрый (сѣвый) чѣрт** с пометой «бранное» прилагательные взаимозаменяют друг друга:

Воротит тебе на «О», да и что ты хочешь. экой серый черт — выворотень. Ярослав. [ЯОС 9: 28–29]. *Сивый чѣрт, в окне сидит, сюды не идѣт* [муж]. Тверск. [Селигер 7: 69–70].

10. Лексема *сивый*, как и *серый* [подробнее см. Колесникова 2023], реализует в говорах в общее значение 'не соответствующий по качеству существующим требованиям; плохого качества, не первого сорта', которое трансформируется в оттенки значения 'имеющий цвет, характерный для недозрелой ягоды'. *Топеря кружовник сѣвый стал, ягоды белые, нехорошие.* Тверск. [Селигер 7: 69–70].

Проведённый анализ семантики прилагательного *сивый* в русских говорах на фоне его функционирования в литературном языке позволяет сделать ряд ключевых выводов.

Прилагательное *сивый*, как и *седой* и *серый*, обозначает в говорах достаточно светлые и очень близкие к белому оттенки цвета, в отличие от литературного языка, для которого свойственна тонкая цветовая градация: «сравнивая значения соответствий *sěъ и *sivъ, можно выделить дифференцирующие значения их праформ градационные компоненты 'более темный' (*sivъ) и 'менее темный' (*sěъ, *sěd), поскольку цветовые значения соответствий к *sěъ, *sěd более 'светлые' [Кожемякова 2001: 73].

В отличие от современного русского литературного языка, где значения данной лексемы ограничены характеристикой масти животных и цвета волос (с пометой — просторечное), в диалектной системе лексема обладает более широкой и развёрнутой семантической структурой.

В говорах *сивый* расширяет свою сферу употребления, становясь универсальным колоративом с общим значением серого цвета, что совпадает с употреблением этого слова в ряде других славянских языков.

Если в литературном языке прилагательные *сивый* — *седой* — *серый* образуют чёткие семантические оппозиции (различаясь по полутонам и сфере употребления), то в говорах они обслуживают общую цветовую сферу серого цвета, что приводит к их семантическому сближению. Возникновение данных синонимов — закономерный результат упрощения и унификации цветовой палитры в народной речи, где потребность в точной передаче полутонов уступает место необходимости называть основной цвет.

Источники

Акчим — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь): в 6-ти вып. / Под ред. Ф. Л. Скитовой. Пермь, 1984–2011.

БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. Москва. Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1948–1965.

БД АОС — База данных «Архангельский областной словарь» // Кабинет «Архангельского областного словаря» кафедра русского языка филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Даль — В.И. Даль Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд., исправленное значительно дополненное. Т. 1–4 / Под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. С.-Петербург–Москва: Издание т-ва М. О. Вольфъ. 1903–1909.

Деулино — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Осовецкого. М.: Наука, 1969. 612 с.

Дилакторский — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / Ин-т лингв. исслед. РАН. изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2006.

Малеча — Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 2002. 489 с.

МАС — Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Русский язык, 1981–1984.

МСРГСП — Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики / Под ред. М. Ф. Семеновой. — Рига: Латвийский гос. ун-т им. Петра Стучки, 1963.

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии / Под ред. В. Г. Долгушев, З. В. Сметаниной. Вып. 1–9. Киров, 1996–2014.

СВГ — Словарь вологодских говоров: в 12 вып. / Под ред. Т. Г. Паникаровской, Л. Ю. Зориной. Вологда, 1983–2007.

Селигер — Селигер: материалы по русской диалектологии: Словарь. Вып. 1–8 / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 2003–2020.

Сл. XI–XVII вв — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, Д. Н. Шмелев, Г. А. Богатова, В. Б. Крысько. Т. 1 30. М., 1975–2015.

СлАН 1847 — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук. Санкт-Петербург: в тип. Императорской акад. наук, 1847.

СЛПП — Словарь лексики пермских памятников XVI — начала XVIII века: в 2 т. / Е. Н. Полякова. Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6-ти т. / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2004.

СРГКПО — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: Изд-во «Поницаа», 2006. 272 с.

Срезневский — Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: репринт. изд.: в 3-х т. М.: Книга, 1989.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Соколетов, С. А. Мызников. Т. 1–51. М.; Л. / СПб., 1965–2019.

Фасмер — Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987.

Шапошников — Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А. К. Шапошников: в 2-х т. М.: Флинта: Наука, 2010.

ЯОС — Ярославский областной словарь: в 10 т. / Под ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.

Литература

Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке / АН СССР. Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1975. 288 с.

Брысина Е. В. Особенности цветообозначений в донских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007 / Ин-т лингв, исслед. СПб.: Наука, 2007. С. 90–101.

Вендина Т. И. Символика цвета сквозь призму словообразования // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. СПб., 1998.

Кожемякова Е. А. История формирования семантики прилагательных-цветообозначений в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2001. 209 с.

Колесникова Е. В. Семантика прилагательного *синий* в русских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2022 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 118–217.

Колесникова Е. В. Некоторые особенности семантики прилагательного *зеленый* в русских говорах // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 2. 2021. Диалектология / отв. ред. выпуска О. Е. Кармакова. М.: «Нестор-История», 2021. С. 132–142.

Колесникова Е. В. Семантика прилагательного «серый» в русских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2023 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2023. С. 207–227.

Колесникова Е. В. Семантика прилагательного «седой» в русских говорах // Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования Материалы III Международной научной конференции. Москва, 2023. С. 205–215.

Кульпина В. Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер: монография. Москва: МАКС Пресс, 2019. 288 с.

Лесников С. В., Мызников С. А., Королькова М. Д. Русский диалектный гизаурус: основные источники // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2019 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 425–497.

Нефедова Е. А. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М.: Макс Пресс, 2008. 463 с.

Пищальникова В. А. Некоторые особенности функционирования цветовых прилагательных в русских говорах // Исследование по семантике. Уфа, 1982. С. 45–49.

Приображенский А. В., Королькова М. Д. Свод диалектных и региональных словарей: новые подходы и перспективы. XL Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 2024», 29–30 января 2024 г. Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, РГО.

Рахилина Е. В. О семантике прилагательных цвета // Наименования цвета в индо-европейских языках: Системный и исторический анализ. М., URSS, «Ленанд», 2007. С. 29–39.

Суровцова М. А. К истории выражения цветовых значений в древнерусском языке XIV–XVII вв.: дис. ... канд. филол. наук. М., 1967. 253 с.

Kolesnikova E. V.

*Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
el.kolesnikova@bk.ru*

SEMANTICS OF THE RUSSIAN ADJECTIVE GREY IN RUSSIAN DIALECTS

The paper presents a study of the semantic structure of the all-Russian adjective *sivy* on the basis of extensive material from Russian dialects. The analyzed lexeme is related to the Indo-European root *k^hei-, which is also the basis for the adjectives gray and gray-haired. In Old Russian monuments from the 11th to the 16th centuries, the adjective *sivy* had a very narrow and specific meaning: it was used exclusively to describe the color of horses (“dark gray with gray hair”). The semantic structure of the adjective *sivy* in dialects is a complex, multi-level system: the lexeme can denote various shades of light gray in relation to a wide range of objects, animal coats, and human hair colors (from gray to light), and can also characterize dull, faded surfaces. In dialects, *sivy* expands its scope of use, becoming a universal color term with a general meaning of gray, which coincides with the use of this word in several other Slavic languages.

Keywords: semantics, common Russian word, color designation, adjective, dialect synonyms, Russian dialects, dialect language.

References

Bahilina N. B. *Istoriya cvetooboznachenij v sovremennom russkom yazyke* [History of color designations in Modern Russian]. L.: Nauka, 1979. 232 p.

Brykina E. V. [History of color terms in dialects] // *Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical atlas of Russian folk dialects: Materials and research] 2007. SPb.: Nauka, 2007. Pp. 90–101. (In Russ.)

Vendina T. I. *Cvet v etnokul’turnoj sisteme russkogo, staroslavjanskogo i drevne-russkogo jazykov* [Color in the ethnocultural system of Modern Russian, Old Church Slavonic and Old Russian languages] // *Slavyanskij al’manah* [Slavic Almanac]. M.: Indrik, 1999. Pp. 277–304.

Kolesnikova E. V. [The semantics of the adjective *sinij* (‘blue’) in Russian dialects] // *Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical atlas of

Russian folk dialects: Materials and research] 2022. SPb.: ILI RAN, 2022. Pp. 118–217. (In Russ.)

Kolesnikova E. V. [The semantics of the adjective *seryj* ('grey') in Russian dialects] // *Leksicheskij atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical atlas of Russian folk dialects: Materials and research] 2023. SPb.: ILI RAN, 2023. Pp. 207–227. (In Russ.)

Kolesnikova E. V. [The semantics of the adjective *sedoj* ('grey-haired') in Russian dialects] // *Slovo. Tekst. Istochnik: Metodologiya sovremennogo gumanitarnogo issledovaniya: Materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. 21–22 aprelya 2023 g. Vypusk 3. — M.: RGU im. A. N. Kosygina, 2023. Pp. 205–216. (In Russ.)

Kozhemyakova E. A. *Istoriya formirovaniya semantiki cvetooboznachenij v russkom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [The formation history of the color designation semantics in the Russian language. PhD thesis]. Nizhnij Novgorod, 2001. 209 p.

Kul'pina V. G. *Lingvisticheskaya cvetologiya: ot istorii k sovremennosti cvetovykh konceptosfer: monografiya* [Linguistic colorology: from History to modernity of color conceptospheres: a monograph]. M.: Maks Press, 2019. 288 p.

Lesnikov S. V., Myznikov S. A., Korol'kova M. D. [Russian dialect hypertext thesaurus and its primary sources] // *Leksicheskij atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research)] 2019 / otv. red. S. A. Myznikov. SPb.: ILI RAN, 2019. Pp. 425–497. (In Russ.)

Nefedova E. A. *Mnogoznachnost' i sinonimiya v dialektnom prostranstve* [Polysemy and synonymy in the dialect space]. M.: Maks Press, 2008. 463 p.

Pishchal'nikova V. A. [Some functional features of color adjectives in Russian dialects] // *Issledovaniya po semantike* [Semantic research]. Ufa, 1982. Issue 8. Pp. 126–131. (In Russ.)

Rakhilina E. V. [On the Semantics of Color Adjectives] // *Naimenovaniya tsveta v indoevropeskikh yazykakh: Sistemnyi i istoricheskii analiz*. [Color Names in Indo-European Languages: Systematic and Historical Analysis]. M., URSS, «Lenand», 2007. Pp. 29–39. (In Russ.)

Surovcova M. A. *K istorii vyrazheniya cvetovykh znachenij v drevnerusskom yazyke XIV–XVII vv.: dis. ... kand. filol. nauk* [On the history of the expression of color values in the Old Russian language from the 14th to the 16th century. PhD thesis]. M., 1967. 253 p.

А. П. Майоров

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

map1955@mail.ru

ДИАЛЕКТИЗМЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ

Предметом исследования в статье являются диалектные архаизмы — слова, которые первоначально в своем употреблении из общерусских слов стали территориально ограниченными, а затем, на определенном историческом этапе, преимущественно во вторичных говорах вышли из активного обихода. Образование диалектных архаизмов прослеживается:

- (1) в проспективном аспекте — начиная с фиксации в региональных письменных памятниках XVIII в. тех общерусских слов, которые впоследствии становятся диалектными;
- (2) в ретроспективном аспекте — отталкиваясь от фактов функционирования в современных вторичных говорах русского языка тех слов, которые представлены в письменных памятниках, созданных на данной территории.

Методика исследования строится на лексикографическом анализе (а) исторических словарей русского языка XI–XVII и XVIII вв. для установления факта общерусского распространения исследуемых лексем и тенденций их исторической динамики в этот период; (б) современных областных словарей, включающих диалектную лексику того региона, на территории которого были составлены письменные тексты с выделенными лексическими единицами.

В результате исследования были выявлены четыре категории диалектных слов, свидетельствующие о разнообразных путях их исторической динамики. Это (1) диалектные слова, сохранившие употребительность в данных говорах; (2) диалектные слова, образующие пассивный запас словаря говоров; (3) диалектные слова, испытавшие трансформации в плане выражения — своего рода лексикофонетические и морфологические архаизмы; (4) диалектные архаизмы — слова, которые, перейдя из разряда общерусских слов в регионализмы, на каком-то историческом этапе утратились в исследуемых вторичных говорах. Исключительное разнообразие исторических судеб диалектных слов подтверждает мысль о том, что эволюцию диалектного языка необходимо рассматривать не только в зависимости от экстралингвистических, но и внутренних, собственно лингвистических факторов.

В этом свете разработанная методика идентификации диалектных архаизмов более глубоко раскрывает следы данного комплексного воздействия на историческую динамику диалектных слов.

Ключевые слова: диалектные архаизмы, исторические словари, областные словари, историческая динамика.

Введение

Историческая динамика словаря того или иного идиома в основном представлена в процессах архаизации и неологизации лексических единиц. Под исследованием этих процессов в русском языке подразумевается анализ диахронных изменений во всех социальных формах общенародного языка, но, как правило, изучение архаизмов и неологизмов ассоциируется с изменениями прежде всего в словарном составе русского литературного языка. Диахронное исследование диалектной лексики обычно проводится в определенном ракурсе, с определенными ограничениями. Изначально русские диалекты рассматривались как источник реконструкции истории слова, а «диалектный ландшафт в отношении многих явлений» — как «развернутая в пространстве диахрония» [Толстой 1968: 342]. Неслучайно обращение к традиционному слою диалектного словаря, к изучению архаичных диалектных особенностей в фонетике, морфологии, лексике считалось насущной задачей для диалектологов, а характеристика тех или иных диалектных явлений, в частности вариативности лексики рассматривалась как свидетельство консервативности, устойчивости говора, наличия в его системе архаичных черт [Трегубова 2014: 37]. Особое предпочтение в исторической лексикологии и исторической диалектологии отдается изучению предметно-бытовых слов. Они обозначают реалии, которые обладают определенной материально-культурной ценностью в историческом прошлом, а география распространения этой лексики неизбежно взаимосвязана с их историей [Борисова 1957; Виноградов 1978; Дерягин 1966; Полякова 1977; Судачков 2010: 203–278].

В статье история диалектной бытовой лексики тоже будет затронута, но предмет исследования складывается несколько иначе. Речь пойдет не об историзмах — словах, обозначающих предметы, вышедшие из обихода, — названиях орудий труда, одежды, блюд, посуды и пр., а о диалектных архаизмах — словах, значения которых соотносятся с актуальными для современного носителя диалекта понятиями, но их территориально ограниченное функционирование представлено в рамках определенного исторического периода.

Диалектные архаизмы в исследовании разграничиваются с лексическими архаизмами как единицами, унаследованными из праславянского лексического фонда и сохраненными лексической системой какого-либо говора. Изучение последних призвано в основном решать этимологические задачи и направлено на поиск и анализ архаичного корня или основы, либо архаичной словообразовательной модели и типа значения. В исследовании диалектных архаизмов ставится задача проследить судьбу тех диалектных слов, которые восходят к общерусским лексическим единицам, но в последующем историческом развитии меняют свой социолингви-

стический статус, либо входя в активный фонд словаря определенного говора, диалекта, либо ограничиваясь каким-то временным отрезком в своем употреблении, превращаясь в диалектный архаизм.

Материал и методика исследования

Поставленная задача определяет необходимость привлечения в первую очередь региональных письменных памятников как источников тех слов, которые впоследствии станут диалектными. Русский язык, региональный вариант которого зарождался в Сибири в XVII–XVIII вв., представляют в основном тексты деловой письменности этого периода; в них содержится внушительный корпус слов, хорошо опознаваемых как будущие диалектизмы. После выборки слов в письменных памятниках методика идентификации диалектных архаизмов проводится с опорой на лексикографические источники. Сначала выявляется фиксация этих слов в исторических словарях — Словаре русского языка XI–XVII вв., Словаре русского языка XVIII в., либо, начиная с буквы «Р», в Словаре Академии Российской 1789–1794 гг. Если выделенная лексема в них присутствует, то данные словарной статьи сопоставляются со сведениями контекста употребления анализируемого слова. Следующий шаг — наблюдение над употребительностью слова в современной языковой ситуации, и для этого привлекаются областные словари — в первую очередь Словарь русских народных говоров (СРНГ), а затем словари, включающие диалектную лексику того региона, на территории которого были составлены письменные тексты с выделенными лексическими единицами. Опять-таки в случае фиксации в них диалектизмов, идентичных анализируемым словам, также проводится сопоставление исторически общерусских слов-«предков» с их диалектными потомками во всевозможных вариантах.

Для анализа были отобраны 20 слов, употребляющихся в текстах забайкальской деловой письменности XVIII в., — *батюшко*, *верва* и *вервь*, *вонный*, *голица*, *грубный*, *даха*, *другомя*, *заворы*, *извиниться* ‘признать свою вину’, *крыльца*, *лагуны*, *мост* ‘пол’, *оболокаться*, *окроме*, *поверстаться*, *подглазица*, *подгулка*, *поддоска* (*подосок*), *робить*, *слекиши*. Принцип отбора был сосредоточен на максимальном различии лексем в плане выражения и плане содержания: это конкретная лексика, представленная предметно-бытовыми словами разных тематических групп, терминами родства, названиями частей тела, и абстрактная лексика, слова разных частей речи, и, самое главное, слова, имеющие разную историю их бытования в русских говорах.

Лексикографические сведения по сопоставлению слов из забайкальских письменных памятников XVIII в. с данными современных русских говоров приведены по каждой лексеме, расположенной в алфавитном порядке. Эти сведения сопровождаются краткими комментариями. Сокращение «Обл. словари» обобщает данные словарей современных русских говоров Восточной Сибири и Дальнего Востока — «Словаря русских говоров Приамурья» (2-е изд., 2007), «Словаря русских говоров южных районов Красноярского края», «Словаря русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова, «Словаря говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья», «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири» (тома до буквы «Н»).

Результаты исследования

БАТЮШКО ‘отец’:

Забайк. XVIII: — *Выйдя небольшой малчик или девочка и сказала нетъ батюшка дома* (ГАРБ, ф. 20, 1792).

Сл. XI–XVII, вып. 1, с. 80: **батюшко**, **батюшка**. Отец;

Сл. XVIII, вып. 1, с. 151: **ба́тюшка** и **ба́тюшко**. Прост. Отец;

СРНГ, вып. 2, с. 149–150: **ба́тюшка** и **ба́тюшко**. Отец (Перм. 1856., Ср. Урал., Арх., Олон. ... Вят., Волог. Новг., Тул.).

Обл. словари:

Сл. АМ, т. 2, с. 331–333: **богодáнный ба́тюшка**. Устар. Тесть, свекор.

Слово распространено в широком ареале говоров европ. части России; в говорах Сибири оно не встречается, за исключением говоров Иркут. области, где слово употребляется в составном наименовании в форме *батюшка* с оконч. -а.

ВЕРВА и **ВЕРВЬ** ‘кусок веревки’:

Забайк. XVIII: — *Выдано служителю Ивану Лемзякову <...> за взятые у него веревки конопленные десяти сажень денегъ трицѣтъ[ѣ] копѣекъ да вервей на десять копѣекъ* (ГАРБ, 1765). — *И из них у бурорыжева игренова и сивова навязаны были [в] вервах в обресках китаечки которые ими оторваны* (ГАЧО, 1793).

Сл. XI–XVII, вып. 2, с. 81: **верва** то же, что **вервь** в знач. ‘веревка, свитая в несколько прядей; шнур, нить’ и ‘нитка, дратва’;

Сл. XVIII, вып. 3, с. 37: **вервь** и **верва́** веревка;

СРНГ, вып. 4, с. 123: **вѣрва** и **верва́**. 1. Толст. и просмол. нитка для шитья обуви (Онеж. Арх. 1885., Новг., Тобол.). 2. Веревка (Забайк.).

с. 125: **вервь**. То же что **верва** (в 1-м знач.) (Ряз., Твер., Новг., Волог., Арх., Сев-Двин., Перм., Южн-Сиб., Том., Барнаул).

Обл. словари:

Сл. Эл., 75: **вѣрва**. Обрывок веревки; СГССЗ, 72: **вѣрва**. 1. Веревка из пеньки. 2. Суровая нитка из конопли;

Сл. АМ, т. 6, 180: **вервь** веревка из конопли.

Из двух морфологич. вариантов, похоже, *вѣрва* в знач. ‘кусок, обрывок веревки’ и ‘веревка из пеньки или конопли’ с ударением на основе устойчиво сохраняется в сибирских говорах, в частности, по данным СРНГ и СГССЗ, — в забайк. говорах. Семантические изменения ‘веревка’ → ‘кусок веревки’, ‘веревка’ → ‘веревка из конопли’, видимо, связаны с появлением в говорах лит. слова *веревка*, конкуренцию с которым диалектное слово в этом знач. не выдерживает.

Вариант *вервь* согласно СРНГ выступает только в знач. ‘дратва’ и имеет ареал, не охватывающий Забайкалье. Этого варианта нет и в словарях совр. сиб. говоров, за исключением Сл. АМ.

ВОННЫЙ ‘внешний, наружный’:

Забайк. XVIII: — *Над ними <воротами> на вонной сторонѣ два образа* (ф. 121, 1755) (Заб. XVIII, с. 78).

Сл. XI–XVII, вып. 3, с. 21: **вонный**². Внешний, наружный; находящийся за пределами чего-л.

Сл. XVIII, вып. 4, с. 59: **вонный**² *Нейтр.* → *Простонар.* Находящийся снаружи, наружный, внешний.

СРНГ, вып. 5, с. 92: **вонный**. Внешний, наружный (Шенк. Арх. 1846., Арх., Олон., Вят., Новг., Петерб., Перм., Север., Колым.).

Обл. словари: нет.

Уже для XVIII в. подчеркивается смещение слова на периферию общенародного языка. Употребительным оно

остаётся в говорах русского Севера. В совр. сиб. говорах слово *вонный* не употребляется.

ГОЛИЦА ‘кожаная рукавица без подкладки’:

Забайк. XVIII: — *Осталось незаслуженного ево платья <...> чарковъ новыхъ однѣ рукавицъ голицъ поношенныхъ однѣ* 1747 (Заб.XVIII, с. 101).

Сл.XI–XVII, вып. 4, с. 61: **голица**. 1. Кожаная рукавица без подкладки;

Сл.XVIII, вып. 5, с. 152: **голица**. Кожаная рукавица, которую обычно надевали на варежки;

СРНГ, вып. 6, с. 294: **голицы** и **голицы**. 1. Кожаные рукавицы (обычно без подкладки и меха) (Волог., Перм., Курск., Орл., Том., Краснояр., Свердл.). МАС, т. I, с. 324: *Обл.* Кожаная рукавица без подкладки.

Обл. словари:

Сл. Эл., 91: **голица**. Кожаная рукавица без меха;

СГССЗ, 101: **голицы**, *мн.*, голица, *ед.* Рукавицы без подкладок;

Сл. АМ, т. 11, 73: **голицы**. Охотничьи лыжи, не подбитые камасом (шкурой с ноглося, оленя или лошади);

Краснояр. сл., с. 41: **голица**. Кожаная рукавица без меха и подкладки;

Амур. сл., 94: **голица**, *обычно мн.* голицы. Кожаная или брезентовая рукавица без подкладки, обычно надеваемая поверх вязаной.

Все словари, за исключением Сл. АМ, свидетельствуют о неизменности лексич. значения слова *голица* на протяжении XVIII–XX вв. Обл. словари подтверждают употребительность слова в совр. сибирских говорах. Витальность лексемы объясняется экстралингв. факторами. В Сибири с ее холодным климатом такого рода рукавицы нужны были всегда, отсюда и «живучесть» слова.

ГРУБНЫЙ ‘грубый, резкий (о словах)’:

Забайк. XVIII: — *А я никаких грубных убоясь словъ не говорил* (ГАРБ, ф. 20, оп. 1, д. 5541, л. 3, 1790).

Сл.XI–XVII, вып. 4, с. 143: **грубный**. 1. Грубый, причиняющий обиду, неприятность. 2. Враждебный;

Сл.XVIII, вып. 5, с. 247: **грубный**. Обидный, досадный, неприятный;

СРНГ, вып. 7, с. 157: **грубный**. Грубый, резкий, неучтивый (Калуж., Курск., Орл., Тул. 1840, Ряз. Нижегород., Север.)

Обл. словари: нет.

Сл. АМ, т. 12, с. 186–187: **грубнуть** ‘грубеть (становиться грубым, жестким, утрачивая мягкость)’.

Прилагательное выходит из общего обихода в XVIII в. В СРНГ очерчивается сравнительно небольшой ареал южных регионов его употребления. В совр. сиб. говорах этого слова нет. Какой-то историч. след прилагательного сохраняется в забайк. говорах глагол *грубнуть*, судя по внутренней форме являющийся от него производным — ‘становиться грубым’.

ДАХА ‘шуба шерстью наружу’:

Забайк. XVIII: — *Шубъ шитых овчинных --- 2 дахъ яман[ь]ихъ --- 5 зипуновъ сермяжныхъ --- 2* (ф. 262, 1740) (Заб. XVIII, 110).

Сл.XI–XVII: нет;

Сл.XVIII: нет;

СРНГ, вып. 7, 279: шуба шерстью наружу Бурнашев от Дая Вост. Сиб.

Обл. словари: нет.

Заемствованное из бурятского (Аникин 2000: 179), слово в употреблении изначально было территориально ограниченным, поэтому в историч. словарях не фиксируется.

Данный фонетич. вариант слова — *дах*, в совр. забайк. говорах не сохранился.

ДРУГОМЯ ‘иначе, другим образом’:

Забайк. XVIII: — *Спрашиваль онъ Балихан у меня что де отецъ мой ему говорить на то я ему боясь ево чтоб и нас умертвит[ь] не могъ перевелъ речь **другомя*** (ГАРБ, ф. 20, оп. 1, д. 5541, л. 3, 1790).

Сл. XI–XVII: нет;

Сл. XVIII: нет;

СРНГ, вып. 8, с. 211: **дрúгомя**, **другóмья** и **другомя́**. Иначе, иным образом (Волог., Север.; Арх.; Амур.; ... Перм., Забайкал., Тобол., Камч.).

Обл. словари: нет.

Хотя СРНГ отмечает наличие слова в забайкальских и амурских говорах, обл. словари не подтверждают его употребления в совр. яз. ситуации данных регионов.

ЗАВОРЫ ‘изгородь, прясло’:

Забайк. XVIII: — *И поверстались проти дому Ивана Дружинина то Григорей Астраханцовъ под[ъ]ехал **къ заворамъ** и крычалъ дома ли* (ГАРБ, ф. 20, оп. 1, д. 2127, л. 6, 1792).

Сл. XI–XVII, вып. 5, с. 157: **заворь** 1. Засов, запор. ... 4. Часть изгороди, где жерди убираются для проезда и прохода; **завора**. Засов, запор;

Сл. XVIII: нет;

СРНГ, вып. 9, с. 341: **завор** и **завор** 1. Разборное звено изгороди из свободно вынимающихся жердей, служащее воротами (Арх., Олон., Сев-Двин., Перм., Урал, Том., Иркут.). 2. Ворота, калитка в ограде, заборе (Южн.-Сиб.).

Обл. словари:

Сл. Эл., с. 117: **завора́**, тонкая жердь, закрывающая проезд в изгороди.

СГССЗ, с. 150: *Устар. завóры*, изгородь из горизонтально положенных жердей (не плотно прилегающих друг к другу).

Сл. АМ, т. 16, с. 331: **Завор**, *Устар.* Разборное звено изгороди из свободно вы-

нимающихся горизонтально положенных жердей;

Краснояр. сл., с. 63: **завóры** — столбы, в которые укрепляют заворины. **Завóрина**, **завóрины**. 1. Ворота. 2. Палка, закрывающая ворота. **Завóрка**. То же, что **завóрина** (во 2-м знач.); **Завóрки**. То же, что **завóрина** (в 1-м знач.).

Амур. сл., с. 145: **завор**. То же, что **ворóтина**.

Ворóтина, жердь, перекладина, загораживающая проход или проезд в изгороди (с. 75).

Диал. слово отличает активность его производящей основы, которая порождает словообраз. и морфологич. варианты, закрепляющиеся в разных лексич. системах совр. сиб. говоров с богатой многозначностью. Денотат слова с характерной деталью — горизонтально положенными жердями в изгороди, широко известен в совр. хозяйств. жизни сибирских крестьян.

ИЗВИНИТЬСЯ ‘признаться в вине, преступлении’:

Забайк. XVIII: — *...которыми <старшинами и зайсанами> по разбирательству из показанных воровъ Норбо Номчиевъ самым точным делом **извинилса** и во оговоре им товарища своего реченного Дондока* (ГАРБ, ф. 20, оп. 1, д. 923, л. 3, 1787).

Сл. XI–XVII, вып. 6, с. 121: **извинитися**. 1. Провиниться. 2. Оправдаться.

Сл. XVIII, вып. 9, с. 21: **извини́ться** ... 1. Объяснить причину своего проступка; снять с себя вину, обвинение. 2. Попросить прощения.

СРНГ, вып. 12, с. 107: **извиня́ться**, **несов.**, **извини́ться**, **сов.** Виниться. Извиниться кому-л. (Арх.) || Сознаться в чем-л. (Симб., Нижегород., Брян., Орл., Арх., Олон.).

Обл. словари: нет.

Глагол в знач. ‘признать вину’ в совр. сиб. говорах не сохранился.

КРЫЛЬЦА ‘заплечье; лопатки’:

Забайк. XVIII: — *И от затылку по обеим крыльцамъ синевы кровавые* (ф. 282, 1753) (Заб.XVIII, с. 214).

Сл.XI–XVII, вып. 8, с. 95: **крыльце** и **крыльцо** ... 2. Часть спины у плеч, лопатки.

Сл.XVIII, вып. 11, с. 53: **крыльца**, *мн.*; *ед.* крыльце. Лопатки (у человека, животных);

СРНГ, вып. 15, с. 346: **крыльца** 2. Заплечье, лопатки (Влад., Иван., Ярослав., Моск., Тул., Новг., Сев.-Двин., Костром., ... Ср.Урал. ... Иркут., Забайк.);

Обл. словари:

Сл. Эл., с. 172: **крыльца**, *мн.* Плечи;

СГССЗ, с. 225: **крыльца**, *мн.* 1. Лопатки. 2. Плечи;

Сл. АМ, т. 23, с. 180: **крыльца**, *мн.* Верхняя часть спины; лопатки, заплечье, плечи;

Краснояр. сл., с. 99: **крыльца**. Лопатки и плечи;

Амур. сл., с. 215: **крыльца**, *мн.* 1. Верхняя часть спины, лопатки.

Употребительность слова в форме *мн. ч.* с отмеченной семантикой стабильна с XVIII в. В совр. сиб. говорах слово — в активном запасе их словаря.

ЛАГУН ‘род бочонка с плотно входящей крышкой’:

Забайк. XVIII: — *Деревянной посуды лагунъ мерою въ „17., ведръ --- 1* (ф. 31, 1747) (Заб.XVIII, с. 219).

Сл.XI–XVII, вып. 8, с. 159: Род бочонка или ушата с плотно входящей крышкой;

Сл.XVIII, вып. 11, с. 104: **лагун**. Род бочонка;

СРНГ, вып. 16, с. 224: **лагун**. Деревянный сосуд, кадка (обычно употребляется для хранения кваса, пива, молока, дегтя)

(Слов. Акад. 1814, Сиб., 1837; Волог., Сев.Двин., Ряз., Ворон., Костром., Перм., Челяб., Кемер., Том., Енис., Иркут., Прибайкал.).

Обл. словари:

Сл. Эл., с. 181: **лагун**. Кадка;

СГССЗ, с. 240: **лагун**. 1. Деревянный бочонок с заделанной наглухо крышкой, в которой есть отверстие, затыкаемое пробкой. Предназначается для хранения молока, воды, а также для засолки капусты, огурцов, грибов, рыбы и т. д.;

Сл.АМ, т. 24., с. 385: **лагун**. Деревянный бочонок с заделанной наглухо крышкой, в которой есть отверстие, затыкаемое пробкой. Предназначается для хранения молока, воды, а также для засолки капусты, огурцов, грибов, рыбы и т. д.;

Краснояр. сл., с. 104: **лагун**. Род бочонка;

Амур. сл., с. 225: **лагун**. Род большой бочки с двойным дном и двумя небольшими отверстиями в крышке.

В совр. сиб. говорах слово сохраняется как наименование своеобразного бочонка, востребованного в хозяйстве сибирских крестьян. Абсолютная идентичность дефиниций в СГССЗ и Сл. АМ указывает на широкое распространение такого рода сосуда в Забайкалье. Многочисленные производные — *лагунка*, *лагунок*, *лагушок*, *лагушка*, *лагушечка*, свидетельствуют об актуальности обозначаемой реалии в крестьянской жизни по сей день.

МОСТ ‘1. Деревянный настил, помост. 2. Пол’:

Забайк. XVIII: 1. — *При каждой шахте для разбору рудъ построены верхние мосты и над мостами для разбору рудъ сарай с кровлями* (ф. 31, 1743).

2. *И я Каргополцов оные иконы с мосту поднял и поставил в угол на лавку* (ф. 1069, 1727) (Заб.XVIII, с. 240).

Сл. XI–XVII, вып. 9, с. 274: **мост**¹.
4. Пол, помост, настил или перекрытие в постройке;

Сл. XVIII, вып. 13, с. 41–42: **мост**¹.
5. Пол, настил, перекрытие в постройке;

СРНГ, вып. 18, с. 287: **мост**... 2. Деревянный пол в избе Курск., Орл., Тул. ... Арх., Онеж., Волог. ... Куйбыш., Акмол., Иркут., Якут.). 3. Помост в избе для спанья (Север., Вост., Орл., Тамб., Ряз., Смол.). ... 9. Дощатый настил для молотбы (Арх.). 10. Мостки для причала судов (Арх.)

Обл. словари:

Сл. Эл.: нет;

СГССЗ, с. 273: **мост** *Устар.* Пол;

Краснояр. сл., с. 117: **мост**. Деревянный настил во дворе или на улице;

Амур.сл. с. 254: **мост**. Пол;

Сл. АМ, т. 31, с. 54: **мост**. 1. Деревянный настил в крестьянском дворе... 4. (обычно мн. мосты, -ов). Используемый в качестве подставки для работы на высоте настил из досок, укрепленных на стойках из деревянных брусьев.

Динамика варьирования семантич. пространства этого многозн. слова чрезвычайна и зависит от значимости называемой реалии в той или иной сфере жизнедеятельности русских (ср. *мост* как название гати, деревянной мостовой, корабельной палубы, пола в крестьянской избе и пр.). В совр. сиб. говорах слово в знач. ‘пол’ устарело.

ОБОЛОКАТЬСЯ ‘одеваться’:

Забайк. XVIII: — *И после де того несколко соснувши Курбатов сталь оболочатца* (ПЗДП, 104, 1769).

Сл. XI–XVII, вып. 12, с. 121: **оболокаться**. Облачатся, одеваться.

Сл. XVIII, вып. 16, с. 39: **оболо́чься, оболочаться**, (слав.) **оболокаться**. Одеться, облачиться во что-л.;

СРНГ, вып. 22, с. 166: **оболокаться** и **оболочаться**. Одеваться. (Яросл., 1820. Сев-Двин. Олон. ... Печор., Коми АССР,

Зап., Петрогр., Новг., Костром. ... Иркут., Бурят. АССР (Тунк., Усть-Баргуз.), Забайк., Амур., Колым., Якут.).

Обл. словари:

Сл. Эл., с. 253: **оболокаться**. Одеваться;

СГССЗ, с. 310: **оболокаться**. Одеваться;

Краснояр. сл., с. 129: **оболокаться**. Одеваться;

Амур.сл., с. 285–286: **оболокаться, болокаться**. 1. Одеваться. 2. Обтягиваться чем-л. 3. Покрываться тонким слоем.

Глагол продолжает сохраняться в совр. сиб. говорах. Свидетельством принадлежности слова к активному запасу словаря этих говоров выступает развитие многозначности слова (см. Амур. сл) и употребление многочисл. однокоренных слов с семантикой ‘одежда’.

ОКРОМЕ *предл. с род.п.* ‘за исключением кого-, чего-л.; кроме’:

Забайк. XVIII: — *И такого младенца прижила с ним Добрыниным а окромъ ево иных никого не об[ъ]евляетъ* (ф. 282, 1755) (Заб. XVIII, с. 296).

Сл. XI–XVII, вып. 12, с. 346: **окромъ**. II. *Предлог с род. пад.* 1. Кроме, исключая. 2. Без;

Сл. XVIII, вып. 11, с. 12: **крómъ** и **окрómъ** (acro-, -мя, также раздельно), *предлог с род. п.* 1. Употр. при указании на то, что отсутствует, не имеется, не употребляется и т. п. ... || При указании на то, без чего что-л. происходит... минуя кого-, что-л.;

СРНГ, вып. 23, с. 166: 1. **окро́ме**. *Предлог с род. п.* Без. (Арх., Перм.).

Обл. словари:

Сл. Эл., с. 263: **окромья, предлог**. Употр-ся с *род. п.* Кроме;

СГССЗ, с. 318: **окромья, предлог с род. п.** Кроме;

Краснояр. сл.: нет;

Амур. сл., с. 294: **окромья**, предл. Кроме.

Предлог только в форме **окромья** употребителен в совр. сиб. говорах. С пометой *Обл.* эта форма отмечается в МАС (т. III, с. 612).

ПОВЕРСТАТЬСЯ ‘приблизившись, оказаться рядом с кем-, чем-л.; поравняться’:

Забайк. XVIII: — *И против онаго <дома> онъ Окулов поверстаясь вскоча з завалны Таскина жена <...> ее дочери били ево напрасно* (ф. 20, 1786) (Заб.XVIII, с. 332).

Сл.XI–XVII, вып. 15, с. 149: **поверстатися** ‘1. Причислиться к какому-л. разряду, определиться на какую-л. должность, службу. 2. Произвести между собой разверстку, раздел (каких-л. платежей, земель и т. п.)’;

Сл.XVIII, вып. 20, с. 100: **поверстаться**. ‘1. Приближаясь, оказаться рядом; поравняться, сблизиться’;

СРНГ, вып. 27, с. 227: **поверстаться**. 1. Повстречаться (Сиб., Амур., Хабар., Вят., Нижегород.).

Обл. словари:

Сл. Эл., с. 303: **поверстаться**. Поравняться, сравняться;

СГССЗ: нет;

Краснояр. сл.: нет;

Амур. сл., с. 330: **поверстаться**. *Устар.* 1. Повстречаться. 2. Поравняться.

Глагол с указ. знач. в разг. узусе отмечается только с XVIII в. При этом сужение географии его функционирования происходит довольно быстро. В совр. сиб. говорах слово находится в пассивном запасае.

ПОДГЛАЗИЦА ‘нижнее веко или впадина под глазами у человека’:

Забайк. XVIII: — *Ударилъ меня правою рукою в левой глазъ и прошиб подглазицу такъ сильно что я вышелъ ис памяти* (ГАРБ, ф. 20, оп. 1, д. 5995, л. 2 об., 1789).

Сл.XI–XVII: нет;

Сл.XVIII, вып. 20, с. 190: **подглазье**. Впадина, ямка под глазом;

СРНГ, вып. 27, с. 374: **подглазица**.

1. Опухоль, синевя под глазом (Муллоу.).
2. Нижнее веко (Арх.), 1971, 3. Впадина под глазами у человека (Пинеж. Арх.) — Арх., 1967.

Обл. словари: нет.

Не только в русских говорах, но и в литературном языке существует лакунарность в наименовании этой части лица.

ПОДГУЛКА ♦ в **подгулке** ‘в состоянии опьянения; в подпитии’:

Забайк. XVIII: — *Буд(у)чи в городе Нерчинскѣ в подгулкѣ отправить запамятоваль и в томъ винень* (ИСВЗ, 289, 1791) (Заб.XVIII, с. 152–153).

Сл.XI–XVII: нет;

Сл.XVIII, вып. 20, с. 193: **подгул**. Кутеж, пьянство;

СРНГ, вып. 27, с. 383: **подгүл**. Состояние небольшого опьянения; подпитие (Перм. 1858, Нижегород.).

Обл. словари: нет.

Несмотря на неослабевающую актуальность обозначаемого понятия, выражение в совр. сиб. говорах не удержалось.

ПОДДОСКА, ПОДОСОК ‘Железная полоса у железной оси телеги’:

Забайк. XVIII: — *Дано на Хилокъ <...> сто гвоздей подосошных, пятьдесятъ подосков* (ф. 262, 1733). — *Одноколка на ней сѣдунка обита кожею <...> ось с поддосками* (ф. 121, 1750) (Заб.XVIII, с. 338).

Сл.XI–XVII, вып. 15, с. 253: **поддоска**. Железная полоса, которая для прочности кладется на железную ось;

Сл.XVIII, вып. 20, с. 199: **поддоска**. ◀ То же, что **подоска**. Вып. 21, с. 19: **подосина, подоска, подосок**. Железная полоса, которая крепится к нижней части деревянной оси телеги для ее прочности;

СРНГ, вып. 27, с. 395: **пóддóска́**. 1. Железная пластина, врезанная под тележную ось или под концы ее для прочности (Новосиб., Калуж., Тул., Тамб., Ворон., Пенз., Смол., Яросл., Арх., Урал., Том., Иркут.).

Обл. словари:

Сл. Эл.: нет;

СГССЗ, с. 352: **пóддоска**. Деталь телеги: железная полоса, врезанная под ось телеги, чтобы ось меньше изнашивалась;

Краснояр. сл.: нет;

Амур. сл., с. 333: **пóддоска**. Железная полоса, врезанная под ось телеги, чтобы ось меньше терлась; подóсина.

Слово обозначает важную деталь в тележном устройстве, которое и сегодня используется в быту забайкальских и амурских старообрядцев (семейских).

РОБИТЬ '1. Работать. 2. Делать, изготавливать, производить что-л.'

Забайк. XVIII: 1. — *Сава робил по-денно семь ден за работу восем алтын* (ф. 262, 1733). 2. ... *Перех. — Отдано <...> Матфею Сомову за работу что робил у келии крыльцо* (ф. 262, 1740).

Сл. XI–XVII, вып. 22, с. 168: ... 2. Работать. 3. Делать, изготавливать;

САР, V, с. 2–3: **рóбити**. Делать рабом;

СРНГ, вып. 35, с. 108: **рóбить**. *Неперех.* Работать, трудиться; выполнять тяжелую физическую работу (обычно о крестьянской работе) (Устюж. Волог. 1757; Олон., КАССР, Ленингр., Пск., Костром., Яросл., Тул., Ряз., Смол., Дон., Вост. Сиб.). ... 3. *Перех.* Обрабатывать, производить, создавать что-л., вырабатывать что-л. (Арх., Волог., Олон., Ряз., Калуж., Смол., Сиб.).

Сл. Эл., с. 358: **рóбить**. Работать;

СГССЗ, с. 405: **рóбить**. Работать, трудиться;

Краснояр. сл., с. 171: **рóбить**. Работать;

Амур. сл.: нет.

Характерно, что глагол в ходе историч. развития утрачивает многознач-

ность. В совр. сиб. говорах употребляется только в знач. 'работать'.

СЛЕКИШИ 'мокрый снег с дождем':

Забайк. XVIII: — *По ночамъ въ доз-жи и слекиши на караулах стояли* (ф. 10, 1735). — *А какъ ннѣ время вешное и скотъ и табунъ ... от выпадания ннѣшних сле-кишиъ могут выгнбнут[ь]* (ф. 88, 1767) (Заб. XVIII, с. 440).

Сл. XI–XVII: нет;

САР, V, с. 587: **сля́коть**. Непогодь, или дождь вместе с мокрым снегом падающий;

СРНГ, вып. 38: **сля́ка**. ... 2. Сырая погода с дождем, мокрым снегом (Новосиб., Хабаров.). 3. Снег с дождем, мокрый снег (Арх., Новг., Свердл., Ср. Прииртышье, Том., Кемер.) (с. 333); **сля́киша**. 2. Сырая погода с дождем, мокрым снегом (Тобол., Сиб., Свердл., ...Иркут.). 3. Снег с дождем, мокрый снег (Волог., Арх., Перм... Сиб.) (с. 334); **сля́ча**. ...2. Сырая погода с дождем, мокрым снегом (Новг., Волог., Арх... Новосибир.). 3. Снег с дождем, мокрый снег (Камч., Хабаров., Иркут...) (с. 336).

Сл. Эл., с. 384: **сля́га**. Слякоть, грязь; **сля́кишь**. Грязная вода, помои; **сля́ча**. Жидкая грязь;

СГССЗ: нет;

Краснояр. сл.: нет;

Амур. сл., с. 418: **сля́ка**, **сля́ча**, **шля́ча**. Сырая погода с грязью, дождем или мокрым снегом.

В совр. сиб. говорах распространенны словообраз. варианты *сляка*, *сляча*, *слякиша*, обозн-щие как хар-ные осадки, так и соотв-щее состояние погоды. Запись историч. варианта слова — *сле-киши*, отражала, скорее всего, произношение слова с ударным [i] в основе и редукцию безударного [‘a] после мягкого согласного: [sl’ak’ís’i] → [sl’ek’ís’i].

Результаты сопоставления в более общем виде отображаются в таблице.

Лексемы, употребляющиеся в забайкальской деловой письменности XVIII в., даны в первом столбце. Справа от него в каждом последующем столбце отмечается фиксация слова (знаком «+») или отсутствие ее (знаком «—») в используемых лексикографических источниках. Знак «+?» указывает на то, что:

- а) в СРНГ употребление слова зарегистрировано не в сибирском регионе, его фиксация имеет какие-то временные рамки;
- б) в исторических словарях этим знаком маркируются только варианты слова с тем же значением или же семантика слова имеет какие-то отличительные особенности;
- в) в областных словарях употребление слова отмечается не во всех сибирских говорах или же сопровождается пометой *Устар.*

	Забайк. памятники XVIII	Сл.рус.яз. XI–XVII	Сл.рус.яз. XVIII	СРНГ	Обл. словари
1.	БАТЮШКО ‘отец’	+	+	+?	—
2.	ВЕРВА ‘кусочек веревки’	+	+	+	+
3.	ВОННЫЙ ‘внешний, наружный’	+	+	+	—
4.	ГОЛИЦА ‘кожаная рукавица без подкладки’	+	+	+	+
5.	ГРУБНЫЙ ‘грубый, резкий (о словах)’	+	+	+?	—
6.	ДА́ХА ‘шуба шерстью наружу’	+	—	+?	+?
7.	ДРУГОМЯ ‘иначе, другим образом’	—	—	+?	—
8.	ЗАВОРЫ ‘изгородь, прясло’	+	—	+	+
9.	извиниться ‘признаться в вине, преступлении’	+	+?	+?	—
10.	КРЫЛЬЦА ‘заплечье; лопатки’	+	+	+	+
11.	ЛАГУН ‘род бочонка’	+	+	+	+
12.	МОСТ ‘1. Деревянный настил, помост. 2. Пол’	+	+	+	+?
13.	ОБОЛОКАТЬСЯ ‘одеваться’	+	+	+	+
14.	ОКРОМЕ ‘за исключением кого-, чего-л.; кроме’	—	+	+?	+?

Окончание таблицы

	Забайк. памятники XVIII	Сл.рус.яз. XI–XVII	Сл.рус.яз. XVIII	СРНГ	Обл. словари
15.	ПОВЕРСТАТЬСЯ ‘приблизившись, оказаться рядом с кем-, чем-л.; поравняться’	+	+	+	+
16.	ПОДГЛАЗИЦА ‘нижнее веко или впадина под глазами у человека’	—	+	+	—
17.	ПОДГУЛКА ◊ в подгулке ‘в состоянии опьянения; в подпитии’	—	+	+	—
18.	ПОДДОСКА ‘железн. пластина, врезанная под тележн. ось’	+	+	+	+
19.	РОБИТЬ ‘1. Работать. 2. Делать, изготавливать, производить что-л.’	+	+	+	+
20.	СЛЕКИШИ ‘мокрый снег с дождем’	—	—	+	+

Выводы

Анализ исторической динамики диалектных слов на основе привлечения сведений региональных письменных памятников, исторических и современных областных словарей позволяет сделать следующие выводы. Разные пути исторических изменений в кругу лексики вторичных говоров могут проявиться в виде формирования четырех категорий слов. Это:

- (1) диалектные слова, сохранившие употребительность в данных говорах (*голица, крыльца, лагун, оболокаться, поддоска, робить* ‘работать’);
- (2) диалектные слова, образующие пассивный запас словаря говоров (*верва, заворы, мост* ‘пол’, *поверстаться*);
- (3) диалектные слова, испытавшие трансформации в плане выражения — своего рода лексико-фонетические и морфологические архаизмы (*да́ха* → *дохá*, *окро́ме* → *окромá*, *батьюшко* → *батьюшка*, *слекиши* → *сля́киши*);
- (4) диалектные архаизмы — слова, которые, перейдя из разряда общерусских слов в регионализмы, на каком-то историческом этапе утратились в исследуемых вторичных говорах (*вонный, грубный, другомя, извиниться* ‘признать свою вину’, *в подгулке, подглазица, робить* ‘делать, изготавливать что-л.’).

В истории диалектологии утвердилась мысль о том, что «изменения в диалекте определяются, прежде всего, кардинальной перестройкой социокультурной и информационной среды его бытования» [Хохлова 2011: 185]. Результаты нашего исследования подтверждают положение о том, что модификация системы диалекта объясняется не только экстралингвистическими, но и внутренними причинами

ее развития [Хохлова 2011: 186–189]. Рассмотрение эволюции диалектного языка в зависимости от комплекса внешних и внутренних факторов позволит непротиворечиво раскрыть причины разных исторических судеб лексем, принадлежащих одним и тем же лексико-семантическим и тематическим группам, объяснить модификации диалектных слов исключительно в плане выражения, а также своеобразную семантическую историю отдельных слов, в одном значении в говоре активно употребляющихся, а в другом значении — окончательно устаревших.

Значение разработанной методики идентификации диалектных архаизмов состоит в том, что она обнаруживает явления архаизации и устойчивости диалектных лексических единиц в системе, и это дает возможность проследить особенности сложных путей исторической динамики диалектного лексикона. Необходимо иметь в виду, что отсутствие фиксации слова в том или ином словаре еще не служит достаточным доказательством его выхода из общерусского или диалектного узуса определенного исторического периода. Для методики выявления диалектных архаизмов первостепенную важность приобретает комплекс факторов — (а) отсутствие этих слов во всех современных словарях, представляющих диалектную лексику данного региона; (б) характеристика в СРНГ иной территории распространения анализируемых слов, определенных временных границ их употребления; (в) наличие в рассматриваемых говорах синонимических средств, которые в свое время «вытеснили» на периферию слова, ставшие архаизмами (*поиначе* вм. *другомя*, *облайный* вм. *грубный*, *закочевать* вм. *опоместиться* и др.). Применение описанной методики следует рассматривать как подготовительный этап к полевым исследованиям, способным уже непосредственно подтвердить или опровергнуть предварительные наблюдения.

Источники

- Амур. сл. — Словарь русских говоров Приамурья» (2-е изд., 2007)
ГАРБ — Государственный архив Республики Бурятия
Заб.XVIII — Майоров А. П. Словарь русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье. М.: Азбуковник, 2011. 584 с.
Краснояр.сл. — Словарь русских говоров южных районов Красноярского края (Красноярск, 1968) ;
МАС — Словарь русского языка в 4-х томах.
Сл. АМ — Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири в 31-м томе (Иркутск, 2007–2025);
СГССЗ — Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья;
Сл. XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 4, 7, 8, 13, 14, 16, 17, 22, 23. Л. — Санкт-Петербург: «Наука» — Издат. дом ЯСК, 1988, 1992, 1995, 2003, 2004, 2006, 2007, 2019, 2024.
Сл. XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII века. Вып. 5, 7, 13, 19, 22, 23, 24. М.: «Наука», 1978, 1980, 1987, 1994, 1996, 1997, 2000.
Сл. Эл. — Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья.

Литература

- Борисова Е. Н. Из истории бытовой лексики рязанских памятников XVI–XVII вв. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Балашов 1957. 25 с.
- Виноградов В. В. О связях истории русского литературного языка с исторической диалектологией // Виноградов В. В. Избр. труды. История русского литературного языка. М., 1978.
- Дерягин В. Я. О развитии диалектов Архангельской области по данным истории и географии слов. Автореферат дис. ... к. филол. наук / АН СССР. Ин-т рус. яз. Москва 1966. 18 с.
- Полякова Е. Н. Названия предметов одежды в пермских памятниках XVII — начала XVIII в. // Лингвистическое краеведение Прикамья. Пермь, 1977. С. 42–52.
- Судаков Г. В. История русского слова. Вологда: ИЦ ВИРО, 2010. 333 с.
- Толстой Н. И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. М., 1968.
- Трегубова Е. Н. Русская диалектология. Славянск-на-Кубани, 2014. 151 с.
- Хохлова Н. В. К проблеме динамики диалектной лексической системы // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24 (63). 2011 г. № 4. Часть 2. С. 184–190.

Alexandr P. Mayorov

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
map1955@mail.ru*

DIALECT WORDS IN HISTORICAL DYNAMICS

The article examines dialectal archaisms — words that initially evolved from common Russian words into geographically restricted ones, and then, at a certain historical stage, fell out of active use, primarily in secondary dialects. The formation of dialectal archaisms is traced:

- (1) prospectively — beginning with the recording in regional written records of those common Russian words that subsequently became dialectal;
- (2) retrospectively—based on the functioning of words represented in written records created in a given territory in modern secondary dialects of the Russian language.

The research methodology is based on a lexicographic analysis of (a) historical dictionaries of the Russian language from the 11th–17th and 18th centuries to establish the pan-Russian distribution of the lexemes under study and their historical trends during

this period; (b) modern regional dictionaries, including dialect vocabulary of the region where the written texts with the highlighted lexical units were compiled.

The study identified four categories of dialect words, demonstrating the diverse paths of their historical dynamics. These are (1) dialect words that have retained their common usage in these dialects; (2) dialect words that form the passive vocabulary of the dialects; (3) dialect words that have undergone transformations in terms of expression — a kind of lexical, phonetic, and morphological archaisms; (4) dialect archaisms — words that, having transitioned from the category of general Russian words to regionalisms, were lost at some point in history in the secondary dialects studied. The exceptional diversity of the historical destinies of dialect words confirms the idea that the evolution of a dialect language must be considered not only in terms of extralinguistic factors, but also internal, strictly linguistic ones. In this light, the developed method for identifying dialectal archaisms more deeply reveals the traces of this complex influence on the historical dynamics of dialect words.

Keywords: dialectal archaisms, historical dictionaries, regional dictionaries, historical dynamics.

References

Borisova E. N. *Iz istorii bytovoy leksiki ryazanskikh pamyatnikov 16–17 centuries*. Diss. kand. filol. nauk [From the history of everyday vocabulary of Ryazan' monuments of the 16th–17th centuries]. Balashov, 1957, 25 p.

Deryagin V. Ya. *O razvitii dialektov Arkhangel'skoy oblasti po dannym istorii i geografii slov*. Diss. kand. filol. nauk [On the development of dialects in the Arkhangelsk region based on the history and geography of words]. Moscow, 1966, 18 p.

Khokhlova N. V. [On the problem of the dynamics of the dialectal lexical system]. *Uchyonye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo univesiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya "Filologiya. Sotsialnyie kommunikatsii"*. Vol. 24 (63), 2011, no. 4, part 2, pp. 184–190. (In Russ.).

Polyakova E. N. [Names of clothing items in Permian monuments of the 17th — early 18th centuries]. *Lingvisticheskoye krayevedeniye Prikamya*. Perm', 1977, pp. 42–52. (In Russ.).

Sudakov G. V. *Istoriya russkogo slova* [History of the Russian word]. Vologda, 2010. 333 p.

Tolstoy N. I. [Some problems of comparative Slavic semasiology]. *Slavyanskoye yazykoznanie. 6 Mezhdunarodnyi s'yezd slavistov*. Moscow, 1968. (In Russ.)

Tregubova E. N. *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Slavyansk-na-Kubani, 2014. 151 p.

Vinogradov V. V. [On the connections between the history of the Russian literary language and historical dialectology]. *Vinogradov V. V. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka*. Moscow, 1978.

С. А. Мызников

Институт славяноведения РАН

(Россия, Москва)

Институт лингвистических исследований РАН

(Россия, Санкт-Петербург)

myznikovs@rambler.ru

ЛЕКСИКА ЗВЕРОБОЙНОГО ПРОМЫСЛА В БЕЛОМОРЬЕ

В статье анализируется лексика зверобойного промысла. Материалы собирались автором в полевых условиях, а также извлекались из лексикографических источников, этнографической литературы, описаний путешествий по Северу и т. д. В работе рассматриваются значимые для этой группы лексики наименования: названия промысла и промысловиков, объектов охоты, средств передвижения и т. д. Основное внимание уделяется происхождению анализируемых лексических единиц. Учитывая многообразие лексико-семантических вариантов, единицы гетерогенного происхождения и те, которые выходят за рамки данного исследования, не рассматриваются. Отмечается, что к моменту сбора данных этот вид деятельности уже не практиковался; информанты чаще всего вспоминали, как промысел осуществлялся в прошлом. Рассказы также касались различных способов охоты на тюленей и белух. Приводятся примеры таких диалектных записей. На основе этимологической интерпретации диалектной лексики обобщаются некоторые аспекты семантического усвоения подобных данных. В ряде случаев наблюдается отход от исходной словоформы при заимствовании с попыткой найти мотивационную основу на исконной почве. Наряду с исконными наименованиями в лексикон данной тематической группы вошли заимствованные из смежных языков: саамского, карельского и ненецкого. В процессе заимствования форма слова нередко переосмысливается на русской мотивационной основе. В некоторых случаях в настоящее время для отдельных лексем отсутствуют верифицированные этимологические версии.

Ключевые слова: лексика, зверобойный промысел, заимствование, этимология, саамский, ненецкий.

В Беломорье традиционными видами хозяйственной деятельности всегда были рыболовство и сезонный зверобойный промысел. Материалы были собраны автором в полевых условиях [ПЛГО], а также почерпнуты из лексикографических источников, этнографической литературы, описаний путешествий по Северу и т. п.

Ко времени сбора данных чаще всего это были воспоминания о том, как промысел осуществлялся в прошлом: информанты рассказывали о различных способах промысла на тюленя и белуху. Приведем пример записи такого воспоминания.

Во Вьюкове, там зверя били, остров Сосновец, стоит лúда, Сторожевая лúда – метров двадцать. Тут следят, как зверь подходит гулять. Между лúдами в Кóлежму идёт прибылая вода, и идёт белúха и тюлень. Когда вода западёт – она обратно. Раньше сети перетягивают, закрывают рúсло, ячей 30 сантимéтроф, толци́на два миллимéтра. Зверь спускается, а закрыто сетями. Белуха несёт на хвосту детёнка, она хвостом перебрасывает за преграду. Гарпунóм били, если упадёт на дно, белуха всегда потонет, если потонула, гарпун не берёт. Сала на белухе 15 сантимéтроф, иногда она больше тонны весу. Беломор. (Сумский Посад) [ПЛГО].

В работе рассматриваются значимые наименования для данной группы лексики: названия промысла и промысловиков, объекты охоты, средства передвижения и т. п. Основной акцент делается на происхождении рассматриваемых лексических единиц, причем при многообразии лексико-семантических вариантов не рассматриваются единицы гетерогенного происхождения или не входящие в рассматриваемую сферу.

Промысел происходил на дрейфующих в море ледяных полях, которые ранее имели наименование **тóрос**, **тóрас** ‘ровно замерзший лед: Только недалёко, там ужэ фсё не замерзает, а тут вот это тóрос называется, ровнинький делается, а рóпаки, где камни больше дак тамотки прилив да и прилив и поднимает этот лёт. Ну рóпаки где больше камней, значит ропакáми так и замерзает, а где меньше камней, то то’рас, ровнинько делается. Кандалакш. (Княжая Губа) [ПЛГО].

Довольно часто место промысла переходило на его название — **тóрос**: С тóроса привозили детям тюленей, медведей, всадников, панки. Кузомень. Нонь год был вобще поаажной. Славной был торос. Много народ напромушлял. Варзуга. Игрушки — деревянные. Тогда у нас ездили на торос — туда вниз, ниже Чаванги. Тоже пойдет непогода — куклы делают. Пáнки назывались. По курочке да птичке сделают, да коней, да оленей. Варзуга. На торос когда уезжали, ну это на зверобойку. Там тёща, если зять там первый год или как, дак пекла, тёщевик назывался, такой большой каравай белого хлеба. Чапома [Мызников 2021]. Он с покрученником на торос ходил. Варзуга. Муш с торосу приехал. Чаваньга [Меркурьев: 161]. Отмечаются также в качестве наименования и словосочетания: **торосный промысел** ‘промысел тюленей по льду (в горле Белого моря)’ Пялица [Мызников 2021]; **торосной промысел** «весенний промысел на тюленей, производимый на торосных льдах у Терского берега в Белом море» [Дуров: 407].

Корень **торос-** является весьма продуктивным в Беломорье, хотя традиционно рассматривается как саамское заимствование, ср. саам. нотоз. *tōras*, род. п. *torraz*, кильд. *tōras* ‘ледяной бугор на берегу моря’ [Itkonen 1932: 59]. Ср., **тóрос**, **тóросы**, **тóросья**, **торосá** «нагроможденные одна на другую льдины на реке или на прибрежном море у припаев» Арх. [Подвысоцкий: 173]. **Тóросчик** ‘охотник,

отправляющийся на зверобойный промысел': Мужики ездили со всех деревень на торос, вот, говорят, торосчики едут. Терск. Торосчиков в деревнях съезжалось очень много. Терск. Зверобои отправлялись торосчиками. Терск. [СРГК 6: 495]. Торошники на торос приехали. Поной [Меркурьев: 161]. **Торосовщик** 'человек, занимающийся торосным промыслом': Направляясь после чаепития в Пялицу, мы стали встречать торосовщиков, едущих с лодками и необходимым имуществом на санях. Пулоньга [Мызников 2021]. **Торосник** 'большая лодка для зверобойного промысла': Большой карбас, торосник. Терск. Приехали в торосниках, тюленей бить. Терск. [СРГК 6: 495].

Кроме того, само название — **зверобойный промысел** базируется на том, что тюлень имел наименование **зверь**: У нас не помню ф каком году очень много зверя на берегах здесь оказалось, тюлени. Вирма [Мызников 2021]. **Зверь** 'собир., морские промысловые животные': Зверь ведь только в воды плавает, по горы-то ведь он не ходит, волк, медведь не зверь, волк, как собака, уже животное. Кем. Нынче в Тетрино достали зверя, в море зверь, а зайко — тот не зверь. Терск. Белуха — зверь такой, как акула с салом, жиром она, хвост как винт у нее, глазки малюхтинные, а сама большая. Терск. Белом., Кем. [СРГК 2: 245]. Отмечается это слово и в значении 'самец нерпы': Нерпа и зверь называется отдельно: нерпа как барышня; зверь — это кавалер; маленький — так это зверишко. Кондоп. [КСРГК 2: 245].

Фиксируются также и другие варианты на этой основе: **Зверобойка** 'зверобойный промысел (на тюленя)': На торос когда уезжали, ну это на зверобойку. Там тёща, если зять там первый год или как, дак пекла, тещевик назывался, такой большой каравай белого хлеба. Чапома [Мызников 2021]. На зверобойку раньше ездили. Кузومهя [Меркурьев: 56].

Зверобойство: Здесь занимались зверобойством, тюленей промышляли. Кем. [СРГК 2: 245].

Поскольку промысел тюленя носил сезонный характер, обычно в конце зимы — начале весны, это отразилось и в номинации. **Веснованье**: На острова уходили на зверобойку, на веснованье. Онеж. [СРГК 2: 245]. Фиксируется также и производящий глагол — **весновать**: «Промышлять в море рыбу и зверя раннею весною, начиная с первых весенних оттепелей до летних промыслов. Веснуют на специальных весновальных карбасах в островах и на море. Бьют тюленя, нерпу, белуху, а также других зверей, промышляемых в весенний период времени. Промышленники, отправляясь на веснованье, забирают с собой все необходимое для промысла и хлеб с запасом на месяц или полтора, пока побережье моря не очистится окончательно от льда» [Дуров: 51].

Для промысла собиралась **рómша** «артель из 5-ти лодок, по четыре человека на каждой, для производства весновального у Летнего берега промысла морского зверя» Мезен. [Подвысоцкий: 148]. Сходный вариант имеет фиксации в исторических источниках: **ромжа** «мелкая крестьянская артель, занимающаяся добычей слюды» Гр. Кольск., 471, 1609 [СлРЯ XI–XVII вв. 22: 212]. Отмечается это слово

до настоящего времени: **ро́мша** ‘рыбачья или зверобойная артель’: *А ромша — вот все мы, все общество наше — артель бы, к примеру... На каждом карбасе по четыре человека и малолетки ребята тут же — их дело промысловую избу чистить, ложки мыть, зверя караулить, когда мы спим. Это ромша.* Пурьема [Максимов 1871: 62]. *Лодки соединялись в более крупные единицы — артели, ромши.* Беломор. *На зверобой из Сёмжи ромшой ходили.* Сёмжа [Мызников 2021]. *Опять наехала ромша.* Кашкаранцы [Меркурьев: 135]. Вероятно, можно сопоставить с прибалтийско-финскими данными, ср. кар. *ruota* ‘в упряжи — вожжа, соединяющая уздечку с оглоблей’ [KKS 5: 188], при саамских соответствиях: саам. лул. *ruorta*, саам. норв. *ruobta*, инар. *ruota*, саам. кольск. *ruõtta* ‘гуж’ при фин. *ruota* ‘гуж, уздечка, вожжи’, кар. сев. *ruoti* ‘конская, оленья упряжь’, водск. *rõta*, эст. *root* ‘гуж, вожжа’, саам. швед. *rota, rot* ‘гуж’ [SKES: 872]. Отмечается глагол, уже образованный на русской почве: **ромши́ть** ‘ловить тюленей (вязать их на льду веревкой)’ Терск. [СРГК 5: 558].

В большинстве случаев при промысле использовались различные типы лодок, чаще всего они были небольших размеров, на непредвиденный случай — **торо́совая лодка, лодочка**: *Как прижмим, ходят по льду в море за тюленем, чтоб на льдине не унесло, носят с собой торосовы лодочки, легоньки таки, один человек может волочить.* Терск. [СРГК 6: 495]. **Стрельная** «легонькая лодка, которую удобно могут нести плечах два человека» [Максимов 1871: 457]. Однако могли использовать и лодки больших размеров: **торосно́й ка́рбас** «карбас..., употребляемый для весеннего лова зверя во льдах около берегов Белого моря» Кем. [Дуров: 407]. Лодки могли быть различной вместимости, что, нередко отражалось в их наименованиях: **тро́йни́к** ‘лодка на трех человек’: *В тройниках спускаются в море для разведки зверя.* Мезень; **пяте́рни́к** ‘лодка на пять человек’ Зимний берег; **семери́к** ‘лодка на семь человек’ Мезень, **семи́рни́к** Зимний берег [Мызников 2021].

Для передвижения по льду также использовались специальные широкие лыжи — **ла́мбы**, вот как их описывал С. В. Максимов: «*Все нехитрое устройство ламб основывается на том, что редкие из торосов не сопровождаются измельченным льдом, называемым шугою. Если от давления ноги мелкие льдинки, плавающие по воде, тонут, то достаточно размеренная быстрота передвижения ламб, широких и плоских, задерживает скорость погружения*» [Максимов 1871: 30]. Это слово имеет фиксации в лексикографических источниках: **Ла́мбы** «лыжи, употребляемые при промысле моржей и тюленей на льдинах в залёжках, а также по шуге и ниласу. Ламбы отличаются от калг тем, что короче и шире их (1,5 аршина в длину и 6 вершков ширины), не имеют ни пелгаса ни мелгаса и вместо ремней для обвязывания вокруг ноги снабжаются ременною в виде дуги поперечкою, в которую нога свободно проходит» Кем., Кольск., Мезен. [Подвысоцкий: 81]. **Ла́мбы** «род лыж, на которых промышленники бегают весною на море по мелким льдинам» Арх. [Опыт]. Данная единица соотносится с ненец. *ламба*” ‘лыжи’, *пя*” *ламба*”, *пий*” *ламба*” ‘лыжи, не подшитые шкурой’, *хоба*” *ламба*”, *тар*” *ламба*” ‘охотничьи лыжи, подшитые шкурой; *пена*” *ламба*” ‘лыжи, подшитые камысом; *нензад*” *таюта*” *ламба*” ‘лыжи, обшитые шкурой выдры’ *ñaцекы*” *ламба*” ‘детские лыжи’

[Терещенко: 174]. Имеется также версия о заимствовании через посредство коми языка, ср. коми *l'atra* 'лыжи' [РДЭС: 421].

Достаточно многочисленны наименования тюленей, в основе которых лежит половозрастная дифференциация, основанная на различных признаках. В названиях детенышей тюленя представлена их характеристика по цвету меха.

Сёрка 'молодой тюлень': *Молодой тюлень-серка, вернувшийся следующей осенью, превратившийся в тюленя... и носит название серуна. Взрослый тюлень называется лысун. Беломор. [Мызников 2021].*

Сёрка: *Берут серку живьем; сначала белёк, потом хохлуша, а после серка, а после серки уже тюлень. Терск. [СРГК 6: 734].*

Серун 'тюлень на втором году жизни': *Хохлуша, у него шерсть где белая, а где черная, через год уже серун, чистый, белый. Серун он уже на втором году, он тоже пятонышками. Терск. На второй год приходят вновь [тюлени] уже взрослые, но холостые, их зовут серуны. Терск. [СРГК 6: 73].*

Белёк 'только что родившийся детеныш тюленя (в возрасте до одного месяца)': *Белёк, когда родится. Убьют, 10–12 бельков тянут на лямках. Тамица. Сумской Посад, Кузомень, Захребетное. А у них это, они первый гот рожают сначала, а так-то большэ у горла Белово моря там, они рожают этих белькоф. Умба [Мызников 2021]. У зверя гренландского сначала белёк, а потом конжсей выйдет, в марте родится, потом конжса уже в апреле, шерсть сменена, пестрая. Кем. [СРГК 1: 55].*

Беляк: *От белухи и нерпы маленькие детеныши живы сразу рождаются, сначала как народится, так хохлуша, потом лысун и беляк после. Кандалакш. Кем. [СРГК 1: 60].*

Жёлтяк 'недавно родившийся тюлень': *Маленьких конжуев жолтякама зовут. Поной [Меркурьев: 70]. Ср. описание у Жилинского: «Белек совершенно беспомощен, не сходит со льда в воду, плавать не умеет. В этот период, до линьки, шерсть белька пушистая, желтоватого оттенка» [Жилинский 1957: 7].*

Зеленец «новорожденный щенок гренландского тюленя в первые 6–9 дней жизни; имеет пушистую шерсть зеленовато-желтого оттенка» [Жилинский 1957: 22].

Хохлуша 'недельный тюлень': *Хохлуша — у него шерсть где белая, а где черная. Терск. [СРГК 6: 734]. Хохлуша* 'тюлененок в возрасте двух-трех месяцев, начинающий менять свою шерсть' Кузомень [Меркурьев: 173].

Широко представлены заимствованные наименования детенышей.

Кавадэй 'новорожденный детеныш тюленя' [Жилинский 1957: 24]. Не вполне ясно, учитывая распространенность промысла новорожденных бельков, можно ли сопоставить с ненец. *хаводай(сь)* 'проводить забой скота; убивать', *хаводава* 'забой, убой (скота)' *хаводяк* 'драчун; убийца' [Терещенко: 712–713]. Ср. также **кабодэй** 'вид тресковых рыб': *Есть у нас кабодей, сама во льду их ловила. Терск. [СРГК 2: 307]. Кавадэй* 'малек налима' Онеж. [СГРС 5: 9].

Нет полной ясности с тем, какая семантика лежит в основе на почве языка-донора, ср. кар. *kapa*, *kaba* ‘сушёная рыба’, *karahauki*, *kabahaugi* ‘вяленая щука’ [ССКГК: 179], саам. *коаб* ‘молодая жена’ [Антонова: 99], фин. *карра* ‘белый олень, у которого светлые глаза и копыта’ [SKES: 159]. Имеется также не очевидное этимологически наименование **лося́к** ‘детеныш белухи’: *Так называется, пока окраска его шерсти не перешла из голубоватого в белый цвет.* Кем. [Дуров: 212].

Ко́нжу́й «тюлений детеныш, начинающий плавать» Поной [Меркурьев: 70]. **Конжéй, конжéя** «тюлений щенок, отставший уже от матки» Мезен. [Подвысоцкий: 70]. **Ко́нджий**: *Белёк — дитё у тюленя, только родится, месяц только беленький, а через месяц сереть будет, конджий уже, на Алексеев день лапку купать будут, да и в воду заходят; весной, в апреле все уже в воде* [СРГК 2: 59]. Ср. саам. терск. *koandzai* ‘вид моржа’ [Itkonen 1932: 52].

Лысу́н ‘детеныш нерпы, белухи на втором году жизни’: *От белухи и нерпы маленькие детеныши живы сразу родятся; сначала как нарождаются, так хохлуша, потом лысун, и бяляк после.* Кандалакш. [СРГК 3: 164]. В данном случае имеются сходные саамские данные, ср. саам. *луссть* ‘белёк, детёныш тюленя’ [Антонова: 152]. Однако при наличии следующих вариантов: **лысь** «общее у поморов название всех зверей тюленьей породы, к которым кроме лысуна принадлежат также нерпа и морской заяц» [Дуров: 213], **лысть** ‘самец нерпы’ Терск. [СРГК 3: 164], **лысе́ц** ‘тюлень самец’ Терск. [СРГК 3: 164], уже можно говорить о переосмыслении этих наименований и включении их в лексикон с русской мотивационной основой.

Имеются единицы, этимологическая интерпретация которых вызывает затруднение.

Рапша́к ‘детеныш нерпы’: *Рапшак у нерпы, до весны детеныш — он рапшаком называется, сменит шерсть, уже другое.* Кем. [СРГК 5: 443]. **Ропша́к** ‘детеныш тюленя, нерпы, белухи’: *Ропшаки такие маленькие, серенькие, а еще есть касатки такие с ропшаками.* Терск. *Ропшаки долго с матерью плавают. Она с ними близко к берегу не идет.* Лоух. *А маленькие такие тюлени — ропшаки.* Терск. *Ропшак у нерпы, маленький он.* Кем. *А белухи выстанут, а еще с ропшаком с маленьким.* Кандалакш. [СРГК 5: 560–561]. **Ропшачо́нки**: *Ропшаки — у тюленей и нерпей детеныши. Ропшачонки таки.* Кандалакш. [СРГК 5: 561]. Вряд ли следует рассматривать как достоверную версию М. Фасмера, который не исключает возможности анализировать лексемы как производные от голланд. *rob* ‘тюлень’ [Фасмер 3: 503]. Более вероятно, при наличии варьирования [p] — [л] сопоставление с карельскими данными, ср. кар. *lapši* ‘детеныш животного’ [KKS 3: 25]. Однако не вполне понятно, как в данном случае следует трактовать эти материалы — заимствование с сохранением или со сдвигом семантики, либо метафору на почве языка-донора, переосмысленную в прямую номинацию. Кроме того, имеются также вполне сопоставимые саамские данные, ср. саам. *роабнь* ‘туша; тело’ [Антонова: 252].

Еще одна единица, не имеющая достоверной этимологической версии — **телесай** ‘детеныш нерпы’: *Двоима, троима выходили в море бить тюленей, видели много телесаей*. Онеж. [СРГК 6: 447].

Основными промысловыми видами были морской заяц, нерпа и гренландский тюлень, однако в материалах их дифференциация не всегда возможна, например: **тюля** ‘тюлень’ Кандалакш. [СРГК 6: 548], имеется в виду общее наименование тюленя. Хотя некоторые виды тюленя имеют дифференцирующую номинацию: **Заяц, морской заяц** ‘морское животное из рода тюленых, черный тюлень’: *Природа Белого моря богата: заяц, нерпа, ропшак, крылан*. Лоух. *Заяц крупнее, чем нерпа*. Кем. *А заяц морской как тюлень, только черный тюлень*. Кандалакш. *А ишо есть морской заяц, он как тюлень, темно-серый, мыло с него делают*. Кандалакш. Кем., Онеж. [СРГК 2: 244].

Отмечаются и заимствованные наименования, например, **тевяк** ‘название длинномордого тюленя’ представлено в словаре Подвысоцкого с обширным описанием — «один из видов тюленя на Белом море и Северном океане (*Kystophora cristata*, s. *Monachus*), в 4–5 аршин длиною, с головою похожую на конскую, с густыми усами, длинною шеей и длинной щетинистой шерстью; дает сала до 9 пудов» Помор. [Подвысоцкий: 171]. В печорских говорах зафиксировано с другим значением: **Тевьяка** ‘морское млекопитающее, белуха’ Печор. [СРГНП 2: 341]. Ср. саам. норв. *doēvok* [Itkonen 1932: 58; Фасмер 4: 85].

Одно наименование — **нёрпа** — возводится к карельским источникам, ср. ливв. *ńorppi*, при саам. *noarvive*, при коми *ńerpa* из русских диалектных источников [SKES: 393].

Нёрпа: *Нерпа зайдет в Японку да обратно не выйдет, она туда закатится да обратно не выкатится*. Терск. [СРГК 2: 128]. *Нерпа — тюлень-то это и есть; заяц тоже серой в воды, самец нерпы; о Иване дни они все идут три, четыре; вот-вот, думаю, карбас вернут*. Кем. [СРГК 1: 166]. **Нёрпа** — ‘выделанная шкура тюленя’: *Нерпией шкурой лыжи подобьют, чтобы бежчье были, чтоб снег не прилипал*. Терск. *К лыжам нерпу подшивали, чтоб бежчье были, нерпа подбоем называлась, а лыжи подбойные*. Терск [СРГК 1: 51].

Нерпъ: *Белуг-то не брали, рыбачили на нёрпей-то*. Кандалакш. [СРГК 4: 11].

В ряде источников отмечается, что только на третий год тюлени становились взрослыми, и самца называли **лысуном**, а самку — **утельгой**. В СРГК представлены два варианта **утельга**, **утелька** ‘самка тюленя или нерпы’: *Вот когда утельги нарожают детенышей, их выводят. Были промысловые годы, промышляли лысуна, самца или утельгу с дитём*. Терск. *Утелька — это взрослая уже самка у тюленя*. Онеж. [СРГК 6: 649].

Снасти, орудия, применяемые на зверобойном промысле, были весьма разнообразны. Имелись самодельные ружья большого калибра — **моржówki** «большого калибра винтовки, необыкновенно тяжелые, сделанные аляповато доморощенными способами в деревенских кузницах... В моржовку идут большие пули, которых приготавливают из одного фунта только десять» [Максимов 1871: 457]. Применялось

кути́ло, которым били бельков: вид багра для охоты на тюленей: *Зверье кутилом кололи, белугу омётом ловят и колют кутилом*. Терск. [СРГК 3: 75], а также **кокóт** ‘багор для охоты на тюленей’: *На море-то, когда ходят дак за зверем, заколют его, да кокотом-то и притягают. Зверей и палкой били, кокота. Один конец крюк да палка, на лыжах ходят, деревянна палка, а кокот железный, крюк*. Терск. [СРГК: 2:393].

Применялся **обмётный нёвод** для лова белухи в открытом море. Ловили белуху таким неводом одновременно 8–10 лодок-карбасов, на которых находилось по 3–4 зверобоя [Жилинский 1957: 35]. Отмечается сходное наименование **мети́ще** ‘снасть для ловли нерп’: *Зверей еще ловят, тюленей, осенью нерп ловят, в метища ловят, така снастина редка, на лодке перевозят*. Терск. *Также вязали сети, метища*. Медвежьегор. *Для лова нерпы вязали метища*. Терск. [СРГК 3: 234]. Зафиксирован и глагол, обозначающий действие по использованию этой снасти — **замета́ть**: *А киты как поднимутся, селётка с их скатывается. И боишься, заметать их не надо, заметишь их, они изорвут фсё. Вот мимо их. На Баренцэвом, там я рыбу ловил на рыболовных судах ходил*. Терск. (Умба) [Мызников 2021].

При промысле тюленя тушу сразу обрабатывали, связку сырых шкур, нанизанных на веревку или ремень — **юро́к** — тянули по льду до берега или же буксировали по воде, привязав к корме карбаса [Дуров: 451]. Ср. также: **Юро́к** ‘связка шкур, содранных с морских зверей вместе с салом’ Терск. [КСРГК]. *Их [тюленей] опустят, потом завивают, свертывают, протянут в кожи дыру, на лямку привяжут — юрок, кожа, две или три головы вместе. Юрок — навьючат по три зверя да волокут. Я юрки делаю, свертываю, а они волочат*. Терск. [СРГК 6: 943]. Сходная лексика фиксируется в уральских языках, ср. коми ижем. *юрок* ‘косяк, стая рыб’ [ССКЗД: 453], саам. терск. *jurra, jura* ‘косяк, стая рыб или птиц’ [Itkonen 1958: 76], ненец. *jūra* ‘косяк рыбы’, вепс. *g'üür* ‘косяк птиц’ [РДЭС: 954].

Наименования частей тела тюленя при его обработке довольно часто представляют собой заимствования из смежных языков.

Ка́тара ‘ласт тюленя’ Кузрека [Меркурьев: 64], **Ка́тара** ‘передний ласт тюленя’ Арх. *На груди у него катары, словно две ноги коротенькие да толстые*. Печор. Арх. [СРНГ 13: 124]. **Ка́тары** ‘передние лапы тюленя’ Мезен., Онеж., Примор. [СГРС 5: 96]. Рассматривается как заимствование из саам. кильд. *kader*, род. п. *kāDtar* ‘то же’ [Itkonen 1932: 51].

Ра́вушка «туша морского зверя после снятия с него шкуры и подкожного жира» Терск. (Варзуга) [Меркурьев: 130]; ‘мясо, туша морского зверя’ Терск. (Умба, Оленица) [КСРГК]. **Ра́вушка** ‘внутренности потроха у нерпы’: *Равушка отделяется, и спускают в воду его*. Онеж. [СРГК 4: 389]. Сопоставляется с кар. *rauška*, при фин. *rauska* ‘освежёванная шкура морского зверя’ [Kalima 1915: 196–197; Мызников 2021: 648]. **Ра́ук** «туша морского зверя, с которой сняты шкура и сало» Мезен. Арх. [Опыт]. **Ра́ук** «туша убитого и освежеванного морского зверя, обыкновенно выбрасываемая в море или оставляемая на прибрежных скалах» Помор. [Подвысоцкий: 145]. **Ра́ук** ‘мясо тюленя’ Кем.

(Калгалакша) [КСРГК]. При сходном саамском источнике, ср. саам. лул. *gāi^{ka}* ‘тело утопленника’ [Kalima 1915: 197].

Шэлега ‘тюлений жир, сало’: *Шелега — жир, собирают.* Терск. [СРГК 6: 854]. **Шеляга** ‘тюленьё сало’: *Сало-то у зверей шелягой называют.* Терск. *Сало согреют, сольют, а гуцу шелягой звали; пережигали на мазь, бахилы ей мазали.* Терск. [СРГК 6: 857]. **Шелега́** ‘сырое, срезанное с морского зверя сало’ Кем. [Дуров: 443]. Данный материал рассматривался как единица, входящая к одному из уральских языков, ср., например, мар. *šel* ‘сало, жир’ ближе всего к русским данным, хотя нельзя исключать и того, что слово **шелега** является обратным заимствованием: русск. **сало** — кар. **šualo* [Мызников 2021: 917].

Ракса ‘остатки от сала-сырца морского зверя после выварки его в котле’ [Дуров: 354]. **Рокша** «мутные остатки после вытопленного сала, подонки» Арх. [Опыт]. Т. Итконен возводит слово **рокша** к саам. патс. *ruks^{ka}* ‘грязь’ [Итконен 1932: 56]. На прибалтийско-финской почве саамское слово, вероятно, соотносится с вепс. *rahtod* ‘вытопки от масла’ [СВЯ: 462], ливв. *ruahto* ‘творог’ [СКЯМ: 314], кар. твер. *rahka* ‘творог’ [СКЯП: 229], фин. *rahka* ‘осадок, гуща, подонки’ [ФРС: 513], фин. диал. *rahka* ‘пот у больного’, ‘пена на лошади’, ‘пена на поверхности кипящей воды, берега моря, браге’, ‘слой соли на масле или мясе’ [SKES: 712–713].

Лафта́к «снятая с морского зверя шкура с салом» Помор. [Подвысоцкий: 81]. **Лафта́к** ‘кусоч сала’ Пинеж. (Сульца) [Сими́на]. **Лафта́к** «отдельные большие пласты шкуры белухи при береговой ее разделке на местах промысла в Белом море» [Жилинский 1957: 31]. Ранее отмечались различные этимологические версии [РДЭС: 428], однако к настоящему времени, когда намечилось участие в формировании зверобойного лексикона данных ненецкого языка, предлагается версия сопоставления с ненец. *лахаб* ‘верхний жировой покров (птиц, зверей)’, при *няк* ‘лахаб’ нерпичий жир’ [Терещенко: 181].

Таким образом, обзор лексических единиц, составляющих наименования зверобойного промысла, позволяет сделать следующие выводы:

- 1) Многие наименования данной тематической группы представляют собой заимствования из смежных языков: саамского, карельского, ненецкого.
- 2) В ходе заимствования нередко происходит переосмысление формы слова с выходом на мотивационную основу на исконной русской почве.
- 3) В ряде случаев не удастся к настоящему времени предложить верифицированную этимологическую версию.

Сокращения языков и диалектов

вепс. — вепский язык

кар. — к арельский язык

кар. сев. — северный диалект карельского языка

кар. твер. — тверской диалект карельского языка

ливв. — ливвиковский диалект карельского языка
ненец. — ненецкий язык
саам. — саамский язык
саам. инар. — инари диалект саамского языка
саам. кильд. — кильдинский диалект саамского языка
саам. лул. — лульский диалект саамского языка
саам. норв. — саамский язык в Норвегии
саам. нотоз. — нотозерский диалект саамского языка
саам. терск. — терский диалект саамского языка
саам. швед. — саамский язык в Швеции
саам. фин. — саамский язык в Финляндии
фин. — финский язык
хант. — хантыйский язык

Географические сокращения

Арх. — Архангельский уезд (район)
Беломор. — Беломорский район Карелии
Кандалакш. — Кандалакшский район Мурманской области.
Кем. — Кемский район Карелии.
Кольск. — Кольский уезд Архангельской губернии
Кондоп. — Кондопожский район Карелии
Лоух. — Лоухский район Карелии
Медвежьегор. — Медвежьегорский район Карелии
Мезен. — Мезенский район (уезд) Архангельской области (губернии)
Онеж. — Онежский район Архангельской области
Печор. — Печорский уезд Архангельской губернии (Усть-Цилемский район Архангельской области)
Пинеж. — Пинежский район Архангельской области
Приморск. — Приморский район Архангельской облсти
Терск. — Терский район Мурманской области

Источники

КСРГК — Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» [хранится в МСК им. Б. А. Ларина филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета].

Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852. 275 с.

ПЛГО — Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные С. А. Мызниковым в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам).

РДЭС — Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019.

- СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Тт. 1–7. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2018.
- Сими́на — Картотека «Словаря пинежских говоров», собранная под руководством Г. Я. Симиной. Хранится в ИЛИ РАН.
- СКЯМ — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990.
- СКЯП — Словарь карельского языка (тверские говоры). Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–32. М., 1975–2023.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Гл. ред. А. С. Герд. Т. 1–6. СПб.: СПбГУ, 1994–2002.
- СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003–2005. Тт. 1–2.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Соколов, С. А. Мызников. Вып. 1–52. М.; Л.; СПб., 1965–2021. (издание продолжается).
- ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. 489 с.
- ФРС — Финско-русский словарь / Под ред. В. Оллыкайнен, И. Сало. Таллин, 1996. 815 с.
- KKS — Virtaranta P., Koponen R. (toim.) Karjalan kielen sanakirja. O. 1–6. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XVI).
- SKES — Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XII), 1955–1981.

Литература

- Антонова А. А. Саамско-русский словарь. Мурманск, 2014. 376 с.
- Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск, 2011. 453 с.
- Жилинский А. А. Акулий промысел на Мурмане // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1915. № 1. С. 8–13.
- Жилинский А. А. Морские промыслы Белого моря и Ледовитого океана. Пг., 1917. 296 с.
- Жилинский А. А. Крайний Север Европейской России. Пг., 1919. 295 с.
- Жилинский А. А. Зверобойный промысел в Белом море. Петрозаводск, 1951. 92 с.
- Жилинский А. А. Краткий промысловый словарь рыбаков и зверобоев Белого моря. Петрозаводск, 1957. 64 с.
- Максимов С. В. Год на Севере. 3-е доп. изд. Ч. 1–2. СПб., 1871. 690 с.
- Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979. 184 с.

Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019.

Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. 199 с.

Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М., 1965. 942 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. М.: Прогресс, 1964–1973.

Itkonen T. I. Lappische Lehnwörter im Russischen // STT. B. XXVII. Helsinki, 1932. S. 45–65.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915

Sergey. A. Myznikov

*Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)*

*Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Russia, St. Petersburg)
myznikovs@rambler.ru*

VOCABULARY OF THE SEAL HUNTING INDUSTRY IN THE WHITE SEA REGION

This paper analyzes the vocabulary of the seal hunting industry. Materials were collected in the field and also drawn from lexicographic sources, ethnographic literature, descriptions of travels in the North, etc. The paper examines significant terms for this group of vocabulary: names of the trade and the seal hunters, the objects of the hunt, means of transportation, etc. Primary emphasis is placed on the origin of the lexical units under consideration. Given the diversity of lexical and semantic variants, units of heterogeneous origin or those outside the scope of this study are not considered. It is noted that by the time of data collection, this type of activity was no longer practiced; informants most often recalled how the trade was carried out in the past. Stories also concerned various methods of seal and beluga whale hunting. Examples of such dialectal recordings are provided. Based on the etymological interpretation of the dialectal lexicon, certain aspects of the phonetic and semantic assimilation of such data are summarized. It is noted that in some cases, there is a departure from the original word form, with an attempt to find a motivational basis in the original language. The following conclusions are offered. The names in this thematic group are borrowed from related languages: Sami, Karelian, and Nenets. During the borrowing process, the word form is often reinterpreted, seeking a motivational basis in the original Russian language. In some cases, it is currently impossible to offer a verified etymological explanation.

Keywords: vocabulary, seal hunting, borrowing, etymology, Sami, Nenets.

References

- Antonova A. A. *Saamsko-russkij slovar`* [Sami-Russian Dictionary]. Murmansk, 2014. 376 p.
- Durov I. M. *Slovar` zhivogo pomorskogo yazyka v ego by'tovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the Living Pomor Language in Its Everyday and Ethnographic Application]. Petrozavodsk, 2011. 453 p.
- Zhilinskij A. A. *Akulij promysel na Murmane* [Shark Fishing in Murmansk] // *Izvestiya Arxangel'skogo obshhestva izucheniya Russkogo Severa*. Arxangel'sk, 1915. № 1. Pp. 8–13. (In Russ.)
- Zhilinskij A. A. *Morskie promysly Belogo morya i Ledovitogo okeana* [Marine Fisheries of the White Sea and the Arctic Ocean]. Pg., 1917.
- Zhilinskij A. A. *Krajnij Sever Evropejskoj Rossii* [The Far North of European Russia]. Pg., 1919.
- Zhilinskij A. A. *Zverobojnyj promysel v Belom more* [Marine mammal hunting in the White Sea]. Petrozavodsk, 1951.
- Zhilinskij A. A. *Kratkij promyslovyy slovar` rybakov i zveroboev Belogo morya* [A Brief Trade Dictionary of Fishermen and Hunters of the White Sea]. Petrozavodsk, 1957.
- Maksimov S. V. *God na Severe* [Year in the North]. 3-e dop. izd. Ch. 1–2. SPb., 1871.
- Merkur'ev I. S. *Zhivaya rech` kol'skix pomorov* [Living Speech of the Kola Pomors]. Murmansk, 1979. 184 p.
- Myznikov S. A. *Russkij dialektnyj etimologicheskij slovar`. Leksika kontaktny'x regionov* [Russian Dialect Etymological Dictionary. Vocabulary of Contact Regions]. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2019.
- Podvysoczkij A. *Slovar` oblastnogo arxangel'skogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the Regional Arkhangelsk Dialect in Its Everyday and Ethnographic Use]. SPb., 1885. 199 p.
- Tereshhenko N. M. *Neneczko-russkij slovar`* [Nenets-Russian Dictionary]. M., 1965. 942 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskij slovar` russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. V 4-x tt. M.: Progress, 1964–1973.
- Itkonen T. I. *Lappische Lehnwörter im Russischen* // STT. B. XXVII. Helsinki, 1932. Pp. 45–65.
- Kalima J. *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*. Helsingfors, 1915.

Е. А. Нефедова

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
eanefedova@gmail.com*

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВАРИАНТНОСТЬ В АСПЕКТЕ ДИНАМИКИ СОВРЕМЕННЫХ ГОВОРОВ¹

В современных русских диалектах, являющихся средством общения значительной части населения России, происходят сложные и разнонаправленные процессы, определяемые, с одной стороны, внутренней динамикой развития системы, с другой стороны — внешними факторами, заключающимися в социально-экономических изменениях, особенно усилившихся в последние десятилетия. С разрушением традиционного уклада сельской жизни в современных говорах постепенно утрачиваются яркие диалектные черты и на первый план в реальной коммуникации выдвигается лексика разговорно-обиходного характера. Она используется в повседневном общении и обслуживает прежде всего сферу межличностных отношений в узко ограниченном коллективе (семья, соседи), что определяет ее экспрессивную окрашенность. Обиходно-разговорной лексике свойственна формальная и семантическая вариантность, поддерживаемая устной формой существования говоров, отсутствием в них кодифицированной нормы, облегчающим возникновение словообразовательных и семантических единиц разной степени устойчивости по готовым моделям. Состав обиходно-разговорной лексики во-многом складывается из лексических и семантических вариантов *общерусских слов* и диалектных слов, образованных из *общерусских морфем* по продуктивным словообразовательным моделям. Именно эта лексика, наряду с изменениями в области фонетики и грамматики говоров, определяет своеобразие современных говоров, динамика которых дает основания говорить о формировании новой формы диалектного общения.

Ключевые слова: диалектная вариантность, разговорно-обиходный тип лексики, общерусское слово.

В современных русских диалектах, являющихся средством общения значительной части населения России, происходят сложные и разнонаправленные процессы, определяемые, с одной стороны, внутренней динамикой развития системы,

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00027, <http://rscf.ru/project/23-18-00027>

с другой стороны — внешними факторами, заключающимися в социально-экономических изменениях, особенно усилившихся в последние десятилетия. Современные говоры постепенно переходят на новые формы диалектного общения, в которых утрачиваются яркие диалектные черты, но тем не менее, сохраняется их региональная окрашенность.

Репертуар средств обозначения, которым располагает носитель диалекта, в зависимости от характера означаемого, может состоять из слов, общих для диалекта и литературного языка, только из диалектных слов, только из слов, заимствованных из литературного языка, или из диалектных и литературных синонимов. Их соотношение не совпадает как у представителей традиционного и передового слоя говора, так и у носителей идиолектов. Однако можно говорить об общих процессах, определяющих характер современной диалектной речи.

С разрушением традиционного уклада сельской жизни, с уходом многих видов традиционных ремесел и промыслов, уходит в пассивный запас и забывается соответствующая лексика терминологического характера. На первый план в реальной коммуникации выдвигается лексика разговорно-обиходного характера, употребляемая в повседневном общении. Эта лексика обслуживает прежде всего сферу межличностных отношений в узко ограниченном коллективе (семья, соседи), и это определяет ее экспрессивную окрашенность.

Разговорно-обиходная лексика диалекта имеет много общего с лексикой просторечия и разговорной формы литературного языка, но при этом обладает и местной, локальной спецификой. Лексике обиходно-разговорного характера свойственна формальная и семантическая вариантность, поддерживаемая устной формой существования говоров, отсутствием в них кодифицированной нормы, облегчающим возникновение словообразовательных и семантических единиц разной степени устойчивости. Эта особенность тесно связана с повышенным эмоциональным тоном народной речи, вообще характерным для разговорного языка, в том числе и литературного. По мнению В. Н. Телии, живая разговорная речь «всегда экспрессивно окрашена, поскольку в ней наряду с отображением объективной реальности, всегда выражается переживание человеком того, что имеет место, происходит, случается в действительности» [Телия 1991: 3]. Об экспрессивной функции вариантов, позволяющей выразить тончайшие оттенки мысли, писал и В. Г. Гак [Гак 1998: 370]. Выражение эмоциональной сферы человека И. А. Подюков относит к основному назначению народной речи: «Именно в сфере живой обыденной речи экспрессивный фонд языка теснит номинативный» [Подюков 1991: 9].

Таким образом, один из основных факторов вариантности современных говоров — возрастание коммуникативной значимости разговорно-бытовой лексики, обладающей экспрессивной окрашенностью. Как представляется, действие этого фактора оказывает существенное влияние на *динамику современных говоров*, переходящих постепенно на новые формы общения.

В монографии [Нефедова 2008], посвященной лексико-семантическому варьированию в диалектном пространстве, на материале архангельских говоров было рассмотрено внутрдиалектное и междиалектное варьирование, восходящее

враждебности, недоброжелательности’: *вра́жеской, вре́дной, душеверёдной, заёдливой, зли́вой, злой, зло́бенной, злобл́ивой, зло́бной, зло́стной, злоумы́шленной, злы́денной, злю́чей, злю́щей, зля́щей, змеёдли́вой* [АОС 2022: 197];

‘дикое животное, чаще лесное’: *дика́рь, животи́на, зверёк, звери́на, звери́шка, зверу́шка, зверька́, зверько́, зверю́га, зверю́ха, зверю́чка, зверю́шка* [АОС 2001: 352];

‘покрыться пылью, запылиться, загрязниться’: *заиле́ть, закасте́ть, закопо́теть, закопо́титься, закопте́ть, закопти́ться, запы́леть* [АОС 2016: 167];

‘прийти в болезненное состояние, заболеть’: *доболе́ть, дойти́, докона́ться, доспе́ться, запусти́ться, изболе́ть, изболе́ться, изве́стись, изболе́ть, изойти́, изотле́ть* [АОС 2022: 104];

Особо следует отметить высокий словообразовательный и семантический потенциал общерусских слов, функционирующих в говорах. Так, слово *за́яц* [АОС 2020: 318–322]; в своем прямом значении представлено словообразовательными вариантами: *за́йко, за́ечко, за́инько, за́ишко, за́йка, за́йчик, за́юшка, за́юшко, зая́чѣк*. В этом значении оно употребляется в сравнениях: *Мы́ домо́й прии́шли с покóса — она́ реви́т: вы́бежали теля́та, ска́чут, ка́з за́йчи! А мы́ как вот за́йец на о́строву́ оста́лись (без выплаты пенсии); в фольклорных текстах: Ско́лько за́йеца не корми́ — фсе́ ровно́ в ле́с убе́жьи́. Оди́м уда́ром дву́х зайцо́ф убили́. За реко́й тумáн — за́яц к Мака́рию пи́во ва́рит*.

Производные значения слова *за́яц* выполняют номинативную функцию: ‘самец тюленя’: *Тюле́ня самца́ называ́ют за́йцем. Не́рна — это ме́лкий тюле́нь, а побольше́ — за́яц. На весно́ва́нье ходи́ли мужы́ки, за́йцей би́ли; ‘гриб подберезовик болотный’²: За́яц се́рой на то́нкой но́шке, а све́рху седа́той. Но́шка то́ненька, шля́пка се́ра то́лстенька, то́ называ́ют за́йцы у на́с*.

В других производных значениях это слово обладает яркой образностью и выполняет функцию экспрессивных синонимов: ‘пивная пена’ — *У́ж за́йцы ф пи́ве, бе́лы пёнки, хмель ко́гда поднимáйеца. Нача́ля он (приголо́вок) упаде́т на дно́, а ка́к начина́ет пи́ть, поднимáйеца вве́рх пёна, э́то за́йце́м звалóсь. Бе́ла пёна на пи́ве — за́йцы;*

‘изморозь, иней в углах дома’ — *Ой, в углу́-то за́яц снежанно́й. За́йець, быва́, промерза́т. Ой, за́йцы в углу́. Не ме́рзне, за́йцеф не́ было. Заку́ржыло, за́йцы на дверя́х сидя́т;*

‘пятно солнечного света’ — *Хоро́ша пого́да, тиха́, за́йцы пры́гают*.

Еще один пример — ряд словообразовательных синонимов названий козы. В архангельских говорах он представлен общерусским словом *коза́* и его суффиксальными вариантами *козу́ля, козу́ха, козю́ха*, а также суффиксальными вариантами *козлу́ха, козлу́шка, козли́ха, козлю́ха*, производящим для которых является название самца животного *козёл*. Отметим, что в синонимическом ряду *ко́зей, ко́зин, ко́злевой, козли́ней, ко́зловой ко́злой, козлу́хин, козлу́шей, козлу́шной, козлу́шой*,

² Синонимический ряд обозначений гриба подберезовика содержит единицы, различающиеся как словообразовательной структурой, так и внутренней формой: *берёзовик, боло́тник, ве́тошник, се́рой гриб, долгомо́дик, дристун, за́йчик, за́ячник, за́ячица*.

козля́чей, козля́чкой в значении ‘относящийся к козам, принадлежащий или свойственный козам’ преобладают дериваты от номинации особи мужского пола *козёл*.

Компоненты синонимического ряда словообразовательных синонимов различаются своей локализацией и функциональной нагруженностью. *Коза́, козлу́ха, повсеместно представленные на архангельской территории, козу́ля, козу́ха, козю́ха, функционирующие в говорах как нейтральные номинации животного, имеют единичную локализацию. Козлу́шка, козелу́шка, козе́лушка, ко́зонька употребляются в речи как обозначения с уменьшительной-ласкательной окрашенностью, а козе́нка, козе́шка, кози́ца, козла́, козли́на — при неодобрительном отношении к животному.*

Весьма показательна территориальная распределенность синонимичных дериватов от общерусского слова *есть* в значении ‘съедобный’: *едбóвой, едбóнной, едкóй, едкóвой, едущей* [АОС 2010: 50]. Прилагательное *едкóй* распространено повсеместно. Другие словообразовательные синонимы отмечены в лишь единичных говорах. В конкретных моносистемах компоненты этого ряда сосуществуют в разных комбинациях: *едкóй-едбóнной, едкóй-едущей, едкóй-едбóвой, едкóй-едбóвой-едбóнной, едкóй-едбóнной, едкóй-едущей, едкóй-едбóвой-едущей*. Очевидно, что одни и те же единицы могут выступать и как внутрисистемные, и как межсистемные варианты. Однако сосуществование словообразовательных синонимов в моносистемах или их представленность в разных говорах регулируется фактором функционирования, а именно относительной свободой реализации по говорам общих словообразовательных потенциалов системы с одной стороны, и ее неравномерностью, с другой. Однодиалектная и междиалектная словообразовательная синонимия, сформировавшаяся в условиях устной речи на базе синонимичных словообразовательных моделей, в данном случае не имеет принципиальных различий. В синонимических рядах *еда́к, едо́к, еду́н, еди́ца, едо́ха, едочи́ха, едочи́ца* — ‘тот, кто потребляет продукты питания’, и *еда́, еде́нье, е́деро, едо́ба, едови́ца* — ‘пища’, варианты *еда́к, еди́ца* и *е́деро* — примеры индивидуальных образований языковой личности, характеризующиеся яркой экспрессивной окрашенностью [Нефедова 2001: 45].

Интересный вид семантического варьирования представляют глаголы с общим значением ‘совершить какое-н. быстрое интенсивное действие’, которое в речевых актах может наполняться конкретным содержанием. В «Архангельском областном словаре» примеры семантического наполнения общего значения рассматриваются как открытый ряд экспрессивно окрашенных употреблений³.

Например, **вы́стукать** ‘совершить какое-н. быстрое интенсивное действие’: ‘съесть, выпить в большом количестве’ — *Цеты́ре ча́шки вы́стукала. Усну́л Серге́а, укла́лся, три́ стака́на молока́ вы́стукал да спи́т*; ‘обмолотить’ — *Два́дцать два овина́ вы́стукала*; ‘выткать’ — *Во́семь ме́троф называ́йца съте́на, я таки́х де́сать съте́нок вы́стукала*; ‘выкопать’ — *Ямы́ таки́ вы́стукали лопáтой золéзной*; ‘проработать какое-н. время’ — *Опе́ть де́нь вы́стукали. Три́ го́да вы́стукали*; ‘пройти большое расстояние’ — *Со́рок кило́метроф на́тъ вы́стукать* [АОС 1993: 263–264].

³ Словарные статьи на эти глаголы представлены далее в упрощенном виде.

Жа́рнуть ‘совершить какое-н. быстрое интенсивное действие’: ‘выстрелить’ — *У меня ору́жьи́е, каг жа́рну, дак узна́йте, как ходи́ть*; ‘пойти, победать, поехать’ — *Г бе́регу каг жа́рнет! Я в одно́м пла́тьи́е-то да с по́ту жа́рнула с коня́ да до коня́я*; ‘выпить быстро, жадно или в большом количестве’ — *Ко́ушык каг жа́рнет ис коло́ца* [АОС, 2010: 226–227].

Ковы́рнуть ‘совершить какое-н. быстрое интенсивное дйстви́е’: ‘опрокинуть, перевернуть’ — *Ни ра́зу не ковы́рнули теле́гу. Ой, я ду́ра ста́рая, блюдо-то ковы́рнула на́бок. Ходи́ бы он нас не ковы́рнул. То на ту́ сто́рону, то на друго́у ковы́рне́т*; ‘толчком отстранить, оттолкнуть’ — *Реба́та при́дут, нас ковы́рнут, так мы́ полети́м в засе́ки. Меня́ ковы́рнула, я и в мо́ре полете́ла*; ‘зацепиться за что-н. при дви́женни, задеть что-н.’ — *Немно́шко ковы́рнул э́ту браты́нь, она́ и розлете́лась*; ‘сделать жест рукой или головой, махнуть, качнуть’ — *А У́ля наро́бно ковы́рне́т на́м голово́й. Он мине́ то́жэ ру́чькой ковы́рнул*; ‘нанести удар, стукнуть’ — *Дала́ йому́ курды́ — ковы́рнула йому́ поря́тком, во́т ы курда́*; ‘наказать за грехи’ — *Бох до́лго терпе́л да ковы́рнул йе́, в больни́цэ лежы́т*; ‘лишить сил, подкосить’ — *Софсе́м ковы́рну́ло, инсу́льт. Не зря́ меня́ ковы́рну́ло, парализова́ло*; ‘ограбить’ — *Мы́ с това́рищем гу́ляли, а пото́м раста́лися — се́мь амба́роф ковы́рнули, на восьмо́м попа́лися (фольк.)*; ‘исковеркать, исказить’ — *Ново́й рас та́к сло́во ковы́рне́ш, так я́ говорю́: неужэ́ли вы́ не догада́етесь?*; ‘сказать что-н. неприятное, съязвить’ — *Она́ глаткосло́ва така́, проста́ така́, не лю́бит тебя́ ковы́рну́ть, мы́ приде́м да са́ми собо́й говорим* [АОС, 2025: рукопись].

Факты варьирования семантики глагола с общим семантическим признаком ‘совершение какого-нибудь быстрого, интенсивного дйстви́я’, как правило, представлены в единичных моносистемах, каждое — одним — двумя примерами. Их «невстречаемость» в одном говоре регулируется не территориальным, а функциональным фактором — коммуникативной необходимостью в конкретном акте речи.

Таким образом, устная форма существования говоров создает благоприятную среду для формального и семантического варьирования функционирующих в них слов. Коммуникативная функция вариантности заключается в том, что она позволяет выразить мысль быстро, внося в обозначение объекта или действие свое личное к нему отношение, и это обеспечивает успех коммуникации (см. об этом [Гак 1998: 370]).

Рассмотренные лексические и фразеологические единицы характеризуются образностью и эмоциональной оценочностью. Обслуживая обиходно-бытовое общение, в коммуникативном акте они выступают как средство выражения отношения говорящего к ситуации и ее участникам. Это служит свидетельством коммуникативной значимости вариантных единиц и, в целом, лексики и фразеологии разговорно-обиходного характера, употребляемой в повседневном общении. Функциональная, коммуникативная значимость обиходно-разговорной лексики, образованной на основе общерусского инвентаря корневых и аффиксальных морфем, является одной из отличительных особенностей современных говоров, в которых (на базе которых) складываются новые формы речевого общения.

Литература

АОС — Архангельский областной словарь. Вып. 1–9. М., МГУ, 1980–1996, вып. 10–25. М.: Наука, 1999–2024.

Вендина Т. И. Лексический атлас русских народных говоров. О динамике русской диалектной лексики // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018. СПб.: ИЛИ РАН, 2018.

Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 763 с.

Нефедова Е. А. Экспрессивный словарь диалектной личности. М.: МГУ, 2001. 144 с.

Нефедова Е. А. Многозначность и синонимия в пространстве диалекта. М., 2008. 463 с.

Подюков И. А. Народная фразеология в зеркале народной культуры. Пермь, 1991.

Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.

Elena A. Nefedova

Lomonosov Moscow State University

(Russia, Moscow)

eanefedova@gmail.com

LEXICAL AND SEMANTIC VARIANCE IN THE ASPECT OF THE DYNAMICS OF MODERN DIALECTS

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-18-00027, <http://rscf.ru/project/23-18-00027>

In modern Russian dialects, which are the means of communication of a significant part of the population of Russia, complex and multidirectional processes occur, determined, on the one hand, by the internal dynamics of the development of the system, on the other hand, by external factors, consisting in socio-economic changes, which have especially intensified in recent decades. With the erosion of the traditional way of life in the countryside, modern dialects gradually lose their striking dialectal features and the vocabulary of colloquial and everyday nature comes to the forefront in real communication. It is used in everyday communication and serves primarily the interpersonal relations in a narrowly limited group (family, neighbors), which determines its expressive coloring. Colloquial vocabulary is characterized by formal and semantic variability, supported by the oral form of existence of dialects, the absence of a codified norm in them, facilitating the emergence of word-formation and semantic units of varying degrees of stability according to ready-made models. The composition of colloquial vocabulary is

largely made up of lexical and semantic variants of common Russian words and dialectal words formed from common Russian morphemes according to productive word-formation models. It is this vocabulary, along with changes in the phonetics and grammar of dialects, that determines the uniqueness of modern dialects, the dynamics of which give grounds to speak about the formation of a new form of dialect communication.

Keywords: dialectal variation, colloquial and everyday type of vocabulary, common Russian word,

Reference

Arhangel'skij oblastnoj slovar' [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Iss. 1–9. M., MGU, 1980–1996, iss. 10–25. M., Nauka, 1999–2024.

Gak V. G. *Yazykovye preobrazovaniya* [Language transformations]. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1998. 763 p.

Nefedova E. A. *Ekspressivnyj slovar' dialektnoj lichnosti* [Expressive vocabulary of a dialect personality]. M., MGU, 2001. 144 p.

Nefedova E. A. *Mnogoznachnost' i sinonimiya v prostranstve dialekta* [Polysemy and synonymy in the dialect space]. M., 2008. 463 p.

Podyukov I. A. *Narodnaya frazeologiya v zerkale narodnoj kul'tury* [Folk Phraseology in the Mirror of Folk Culture]. Perm', 1991.

Teliya V. N. [Expressiveness as a manifestation of the subjective factor in language and its pragmatic orientation] // *Chelovecheskij faktor v yazyke. Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti*. M., 1991. (In Russ.)

Vendina T. I. [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects. On the Dynamics of Russian Dialect Vocabulary] // *Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya)* 2018. SPb.: ILI RAN, 2018. (In Russ.)

ЭТНОЛИНГВИСТИКА. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

О. Ю. Крючкова, А. Н. Жандарова

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
(Россия, Саратов)
vpks@rambler.ru, an.fedina2014@yandex.ru*

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕЧИ ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЕЙ

В статье рассматривается культурная идентичность, репрезентированная в речи представителей традиционного сельского социума. Высказывается мнение о целесообразности изучения проблемы идентичности диалектоносителей с позиций двух основных векторов: с точки зрения общих для носителей разных говоров проявлений самоидентификации (самоидентификации свойственной всем носителям традиционной народной культуры) и с точки зрения идентичности локальной, связанной с территориальным фактором. Особенности идентичности могут быть также обусловлены культурными различиями внутри одного диалектного сообщества (например, при наличии разных конфессиональных общин на территории одного села).

В статье выделены виды культурной идентичности с точки зрения их распространения в традиционном социуме (общекультурная, субкультурная, локальная идентичность), а также классификационные кластеры — тематическая сфера, ценностные установки, в границах которых общекультурная, субкультурная, локальная идентичность получают свою предметную (содержательную) конкретизацию.

Отмечается, что разные виды самоидентификации могут находиться в отношениях взаимопересечения: религиозно-мифологические представления характеризуют как общекультурную идентичность диалектного социума в целом, так и получают специфические черты в рамках субкультурной и локальной идентичности; оппозиции «раньше-сейчас, «свой-чужой», значимые для народной традиционной культуры в целом, также репрезентированы в своих локальных и субкультурных вариантах.

Ключевые слова: диалектная речь, культурная идентичность, традиционная народная культура

Введение

Под культурной идентичностью понимается осознанное принятие человеком определенных культурных норм, образцов поведения, идей, ценностей, самоотождествление индивида с социальными группами, разделяющими данные образцы общественного и межличностного взаимодействия. В современной философии идентичность определяется через различие: «Идентичность предполагает различие, своеобразие, самобытность» [Петякшева 2003: 124]. В настоящее время, как справедливо отмечают Т. А. Демешкина и М. А. Толстова, «изучение идентичности является одним из ключевых направлений мировой гуманитарной науки» [Демешкина, Толстова 2021: 16]. Учеными разных гуманитарных специальностей выделен целый ряд видов идентичности (или самоидентификации личности), предложена система ее общих и частных уровней (см., напр., обзор концепций в [Демешкина, Толстова 2021]). Одним из основополагающих факторов самоидентификации народа, безусловно, является язык, а «одним из способов постижения национальной / этнической идентичности является изучение языковой картины мира» [Енина 2010: 164]. Ту же роль играет язык в выражении всех других видов идентичности. Отнесение человека к той или иной социальной группе, осознание ценностных установок коллектива, их принятие или отрицание, принадлежность к территории проживания — все это выражается с помощью языка, и в разных культурно-языковых сообществах имеет свою специфику.

Обращаясь к анализу языка традиционной народной культуры (к диалектной речи), к поиску способов выражения в ней идентичности (самоидентификации) необходимо иметь в виду две стороны коммуникации на диалекте. С одной стороны, диалектная речь в целом (независимо от конкретного говора) имеет целый ряд общих свойств, характеризующих «диалект как диалект» в отличие от речи носителей литературного языка (см. работы В. Е. Гольдина). Эта общность базируется на общности культуры, объединяющей носителей разных говоров. Носители диалектов — это одновременно носители традиционной народной культуры, значимыми чертами которой являются такие, как ее аграрный характер, циклическое восприятие мира, ориентация на традицию, прошлое, коллективность, бесписьменность [Захаров 2004]. С другой стороны, диалектная речь и традиционная народная культура (опять-таки в отличие от литературной речи и литературоцентричной культуры) представлена большим разнообразием своих территориальных (локальных) вариантов.

Эта специфика диалектной речи и традиционной народной культуры побуждает нас рассматривать проблему идентичности с позиций двух ее векторов — с точки зрения общих для носителей разных территориальных говоров проявлений самоидентификации (самоидентификации свойственной всем носителям традиционной народной культуры) и с точки зрения идентичности локальной, связанной с территориальным фактором. Привлечение к исследованию материала разных территориальных говоров позволяет выявить разные виды идентичности — *общекультурную* (свойственную носителям традиционной народной культуры в целом), *субкультурную* (обусловленную наличием противопоставленных друг

другу социокультурных групп внутри традиционного социума), *локальную* (характеризующую особенности данной местности).

Рассмотрим на некоторых примерах проявления названных видов идентичности в диалектной речи. Источниками материала стали записи речи носителей саратовского говора (с. Белогорное Вольского района Саратовской области) и носителей вологодских говоров (сел Мегорского сельсовета Вытегорского района и Тотемского района Вологодской области).

Проявления общекультурной идентичности

Актуальной для носителей традиционной народной культуры в целом является поляризация своего и чужого через оппозицию *«город — деревня»*, которая широко и многообразно вербализована в речи современных диалектоносителей. Оппозиция *«город — деревня»* — один из важнейших аспектов идентичности, общей для носителей традиционной народной культуры (ср., напр., наши наблюдения, сделанные на материале записей саратовских и вологодских говоров [Крючкова, Гольдин, Сдобнова 2008] и наблюдения Т. А. Демешкиной и М. А. Толстой на материале речи сельских жителей Сибири [Демешкина, Толстова 2021]).

Эксплицированная в диалектной речи противопоставленность города и деревни охватывает различные сферы бытия: физическую организацию городского и деревенского локусов, социально-экономические особенности городской и деревенской жизни, характерные для городских и деревенских жителей поведенческие и ментальные стереотипы, привычки, специфические черты речевой коммуникации.

Отчетливо осознаются и охотно обсуждаются сельскими жителями особенности поведения и привычек городских людей. По представлениям жителей села городских людей отличает безделье, нежелание трудиться, отсутствие необходимых для жизни хозяйственных навыков, непонимание специфики и тяжести сельского труда, странные, не одобряемые деревенскими жителями привычки и вкусы. Ср.: [у нас] *убрал-ка постель/ пусть она убрана// а они в городе так/ я вот была у сына/ вот то и дело валяются// а что делать больше/ правда?// телевизор глядят лёжа// ох девчонки;*

а дочь [живет в Вольске, районном центре] *не ездит/ говорит/ «мать там заставляет работать/ а я не могу работать/ солнышко светит и комары кусают»// и всё;*

[диалог женщины-диалектоносителя со студентками — участницами диалектологической экспедиции] — *А все деревенские аль городские которые? — Я из деревни. ... — Кто? Ты?/ а эти городские?/ ну/ это/ городских не надо/ они и делать ничего не умеют;*

стою в Саратове// ... гляжу <...> / приходит женищина с собакой// <...> а я думаю/ «вот дура-то/ с собакой ходит по улице» я думаю// она подходит/ поздоровалась и говорит/ «вы теперь чай глядите и думаете/ вот дура-то/ с собакой-то ходит по улице-ти// Вы из деревни что ли?»// а я говорю/ «да// я только думала/ у нас с собаками эдак не ходят// у нас она привязана на дворе»// «да я знаю// я тоже из деревни// вот дом продала/ дочка у меня тут/ вот// а у неё собака вон»// ... «а у нас/ говорю/ нет в избе собаки/ у нас нет».

Осознаваемым различительным признаком города и деревни является речь городских и сельских жителей. Ср.: ну/ у нас **речь-то так/ тут она/ не такая как в городе**// ... **там как-то сразу речь по-другому**//... вот/ передедешь из деревни в город/ всё/ **там по-другому говорят**.

Особенности своей (деревенской) культуры могут получать в речи диалектоносителей и отрицательную оценку. Ср.: — *А кто это у вас на фотографиях таких красиво оформленных?* — **Да уж красиво!!! по-деревенски всё!; мы и говорить-то не умеем...**; у нас **менталитет у народа очень очень низкий**// ...**особенно по селу/ так это/ ну/ такое мышление и суждение на уровне ещё аж наверное крепостного права**. Городские, по оценке жителей села, обладают более высоким уровнем знаний и культуры. Ср.: [о внучке] **она городская/ всё знает**; [о поведении выросшего в деревне внука] **с армии приходчи уже/ третий годик// не женивши/ не пьёт/ не курит/ парень-город**// свой/ **а город-парень**.

Другим значимым аспектом общекультурной идентичности являются разделяемые носителями традиционной народной культуры **религиозно-мифологические представления**. Эта тематика занимает достаточно большое место в общении с диалектологами, а характер ее речевого воплощения свидетельствует о том, что соответствующие знания осмыслиются диалектоносителями как важная составляющая своей культурной идентичности. Религия и мифология часто становятся объектами рефлексии информантов в беседах с диалектологами, не владеющими, по убеждению диалектоносителей, необходимыми знаниями в этой области [Крючкова 2008, Свешникова 2022].

Проявления субкультурной идентичности

Религиозная идентичность как проявление общекультурной идентичности у носителей традиционной народной культуры может быть представлена в своих внутрикультурных вариантах — субкультурной идентичности. Этому способствуют ситуации с конфессиональной дифференциацией одного социально-языкового сообщества (жителей одного села, носителей одного говора). Конфессиональные различия обуславливают рефлексии диалектоносителей в отношении своей религиозной идентичности. Например, для жителей с. Белогорное Вольского района Саратовской области актуальной является культурно-конфессиональная оппозиция «приверженцы официального православия — старообрядцы», что стимулирует обсуждение и оценку культурных, конфессиональных, поведенческих, бытовых различий между представителями этих социальных групп. Иноверие и носители другой религиозной традиции оцениваются, как правило, в рамках категории чуждости, в качестве явления аномального [Крючкова 2010]. Дифференциация жителей с. Белогорное по конфессиональному признаку выражается в использовании специальных номинаций для представителей обеих религиозных общин — *кулу-гуры* (старообрядцы) и *церковные, мирские* (приверженцы официальной церкви). Эти номинации используются и как самоименования, и как именованья представителей другой религиозной группы, приобретая в последнем случае отрицательную коннотацию [Каменская 2019].

В высказываниях об иноверцах обычны отрицательные и сопоставительные конструкции с лексическим противопоставлением *у них* — *у нас*, *мы* — *они*, риторические вопросы, эмоционально выражающие отрицание (*у них* [у церковных] *крещение какое? еретическо// а у нас* [у старообрядцев] *христианско; у нас* у мирских *вот/ вот как/ складно/ а у них* [говорит тихо, неразборчиво, имитируя речь старообрядцев] *аж стук этот/ по мослам; вот мы* [старообрядцы] *её называем она обрadowанная Мария/ а оне* [церковные] *благодатная// к чему оне слово-то это вот прибавили сюды?/ на что оно нужно?*). «Своё» описывается такими положительно окрашенными лексическими единицами, как *христианский, христиане, православные, святой, как положено, складно*; «чужое» характеризуется посредством лексики с явно выраженной отрицательной оценочностью (*еретический, еретики, во грехе, биссурмане, аж стук по мослам*), вплоть до использования бранных слов.

Проявления локальной идентичности

Ярким примером проявления локальной идентичности является пищевая традиция региона, описанию которой посвящен целый ряд работ (см., напр., [Анохина 1998], [Губарева 2001], [Банкова 2008], [Илюкина 2017], [Осипова 2017], [Осипова 2019], [Ильина 2022], [Жандарова 2023]).

Осознание самобытности местной пищевой традиции транслируется в речевой практике разными способами. Во-первых, к показателям локальной идентичности относится состав и разнообразие продуктов растительного и животного происхождения и их наименований, характерных для данной территории, что обусловлено историко-социальными, географическими, климатическими факторами.

Так, специфика пищевой традиции Вологодчины (см. [Жандарова 2023]) связана с географическим фактором, который предопределяет лексическую наполненность таких лексико-тематических объединений, как «Наименования грибов», «Наименования фруктов и ягод», «Наименования зерновых и зернобобовых культур», «Наименования видов рыбы». Русский Север — край лесов и озер, поэтому грибы, ягоды и рыба были и остаются важным элементом пищевой традиции Вологодчины. В лексико-тематическом объединении «Наименования фруктов и ягод» преобладают названия ягод (ср.: *морошка, клюква, брусника, черника, голубика*), для которых естественным ареалом произрастания является заболоченная местность, берега водоемов. Фрукты не являются столь значимым продуктом для представителей традиционной культуры Вологодчины, что выражается в количестве номинаций, отсутствии их разнообразия.

Во-вторых, образ локальной идентичности Вологодчины формирует сохранение в рационе традиционных блюд и напитков и, соответственно, их номинаций в виде диалектного слова. Среди лексико-тематических объединений, включающих в свой состав номинации первых и вторых блюд, закусок, всевозможных сладостей, напитков, особую значимость для сельских жителей Вологодчины, как показало исследование, имеет всевозможная *выпечка* и *хлеб*. Именно наименования разновидностей пирогов и пирожков становятся маркером локальной идентичности,

противопоставляют гастрономическую культуру Мегры и Тотьмы другим локальным культурам. К таким единицам относятся названия пирогов: *рыбник, ягодник, сканец*, открытых пирожков — *калитки, пресняки, рогульки* и др.

В-третьих, к актуализаторам локальной идентичности в текстах гастрономической тематики и к показателям осознаваемости информантами специфики местной пищевой традиции относится система метакомментариев, которые возникают в речи диалектоносителей при описании традиционных блюд, продуктов Вологодчины, в рассказах о прошлом и настоящем.

В ситуации приема гостей, реализации жанра угощения, наиболее наглядно эксплицируется актуальная пищевая традиция местности. Неоднократно в ситуации трапезы возникает оппозиция «свое — чужое»: предлагая попробовать какое-либо угощение, диалектоносители подчеркивают принадлежность продукта данной местности, что выражается операторами локальной принадлежности *наш, у нас, здесь*, оттопонимическими именами прилагательными (*тотемский, тарновское*).

ср.: *хлебушок мяконецкий свежий такой/ **масло вот это тарновское/ у нас и тотемское есть здесь/ а я чё-то вот люблю это тарновское/ с Тарновы привозят;***

*девочки вот давайте **нашего** клюквенного варенья **попробуйте/** варенье из черники варим/ из клюквы/ чёрна смородина/ красна;*

***у нас** вода конечно вкусная/ у меня из колодца.*

*калитки это такой делают... **тонкие пироги знаете что такое?/ нет?/ вот не купила я были у нас тут в ларечке/** делают сканец/ тонкий-тонкий такой/ потом в серединку ложат картошку творог/ пишено/ кашу пиённую/ и заворачивают крайчики.*

Жители Вологодчины сравнивают номинации, характерные для гастрономической культуры Мегры и Тотьмы, с единицами, представляющими пищевую традицию как городской культуры, так и других локальных культур:

ну у нас подквасье/ ну у вас закваска действительно/ а у нас подквасье; сыр вот творог/ <...> сыр называется сыр!// по-нашему сыр!

— Почему калитки?/ вот это не знаю/ почему называются калитки// а их еще иначе называют/ шаньде какие-та// — Как Вы сказали? — Ну шаньге/ эта вот в Сибири там шани/ шанежки/ шанежки/ а тут калиточки;

***у нас калитки** зовут/ у них робушки в Ивановской области// «робушек напеку/ блинчиков спеку»/ вот;*

...ой как же у их называлось-то/ выгоняй из-за стола/ пирог такой/ у нас кисель/ вот всех угостили/ больше нечем угощать/ значит выгоняй этот кисель подадут/ а тут у них пирог какой-то есть/ это значит всё закончилось идите на деревне;

калитки это/ по-разному везде/ даже в области у нас/ по-разному называют// я на курсах же был в Великом Устюге/ ... ну так там значит рогульки называются// а где в другом районе/ не помню/ шаньки/ шанюжки ещё называются// шаньки// так я удивляюсь их/ а они меня удивляются/ и у нас дак калитки пекут.

Несмотря на влияние глобализационных процессов, при которых происходит стирание межкультурных границ, местная специфика пищевой традиции, локальная идентичность региона сохраняется, что проявляется в бытовании традиционных блюд и напитков, диалектного словаря, репрезентирующего пищевую традицию.

Заключение

Таким образом, речь представителей традиционного народного социума насыщена разнообразными проявлениями самоидентификации. Как показывают наши наблюдения, могут быть выделены разные типы и идентификации — на основании определенных классификационных критериев:

- по степени и характеру распространения (общекультурная, субкультурная, локальная),
- по тематическим сферам (пища, природа, быт, трудовая деятельность, развлечения, праздники и т.д.),
- по ценностным установкам (вера, нормы морали, поведения, коммуникации).

Разные типы идентификации находятся в отношениях взаимопересечения.

Например, религиозно-мифологические представления как значимая часть традиционной культуры могут быть отнесены к общекультурной идентичности носителей данной культуры. Однако эти представления имеют субкультурную и локальную вариативность (ср., напр., о содержании мифологем *хозяин*, *хозяйка*, распространенных на разных территориях и имеющих как общие, так и локально обусловленные смысловые компоненты [Березович, Иванова 2024]); могут иметь привязку к определенным тематическим сферам (праздники, обряды, обычаи); могут быть связаны с ценностными установками.

Общекультурную, субкультурную и локальную специфику имеет, по всей видимости, тематическая организация диалектной речи. Развивающиеся в последнее время исследования тематической структуры диалектной речи на материале разных говоров (см., напр. [Гольдин, Крючкова 2006], [Буранова 2012], [Драчева, Черняева 2016], [Земичева, Дубцова, Васильченко 2020]) показывают как общие ее черты, определяемые культурно-коммуникативной спецификой диалектного повествования (см. [Гольдин 2009]), так и субкультурную и локальную вариативность тем, находящихся в фокусе внимания носителей традиционной народной культуры.

Ориентация на прошлое как важный признак традиционной культуры, выраженная в оппозиции *«раньше — сейчас»*, тоже является общим для традиционной культуры идентификационным признаком и тоже имеет субкультурные и локальные варианты, распространяется на разные тематические сферы и в область духовных ценностей.

Актуальной задачей современной диалектологии, оперирующей значительными текстовыми массивами диалектной речи, является анализ, классификация разных типов идентичности, установление, по возможности, характера их взаимодействия в речи носителей традиционной народной культуры.

Литература

- Анохина Л. И. Лексика питания: названия печеных кушаний из муки в орловских говорах: структурно-семантический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1998. 24 с.
- Банкова Т. Б. Кулинарный код сибирских семейных обрядов: объективации в языке // Сибирский филологический журнал. 2008. № 4. С. 128–139.
- Березович Е. Л., Иванова Е. Э. Хозяин и хозяйка в горной мифонимии Урала // Актуальные проблемы русской диалектологии. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2024. С. 20–23.
- Буранова А. И. Тематическая организация диалектной речи: квантитативный анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12. Вып. 3. С. 35–38.
- Гольдин В. Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2009. Т. 9. Вып. 1. С. 3–7.
- Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Тематическая разметка и тематический анализ диалектного текстового корпуса // Языковая личность — текст — дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования. Ч. 1. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. С. 71–80.
- Губарева В. В. Лексика питания в говорах Тамбовской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2001. 24 с.
- Демешкина Т. А., Толстова М. А. Локальная самоидентификация жителей сибирского села (на материале автобиографических рассказов) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 16–22.
- Драчева Ю. Н., Черняева М. И. Проблемы региональной идентичности в сфере изучения диалектной речи // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 6. С. 83–87.
- Енина Л. В. Идентичность в лингвистических исследованиях: когнитивный подход // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 4 (81). С. 162–168.
- Жандарова А. Н. Пищевая традиция в народно-речевой культуре (на материале вологодских говоров): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2023. 265 с.
- Захаров А. В. Традиционная культура в современном обществе // Социологические исследования. 2004. № 7 (243). С. 105–114.
- Земичева С. С., Дубцова Л. А., Васильченко А. А. Тематическая структура Томского диалектного корпуса // Языковое сознание. Речевая коммуникация. Саратов: ИЦ «Наука», 2020. С. 490–498.
- Ильина Е. Н. Пища в языковой картине мира жителей Белозерья // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 1 (106). С. 110–118.
- Илюкина Л. В. Наименования кушаний и напитков в южных (сараяевских) говорах Рязанской области: дис. ... канд. филол. наук. Рязань, 2017. 298 с.
- Каменская Ю. В. Семантика и функционирование лексемы «кулугур» в говоре с. Белогорное Саратовской области // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 352–360.

Крючкова О. Ю. Религиозно-мифологические представления современных носителей русской традиционной народной культуры // Образ России извне и изнутри. М. — Калуга: Эйдос, 2008. С. 84–96.

Крючкова О. Ю. Репрезентация оппозиции «свой — чужой» в диалектной коммуникации (на материале говора с. Белогорное Вольского района Саратовской области) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. 2010. Т. 10. Вып. 2. С. 6–9.

Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е., Сдобнова А. П. Оппозиция «город — деревня» в сознании носителей традиционной сельской культуры // У чистого источника родного языка. Сб. науч. статей к 60-летию проф. В. И. Супруна. Волгоград. Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008. С. 273–282.

Осипова К. В. Кисель на русском севере: основные обозначения и этнокультурная символика // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2017. №4 (7). С. 72–78.

Осипова К. В. К реконструкции традиционного рациона крестьян Русского Севера по лингвистическим данным (на примере названий блюд из толокна) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21. № 3 (190). С. 269–285.

Петякшева Н. И. Проблема идентичности в интеркультурной перспективе: латиноамериканский опыт // Вестник РУДН. Сер. Философия. 2003. № 1 (9). С. 123–128.

Свешникова Н. В. О мифологических представлениях жителей Вологодской деревни (на материале диалектологических экспедиций) // Диалектологический альманах. № 4. Воронеж: ВГПУ, 2022. С. 114–120.

O. Yu. Kryuchkova, A. N. Zhandarova

Saratov State University

(Russia, Saratov)

vpks@rambler.ru, an.fedina2014@yandex.ru

VERBALIZATION OF CULTURAL IDENTITY IN THE SPEECH OF DIALECT SPEAKERS

The article examines the cultural identity depicted in the speech of representatives of traditional rural society. The opinion is expressed concerning the expediency of studying the problem of dialect speakers' identity in terms of two main vectors — from the point of view of self-identification common to speakers of different territorial dialects (self-identification characteristic of all speakers of traditional folk culture) and from the point of view of local identity related to the territorial factor. Identity features may also be determined by cultural differences within the same dialect community (for example, if there are different confessional communities in the same village).

The article highlights the types of cultural identity in terms of their distribution in traditional society (general cultural, subcultural, local identity), as well as classification clusters — the thematic sphere, value orientations, within which general cultural, subcultural, and local identity receive their substantive specification.

It is noted that different types of self-identification can be in a relationship of mutual intersection: religious and mythological representations characterize both the general cultural identity of a dialectal society as a whole, and receive specific features within the framework of subcultural and local identity; the oppositions “before-now, “one’s—other’s” significant for folk traditional culture as a whole, are also represented in their own local and subcultural variants.

Keywords: dialect speech, cultural identity, traditional folk culture

References

- Anokhina L. I. *Leksika pitaniya: nazvaniya pechenykh kushanii iz muki v orlovskikh govorakh: strukturno-semanticheskii aspekt* [Vocabulary of nutrition: names of baked dishes made from flour in Oryol dialects: the structural and semantic aspect]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Orel, 1998, 24 p.
- Bankova T. B. [Culinary code of Siberian family rituals: objectifications in language]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2008. no. 4, pp. 128–139. (In Russ.)
- Berezovich E. L., Ivanova E. E. [The master and the mistress in the mountain mythonymy of the Urals]. *Aktual'nye problemy russkoi dialektologii* [Current problems of Russian dialectology]. Moscow, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN Publ., 2024, pp. 20–23. (In Russ.)
- Buranova A. I. [Thematic organization of dialect speech: quantitative analysis]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Filologiya. Zhurnalistika*, 2012. T. 12. Vyp. 3, pp. 35–38. (In Russ.)
- Gol'din V. E. [Narrative in dialectal discourse]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Filologiya. Zhurnalistika*, 2009. T. 9. Vyp. 1, pp. 3–7. (In Russ.)
- Gol'din V. E., Kryuchkova O. Yu. [Thematic markup and thematic analysis of the dialect text corpus]. *Yazykovaya lichnost' — tekst — diskurs: teoreticheskie i prikladnye aspekty issledovaniya* [Linguistic personality — text — discourse: theoretical and applied aspects of research]. Ch. 1., Samara, 2006, pp. 71–80. (In Russ.)
- Gubareva V. V. *Leksika pitaniya v govorah Tambovskoi oblasti* [Vocabulary of nutrition in the dialects of the Tambov region]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tambov, 2001, 24 p.
- Demeshkina T. A., Tolstova M. A. [On local self-identification of siberian village residents (based on autobiographical short stories)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021. no. 470, pp. 16–22.
- Dracheva Yu. N., Chernyaeva M. I. [Problems of regional identity in the field of dialect speech study]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016. no. 6, pp. 83–87. (In Russ.)
- Enina L. V. [Identity in Linguistic research: a cognitive approach]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010, no. 4 (81), pp. 162–168. (In Russ.)

Il'ina E. N. [Food in the language world picture of the Belozerye inhabitants]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022. no. 1 (106), pp. 110–118. (In Russ.)

Ilyukina L. V. *Naimenovaniya kushanii i napitkov v yuzhnykh (saraevskikh) govorkakh Ryazanskoi oblasti* [Names of food and drinks in the southern (Sarajevo) dialects of the Ryazan region]: dis. ... kand. filol. nauk. Ryazan', 2017. 298 p.

Kamenskaya Yu. V. [Semantics and functioning of the Kulugur lexeme in the dialect of Belogornoye village, Saratov region]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov: materialy i issledovaniya* [Lexical atlas of Russian folk dialects: materials and research]. SPb., ILI RAN Publ., 2019, pp. 352–360. (In Russ.)

Kryuchkova O. Yu. [Religious and mythological representations of modern speakers of Russian traditional folk culture]. *Obraz Rossii izвне i iznutri* [The image of Russia from the outside and from the inside]. Moscow — Kaluga: Ejdos Publ., 2008, pp. 84–96. (In Russ.)

Kryuchkova O. Yu. [The representation of the opposition “One’s–Other’s” in dialect communication (on the materials of the dialect of the village Belogornoe, Volsky district of the Saratov region)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Filologiya. Zhurnalistika*, 2010. T. 10. Vyp. 2, pp. 6–9. (In Russ.)

Kryuchkova O. Yu., Goldin V. E., Sdobnova A. P. [The “City-Village” Opposition in the Consciousness of Traditional Rural Culture Bearers]. *U chistogo Istochnika rodnogo yazyka* [At the Rure Source of the Native Language]. Volgograd. VSPU “Peremena” Publishing House. 2008. Pp. 273–282. (In Russ.)

Osipova K. V. [Kissel in the Russian North: basic semantics and ethnocultural symbols]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye, obshchestvennye, pedagogicheskie nauki*, 2017. no. 4 (7), pp. 72–78. (In Russ.)

Osipova K. V. [The reconstruction of the traditional peasant diet of the Russian North according to linguistic data (with reference to oatmeal dishes names)]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 2019. T. 21. no. 3 (190), pp. 269–285. (In Russ.)

Petyaksheva N. I. [The problem of identity in an intercultural perspective: the Latin American experience]. *Vestnik RUDN. Ser. Filosofiya*, 2003. no. 1 (9), pp. 123–128. (In Russ.)

Sveshnikova N. V. [About the mythological representations of the inhabitants of the Vologda village (based on the material of dialectological expeditions)]. *Dialektologicheskii al'manakh* [Dialectological almanac]. No. 4, Voronezh, 2022, pp. 114–120. (In Russ.)

Zakharov A. V. [Traditional culture in modern society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2004. no. 7 (243), pp. 105–114. (In Russ.)

Zemicheva S. S., Dubtsova L. A., Vasil'chenko A. A. [The thematic structure of the Tomsk dialect building]. *Yazykovoe soznanie. Rechevaya kommunikatsiya* [Linguistic consciousness. Speech communication]. Saratov, 2020, pp. 490–498. (In Russ.)

Zhandarova A. N. *Pishchevaya traditsiya v narodno-rechevoi kul'ture (na materiale vologodskikh govorov)* [Food tradition in folk speech culture (based on Vologda dialects)]: dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2023, 265 p.

О. Д. Сурикова

*Институт истории и археологии УрО РАН
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Екатеринбург-Москва)
surok62@mail.ru*

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МИКРОСИСТЕМЫ В НАРОДНОМ КАЛЕНДАРЕ КАК СРЕДСТВО МНЕМОТЕХНИКИ (НА ПРИМЕРЕ КОСТРОМСКОЙ ХРОНОНИМИИ)

Статья посвящена одному из базовых принципов организации русского народного календаря — выстраиванию календарных семантических микросистем. На материале современной костромской хрононимии из полевых картотек Топонимической экспедиции Уральского университета (более 5500 ед. хр.) анализируются способы создания системных оппозиций в парах или рядах календарных названий. В центре внимания находятся случаи, когда в системные отношения вступают хрононимы, содержащие одинаковый лексический компонент (терминологический — *заговенье, пост, воскресенье, неделя* и др., или собственно ономастический — *Казанская, Никóла* и др.) и его вариативное «наращение» (дифференцирующий эпитет), ср.: *Первая Масленица* ‘понедельник на Масленой неделе’ — *Вторая Масленица* ‘воскресенье на Масленой неделе’, *Егóрий Весенний* ‘6.05’ — *Егóрий Осенний* ‘16.11’ — *Егóрий Зимний* ‘9.12’, *Младшее бабье лето* ‘период с 28.08 по 14.08’ — *Старшее бабье лето* ‘период с 14.09 по 21.09’, *Свиное заговенье* ‘27.11’ — *Мясное заговенье* ‘воскресенье перед Масленой неделей’ — *Яичное заговенье* ‘воскресенье после Троицы’ — *Яблочное заговенье* ‘22.08’ и мн. др. Автор полагает, что создание семантических микросистем можно рассматривать как один из действенных мнемотехнических приемов: это помогает носителям традиции иерархизировать соответствующие календарные события, различать их между собой функционально и встраивать в годовой цикл, а также восстанавливать забытые члены оппозиций «по аналогии» с сохранившимися. Это особенно значимо в последние десятилетия, когда традиционный календарь находится в руинированном состоянии.

Ключевые слова: этнолингвистика, русские народные говоры, народный календарь, хрононимия, семантические микросистемы, Костромская область

Благодарности: Исследование выполнено за счет средств субсидии на финансовое обеспечение выполнения гос. задания ИИиА УрО РАН; тема «Языки и диалекты, ономастика и культурно-языковые традиции Большого Урала и Русского Севера в историческом освещении», рег. номер 125091610379-2.

Полевикам-этнолингвистам, а также всем исследователям народной культуры хорошо известно, что традиционный народный календарь в XXI веке находится в руинированном состоянии: в результате принципиальных изменений в типе хозяйствования и образе жизни его пользователей, обусловленных событиями XX в. — промышленными революциями, урбанизацией, десятилетиями антирелигиозной политики, всеобучем и пр., — объем календарных знаний значительно сократился, а сохранившиеся сведения часто транслируются в редуцированном или искаженном виде. При этом сохранившийся календарный «остов», а также логика ошибок и искажений имеют диагностическую ценность: они наглядно демонстрируют ядро и периферию календарной памяти, а также иерархию персонажей, сюжетов и мотивов, из которых «выживают» только наиболее значимые. Отдельный интерес представляют наблюдения над действенными способами запоминания календарной информации носителями традиции.

Следующие языковые практики можно рассматривать в том числе как мнемотехнические приемы.

1. Паремии и приметы, в которых контекстно связаны названия двух или более календарных дат. Они зачастую строятся по логической схеме типа «Если в день X происходит то-то, то в день Y происходит то-то» (хотя возможны высказывания другого типа), например: сев.-рус. *С Егорья хороводы, с Дмитрия посиделки* [РНК: 135], костр. *Пётр-Павел час убавил, Илья Пророк два уволок, Иван Постный три поёрнул* [ЛКТЭ], симб. *Кто о Филипповках не пащивался, кто о Миколе не загащивался — тому и Святки не в Святки* [РНК: 264], помор. *Если Егорий с водой, Микола с травой, то и Зимний <Никола> будет с навагой и сельдью* [Там же] и мн. др. Устойчивый характер изречений помогает носителям традиции в худшем случае надежно помнить названия всех перечисляемых праздников, в лучшем — реконструировать их семантику и привязывать к календарным датам.

2. Паремии и свободные нарративы, основанные на принципе народной этимологизации, когда семантика хрононима интерпретируется через созвучное слово. Ср., например, название Дня сорока мучеников Севастийских (22.03)¹ *Соро́ки*: «Сороки и галки прилетели на Сороки — к теплу» (забайк.) [РНК: 407], а также приметы, связанные с этой датой, типа «После Сорока Мучеников ещё сорок морозов пройдёт — тогда картошку в огороде сажать» (костр.) [РНК: 405], паремии типа пск. *Сорок Сороков, Сорок Мучеников, и сорок птиц вылятя* [РНК: 404] и т. д. Повторение созвучных слов (*соро́ка* ‘птица’ ~ *соро́к* ‘40’), выделение в хронониме опорного элемента, к которому привязана дальнейшая семантизация события (*сорок мучеников, сорок морозов, сорок сороков, сорок плешивых*), — своеобразный «костыль» для памяти, который позволяет сохранять исходное календарное название.

3. Переносы названий праздников на соседние даты / периоды (*Василий Великий* ‘день свт. Василия Великого, архиеп. Кесарии Каппадокийской, 14.01’ → *Васильев вечер* ‘канун этого дня’; *Успение Богородицы* → *Успенский пост*; *Троица* →

¹ Здесь и далее даты указываются по новому стилю.

Троицкая суббота и прочие наименования канунов, постов, заговений, поминальных суббот, климатических периодов типа костр. *никóльские морозы* и др.), в том числе возникающие в их результате хрононимы-«кентавры» типа костр. *Анны Никóльские* ‘22.12, день зачатия праведной Анной Пресвятой Богородицы, следующий после дня свт. Николая, 19.12’, костр. *Екатерина Веденьёвская* ‘7.12, день вмчц. Екатерины, следующий за Введением во храм Пресвятой Богородицы, 4.12’, костр. *Сидоры да Пахóмы* ‘27.05, день мч. Исидора, и 28.05, день прп. Пахомия Великого’ [подробнее см.: Кучко 2026a]. Такие переносы помогают запоминать календарную смежность и очередность событий.

К числу приемов, выполняющих в том числе мнемотехническую функцию, можно отнести также создание календарных семантических микросистем². Речь идет о случаях, когда в системные отношения вступают хрононимы (числом два и более), содержащие одинаковый лексический компонент (терминологический — *заговенье, пятница* и др., или собственно ономастический — *Казáнская, Никóлин день* и др. — последнее актуально для праздников в честь тезоименных святых или разных событий, связанных с одним и тем же святым или одной и той же иконой) и его вариативное «наращение» (дифференцирующий эпитет), которое, собственно, и обеспечивает семантическую оппозицию.

Значимость системных номинативных оппозиций при запоминании календарных дат хорошо иллюстрирует пример с русскими названиями трех Спасов — Дня происхождения (изнесения) честных древ Животворящего Креста Господня (14.08), Преображения Господня (19.08) и Дня перенесения из Едессы в Константинополь Нерукотворенного Образа (Убруса) Господа Иисуса Христа (29.08). Эти три смежных даты получают множество обозначений в рамках четких семантических моделей: *Первый, Второй и Третий Спасы* (числовая модель), *Медовый, Яблочный и Ореховый Спасы* (пищевая модель), *Малый и Всеобщий Спасы, Человечий и Конский Спасы* (иерархическая модель), *Спас-на-воде — Спас-на-горе — Спас-на-холсте* (указание на сюжет праздника или особенности богослужения) и т. д. При этом три Спаса воспринимаются не как отдельные события, а как календарная система; мотивация и календарная приуроченность отдельных элементов этой системы могут забываться (ср., например: костр. «19 августа Яблочный Спас. Потом Медовый Спас, а ещё один — не помню какой»), но склонны ремотивироваться из-за прочных системных связей и по аналогии с сохранившимися «соседями» (ср.: влг. «На Первый Спас яблоки закусывали, на Второй сымали») [подробнее см.: Сурикова 2025]. Иными словами: если бы элементы не были связаны жесткими системными связями, а функционировали сепаратно, они давно оказались бы забыты; именно отношения семантической оппозиции «держат на плаву» отдельные ее составляющие. Носитель культурно-языковой традиции рассуждает, что если есть *Первый Спас*, то должен быть и *Второй*; если есть *Малый Спас*, то должен быть и *Большой*; если в Первый Спас происходит событие X, то во Второй Спас происходит

² О некоторых конкретных семантических оппозициях в календарных традициях славян см., например, [Валенцова 1999; Кабакова 1983; Седакова 1984; Толстая 2005; и др.]; специально у русских — [Атрошенко 2012].

связанное с ним событие У (без указ. м. «В Первый Спас-На воде олень обмакивает лапу, во Второй Спас-На горе — обмакивает хвост» [РНК: 311]) и пр.

Именно этому мнемотехническому способу (который одновременно является базовым принципом организации народного календаря) — выстраиванию системных семантических связей между отдельными календарными датами и их названиями — посвящена настоящая статья. Наблюдения касаются русской региональной календарной традиции советского периода: материалом для исследования послужил обширный неопубликованный корпус хрононимов, зафиксированных сотрудниками Топонимической экспедиции Уральского федерального университета в Костромской области в период с 2001 г. по н. в. (более 5500 ед. хр. в фондах [ЛКТЭ]) от информантов 1920–1960-х гг. р., преимущественно воспроизводящих подробности календарной ситуации 1930–1980-х гг.

Рассмотрим способы создания системных оппозиций, воплощенных в костромских хрононимах и помогающих носителям традиции иерархизировать соответствующие календарные события, различать их между собой функционально и встраивать в годовой цикл.

1. Указание на порядок следования во времени

1.1. Присвоение календарному событию порядкового номера

- *Первый Спас* ‘14.08’ — *Второй Спас* ‘19.08’ — *Третий Спас* ‘29.08’ (повсем.): «Первый Спас — бери рукавицы в запас. Второй Спас — бери шапку в запас. Третий Спас — бери шубу в запас. Холодать начинает (Пав.)»³;
- *Первая Масленица* ‘понедельник на Масленой неделе’ — *Вторая Масленица* ‘воскресенье на Масленой неделе’ (С-Слав.): «На Масленицу наваживали соломы, и все молодые гуляли и в ней кувырдались, играли. Первая Масленица, Вторая Масленица. Первая Масленица — за неделю, тоже жгли всё время»;
- *Михайлов день Первый* ‘19.09, Воспоминание чуда архистратига Михаила’ — *Михайлов день Второй* ‘21.11, Собор архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных’ (Шар.): «У нас в Конёве был Михайлов день Первый и Второй»;
- *Первый Федул* ‘13.01 (?)’ — *Второй Федул* ‘26.01 (?)’ (Мак.): «13 января — Первый Федул. 26 февраля — Второй Федул. Придёт Федул — тепляк подул» (ср. здесь формы мн. ч.: *Федулы* (Кад., Окт.), *Федулы-Обдулы* (Окт.) ‘15.03, день свщмч. Феодота Киринейского’);
- *Первый Сидор Огуречник* ‘19.05, день прав. Иова Многострадального’ — *Второй Сидор Огуречник* ‘27.05, день мч. Исидора’ — *Третий Сидор Огуречник* ‘2.06, день мч. Фалалея’ (Пав.): «Первый Сидор Огуречник, Второй Сидор Огуречник, Третий Сидор Огуречник, огурцы сажали» (симптоматично, что «настоящий» *Сидор* в этой микросистеме — только *Второй*, он же просто

³ Здесь и далее в круглых скобках в сокращении указываются районы Костромской области, где зафиксированы хрононимы / иллюстративные контексты. Для примеров, извлеченных из [ЛКТЭ], паспортизация не осуществляется.

Сидор Огурёчник (Пав.); именно этот «средний» член микросистемы является ее «застрельщиком»);

- послепасхальные пятницы: *Восьмая пятница* (С-Гал.) — *Девятая* (Вохом., Окт., Остр., С-Слав., Шар.) / *Девятая пятница* (Окт., С-Гал., Остр., Чухл.) — *Десятая* (Мант., Меж., С-Гал., Чухл.) / *Десятая пятница* (Парф., С-Гал., Чухл.) / *Десятница* (С-Гал.): «У каждой деревни свой праздник, у нас вот Восьмая пятница, ешо есть Девятая пятница и Десятая пятница. Это от Пасхи считают» (С-Гал.);
- послепасхальные воскресенья: *Пятое воскресенье* (К-С, Нерех.) — *Шестое воскресенье* (Мак., Пыщ.) — *Девятая* (Окт., С-Слав.) / *Девятое* (Кад., Остр., Чухл.) / *Девятое воскресенье* (Мак., Чухл.) — *Десятая неделя* (С-Слав.) / *Десятое воскресенье* (Чухл.), ср. также *Остáнное воскресенье*, *Послédнее воскресенье* (Мак.) ‘воскресенье после Троицы’ (о послепасхальных пятницах и воскресеньях в костромском народном календаре см. специально [Кучко 2026б]).

Встречаются также случаи, когда порядковое числительное маркирует только один член ряда⁴: *Первое заговенье* ‘воскресенье перед Масленой неделей’ (С-Слав.) — ср. *Заговенье* (повсем.), ‘Великий пост’; *Вторая Казáнская* ‘4.11’ (Кологр.) — ср. *Казáнская* ‘21.07’ (повсем.).

1.2. Указание на сезонную приуроченность события

- *Егóрий Весенний* ‘6.05, день вмч. Георгия Победоносца’ (Мак., Шар., Меж., Пав.) — *Егóрий Осенний* ‘16.11, Обновление (освящение) храма вмч. Георгия в Лидде’ (Меж.) — *Егóрий Зимний* ‘9.12, Освящение церкви вмч. Георгия Победоносца в Киеве’ (Пав.);
- *Весенний Микóла* (Вохом.) / *Весенний Никóла* (Остр., Антр., Чухл.) / *Весенний Никóлин день* (Меж.) / *Весенняя Никóла* (С-Слав., Антр., Чухл.) / *Вéшняя Никóла* (Кад., Чухл.) / *Микóла Вéшний* (Пав.) / *Никóла Вéшина* (Буйск.) / *Никóла Вéшний* (Чухл.) / *Летняя Никóла* (Нерех., Парф., Кад., Нейск., Остр., Чухл., Антр.) ‘22.05, день перенесения мощей свт. Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бар’ — *Зимний Микóла* (Вохом.) / *Зимний Никóла* (Пыщ., Антр., Чухл.) / *Зимний Никóлин день* (Меж.) / *Зимняя Никóла* (Парф., Нерех., Кад., Остр., Чухл., Кологр., Антр.) ‘19.12, День свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, чудотворца’: «Он два раза бывает. Бывает 22 мая — Весенний Микола, и Зимний Микола — 19 декабря» (Вохом.), «К Николе Весеннему потепление бывает, день увеличивается, а в Николу Зимнего самый короткий день» (Антр.), «На Николу Весеннего лук сажали, а был ещё Никола Зимний. Но на него вроде бы ничего делать не надо было» (Антр.), «По деревням праздники отмечались, в Аксенихе был Весенний Николин день, а Губино — Зимний

⁴ В большинстве подобных случаев (здесь и ниже) нельзя исключать, что другие маркированные члены оппозиции / ряда просто не зафиксированы собирателями.

Николин день, он в декабре, хотя три километра разделяют, а праздники разные» (Меж.), «Есть Летняя Никола, есть Зимняя Никола» (Остр.);

- *Ива́нов день Весенний* / *Иоанн Богослов Вёшний* '21.05, день ап. и евангелиста Иоанна Богослова' — *Ива́нов день Осенний* / *Иоанн Богослов Осенний* '9.10, Преставление ап. и евангелиста Иоанна Богослова' (Антр.): «Было два Иванова дня: один Весенний — 21 мая, а другой Осенний — 9 октября. В эти дни из дома в дом ходили, плясали», «Два праздника в честь Иоанна были: первый — Иоанн Богослов Вёшний, его в Богослове праздновали 21 мая, второй — Иоанн Богослов Осенний, 19 декабря»;
- *Владими́рская Летняя* '6.07, день Владимирской иконы Божией Матери' — *Владими́рская Осенняя* '8.09, Сретение Владимирской иконы Пресвятой Богородицы' (Шар.);
- *Каза́нская Летняя* (С-Гал., Парф., Кад., Кологр., Буйск., Мак., Антр.) '21.07, день явления иконы Богородицы в Казани' — *Каза́нская Осенняя* (С-Гал., Парф., Кад., Кологр., Буйск., Мак., Антр., Чухл.) / *Каза́нская Зимняя* (Парф., Кад., Кологр., Антр.) '4.11, день Казанской иконы Божией Матери': «В ноябре мы праздновали Казанскую Зимнюю, а в июле — Летнюю» (Кологр.), «Казанская Летняя была в Момзихе, а Казанская Осенняя — в Ключёвке» (Кологр.), «У нас была Казанская. 21 июля и 4 ноября, Летняя и Осенняя. Две деревни. Сначала ходили в гости в одну сторону, потом в другую. Там готовятся и тут, пироги пекут» (Буйск.), «На Летнюю Казанскую и на Осеннюю Казанскую родственников собираем у себя на застолье, пьём, песни поём» (Антр.).

Вновь указание на сезонную привязку может маркировать только один член ряда: *Миха́йлов Зимний* '21.11' (Шар.) — ср. *Миха́йлов день* '19.09' (Шар.): «Михайлов Зимний есть и Миха́йло Чúdo»; *Осенний Серге́н день* '8.10, Преставление прп. Сергия, игумена Радонежского, всея России чудотворца' (Чухл.) — ср. *Сergéв день* (Кад., Остр.), *Сergéв день* (Нерех., Остр.) '18.07, день обретения мощей прп. Сергия Радонежского'; *Летнее заговенье* 'воскресенье после Троицы' (Нерех.).

Добавим, что «сезонную» оппозицию реализуют также хрононимы (с повторяющимся компонентом или уникальные), идентифицирующий эпитет в которых указывает на **температурный режим** в то или иное время года, —

- «**холодные**»: *Его́рий Холодный* '9.12, Освящение церкви вмч. Георгия Победоносца в Киеве' / *Его́рьевская Холодная* (Меж.): «У нас два Егория — Голóдный и Холодный. Голóдный весной, потому что нового не выросло, а старое на исходе, а Холодный уже осенью»; *Студёный Никола́* '19.12, день свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, чудотворца' (Окт.): «Никола Зимний, или, говорят, Студёный Никола — морозы трещат»; *Касья́н Остудный* '29.02, день прп. Кассиана Римлянина' (Шар.); «народноэтимологический» *Фёдор Студёный* '8.02, Перенесение мощей прп. Феодора, игумена Студийского, из Херсонеса Акритского в Константинополь' (Кад.); *Афанáсий Ломоно́с* '31.01, День свт. Афанасия Великого, архиеп. Александрийского' (Мак.): «Афанасий Ломонос, афанáсьевские морозы. Серьёзные морозы»;

- и «теплые»: *Казанская Жарá* ‘21.07, день явления иконы Богородицы в Казани’ (Мак.); *Алексей Тёплой* ‘30.03, день прп. Алексея, человека Божия’ (Кологр.): ср. «Олексий Божий человек настал — лёд ломает, река дышит» (Мак.); *Пахом Тёплый* ‘28.05, день прп. Пахомия Великого; день прп. Пахомия Нерехтского’ (Буйск.); ср. здесь также *Зелёные Святки* ‘период от Вознесения до Троицы’ (Нерех.) — при *Святки* ‘период от Рождества до Крещения’ (повсем.).

Укажем также «метеорологическую» модель, в рамках которой отмечаются:

- **заморозки и снегопады:** *Фáли Мёрзлые* ‘2.06, день мч. Фалалея’ (Вохом., Окт., Пав.): «Пройдут Фали, оттепель будет, капусту станем садить» (Окт.); *Анна Холодница* ‘7.08, день успения прав. Анны’ (Мак.) (ср.: без указ. м. «Припасаает на день святой Анны зима холодные утренники» [РНК: 34]); *Сидор Сивер* (Буйск.) / *Сидоры-Сиверы* (Шар.) ‘27.05, день мч. Исидора’: «Сидор Сивер, сиверко бывает — изморось, дождь холодный» (Буйск.); *Федоты Заметоты* ‘10.02, день прп. Феодосия Тотемского’ (Кологр.): «Федоты Заметоты 10 февраля. В этот день должна быть пурга, сильно мести»; *Федоты Пометáлы* (Вохом., Окт., Пав., Шар.) и под. ‘15.03, день свщмч. Феодота Киринейского’: «Федоты Пометалы бывают весной: всё замечает, делает бугры большие» (Пав.);
- **оттепели:** *Веденья-Леденья* ‘4.12, Введение во храм Пресвятой Богородицы’ (Мак.): «А 4 декабря Веденья-Леденья, всегда оттепель»; *Василии Капельники* (Пав.) и под. ‘13.03, день прп. Василия Исповедника’: «На Василии Капельники начинает капать»; *Евдокеи Капельки* (Нерех.) / *Евдокия Плющиха* (Вохом., Окт., Пав., Пыщ.) / *Евдокия Зассиха* (Кологр.) и под. ‘14.03, день прпмчч. Евдокии’: «Евдокия Плющиха, плющит, сáдит снег, значит» (Вохом.), «На Евдокию Зассиху всё грязно становится» (Кологр.); *Дарья-в Прорубь насери* (Мак.) и под. ‘1.04, день мчч. Дарьи Римской’: «Дарья-в Прорубь насери — про грязь. Грязно сделатся, будто тает говно-то»; *Марья-Зажги снега-Заиграй овражки* ‘14.04, день прп. Марии Египетской’ (Мак.).

2. Указание на место в иерархии

2.1. Оппозиция «большой — малый (стандартный)»

Как правило, лексически маркирован только один член оппозиции (как *большой* по сравнению с немаркированным стандартным или как *малый* по сравнению с немаркированным большим):

- *Большое бабье лето* ‘период с 14.09 по 21.09’ — *Бабье лето* ‘период с 7.09 по 14.09’ (Окт.);
- *Большой Спас* ‘14.08, Первый Спас’ (Кологр.) — ср. *Второй Спас*, *Третий Спас* (повсем.), *Спасов день* (Буйск., Парф., Шар., Остр.);
- *Великий пост* (повсем.) / *Великое говинье* (Шар., Мак., Окт., Вохом., Пав., Пыщ.) / *Великое говенье* (Вохом.) / *Великое говеньицо* (Кад.) / *Большое говинье*

(Пав., Вохом., Окт.) / *Большой пост* (Кологр.) — ср. *говинье* ‘любой пост’ (повсем.), *Петрѡво говинье* ‘Петров пост’, *Филиппово говинье* ‘Рождественский пост’ (Пыщ.) и др.: «Промѣжговинье до говинья, а потом Большое-то говинье; а потом говинье бывает невеликое перед Петровым днём», «Говинье-то перед Рождеством невеликѡ, а Большѡе — до Пáски»;

- *Великое Мáсличное* ‘воскресенье на Масленной неделе’ — *Мáсличное* ‘Масленная неделя’ (Вохом.): «На Мáслишное катались на саях лошадиных в субботу, а в Великое Маслишное жгли мáсленицу: возьмут шайку, корзину старую, в поле поставят и сожгут вечером»;
- *Маленькая Пасха* ‘первое воскресенье после Пасхи’ (Шар.) — ср. *Пасха*, *Пáска* ‘Воскресение Христово’ (повсем.).

2.2. Оппозиция «старший — младший, старый — молодой»

- *Младшее бабье лето* (Окт.) / *Молодое бабье лето* (Окт., Мак.) ‘период с 28.08 по 14.09’ — *Старое бабье лето* / *Старшее бабье лето* ‘период с 14.09 по 21.09’ (Окт.): «Смотрели: как Младшее бывает — так Старшее пойдёт» (Окт.).

Здесь также встречаются случаи, когда лексически специально маркирован только один член оппозиции, а второй воспринимается как норма, точка отсчета для антитезы: *Молодое бабье лето* ‘период с 01.09 по 07.09’ — *Бабье лето* ‘период с 7.09 по 14.09’ (Шар.), *Девичье лето* ‘период с 28.08 по 7.09’ — *Бабье лето* ‘период с 7.09 по 14.09’ (Окт.): «Молодое бабье лето — с 1 по 7 сентября, а настоящие Бабье лето — с 7 по 14 сентября» (Шар.), «Сначала Девичье лето, потом Бабье» (Окт.).

2.3. Оппозиция «старый — новый»

- *Стáрой год* (Окт.) / *Старый Новый год* (повсем.) ‘14.01, день свт. Василия Великого, архиеп. Кесарии Каппадокийской’ — *Новый год* ‘ночь с 31.12 на 1.01’ (повсем.).

2.4. Оппозиция «живой — мертвый»

- *Пáска* ‘Пасха’ (повсем.) — *Пáска мёртвых* ‘Радоница (вторник на второй неделе после Пасхи)’ (Кологр.): «Радоница — Пáска мёртвых. Шли на кладбище, посыплют могилки пшеном, яичко раскрошат» (Кологр.);
- *Троица* (повсем.) — *Троица мёртвых* ‘воскресенье после Троицы’ (Мак.): «Ревún, Остáнное воскресенье — так в Тимошине звали. А у других зовут Троица мёртвых. Это как поминальный день» (Мак.).

Легко заметить, что некоторые из приведенных примеров реализуют еще одну семантическую оппозицию — «**настоящий, истинный** — **ненастоящий, ложный**». В каких-то случаях эта оценка — центральный мотив для создания хрононимной пары (ср.: «Молодое бабье лето — с 1 по 7 сентября, а настоящие Бабье лето — с 7 по 14 сентября»), в других случаях она восстанавливается на уровне коннотации.

3. Указание на ритуальную, бытовую или хозяйственную практику, связанную с датой

Чаще всего такое указание осуществляется в рамках «пищевой» модели: идентифицирующий эпитет называет нечто съедобное, что предписывается есть / прекращать есть, готовить, освящать, собирать, высаживать и т. д. в конкретный день или календарный период. При этом «пищевые» предписания (как и погодные прогнозы выше) могут быть основаны на механизме народной этимологии (см. ниже *Луков день* 'день ап. Луки', *Никола Кочанник* 'день блж. Николая Кочанова' и др.). Как и во всех уже обсуждавшихся случаях, «пищевые» хрононимы могут выстраиваться в семантические ряды:

- *Медовый Спас* (повсем.) / *Гороховый Спас* (Шар.) '14.08, Первый Спас' — *Яблочный Спас* (повсем.) / *Яблоне́вый Спас* (Меж.) '19.08, Второй Спас' — *Орехов Спас* (Нерех.) / *Ореховый Спас* (К-С, Мак., Нерех., Окт., С-Слав., Шар.) / *Горóхов Спас* (Нерех.) / *Хлебный Спас* (Кад., Нерех., Шар.) '29.08, Третий Спас, 29.08': «На Медовый Спас 14 августа мёд качали и ели» (К-С), «Ореховый Спас — орехи несли в церкву» (Нерех.);
- *Свиное заговенье* '27.11, день ап. Филиппа, канун Рождественского поста' (Вохом.) — *Мясное заговенье* (Буйск., Пав., Парф.) / *Мясопу́стное заговенье* (С-Слав.) 'воскресенье перед Масленой неделей' — *Яичное заговенье* 'воскресенье после Троицы, канун Петрова поста' (Вохом., Окт., Пав., Парф., Шар.) — *Яблочное заговенье* '22.08 (?)' (Пав.): «Свиней раньше ели. Свиное заговинье бывает» (Вохом.), «Первое заговенье — это Мясопустное называется, заговляются мясом» (С-Слав.), «Заговенье яичное — яйца варят, катают» (Вохом.), «Яичное заговенье весной, Яблочное — 22 августа» (Пав.);
- *Ореховое воскресенье* 'воскресенье перед Троицей' — *Кресто́вое воскресенье* 'воскресенье на четвертой неделе Великого поста, когда пекли обрядовую выпечку — *кресты́*' (Кад.): «За неделю до Троицы — Ореховое воскресенье, орехи пекли, в гости друг к дружке ходили, орехами угощали»;
- *Жáворонков день* (костр.) '22.03, день сорока мучеников Севастийских' [РНК: 150] — *Лу́ков день* (Буйск., Кологр.) / *Луковый день* (Кологр.) '29.04, день ап. Луки': «В День жаворонков жаворонки пекли из теста, как цыплят» [РНК 150], «На Луков день сажают лук <...> Молитву читают луку путные люди» (Кологр.).

Также возможно «пищевое» маркирование только одного хрононима в ряду календарных обозначений с общим лексическим компонентом — терминологическим:

- *Мясная суббота* 'суббота перед Масленой неделей' (Вохом., Окт.) — ср. названия других поминальных суббот в годовом цикле — *Покровская*, *Дмитриевская* и др.: «Мясная суббота, дак мясо надо исть» (Вохом.);
- *Масленая неделя* (повсем.) / *Блинная неделя* (повсем.) — ср. *Святая неделя* 'период с 13.01 по 19.01' (Пав.), *Духовская неделя* 'неделя после Троицы' (Кологр.) и под.;

- *Курячий праздник / Петушиный праздник* ‘14.11, день бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана’ (Окт.) — ср. *Петрѡв праздник* ‘12.07, день апп. Петра и Павла’ (Пыщ.), *Конный праздник* ‘31.08, день мчч. Флора и Лавра’ (Мак.) и пр.: «Кузьминки с ветеранами отмечаем 14 ноября. Курячий праздник, петушка готовят, курицу, Петушиный праздник»;
- *Капустинские посиделки* ‘период с 28.09 по 11.10’ (Мак.): «Раньше в деревне со Здвиженья начинались капустинские посиделки, которые продолжались две недели, почти до Покрова»;

— или собственно ономастическим (в таком случае идентифицирующий эпитет позволяет различить празднования тезоименным святым или дни, посвященные разным событиям из жизни одного святого):

- *Мака́рий Лу́ковик* ‘29.04, день ап. Луки’ (Кологр.) — ср. *Мака́рий* (Мак., С-Гал., Шар.) / *Мака́рьев день* (Кад., Кологр., Мак., Пыщ., Чухл.) ‘7.08, день прп. Макария Желтоводского, Унженского’: «Лук сажали, был Макарий Луковик 5 мая»;
- *Нико́ла Коча́нник* ‘9.08, день блж. Николая Кочанова’ (прим. собирателя: «праздник, связанный со сбором капусты») (С-Гал.) — ср. *Никола Вешний*, *Никола Зимний* и др. названия дней памяти Николая Чудотворца (см. выше);
- *Марья Капу́стница* ‘29.04, день мчч. Ирины’ (Мак.) — ср. *Марья-Зажги снега-Заиграй овражки* ‘14.04, день прп. Марии Египетской’ (Мак.): «Капусту сажали в Марью Капустницу и приговаривали: “Расти пузастая, а не голенастая”»;
- *Авдо́тья Мали́новка* ‘17.08, день прпмчч. Евдокии’ (Нерех.) — ср. *Евдоке́и* / *Евдоке́и Капе́льки* и пр. ‘14.03, день прпмчч. Евдокии’ (Нерех.): «Авдотья Малиновка — шли за малиной»;
- *Иван Постной* (Мак.) / *Иван Постный* (Мак., Нерех., Шар.) / *Ивана Постного* (Шар.) ‘11.09, Усекновение главы Иоанна Предтечи’ — ср. *Иван Богослов* ‘21.05, день ап. и евангелиста Иоанна Богослова’ (Нерех.), *Иван Купала* ‘7.07, Рождество Иоанна Крестителя’ (повсем.).

Очевидно, что многие из приведенных хрононимов реализуют оппозицию «**постный** — **скоромный**» (таковы, например, *Мясное заговенье*, *Мясная суббота*, *Масленая неделя*, *Капустинские посиделки*, *Иван Постный*).

Отдельно упомянем еще «**голодные**» хрононимы (с повторяющимся компонентом в составе или лексически уникальные): *Его́рий Голодный* / *Его́рьевская Голодная* ‘6.05, день вмч. Георгия Победоносца’ (Меж.): «Была Егорьевская Голодная в мае, запасы уже кончались к этому времени»; *Пётр Полукорм* ‘29.01, Поклонение честным веригам ап. Петра’, *Ани́сья Полухле́бница* ‘6.02, день прп. Ксении Миласской’ (Мак.): «29 января — Пётр Полукорм, 6 февраля — Ани́сья Полузёмница, Ани́сья Полухле́бница. Половина запасов съедена»; *Але́ны-Голоде́ны* ‘3.06, день равноап. Константина и матери его царицы Елены’ (Шар.): «Ох, скоро пойдём на Але́ны-Голоде́ны. Самый голодный праздник: ничего не выросло, запасы через зиму кончились».

* * *

Таковы способы построения семантических микросистем в современном костромском календаре. Наш исследовательский опыт позволяет предположить, что они релевантны и для более широкого русского календарного материала (общерусский массив хрононимов даст больше примеров реализации каждого случая, возможно, добавятся новые семантические модели, но, думается, семантический «костяк» примерно совпадет с описанным в этой статье).

Понятно, что важнейшей функцией системных оппозиций является дифференциация номинируемых событий (*Никола Летний vs Никола Зимний vs Никола Кочаник* = '22.05, день перенесения мощей свт. Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бар' vs '19.12, день свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, чудотворца' vs '9.08, день блж. Николая Кочанова'), уточнение во внутренней форме хрононима содержания праздника (*Свиное заговенье — Мясное заговенье — Яичное заговенье — Яблочное заговенье*). Но нет сомнений, что они служат также в качестве средства мнемотехники: об этом, во-первых, свидетельствуют типичные контексты с перечислением связанных событий (ср.: «Есть Летняя Никола, есть Зимняя Никола», «Говинье-то перед Рождеством невелико, а Большое — до Паски», «У каждой деревни свой праздник, у нас вот Восьмая пятница, ешо есть Девятая пятница и Десятая пятница. Это от Пасхи считают» и мн. под.). Во-вторых, показательна ограниченность «репертуара» семантических моделей, реализуемых в народной хрононимии: вероятно, ограничение количества номинируемых признаков «бьет в воронку» более простого запоминания (укажем здесь еще свойство взаимозаменяемости моделей: *Первый Спас = Большой Спас = Медовый Спас*; *Первое заговенье = Мясное заговенье*; *Вторая Казанская = Казанская Осенняя*, *Большое бабье лето = Старое бабье лето* и т. д.). Не исключено вообще, что заметная насыщенность современного календаря «парными» или «цепными» хрононимами, вступающими в отношения лексико-семантической системности, — это результат лучшего запоминания и более надежного воспроизведения носителями традиции именно таких «неуникальных» календарных дат, не рассыпающихся пестрой мозаикой, а формирующих устойчивые блоки.

Сокращения

В названиях говоров русского языка

без указ. м. — без указания места записи

забайк. — забайкальские

костр. — костромские

помор. — поморские

пск. — псковские

сев.-рус. — севернорусские

симб. — симбирские

В названиях районов Костромской области

Антр. — Антроповский

Буйск. — Буйский

Вохом. — Вохомский

Кад. — Кадыйский
Кологр. — Кологривский
К-С — Красносельский
Мак. — Макарьевский
Мант. — Мантуровский
Меж. — Межевской
Нейск. — Нейский
Нерех. — Нерехтский
Окт. — Октябрьский
Ост. — Островский
Пав. — Павинский
Парф. — Парфеньевский
повсем. — имеющий повсеместное распространение
Пыщ. — Пыщугский
С-Гал. — Солигаличский
С-Слав. — Судиславский
Чухл. — Чухломской
Шар. — Шарьинский

Литература

Атрошенко О. В. Русская народная хрононимия: системно-функциональный и лексикографический аспекты : дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2012.

Валенцова М. М. Отражение категории «мужской — женский» в календарной обрядности славян // Славянские этюды : сб. к юбилею С. М. Толстой / отв. ред. Е. Е. Левкиевская. М.: Индрик, 1999. С. 116–131.

Кабакова Г. И. Из географии и семантики полесских хрононимов («белые» и «красные» дни) // Полесье и этногенез славян : предварительные материалы и тезисы конф. / отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Наука, 1983. С. 82–83.

Кучко В. С. Об одном механизме формирования системных связей в народном календаре // Славяноведение. 2026а. В печати.

Кучко В. С. Цикл послепасхальных пятниц и воскресений в костромском народном календаре. 2026б. В печати.

ЛКТЭ — Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).

РНК — *Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь : этнолингвистический словарь. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015.

Седакова И. А. Лексика и символика святочно-новогодней обрядности славян : дис. ... канд. филол. н. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1984.

Сурикова О. Д. Три русских Спаса как семантическая микросистема // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2025. Т. 20. № 3–4. С. 267–286.

Толстая С. М. Семантическая модель родства в славянском народном календаре // Толстая С. М. Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005. С. 385–390.

Olesia D. Surikova

*Institute for History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Ekaterinburg — Moscow)
surok62@mail.ru*

**SEMANTIC MICROSYSTEMS IN THE FOLK CALENDAR
AS A MNEMONIC TOOL
(BASED ON DATA FROM THE KOSTROMA REGION)**

The article is devoted to the main structural principle of the Russian folk calendar — the building of calendar semantic microsystems. The ways of forming systemic oppositions in pairs or rows of calendar names are analyzed based on the material of modern chrononymy from Kostroma region (more than 5,500 records in the field files of the Toponymic Expedition of Ural University). The author focuses on cases when chrononyms contain the same lexical component (which can be terminological, e. g. *fasting eve*, *fast*, *Sunday*, *week*, etc., or properly onomastic, e. g. *Kazanskaya*, *Nikola*, etc.) and variable element (differentiating epithet), cf.: *The First Maslenitsa* ‘Monday on Maslenaya week’ — *The Second Maslenitsa* ‘Sunday on Maslenaya week’, *Spring Yegoriy* ‘6.05’ — *Autumn Yegoriy* ‘16.11’ — *Winter Yegoriy* ‘9.12’, *Junior babye leto* (*Indian summer*) ‘period from 28.08 to 14.08’ — *Senior babye leto* (*Indian summer*) ‘period from 14.09 to 21.09’, *Pork fasting eve* ‘27.11’ — *Meat fasting eve* ‘Sunday before Maslenaya week’ — *Egg fasting eve* ‘Sunday after Trinity’ — *Apple fasting eve* ‘22.08’, etc. The author supposes that the creation of semantic microsystems can be considered as one of the effective mnemonic techniques. It helps the bearers of tradition to hierarchize the corresponding calendar events, to distinguish them functionally and integrate them into the annual cycle, as well as to restore the forgotten members of the oppositions using analogies with the preserved ones. It is especially significant in the recent decades, when the traditional calendar is ruined.

Keywords: ethnolinguistics, Russian folk dialects, folk calendar, chrononymy, semantic microsystems, Kostroma region.

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant for financial support of the state assignment of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences *Languages and dialects, onomastics and cultural and linguistic traditions of the Great Urals and the Russian North in historical coverage*, registration No. 125091610379-2.

References

Atroshenko O. V. *Russkaya narodnaya khrononimiya: sistemno-funktsional'nyi i leksikograficheskii aspekty* (Doctoral dissertation). [Russian Folk Chrononymy: Systemic-Functional and Lexicographic Aspects]. Ural State Univ., Ekaterinburg, 2012.

Atroshenko O. V., Krivoshchapova Yu. A., Osipova K. V. *Russkii narodnyi kalendar': ethnolingvisticheskii slovar'*. [Russian Folk Calendar: An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2015, 544 p.

Kabakova G. I. [On the geography and semantics of Polesian chronyms ('white' and 'red' days)]. *Poles'e i ehtnogenez slavyan: predvaritel'nye materialy i tezisy konf.*, Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 82–83. (In Russ.)

Kuchko V. S. [About one mechanism of formation of semantic connections in the folk calendar]. In print (2026a). (In Russ.)

Kuchko V. S. [The cycle of post-Easter Fridays and Sundays in the Kostroma folk calendar]. In print (2026b). (In Russ.)

Sedakova I. A. *Leksika i simvolika svyatochno-novogodnei obryadnosti slavyan* (Doctoral dissertation) [Vocabulary and symbols of Slavic Christmas and New Year rituals]. Lomonosov Moscow State Univ., Moscow, 1984.

Surikova O. D. [Russian Feasts of the Savior as a semantic microsystem]. *Slavyanskii mir v tret'em tysyacheletii*, 2025, T. 20, № 3–4, pp. 267–286. (In Russ.)

Tolstaya S. M. [The semantic model of kinship in the Slavic folk calendar]. *Polesskii narodnyi kalendar'*, Moscow, Indrik Publ., 2005, pp. 385–390. (In Russ.)

Valentsova M. M. [Reflection of the 'male — female' category in Slavic calendar rituals]. *Slavyanskije ehtyudy: sb. k yubileyu S. M. Tolstoi*. Moscow, Indrik Publ., 1999, pp. 116–131. (In Russ.)

С. М. Толстая
 Институт славяноведения РАН
 (Россия, Москва)
 smtolstaya@yandex.ru

ОБ ОДНОМ ТИПЕ ХРОНОНИМОВ В РУССКОМ НАРОДНОМ КАЛЕНДАРЕ

Настоящая заметка посвящена названиям праздников, содержащим в своем составе императив, например, *Авдотья-замочи подол* или *Арина-разрой берега*. В подобных составных номинациях императив не имеет обычной для него функции побуждения, а имя святого не является адресатом императива и потенциальным исполнителем действия. Эта календарная формула может читаться как индикативное высказывание: «в день Авдотьи (Евдокии), 1/14 марта, так сыро, что можно замочить подол», а «в день св. Ирины, 16/29 апреля, бывает половодье, которое размывает (разрывает) берега». Подобная нестандартная функция императива характерна также для некоторых типов композитов (например, *перекати-поле*, *соровилова*, *скопидом* и др.). В некоторых случаях, однако, императив сохраняет семантику побуждения, но его адресатом выступает не святой (или персонифицированный праздник), а «пользователь» календарной информации. Например, в хронониме *Афанасий-береги нос* содержится обращение не к Афанасию, а к любому человеку, которому советуют беречь нос, поскольку в день св. Афанасия, 18/31 января, бывает сильный мороз, и можно отморозить нос.

Ключевые слова: хрононимы, составные номинации, императив, русский народный календарь, праздник, композиты

Настоящая заметка посвящена названиям праздников, содержащим в своем составе императив, например, *Авдотья-замочи подол*. В сводном словаре русской календарной терминологии «Русский народный календарь, Этнолингвистический словарь» [РНК] хрононимов этой структуры насчитывается более 50 из общего числа 700 с лишним единиц. Какова функция и семантика императивов в подобных календарных формулах? Очевидно, что она отличается от стандартной функции императива, представляющего собой в норме грамматическую категорию, относящуюся к целому предложению (высказыванию) и маркирующую речевой акт побуждения [Бирюлин, Храковский 1992].

Подобная нестандартная (не коммуникативная, а номинативная) функция императива характерна также для некоторых типов сложных слов. Сложные слова, содержащие императив, встречаются в славянских языках в различных разрядах ономастики — топонимах (*Звенигород*), микропонимах (*Гуляй-поле*), антропонимах (*Дерипаска*) и др., в апеллятивной лексике — названиях растений (*болиголов, горицвет*), животных (*вертишейка, горихвостка*), различных экспрессивных номинациях (*вырвиглаз, сорвиголова, скопидом* и т. п.), они представлены в литературном языке, в разговорной речи, в диалектах. «Императивные» композиты неоднократно привлекали к себе внимание исследователей, начиная с классических работ Ф. Миклошича [Milkosch 1875] и В. Ягича [Jagić 1898–1899] и кончая новейшими работами по русской диалектной лексике [Варникова 2022]. Их своеобразие заключается, во-первых, в том, что в них выступают в качестве словообразовательной единицы грамматически оформленные глагольные компоненты (личные формы императива), тогда как в словообразовании (словосложении) стандартно используются за очень редкими исключениями (ср. др.-рус. имена типа *Богухвал, Богумил*) не синтаксические (личные или падежные) формы, а основы имен и глаголов, освобожденные от их синтаксических (и прагматических) функций. Во-вторых, глагольный компонент занимает в «императивных» сложениях первую позицию, тогда как в других отглагольных дериватах глагольная основа всегда находится в постпозиции по отношению к объекту (прямому или косвенному), ср. *водовоз, водолаз, лесоруб, пылесос* и т. п. (см. также [Толстая 2023]).

В отличие от композитов, интересующие нас хрононимы представляют собой более сложные лексические единицы — составные номинации, в которых императивная формула (императив плюс объект действия) служит эпитетом к имени святого, которому посвящен день, или самому персонифицированному празднику. Такого рода хрононимы как будто неизвестны за пределами русских диалектов, в то время как приложения-эпитеты без императивного компонента самой разной структуры (типа *Авдотья-плющица, Арина-рассадница, Еремей-запрягальник, Евдокий-с гор потоки, Никита-гуси летят*) характерны для многих славянских календарных традиций. Эти другие, не императивные конструкции часто содержательно (по составу мотивов) и по своему лексическому выражению параллельны императивным формулам (ср. *Евдокия-замочи подол* и — *Овдотья-мокрый подол; Окулина-сдери хвосты* и — *Окулина-сдерихвостка; Федоты-очисти замёты* и — *Федоты-заметалы. Федоты-заметоты, Федоты-снегу сумёты*), поэтому их необходимо учитывать при анализе семантики императивных хрононимов. Ср., например, совокупный ряд номинаций одного дня — 16/29 апреля: *Арина-кривы огурцы, Арина-ледовка, Арина-разрой берега, Арина-рассадница, Арина-урви берега, Арины, Ирина, Ирина-водолея, Ирина-заиграй овражки, Ирина-капустница, Ирина-ледоломка, Ирина-пролубница, Ирина-разрой берега, Ирина-рассадница, Ирина-рви берега, Ирина-урви берега, Ирinya-разрой берега, Ирinya-рассадница, Орина-ледовка, Орина-размой берега, Орина-разрой берега, Орина-рассадница, Орина-реколомка, Орина-урви берега, Подледница, Рассадница*.

Приведем сначала почерпнутый из указанного словаря список хрононимов с императивным компонентом.

- *Авдотьи-плющихи- подмочи порог*
- *Авдотья-замочи подол*
- *Авдотья-зимы закрой ворота*
- *Авдотья-плющиха- замочи подол*
- *Акулины-сдери хвосты*
- *Алексей-за рекой не ночуй*
- *Алексей-пролей кувшин*
- *Алексей-с гор воду покажи*
- *Алексей (Алексий)-с гор воду покати*
- *Арина(Ирина)-разрой берега*
- *Арина(Ирина)-урви берега*
- *Афанасий-береги нос*
- *Афанасий-сломи рожки*
- *Афанасий-сишиби рог с зимы*
- *Василий-выверни оглобли*
- *Власий-бей зиму*
- *Власий-сишиби рог с зимы (рога зиме)*
- *Дарья-загрязни проруби*
- *Дарьи-заклади проруби*
- *Дарья-засери проруби*
- *Дарья-засори колодцы*
- *Дарья-засори прорубы (пролубки, прорубы)*
- *Дарья-обгадь прорубь (пролубки)*
- *Дарьи-обсери проруби(пролубки)*
- *Дарья-оклади проруби*
- *Евдокея-помети*
- *Евдокия-замочи подол*
- *Евдокия(-плющиха)- подмочи порог*
- *Евдокия-помети*
- *Евдокия-помочи (подмочи) порог*
- *Емельян-накрути буран*
- *Ерёма-поднимай сетев*
- *Еремей (Ермий)-опусти сетев*
- *Еремей-покинь севалку (сетев)*
- *Еремей-подыми сетев*
- *Заставь соху*
- *Ирина-заиграй овражки*
- *Ирина (Иринья, Орина)-разрой берега*
- *Ирина-рви берега*
- *Ирина (Орина)-урви берега*
- *Кирилл-дери полоз*

- *Лукерья-оторви перья*
- *Мария-заиграй овражки*
- *Мария-запали снега*
- *Марья-зажги снега*
- *Марья-зажги снега-заиграй овражки*
- *Никола-подкуй*
- *Оклады проруби*
- *Окули-задери хвосты*
- *Окули-сдери хвосты*
- *Орина-размой берега*
- *Орина-разрой берега*
- *Орина-урви берега*
- *Повесь сетевое*
- *Сишиби рог*
- *Федоры-замочи хвосты*
- *Федот-очисти замёты*
- *Феофан-проломи наст*

Прежде всего обратим внимание на примеры с множественным числом имени святого, которому соответствует единственное число императива: *Акулины-сдери хвосты*, *Федоры-замочи хвосты*. Такое отсутствие грамматического согласования указывает на то, что имя собственное выступает здесь не в роли агнионима, а в роли хрононима, плюрализация же служит известным словообразовательным средством оформления хрононимов в славянском календарном дискурсе [Толстая 2005: 382] (ср. также множественное число в названиях дней, периодов или событий: *именины*, *святки*, *родины*, *крестины*, *похороны*, *жснива* и т. п.).

В корпусе императивных хрононимов представлены, наряду с полными, и некоторые усеченные или трансформированные формулы. Во-первых, имя святого может быть замещено «событийным» названием, построенным по той же модели, например, *Филипповки-разорви кужелёк*. ‘Рождественский пост. Начинают прясть’ [РНК: 462]. Во-вторых, имя вообще может отсутствовать, однако оно «восстанавливается» из других номинаций того же дня и, таким образом, характеризует подобное название как эллиптическое, например, *Сишиби рог* ‘день 11/24 февраля’ (ср. *Власий-сишиби рог с зимы*); *Засори проруби* ‘день мученицы Дарьи Римской, 19 марта / 1 апреля’ (ср. *Дарья-засори прорубы*); *Оклады проруби* (ср. *Дарьи-обсери проруби*). *Повесь сетевое* ‘день мученика Ермия 31 мая / 13 июня’ (ср. *Еремей, покинй сетевое*); *Заставь соху* ‘день 8/21 апреля’ (полная формула не представлена). В-третьих, в формуле может отсутствовать управляемый императивом объект, например, *Евдокия-помети* ‘день преподобномученицы Евдокии, 1/14 марта’ (ср. *Евдокия-помочи порог*); *Никола-подкуй* ‘день святителя Николая Чудотворца, 6/19 декабря’: «В это время мороз подковывает землю». Любопытен пример вторичного осмысления в качестве императивного названия дня великомученика Пантелеймона, 27 июля / 9 августа, или преподобного Поликарпа Печерского, 24 июля / 6 августа, который у восточных славян получил название *Паликопа*, *Паликоны* или

Паликопна с характерным комментарием носителей диалекта: «гроза палит хлеб» [РНК: 301]; это же название, трактуемое как сочетание императива глагола *палить* (вопреки этимологии имен *Поликарп* и *Пантелеймон*) с объектом действия *копна*, *копа*, может фигурировать и как эпитет: *Палей-паликопа*, *Палей-паликопны*¹.

Прежде чем сосредоточиться на самом императиве, его функции, семантике и синтаксисе в составе календарной формулы, обратимся к предваряющему его имени, как бы оно ни понималось — как агионим (имя почитаемого святого) или как хрононим (название дня памяти святого). Это имя в обоих случаях может восприниматься как обращение, за которым следует императив, например, в формуле *Власий-сишиби рог с зимы* — как обращение к св. Власию или персонифицированному дню св. Власия, которые, таким образом, выступают как адресаты императива и субъекты ожидаемого от них исполнения предписания.

Между тем, в других случаях адресатом императива и потенциальным исполнителем (агенсиом) предписываемого действия может быть «внешний» по отношению к хронониму персонаж, а именно «пользователь» календаря, лицо, которому адресовано само календарное сообщение, например, *Афанасий-береги нос* ‘день святителя Афанасия Великого, 18/31 января’ (ср. *Афанасий-ломонос*), *Еремей-подыми сетевое* ‘день пророка Иеремии, 1/14 мая’ (ср. *Еремей-засевальник*). Потенциальным исполнителем предписания здесь служит не святой и не персонифицированный день, а адресат самого календарного сообщения; название же праздника (имя святого) указывает не на исполнителя предписания, а лишь на календарное время его исполнения. Иначе говоря, смысл подобных формул соответственно: «В день Афанасия береги нос», «В день Еремея берись за сеялку, т. е. начинай сеять»². Семантика самого императива в этих двух типах хрононимов (с разными адресатами и субъектами действия) также различна: в первом случае императив, по существу, тождествен индикативу (Арина, разрой берега = Арина разрывает берега, т. е. в этот день или к этому дню разрываются берега), во втором — императив предупреждает о холодной погоде и сохраняет свою побудительную семантику (Афанасий, береги нос = В день Афанасия сильный мороз, так что береги нос).

В этих рассуждениях об адресате императивного эпитета и исполнителе (агенси) предписания мы по существу рассматривали императивную формулу как высказывание, т. е. в его коммуникативной функции. Однако календарная формула не является высказыванием и не соотносится непосредственно с коммуникативным актом, а императив служит компонентом составной номинации. Императивный эпитет хрононима не имеет здесь характерной для императива функции побуждения, а выступает в абстрагированной от побудительной семантики номинативной функции и указывает всего лишь на характерный признак календарной единицы времени. Побудительный потенциал императива если не снимается полностью его номинативной

¹ Название *Паликопа* широко известно в Полесье, где оно получает аналогичное толкование: «Палыкопа ў жыва. Нычэ нэ мана робыць — будэ палыць копы» [Толстая 2005: 163].

² Ср.: «Агенсиом каузируемого действия (= исполнителем прескрипции) может быть любой из заданных участников коммуникативного акта и любая теоретически допустимая совокупность этих участников» [Бирюлин, Храковский 1992: 8].

функцией, то значительно снижается. Сама императивная конструкция, таким образом, будучи членом составной номинации как лексической единицы, оказывается по своему статусу чем-то промежуточным между предложением (высказыванием) и словообразовательным элементом (морфемой) в императивных композитах.

В отличие от композитов, в которых управляемый императивом прямой объект не имеет ожидаемой формы вин. падежа (держиморда, сорвиголова, Вершигора, Дерипаска), в календарной формуле объект императива соответствует требуемой форме: *Власий-бей зиму, Еремей-покинь севалку, Мария-запали снега* и т. п.

Таким образом, календарные формулы, включающие антропоним и форму императива (так же, как и композиты разного типа с императивным компонентом), позволяют расширить наши представления о функциях и семантике императива в русском языке, который до сих пор рассматривался исключительно в границах его стандартного употребления в повелительных предложениях. Вместе с тем эти формулы расширяют репертуар структурных типов русской календарной терминологии.

Литература

Бирюлин Л. А., Храковский В. С. Повелительные предложения: проблемы теории // Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. С. 5–50.

Варникова Е. Н. К вопросу об «императивных» конструкциях в славянской ономастике // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы V Международной научной конференции. Екатеринбург, 7–11 сентября 2022 года. Екатеринбург. 2022. С. 55–62.

РНК — Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь. М.: АСТ-Пресс, 2015.

Толстая С. М. Антропонимы в народной календарной терминологии // Толстая С. М. Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005. С. 377–384.

Толстая С. М. Синтаксические основы славянского словосложения. Очерки. М.: Индрик, 2023. 232 с.

Jagić V. Die slavischen Composita in ihrem sprachwissenschaftlichen Auftreten // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1898. B. 20: 519–556; 1899. B. 21: 28–43.

Miklosich F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Wien, 1875. B. 2. Stammbildungslehre.

Svetlana M. Tolstaya

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

smtolstaya@yandex.ru

ONE TYPE OF CHRONONYMS IN THE RUSSIAN FOLK CALENDAR

The paper deals with the names of holidays that contain an imperative, for example *Avdotya-zamochi podol* ‘Avdotya, wet the hem of your skirt’ or *Arina-razorvi berega*

‘Arina, tear the shores’. In such nominations, the imperative does not have its usual function of motivation, and the name of the saint cannot be consider the addressee or potential performer of the action. The whole calendar formula can be read as an indicative statement: «On the day of Avdotya (Evdokia), 1/14 March, it is so wet, that you can get your hem wet» and «On the day of St. Irina, 16/29 April, there is flood that breaks the banks». Such non standard imperative function is also characteristic of certain types of composites (e. g. *perekati-pole*, *sorvigolova*, *skopidom* etc.). In some cases, however, the imperative retains the semantics of an instruction, but its addressee is not a saint (or personified holiday), but the «user» of the calendar information. For example, the chrononym *Afanas-y-beregi nos* ‘Athanasius, take care of your nose’ contains an appeal not to Athanasius, but to any person who is advised to take care of their nose, since on the day of St. Athanasius, January 18/31, there is a severe frost, and one can freeze their nose.

Keywords: chrononym, compound nomination, imperative, Russian folk calendar, holiday, composite

References

Atroshenko O. V., Krivoschapova YU. A., Osipova K. V. *Russkii narodnyi kalendar': ehtnolingvisticheskiy slovar'* [Russian Folk Calendar. Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: AST-Press. 2015.

Biryulin L. A., Khrakovskii V. S. [Imperative sentences: problems of theory]. *Typology of imperative constructions* [Typology of imperative constructions]. St. Petersburg: Nauka, 1992, pp. 5–50. (In Russ.)

Jagić V. Die slavischen Composita in ihrem sprachwissenschaftlichen Auftreten // *Archiv für slavische Philologie*. Berlin, 1898. B. 20: 519–556; 1899. B. 21: 28–43.

Miklosich F. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen*. Wien, 1875. B. 2. Stammbildungslehre. 540 p.

Tolstaya S. M. [Anthronyms in folk calendar terminology]. Tolstaya S. M. *Poleskii narodnyi kalendar'* [Polesie folk calendar]. Moscow: Indrik, 2005, pp. 377–384. (In Russ.)

Tolstaya S. M. [Syntactic Foundations of Slavic Word Composition. Essays]. *Sintak-sicheskie osnovy slavyanskogo slovoslozheniya. Ocherki*. Moscow: Indrik, 2023. 232 p.

Varnikova E. N. [On the issue of “imperative” constructions in Slavic onomastics]. *Ehtnolingvistika. Onomastika. Ehtimologiya. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Ekaterinburg, 7–11 sentyabrya* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology. Proceedings of the V International Scientific Conference, September 7–11]. Ekaterinburg, 2022, pp. 55–62. (In Russ.)

ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Е. А. Галинская

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
eagalinsk@mail.ru*

ПОВТОР ПРЕДЛОГА В ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРАХ

Предметом рассмотрения в данной статье стал повтор предложения внутри именной группы в современных южнорусских диалектах. Правила, регламентирующие повтор / неповтор предложения, сравниваются с теми правилами, которые сформулировал А. А. Зализняк применительно к материалам берестяных грамот и древних новгородских и псковских пергаменных грамот и которые, видимо, действовали в древнерусском и старорусском языке не только на северо-западе. В южнорусских говорах сохраняются древнерусские правила повтора предложения в следующих случаях: при однородных членах, при разрыве именной группы не входящими в нее словами и, по-видимому, в группе «нарицательное существительное + существительное». В то же время развились новые правила: предложение стало регулярно повторяться после нарицательного существительного перед местоимением-прилагательным, в небольшом количестве случаев он повторяется перед существительным после препозитивного прилагательного и часто — перед существительным после препозитивного местоимения.

Ключевые слова: древнерусский язык, современные южнорусские говоры, синтаксис, повтор предложения, однородные члены предложения, именная группа.

В древнерусском языке существовало такое яркое синтаксическое явление, как повтор предложения внутри именной группы, который не был связан с эмфазой или какими-либо подчеркиваниями. На материале памятников древнерусской письменности повтор предложения рассматривается, в частности, в [Ворт 2006: 216–232; Klenin 1989; Зализняк 2004: 164–166; Минлос 2007]. Четкие правила повтора / неповтора предложения по данным берестяных грамот и древних новгородских и псковских пергаменных грамот сформулировал А. А. Зализняк [Зализняк 2004: 164–166]. Они состоят в следующем.

1. Регулярно повторялся предлог при однородных членах. Напр.: *ко Демелану и къ Мине и къ Ванукоу и къ вьхемо вамо* НБГ № 87 (XII в.).

2. Не менее регулярно наблюдается повтор предлога в случае разрыва именной группы не входящими в нее словами. Напр.: *у Гюрьгъа въз(ь)ми у Сьмькиниц(а)* НБГ № 710 (XII в.).

Для обычных (неразорванных) именных групп правила таковы.

3. Повтор предлога присутствовал в группе «личное местоимение или имя собственное + прилагательное или существительное» (отклонения здесь очень редки). Напр.: *на тебл на своего вшподина* НБГ № 310 (кон. XIV — нач. XV в.); *к Юрью к Оньцыфорову* НБГ № 167 (XIV в.); *оу Мьстока оу коузньца* НБГ № 630 (XII в.).

4. В группе «нарицательное существительное + прилагательное в том числе местоимение-прилагательное или существительное» повторение предлога факультативно, но преобладание конструкций с повтором или неповтором предлога зависит от того, чем является второй член.

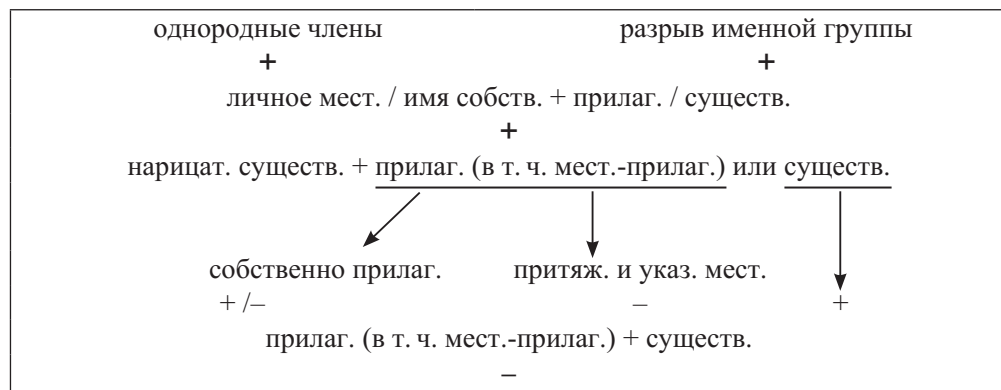
- а) Если второй член — существительное, отчетливо преобладают конструкции с повтором предлога. Напр.: *при ігумни при Васильи* НБГ № 167 (XIV в.). Отступлений тут мало, напр.: *съ архимандритомъ Григорьемъ* Новг. пергам. гр. ок. 1460 г.
- б) Если второй член — притяжательное или указательное местоимение, преобладают конструкции без повтора предлога. Напр., *ко радости моеи* НБГ № 497 (XIV в.); *в рубль томъ* НБГ № 589 (XIV в.). Реже встречаются примеры типа *до тела до можего и до виду до можего* НБГ № 521 (вт. пол. XIV — перв. пол. XV в.).
- в) Если второй член — именно прилагательное, а не местоимение-прилагательное, достаточно широко представлена конструкция как с повтором предлога, так и без повтора (первая встречается несколько чаще). Напр.: *ко посадникоу ко вьликомоу* НБГ № 704 (XIII в.); и *по всѣмъ рѣкамъ морскимъ* Новг. перг. грам. 1459–1469 гг.

В официальных формулах повторение предлога наблюдается значительно реже, чем требуют приведенные выше правила. Еще менее последовательна эта синтаксическая операция в новгородских летописях. А в церковно-книжных текстах она сведена к минимуму. Таким образом, это было явление живого языка, которое, видимо, расценивалось как простонародное и в книжном языке сознательно избегалось.

5. Если прилагательное-определение (в том числе местоимение-прилагательное) стоит **перед** существительным, предлог **не повторяется**. Напр.: *о^м Фомине снохы* НБГ № 263 (XIV в.); *на мою сестроу* НБГ № 531 (кон. XII — перв. пол. XIII в.). Отклонения от этого правила единичны.

Если существительному предшествует несколько определений, предлог между ними может повторяться, но перед существительным его уже не будет. Напр.: *по старымъ по княжимъ грамотамъ* Новг. пергам. гр. ок. 1460 г.

Схематически (без учета отклонений) описанную картину можно представить так:

Вероятно, диалектных различий в правилах повтора / неповтора предлога в древности не было. Об этом можно судить по тому, что эти правила сохранялись и позже — они реализуются в целом так же, как в древних северо-западных письменных источниках, в текстах делового содержания XVI–XVII вв., не входящих в сферу книжного языка. При этом эти тексты происходят с разных территорий. Например, в [Наумченкова 2023] проанализированы памятники владимирской и рязанской деловой письменности, и диалектных различий в правилах повтора / неповтора предлога они не демонстрируют. По моим наблюдениям, тексты делового содержания XVII в., относящиеся к центральным и западным южнорусским областям, дают такую же картину, как и рязанские и владимирские памятники этого времени, так что можно действительно предположить, что и в древнерусский период правила повтора / неповтора предлога одинаково действовали на всех территориях, раз они одинаково действовали на обширной территории в XVII в.

В современном русском литературном языке допустимым является только повтор предлога при однородных членах [Сатюкова 2015: 474; Сичинава 2018]. Однако в диалектах повтор предлога — явление нередкое, поэтому интересно посмотреть, как соотносятся современные правила с древнерусскими, которые были актуальны еще даже в XVII в. Для анализа был выбран сборник южнорусских текстов [Русские народные говоры 1999]. Эти тексты представляют собой образцы говоров всех основных групп южнорусского наречия и говоров, не вошедших в Диалектологический атлас русского языка [ДАРЯ, карта VI] и локализующихся в Ростовской и Волгоградской областях, а также в Ставропольском и Краснодарском краях. Далее примеры будут приводиться так, как они даны в [Русские народные говоры 1999], то есть в упрощенной фонетической транскрипции; после каждого примера указывается номер текста в издании и локализация говора.

В исследованном материале обнаружилось около 150 контекстов, релевантных для анализа принципа повторения / неповторения предлога. Правила, действующие в южнорусских говорах, оказались таковы.

1. При однородных членах предлог повторяется, как и в древнерусском языке, то есть это правило сохранилось:

и ф по́тпал и ф калдаву́ю сходи́иш № 37, Воронежская обл., Борисоглебский р-н;

а мы паи́ли за я́удами, за брусьни́кэй, за э́тэй за клю́квэй № 35, Рязанская обл. Клепиковский р-н;

ткáli сво́йскийи ис кэнапéй иза льна́ № 33, Рязанская обл., Рязанский р-н.;

и да самóуа ну на... да уло́тки и да сэры́ца № 6, Калужская обл., Хвостовичский р-н.

2. В случае разрыва именной группы не входящими в нее словами предлог так же повторяется, как это было и в древнерусском языке:

у кáжнэва ло́шать бы́ла у watцá № 19, Тульская обл., Арсеньевский р-н;

А у Кáти по́б был збо́ку, у сасетки, у Хлиёнкинэй № 16, Курская обл., Октябрьский р-н;

«Дава́йти х тётки, — я (гово)р(ю), — мы у них када́й-тэ нэчява́ли, за́едем, к маéй, а за́фтри у́трам паё́дим» № 47, Волгоградская обл., Кулмыженский р-н.

Следовательно, и это правило не потеряло актуальности.

3. Группа «личное местоимение или имя собственное + прилагательное или существительное» не встречена, если не считать приведенного выше примера, где эта группа разорвана: *А у Кáти по́б был збо́ку, у сасетки, у Хлиёнкинэй* № 16, Курская обл., Октябрьский р-н.

4а. Группа «нарицательное существительное + существительное» встречена один раз, и повтор предлога в ней присутствует: *на дирéвню на Пятро́в(о)* № 18, Тульская обл., Белёвский р-н.

4б. В группе «нарицательное существительное + притяжательное или указательное местоимение», где в древнерусском языке преобладают конструкции без повтора предлога, в южнорусских говорах, наоборот, предлог регулярно повторяется:

на калёсы на э́тыя № 4, Брянская обл., Почепский р-н;

пэ́т саньми́ пэ́т э́тими № 46, Ростовская обл., Вёшенский р-н;

на сестру́ на маю́ на э́ту № 48, Волгоградская обл., Фроловский р-н;

ув атцá у мо́в(о) № 33, Рязанская обл., Рязанский р-н;

с падру́шкэй с сваéй № 22, Тульская обл., Щёкинский р-н;

Есть лишь один случай, где повтора нет:

он ыс пря́жэ та́кой (в)о изьде́лан № 31, Липецкая обл., Хлевенский р-н.

Повторяется предлог и перед неопределенными и определительными местоимениями, в правиле А. А. Зализняка не упоминающимися:

на слúчаю на ка́ком-нють № 6, Калужская обл., Хвостовичский р-н;

на двэ́рам по (так, с [о]) *вси́м* № 8, Калужская обл., Хвостовичский р-н;

с хара́ми са фсе́ми № 27, Белгородская обл., Алексеевский р-н.

4в. Постпозиция прилагательного встречается в четырех контекстах, и повтор предлога присутствует в трех из них:

у ўолубя, у сізэу(о) № 30, Липецкая обл., Хлевенский р-н;
w wól(о)сти ф Питімскэй № 42, Тамбовская обл., Пичаевский р-н;
с хлопцам з большым № 5, Брянская обл., Почепский р-н.

В четвертом контексте предлог перед прилагательным не употреблен, но этот контекст нельзя считать чистым примером отсутствия повтора, поскольку существительное представлено здесь дважды и второй раз перед ним предлога нет:

лúчыши на дуп, дуп лахмáтый № 32, Липецкая обл., Усманский р-н.

5а. Переходя к препозиции прилагательного, следует в первую очередь сказать, что так же, как и в древнерусском языке, если существительному предшествует несколько определений, предлог между ними может повторяться, но перед существительным его уже не будет:

кто в сўконных абóрах, а хто у такých в éтих абóроках № 7, Калужская обл., Хвастовичский р-н.

5б. Что касается порядка слов «прилагательное (или местоимение-прилагательное + существительное)», то тут ситуация изменилась. Прилагательные в препозиции обнаружены в 27 словосочетаниях, и в 4-х из них (15% случаев) наблюдается повтор предлога перед существительным:

на бóльшие на хлопца 5, Брянская обл., Почепский р-н;
на писáнэх нэ саня́х 30, Липецкая обл., Хлевенский р-н;
ф турéцкэй в змíлэ 49, Ставропольский край, Левокумский р-н;
ф турéцкий в ўóрэт 49, Ставропольский край, Левокумский р-н.
Один раз это происходит при небольшом разрыве именной группы:
ф турéцкую туды́ в зéмлю 49, Ставропольский край, Левокумский р-н.

5в. В то же время из 100 случаев употребления в препозиции местоимения повтор предлога перед существительным наблюдается в 32 случаях (32%). Чаще всего местоимение, стоящее при существительном, относится к разряду указательных, например:

у этэй в я́ме № 6, Калужская обл., Хвастовичский р-н;
w эту у Маскú № 27, Белгородская обл., Алексеевский р-н;
бы́ли у нас кубы́шки вот в эт(и) ф кубы́шк(и) кладём № 37, Воронежская обл., Борисоглебский р-н;
эт(о) у этэй у wasнówi № 31, Липецкая обл., Хлевенский р-н;
а мы пашли́ за я́рэдáми, за брусні́кэй, за этэй за клю́квэй № 35, Рязанская обл., Клепиковский р-н;
изь éтих изь wiréwak № 20, Тульская обл., Ефремовский р-н;
на éнтэй на ўлицы́ № 27, Белгородская обл., Алексеевский р-н;
éтут малы́ш сиді́ть сь éтим с мál(и)ньким № 43, Тамбовская обл., Старо-юрьевский р-н;
а ўрэк ф тэх-тá в ўадáх влес ф Турéчину № 49, Ставропольский край, Левокумский р-н;

у тэй у кўртэчки № 7, Калужская обл., Хвостовичский р-н;
нат тём над буром № 14, Курская обл., Обоянский р-н.

Реже встречаются местоимения других разрядов, стоящие перед существительным.

Притяжательные местоимения

да сва(е)во да время № 36, Рязанская обл. Рыбновский р-н;
астались с сваей с подрукою № 18, Тульская обл., Белёвский р-н;
прайти́ть на нашэ на Ракитино (так, с [о]) № 32, Липецкая обл., Усманский р-н.

Определительное местоимение

нат самыи над двары речька № 9, Калужская обл., Жиздринский р-н.

Неопределенные местоимения

с адной зь дэвачькэй № 18, Тульская обл., Белёвский р-н;
w аднэй, uw аднэй тэй у мѣстнэсти № 6, Калужская обл., Хвостовичский р-н.

Итак, в южнорусских говорах сохраняются древнерусские правила повтора предлога в следующих случаях: при однородных членах, при разрыве именной группы не входящими в нее словами и, по-видимому, в группе «нарицательное существительное + существительное». В то же время развились новые правила: предлог стал регулярно повторяться после нарицательного существительного перед местоимением-прилагательным, в небольшом количестве случаев он повторяется перед существительным после препозитивного прилагательного и часто — перед существительным после препозитивного местоимения.

Схематически сравнение древнерусской ситуации с современной южнорусской представлено в таблице:

ОДНОРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ		РАЗРЫВ ИМЕННОЙ ГРУППЫ	
др.-русс. +	южнорус. диал. +	др.-русс. +	южнорус. диал. +
ЛИЧН. МЕСТ. / ИМЯ СОБСТВ. + ПРИЛАГ. / СУЩЕСТВ.			
др.-русс. +		южнорус. диал. — не встречено	
НАРИЦАТ. СУЩЕСТВ. + ПРИЛАГ. (В Т. Ч. МЕСТ.-ПРИЛАГ.) ИЛИ СУЩЕСТВ.			
СОБСТВЕННО ПРИЛАГ.		МЕСТ.-ПРИЛАГ.	
др.-русс. +/-	южнорус. диал. +	др.-русс. -	южнорус. диал. +
ПРИЛАГ. + СУЩЕСТВ.		НЕЛИЧН. МЕСТ. + СУЩЕСТВ.	
др.-русс. -	южнорус. диал. —/+	др.-русс. -	южнорус. диал. —/+

Примечание к таблице: курсивом отмечены те случаи, где наблюдается несовпадение правил, имеющихся в южнорусских говорах, с теми, которые действовали в древнерусском языке.

Таким образом, мы видим, что позиции, где в древности отмечается повтор предлога, сохранились и при этом в современных южнорусских диалектах их число еще и увеличилось.

Литература

Ворт Д. Очерки по русской филологии / Перевод с английского К. К. Богатырева. М.: Индрик, 2006.

Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Выпуск I: Фонетика / Под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. М.: Наука, 1986.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Минлос Ф. Повтор предлогов в Новгородской первой летописи // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 52–72.

Наумченко А. А. Повтор предлогов в русском языке XV–XVII века и его эволюция (на материале деловой письменности, фольклорных текстов и записей русской разговорной речи). Магистерская диссертация. М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2023.

Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие. М.: Наука, 1999.

Сатюкова Д. Н. О повторе предлогов перед однородными определениями в современном русском языке: опыт корпусного анализа // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. СПб., 2015. С. 469–512.

Сичинава Д. В. Повтор предлога // Русская корпусная грамматика. М., 2018. [Электронный ресурс] URL: <http://rusgram.ru/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BB%D0%BE%D0%B3#21>.

Klenin E. On preposition repetition: A study in the history of syntactic government in Old Russian // Russian Linguistics. Vol. 13. 1989. № 3. P. 185–206.

Elena A. Galinskaya

Lomonosov Moscow State University

(Russia, Moscow)

eagalinsk@mail.ru

REPETITION OF PREPOSITION IN SOUTHERN RUSSIAN DIALECTS

The article examines the repetition of a preposition within a nominal group in modern southern Russian dialects. The rules that determine the repetition or non-repetition of a preposition are compared with the rules that were formulated by A. A. Zaliznyak on the basis of birch bark letters and ancient Novgorod and Pskov parchment letters. These rules, apparently, were relevant in the Old Russian language not only in the northwest.

In southern Russian dialects, the Old Russian rules for the repetition of a preposition are preserved in the following cases: with homogeneous members, when a nominal group is ruptured by words that are not part of it, and, apparently, in the group “common noun + noun”. At the same time, new rules developed: the preposition began to be regularly repeated after a common noun before an adjective pronoun, in a small number of cases it appears before a noun that comes after an adjective, and is often used before a noun that comes after a pronoun.

Keywords: Old Russian language, modern southern Russian dialects, syntax, repetition of preposition, homogeneous parts of a sentence, nominal group.

References

Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka. Tsentr Evropeiskoi chasti SSSR [Dialectological Atlas of the Russian Language. Center of the European Part of the USSR]. Vol. I: Fonetika. Ed. by R. I. Avanesov and S. V. Bromlei. Moscow, Nauka Publ., 1986. (In Russ.)

Klenin E. On preposition repetition: A study in the history of syntactic government in Old Russian. *Russian Linguistics*, 1989, vol. 13, no. 3, pp. 185–206.

Minlos F. [The repetition of prepositions in the Novgorod First Chronicle]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2007. no. 1 (13), pp. 52–72. (In Russ.)

Naumchenkova A. A. *Povtor predlogov v russkom yazyke XV–XVII veka i ego ehvol'yutsiya (na materiale delovoi pis'mennosti, fol'klornykh tekstov i zapisei russkoi razgovornoj rechi)* [The repetition of prepositions in the Russian language of the 15th–17th centuries and its evolution (based on materials from business writing, folklore texts, and records of Russian spoken language)]. Master's thesis. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2023.

Russkie narodnye govory. Zvuchashchaya khrestomatiya. Yuzhnorusskoe narechie [Russian Folk Dialects. A Sound Anthology. South Russian Dialect]. Moscow, Nauka Publ., 1999.

Satyukova D. N. [On the repetition of prepositions before homogeneous definitions in modern Russian: experience of corpus analysis]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. St. Petersburg, 2015, pp. 469–512. (In Russ.)

Sichinava D. V. [Repetition of a preposition]. *Russkaya korpusnaya grammatika*, 2018. [Elektronnyi resurs] URL: <http://rusgram.ru/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BB%D0%BE%D0%B3#21>. (In Russ.)

Worth D. *Ocherki po russkoi filologii* [Essays on Russian Philology]. Translated from English by K. K. Bogatyrev. Moscow, Indrik Publ., 2006.

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004.

О. Е. Кармакова, И. А. Букринская
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
okarmakova@list.ru, irbukr@gmail.com,

ГОВОРЫ БЕЛОЗЕРЬЯ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДРУГИМИ ГОВОРАМИ СЕВЕРНОГО НАРЕЧИЯ

Статья продолжает цикл работ по изучению северо-западной диалектной зоны и межзональных говоров северного наречия. В центре внимания — поиск и интерпретация изоглосс, противопоставляющих западное и восточное лингвистическое пространство. Белозерские говоры привлекали и привлекают внимание лингвистов как место миграции и расселения различных славянских и неславянских племен, языки которых влияли друг на друга, а следы контактирования можно видеть в современных говорах. По классификации К. Ф. Захаровой — В. Г. Орловой, белозерские говоры относятся к Белозерско-Бежецким межзональным говорам северного наречия, занимающим промежуточное положение между Ладого-Тихвинскими и Вологодскими. Авторами рассмотрено фонетическое, грамматическое и лексическое своеобразие белозерского говора, который восходит, по их мнению, к старому восточноновгородскому диалекту (по терминологии А. А. Зализняка), испытавшему влияние идиoma тверских кривичей, переселявшихся на эти территории из районов Верхнего Поволжья. Позже в него вошли лексические элементы, свойственные центральной и северо-восточной диалектным зонам, говоры которых являются потомками ростово-суздальского диалекта. Таким образом, именно на материале лексики сочетание западных и восточных черт выражено наиболее ярко.

Ключевые слова: белозерский говор, диалектные зоны, судьба ъ, грамматические архаизмы, лингвогеография

Статья продолжает цикл работ по изучению северо-западной диалектной зоны и межзональных говоров северного наречия. В центре нашего внимания — поиск и интерпретация изоглосс, противопоставляющих западное и восточное лингвистическое пространство. Белозерские говоры неоднократно привлекали внимание историков языка, что обусловлено сохранением большого числа памятников севернорусской деловой письменности. Этим идиомам посвящено и значительное количество трудов диалектологов, в том числе мультимедийная электронная

система Вологодского университета «Говор северной деревни»¹ и хрестоматия [Говоры исторического Белозерья 2013], см. также [Мельникова 2022]. Кроме того, комплексное исследование говоров Русского Севера (топонимия, этимология, этнолингвистика) представлено в коллективной монографии [Волго-Двинское междуречье и Белозерский край 2025]. Белозерье — ареал миграции и расселения различных славянских и неславянских племен, языки которых влияли друг на друга, а следы интерференции можно видеть в современных говорах, вот почему так важно изучение данного языкового ландшафта.

Достаточно хорошо описана история освоения этой территории двумя основными потоками восточных славян: выходцами из Новгородской земли и Верхнего Поволжья. Белозерские идиомы традиционно рассматриваются исследователями как говоры, находящиеся на стыке восточных и западных изоглосс. Так, Ю. И. Чайкина, много и успешно изучавшая лексический материал памятников деловой письменности, в том числе методом картографирования, отмечает: «...на территории Белозерья располагались окраинные части ареалов, основная территория распространения которых связана с противоположными диалектными зонами — северо-западной и древненовгородской, с одной стороны, крайней северо-восточной и ростово-суздальской — с другой. Если в политическом и экономическом отношении Белозерье представляло собой единое целое, то с точки зрения языкового материала — это широкая переходная зона, отделяющая противоположные по месторасположению диалектные зоны. Говоры Белозерья в древнерусский период не имели диалектной целостности» [Чайкина 1975: 152]

Интерес к вертикальному противопоставлению лингвистического пространства русских говоров особенно актуализировался в связи с трудами А. А. Зализняка, в которых дается анализ берестяных грамот и исследован древненовгородский диалект, в частности в обобщающей монографии [Зализняк 2004]. Для описания языковой ситуации в Новгородской земле в XI–XV вв. ученый считает необходимым различать не менее 5 славянских идиомов:

«1. *Церковнославянский язык*. (Как и во всей остальной Руси, он выступал здесь в функции церковного и литературного языка.)

2. «*Стандартный древнерусский*» — «*наддиалектная форма древнерусского языка*»...

3. *Древнепсковский диалект* — совокупность местных говоров Псковской земли (вероятно, Шелонской и Водской (западных) новгородских пятин).

4. *Совокупность восточноновгородских говоров*:

а) коренных новгородских земель к северо-востоку и к востоку от Новгорода;

б) территории позднейшей новгородской колонизации на северо-востоке.

¹ Содержит словарь, тексты, библиографию, а также монографию «Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни», где описан говор д. Борбушина Кирилловского р-на Вологодской обл. в контексте осмысления особенностей речевой культуры исторического Белозерья, под ред. Е. Н. Ильиной.

5. *Древненовгородский диалект в узком смысле слова* включает диалект самого Новгорода и прилегающих к нему районов. Он же с функциональной точки зрения обозначает *древненовгородское койне*. Сходен с древнепсковскими говорами, но имеет отдельные черты, совпадающие с восточными говорами» [Зализняк 2004: 7].

Сложный языковой ландшафт северо-запада нашел отражение и в диалектных классификациях [Захарова, Орлова 1970; Пшеничнова 1996; Marchenko 2023]. Согласно классификации К. Ф. Захаровой — В. Г. Орловой, белозерские говоры относятся к Белозерско-Бежецким межзональным говорам северного наречия, которые занимают промежуточное положение между Вологодской (северо-восточной) и Ладого-Тихвинской (северо-западной) группами.

Статья основывается на материалах экспедиций авторов в северо-западные говоры: 1. пос. Любытино Новгородской обл. и окружающие его деревни (2008 г.) — любытинский говор [Букринская, Кармакова 2022]; 2. г. Устюжна Вологодской обл. и близлежащие деревни (2009 г.) — устюженский говор [Букринская, Кармакова 2023] 3. г. Белозерск Вологодской обл. и расположенные на юго-запад от него деревни (2010 г.) — белозерский говор. Для установления ареалов распространения диалектных явлений и динамики их развития привлекаются карты Диалектологического атласа русского языка [ДАРЯ II, III].

Собранные данные показали, что в современном белозерском говоре до сих пор сохраняется варьирование западных и восточных диалектных признаков, что и будет рассмотрено на конкретном материале.

Перечислим прежде всего общесеверные фонетические черты, свойственные периферийным говорам, к которым относятся все три названных идиома (см. Таблица 1).

Центральную диалектную зону и периферийные говоры впервые выделили К. Ф. Захарова и В. Г. Орлова [Захарова, Орлова 1965]. В дальнейшем это противопоставление изучали на основе признака вокальности/консонантности систем С. В. Бромлей и Л. Э. Калнынь, доказавшие, что русские периферийные говоры характеризуются более вокалическим строем, чем говоры центра, а на материале лексики и морфологии их рассматривали И. А. Букринская и О. Е. Кармакова.

Таблица 1

Общесеверные фонетические черты
Вокализм
Полное оканье: [o]vín, n[o]góda, k[o]l[o]túška, s[o]glasílsi, s[o] dvorá
Произношение [y] на месте o в 1-ом, а в некоторых случаях и во 2-ом предударных слогах: z[y]róx, zab[y]léł, n[y]polám, na t[y]poré
Различение гласных в 1-ом предударном слоге: после мягких согласных в предударных и заударных слогах — ёканье: [v'ó]dró, [d'ó]rjáli, no[l'ó]jíit, m[r'ó]náika, vré[m'ó], nó[l'ó], posté[l'ó]u или частичное различение — противопоставление а и е: [v'э]снóй, k[r'э]стý, so[l'a]нóй, n[r'a]dút.

Таблица 1 (окончание)

Общесеве́рные фо́нетические че́рты
Вокализм
Отсутствие перехода <i>е</i> в <i>о</i> в отдельных словах (лексикализация): <i>меш</i> [ѐ]чек, <i>горш</i> [ѐ]чек
Консонантизм
Произношение [нн] в соответствии с <i>дн</i> литературного языка: <i>холó</i> [нн]ый, <i>врѐ</i> [нн]ый, <i>о</i> [нн]а́
Отверждение губных на конце слова: <i>любо́</i> [ф], <i>це́рко</i> [ф], <i>во́се</i> [м], <i>се</i> [м]
Долгие твердые шипящие: <i>я</i> [шшы]к, <i>та</i> [шша́]т, <i>до́</i> [жжы]к, а также произношение <i>шч</i> в речи отдельных информантов: <i>му</i> [шчы]на, <i>же́н</i> [шчы]на, <i>су́</i> [шчы]к ‘сушеная рыба’
Упрощение групп согласных: выпадение <i>т</i> в конечных сочетаниях <i>ст</i> , <i>сть</i> : <i>баяни</i> [с], <i>жи</i> [с’], <i>е</i> [с’] (есть)
Твердый [ч] и мягкий [ч’]: <i>лу</i> [чы]на, [чо́]рт, <i>зна́</i> [чы]т, <i>ве</i> [ч’о́]рка
Зафиксированы реликты мягкого цоканья <i>све́</i> [ц’ец’]ка, [ц’]и́сто, [ц’]о́рна, <i>сеи́</i> [ц’]а́с
Спорадически отмечается [ǔ] в позиции конца слова и перед последующим согласным на месте /в/: <i>кла́ссо</i> [ǔ], <i>судако́</i> [ǔ], <i>ло́</i> [ǔ]ля
Произношение [мн] в соответствии с <i>вн</i> литературного языка в отдельных словах: [мн]ук, <i>дере́</i> [мн]я Эта черта свойственна северо-восточным и восточным говорам

Отметим важные фонетические особенности, по которым различаются три рассматриваемых идиома. Прежде всего это судьба ʒ: в любытинском говоре на месте ʒ сохраняется достаточно последовательно дифтонгическое произношение [иѐ] в позиции перед твердыми согласными: б[иѐ]гала, с[иѐ]но, т[иѐ]сто, хл[иѐ]б, челов[иѐ]к, перед мягкими согласными — [и]: копíѐк, сíмя, в сíне, Успíньѐ, в белозерском наблюдается то же — сохраняется [иѐ] в архаическом слое говора: в[иѐ]ра, см[иѐ]х, с[иѐ]вер, перед мягкими — [и]: ко[п’и́]ѐк, ме́д[в’и́]дь, у[м’и́]от, за[д’и́]льѐ. а в устюженском говоре на месте ʒ произносится [е]. Именно судьба ʒ отличает говоры, восходящие к восточноновгородскому диалекту, от тех, в основе которых лежит древнепсковский. По наблюдениям А. А. Зализняка, для восточноновгородской зоны «характерна реализация *ѣ в виде узкого монофтонга или дифтонга с узким вторым компонентом», при этом со 2 половины XII в. в берестяных грамотах отражаются разные формы смешения ʒ и и, что свидетельствует о рефлексе узкого типа [Зализняк 2004: 52].

Данные современных говоров согласуются с выводами И. В. Бегунц, исследовавшей фонетический строй белозерско-бежецких говоров по материалам деловых документов первой половины XVII в., о том, что белозерские и устюженские памятники различаются именно отражением судьбы ʒ [Бегунц 2006].

В области консонантизма тоже есть значимый признак, по-другому распределяющий эти говоры: произношение альвеоло-палатального (шепелявого) [с''] на месте [с'], которое регулярно отмечается перед гласными переднего ряда, реже в др. позициях в архаическом слое говора: [с'']*ёяли*, [с'']*ёй год*, [с'']*юдá*. Единично фиксируется и шепелявое произношение [з'']: [з'']*емля*. Данная черта свойственна белозерскому и устюженскому говорам (см. Таблицу 3).

Шоканье (шепелявенье), как пишет А. А. Зализняк, является древнепсковской чертой [Зализняк 2004: 52]. Итак, мы видим, что на уровне фонетики белозерский говор совмещает в себе черты, восходящие к разным диалектам: к старому восточноновгородскому (в основе ильменско-словенскому) и древнепсковскому (в основе кривичскому).

В области грамматики белозерский говор также обладает комплексом общесеверных признаков (см. Таблица 2).

Таблица 2

Грамматические признаки
Сущ. муж. рода с суф. <i>-ушк-</i> , <i>-шук-</i> , <i>-к-</i> изменяются по 2 скл.: <i>бáтюшко, бáтюшка, бáтюшку, парнiшко, парнiшка, парнiшку, бáтько, с бáтьком</i>
Наряду с формой <i>мать</i> употребляется форма <i>мáтка</i> . <i>Наличие формы свекрóвка</i>
Отмечены формы с окончанием [е] у сущ. 3 скл. в Д. и П. пп: <i>к лошаде́, на лошаде́ и на лошади́</i> , а также формы Т. п.: <i>но́чей, со́лей</i>
Синкретизм форм Д. и Т. пп. сущ. мн. ч.: <i>по нога́м били, рука́м жа́ли, ходи́ли за я́годам с детьа́м</i>
Собирательные сущ с суф <i>-j-</i> : <i>волóсьё, каméньё, кирпи́чьё, кустóвьё, сту́льё, уго́льё, уго́лье</i>
Архаическая форма инфинитива <i>печи́</i> и парадигма с обобщением задненебного согласного: <i>пеку́, пекё́т, пекё́м</i>
Отсутствие звука на месте /j/ в интервокальном положении в окончаниях прилагат. и глаголов с возможным дальнейшим стяжением: <i>така́а корзи́нка, хорóшаа де́ушка, вóдна магистра́ль, дере́вьянна па́лка, рассказы́ваат, забира́эт, де́лается, знат</i> . В глагольных формах стяжение отмечается реже.
Безударный возвратный постфикс <i>-си (ы)</i> наряду с <i>-сь</i> и <i>-ся</i> : <i>повёшал[сы], связа́ла[сы], разди́ру[цы], называ́лси, пришло́си</i>
Конструкции с краткими формами страдат. прич. с суф. <i>-н-</i> и <i>-т-</i> в роли предиката: <i>ско́лько перестра́дано, прóжито; порабо́тано в колхо́зе; с каки́м председа́телем не потанцо́вано</i> . Зафиксировано в новгородских берестяных грамотах [Зализняк 2004: 183]
Отмечены итеративные формы глаголов: <i>я сама́ бира́ла; мне она не снёва́лась ни ра́зу</i>
Использование плюсквамперфекта: <i>вино́ всегда́ было́ стоя́ло; свёкор уж по́мёр был; медсестра́ была́ дежу́рила</i>
Употребление <i>дак</i> и <i>да</i> в конце предложения: <i>всю жизнь пи́ла дак; 15 годо́в рабо́тала в колхо́зе дак, ушла́ на пен́сию дак; за куни́цей да за лиси́цей да; прие́дут да поедя́т да</i> .

Говоря о грамматике, нельзя не упомянуть особенности местоименного склонения. Так, у местоимений 1-го л. ед. ч. фиксируется основа *мен-* во всей парадигме в архаическом слое говора (ДАРЯ II, карта 60). Отмечена вариативность в употреблении личного местоимения 3 л. мн. ч.: *оны́* (характерная черта северо-западной диалектной зоны), *онé* (черта северо-восточной зоны), *они* (литературный язык и юго-восточные говоры) (ДАРЯ II, карта 68).

Белозерский и устюженский говоры, кроме шепелявого произношения [с''] и [з'], объединены еще двумя архаическими чертами из области грамматики, которые С. Л. Николаев связывает с диалектом тверских кривичей.

По мнению С. Л. Николаева, изучающего следы племенных языков в современных диалектах, язык кривичей был неоднороден, на территории белозерско-бежецких говоров расселялись, кроме новгородцев, верхневолжские кривичи, которые рано обособились от смоленско-полоцкого ареала: «Судя по данным диалектологии, говоры, которые можно считать потомками диалекта верхневолжских (тверских) кривичей на их первоначальной территории, располагаются в ареале, ограниченном линией Вышний Волочек — Бежецк — Калязин — Клин — Москва — Сычевка — Ржев — Торжок — Вышний Волочек. Современные русские говоры, восходящие к древнерусскому верхневолжскому (тверскому) диалекту, образуют ограниченную пучком изоглосс «тверскую зону» между восточноновгородским и ростово-суздальским ареалами на русском Севере» [Николаев 2011: 5].

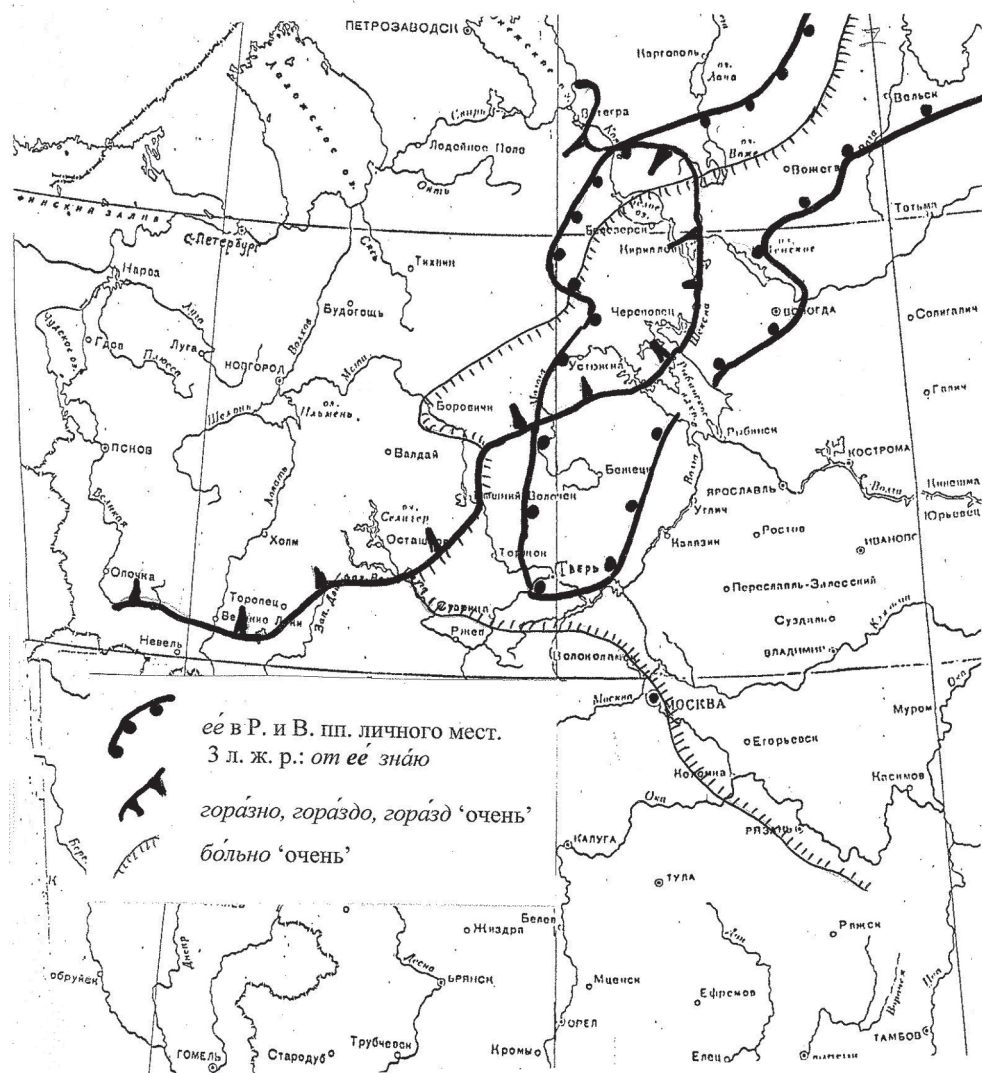
Первая черта. В белозерском и устюженском говорах представлена форма *еé* в Р. и В. пп. личного местоимения 3 л. ж. р. *она*: *да еé нéту дóма*; *я еé не зная́*; *еé взяла́*; *капу́сту ме́лку еé éли* (устюженский); *от еé зная́*, *у еé, устро́ила еé*, *еé увезли́* (белозерский). Ареал распространения формы *еé* показан на картах (ДАРЯ II, карта 65, 67), а также в названной статье С. Л. Николаева. Изоглосса идет на север от Твери по течению Мологи и верхней Волги, охватывая пространство около Рыбинского водохранилища и вокруг Белого озера, и уходит на северо-восток вологодских говоров, как бы разделяя северо-западные и северо-восточные территории (см. карту «Диагностические изоглоссы, характеризующие белозерские говоры», с. 320).

Вторая черта. К старым инновациям относится «"нефонетическое" *х* в род. п. мн. ч. (др.-тверск. *содóмланехъ*, *татарѣ^х*, совр. *отцо́х*, *трудо́х*, *зайце́х*). Частичный синкретизм род. и мест. пп. мн. ч. в *о*-основах вызвал появление гиперкорректного *-ф* в род. п. и мест. п. мн. ч. существительных и прилагательных на значительной части тверского ареала (*в дома́ф*, *в/из молоды́ф*)» [Николаев 2011: 6]. Это явление отражено и в атласе (ДАРЯ II, карта 39): [х] в окончании *-ов* Р. п. мн. ч. (*домó[х]*, *местó[х]*) образует небольшие ареалы по течению рек Мологи и Суды, [ф] в окончаниях существительных в П. п. мн. ч. (*в домá[ф]*, *на местá[ф]*) распространено шире, включает значительный ареал в тверских и Белозерско-Бежецких говорах². Обе черты приведены в работе М. Н. Бувальцевой, которая подчеркивает, что «форма предложного падежа на *-аф* в белозерских говорах

² С. П. Обнорский считал, что переход *х* в *ф* — фонетический процесс [Обнорский 1931].

Карта

«Диагностические изоглоссы, характеризующие белозерские говоры»

широко распространена и устойчива, характеризует и речь местной интеллигенции, и учителей, хотя и представляет собой явление ярко диалектное» [Бувальцева 1958: 41]. Спустя 50 лет формы с [ф] сохранились у информантов старшего поколения. В П. п. мн. ч. сущ., а также в Р. и П. п. мн. ч. прилагательных и др. слов адъективного склонения в окончаниях представлено — *ф* на месте *х* (наряду с литературными формами): на лоша́дкаф, на маши́наф, на рука́ф у ста́рыф люде́й, в ра́зныф кринкаф, такиф леснико́ф не́ было, э́тиф, каки́ф, до четыре́ф кла́ссоф. Приведем таблицу сопоставительных признаков трех говоров (Таблица 3).

Таблица 3

Любытинский	Белозерский	Устюженский
Ѣ > [иѣ] // [и] перед t перед t'	Ѣ > [иѣ] // [и] перед t перед t'	Ѣ > е перед t и t'
Мягкие свистящие [с'] и [з']: [с'] <i>эно</i> , [з'] <i>имá</i>	Альвеоло-палатальный [с''] на месте [с'] перед гласными переднего ряда, реже в других позициях: [с''] <i>эжал'и</i> , [с''] <i>эй год</i> , [с''] <i>юдá</i> . Единично шепелявое произно- шение [з'']: [з''] <i>емля</i>	Альвеоло-палатальные [с''] и [з''] на месте [с'], реже [з'] перед гласными: ко[с''] <i>áт</i> , ко[с''] <i>ишь</i> , ро[с''] <i>тишь</i> , [с''] <i>эли</i> , [с''] <i>имя</i> , [с''] <i>юдá</i> , в [з''] <i>иму</i> , на [з''] <i>эмлю</i>
Форма личн. мест. 3 л. ед. ч. ж. р. Р. / В. пп. <i>ей, ней</i> : Р. п.: <i>от ней слышала</i> , В. п.: <i>сократили ей</i> , <i>я ей заменила</i>	Форма личн. мест. 3 л. ед. ч. ж. р. Р. / В. пп. <i>еé</i> : <i>от еé знаю</i> , <i>у еé/ ёй</i> <i>еé увезли</i> , <i>устроила еé</i>	Форма. личн. мест. 3 л. ед. ч. ж. р. Р. / В пп. <i>еé</i> : <i>да еé нэту дóма</i> ; <i>я еé не знаю</i> ; <i>еé взяла</i> .
В П. п. мн. ч. сущ: <i>в усáдьбах</i> , <i>на лаптýх</i> , <i>в щáх</i>	В П. п. мн. ч. сущ., в Р. и П. пп. мн. ч. адъективного склонения в окончаниях отмечено — ф на месте х : <i>на маши́наф</i> , <i>в ня́нькаф</i> , <i>у ста́рыф люде́й</i> , <i>такíф</i> , <i>этиф</i>	То же у сущ. <i>на тракторáф</i> , <i>на дровня́ф</i> В адъективном склонении не отмечено

Таким образом, мы считаем, что любытинский говор восходит к старому восточноновгородскому диалекту, устюженский — к языку верхневолжских (тверских) кривичей, а в белозерском говоре совмещаются черты обоих идиомов. Лингвистические данные вполне соотносятся с мнением археологов, изучавших Восточное Прионежье. Так, Н. А. Макаров пишет, что «северные окраины Восточной Европы оказались связанными с двумя колонизационными центрами уже в X в., т. е. с самых начальных этапов вовлечения их в сферу экономических и политических интересов Древней Руси, причем объектами новгородской и верхневолжской колонизации изначально являлись одни и те же области. Ситуация, сложившаяся в X–XII вв., во многом определила дальнейший ход освоения Севера...» [Макаров 1989: 102]. В области фонетики и грамматики белозерский говор характеризуется как периферийный, что говорит о его новгородском происхождении. Идиом достаточно рано испытал на себе влияние языка тверских кривичей, переселявшихся сюда из районов Верхнего Поволжья. Со временем в него вошли лексические элементы, свойственные центральной и северо-восточной зонам, говоры которых являются потомками ростово-суздальского диалекта.

Рассмотрим лексический материал более подробно и укажем карты ДАРЯ в том случае, когда они есть. В лексике так же, как в фонетике и грамматике, сохранились общесеверные признаки, например: *баскóй* ‘красивый’, *бáско* ‘красиво’, *бесéда* ‘вечерние собрания девушек с работой’ (ДАРЯ III, карта 93), *выть* ‘аппетит, порядок в еде’, *крíнка* ‘миска с высокими краями’ (*творéльна крíнка*)

(ДАРЯ III, карта 25), *лоні́, лонісь* ‘в прошлом году’ (слово зафиксировано и в новгородских берестяных грамотах), *мураші́* ‘муравьи’ (ДАРЯ III, карта 76), *орать* ‘пахать’ — в пассивном запасе (ДАРЯ III, карта 45), *пахать* в значении ‘обметать сажу, пыль’ (ДАРЯ III, карта 100), *причитать* ‘исполнять обрядовый плач’ (ДАРЯ III, карта 96), *суслон* ‘укладка снопов озимых культур’ (ДАРЯ III, карта 50).

Перечислим признаки, распространенные в северо-западной зоне и восходящие к новгородскому диалекту: *вы́шка* ‘пространство между потолком и крышей крестьянского дома’, наряду с общерусскими *черда́к* и *потоло́к* (ДАРЯ III, карта 9), *дэльнички* ‘вязанные рукавицы с одним пальцем’ наряду с общерусским *ва́режки* (ДАРЯ III, карта 35), *лягові́на* ‘низкое место, пересохшее болото, заросшее пространство на месте водоема’ (ДАРЯ III, карта 83), *огоро́д* ‘изгородь’ (по мнению Ю. И. Чайкиной, оба последних слова являются новгородскими).

Белозерский говор интегрировал признаки центральной и северо-восточной диалектных зон: *молоти́ло* ‘орудие для ручной молотбы’ (ДАРЯ III, карта 39), *у́повод* ‘промежуток времени от работы до работы, длительный промежуток времени’ (ДАРЯ III, карта 56), *поско́тина, подско́тина* ‘пастбище’, *я́блоки* ‘картофель’, *я́блосник, я́блосная ка́ша* ‘запеканка из картофеля и картофельное пюре’ — в речи отдельных информантов (ДАРЯ III, карта 61).

В обследованном нами идиоме отмечено сосуществование лексем, характерных для западных и восточных ареалов, иногда даже в речи одного и того же информанта (Таблица 4).

Два признака — *гораз, горазно* и *больно* — как наиболее наглядно демонстрирующие сочетание западных и восточных черт, представлены на карте «Диагностические изоглоссы, характеризующие белозерские говоры». На карте также показано одно из архаических явлений — распространение формы *е́е* в Р. и В. пп. личного мест. 3 л. ж. р. (см. карту на с. 320)³.

Таблица 4

Черты северо-западной диалектной зоны	Черты северо-восточной и центральной диалектных зон
Жи́то ‘ячмень’ (ДАРЯ III, карта 53) отмечено в берестяных грамотах	Жи́то ‘общее название зерновых культур’
Таска́ть сѣмѣ́ ‘убирать лен с поля руками’ (ДАРЯ III, карта 57) восточноновгородская черта	Дѣргать лён ‘убирать лен с поля руками’ — северо-восточные говоры Тереби́ть лён — центральные говоры
Загу́ста ‘каша из муки’ (ДАРЯ III, карта 28) восточноновгородская черта	Повали́ха ‘каша из муки (с ягодами)’ отдельные ареалы
Гора́з, гора́зно ‘очень’ (ДАРЯ III, карта 99) отмечено в берестяных грамотах	Бо́льно ‘очень’
Ни́ва ‘росчи́сть, участок земли’ (ДАРЯ III, карта 82)	Ни́ва ‘поле, участок, засеянный злаками’

³ Изоглоссы на карте даны в обобщенном виде.

Кроме лексических явлений, указанных в Таблице 4, отмечены и такие, ареалы которых, судя по картам ДАРЯ, охватывают территорию вокруг Белого озера и несколько шире: *мы́рг/кать, мырча́ть* ‘мычать’ (о корове) (ДАРЯ III, карта 69), *пеу́н (невун)* ‘петух’ — в современном говоре в пассивном словаре (ДАРЯ III, карта 64), *сади́ло* ‘в овине деревянный настил из досок для сушки снопов’ (ДАРЯ III, карта 16), *колоту́шка* ‘палка для выколачивания белья при стирке’ (ДАРЯ III, карта 29), *каре́тник* ‘сарай для хозяйственного и кормов’ — в современном говоре не сохранилось (ДАРЯ III, карта 19). Некоторые из перечисленных лексем приведены как типопределяющие признаки Белозерского диалектного типа в классификации [Пшеничнова 2008: 106].

Итак, комплексный анализ всех языковых уровней показал специфичность обследованного белозерского говора, который, как представляется, восходит к старому восточноновгородскому диалекту, испытывавшему влияние идиом тверских кривичей (обособились от смоленско-полоцких), переселявшихся на эти территории из районов Верхнего Поволжья.

Необходимо еще раз обратить внимание на то, что белозерский говор отличается от устюженского, хотя по классификации Захаровой — Орловой они включены в одну Белозерско-Бежецкую межзональную группу северного наречия. Обоснованность такого объединения ставится под сомнение в целом ряде работ в связи с неоднородностью входящих в нее говоров [Бегунц 2006; Мызников 2005; 2024]. С. А. Мызников, исследуя субстратный языковой ландшафт Вологодской области и смежных территорий, делает вывод: «Таким образом, намечается трехчленная оппозиция — говоры вокруг Белого озера, говоры по реке Мологе и говоры между рекой Мологой и Белым озером» [Мызников 2024: 61].

Показательно, что и в структурно-типологической классификации (диалектометрической) Н. Н. Пшеничновой, выполненной в 90-е г. по материалам ДАРЯ, рассматриваемое лингвистическое пространство вошло в отдельный Белозерский диалектный тип (четвертый ранг деления — СП¹P1). Он входит в говоры Севернорусского диалектного типа и является переходным между группами говоров Новгородского и Вологодско-Вятского д. т. и отличается от бежецких говоров, которые относятся совсем к другому типу переходных говоров [Пшеничнова 1996, 2008; ДАРЯ III, ч. 2, карта III].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Лексика, собранная в дд. Артюшино, Ку́ность, Ма́зкса Белозерского района Вологодской области

Жилище и приусадебное пространство

Изба́ ‘жилая часть дома, комната’, *вы́шка, потоло́к, черда́к* (сосуществование) ‘пространство между крышей и потолком’, *дом* ‘жилая постройка’, *забо́рка, отгоро́дка* ‘дощатая перегородка в избе, обычно не доходящая до потолка’, *мост, измо́стье, сённик* ‘место между избой и двором, где хранят вещи, холодный коридор’,

клеть ‘помещение на мосту, где могли спать летом и стояли лари, сундуки’, *кессон* ‘подземная емкость, в которой оборудуют погреб’, *князёк* ‘верхний брус двускатной крыши’, *подпольё* ‘подпол, который имеет ход с кухни’, *половни́цы* ‘половицы (раньше не красились)’, *прилу́б*, *чула́н* ‘кухня’: *кто как зовет; где чула́н зову́т, где прилу́б, кто ку́хней*; *переводи́ны* ‘горизонтальное бревно, которое поддерживает потолок, матица’, *реж* ‘сруб из брёвен вроде небольшого подвала под русской печью, в котором хранились продукты’: *реж — это сруб такой. Вот сруб такой деревянный, и вот с прилуба там, с кухни туда ход делали, а теперь кессоны делают; печь русская стояла на режу́, вариант — на режé стоит; устье, устье́* ‘отверстие у печи, через которое закладывают дрова, ставят чугуны и горшки в печь’, *зау́лок* ‘территория, прилегающая к дому’.

Помещение для содержания скота и др. хозяйственные постройки

Двор ‘хозяйственная часть крестьянского дома, где находится скот и помещение для хозинвентаря’, *хлев* ‘сруб на дворе, где держали скот’, *ста́йка*, *вы́городка* ‘загон для животного (чаще для коровы) в хлеву’.

Амба́р ‘постройка для хранения зерна, которая стояла отдельно: *амба́р в саду́*, *ови́н* ‘постройка для сушки снопов с печью и деревянным полом’, *сарáй* ‘строе-ние для хозяйственных нужд’, *отгору́дки*, *сади́ло* ‘в овине деревянный настил над печью для сушки снопов’, *подби́ва* ‘в овине деревянный настил, где складывали и молотили высушенные снопы’, *гумно́* ‘хозяйственная постройка для обмолота снопов’, *огоро́д* ‘изгородь из жердей’, *осе́к* ‘забор’.

Домашнее хозяйство

Вале́к ‘палка для выколачивания белья’, *грешо́нка* ‘низкая корзина, в которой проращивали зерно для домашнего пива’, *дрове́шки* ‘деревянные санки с деревянными загнутыми полозьями, на которых возили воду и катались дети с горок’, *зати́лье* ‘занятие, дело’, *закропа́ть* ‘положить заплату,’ *зы́бка*, *зы́бочка* ‘колыбель’: *ходи́ла на жни́во, брала́ с собо́й меня́ и зы́бочку брала́ с собо́й, на берёзку пове́сит зы́бочку*; *ка́вкать* ‘мяукать’ (о кошке), *като́к* ‘круглая палка для глажки белья’, *кваши́я* ‘деревянная посуда для опары’, *коробе́йка* ‘сундучок для приданого’, *кормы́сло* ‘деревянное приспособление для переноски ведер с водой’, *корча́га* ‘емкость для приготовления пива (пиво ходило) с дыркой, которую открывали, когда спускали пиво’: *ячме́нно пи́во вари́ли в корча́ге*; *коше́ль* ‘заплечный мешок (для переноски ягод, рыбы)’, *кропа́ть* ‘штопать, шить, зашивать’, *кросно́*, *кросна́* ‘стан для тканья’, *крин́ка* ‘глубокая миска, похожая на чугунок’: *така́я кру́глая, вся́кие разны́е есь: вари́льна крин́ка, есь — молоко́ проце́живали в крин́ку, кашу вари́ли в крин́ках или в горшкё*; *крин́ка твори́льна* ‘миска, в которой растворяют тесто для пирогов’, *ку́зов* ‘большая плетеная корзина с двумя ручками’, *ларь* ‘сундук для хранения продуктов, а также зерна’, *ла́тка* ‘глиняная миска’, *мы́рг(к)а́ть*, *мырча́ть* ‘мычать’ (о корове), *наби́рка*, *набиру́шка* ‘корзина для собирания ягод’, *обра́жаться* ‘делать домашнюю работу, ухаживать за скотиной’, *опахáть*, *пахáть*

‘обметать пыль, сажу’, *пéстрядь* ‘мешок из грубой ткани’, *пеун* ‘петух’, *пóйво* ‘еда, пойло для скотины’, *пожбóг* ‘костер’, *пулови́к* ‘половик’, *пустéльник* ‘матрас, набитый соломой’, *спустíть* ‘обметать потолок от пыли и сажу’, *ухвát* ‘орудие, при помощи которого ставят чугуны в печь’, *ши́ньгать*, *расши́ньгать* ‘разобрать, раздергать, распутать шерсть’.

Промысловая лексика: *курля́ндка* ‘ловушка на рыбу, мережа больших размеров’, *серéдник* ‘обруч, вставляемый внутрь мережи’, *го́нки* ‘соединение нескольких плотов для сплава леса’, *плоти́ть* ‘плоты собирать’: *плути́ть* *плуты́*.

Сельскохозяйственная лексика

Ба́бка ‘малая укладка снопов яровых культур (как правило 5 снопов)’, *борони́ть* ‘разрыхлять почву бороной’: *борони́ли на себé, запрягу́тся в бо́рону четы́ре же́нщины и вот э́ту по́лосу боро́нили и сея́ли*; *вёшало* ‘устройство из укрепленных жердей, на котором сушат лен, сено’, *горо́ховина* ‘ботва гороха’, *гра́бельки* ‘грабли’, *де́ргать* и *таска́ть* *лен* ‘убирать с поля лён руками’: *лён, коне́чно, не сжи́на́ли, а де́ргали рука́ми; си́мё таска́ть; жи́то* ‘любое зерно’, ‘ячмень’, *жни́во* ‘сенокос’, *жнивье́* ‘сжатое поле’, *заро́д*, *скирдá* ‘большая укладка снопов или сена’: *мета́ть ски́рды, карто́фь* ‘картофель’, *колоту́шка* ‘палка, которой обмолачивают зерно и лён’: как *молото́к*; *косéвище* ‘ручка косы’, *кустыжо́к* ‘маленькая деревянная ручка на косевище’; *молоти́ло* ‘цеп, ручное орудие для обмолота’: *молоти́лом молоти́ли зерно́вые*; *ни́ва* ‘полоса, засеянная злаками’, ‘надел, участок земли (для обработки) не около дома’: *бли́жняя ни́ва, сре́дняя и да́льняя*; *отгра́бывать* ‘отгребать’; *пахáть* ‘обрабатывать землю’, *пелё́ва* ‘отходы от обмолота зерна, мякина’: *пелё́ва — э́то когда́ молотят, зерно́вые отхо́ды. Все́ отхо́ды суши́ли, в сту́пе толкли́, де́лали муку́, пото́м пекли́ лепёшки*; *плуг*, *плуги́* ‘орудие для обработки земли’, *суслóн* ‘малая укладка снопов ржи’: *суслóн — 9 сно́пов сто́я, а де́сятый на верху́шку, ти́на* ‘ботва карофеля, моркови, огурцов’: *огуре́шина ти́на, карто́фная ти́на, подско́тина, поско́тина* ‘пастбище для скота недалеко от деревни’, *трепа́лка* ‘орудие для обработки льна’, *у́повод* ‘отрезок времени, работа без перерыва’.

Человек и его качества

Баско́й ‘красивый’, *ба́ско* ‘красиво’, *ба́тько* ‘отец’, *башкови́тый* ‘умный, сообразительный’, *белозёры*: *наша белозёры* ‘жители Белозёрска’, *гора́зный возраст* ‘пожилой’, *де́вушка* ‘девочка’, *де́душко* ‘дед’, *жадо́бный*, *жадо́бинка* ‘дорогой — ласковое обращение’, *зало́га* ‘отдых’, *зало́говать* ‘отдыхать’, *зять* ‘муж дочери’, *кончесво́дка* ‘сплетница’, *ловка́я* ‘ловкая’, *мазу́рик* ‘бедовый парень’, *ма́тка* ‘мать’, *ми́лушка* ‘милая, обращение’, *мо́лодежь* ‘молодые’, *молодя́жка* ‘молодежь’, *неве́стка (неве́ска)* ‘жена сына’, *свекро́вка* ‘свекровь’, *парни́шко* ‘мальчик’, *песья́к* ‘ячмень’, *племя́нка* ‘племянница’, *поставно́й* ‘хороший, самостоятельный’, *разговори́ста* ‘умеет хорошо говорить, разговорчивая’, *расхо́жая* ‘шустрая, умелая’, *оби́ра* (от *оби́аривать*: *потому что они все́ оби́аривают* — народная этимология) ‘место, где жили бандиты’ (возможно, окказионализм), *у́торок* ‘уговор’.

Пища

Выть 'прием пищи, еда, порядок в еде': *вы́ти не зна́ешь, бесче́редчина* 'отсутствие порядка в еде', *загу́ста* 'каша из муки, могли добавлять яиц', *ола́жки, ола́ды* 'олады': *ола́шки твори́ли, подхоло́дное* 'окрошка', *повали́ха* 'каша на воде (с ягодами)', *селя́нка* 'кушанье из смеси картошки, яиц и молока, которое томится в печи', *сла́тить* 'делать сладким', *сла́тимая* 'сладкая', *су́щик (су́шишик, су́шичик)* 'сушеная рыба', *я́блоки* 'картофель', *я́блошник* 'запеканка из картофеля', *я́блошная ка́ша* 'картофельное пюре'. Виды выпечки: *рогу́льки, рогу́жки* 'тонкие выпечные изделия с загнутыми краями и разными начинками', *нали́тка, налиту́шка* 'круглая лепешка из пресного теста, сверху наливается картофель или др. начинка', *загибу́шка* 'пирог с начинкой': *хоть карто́нные, хоть творо́жны, тобо́лки, тобо́лочки, тобу́лочки* 'пирожки, чаще с ягодной начинкой'.

Одежда. Обувь

Барётки 'женские туфли', *вы́нарядиться* 'одеться слишком броско', *дёльнички* 'вязанные рукавицы с одним пальцем', *ка́танки* 'валенки', *катова́льня* 'производство валенок', *ле́пет* 'кусоч материи', *ро́зный* 'рваный', *спра́ва* 'одежда', *тря́почек* 'лоскуток': *тря́почков ско́лько, ни о́дин тря́почек не вы́брошу*.

Лексика природы

Беля́к 'большие волны на озере', *ве́дро* 'хорошая погода', *ду́дли* 'растение, которое ели в голод': *жи́рные росли́-то ду́дли; заоболоча́ло* 'покрылось облаками', *зыбу́чий* 'топкий', *дуга́, ра́дуга* 'радуга', *клюква́* 'клюква': *се́йгод клюквы́ мно́го; коку́рки* 'растение, которое ели в голодное время', *красноголо́вик* 'подосиновик', *ломё́* 'ломаный лес', *лоси́* мн. ч. от *лось*: *есть лоси́, дя́говина* 'низкое, мокрое, заросшее пространство на месте водоема', *марака́с* 'паук', *мо́лонья* 'молния', *мураши́* 'черные муравьи', *о́льха* 'ольха', *отвару́шки* 'сыроежки', *отворо́тка* 'поворот', *пого́да* 'плохая погода', *тинё́та* 'паутина'.

Рыба: *ле́ц (лёщ)*, *оку́нь, судáк, снето́к (сняток)* 'разновидность корюшки', *су́к* 'мелкая колючая рыба', *соро́га (суро́га)* 'подвид плотвы', *чехо́нь* 'рыба из семейства карповых', *щу́ка*.

Глаголы

Вы́порём 'выпотрошим (о рыбе), *жéгать, жéгнуть* 'быстро интенсивно что-то делать': *жéгать на парусу́; зала́дить* 'запереть (на засов)': *коро́вушка зайдёт в свою́ ста́ечку, закро́ешь и зала́дишь, что́бы она́ не ушла́; захо́дил* 'задул' (о ветре), *каза́ть* 'показывать': *фи́льмы каза́ли наглые; ме́кается* 'думается, кажется', *ля́мдаты́* 'болтать без дела', *наруша́ть* 'ломать, разрушать': *большинство́ наруша́ют, а стро́ительства ма́ло; опну́ться* 'очухаться, прийти в себя', *осна́добиться* 'освободиться, стать ненужным', *оцовой́льничать* 'посмеяться', *приказа́ть* 'приглашать, звать', *разодрáться* 'подраться': *иду́т с гармо́шкам с дере́вён, пото́м раздеру́[цы]; созерца́ть* 'видеть': *созерца́ть всё это́ ужáсно; спосо́биться* 'удается', *теря́ться*,

потеряться ‘пропасть’: *пора уж моему мужу теряться; торнуть ‘стукнуть, ударить’: я её тóрнула, так она аж с ног летела; тóрнуться ‘постучаться, ударить в дверь’, хоботить, охоботить ‘хлопотать, что-то делать, выполнять, справляться’.*

Наречия

Бедно́ ‘плохо, бедно (жить)’, всклéнь, склень, скленьём ‘доверху, вровень с краями (наливать)’, горáзд ‘очень’, дáвеча ‘недавно’, зимáми ‘зимой’, казй́сто ‘хорошо (жить)’, летáми ‘каждым летом’, лонй́сь, лонй́ ‘в прошлом году’, нóчьсь ‘прошлой ночью’, осенéсь ‘прошлой осенью’, поранёхонько ‘рано (вставать)’, стоякóм ‘вертикально (ставят)’, зáсвет ‘рано (приходить)’, ковдá, товдá, тáмотко.

Паремиологический материал

*Госпо́дь сй́ротам попечй́тель
Два по третьему ‘туго соображать’
Дёвочка в колыбёльку, придáное в коробёйку,
Тебé (мне, себе) дивйá ‘ничего удивительного’
Ду́шу не ронй́ть ‘не опозориться’
Жаб сел, жаб сядь! ‘замолчи’
Как немнóго ‘изо всех сил’
Пóмни корóва, ковдá лёто бы́ло
По дохóду и расхóд
Сдéлать на разу́ ‘сразу’
Трёшь да мнёшь ‘тянешь время’*

Ударение⁴ в различных формах

бралá, далá, жалá (серпом), жилá, лóжила, влóжили (труда), налóжили, слóжили, садй́ли, продáл, родй́лась, рóстила, ткалá;

валй́т, завалй́т (снегом), валя́т; варй́шь, вáришь, наварй́шь, сварй́м, наваря́т, наваря́т; сварй́шь; доя́т, надойм, подоя́т; й́дешь, й́дем, прий́дет, прий́дем, пойдй́тё; косй́шь, кóсит, кóсим, кóсите, кóсят; кóпишь, кóпит; лóжу, лóжишь, лóжй́шь, лóжит, лóжим, ложй́м, полóжу, слóжй́т, мутй́т, мýтит; насолй́м, посо́лим; рóстим, ростя́т; сáднит; садй́м, сáдят, поса́дят; сушáт тацй́шь, тацй́т, тацáт; хороня́т;

бра́но (на стол), навыйшй́вано, надáвано, накладё́н, пойде́но, перестра́дано, порáботано,

вй́лам (Т.п.), в клетй́, лабазá, на лося́, лосй́, о́льха, пётля, платья́, плугй́, реку́, в реку́, на реку́, через реку́, два рядá, сёмья, на спинáх, на сплаву́, в хлевё, на яблоня́х,

⁴ Сбор акцентологического материала не входил в цели экспедиции. В говоре отмечена большая вариативность в ударении глаголов в речи разных информантов. Приведены формы, отличающиеся от литературных.

ловкая (девушка), *суровая* (нитка), *озимая* (пшеница), *толстой*, с *толстым* (переплётом книга), *теплые*,
нико́во, *ниче́во*.

Обрядовая лексика

Бесе́да, бесе́дка ‘вечерние собрания молодежи, раньше с работой’, *вече́рки* ‘вечерние собрания молодежи с танцами’; *ворожи́ть, приворожи́ть* ‘колдовать’, *лу́нки* ‘детская игра’, *складчы́на* ‘общее гулянье’, *пла́кальщица* ‘женщина, исполняющая обрядовый плач’, *при́тка* ‘беспокойство, неясная болезнь’: *за́говор от при́тки; причита́ть, пла́кать* ‘исполнять обрядовый плач по покойному’, *при́чет* ‘причитание’, *по́мочь* ‘коллективная помощь в работе’, *хороня́ть* ‘хоронить’, *про́тыш* ‘иголка со сломанным ушком, которая использовалась при заговорах’.

Игра лу́нки: *А лу́нки... вот круго́м на гору́шке лу́нок надéлано, вот кому́ води́ть, подбе́гут, по спине́ хло́пнут, знач́ит, э́то сади́тся в лу́нку, а я беги́ сно́ва. Как объясни́ть? Мо́жет, неправи́льно объясня́ю, но вот по тако́му.*

Похороны

В день похорон положено было всем в семье мыться. По пути на кладбище впереди процессии шла плакальщица и разбрасывала крупу. С покойников, погибших трагически, снимали одежду и сжигали.

На поминках подавали кутью, блины и суп: летом окрошку, зимой уху или щи, в конце — кисель.

На 40 день обязательно причитали. Утром надо было пойти на кладбище и позвать покойного попрощаться, звали в баню. Когда позвали, возвращались домой и садились за стол, причем застолье надо было завершить до часу дня. Потом все шли до конца деревни, где и прощались с покойным.

Образцы речи

Евстолия Константиновна **Трифонова**, 1925 г. рождения, родилась в д. Ковжа, позже переехала в д. Куность, окончила начальную школу.

Д. Причитать — это что значит?

Э́то вот ло́жат поко́йного, ра́ньше всё на сто́л ло́жили, а пото́м не ста́ли, стол — престо́л, сказа́ли нельзя́. Ста́ли так на скаме́йки, и на до́ски поло́жат гроб. И вот приц"ита́эт. Укла́дываэт кто ц"ево́ мо́жет. Я ешшо́ мо́лоденькаа́ была́, оте́ц уме́р дак ма́ма приц"ита́ть меня́ науд"ила, так я приц"ита́ла у него́.

А вот с"ейц"ас умерла́ невес"ка́ моя́, в Грязове́цком райо́не жи́ла. Упа́ла до́ма на полу́ и таз слома́ла. И год це́лый лежа́ла и не могла́, всё в ле́жку лежа́ла — лежа́ла, наа́ корми́ть её, уха́живать до́ц"ки.

И восьмо́го ию́ля умерла́, за реко́й о́ни там жи́ли дак. Я зошла́, Га́лина Ива́нна, племя́нка позвони́ла: «Тётя То́ля! Ма́му-то привезли́». Ну, она́ ме́диком-то рабо́таат на медици́нской маши́не на с"ко́рой. Ну дак э́то. Я приц"ита́ла по-ста́рому. С"е́ на́до выска́зывать. Ло́вко-то полуц"ало́сь.

Д. А что там нужно говорить? Как вы это придумывали?

Не придумывашь, не надо, так говоришь:

*Подойду я, сиротиноц"ка,
тебё, лёбедь бёлаа. (Ну, там всё выскажешь, эта...)
Со поклóнами со нízкими,
Со слезáми со горюц"ими,
Что настрада́лась да намáялась
В труднóй больнóй постёлюшке.
Не могли́ да тебá вы́лец"ить
Докторá да уж как лёкари.
Всё высказывашь, лю́ди всё пла́ц"ут.*

Вера Ивановна **Дийкова**, 1934 г. рождения, родилась в с. Зимницкие Хутора, переехала в д. Куность, окончила начальную школу.

Метатекстовые высказывания

Рассказывает о говоре Кириллова: Там отлича́ется разгово́р наш. О́чень да́же. У них ка́к-то разгово́р отры́вистый, а у нас как бы тя́нем мы. А у них отры́висто. А вот в Мегрэ...Вот у них то́же там тако́й го́вор у них, мне он да́же нра́вится: «Дёўкаа, дай верёўкуу!»

О своем говоре: И вот е́здили мы с му́жем в Ленингра́д, в Москвú. Я да́же боя́лась разгово́ривать там, приду́ в магази́н, пото́му что о́чень мы отлича́емся в разгово́ре. Это, говоря́т, волого́дские при́ехали!

Литература

Бегу́нц И. В. Ударный вокализм белозерско-бежецких говоров в первой половине XVII в. (по данным местной деловой письменности) // Вестник МГУ, серия «Филология», 2006, № 2. С. 46–51.

Бувальцева М. Н. Из морфологических особенностей говоров Белозерского района Вологодской области // Ученые записки. Мичуринский педагогический институт. Вып 5. Мичуринск, 1958. С. 25–60.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Говоры на восток от Новгорода (ареальный подход) // Лексический атлас русских народных говоров. (Материалы и исследования 2022). СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 47–65.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Межзональные говоры северного наречия // Лексический атлас русских народных говоров. (Материалы и исследования 2023). СПб.: ИЛИ РАН, 2023. С. 1–17.

Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным: монография. Екатеринбург; Москва. Труды Топонимической комиссии. 2025. 692 с.

Говоры исторического Белозерья: Хрестоматия / составители: Н. А. Волкова, Н. Г. Михова. Череповец, 2013. 124 с.

ДАРЯ II — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. II. Морфология. М., 1989.

ДАРЯ III, ч. 1 — Диалектологический атлас русского языка. Центр европейской части России. Вып. III. Ч. 1. Минск, 1997.

ДАРЯ III, ч. 2 — Диалектологический атлас русского языка. Центр европейской части России. Вып. III. Ч. 2. М., 2004.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970, 167 с.

Макаров Н. А. Новгородская и ростово-суздальская колонизация в бассейнах озер Белое и Лаца по археологическим данным // Советская археология. 1989, № 2. С. 86–103.

Мельникова Н. Г. Говоры Белозерского края как объект лингвистического исследования // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 2 (107). С. 52–72.

Мызников С. А. Субстратный языковой ландшафт и проблема диалектного членения (на материале говоров Вологодской области). Говоры белозерские и бежецкие // Исследования по славянской диалектологии. Славянская диалектология и история языка. Вып. 6. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 171–179.

Мызников С. А. Исконная и субстратная лексика в ареальном аспекте и проблемы диалектного членения (говоры белозерские и бежецкие // Севернорусские говоры. Вып. 23. Отв. ред. Е. В. Пурицкая. СПб.: ИЛИ РАН, 2024. С. 47–71.

Николаев С. Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. Верхневолжские (тверские) кривичи // Славяноведение, № 6, 2011. С. 3–16.

Обнорский С. П. Именное склонение, вып. 2. Множественное число. Л.: Изд. АН СССР, 1931. 417 с.

Пиеничнова Н. Н. Типология русских говоров. М.: Наука, 1996. 208 с.

Пиеничнова Н. Н. Лингвистическая география (по материалам русских говоров). М., 2008. 220 с.

Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни: монография / [Е. Н. Ильина и др.; научный редактор Е. Н. Ильина], Вологодский государственный университет. Вологда: ВоГУ, 2021. 683 с

Чайкина Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 7–185.

Marchenko I. A. Bulding A Classification of Russian Dialects Using Multidimensional Scaling. 2023. (preprint, URL: https://www.academia.edu/106488868/Bulding_A_Classification_of_Russian_Dialects_Using_Multidimensional_Scaling)

Olga E. Karmakova, Irina A. Bukrinskaya

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

okarmakova@list.ru

irbukr@gmail.com

BELOZERYE DIALECTS IN COMPARISON WITH OTHER NORTHERN RUSSIAN DIALECTS

The article continues a series of works on the study of the northwestern dialect zone and the interzonal dialects of the northern dialect. The focus is on the search and interpretation of isoglosses contrasting the Western and Eastern linguistic spaces. The Belozersk dialects have attracted and continue to attract the attention of linguists as a place of migration and settlement of various Slavic and non-Slavic tribes, whose languages influenced each other, and traces of contact can be seen in modern dialects. According to the classification of K. F. Zakharova — V. G. Orlova, Belozersk dialects belong to the Belozersk-Bezheritsky interzonal dialects of the northern dialect, occupying an intermediate position between Ladoga-Tikhvin and Vologda. The article considers the uniqueness of the Belozersky dialect, which, according to the authors, dates back to the old East Novgorod dialect (according to A. A. Zaliznyak's terminology), influenced by the idiom of Tver Krivichi who migrated to these territories from the Upper Volga region. The Belozersk dialects include lexical elements peculiar to the central and northeastern dialect zones, whose dialects are descendants of the Rostov-Suzdal dialect. Thus, it is on the material of lexics that the combination of Western and Eastern features is most representative.

Keywords: Belozersky dialect, dialect zones, reflexes Ъ, grammatical archaisms, lexical originality

References

Begunts I. V. [Percussion vocalism of the Beloozero-Bezheritsk dialects in the first half of the 17th century (according to local business writing)] // *Vestnik MGU, seriya «Filologiya»*, 2006, № 2, pp. 46–51. (In Russ.)

Buval'tseva M. N. [From the morphological features of the dialects of the Belozersky district of the Vologda region] // *Uchenye zapiski. Michurinskii pedagogicheskii institut. Vyp. 5* [Scientific notes. Michurinsk Pedagogical Institute. Issue 5.] Michurinsk, 1958, pp. 25–60. (In Russ.)

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. [Interzonal dialects of the northern dialect] // *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya* [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and research. 2023]. St. Petersburg, 2023, pp. 1–17. (In Russ.)

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. [Dialects to the East of Novgorod (areal approach)] // *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya*

[Lexical Atlas of Russian Folk Dialects. Materials and Research 2022]. St. Petersburg. 2022, pp. 47–65. (In Russ.)

Chaikina Yu. I. *Voprosy istorii leksiki Beloz'er'ya* [Questions of the history of the vocabulary of Belozerye] // *Ocherki po leksike severnorusskikh govorov*. [Essays on the vocabulary of northern Russian dialects]. Vologda. 1975, pp. 7–185. (In Russ.)

DARY II — *Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka. Tsentr Evropeiskoi chasti SSSR* [Dialectological Atlas of the Russian Language. Center of the European Part of the USSR. Issue II. Morphology]. Moscow, 1989.

DARY III, p. 1 — *Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka. Tsentr evropeiskoi chasti Rossii* [Dialectological Atlas of the Russian Language. Center of the European Part of Russia. Issue III. Part 1]. Minsk. 1997.

DARY III, p. 2 — *Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka. Tsentr evropeiskoi chasti Rossii* [Dialectological Atlas of the Russian Language. Center of the European Part of Russia. Issue III, Part 2] Moscow, 2004.

Govory istoricheskogo Beloz'er'ya: Khrestomatiya [Dialects of the historical Belozerye: Anthology // compilers: N. A. Volkova, N. G. Mikhova. — Cherepovets. 2013. 124 p.

Knyazev S. V., Moroz G. A., D'yachenko S. V. *Korpus Prosodii Russkikh Dialektov* [Corpus of Prosody of Russian Dialects]. 2024. Electronic resource: <https://LingConLab.github.io/PRuD/> (date of access 01.03.2026).

Makarov N. A. [Novgorod and Rostov-Suzdal colonization in the basins of Lakes Beloye and Lacha according to archaeological data] // *Sovetskaya arkheologiya*. 1989, № 2, pp. 86–103. (In Russ.)

Marchenko I. A. *Bulding A Classification of Russian Dialects Using Multidimensional Scaling*. 2023. (preprint, URL: https://www.academia.edu/106488868/Bulding_A_Classification_of_Russian_Dialects_Using_Multidimensional_Scaling

Mel'nikova N. G. [Dialects of the Belozersk region as an object of linguistic research] // *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the Cherepovets State University]. 2022. № 2 (107), pp. 52–72. (In Russ.)

Myznikov S. A. [Substrate linguistic landscape and the problem of dialectal division (based on the dialects of the Vologda region). Belozersk and Bezhetsk dialects] // *Issledovaniya po slavyanskoi dialektologii. Slavyanskaya dialektologiya i istoriya yazyka*. [Research in Slavic dialectology. Slavic dialectology and history of language]. Issue 6. Moscow, 2005, pp. 171–179. (In Russ.)

Myznikov S. A. [Native and substrate vocabulary in the areal aspect and problems of dialectal division (Belozersk and Bezhetsk dialects)] // *Severnorusskie govoryyyu*. [Northern Russian dialects]. Issue 23. Ed. E. V. Puritskaya. St. Petersburg, pp. 47–71. (In Russ.)

Nikolaev S. L. [Traces of East Slavic tribal dialects in modern Great Russian dialects. Upper Volga (Tver) Krivichi] // *Slavyanovedenie*, № 6, 2011, pp. 3–16. (In Russ.)

Obnorskii S. P. *Imennoe sklonenie, vyp. 2. Mnozhestvennoe chislo* [Nominal declension, issue 2. Plural]. Leningrad, 1931.

Pshenichnova N. N. *Tipologiya russkikh govorov* [Typology of Russian dialects]. Moscow, “Science”, 1996. 208 p.

Pshenichnova N. N. *Lingvisticheskaya geografiya (po materialam russkikh govorov)* [Linguistic geography (based on Russian dialects)]. Moscow, 2008. 220 p.

Rechevaya kul'tura Belozer'ya v fokuse govora odnoi derevni [Speech culture of Belozerye in focus of the dialect of one village] scientific editor E. N. Ilyina, Vologda. State University. 2021. 683 p.

Volgo-Dvinskoe mezhdurech'e i Belozerskii krai: istoriya i kul'tura regionov po lingvisticheskim dannym: monografiya. [The Volga-Dvina interfluve and the Belozersk region: history and culture of the regions based on linguistic data: monograph]. Yekaterinburg; Moscow. Proceedings of the Toponymic Commission. 2025. 692 p. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Ancient Novgorod dialect]. Moscow: Languages of Slavic Culture. Publ, 2004. 872 p.

Zakharova K. F., Orlova V. G. *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka.* [Dialectal division of the Russian language]. Moscow, Prosveshchenie Publ. 1970, 167 p.

В. А. Пыхов

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Институт славяноведения РАН

(Россия, Москва)

pyhov2007@yandex.ru

КАРТЫ ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АТЛАСА КАК ИСТОЧНИК МНОГОПЛАНОВОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье на примере анализа карты ‘ящерица’ выпуска «Животный мир» лексико-словообразовательной серии ОЛА выделяются диалектные наименования ящерицы и представляется их территориальная локализация. На основании исследования материалов других карт этой серии, подкрепленных данными праславянской фонетики, содержащимися в опубликованных выпусках фонетико-грамматической серии Атласа, устанавливается разделение Славии по линии север — юг и обосновывается предположение о существовании в позднепраславянский период восточно-западнославянского единства, в рамках которого протекали совместные языковые процессы. Отражается не только пространственное распределение лексических единиц на славянской диалектной территории, но и описываются различные уровни их временной принадлежности (от праславянского до современности). Автор делает вывод, что карты ОЛА служат ценным источником разноплановой языковой информации

Ключевые слова: славянские диалекты, лингвогеография, наименование ящерицы.

Лингвистическая карта — это довольно «специфический текст, несущий большой объем разноплановых языковых сведений, зачастую не только не известных ранее из других источников информации, но и противоречащих устоявшимся языковедческим стереотипам и постулатам» [Гриценко 2004: 86].

Особенностью лексической карты № 30 ‘ящерица’ (авт.: Д. Вуичич, В. Пыхов) 13-го выпуска лексико-словообразовательной серии ОЛА «Славянское слово в ареалогическом контексте (Животный мир)» [ОЛА СЛС 13: 172–176] является то, что она наглядно демонстрирует противопоставление в наименованиях ящерицы двух праславянских основ **guščer-* (< и.-е. **gu-sker* ‘вырывающий дыры’ [ЭССЯ 7: 179]) и **//aščer-* (‘роющий пещеры, норы’ [ЭССЯ 1: 88]), первая из которых равномерно покрывает всю южнославянскую диалектную территорию, а вторая повсеместно

распространена в диалектах западнославянской и восточнославянской языковых групп [Вендина 2023: 418, карта-схема № 157].

Лексема *G//ušČEr-ъ/guščer-ъ* (примеры приводятся в фонетической и морфонологической транскрипциях, принятых в ОЛА [ОЛА СЛС 13: 19–22, 22–23]) образует островные ареалы на северо-востоке словенских говоров, включая приграничные говоры на территории Австрии и Венгрии (штаерские — *'ku:šer*, *'ku:šer*, *'ko:ušar*, *'ko:ušar*; каринтийские — *kú:ščar*, *ʔù:ščar*, *ʔú:šar*; прекмурские — *'kuščar*, *'kušker*; горенский — *kú:šar*; доленский — *kò:ščer*; паннонский — *'kuščar*; ровтарский — *'kušer*); на северо-востоке хорватских (кайкавские — *'guščer*, *'gušer*, *'guščar*, *'kuxčér*, *'kuščer*, *'kuščar*, *'guščer*, *'kuščer*; екавские славонские — *gùščer*, *'guščer*; икавский славонский — *gùšče:r*; славонский — *gùšte:r*; икавский — *gùšter*) и востоке боснийских говоров (икавские — *gùšče:r*; иекавские восточногерцеговинские — *gùšter*, *gùštijer*; мусульманский штокавский иекавский восточногерцеговинский — *gùšte:r*; екавский восточнобоснийский — *gùšče:r*; иекавские восточнобоснийские — *gùščer*, *gùšče:r*, *gùšte:r*; мусульманский штокавский екавский восточнобоснийский *gùšter*); представлена в сербских говорах на всей территории Сербии (екавские косовско-ресавские — *gù:šter*; екавские призренско-тимокские — *'gušter*, *'guš'ter*, *'gušter*, *gù:šter*; екавские шумадийско-воеводинские — *gùšte:r*, *gùšter*; екавские смедеревско-вершакские — *gù:šter*; иекавские восточногерцеговинские — *gùšte:r*; мусульманский штокавский иекавско-екавский зетско-сенинский — *gù:šter*) и на юге Черногории (иекавские зетско-сенинские — *'gušte:r*; мусульманский штокавский екавско-иекавский зетско-сенинский *'guštar*, *'gušter*; иекавский косовско-ресавский — *'gušte:r*); равномерно покрывает диалектную территорию Северной Македонии (западные — *guščer*, *ghufčer*, *gušter*; северные — *gušter*, *'gušter*; центральномакедонские — *gušter*; восточные — *'guščer*, *'gušter*, *'guščar*, *'guštär*), включая приграничные говоры на территории Греции (эгейские юго-западные — *'guščer*; эгейские юго-восточные — *'guštär*, *'guštir*, *'gušt'er*); распространена во всех болгарских говорах (западные — *'gušter*, *'guštär*; северо-восточные — *'gušter*, *'gušt'er*, *'gušt'är*, *'gušt'er*; юго-восточные — *'gušter*, *'guštär*, *'gu:št'är*, *'gušč'är*), включая также говоры на территории Греции (юго-восточные — *'gušter*, *'gušt'är*).

Лексема *G//ušČEr-ic-a* представлена небольшим островным ареалом на западе Словении, включая приграничные говоры на территории Италии (приморские — *kú:šč'erca*, *klušterca*, *kù:ščerca*, *k'lu:ščarca*, *'ku:ščerca*; ровтарский — *'kušerca*); латеральным ареалом в хорватских говорах, который тянется узкой полосой вдоль Адриатического моря (чакавские — *'kuštariča*, *'kušterica*, *'kuščerica*, *'guščerica*, *'gušterica*, *'gušteryca*, *gušterica*; икавские — *gùšterica*, *gùštarica*; иекавский восточногерцеговинский — *gùšterica*); дисперсным ареалом в боснийских говорах (*gùščerica* — икавские, мусульманский штокавский икавский, иекавский восточнобоснийский, мусульманский штокавский иекавский восточногерцеговинский; *gùšterica* — иекавский восточногерцеговинский); в сербских говорах на территории Черногории, где она употребляется параллельно с лексемой *guščer-ъ* (*'gušterica* — иекавские зетско-сенинские, мусульманский штокавский екавско-иекавский зетско-сенинский; *gušterica* — иекавский зетско-сенинский; *gùšterica* — иекавский

восточногерцеговинский). На болгарской диалектной территории данная лексема фиксируется только в одном западном (*'gušterica*) и одном юго-восточном (*'gušterica*) говорах.

Среди диалектов западнославянской и восточнославянской языковых групп наиболее частотна лексема //ašČER-ък-а, которая равномерно покрывает диалектную территорию Чехии (*ješterka* — чешские, ганацкий, моравский; *jiščerka* — ганацкие; *ješčerka* — ганацкие, чешский, моравский, ляшский; *jiščerka* — ганацкие; *iščerka* — ганацкий; *jaščurka* — ляшский; *joščerka* — ляшский; *iščerka* — моравский; *jaščurka*, *jaščerka* — моравский; *iščurka*, *joščurka* — ляшский), восточные говоры Словакии (*jaščurka*, *jašč'urka*, *jaščurka*), всю польскую диалектную территорию (*'jješ'čorka*, *ješčorka*, *'ješčorka*, *jaščorka*, *jaščorka*, *jaščurka* — кашубские; *jascurka*, *jaščorka*, *jaščurka*, *joščorka*, *jascurka* — великопольские; *jaščurka*, *jaščurka* — новые; *jaščurka*, *jaščorka*, *jescurak'a*, *ješčurka*, *jascork'a*, *jascurka*, *jescorka*, *jascorka* — мазовецкие; *jascurka*, *jaščurka*, *joščurka* — силезские; *jaščurka*, *jascurka*, *jascorka*, *'jaščurka*, *laščurka*, *'jascurka*, *jascorka*, *jaščorka*, *jaščurka*, *jaščorka* — малопольские); составляет принадлежность большинства говоров Беларуси (*'jaščyrka*, *'jaščarka*, *'jaščartə*, *'jaščarka*, *jaščurka*, *'jaščyarka* — северо-восточные, среднебелорусские, юго-западные; *'jaščerka*, *ješčerka* — западнополесские и юго-западные; *'jaščerka* — среднебелорусский); фиксируется во всех говорах Украины (*'jaščurka*, *'jaščerka*, *'jaščarka*, *'ješčurka*, *jaščorka*, *'ješčorka*, *'jaščirka*, *'jašzerka* — полесские; *'jaščarka* — среднеполесский; *'jaščyrka*, *'jaščyrka*, *jašč'irka*, *'jaščirka*, *'jast'irka*, *'jašč'yrka*, *'jaščurka*, *jaščirka*, *'jašč'ur'ka*, *'jaščurka*, *'jašč'ulka*, *'jašč'irka*, *jaščur'ka*, *'ješč'irka*, *'jaščarka*, *'ješč'ur'ka* — юго-западные; *'jaščurka*, *'jašč'urka*, *'jaščyrka*, *'jaščarka* — юго-восточные); на территории русских говоров представляет латеральный ареал, который тянется с севера на юг вдоль восточных границ Беларуси и Украины (*'jaš:arka* — псковский; *'jaš':arka* — тверской; *'jaš:yrka*, *'jaščarka*, *'jašč'arka*, *'jaš':arka*, *'jaš':irka* — смоленские; *'jaš':erka*, *'jaš':irka* — брянские; *'jaš:yrka*, *'jaš'irka* — калужские), а также островной ареал, захватывающий говоры северного наречия и среднерусские говоры (*'jaš':erka*, *'jaščorka*, *'jaš:orka* — ладого-тихвинские; *'jaš:orka*, *'jaš:urka* — вологодские; *'jašurka*, *'jaš:erka* — новгородские).

Лексема //ašČER-ic-а свойственна большинству западных и центральных словацких говоров, включая говоры на территории Венгрии (*jaščerica*, *jašterica* — западнословацкие; *jašterica* — среднесловацкие); образует небольшой латеральный ареал вдоль побережья Балтийского моря на севере Польши (*jaščurica* — новый; *váš'čęřaca*, *vješ'čəřə* — кашубские) и незначительный островной ареал на западе Беларуси (*'jaščyryca*, *'jaščaryca*, *'jaščaraca* — юго-западные); представлена в большинстве русских говоров на территории северного и южного наречий и среднерусских говоров (*'jas':er'ic'a*, *'jaš':er'ic'a*, *'jaš':ir'ic'a*, *'jaš':ur'ic'a*, *'jaš:ur'ic'a*, *'jašor'ic'a* — архангельские; *'jašč'er'ic'a*, *'jašč'er'ic'a*, *'jaš':er'ic'a*, *'jaš:er'ic'a* — архангельские, вологодские; *'jaš't'er'ic'a* — архангельский, псковский; *'jaš':er'ic'a* — архангельский, ладого-тихвинские, русский говор на территории Карелии, вологодские,

ярославские, костромские, смоленские, брянский, новгородский, владимирско-поволжские; *'jaš':ər'ica* — архангельский, орловский, тульский, курские, владимирско-поволжские; *'jaš':ər'icə* — архангельские, ярославский, калужский, рязанский, орловский, тверской; *'jaš:er'ica* — архангельские, ладого-тихвинские, вологодские, костромские, ярославские, новгородский, псковский; *'jaš:yr'ica* — архангельские, вологодский, калужские, орловский, брянский, русский старожильческий говор на территории Эстонии, псковский, владимирско-поволжские; *'jaš:er'ica*, *'jašč'er'ica*, *'jašč'ir'ica* — ладого-тихвинские; *'jaš:ər'ica* — ладого-тихвинский, рязанский, орловский, воронежские, липецкий, псковские, новгородские; *'jaš:er'icə* — ладого-тихвинский, белгородский; *'jaš':ir'ica* — ладого-тихвинский, смоленский, тульские, брянский, липецкий, курский, белгородский, владимирско-поволжские; *'jaš:er'əca*, *'jaš'er'ic'a*, *'jašč'r'ica*, *'jaš:ur'ic'a*, *'jaš:r'ica* — вологодские; *'jaš':ər'əca*, *'jaš'er'uca*, *'jaš':er'icə*, *'jaš:el'ica* — костромские; *'jaš'ir'ica* — ярославский; *'jašč'er'ica* — ярославский, брянские; *'jašč'ər'ica* — смоленский; *'jašyr'icə* — калужский; *'jaš:əl'ica*, *'jašč'ir'icə*, *'jaš'ir'icə* — рязанские; *'jaš:ərəca* — тульский; *'jaš':irca* — тамбовский; *'jašč'e'r'ica* — брянский; *'jaš:ər'ca*, *'jaš'ər'ica* — липецкие; *'jaš':ir'əca*, *'jaš':ər'isə*, *'jašč'ir'ica* — курские; *'jašč'er'isa* — белгородский; *'jašč'er'ica*, *'jašč'er'ica*, *'jaš':or'icə*, *'jašur'ica* — новгородские; *'jaš':ərca*, *'jaš:er'ica* — псковские; *'jaš:ər'icə* — псковский, новгородский, владимирско-поволжские, рязанский, тамбовский; *'jaš:ər'icə* — псковский, тульский; *'jaš':ir'icə* — псковский, владимирско-поволжские, калужский, рязанский, тульский, орловский; *'jaš:yr'icə* — псковский, рязанский, орловский; *'jaš':ər'əca*, *'jaš':ər'əca*, *'jaš'ər'icə*, *'jaš'er'icə*, *'jaš':ir'əca*, *'jašč'ir'icə*, *'jašč'ər'ica*, *'jašč'ər'ica*, *'jaš':ər'icə*, *'jaš':er'icə*, *'jaš':er'ica*, *'jaš:yr'ic'a* — владимирско-поволжские; *'jaš:ar'ica* — владимирско-поволжский, брянский).

Остальные лексемы, распространенные в различных славянских диалектах, имеют, как правило, небольшие или даже микроареалы.

Разделение Славии по линии север — юг просматривается и на ряде других карт лексико-словообразовательной серии ОЛА: север *съ-čest-ьj-e* ~ юг *съ-гѣт-j-a*, *съ-гѣт-j-a* [ОЛА СЛС 10: 52; Вендина 2023: 408]; север *baran-ъ* ~ юг *ов-ьп-ъ* [ОЛА СЛС 2: 60; Вендина 2023: 284]; север *soš-ьп-j-a* ~ юг *boг-ъ* [ОЛА СЛС 3: 33; Вендина 2023: 414] и др. О таком разделении свидетельствуют и факты праславянской фонетики (например, судьба сочетаний *ort, *olt в позиции начала слова или явление аккомодации сонанта предшествующему гласному переднего ряда в интерконсонантных сочетаниях *tʏrt, tʏlt [ОЛА СФГ 1994]. Тогда как противопоставление по линии запад — восток практически не прослеживается. И эта ареальная картина, по мнению Т. И. Вендиной [Вендина 2023: 134], заставляет по-новому взглянуть на проблему эволюции праславянской языковой общности, в частности на первоначальное деление ее на западную и восточную группы [Бернштейн 1961: 68].

«Наличие обширных ареалов, локализующихся в северной Славии и противопоставляющих северную Славия южной, — пишет Т. И. Вендина, — невольно наталкивает на мысль о существовании в позднепраславянский период восточно-

западнославянского единства, в рамках которого протекали совместные языковые процессы» [Вендина 2023: 134–135].

На лексических и лексико-словообразовательных картах ОЛА представлено не только пространственное распределение лексических единиц на территории Славии, но и отражаются различные уровни их временной принадлежности. М. А. Бородина писала: «На лингвистической карте, являющейся как бы фотоснимком синхронного среза, проецируются все периоды истории языка, вплоть до самых отдаленных эпох» [Бородина 1966: 9].

Так, на анализируемой карте можно выделить хронологический слой, свидетельствующий о достаточно хорошо сохранившихся фрагментах праславянской древности. Это, например, лексемы //aščEr-ть (*jaščer*, *ješčer* — нижнелужицкие; *jascʰor* — малопольский; *ʲjaščyr* — белорусский северо-восточный; *jaščir* — украинский говор на территории Румынии; *ʲjaščer* — русский старожильский говор на территории Литвы, *ʲjašur* — архангельский, *ʲjašʹir* — рязанский), //aščEr-ь (*jaščʹurʹ* — украинский юго-западный), //aščEr-a (*hiščʹera*, *ješčʹera* — чешские ганацкие; *jaščʹora*, *jaščʹura* — великопольские; *jascura*, *jaščura* — малопольские; *ʲjašʹ:era*, *ʲjašʹ:əra* — среднерусские новгородские и *ʲjašʹ:ыra* — псковский), G//uščEr-ть (приведенные выше примеры из диалектов южнославянской группы), *guščer-ь* (*ʹguščerʹ*, *ʹgu:ščerʹ* — болгарские юго-восточные), имеющие индоевропейские соответствия, наименования с праславянскими корнями *vert-*, *zel-*, *zmbJ-*, *slěp-*.

Ко второму слою относятся новообразования эпохи самостоятельного развития славянских диалектов, о чем говорит прежде всего вторичный характер структуры этих лексем, являющихся производными не только второй, но и последующих ступеней производности, что само по себе доказывает их позднее образование: //aščer-ič-ьk-a (*jaščerička*, *aščerička* — западно-словацкие); //aščer-ьk-ьk-a (*ʲjašʹ:əřčʹkə* — среднерусский тверской); //aščer-ov-ic-a (*ʲješčʹerovʹicʹa* — севернорусский архангельский); *vert-en-ic-a* (южнорусские: *vʹirʹtʹiʹnʹica* — калужский; *vʹirʹtʹaʹnʹica* — тульский, липецкий, курский; *vʹirʹitʹiʹnʹica*, *vʹerʹətʹiʹnʹicə* — орловские; *vʹərʹtʹaʹnʹica*, *vʹirtʹaʹnʹisa*, *vʹərtʹaʹnʹica*, *vʹerʹtʹəʹnʹica* — курские; *vʹertʹaʹnʹica* — воронежский; *vʹirtʹaʹnʹicə*, *vʹirtʹiʹnʹica* — белгородские); *vert-en-ix-a* (*vʹerʹetʹeʹnʹixa* — севернорусский вологодский); *vert-yl-ьn-ic-a* (*vereʹtʹilʹnycʹa* — юго-западный украинский; *vʹerʹeʹtʹelʹnʹicʹi* (Npl), *vʹerʹeʹtʹelʹnʹicʹa*, *vʹerʹeʹtʹelʹnʹica* — севернорусские архангельские); *zel-en-ьс-ь* (словенские: *ʹze:lenec* — приморский, *zeljenc* — доленский); *zel-eN//ьс-ь* (*zelémbac*, *zelémbac* — хорватские икавские); *slěp-ač-ьk-a* (*sʹʹiʹpačka* — юго-западный украинский); *kyš-ьn-ь=al-ьk* (*kì:šnao:k* — боснийский мусульманский штокавский икавский); *děž-ьv-en-al-ьk-ь* (*dižveňao:k* — боснийский мусульманский штокавский икавский).

К этому же слою относятся и иноязычные заимствования, которые оформлялись с использованием продуктивных славянских словообразовательных моделей: из финно-угорских языков — (*žižel*)-ь=ux-a (*žyžeʹlʹuxa* — севернорусский говор на территории Карелии), (*žuželk*)-a (*ʹžužolka* — севернорусский архангельский), (*ʹžižlik*)-ь (*ʹžyžlʹik* — севернорусский ладого-тихвинский), (*žižnik*)-ь (*ʹžyžnʹik* —

севернорусские ладого-тихвинский и архангельский), (šizlik)-ъ ('šyžl'ik — ладого-тихвинский и вологодский, šyžl'ik — севернорусский говор на территории Карелии), (meščer)-ък-а ('m'eš:erka, 'myš:orka, 'm'eš:orka — севернорусские ладого-тихвинские, 'm'eš:arka — среднерусский псковский), (meščer)-ic-a ('m'eš:ar'icə — среднерусский псковский), (neščer)-ък-а ('n'eš:arka, 'n'eš:erka — севернорусские ладого-тихвинские); (ajdeč)-ък-а ('ajdečka — польский кашубский) — от нем. Eidechse 'ящерица'; (martin)-ъč-ък-ъ (словенские: marti:nčk — горенский, ровтарский; mǝrti:nčək — доленский; mar'ti:nčək — белоукраинский; mar'tejnčək — штаерский) — от лат. Martinus.

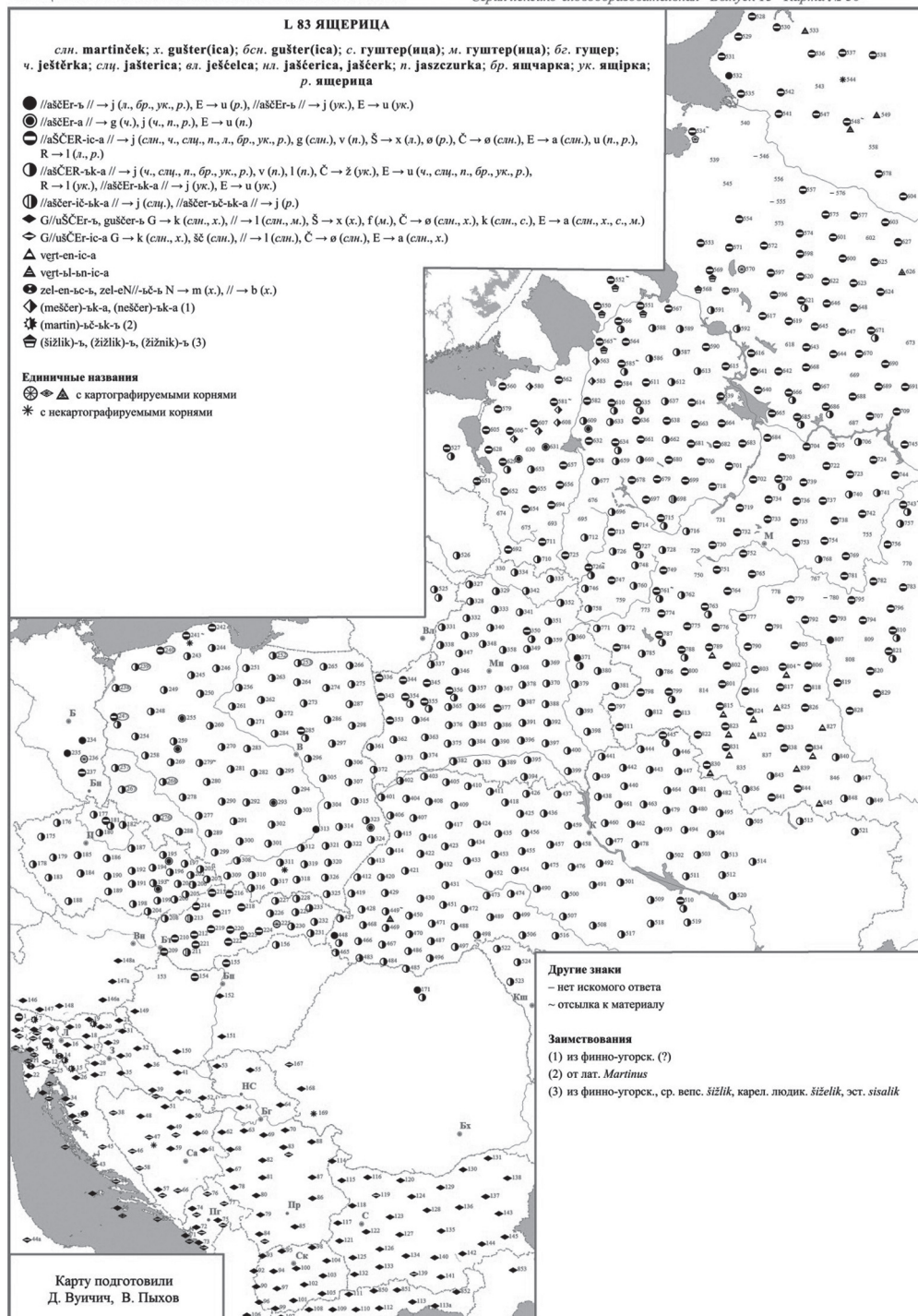
Итак, рассмотренный материал наглядно показывает, что карты ОЛА содержат в себе многоуровневую языковую информацию.

Разделение славянской диалектной территории по линии север — юг, представленное не только на анализируемой карте, но и на целом ряде карт лексико-словообразовательной серии, а также на картах фонетико-грамматической серии ОЛА, дает основание по-новому взглянуть на проблему эволюции праславянской языковой общности, в частности на первоначальное разделение ее на западную и восточную группы, а также выдвинуть предположение о существовании в позднепраславянский период восточно-западнославянского единства, в рамках которого протекали совместные языковые процессы.

«Карта, являясь пространственной проекцией элементов языковой системы диалектов, позволяет исследователю описать формирование диалектных различий в их исторической перспективе, поскольку фактор пространства всегда неразрывно связан с фактором времени... Это, соответственно, означает возможность стратификации диалектного материала в пространственно-временном аспекте, разграничения архаизмов и инноваций, определения центров иррадиации новых явлений» [Вендина 2014: 11].

Литература

- Бородина М. А. Проблемы лингвистической географии. М., 1966.
- Вендина Т. И. Типология лексических ареалов Славии. М.-СПб., 2014.
- Вендина Т. И. Онтология лингвистической карты. М.-СПб., 2023.
- ОЛА СФГ 1994 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 3. Рефлексы *ъг, *ьг, *ьл, *ьл / Научн. ред. Я. Басара. Варшава, 1994.
- ОЛА СЛС 2 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 2. Животноводство / Научн. ред. Б. Фалиньска. Варшава, 2000.
- ОЛА СЛС 3 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 3. Растительный мир / Гл. ред. А. И. Подлужный. Минск, 2000.
- ОЛА СЛС 10 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 10. Народные обычаи / Отв. ред. Т. И. Вендина. М.-СПб., 2015.

ОЛА СЛС 13 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-слово-образовательная. Вып. 13. Славянское слово в ареалогическом контексте (Животный мир) / Отв. ред. Т. И. Вендина. М.-СПб., 2024.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под. ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева (вып. 32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39), А. Ф. Журавлева и Ж. Ж. Варбот (вып. 40), Ж. Ж. Варбот (вып. 41–). Вып. 1–42–. М., 1974–2021–.

V. A. Pykhov

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
pyhov2007@yandex.ru*

MAPS OF THE COMMON SLAVIC LINGUISTIC ATLAS AS A SOURCE OF MULTIFACETED LINGUISTIC INFORMATION

The article deals with a map ‘lizard’ from “The Animal World” volume (lexical and word formation series). It’s highlighting the dialectal names for the lizard and presenting their territorial localization. Based on the study of materials from other maps in this series, supported by data from Proto-Slavic phonetics found in published issues of the phonetic-grammatical series of the Atlas, we establish a division of Slavia along a north-south line. Also we propose a hypothesis regarding the existence of an East-West Slavic unity during the late Proto-Slavic period, within which joint linguistic processes are occurred. The article reflects not only the spatial distribution of lexical units across the Slavic dialectal territory but also describes various levels of their temporal affiliation (from Proto-Slavic to the present day). We made a conclusion that the OLA maps serve as a source of diverse linguistic information.

Keywords: Slavic dialects, linguistic geography, russian dialects, name of lizard.

References

Borodina M. A. *Problemy lingvisticheskoy geografii* [Issues of the Linguistic Geography]. М., 1966.

Etimologicheskij slovar' slavyanskikh jazykov. Praslavyanskij leksicheskiy fond [The Etymological Dictionary of Slavic Languages: Proto-Slavic Lexical Stock] / Pod. red. O. N. Trubacheva (Vyp. 1–31), O. N. Trubacheva i A. F. Zhuravleva (Vyp. 32), A. F. Zhuravleva (Vyp. 33–39), A. F. Zhuravleva i Zh. Zh. Varbot (Vyp. 40), Zh. Zh. Varbot (Vyp. 41–). Vyp. 1–42–. М., 1974–2024–.

*Obshheslavjanskij lingvisticheskij atlas. Serija fonetiko-grammaticheskaja. Vyp. 3. Refleksy *br, *br, *bl, *bl* [The Slavic Linguistic Atlas. Phonetic and Grammatical Series. Vol. 3 Reflexes *br, *br, *bl, *bl] / Nauchn. red. Ja. Basara. Warszawa, 1994.

Obshheslavjanskij lingvisticheskij atlas. Serija leksiko-slovoobrazovatel'naja. Vyp. 2. Zhivotnovodstvo [The Slavic Linguistic Atlas. Lexical and Grammatical Series. Vol. 2. Farming] / Nauchn. red. B. Falin'ska. Warszawa, 2000.

Obshheslavjanskij lingvisticheskij atlas. Serija leksiko-slovoobrazovatel'naja. Vyp. 3. Rastitel'nyj mir [The Slavic Linguistic Atlas. Lexical and Grammatical Series. Vol. 3. The Plant World] / Gl. red. A. I. Podluzhnyj. Minsk, 2000.

Obshheslavjanskij lingvisticheskij atlas. Serija leksiko-slovoobrazovatel'naja. Vyp. 10. Narodnye obychai [The Slavic Linguistic Atlas. Lexical and Grammatical Series. Vol. 10. Folk Customs] / Otv. red. T. I. Vendina. M., SPb., 2015.

Obshheslavjanskij lingvisticheskij atlas. Serija leksiko-slovoobrazovatel'naja. Vyp. 13. Slavjanskoe slovo v arealogicheskom kontekste (Zhivotnyj mir) [The Slavic Linguistic Atlas. Lexical and Grammatical Series. (The Animal World)] / Otv. red. T. I. Vendina. M.-SPb., 2024.

Vendina T. I. *Tipologija leksicheskikh arealov Slavii* [Typology of Lexical Areas of Slavia]. M., SPb., 2014.

Vendina T. I. *Ontologija lingvisticheskoy karty* [Ontology of the Linguistic Map]. M., SPb., 2023.

М. Н. Шевелёва

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
mnsheveleva@mail.ru*

О ДАТЕЛЬНОМ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ И В СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ГОВОРАХ

Статья посвящена употреблению дательного падежа принадлежности в древнерусских памятниках в сравнении с современными русскими говорами. Дательный падеж принадлежности в древнерусских памятниках связывают обычно с книжной, т. е. генетически южнославянской традицией, однако, как выяснилось, посессивное употребление дательного падежа в составе именных и предикативных конструкций было известно не книжным текстам, причем разной диалектной локализации — как древненовгородским, так и южнодревнерусским; можно полагать, что это архаическое употребление было общедревнерусским, но регулярно оно представлено только у энклитических местоимений 1–2 лица, на юге Руси — возможно, также у местоимения 3 лица. Эти данные согласуются с показаниями современных говоров, где посессивные конструкции с дательным падежом фиксируются спорадически в разных говорах без определенной локализации, как северных, так и южных, причем в некоторых недавно описанных системах — с формами личных местоимений. Посессивное употребление дательного падежа существительных, вероятно, уже в древнерусскую эпоху было архаичным и диалектно ограниченным, что не исключает реликтового сохранения таких конструкций по говорам до наших дней.

Ключевые слова: дательный падеж принадлежности, древнерусский язык, русские говоры, именные и предикативные посессивные конструкции

В современных русских говорах конструкции с Д. п. принадлежности, практически отсутствующие ныне в литературном языке, фиксируются спорадически в говорах разной локализации — северных (особенно в архангельских), западных и южных (псковских, тверских, курских, орловских, южнорусских говорах на территории Воронежской и Белгородской областей и др.) [Кузьмина 1993: 44–45; Категория посессивности 1989: 153]. В работе И. Б. Кузьминой собран имеющийся материал из диалектологических описаний конца XIX — начала XX в. и середины

XX в., показывающий, что посессивные конструкции с Д. падежом — приименные и предикативные — разбросаны на широкой территории и «не имеют в русских говорах определенной локализации» [Там же: 45] (впрочем, большая часть материала, как отмечает Кузьмина, принадлежит архангельским говорам, обращает на себя внимание также значительное число примеров из говоров западных и юго-западных).

Ср. **приименные конструкции** с Д. падежом принадлежности (выражающие как собственно актуальную принадлежность, так и «предназначенность, отнесенность к кому (чему)-нибудь» [Там же: 44]):

хозяин дому, номер улице, церковь Спасу да Ивану, праздник Афанасьям, Петрам, Покровам, Успеньям, Стретеньям и т. д., моёму-то мужу сёстра, брат ему (арх.), Ильи Пророку праздник (новг.), мужу брат приехавши (пск.), я ня вижу морю дна (орл.), у ниво парок сердцу (брян.) [Кузьмина 1993: 44–45], сын Анне, жала пчале, помощник бригадиру (курск.) [Категория посессивности 1989: 153] и др.;

предикативные конструкции с именем посессора в Д. п.:

мне там доцька есь (арх.), именины были Володе-пареньку (лен.), моей-то бабушке есь в Воронкове подружка (яросл.), ему горячка была, Тамарка мне не крещёна, тебе нет мамы (тверск.), мне время нет (Зарасайск. р-н Литвы), яму бачка балят (брян.) и под. [Кузьмина 1993: 45].

Подобные структуры встречаются и в украинских и белорусских говорах, особенно широко при предикатах с семантикой болезни и боли (типа *мне баліць галава*) — конструкции, характерные для вост.-слав. диалектов западной локализации [Там же; Лопатина 1998; Манусов и др. 2024].

Недавнее исследование псковского говора Западнодвинского района Тверской области также обнаружило наличие предикативных посессивных конструкций с Д. п., ср.: *Мне* была фамилия Ильина, а сейчас по мужу Петрова; *Мне* дома было больше сорока цветов; а *мне* сейчас еще с прошлого года есть; *В тридцать девять лет он мне* помер, *Мне* был парень хороший и др., — конкурирующих с конструкцией у + Р. п., ср. в одном контексте: *У меня* тоже была корова. *Мне* было две даже [Ронько и др. 2023: 253–255]. Как кажется, представленные конструкции синтаксически и семантически не вполне однородны (как, впрочем, и примеры предикативных посессивных конструкций в [Кузьмина 1993]): среди них есть и собственно конструкции принадлежности-обладания, и более сложный тип посессивного отношения, определяемый А. В. Циммерлингом как «объект распоряжения», характеризующийся нахождением в сфере ответственности субъекта [Циммерлинг 2021: 315–318], часто связанный с его родственными и социальными связями (ср.: *в тридцать девять лет он мне* помер), и конструкции с зависимостью Д. п. обладателя от управляющего глагола (ср.: *те* все мозги высохнут) (см. примеры [Ронько и др. 2023]). По данным названного исследования, в системе того же говора не менее употребительно выражением посессора предложно-падежным сочетанием у + Р. п. [Там же: 255]; в ряде контекстов конструкции с Д. п. и у + Р. п.,

кажется, синонимичны (см. выше пример их конкуренции в одном контексте), однако не исключено, что в случае двухактантной модели между ними возникает распределение ролей, ср. пример: *А мне у дочки есть мёд* [Там же], где у + Р. п. выражает собственно значение обладания, а Д. п. посессивный — принадлежность сфере ответственности субъекта, ср. приводимый Циммерлингом аналогичный пример двухактантной конструкции современного литературного языка: *У меня тут у жены нога заболела* [Циммерлинг 2021: 315].

Современная русская литературная норма во всех этих случаях употребления Д. п. принадлежности знает только способ выражения посессора с помощью показателя у + Р. п. В говорах этот способ тоже является основным — по-видимому, даже для тех говоров, где есть возможность выражения предикативного посессивного отношения с помощью Д. п. принадлежности, однако Д. п. в такой роли, как мы видим, все же используется. Кроме того, напомним, по говорам известны и приименные конструкции с Д. п. принадлежности.

В отношении употребления Д. п. принадлежности СРЛЯ отличается от большинства славянских языков — как древних, так и новых, где дательный принадлежности как в именных, так и в глагольных конструкциях употребляется значительно шире, чем в современном русском (см., например [Категория посессивности 1989: 170–173, 193–194 и др.]). При этом в книжной традиции и в литературном языке раннего нового времени — еще в начале XIX в. — посессивный Д. п. употреблялся шире, чем сейчас [Там же]. Обычно это литературное употребление связывают с книжной церковнославянской традицией, восходящей к старославянской, т. е. считают генетическим южнославянизмом [Там же: 152–153, см. там же обзор литературы]. Однако имеющиеся диалектные данные заставляют в этом усомниться — ср. замечание И. Б. Кузьминой по поводу наличия подобного употребления в древнерусском и старорусском языке, предполагающее трактовку диалектных конструкций с Д. п. принадлежности как сохраненного по говорам архаизма, восходящего к праславянской эпохе [Кузьмина 1993: 45]. Данные древнерусских не книжных текстов это предположение подтверждают.

Как выяснилось, в древнерусских не книжных текстах обнаруживаются конструкции с Д. п. принадлежности, причем встречаются они как в новгородских берестяных грамотах (и в берестяных грамотах не новгородского происхождения), так и в южнорусских источниках — прежде всего, в прямой речи светских лиц в Киевской летописи (КЛ), известной широким отражением черт не книжного синтаксиса [Зализняк 2008: 23–24]. Именно эти памятники А. А. Зализняк характеризовал как образцовые с точки зрения близости к живому древнерусскому языку в области синтаксиса — в сфере поведения древнерусских энклитик (вопрос о местоименных энклитиках в связи с проблемой посессивного Д. п. для нас принципиально важен, см. об этом ниже). Обратим сразу внимание на то, что диалектных различий в отношении наличия конструкций с Д. п. принадлежности между севером и югом древнерусской территории не обнаруживается, что соответствует и данным современных говоров: как мы видели, конструкции с посессивным Д. п. встречаются и в севернорусских говорах (особенно в архангельских, известных

сохранением разнообразных архаизмов), и в современных южнорусских и западных среднерусских.

В новгородских берестяных грамотах конструкции с Д. п. принадлежности встречаются нечасто, но вполне надежные примеры такого употребления все же есть, причем представлены они как в грамотах ранних, так и в позднедревнерусских (XIV в.). При этом все отмеченные здесь случаи такого употребления — с Д. п. личных местоимений 1–2 лица в энклитической форме (*ми*, *ти*) — ср. данные описанного в [Ронько и др. 2023] псковского говора, где посессивные конструкции с Д. п. посессора фиксируются только с личными местоимениями, в большинстве случаев с местоимением *мне* [Там же: 253–255]. Как и в описанном говоре [Там же: 253], примеров подобных конструкций с Д. п. существительных в новгородских берестяных грамотах не зафиксировано.

Случаев **именных конструкций** с Д. п. посессора в берестяных грамотах очень мало, наиболее очевидный принадлежит ранней грамоте № 798:

*оу котораго **ти** сыноу вър[ь]шь повели оти Ѡьдада дати Марене* ‘Тому из твоих сыновей, у которого есть зерно (букв.: у которого твоего сына зерно), прикажи, чтобы отдали дань Марене’ (№ 798 XII в. [Зализняк 2004: 321]).

Трактовка здесь словоформы *ти* как личного местоимения (букв. ‘тебе’, т. е. ‘у которого тебе сына зерно’) наиболее вероятна — ср. перевод А. А. Зализняка, ср. также типичную для славянских языков, особенно для южнославянских (болг., серб., хорв., словен.), подобную «архаичную посессивную конструкцию» с энклитическими личными местоимениями при существительных со значением родства типа *сестра ми*, *жена му* (серб.), *майка ти*, *снаха ми* (болг.) и под. [Молошная 1986; Категория посессивности 1989: 117–118]. Употребительной оказывается такая конструкция с терминами родства и в КЛ XII в. — см. ниже.

В прочих случаях именных конструкций с Д. п. принадлежности в берестяных грамотах посессивное значение осложнено семантикой предназначенности (бенефактива), ср. пример из грамоты № 934, где посессивное местоимение *ти* соотносится не только с именем обладаемого *сын<ь>*, но и с глаголом *выправиле*, который этим именем управляет:

*Иди око стол во гъродь выправиле **ти** есмъ сыно съ Гавошею* ‘Иди медленно в город: я выручил твоего (букв.: тебе) сына с Гавшей’ (№ 934 XII/XIII вв. [Там же: 410]).

Предикативных посессивных конструкций с Д. п. в берестяных грамотах больше, чем именных (обратим внимание, кстати, что и в описанном в [Ронько и др. 2023] псковском говоре отмечены именно конструкции предикативной посессивности); встречаются они как в ранних, так и в поздних берестяных грамотах. Наиболее надежные примеры:

*присли привитъкоу и повои ци **ти** многи повои а присли и до Ѡ.ти повои* ‘Пришли привитку и повоев (или: повой). Если у тебя повоев много, то пришли их до пяти штук’ (№ 717 XII в. [Зализняк 2004: 396]);

како приде сѧ грамота. тако пришли ми цоловъкъ на жерепѣ. зане **ми** здѣсе дѣлъ много 'Как придет эта грамота, пришли мне человека на жеребце, потому что у меня здесь дел много' (№ 43 кон. XIV в. [Там же: 651]).

Ср. сходные примеры со значением предикативной посессивности из ранней и из поздней грамот:

цето **ти** воудоро: цето **ти** церѣмени: цето **ти** роудавещене: и голоубине добре... '[Всё], сколько у тебя есть выдр, сколько у тебя есть красной ткани, сколько у тебя есть хорошей красно-бурой и голубой ткани...' (далее следовало указание, что со всем этим товаром нужно сделать) (№ 713 1 четв. XIII в. [Зализняк 2004: 426]);

что **ми** кобыл[ѣ]ке и ѿв. рублѧ вѣдатис[ѧ бра](т)иши можи 'Что касается моих кобылок и двух рублей (т. е. тех, которые у меня есть. — М. Ш.), то производить расчет братьям моим' (№ 42 XIV в. [Там же: 619]).

Такие посессивные конструкции были, несомненно, живому древненовгородскому диалекту известны и, видимо, даже вполне употребительны.

Некоторые примеры из берестяных грамот допускают двоякую интерпретацию: форма **ти** в них может быть как личным местоимением, так и удостоверительной частицей; ср., например, указание на двоякую трактовку в переводе и комментарии А. А. Зализняка к грамоте № 731:

нѣ ли **ти** тамо повоица, а кръвоиши присоли 'Если же у тебя там нет повоинчика, то купи и пришли (или: если же там нет)' (№ 731 сер. XII в. [Зализняк 2004: 392]) — так же в грамоте № 8 и некоторых др.

По всей вероятности, за счет хотя бы части таких неоднозначных примеров число случаев предикативных конструкций с Д. п. принадлежности в берестяных грамотах может быть увеличено.

Как и в современных говорах, конструкции с посессивным Д. п. сосуществуют в материале грамот с основной древнерусской предикативной конструкцией принадлежности у + Р. п., более употребительной и с более широким спектром значений (см., например [Шевелева 2019: 40–43]), — сфера употребления посессивного Д. п. более ограниченная. Примеров двухактантных моделей типа диал. *мне у дочки есть мед*, лит. *у меня у жены нога заболела* (см. выше) в материале берестяных грамот не зафиксировано.

Имеется пример предикативной конструкции с Д. п. принадлежности из смоленской берестяной грамоты, свидетельствующий о распространении рассматриваемых конструкций не только в диалекте древнего Новгорода, — и опять перед нами конструкция с личным местоимением 1 л. в энклитической форме:

да же **ти ми** боудете дѣбр[о] (а) прислоу ти... 'Если же у меня (все) будет хорошо, то я пришлю тебе...' (Смол.12, XII в. [Зализняк 2004: 344–345]).

Как и в современном псковском говоре (см. [Ронько и др. 2023]), в этих древнерусских примерах из бытовых грамот нет случаев собственно посессивного значения

с Д. п. существительных — только с личными местоимениями, но при этом в древних грамотах все надежные примеры представлены с энклитическими формами таких местоимений. Полноударные формы в древнерусских не книжных текстах семантически и синтаксически маркированы: в отличие от нейтральных энклитических вариантов, их выбор часто связан с противопоставлением/сопоставлением или эмфазой, т. е. смысловым выделением [Зализняк 2008: 130–133]. В берестяных грамотах полноударные формы Д. п. личных местоимений также могут выступать в значениях из сферы посессивности, однако более широкой, чем собственно значение принадлежности, — в них в большей степени актуализирован семантический компонент предназначенности (бенефактива), связанный с исконной семантикой Д. п. как падежа адресата. Ср. некоторые примеры:

*а кодѣ ти **мнѣ** хлѣбъ. ту и **тобѣ*** (№ 731, сер. XII в.) ‘А где мне хлеб, там и тебе’ = ‘где у меня есть пропитание, там и ты будешь сыта’ [Зализняк 2004: 392];

*а не сестра **а** **вамо** оже тако дѣлаете* (№ 644, 10-е–20-е гг. XII в.);

*А попърѣтишь, **да** **боудѣ** ни **тобе** ни **мѣне**...* (№ 1061, 1160–1180 гг.) ‘А попортишь, так будет ни тебе, ни мне...’ [НБГ XII: 163] и др.

Ср. то же в вологодской грамоте XIV в.:

*посла:лъ с тобою **къ** рубле : · ко самѣлу · рубле : **ни мнѣ** рубл.:**а** : **ни мнѣ** **проторѣвъ*** (Вол. 1, 1320–1340) ‘Я послал с тобой рубль — к Самойлу рубль. И нет у меня ни рубля, ни проторов’ [Кукушкин, Гиппиус, Зализняк 2018: 165, 167, 169].

Видимо, семантическая маркированность полноударных форм, обусловленность их выбора смысловым выделением исконно препятствовала развитию значения этих форм в собственно посессивное и «затемнению» прочих семантических компонентов, как это было возможно для энклитических форм. Последующее разрушение системы древнерусских энклитик и утрата акцентно самостоятельными вариантами экспрессивной маркированности [Зализняк 2008: 265] приводит к замене энклитик *ми*, *ти* в роли Д. п. принадлежности на ставшие нейтральными формы *мне*, *тебе*, что мы и находим в современных диалектных примерах. Однако употребление это сохраняется, как мы сейчас видим, не повсеместно, а реликтивно по говорам. В древнерусскую же эпоху, как можно полагать, энклитические формы личных местоимений в роли Д. п. принадлежности употреблялись на всей восточнославянской территории.

Основание для этого предположения дает прежде всего Киевская летопись XII в., где посессивные конструкции с Д. п. вполне употребительны, при этом, как и в берестяных грамотах, — с местоименными энклитиками.

Обратим внимание, что в КЛ частотны именные конструкции с Д. п. принадлежности при терминах родства — в берестяных грамотах такие примеры есть, но они единичны (см. выше), тогда как в южнорусской КЛ это преобладающий тип посессивной конструкции с Д. п. Ср. примеры:

*И постиже вѣсть Мъстислава за Каневомъ. **братъ** **ти** велми неможесть* (КЛ, 1170 г., 192в) ‘твой брат тяжело болеет’;

брата** **ти** Романа бѣ **попаль (КЛ, 1180 г., 217а);

Пождь страпать ѿца ти есмы али (КЛ, 1173 г, 201а) ‘твоего отца мы взяли в плен’;

а сама паки хотѣлъ ти сна яти Киевѣ (КЛ, 1161 г., 183г);

Стрыи ти оумерлъ (КЛ, 1164 г., 186г) ‘твой дядя умер’;

И бы^с ему вѣсть. братъ ти оумерлъ Вячеславъ (КЛ, 1154 г., 171б);

Мъстиславъ же крѣпко прашеся по Климѣ река тако. не будет Костантинъ въ митрополю зане клалъ ми ѿца (КЛ, 1159 г., 180б) ‘потому что проклинал моего отца’ и др.

Такие конструкции с энклитическими личными местоимениями при терминах родства, как мы уже говорили, хорошо известны в славянских языках (см. выше). В КЛ они представлены в отражающей черты живого языка прямой речи в полном соответствии с правилами расположения энклитик, бесспорных примеров более десятка, т.е. они достаточно регулярны. Учитывая представленность этой «архаичной посессивной конструкции» в славянском мире и данные берестяных грамот (см. выше), есть все основания предполагать наличие ее в живом древнерусском языке¹.

Случаи предикативных посессивных конструкций с Д. п. в КЛ несколько менее частотны, но есть довольно явные примеры актуальной принадлежности, сходные с примерами берестяных грамот, ср.:

пережду и ѿце мало вѣм.а. суть ми шрудыица ‘есть у меня дела (делишки)’ (КЛ, 1168 г., 189г) — ср. в берестяной грамоте № 43 (XIV в.): *зане ми здѣсе дѣлъ много*;

есть ми к тобѣ орудие (КЛ, 1161 г., 183б);

а ты са прави с кимъ ти ѿбида есть (КЛ, 1149 г., 140б);

была бо ми мысль на пострижение (КЛ, 1146 г., 124б) и др.

Все эти примеры, как и случаи с приименными конструкциями при терминах родства, — также с энклитическими личными местоимениями *ми*, *ти*. По всей видимости, именно местоименные энклитики Д. п. регулярно употребляются в древнерусском языке в посессивном значении — как в северо-западной зоне, так и в южнодревнерусской.

Полноударные формы личных местоимений, как и в берестяных грамотах, обычно связаны с противопоставлением или иным смысловым выделением, посессивное значение у них практически всегда осложнено значением предназначенности — очевидно, смысловое подчеркивание актуализирует основное значение Д. п. как падежа адресата, ср. с приведенными выше примерами из берестяных грамот:

мнѣ ѿѿина Киевъ а не тобѣ (КЛ, 1155, л. 172);

да ни мнѣ буде^т Переяславъ ни тобѣ Кieва (КЛ, 1154 г., 170г) и др.

¹ Заметим, что такое предположение по отношению к употребительным в Киевской и Галицко-Волынской летописях конструкциям с энклитическими личными местоимениями при терминах родства высказывал А. Б. Правдин, в целом объяснявший Д. п. принадлежности в древнерусских текстах преимущественно за счет книжной традиции [Правдин 1957: 110]. Имеющиеся у нас теперь данные берестяных грамот и сходство их с данными КЛ это вполне подтверждают.

В КЛ в посессивных конструкциях с Д. п. встречается также местоимение 3 л. *ему*, ср. приименные конструкции с терминами родства:

В то же время престаивльсѧ блшеть братъ ему мѣньшии (КЛ, 1173 г, 2006);

и положиша тѣло его оу стго Феодора идеже ему ѿць лежитъ (КЛ, 1170, 192г; Х.П. *его*);

Приде вѣсть к Ростиславу в Киевѣ вже ему тать снѣ Новѣгородѣ (КЛ, 1161 г., 182г) и др.

В берестяных грамотах таких примеров нет — в притяжательном значении регулярно используется Р. п. этого местоимения, ср.: *сыноу ѿго грвна* (№ 926, XII в. [НБГ XII: 19]), *на Илинархи и на его брати на Ивани* (№ 1122, XV в. [Гиппиус 2021: 68]) и др.

Все примеры КЛ с Д. п. принадлежности *ему* фиксируются не в прямой речи, а в летописном нарративе, причем некоторые из них достаточно книжные, — можно было бы отнести такое употребление за счет книжной традиции, однако есть подобный пример из Русской Правды (РП) с местоимением *имѣ*, подтверждающий возможность посессивных конструкций с местоимением 3 л. в некнижном древнерусском языке:

Аже будутъ въ дому дѣти малы, а нед(у)жи ся будутъ сами собою печаловати, а мати имѣ поидеть за мужь...(РП, л.626 [Правдин 1957: 108]).

В современных южнославянских языках местоимение 3 л. употребляется в таких посессивных конструкциях наряду с местоимениями 1–2 л. (ср. болг. *брат му*, серб. *жена му*, *брат јој* и под. [Категория посессивности 1989: 117–118]), причем с превращением этих форм в энклитики. В древнерусских текстах тенденция к энклитизации таких форм с надежностью не прослеживается, но не исключена [Зализняк 2008: 167–168]; в части примеров КЛ (как и в примере РП) позиция словоформы *ему* соответствует позиции энклитики, но это наблюдается не всегда, тем более в книжных контекстах (ср. примеры выше). По-видимому, посессивное употребление местоимения 3 л. способствовало развитию его в энклитику, какими были формы Д. п. принадлежности местоимений 1–2 л., — скорее всего эта тенденция была характерна для живого древнерусского языка². Однако для древненовгородского диалекта такое употребление не фиксируется — возможно, на северо-западе оно было рано утрачено.

В КЛ встречаются случаи употребления Д. п. *ему* и в предикативных посессивных конструкциях, некоторые из них находят соответствия в современном диалектном материале, ср.:

блшеть емоу тѧжа с Рюрикомъ (КЛ, 1190 г., 232);

² Вряд ли примеры посессивного употребления местоимения *ему* из южнорусских летописей следует относить исключительно за счет книжной традиции — ср. пример с местоимением 3 л. из Русской Правды, ср. ниже диалектные соответствия предикативных посессивных конструкций с этим местоимением.

бѣ же **ему** болѣзнь крѣпка (КЛ, 1172 г., 199в.), бы^с **ему** болѣзнь зла (КЛ, 1174 г., 205б) — ср.: **ему** горячка была [Кузьмина 1993: 45] и др. контексты с предикатами болезни и боли (см. выше); **ему** было два юбилея: **ему** и **ей** [Ронько и др. 2023: 255].

Проблему составляет вопрос о Д. п. принадлежности существительных. В диалектных записях из северных и из южнорусских говоров такие примеры есть как для именных, так и для предикативных конструкций [Кузьмина 1993: 44–45 и др.] (см. примеры выше), в описанном недавно в [Ронько и др. 2023] псковском говоре их нет — фиксируются только конструкции с местоимениями. В древнерусских берестяных грамотах и КЛ, как уже говорилось, собственно посессивных конструкций с Д. п. существительных не отмечено — все случаи имеют более сложное значение из сферы посессивности с ярко выраженным компонентом предназначённости, представлены они преимущественно в формулах родственных/социальных отношений, в некоторых наряду с личными местоимениями, в том числе полноударными:

*а боудоу люди на томо. тебе не се{с}тра а **моужеву** не жена* ‘если найдутся свидетели, подтверждающие это, — я тебе не сестра, а мужу не жена’ (531, XII в.) [Зализняк 2004: 416–417], ср. с местоимениями *а не сестра а **вамо*** (№ 644, нач. XII в.); *како **миѣ** сѣть братъ твои* *Изяславъ тако **ми** ты* (КЛ, 1151, 153а) и др. — подобное употребление Д. п. до сих пор возможно и в СРЛЯ;

ср. в характерных для летописей формулах сообщений о рождении детей:

*Того же лѣта родиса **Игорю** сѣть* (КЛ, 1175 г., 211); *Том же лѣтѣ родиса **Влгу** сѣть* (КЛ, 1166 г., 188а) и под. — наряду с *родиса **оу Игорѣ** сѣть* (1173 г., 200в); *Того же лѣта **оу великого кнѣ** **оу Всеволода** родиса сѣть мениши* (КЛ, 1197 г., 242г) и др. — модель с Р. п., видимо, более свободна, допускает изменение порядка слов и распространение имени обладателя.

Однако примеры собственно посессивного значения Д. п. существительных представлены в «Слове о полку Игореве» (СПИ), и такое употребление здесь достаточно регулярно — на это уже обращали внимание исследователи (см. [Якубинский 1953: 181–182; Правдин 1957: 109–110], также комментарий в [Николаев 2020: 562, 567, 576, 591 и др.]). Особенно употребительны в СПИ именные конструкции с Д. п. части целого (неотчуждаемой принадлежности) — трактовке их как церковнославянизмов препятствует наличие соответствий, хоть и единичных, в диалектном материале, ср.:

*Се бо Готскія красныя дѣвы въспѣша на брѣзѣ **синему морю*** (109)³;
*Уньша бо **градомъ** забрала* (92);
*Ярославна рано плачетъ **Путивлю городу** на заборолѣ* (177);

³ Нумерация звеньев текста в соответствии с изданием [Зализняк 2004а].

Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посянни (158)⁴;

Утрѣнѣ солнцю свѣтъ (136) и др. — ср. *я ня вижу морю дна* (орл.), *жала пчале* (курск.), *парок сердцу* (брянск.);

ср. отчуждаемая принадлежность с именами событий:

Усобыица княземъ на поганья погыбе (77) — *именины были Володе-пареньку* (ленигр.), *операцию соску делать нельзя* (карел.) и др. [Кузьмина 1993: 45].

Сравнение со спорадически представленными в разных говорах примерами Д. п. принадлежности существительных свидетельствуют в пользу исконности и архаичности таких конструкций в СПИ. Д. п. принадлежности в целом представляет собой очень древнее — восходящее к и.-е. эпохе — и, несомненно, исконно общеславянское явление, уже в древнерусскую эпоху уходящее на периферию употребления. По-видимому, на всей древнерусской территории достаточно последовательно сохранялась архаичная посессивная конструкция с энклитическими формами Д. п. личных местоимений; полноударные личные местоимения, связанные в древнерусскую эпоху со смысловым выделением, имели более сложную семантику и не выражали чистой принадлежности. Д. п. принадлежности существительных, представленный в СПИ и отсутствующий в летописях и берестяных грамотах, видимо, уже в древнерусскую эпоху был для большей части диалектов уходящим архаизмом — сохранение его в СПИ скорее всего связано с жанровым характером этого текста, отражающего древнюю эпическую традицию. Однако наличие аналогичных примеров в говорах разной локализации указывает и на возможность более длительного сохранения такого употребления в тех или иных говорах: в таком случае, диалектную локализацию СПИ надо относить не к киевской зоне — ср. гипотезу С. Л. Николаева о связи языка СПИ по совокупности диалектных данных с торопецко-селижаровским ареалом [Николаев 2020: 193–248]. Напомним также, что большинство диалектных примеров с Д. п. принадлежности существительных относится к западной части русских говоров, в том числе собственно западных и южных — возможно, в этой зоне дательный принадлежности сохранялся более устойчиво.

Литература

Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2020 г. // Вопросы языкознания. 2021. № 5. С. 66–92.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

⁴ Аналогичный контекст с Р. п. *на брѣзѣ быстрои Каялы* (71) либо свидетельствует о вариативности Д. и Р. принадлежности в таком контексте или подновлении позднего переписчика, либо, как это трактует С. Л. Николаев, в действительности является Д. п. принадлежности с диалектным окончанием *-ы* и соответствует тому же падежу в приведенных примерах при существительном *брѣзь* [Николаев 2020: 560].

Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М.: Языки славянской культуры, 2004а. 352 с.

Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. 280 с.

Категория посессивности в славянских и балканских языках / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука, 1989. 262 с.

КЛ — Киевская летопись / Изд.подгот. И. С. Юрьева. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. 816 с.

Кузьмина И. Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука, 1993. 224 с.

Кукушкин И. П., Гиппиус А. А., Зализняк А. А. Первая берестяная грамота из Вологды // Российская археология. 2018. № 1. С. 164–172.

Лопатина Л. Е. Сочетания типа у меня болит голова (рус.) — мне галава болиць (бел.). Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных а-склонения // Восточнославянские изоглоссы, вып. 2 / Отв. ред. Т. В. Попова. М.: Наука, 1998. С. 245–251.

Манусов А. В., Кузьмина А. С., Ронько Р. В. Банк диалектологических карт [Электронный ресурс] URL: <https://dm.ruslang.ru/>

Молошная Т. Н. Посессивные синтаксические конструкции в сербскохорватском языке // Славянское и балканское языкознание. [Вып. 10]. Проблемы диалектологии, категория посессивности /отв.ред. Л. Э. Калнынь, Т. Л. Молошная. М.: Наука, 1986. С. 179–188.

НБГ XII — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. XII. М.: Языки славянской культуры, 2015. 288 с.

Николаев С. Л. «Слово о полку Игореве»: реконструкция стихотворного текста. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 640 с.

Правдин А. Б. К вопросу о выражении принадлежности в русском языке // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Труды историко-филологического факультета. 1957. Вып. 51. С. 106–121.

Ронько Р. В., Азанова А. С., Анисимов А. Д., Войтович Е. Е., Заливина Е. А., Землянская С. А., Марченко И. А., Мочульский Д. И. Псковский говор деревень Шетнево, Макеево, Щелкино, Терехово и Степаньково Западнодвинского района Тверской области. Элементы корпусного описания и полевые материалы // Русский язык в научном освещении. 2023. № 1. С. 216–261.

Циммерлинг А. В. Обладать и быть рядом // Циммерлинг А. В. От интегрального к аспективному. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 308–318.

Шевелева М. Н. О древнерусском глаголе *имѣти*, посессивных конструкциях и сложном будущем с *имамь* / *имоу* в ранних восточнославянских текстах // Вопросы языкознания. 2019. № 6. С. 32–50.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М.: Госучпедгиз, 1953. 368 с.

Maria N. Sheveleva
Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)
mnsheveleva@mail.ru

ON THE POSSESSIVE DATIVE CASE IN OLD RUSSIAN TEXTS AND IN MODERN RUSSIAN DIALECTS

The paper deals with the use of the possessive dative case in Old Russian texts in comparison with modern Russian dialects. The dative case of possession in Old Russian texts is commonly associated with Church Slavonic tradition, i.e. as South Slavic linguistic feature, but the use of the dative case in nominal and predicative possessive constructions was known to Old Russian non-literary texts of different dialect localization — both in Novgorod birch bark letters and in southern Old Russian sources. Apparently, this archaic usage dating back to Proto-Slavic was known throughout the Old Russian language but regularly only in enclitic pronouns of the 1st and 2nd persons, in the southern Old Russian dialects also possible in pronoun of the 3rd person. These data correspond to those of modern dialects where possessive constructions with the dative case are recorded sporadically in different dialects both northern and southern, and in some recently described systems with personal pronouns. The possessive use of the dative case of nouns was probably already archaic and dialectally limited in Old Russian but it is still preserved as a relic in dialects to this day.

Keywords: Dative possessive case, Old Russian, modern Russian dialects, nominal and predicative possessive constructions

References

- Gippius A. A. [Birchbark letters from Veliky Novgorod excavations of the year 2020]. *Voprosy Yazykoznaniiya*, 2021, no. 5, pp. 66–92. (In Russ.)
- Iur'yeva I. S. (Ed.). *Kievskaya letopis'* [Kievan Chronicle]. Moscow, Izdatel'sky Dom IaSK, 2017. 816 p.
- Ivanov Vyach.Vs. (Ed.). *Kategorija posessivnosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh* [Category of possession in Slavic and Balkan languages]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 262 p.
- Kuz'mina I. B. *Sintaksis russkikh govorov v ligvogeograficheskom aspekte* [Syntax of Russian dialects in linguogeographic aspect]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 222 p.
- Kukushkin I. P., Gippius A. A., Zaliznyak A. A. [The first birch bark letter from Volgda]. *Rossiyskaya arkheologiya*, 2018, no. 1, pp. 164–172. (In Russ.)
- Lopatina L. E. [Combinations like *u menya bolit golova* (rus.) — *mne galava balits'* (bel.). Endings of the genitive, dative and locative cases of singular nouns of the a-declension]. *Vostochnoslavjanskije izogiossy*, no. 2, pp. 245–251. (In Russ.)
- Manusov A. V., Kuz'mina A. S., Ron'ko R. V. [Bank of Dialectological Cards]. [Электронный ресурс]. URL: <https://dm.ruslang.ru/>

Moloshnaya T. N. [Possessive Syntactic Constructions in Serbo-Croatian]. *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie*, vyp. 10. *Problemy dialektologii. Kategoriya posessivnosti*. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 179–188. (In Russ.)

Nikolaev S. L. «*Slovo o polku Igoreve*»: *rekonstruktsiya stikhotvornogo teksta* [«The Tale of Igor's Campaign»: reconstruction of the poetic text]. Moscow — St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2020. 640 p.

Pravdin A. B. [On the expressing of possession in Russian]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Trudy istoriko-filologicheskogo fakul'teta*. 1957, no. 51, pp. 106–121. (In Russ.)

Ron'ko R. V., Azanova A. S., Anisimov A. D., Zalivina E. A., Zemlyanskaya S. A., Marchenko I. A., Mochul'skii D. I., Voitovich E. E. [The dialect of the villages Shet-nevo, Makeevo, Sh'el'kino, Terekhovo and Stepan'kovo of the Zapadnodvinskii district, Tver oblast'. A grammar sketch and field notes]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2023, no. 1, pp. 216–261. (In Russ.)

Sheveleva M. N. [On Old Russian verb *iměti*, possessive constructions and complex future with *imать* / *imu* in early East Slavic texts]. *Voprosy Yazykoznanija*, 2019, no. 6, pp. 32–50. (In Russ.)

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.). T. 12* [Novgorod birchbark letters (from excavations in 2001–2014), vol. 12]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2015. 288 p.

Yakubinskii L. P. *Istoria drevnerusskogo yazyka* [History of Old Russian language]. Moscow, Gosuchpedgiz Publ., 1953. 368 p.

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialect, 2-e izd., dopolnennoe* [Old Novgorod dialect. (2nd ed., supplemented)]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 872 p.

Zaliznyak A. A. «*Slovo o polku Igoreve*»: *Vzglyad lingvista* [«The Tale of Igor's Campaign»: A Linguist's view]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 352 p.

Zaliznyak A. A. *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. 280 p.

Zimmerling A. V. *Ot integral'nogo k aspektivnomu* [From integral to aspective]. Moscow — St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2021. 652 p.

ИСТОРИЯ НАУКИ

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

irbukr@gmail.com, okarmakova@list.ru

МОСКОВСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА: ИСТОКИ, МЕТОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

(К 60-летию публикации академического труда «Русская диалектология»)¹

В статье прослеживается развитие Московской школы диалектологии и лингвистической географии, созданной Р. И. Аванесовым. Кратко охарактеризованы академические труды, содержащие идеи и методологию школы, способствовавшие плодотворной и системной работе над региональными атласами и сводным Диалектологическим атласом русского языка (ДАРЯ). Особое внимание уделено эволюции классификаций материнских говоров: от ставшего традиционным диалектного членения К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой к структурно-типологической классификации Н. Н. Пшеничновой и методу многомерного шкалирования И. А. Марченко.

Показано, что современные полевые записи интегрируются в мультимедийные диалектные корпуса, которые позволяют анализировать как отдельные ярусы говора, например морфосинтаксис, так и вести комплексное изучение устного дискурса. В качестве примера инновационного подхода представлен ресурс «Просодия русских диалектов». В завершение статьи рассматривается актуальный вопрос толкования термина региолект и разграничения понятий *региолект* и *регионально окрашенный вариант литературного языка*. Материалы статьи демонстрируют преемственность методов школы и их адаптацию к современным технологическим возможностям.

Ключевые слова: Московская школа диалектологии, лингвогеография, Р. И. Аванесов, диалектное членение, диалектометрия, диалектные корпуса.

В середине XX в. академические институты, университеты и вузы СССР — научные работники, преподаватели, аспиранты, студенты — начали масштабное

¹ Статья представляет собой расширенную и дополненную версию доклада, прочитанного на VIII Международной конференции «Актуальные проблемы русской диалектологии» (2024 г.).

обследование говоров центра европейской части России для составления Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ). Возглавлял эту деятельность чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесов, а сектор истории русского языка и диалектологии, которым он руководил, стал организационным ядром работ. После сбора материала, прежде чем началось создание сводного труда ДАРЯ [ДАРЯ I, II, III], сотрудники сектора составили пять региональных выпусков, из них лишь один был опубликован — «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (1957). Во вступительной статье, написанной Р. И. Аванесовым, теоретический фундамент современной отечественной лингвогеографии обрел свою концептуальную завершенность². Ученый развил и закрепил основные методологические положения, успешно апробированные при составлении атласа: в первую очередь выбор объекта картографирования, его место в системе языка, а также интерпретацию явлений в типологическом и историческом аспектах.

Логическим развитием этих идей стала вышедшая в 1962 г. монография «Вопросы теории лингвистической географии», подготовленная Р. И. Аванесовым совместно с его учениками и единомышленниками. В данном труде исходные положения систематизированы, детально описаны базовые понятия Московской школы диалектологии: *диалектный язык*, трактуемый как конструкт, *диалектные различия*, выступающие вариативными звеньями его структуры, методы установления *междиалектных соответствий*, подробнее см.: [Пшеничникова 2008].

Так, при картографировании авторы исходили из того, что иерархия языковых признаков должна быть передана с помощью ранжирования знаков, при этом отражение получают не все данные, зафиксированные собирателями, а лишь ареально существенные, дающие значимый с точки зрения лингвогеографии результат. Иными словами, визуальный язык карты должен показывать релевантность языковых явлений, тех конкретных лингвистических феноменов, которые формируют лингвистический ландшафт. Карта в понимании московских диалектологов — это инструмент анализа, а не простая иллюстрация.

Работа над региональными атласами и монографией подготовила почву для написания академического труда «Русская диалектология» (под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой), его авторами стали известные лингвисты: Р. И. Аванесов, С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, К. Ф. Захарова, И. Б. Кузьмина, О. Н. Мораховская, Е. В. Немченко, В. Г. Орлова, Т. Ю. Строганова (выходит в свет в 1964 г. и 1965 г.). В исследовании получило развитие и учение Аванесова о двух аспектах предмета диалектологии — *территориальном* (лингвогеографическом) и *структурно-типологическом*. Эти направления, заложенные в классическом труде, продолжают развиваться и в настоящее время.

Напомним, что в академической диалектологии впервые опубликовано новое, разработанное К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой «Диалектное членение русского языка», которое было создано в процессе составления региональных атласов. Оно

² До выхода атласа Р. И. Аванесов уже опубликовал монографию «Очерки русской диалектологии» (1949) и ряд важнейших статей. Именно там он теоретически обосновал понимание *диалектного языка* и впервые сформулировал идею *междиалектных соответствий*.

существенно отличалось от того, что дано на «Диалектологической карте русского языка в Европе» 1915 г. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколова и Д. Н. Ушакова. Обе классификации были ареальными, базирующимися на выделении диалектных групп на основе пучков изоглосс, но последняя (1964 г.) опиралась на представительные материалы обследований по сетке ДАРЯ. Позже новое диалектное членение было опубликовано отдельным изданием [Захарова, Орлова 1970].

В группировке Захаровой — Орловой, помимо традиционных терминов *наречия, говоры, группа говоров*, появляются принципиально новые единицы: *диалектные зоны* и *межзональные говоры*, наглядно показавшие, что для русского лингвистического пространства значимо не только горизонтальное, но и вертикальное членение, противопоставление западных и восточных территорий. Кроме того, ключевым стало выявление *центральной диалектной зоны* как самостоятельного лингвогеографического объекта. Центральные говоры в своем ядре, а его составляют говоры Волго-Клязьминского междуречья, являются наследниками староростово-суздальского диалекта, легшего в основу литературного языка. Таким образом, в теорию и практику отечественной лингвогеографии вошла оппозиция *центральные* и *периферийные* говоры с подробным указанием их фонетических и грамматических различий. В дальнейшем это противопоставление развили на основе признака вокальности / консонантности систем С. В. Бромлей и Л. Э. Калынин, обосновав более вокалический строй периферии в противовес консонантному строю центра, а на материале лексики подтвердили И. А. Букринская и О. Е. Кармакова [Букринская, Кармакова 2023а].

Структурная лингвогеография — детище Московской диалектологической школы — впоследствии легла в основу многих проектов. К международным относится создание Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА). Концепцию этого масштабного замысла выдвинули в 1958 г. Р. И. Аванесов, С. Б. Бернштейн и З. Штибер во время IV Международного съезда славистов³. Работа над ним продолжается уже более полувека — с 1963 г. по настоящее время [Пыхов 2026]. Методика МДШ успешно адаптировалась и при создании Дыялекталагічнага атласа беларускай мовы (Мінск, 1963), а также атласов территорий позднего заселения (вторичных говоров): «Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья» [Баранникова 2000], «Атлас русских говоров Башкирии» [Здобнова 2008] и др. На материале ДАРЯ был составлен и Школьный диалектологический атлас [Язык русской деревни 1994], призванный популяризировать знание о народном языке и традиционной культуре.

Что касается других лингвогеографических предприятий, то после издания трех национальных диалектологических атласов (русского, белорусского, украинского), С. В. Бромлей (основной редактор ДАРЯ) был задуман и обоснован в 80-е гг. XX в. проект «Восточнославянские изоглоссы», который предполагал общую работу диалектологов академических институтов Белоруссии, Украины и России. О необходимости подобного исследования она пишет в одной из статей: «Целый

³ Идея создания Общеславянского лингвистического атласа зародилась еще в 1929 г. на I Международном съезде славистов (Прага), где с обоснованием её выступил А. Мейе, идея поддержана И. А. Бодуэном де Куртенэ.

Отдел
диалектологии
и лингвогеографии
(2005 г.).

Сидят

(слева направо):

Н. Н. Пшеничникова,

И. А. Букринская,

Т. В. Попова,

О. Е. Кармакова,

А. В. Малышева,

Т. Б. Юмсунова,

Л. Л. Касаткин,

Н. Л. Голубева.

Стоят:

А. В. Тер-Аванесова,

О. Г. Ровнова

ряд различительных восточнославянских явлений невозможно квалифицировать ни как языковые, т. е. противопоставляющие отдельные восточнославянские языки, ни как диалектные, т. е. различительные только в пределах отдельных восточнославянских языков. Это является главным лингвогеографическим критерием, позволяющим квалифицировать восточнославянские языки как самостоятельный и целостный объект лингвогеографии» [Бромлей 1985: 177]. С. В. Бромлей возглавляла проект ВСИ с 1987 г. по 1991 г., когда ее на посту руководителя сменила Т. В. Попова. В силу геополитических изменений постсоветского периода реализация программы не была завершена в полном объеме — опубликовано лишь четыре выпуска. Исследователи выбрали явления, имеющие определяющее значение для сравнительной характеристики диалектов, анализа межъязыковых контактов, а также верификации архаических и инновационных зон [Попова 2017]. И сейчас восточнославянская проблематика остается актуальной в работе отдела: изучаются языковые процессы, присущие говорам русско-белорусского пограничья [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008; Букринская, Кармакова 2025a]⁴, осуществляются новые экспедиции в контактные зоны: Р. В. Ронько в г. Городок и окрестные деревни в 2026 г. (Беларусь); С. В. Дьяченко с сотрудниками Института славяноведения РАН в Воронежскую обл. в 2024–2026 гг., где украинские говоры соседствуют с южнорусскими. Результаты получили отражение в публикациях [Дьяченко, Пилипенко, Саенко 2024; Дьяченко, Князев 2025].

Развивая идеи Р. И. Аванесова, его ученица Н. Н. Пшеничникова (заведующая отделом в 1986–1998 гг.) внедрила в исследование диалектного ландшафта количественные методы сопоставления систем. Создание системы Автоматизированного варианта ДАРЯ (АВ ДАРЯ) в конце 90-х годов позволило ей разработать

⁴ Работы сотрудников отдела приводятся в ознакомительном порядке, их перечень не является полным.

структурно-типологическую классификацию говоров. Интересно отметить, что теоретико-методологической базой для изысканий послужили принципы, изложенные в труде известного биолога Е. С. Смирнова «Таксономический анализ» (1969). Применение этих общенаучных методов к лингвистическому материалу дало возможность автору перейти от описательного сопоставления к строгому количественному анализу структурных различий. Суть такого метода заключается в следующем: тип говора определяется по совокупности множества языковых характеристик, тем самым выделяются типы говоров на основе комплекса структурных признаков, а не просто ареальных зон. Особенностью предложенного подхода является и то, что говоры группируются вне зависимости от их географического положения: близость диалектов определяется только сходством их внутренних признаков, лишь на заключительном этапе результаты проецируются на карту. Новым в классификации Н. Н. Пшеничновой стало выделение уже на первом уровне разбиения *Западнорусского диалектного типа* наряду с традиционными Севернорусским, Южнорусским наречиями и Среднерусскими говорами⁵.

Диалектометрические⁶ исследования Н. Н. Пшеничновой развивались в русле актуальных мировых тенденций: в тот же период в странах Западной Европы над аналогичными проблемами работали такие лингвисты, как Ж. Сеги, Ж. Альер, Г. Гёбль и др. Г. Гёбль, высоко оценивая вклад Н. Н. Пшеничновой в науку, подчеркивал, что в то время как его «Зальцбургская школа» фокусируется на измерении расстояний (*similarity/distance matrices*) между пунктами на карте, Пшеничнова разработала уникальную методику распознавания образов (*pattern recognition*), которая позволяет объективно выделять типы диалектных систем [Goebel 1995].

Исследования русского и восточнославянского языкового ландшафта методами диалектометрии продолжают под руководством сотрудника отдела Р. В. Ронько группой студентов Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ). На основе АВ ДАРЯ ими был создан онлайн-ресурс «База данных ДАРЯ» (карты доступны на сайте ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН по ссылке: <https://da.ruslang.ru/>)⁷. Естественно, что современные лингвисты переводят бумажные карты в цифровой формат. Это позволяет накладывать друг на друга сотни карт, выявляя скрытые закономерности распространения языковых явлений.

⁵ К сожалению, в легенде к карте III «Структурно-типологическая классификация» в разделе IV «Говоры западнорусского диалектного типа» допущена техническая ошибка в маркировке подтипов группы Р (разнородные говоры). Следует читать: темно-коричневым цветом обозначена Р 2 — группа говоров Северо-западного диалектного типа, темно-болотным Р 1 — группа говоров Юго-западного диалектного типа [ДАРЯ III, вып. 2].

⁶ Диалектометрия — метод количественного измерения «расстояния» между говорами. Компьютер сравнивает сотни признаков двух идиомов и выдает число — насколько их языковые системы близки. Это позволяет строить дендрограммы (деревья родства) говоров, подтверждая или опровергая классические границы наречий.

⁷ Информационная база ДАРЯ позволяет проводить сравнительный анализ языковых явлений в интерактивном режиме. Пользователь может самостоятельно совмещать различные карты (например, фонетические с грамматическими), что дает возможность наглядно проследить взаимосвязь разных уровней диалектных систем.

В настоящее время, используя математические методы, исследователи могут получать разные классификации на одном и том же материале. В качестве примера можно привести дипломную работу, выполненную И. А. Марченко в 2023 г. под руководством Р. В. Ронько. На основе данных ДАРЯ была построена диалектная классификация *методом многомерного шкалирования*. В частности, на базе ДАРЯ составлено четыре классификации на основе совокупности карт каждого языкового уровня (фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики), результаты которых различаются между собой. Затем полученные данные были сведены на общую карту, где выделилось 6 диалектных зон, не совпадающих ни с единицами, полученными Н. Н. Пшеничновой, ни с диалектными зонами, выделенными Захаровой-Орловой. Итоговая карта наглядно показала важность вертикального противопоставления *запад — восток* русского диалектного пространства, результаты работы обобщены в статье [Марченко, Ронько 2025]⁸.

У Р. И. Аванесова и его учеников лингвогеографическое описание всегда предполагало диахроническую интерпретацию [Образование 1970]. Исторический подход к диалектному материалу представлен в трудах С. В. Бромлей, Л. Л. Касаткина, И. Б. Кузьминой, О. Н. Мораховской, Н. Н. Пшеничновой и др., он отражен и в современной проблематике отдела: тема «Диалектные различия западных и восточных русских говоров: история и современность» нацелена на изучение формирования этого противопоставления, во многом обусловленного историческими причинами. Диахроническое осмысление данных содержится во многих публикациях [Касаткин 2013; Князев, Дьяченко 2025; Букринская, Кармакова 2023б; Колесникова 2021; 2024; Малышева 2015, 2024; Тер-Аванесова 2018].

Для современного этапа развития Московской диалектологической школы характерны интенсивные исследования в области просодии. Так, в статьях А. В. Тер-Аванесовой анализируется устройство систем парадигматического ударения в русских и других восточнославянских говорах, развитие грамматических и лексико-семантических функций ударения как инноваций, изменяющих рисунок акцентных парадигм. Кроме того, прослеживается эволюция акцентных типов в их неразрывной связи с историей языка, вследствие чего акцентологический анализ становится инструментом для реконструкции путей развития диалектных систем. Изучается связь акцентуации с вокализмом говоров, а именно с противопоставлением двух фонем «типа *о*» [Дьяченко, Крылов, Малышева, Тер-Аванесова 2019; Тер-Аванесова 2015; 2025].

С 2024 г. в отделе по инициативе С. В. Князева развернулась работа по созданию электронного ресурса «Просодия русских диалектов» [Князев, Мороз, Дьяченко 2024], который демонстрирует просодическую организацию высказываний в частных диалектных системах не только территорий, входящих в ДАРЯ, но и за его пределами, включая архангельские и вятские говоры. К настоящему

⁸ Исследование продолжено магистрантами НИУ ВШЭ А. С. Кузьминой и А. В. Манусовым, которые используют разные методы кластеризации для получения диалектной классификации восточнославянского языкового пространства на материале 4 выпусков сб. «Восточнославянские изоглоссы».

времени корпус содержит более 5500 примеров из 70 населенных пунктов; проведены экспериментально-фонетические исследования интонационного оформления общего и частного вопроса, тонального контура ответных диалогических реплик и утверждений с различными типами информационного фокуса. Этот ресурс создает базу для новаторского проекта «Интонационный атлас русских говоров».

Создание ДАРЯ было ориентировано на *экстенсивный* охват лингвистического пространства, а *интенсивный* подход, также обоснованный Р. И. Аванесовым, подразумевает всесторонний анализ частной диалектной системы. После создания ДАРЯ диалектологи переходят к детальному исследованию «языка одной деревни», конкретных ареалов и межзональных говоров.

Как известно, развитие диалектологии напрямую зависит от регулярного пополнения источниковой базы новыми полевыми данными. С 1998 г. возобновились ежегодные экспедиции благодаря усилиям Л. Л. Касаткина (заведующий отделом в 1998–2011 гг.), который уделял большое внимание записям спонтанной речи, прежде всего фиксации связных текстов, в отличие от сбора материалов по различным программам, вопросникам, анкетам. Отчеты и статьи с подробным анализом экспедиционных данных регулярно публикуются в журнале «Русский язык в научном освещении».

В северном наречии под руководством Л. Л. Касаткина были обследованы говоры Слободского сельсовета Харовского района Вологодской области и опубликовано их описание [Касаткин 2008; Тер-Аванесова 2008].

В южном наречии глубоко изучен говор с. Роговатое Старо-Оскольского района Белгородской области под руководством А. В. Тер-Аванесовой. Фонетико-фонологическая и морфологическая системы анализируются с учетом статистических данных в целом ряде статей сотрудников отдела (А. В. Тер-Аванесовой, С. В. Дьяченко, А. В. Малышевой, С. В. Князева). Инструментально-фонетическому исследованию вокализма этого оскольского говора в широком ареальном контексте посвящена кандидатская диссертация С. В. Дьяченко (2021, руководитель А. В. Тер-Аванесова). Создан Корпус говора с. Роговатое⁹ (А. В. Тер-Аванесова, С. В. Дьяченко, Е. В. Колесникова, А. В. Малышева), постоянно пополняющийся (объем 120 тыс. словоформ) и включающий записи с 2007 по 2015 гг. Совместно с сотрудниками Международной лаборатории языковой конвергенции НИУ ВШЭ создано 17 диалектных корпусов (автором 10 из них является С. В. Князев). Эти материалы предоставляют богатые возможности для разноаспектных исследований диалектной речи, в частности морфосинтаксиса — проанализирована общая статистика соотношения генитива и аккумулятива при отрицании [Anna, Malysheva and Roman, Ronko, 2025; Малышева 2025; Малышева, Ронько 2020].

Комплексному исследованию диалектных текстов и их публикации в настоящее время уделяется большое внимание в различных научных центрах России (Саратов, Томск, Вологда, Пермь и др.). Диалектная речь характеризуется не только общими чертами с другими видами разговорной речи, но и различиями — как лингвистического, так и экстралингвистического плана. Она отражает особое

⁹ Корпус села Роговатое: <https://lingconlab.ru/rogovotka/#/>

представление о мире сельского социума: архаическое сознание и иную шкалу ценностей, корнящихся в традиционной народной культуре. Заложенные В. Е. Гольдиным основы коммуникативной диалектологии и лингвокультурологии [Гольдин 1997] сегодня находят свое развитие в Саратовском, Томском и других университетах, а в рамках МДШ исследования в данном направлении ведут [Букринская, Кармакова 2012; 2018].

Текстоцентрический подход к диалектному материалу проявился в издании сборников, где даются расшифрованные и иногда прокомментированные рассказы сельских жителей из разных регионов России. В отделе создана представительная текстовая база, отражающая современное состояние сельских идиомов. Собранные материалы показывают судьбу русской деревни на примере судьбы конкретного человека и представляют собой устно-монологические повествовательные тексты: автобиографии говорящих или наиболее интересные случаи из их жизни, поучительные, драматические, забавные сюжеты, описания обрядов и обычаев. В результате под редакцией Л. Л. Касаткина вышла в свет книга [Русская деревня в рассказах её жителей 2009]. В настоящее время в отделе подготовлен сборник диалектных текстов, различных по тематике, жанрам, объему и территориальной принадлежности, они даются с достаточно подробным лингвистическим комментарием. Помимо записей традиционного говора, объектом фиксации часто становится региолект и регионально окрашенный вариант литературного языка.

Отсутствие общепринятого определения *региолекта* требует уточнения его содержания и объема. Современная языковая ситуация характеризуется большой лабильностью — утрачиваются и/или видоизменяются традиционные говоры под воздействием различных факторов, при этом аванесовский подход помогает фиксировать не только исчезающие явления, но и логику изменений. Современная диалектология смещает центр внимания с традиционных идиомов на новые языковые образования, продолжая анализировать их именно как системы. В. И. Трубинский в 1991 г. назвал новые территориально-системные образования — модифицированные диалекты — *региолектами*, используя термин романской лингвистики. Статья так и называлась «Современные русские региолекты: приметы становления» [Трубинский 1991].

Разработке и уточнению понятия *региолект* посвящен, как известно, ряд работ А. С. Герда, который считает, что «язык современных этносов в ареальном плане делится не только на наречия, диалекты и говоры, но и на региолекты (интердиалекты). Региолект — особый тип языкового состояния, который является сегодня основной формой *устно-речевого* общения больших групп русских как на селе, так и в городах и поселках городского типа. В отличие от просторечия региолект — ареально ограничен...»¹⁰ [Герд, 2000: 48], а его носителями выступает и местная по происхождению интеллигенция. Представляется, что А. С. Герд трактует рассматриваемое понятие достаточно широко в географическом смысле. Вслед за Гердом широко понимают региолект многие лингвисты, например, Е. А. Оглезнева

¹⁰ Особо заметим, что просторечие тоже может быть как территориально маркированным, так и общерусским.

выделяет дальневосточный региолект, С. А. Кошарная — региолект Белгородчины, В. И. Теркулов — донецкий региолект.

О некоторых противоречиях в концепции А. С. Герда писала немецкая исследовательница М. Краузе. Они сводятся к следующему: при таком расширенном понимании термина не делается различий между *региолектом* и *регионально окрашенным вариантом ЛЯ*. Вот почему во многих работах, в том числе и словарях лингвистических терминов, под *региолектом* как раз и понимается *регионально окрашенный вариант ЛЯ*, а носителем региолекта соответственно является местная городская интеллигенция.

В. И. Супрун в рецензии на монографию «Донецкий региолект» (ред. В. И. Теркулов) связывает статус этого феномена с наличием субэтнуса, например, поморов, казаков или старообрядцев, речь которых представлена поморской говорей, донским гутором, кубанской балачкой [Супрун 2020]. Разделяя мысль автора о необходимости специального термина для языка субэтнуса, мы, однако, полагаем нецелесообразным использовать для него обозначение *региолект*.

Необходимость различения *региолекта* и *регионально окрашенного варианта ЛЯ* четко прослеживается в докторской диссертации и др. работах Е. В. Ерофеевой [Ерофеева 2005], изучавшей языковую ситуацию Пермского края. Исследователь описывает пермский региональный вариант ЛЯ, который характеризуется фонетическими особенностями, присущими севернорусским говорам и общерусскому просторечию.

С нашей точки зрения, безусловно, необходимо различать *региолект* и *региональный вариант ЛЯ*. Так, *региолект* представляет собой модификацию традиционного диалекта, его трансформированный вариант, а *региональный вариант ЛЯ* — устно-разговорную речь интеллигенции (чаще небольших городов), отличительной чертой которой является сохранение незначительного числа фонетических диалектных особенностей, не затрудняющих коммуникацию, и местной лексики (*регионализмов*) при *отсутствии грамматических диалектизмов*. Еще раз подчеркнем, что в региональном варианте ЛЯ достаточно широко представлены *регионализмы* — лексические единицы, специфические для конкретного города или шире — региона (географического ареала), которые активно используются жителями вне зависимости от их социального, образовательного, профессионального, гендерного и возрастного статуса (см. подробнее [Букринская, Кармакова 2020; 2025]).

Еще одним направлением диалектологических исследований с 1990-х годов стало изучение языка старообрядцев, проживающих компактными группами в России и за рубежом. Инициировал и возглавил эту работу Л. Л. Касаткин. Сотрудниками отдела был описан язык семейских Забайкалья, липован Нижнего Подунавья, синьцянцеv и харбинцев, проживающих в США и странах Южной Америки. В отделе накоплен представительный фонд записей речи различных групп старообрядцев [Касаткин 2017]. Значительный вклад в изучение языка и культуры старообрядцев внесла О. Г. Ровнова, подготовившая к изданию книгу [Зайцев 2015] и написавшая монографию об истории, культуре и языке старообрядцев-часовенных Южной Америки [Ровнова 2022]. В настоящее время продолжается работа над задуманным ею словарем их говора [Колесникова, Малышева 2026].

Таким образом, Московская школа диалектологии и лингвогеографии сохраняет преемственность традиций, развивая и структурно-типологические, и территориальные исследования с использованием самых современных методов. Новые программы анализа фонетики и интонации позволяют фиксировать тончайшие акустические различия, недоступные человеческому слуху. Традиционные полевые записи на современном этапе интегрируются в мультимедийные диалектные корпуса, а применение корпусных методов в свою очередь дает возможность исследовать большие массивы речи, выявляя, помимо прочего, грамматические конструкции, которые не рассматривались прежде. Диалектометрия дает возможность математически точно измерять степень близости между говорами, визуализируя языковые границы на новых цифровых картах. Коммуникативная диалектология обращает внимание на живое функционирование речи и рассматривает диалект как особое социально-культурное образование.

Литература

Баранникова Л. И. Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья. Саратов, 2000. 104 с.

Бромлей С. В. Восточнославянские языки как объект лингвогеографии // Восточные славяне. Языки. История. Культура. К 85-летию акад. В. И. Борковского. М.: Наука, 1985. С. 72–79.

Букринская И. А., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В. Говоры русско-белорусского пограничья // Исследования по славянской диалектологии. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта. Вып. 13. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2008. С. 118–179.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Опыт анализа нарративных диалектных текстов // Русский язык сегодня. Вып. 5. Проблемы речевого общения. Отв. ред. Н. Н. Розанова. М., 2012. С. 42–51.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Мифологический рассказ как жанр диалектного монолога в современной русской деревне. // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 19–20: Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. С. 95–107.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Региональные разновидности устной речи // Русская речь. 2020. № 4. С. 7–18.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Среднерусские говоры: сравнительное описание центра и периферии // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 24. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2023а. С. 181–193.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Межзональные говоры северного наречия: история и современность // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2023. СПб.: ИЛИ РАН, 2023б. С. 1–17.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Русско-белорусское пограничье: история изучения и лексическое своеобразие // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 25. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2025а. С. 207–235.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Региолекты, регионализмы и региональные варианты русского литературного языка // Новый регионализм: от традиционных форм диалектов к новым реалиям. Коллективная монография. ИНИОН РАН, отдел языкознания. М., 2025б. С. 57–79.

Герд А. С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня. Вып. 1. М. 2000. С. 45–52.

Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии. Дис. в виде научного доклада, представленная на соискание уч. степени докт. филол. наук. Саратов, 1997. 52 с.

ДАРЯ I — Диалектологический атлас русского языка. Центр европейской части СССР. Вып. I. Фонетика. М., 1986.

ДАРЯ II — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. II. Морфология. М., 1989.

ДАРЯ III, ч. 1 — Диалектологический атлас русского языка. Центр европейской части России. Вып. III. Лексика. ч. 1. Минск. 1997.

ДАРЯ III, ч. 2 — Диалектологический атлас русского языка. Центр европейской части России. Вып. III. Синтаксис. Лексика. ч. 2. М., 2004.

Дьяченко С. В., Пилипенко Г. Н., Саенко М. Н. Из экспедиционных записей в с. Юдино Воронежской области: взаимодействие местного украинского говора с русским языком. Русская речь. 2024, № 6. С. 7–18.

Дьяченко С. В., Крылов С. А. Мальшева А. В., Тер-Аванесова А. В. Материалы по распределению двух фонем «типа о» в южнорусском говоре села Роговатое // Славянское и балканское языкознание: Русистика. Славистика. Компаративистика. Сборник к 64-летию С. Л. Николаева. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 34–150.

Ерофеева Е. В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд.-во Пермск. ун-та, 2005. 308 с.

Зайцев Д. Т. Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева. М., 2015. 708 с.

Здобнова З. П. Атлас русских говоров Башкирии. Ч. 1–2. 4 изд., Уфа. 2008.

Касаткин Л. Л. Консонантизм в слободских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. III (IX). М.: Наука, 2008. С. 5–49.

Касаткин Л. Л. Фонемы /ɔ/, /ω/, /a/ в слободских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. III (IX). М.: Наука, 2008. С. 50–66.

Касаткин Л. Л. Сохранение в говорах старообрядцев диалектных черт прошлых эпох // Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сб. статей к XV Международному съезду славистов / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Наука РАН, 2013. С. 424–442.

Касаткин Л. Л. Исследование говоров русских старообрядцев в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН // Избранные труды. Т. II. М.: ЯСК, 2017. С. 51–77.

Князев С. В., Мороз Г. А., Дьяченко С. В. Корпус Просодии Русских Диалектов. 2024. Электронный ресурс: <https://LingConLab.github.io/PRuD/>

Князев С. В., Дьяченко С. В. Фразовая просодия трех воронежских говоров — русская и украинская // Русский язык в научном освещении. 2025. № 1 (49). С. 95–170.

Князев С. В., Дьяченко С. В. Южнорусская интонация: восток — запад // Slověne. 2025. Т. 14, № 1. С. 229–276.

Колесникова Е. В. Семантика прилагательного «зеленый» в русских говорах // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. №2. 2021. С. 132–142.

Колесникова Е. В. Семантика прилагательного «белый» в русских говорах // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2024 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2024. С. 226–253.

Колесникова Е. В. Малышева А. В. «Словарь говоров старообрядцев Южной Америки»: диалектный словарь нового типа // Русская речь. 2026. № 3 (в печати).

Малышева А. В., Ронько Р. В. Русский объектный генитив при отрицании по данным диалектных корпусов и устного корпуса НКРЯ // Вопросы языкознания. № 4, 2020. С. 25–54.

Малышева А. В. Родительный при отрицании в говорах Ильменского Поозерья // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 25. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2025. С. 260–281.

Малышева А. В. Управление глаголов смеха и насмешки в русском языке: лингвогеография и история // Русский язык в научном освещении. 2024. № 1. С. 131–165.

Марченко И. А., Ронько Р. В. Диалектные различия между востоком и западом на материале данных Диалектологического атласа русского языка: результаты многомерного шкалирования // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 25. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2025. С. 236–259.

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М.: Наука, 1970. 456 с.

Пищеничнова Н. Н. Лингвистическая география (по материалам русских говоров). М., 2008. 220 с.

Попова Т. В. О восточнославянской лингвогеографической проблематике // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. XII. Диалектология. М., 2017. С. 240–262.

Пыхов В. А. Карты Общеславянского лингвистического атласа как источник многоплановой языковой информации // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. № 3, 2026. С. 334–342.

Ровнова О. Г. Старообрядцы Южной Америки: очерки истории, культуры, языка. М.: ЯСК, 2022. 608 с.

Русская деревня в рассказах ее жителей / под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2009. 512 с.

Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964 (1965). 306 с.

Супрун В. И. Региолект vs диалект: новые поиски этнолингвистов (размышления по поводу книги: Донецкий региолект: монография / под ред. В. И. Теркулова. Донецк: Фолиант, 2018. 265 с.) // Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. Нефилология. 2020. Том 6, № 24. С. 836–845.

Тер-Аванесова А. В. Фрагмент системы именного словоизменения и акцентуации слободского говора // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып III (IX). М.: Наука, 2008. С. 67–110.

Тер-Аванесова А. В. Ударение и корневой вокализм *i*-глаголов в южнорусском говоре села Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл. // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 17. Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. М.: Институт славяноведения РАН, 2015. С. 298–333.

Тер-Аванесова А. В. Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи «Космография Мартина Бельского» и в современном оскольском говоре // Актуальные проблемы русской диалектологии. Материалы международной конференции 26–28 октября 2018 г. М.: Институт русского языка РАН, 2018. С. 244–249.

Тер-Аванесова А. В. Фонологические явления контактного происхождения в русских говорах Заонежья (заонежское ляпанье) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова, № 4, 2025. С. 179–212.

Трубинский В. И. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение. Псков, 1991. С. 156–162.

Язык русской деревни: Школьный диалектологический атлас. М., 1994. 156 с.

Anna, Malysheva and Roman, Ronko. “Case selection for the direct object of negated verbs in Russian dialects”. In *Convergence and Divergence in the Eastern Circum-Baltic Area: Volume 1: The Northern Part — A Synthetic View, especially on Finnic, and Case Studies* edited by Björn Wiemer, Peter Arkadiev, Petar Kehayov and Rogier Blokland. — De Gruyter Mouton, 2025. Pp. 571–587.

Goebel H. Dialectometry: A Short Overview of the Principles and Practice of Quantitative Classification of Linguistic Atlas Data // *Computers and the Humanities*. 1995. Vol. 28, № 4–5. Pp. 211–227.

Irina A. Bukrinskaja, Olga E. Karmakova

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)*

irbukr@gmail.com, okarmakova@list.ru

**MOSCOW DIALECTOLOGICAL SCHOOL:
ORIGINS, METHODS AND DEVELOPMENT PROSPECTS
(On the 60th anniversary of the publication of the academic work
“Russian dialectology”)**

This article traces the development of the Moscow School of Dialectology and Linguistic Geography, founded by R. I. Avanesov. It briefly reviews academic works that embody the school’s ideas and methodology, contributing to the fruitful and systematic work on regional atlases and the consolidated Dialectological Atlas of the Russian Language (DARYA). Particular attention is paid to the evolution of classifications of mother dialects: from the traditional dialectal division of K. F. Zakharova and V. G. Orlova to

the structural-typological classification of N. N. Pshenichnova and the multidimensional scaling method of I. A. Marchenko.

It is shown that traditional field recordings are being integrated into multimedia dialect corpora, which allow for the analysis of different levels of dialects, such as morphosyntax, and for the comprehensive study of oral discourse. The resource “Prosody of Russian Dialects” is presented as an example of an innovative approach. The article concludes with a discussion of the current understanding of the term “regiolect” and the distinction between the concepts of “regiolect” and the regionally specific variant of the literary language. The article demonstrates the continuity of the school’s methods and their adaptation to modern technological capabilities.

Keywords: Moscow School of Dialectology, linguogeography, R. I. Avanesov, dialectal division, dialectometry, dialect corpora.

References

- Barannikova L. I. *Atlas russkikh govorov Srednego i Nizhnego Povolzh'ya* [Atlas of Russian Dialects of the Middle and Lower Volga Regions]. Saratov. 2000. 104 p.
- Bromlei S. V. [East Slavic languages as an object of linguistic geography] // *Vostochnye slavyane. Yazyki. Istoriya. Kul'tura. K 85-letiyu akad. V. I. Borkovskogo* [Eastern Slavs. Languages. Story. Culture. To the 85th anniversary of academician. V. I. Borkovsky]. Moscow. 1985. Pp. 72–79. (In Russ.)
- Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E., Ter-Avanesova A. V. [Dialects of the Russian-Belarusian Borderland] // *Issledovaniya po slavyanskoi dialektologii. Slavyanskie dialekty v situatsii yazykovogo kontakta* [Research in Slavic Dialectology. Slavic Dialects in a Situation of Language Contact] Issue 13. Moscow. 2008. Pp. 118–179. (In Russ.)
- Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. [An experience of analyzing narrative dialect texts] // *Russkii yazyk segodnya. Vyp. 5. Problemy rechevogo obshcheniya* [Russian language today. Issue 5. Problems of speech communication. Ed. N. N. Rozanova]. Moscow. 2012. Pp. 42–51. (In Russ.)
- Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. [Mythological narrative as a genre of dialectal monologue in the modern Russian village] // *Issledovaniya po slavyanskoi dialektologii, vyp. 19–20: Slavyanskie dialekty v sovremennoi yazykovoi situatsii. Dialektnyi slovar' kak sposob issledovaniya slavyanskikh dialektov* [Studies in Slavic dialectology, issues 19–20: Slavic dialects in the modern linguistic situation. Dialect dictionary as a method for studying Slavic dialects]. Moscow, 2018. Pp. 95–107. (In Russ.)
- Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. [Regional varieties of oral speech] // *Russkaya rech'* [Russian speech]. Moscow 2020. № 4. Pp. 7–18. (In Russ.)
- Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. [Central Russian dialects: a comparative description of the center and the periphery] // *Issledovaniya po slavyanskoi dialektologii. Vyp. 24* [Studies in Slavic dialectology. Issue 24. Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences], Moscow, 2023a. Pp. 181–193. (In Russ.)
- Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. [Interzonal dialects of the Northern dialect: history and modernity] // *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya 2023* [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Research 2023]. ILI RAN, St. Petersburg, 2023b. Pp. 1–17. (In Russ.)

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. [Russian-Belarusian borderland: history of study and lexical originality] // *Issledovaniya po slavyanskoi dialektologii* [Research in Slavic dialectology. Issue 25]. Moscow. 2025a. Pp. 207–235. (In Russ.)

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. [Regiolects, regionalisms, and regional variants of the Russian literary language] // *Novyi regionalizm: ot traditsionnykh form dialektov k novym realiyam. Kollektivnaya monografiya* [New regionalism: from traditional forms of dialects to new realities. Collective monograph]. Moscow. 2025b. Pp. 57–79. (In Russ.)

DARY I — *Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka. Tsentr evropeiskoi chasti SSSR. Vyp. I. Fonetika* [Dialectological Atlas of the Russian Language. Center of the European Part of the USSR. Part I. Phonetics]. Moscow, 1986.

DARY II — *Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka. Tsentr Evropeiskoi chasti SSSR. Vyp. II. Morfologiya* [Dialectological Atlas of the Russian Language. Center of the European Part of the USSR. Part II. Morphology] Moscow, 1989.

DARY III, Part 1 — *Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka. Tsentr evropeiskoi chasti Rossii. Vyp. III. Leksika* [Dialectological Atlas of the Russian Language. Center of the European Part of Russia. Issue III. Lexica. Part 1. Minsk. 1997.

DARY III, Part 2 — *Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka. Tsentr evropeiskoi chasti Rossii. Vyp. III. Leksika. Sintaksis* [Dialectological Atlas of the Russian Language. Center of the European Part of Russia. Issue III. Syntax. Lexica. Part 2]. Moscow, 2004.

D'yachenko S. V., Pilipenko G. N., Saenko M. N. [From expedition notes in the village of Yudino, Voronezh region: interaction of the local Ukrainian dialect with the Russian language] // *Russkaya rech'* [Russian speech]. Moscow. 2024, № 6. Pp. 7–18. (In Russ.)

D'yachenko S. V., Krylov S. A., Malysheva A. V., Ter-Avanesova A. V. [Materials on the distribution of two phonemes “type o” in the southern Russian dialect of the village of Rogovatoe] // *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie: Rusistika. Slavistika. Komparativistika. Sbornik k 64-letiyu S. L. Nikolaeva* [Slavic and Balkan linguistics: Russian studies. Slavic studies. Comparative studies. Collection for the 64th anniversary of S. L. Nikolaev]. Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow: 2019. Pp. 34–150. (In Russ.)

Erofeeva E. V. *Veroyatnostnaya struktura idiomov: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [The Probabilistic Structure of Idioms: A Sociolinguistic Aspect]. Perm: Perm University Press. 2005. 308 p.

Gerd A. S. [Some comments regarding the concept of “dialect”] // *Russkii yazyk segodnya* [Russian Language Today. Issue 1]. Moscow. 2000. Pp. 45–52. (In Russ.)

Kasatkin L. L. [Consonantism of the dialects of the Slobodskoy village council] // *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii* [Materials and Research on Russian Dialectology. Issue III (IX)]. Moscow. «Nauka», 2008. Pp. 5–49. (In Russ.)

Kasatkin L. L. [Phonemes /ɔ/, /ω/, /a/ s of the dialects of the Slobodskoy village council] // *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii* [Materials and Research on Russian Dialectology. Issue III (IX)]. Moscow. «Nauka», 2008. Pp. 50–66. (In Russ.)

Kasatkin L. L. [Preservation of dialectal features of past eras in the dialects of the Old Believers] // *Russkie staroobryadtsy: yazyk, kul'tura, istoriya. Sb. statei k XV Mezhdunarodnomu s'ezdu slavistov* [Russian Old Believers: Language, Culture, History: Collection of Articles for the XV International Congress of Slavists / Ed. L. L. Kasatkin]. Moscow. «Nauka», 2013. Pp. 424–442. (In Russ.)

Kasatkin L. L. [A study of the dialects of Russian Old Believers at the Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences] // *Izbrannye trudy* [Selected Works. Vol. II]. Moscow. 2017. Pp. 51–77. (In Russ.)

Knyazev S. V., Moroz G. A., D'yachenko S. V. *Korpus Prosodii Russkikh Dialektov* [Corpus of Prosody of Russian Dialects] 2024. Electronic resource : <https://LingConLab.github.io/PRuD/>

Knyazev S. V., D'yachenko S. V. [Phrasal prosody of three Voronezh dialects — Russian and Ukrainian] // *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2025. № 1 (49). Pp. 95–170. (In Russ.)

Knyazev S. V., D'yachenko S. V. [Southern Russian intonation: east — west] // *Slověne*. 2025. Vol. 14, № 1. Pp. 229–276. (In Russ.)

Kolesnikova E. V. [Semantics of the adjective “green” in Russian dialects] // *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language]. № 2. 2021. Pp. 132–142. (In Russ.)

Kolesnikova E. V. [Semantics of the adjective “white” in Russian dialects] // *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2024* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2024 / ed. S. A. Myznikov]. St. Petersburg. ILI RAN, 2024. Pp. 226–253. (In Russ.)

Kolesnikova E. V., Malysheva A. V. [Dictionary of South American Dialects”: A New Type of Dialect Dictionary] // *Russkaya rech'* [Russian Speech] 2026. № 3 (in print).

Malysheva A. V., Ron'ko R. V. [Russian objective genitive in negation according to the data of dialect corpora and the oral corpus of the RNC] // *Voprosy yazykoznaniya* № 4, 2020. Pp. 25–54. (In Russ.)

Malysheva A. V. [The genitive in negation in the dialects of the Ilmen Lake District] // *Issledovaniya po slavyanskoi dialektologii. Vyp. 25* [Research in Slavic Dialectology. Issue 25]. Moscow, 2025. Pp. 260–281. (In Russ.)

Malysheva A. V. [Control of verbs of laughter and ridicule in the Russian language: linguogeography and history] // *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2024. № 1. Pp. 131–165. (In Russ.)

Marchenko I. A., Ron'ko R. V. [Dialectal differences between East and West based on the data from the Dialectological Atlas of the Russian Language: results of multi-dimensional scaling] // *Issledovaniya po slavyanskoi dialektologii. Vyp. 25* [Studies in Slavic Dialectology. Issue 25]. Moscow. In-t slavyanovedeniya RAN. 2025. Pp. 236–259. (In Russ.)

Obrazovanie severnorusskogo narechiya i srednerusskikh govorov [Formation of the Northern Russian dialect and Central Russian dialects]. Moscow, Nauka. 1970. 457 p.

Pshenichnova N. N. *Lingvisticheskaya geografiya (po materialam russkikh govorov)* [Linguistic geography (based on Russian dialects)]. Moscow. 2008. 220 p.

Popova T. V. [On East Slavic linguogeographic issues] // *Trudy IRYa im. V. V. Vinogradova, Vyp. XII Dialektologiya* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of Russian Languages, Issue XII Dialectology], Moscow. 2017. Pp. 240–262. (In Russ.)

Pykhov V. A. [Maps of the Slavic Linguistic Atlas as a Source of Multidimensional Linguistic Information] // *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the Russian Language Institute V. V. Vinogradova]. Moscow. 2026. № 3. Pp. 219–225. (In Russ.)

Rovnova O. G. *Staroobryadtsy Yuzhnoi Ameriki: ocherki istorii, kul'tury, yazyka* [Old Believers of South America: essays on history, culture, and language]. Moscow. 2022. 608 p.

Russkaya derevnya v rasskazakh ee zhitelei [Russian village in the stories of its inhabitants / Ed. L. L. Kasatkina]. Moscow. 2009. 512 p.

Russkaya dialektologiya [Russian dialectology] / Ed. R. I. Avanesov and V. G. Orlova. Moscow. 1964. 306 p.

Suprun V. I. [Regiolect vs. dialect: new searches of ethnolinguists (reflections on the book: Donetsk regiolect: monograph / ed. by V. I. Terkulov. Donetsk: Foliant, 2018. — 265 p.)] // *Tambovskii gosudarstvennyi universitet im. G. R. Derzhavina. Neofilologiya* [Tambov State University named after G. R. Derzhavin. Neophilology]. 2020. Vol. 6, № 24. Pp. 836–845. (In Russ.)

Ter-Avanesova A. V. [A fragment of the system of nominal inflection and accentuation of the Slobodsky dialect] // *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii* [Materials and research on Russian dialectology. Issue III (IX)]. Moscow. «Nauka». 2008. Pp. 67–110. (In Russ.)

Ter-Avanesova A. V. [Stress and root vocalism of i-verbs in the southern Russian dialect of the village of Rogovatoye, Starooskolsky district, Belgorod region] // *Issledovaniya po slavyanskoi dialektologii. Vyp. 17. Sud'ba slavyanskikh dialektov i perspektivy slavyanskoi dialektologii v XXI veke* [Studies in Slavic dialectology. Issue 17. The fate of Slavic dialects and prospects of Slavic dialectology in the 21st century]. Moscow. 2015. Pp. 298–333. (In Russ.)

Ter-Avanesova A. V. [Phonological phenomena of contact origin in the Russian dialects of Zaonezhye (Zaonezhye lyapanye)] // *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language]. Moscow. 2025. Pp. 179–212. (In Russ.)

Trubinskii V. I. [Modern Russian regional dialects: signs of development] // *Pskovskie govory i ikh okruzhenie* [Pskov dialects and their surroundings]. Pskov, 1991. Pp. 156–162. (In Russ.)

Yazyk russkoi derevni: Shkol'nyi dialektologicheskii atlas [The Language of the Russian Village: A School Dialectological Atlas]. Moscow. 1994. 156 p.

Zaitsev D. T. *Povest' i zhitie Danily Terent'evicha Zaitseva* [The Tale and Life of Danila Terentievich Zaitsev]. Moscow. 2015. 708 p.

Zdobnova Z. P. *Atlas russkikh govorov Bashkirii. Ch. 1–2. 4 izd.* [Atlas of Russian dialects of Bashkiria. Parts 1–2]. Ufa. 2008.

Н. С. Ганцовская

*Костромской государственный университет
(Россия, Кострома)
gantsovsky_n@mail.ru*

Л. Л. КАСАТКИН И ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОСТРОМСКОГО АКАЮЩЕГО ОСТРОВА

Многолетние теоретические и полевые исследования Л. Л. Касаткина посвящены проблеме изолированного аканья в Костромском регионе. Совместно с Е. Г. Буровой им было выявлено диссимилиативное аканье белорусского (жиздринского) типа и особый тип яканья (чухломской), рассматриваемый как вероятный прототип диссимилиативно-умеренного яканья верхнеднепровского типа. Данный признак определен как основополагающий для типологии костромских островных акающих говоров. Результаты исследований Л. Л. Касаткина сохраняют научную актуальность, способствуя уточнению статуса Костромского акающего острова как инстратного образования в массиве севернорусских акающих говоров.

В контексте костромской диалектологии значима позиция Л. Л. Касаткина, созвучная взглядам Р. О. Якобсона, о статусе Владимирско-Поволжских говоров с неполным оканьем как говоров среднерусского типа. К данной категории отнесены нерехтские и красносельские говоры западной части Костромской области, обнаруживающие типологическую близость с ивановскими говорами. В заключение автор, опираясь на концепцию Л. Л. Касаткина, обосновывает необходимость комплексного анализа сложных диалектных структур, сочетающего лингвогеографический, исторический и экстралингвистический подходы.

Ключевые слова: русская диалектология, Л. Л. Касаткин, костромские говоры, Костромской акающий остров, чухломское аканье и яканье, говоры с намечающейся переходностью.

Костромские говоры нашли яркое отражение в теоретических штудиях Л. Л. Касаткина, основанных на вдумчивых наблюдениях за живой речью. Это относится прежде всего к их вокалической системе, но не были обойдены вниманием и иные моменты функционирования говоров: фонетические, грамматические, лексические, которые рассматриваются им как бы попутно, но с целью точнее высветить типологически важные явления, требующие углублённого комментария. Привлекаются и некоторые экстралингвистические данные.

1. Чухломское аканье. Долгие годы, начиная с 1962 г. и вплоть до первых десятилетий XXI в., Л. Л. Касаткина занимала проблема «чухломского аканья», как он называл её, видимо для краткости, по географическому эпицентру этого явления, хотя изолированное аканье среди «моря оканья» существует на территории шести районов Костромской области: кроме Чухломского, это почти весь Солигаличский, частично Буйский, Галичский, Парфеньевский, незначительно Кологривский районы. Данная черта, уникальная не только для русского языка, но и всей Славии, ранее всего была замечена Н. Нерехотским и В. Далем [Нерехотский 1921; Даль 1981]; затем к концу XIX в. и в XX в. обследована и описана Ф. И. Покровским, Н. Н. Соколовым, Н. Н. Виноградовым, Г. В. Шайтановой, Л. П. Греховой, Г. Г. Мельниченко, Г. З. Шкляром и др. (список исследований см. в статье [Бурова, Касаткин 1964: 64], а также в [Ганцовская 2007: 18–73]).

Л. Л. Касаткин основательно занимался обозначенной проблемой с 1962 г., вместе с А. С. Феоктистовой посетив д.д. Шартаново и Дудино, затем д. Аринино Чухломского района с целью сбора материала для «Атласа русских народных говоров центральных областей к северу от Москвы». Там они обнаружили диссимилятивное аканье и яканье, хотя в этих местах до них уже побывали диалектологи А. И. Сологуб и Ю. Г. Сохацкая, работавшие по Программе ДАРЯ и диссимилятивного вокализма не заметившие. Ранее аканье и яканье повсеместно определялись как недиссимилятивные. Исключение составляли лишь отдельные примеры в говоре д. Аринино, охарактеризованные как «непоследовательно проводимая система диссимилятивного аканья и диссимилятивно-умеренного яканья», на которые и обратили внимание Л. Л. Касаткин с А. С. Феоктистовой.

После этого, как сообщает Леонид Леонидович, они сочли «необходимым продолжить наблюдения *над чухломским говором*¹» (курсив мой. — Н. Г.), чтобы выяснить степень распространённости обнаруженной диалектной особенности [Бурова, Касаткин 1977: 65], что и было сделано в 1973 и 1974 гг. в чухломских деревнях «с коренным русским населением» в центре акающего острова — Дудино, Ножкино, Григорьевском, Повалихино, Нестерово, Шартаново, Аринино. И там было выявлено диссимилятивное аканье и яканье. В 1974 г. они обследовали пять населённых пунктов на северо-западной и западной окраине Солигаличского района, но подобной особенности вокализма не обнаружили.

Автор этих строк, костромичка (не коренная, с белорусскими корнями), в силу ряда причин заинтересовалась статусом уникального Костромского акающего острова (далее — КАО). На некоторое время эта тема стала центральной в её диалектологической деятельности: автор лично и совместно со студентами Костромского пединститута проводила экспедиции в КАО чаще, чем в другие районы, и углубленно изучала литературу по данному вопросу. Целенаправленно побывала и в тех чухломских деревнях, за исключением Григорьевского и Нестерова, говоры которых привлекли внимание Л. Л. Касаткина, и передала ему магнитофонную

¹ Видимо, Л. Л. Касаткин понимает этот термин широко, прикладывая его не только к говорам Чухломского района, но и ко всем говорам акающего острова.

запись беседы с акающими жителями д. Шартаново. Основным информантом здесь выступила жена лесничего. Записи ее яркой речи позволили высветить лексическую специфику местного говора и особенности образа жизни шартановских акальщиков по сравнению с соседними окающими «турдиятами», к которым информантка относилась насмешливо, но уважительно.

Мои наблюдения относительно говоров КАО отразились в многочисленных статьях, монографии и докторской диссертации «Лексика говоров Костромского акающего острова: проблемы типологии»². В 1970–90-х годах мною были впервые выявлены и описаны переходные типы от оканья к аканью в междуречье Костромы и Унжи (в частности, в д.д. Селехове, Щербинине Ореховского с/с Галичского района и Николо-Ширском с/с Парфеньевского района). Исследование зафиксировало не только лингвистические факты, но и отношение населения к особенностям своего говора. Носители переходных говоров часто отрицали своё аканье, утверждая: «Нет-нет, мы не говорим свысока (т. е. по-городскому. — *Н. Г.*). Вот тут у нас в Селехове есть две из Чухломы, они говорят свысока» [Ганцовская 1975; Ганцовская, Новичихин 1988].

Я не ставила задачу подтвердить или опровергнуть выводы Л. Л. Касаткина о безударном вокализме чухломских говоров. Мои наблюдения над КАО были сосредоточены на широком спектре вопросов его особого статуса в пространстве междуречья Костромы и Унжи с преимущественным вниманием к лексике по методике, предложенной Г. Г. Мельниченко [Ганцовская 1996; 1997].

Комплексный анализ системы говоров КАО (с главной опорой на лексико-семантический аспект) позволил выявить их типологическое своеобразие на фоне соседних окающих говоров. Эти различия обусловлены экстралингвистическими факторами: историей заселения края и своеобразием черт материальной и духовной культуры населения. В вопросе о происхождении костромского аканья я опиралась на известную гипотезу Н. Н. Виноградова, которую поддерживал и Л. Л. Касаткин. Согласно ей, «закваской» для распространения аканья среди местного населения послужила акающая и якающая речь землевладельцев и их многочисленной челяди из восточных подмосковных уездов, чьи имения сгорели в Смуту. Они получили от Михаила Романова земли черносозных крестьян в Чухломском и Солигаличском уездах в качестве вознаграждения за поддержку нового царя и компенсации за сгоревшие усадьбы [Виноградов 1918].

До открытия Л. Л. Касаткиным нового, чухломского типа диссимилятивного яканья в науке господствовало мнение о недиссимилятивном характере костромского аканья и яканья. Положение о недиссимилятивности впервые было высказано Н. Н. Соколовым, который ещё в 1911 г. отмечал поразительное сходство КАО с переходными говорами Московской губернии [Соколов 1917: 139–140]. Эту позицию поддерживал П. С. Кузнецов, зафиксирована она и на карте Московской

² Из принципиальных соображений мы придерживаемся названия Костромской акающий остров (КАО), так как оно характеризует весь массив акающих говоров Междуречья Костромы и Унжи, а не только его определённой части.

диалектологической комиссии. И только в вузовском учебнике 2005 г. под ред. Л. Л. Касаткина Костромской акающий остров, названный им «Чухломским островом», был упомянут (но не описан) как территория с особым, редкостным типом диссимилиативного яканья [Русская диалектология 2005]. Однако исторические сведения о миграции сюда носителей такого типа говора, выходцев из южнорусских губерний, пока отсутствуют, хотя нельзя исключать возможность точечных или ограниченных переселений.

Вклад Л. Л. Касаткина в изучение костромских говоров уникален. В статье [Бурова, Касаткин 1977] представлен детальный анализ костромского аканья как редчайшего явления *инстратного* характера в окружении окающих говоров. Один из самых крупных специалистов в области русской фонетики, в том числе и экспериментальной, Леонид Леонидович (с соавтором) анализирует огромный звуковой материал. Как всегда, делает он это обстоятельно, с большим вниманием к различным фонетическим позициям, с учётом редких фактов не совсем ясной позиционной прикреплённости, на фоне частеречной характеристики слов, с обращением к трудам предшественников и современных исследователей рассматриваемых говоров. Этот глубокий, тонкий анализ сегодня практически неповторим: хотя границы КАО сохраняются, но исконное сельское население в этих местах почти исчезло.

Открытие Л. Л. Касаткиным особого типа диссимилиативного вокализма («чухломского») спустя годы по-прежнему будоражит воображение лингвистов. В 2016 г. экспедиция ИРЯ РАН (С. В. Дьяченко, И. И. Исаев, А. В. Малышева) обследовала с. Шартаново, Ильинское, д. Фомицино, Чертово, Старово, Панкратово, Белово, с. Ножкино, были опрошены около 20 информантов. Поначалу диалектологи фиксировали лишь умеренное яканье и даже начали сомневаться в выводах Л. Л. Касаткина. Однако при детальной расшифровке и анализе записей М. И. Киселёвой (род. в д. Аринино в 1930 г.), и только её одной, А. В. Малышева обнаружила «в точности тот самый тип вокализма», который описал Леонид Леонидович. Подготовленные ею материалы и лингвистический комментарий к ним готовятся к публикации в сборнике ИРЯ РАН.

Вернёмся к исследованиям Л. Л. Касаткина. Сумма наблюдений над акающими костромскими говорами привела его к выводу, что в чухломских говорах представлено диссимилиативное аканье белорусского, или жиздринского типа и диссимилиативно-умеренное яканье особого типа, который можно назвать чухломским [Бурова, Касаткин 1977: 76]. Он отмечает, что диссимилиация и после твёрдых, и после мягких согласных проявляется лишь на фонетическом уровне, «фонологически же такой тип яканья не отличается от недиссимилиативного, а тип яканья не отличается от умеренного» [Там же: 77].

2. Л. Л. Касаткин о статусе «Чухломского акающего острова» и говоров с неполным оканьем. В главе 2 моей монографии, где описывается история изучения говоров КАО в плане их типологии, есть специальный раздел, посвящённый разработке Л. Л. Касаткиным проблемы статуса Костромского акающего острова (КАО). Е. Г. Бурова и Л. Л. Касаткин в вышеупомянутой статье полагают,

что «есть все основания считать, что диссимильтивно-умеренное яканье верхнеднепровского типа могло развиваться из яканья чухломского типа. Из этого же типа в некоторых говорах могло возникнуть и умеренное яканье» [Бурова, Касаткин 1977: 78]. Мной обнаружена жизнеспособность этого тезиса в относительно недавних исследованиях Е. В. Николаевой, работавшей в русле школы известного тверского диалектолога Т. В. Кирилловой, и в работах московского исследователя Д. М. Савинова. Е. В. Николаева анализировала динамическое состояние современных диалектов Верхнеднепровской группы южнорусского наречия на территории Тверской области, и ее выводы перекликаются с мнением Е. Г. Буровой и Л. Л. Касаткина. Она видит несомненную генетическую последовательность типов вокализма, постепенный переход от диссимильтивного яканья жиздринской разновидности (д. Грива) через ступени диссимильтивно-умеренного (д. Безобразово) и умеренно-диссимильтивного (дд. Подсосенки, Холмец-1) типов яканья к умеренному (дд. Сазоново, Холмец-2), а также к системе, приближающейся к иканью (д. Холмец-3)³ [Николаева 2003: 13]. Редкий тип диссимильтивно-умеренного яканья, подобный чухломскому, замечен также Д. М. Савиновым в Тульской области [Савинов 2002: 65–66].

В 2002 г. Л. Л. Касаткин в статье «Диалектное членение русского языка, типология русских говоров и статус Чухломского акающего острова» вернулся к обсуждению статуса территории ряда районов КАО [Касаткин 2002: 25–40]. Он говорит о том, что для К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой, авторов новой группировки русских говоров [Захарова, Орлова 1964, 1970], как и для авторов первого диалектного членения русского языка 1915 г. (Дурново и др.) «сочетание аканья с произношением [г]» было решающим для определения говоров острова как среднерусских. «Но по первоначальному мнению В. Г. Орловой, аканье в Чухломском острове возникло спонтанно в результате внутреннего развития этих севернорусских говоров. Поэтому ни на карте 1964 г., ни в работе [Захарова, Орлова 1970] Чухломской остров не был выделен на территории северного наречия. *И только после моего и Е. Г. Буровой совместного обследования этих говоров и опубликования статьи о характере аканья, а также о некоторых других чертах южнорусского происхождения на территории Чухломского акающего острова (...)* К. Ф. Захарова и В. Г. Орлова, согласившись с моей точкой зрения, также выделили на Диалектологической карте русского языка чухломские говоры как среднерусские [Касаткин 2002: 37] (курсив в цитате мой. — Н. Г.), [Русская диалектология 1989]. Напрашивается вопрос: солигаличские, буйские, галичские, кологривские, парфеньевские акающие говоры также надо называть *чухломскими*? Напомним также, что уже Н. Н. Соколов (карта МДК 1914 г.) обозначил КАО цифрой 3, как подмосковные среднерусские говоры с умеренным яканьем.

Автор этих строк всю жизнь прожила в Костроме, после окончания Костромского пединститута работала в Жилинской школе Солигаличского района рядом с Корцовом, который считается эпицентром аканья. Став диалектологом, неоднократно

³ Грива, Безобразово, Подсосенки, Холмец — названия деревень.

посещала все шесть районов КАО с целью исследования их типологии, изучила литературу по теме и составила чёткое представление о своеобразии данного ареала: оно проявлялось только в безударном вокализме, в лексике же наблюдалось полное или почти полное сходство с окружающими окающими говорами. Факт лексического единства говоров междуречья Костромы и Унжи — окающих и акающих — неоспорим и отражен в «Словаре говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи»⁴ [Ганцовская 2015].

Лексика и фразеология говоров, кроме общеупотребительной (но и это также под сомнением), как известно, всегда локально окрашена и системна. В то же время каждая составляющая этой системы имеет свою индивидуальную географическую, историческую и иные характеристики, т.е. может служить маркером, важным для определения типологии говоров. Она сплавливает акающее и неакающее население КАО и других костромских ареалов, помогает общению тех и других как «своих», несмотря на фонетические особенности речи. Аканье переводит речь в другой стилистический регистр, отличия которого от речи «окальщиков» издавна понятны для сельского населения: окающий говор — истинно деревенский, естественный, акающая речь соседей — тоже деревенская, но с манерной городской окраской, как бы с претензией его носителей на более высокий социальный статус. Это в свое время поразило учителя Н. Нерехотского, приехавшего в начале XIX в. из окающей Нерехты в акающую Чухлому: он отметил, что не только в самом городе Чухломе, но и в деревнях говорят «свысока». Факт своеобразного восприятия акающей речи привлёк моё внимание в самом начале деятельности как диалектолога. В 1974 г. в д. Селехово Ореховского сельсовета Галичского района, где мы поселились со студентами, чтобы исследовать говоры по программе Общеславянского лингвистического атласа, в речи нашей хозяйки мы обнаружили своеобразный билингвизм, который точнее было бы назвать диглоссией: она то акала, то окала (например, говорила то *домá*, то *дамá* и т.д., чаще последнее). Когда мы сообщили ей об аканье, она категорически это отрицала: *«Нет, я не говорю свысока, вот у нас две женщины из Чухломы, они говорят свысока»*. В Новоширском сельсовете Парфеньевского района, который расположен между окающими и акающими говорами, обнаружилась та же ситуация: жители старательно открещивались от «обвинений» в аканье, заявляя, что они не говорят «свысока», тем самым выражая толерантность к привычной деревенской окающей речи и выставляя аканье как непрестижную, вычурную форму.

В статье 2002 г. Л. Л. Касаткин упрекал Н. Н. Пшеничнову в том, что на её карте [Пшеничнова 1996] Чухломской акающий остров не выделен как единая территория, а представлен лишь в виде пестрого набора разнородных говоров. По его мнению, это отражает ущербность данной классификации — «за деревьями не видит леса». В действительности же, как он замечает, говоры этого острова составляют целостную группу, их объединяет «самая важная в характеристике любого русского

⁴ Составлен на основе картотеки, собранной автором и частично студентами под её руководством.

говора черта — тип предударного вокализма, в данном случае аканье, противопоставляющее эти говоры акающим говорам» [Касаткин 2002: 37].

Наш опыт показывает: ситуация осложняется в тех случаях, когда речь идёт о необычных диалектных системах, говорах вторичного образования, особенно островных. Представляется, что для точного определения их специфики необходимы дополнительные критерии, помимо типа вокализма в первом предударном или иных слогах. Местные жители («обыватели») ориентируются прежде всего на лексический состав: необычная лексика, а это, в частности, и южнорусская лексика, почти исчезнувшая в КАО, замечается сразу, переводя их носителей в разряд «чужих».

Эта гипотеза представлена в моей монографии, в главе 2, где рассмотрены вопросы рецепции признаков говоров Костромского акающего острова интровертным и экстравертным населением Костромского Заволжья [Ганцовская 2007: 12–18].

С тезисом Л. Л. Касаткина о том, что типологическая классификация Н. Н. Пшеничновой — это «лишь первый и весьма несовершенный опыт» [Касаткин 2002: 37], трудно согласиться безоговорочно. Работа сложна для восприятия, необычна, но в то же время заставляет думать и сравнивать с иными диалектными членениями. Очевидно, что ни одна классификация русских говоров не может претендовать на абсолютную полноту и совершенство. Исследования Н. Н. Пшеничновой помогли мне задуматься над решением ряда вопросов относительно типологии говоров КАО, а также всех говоров, называемых костромскими, о спорном статусе нерехтских и красносельских говоров на западе Костромской области с «элементами переходности» как об окраинной части массива ивановских говоров Владимирско-Поволжской группы — как бы костромских и в то же время не совсем костромских.

Л. Л. Касаткин говорит о необходимости глубоких знаний в области лингвогеографии и истории языка для оценки диалектных материалов, вводимых в компьютер [Касаткин 2002: 37]. Следует добавить, что адекватный анализ невозможен без глубокого знания истории народа, заселявшего ту или иную территорию в разные периоды её существования — этого нам всем существенно не хватает. Мы не располагаем исчерпывающими данными об истории возникновения КАО, о судьбе речевого узуса в этом ареале, остается открытым и вопрос о его изначальном единстве (континуальности) или разрозненности (дискретности).

Скорее всего, КАО — это сложное единство. И, как кажется, здесь более чем где-либо неприменимо условное понятие *диалектный язык* как противопоставление *литературному языку*. Говоры КАО всё ещё сохраняют своеобразие, которое в потоке времени постоянно нивелируется. Прежде диалектных систем было больше, что обусловлено миграционными потоками из различных районов Подмосковья (где, как известно, *что ни двор, то говор*), каждая из них отличалась друг от друга и от литературного языка. Более консервативными оказались фонетические особенности, менее — грамматические и ещё в меньшей степени — лексические. Небольшое количество южнорусской лексики, по наблюдениям Г. Г. Мельниченко, Л. Л. Касаткина и др., все ещё сохраняется в говорах КАО, но, как мы установили на многочисленных примерах, скорее в виде изосем, чем изолекс.

В монографии [Ганцовская 2007] методами ареального анализа исследовалось также соотношение (сходство — различие) лексики говоров КАО с пограничными северно- и среднерусскими говорами, в том числе ивановскими, и с более удалёнными — московскими, тверскими и др.

Со времени создания «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе» вопрос о месте говоров Владимирско-Поволжской группы в диалектном членении русского языка остаётся дискуссионным: считать ли их севернорусскими или среднерусскими. Отсутствие оканья в безударных слогах, кроме первого предударного, где сохраняется полновесный, лабиализованный звук *о*, иная ритмическая структура слогов по сравнению с соседними окающими говорами определяет их промежуточный статус между севернорусскими и среднерусскими. Л. Л. Касаткин, решительно разделяя точку зрения Р. О. Якобсона, высказанную последним еще в 1916 г. и нашедшую воплощение в группировке говоров 1964 г., подчеркивает «кардинальное различие взглядов К. Ф. Захаровой — В. Г. Орловой, с одной стороны, и Н. Н. Пшеничновой — с другой» [Касаткин 2002: 28–29].

Проблема актуальна и для костромских диалектологов при уточнении статуса нерехтских и красносельских говоров, граничащих с ивановскими. В них так же, как и в соседних ивановских и шуйских, выражен ряд особенностей среднерусских говоров, хотя и более бледно. Эти говоры, наряду с владимирскими, ивановскими и нижегородскими, относятся к центральным русским говорам, входят в Северо-восточную диалектную зону, являются исторически севернорусскими и обладают однородной лексикой. Воспринимаются они людьми, проживающими на территории Костромской группы говоров (а это почти вся Ярославская область и Костромская вплоть до Унжи), как относительно схожие, правда, с ярко выраженным своеобразием фонетико-интонационного строя.

Сейчас наблюдается активизация сдвига севернорусских говоров в сторону среднерусских. Неполное оканье заметно уже на правом берегу Волги, непосредственно в Заволжском районе г. Костромы и близлежащих деревнях, а также в западных окрестностях Костромы вплоть до Ярославля. Подобное распространение черт среднерусских говоров ещё в 60-х гг. XX в. отмечала Р. Ф. Пауфوشيца даже в архаичных говорах Межевского района (верхняя Унжа), как будто бы застывших в средневековом статусе, в частности в говоре д. Фадеиха.

Итак, можно прийти к следующему выводу: динамичные диалектные системы — такие, как массив говоров КАО или системы с «намечающейся переходностью» (нерехтские, красносельские) — едва ли нуждаются в жёсткой классификации для уточнения статуса, поскольку их структура продолжает формироваться. Сегодня они подвергаются интенсивной трансформации под влиянием внутренних процессов, литературного языка и междиалектных контактов, но прежде всего — вследствие воздействия экстралингвистических факторов. Однако это не исключает необходимости реконструкции их исходного состояния и первоначальных типологических характеристик, что возможно только при детальном описании лингвистических особенностей. И в этом случае опора на исследования таких выдающихся учёных, как Л. Л. Касаткин, совершенно необходима.

Литература

Бурова Е. Г., Касаткин Л. Л. Чухломское аканье // Диалектологические исследования по русскому языку / ред. коллегия: Р. И. Аванесов (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1977. С. 64–85.

Виноградов Н. Н. Причины и время возникновения аканья в Чухломском крае. Петроград: Тип. Рос. Акад. наук, 1918. 16 с. (Отд. отд. из «Известий Отделения русского языка и словесности Российской академии наук». Т. 22 (1917 г.). Кн. 2).

Ганцовская Н. С. Костромской акающий остров и проблемы его изучения в трудах Г. Г. Мельниченко // Проблемы региональной лингвистики. Ярославль: ЯРГПУ, 1996. С. 14–17.

Ганцовская Н. С. Лексика говоров Костромского акающего острова: проблемы типологии. СПб.: Наука; Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. 228 с.

Ганцовская Н. С. Об ареальной специфике некоторых лексических групп Костромского акающего острова в лингвогеографической интерпретации Г. Г. Мельниченко // Русские народные говоры: проблемы изучения. Ярославль: ЯРГПУ им. К. Д. Ушинского, 1997. С. 30–32.

Ганцовская Н. С. Об окающе-акающем вокализме одного из костромских говоров // Проблемы лексикологии современного русского языка: сб. науч. тр. Вып. 10. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1975. С. 89–94.

Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова; М.: Книжный Клуб Книгобек, 2015. XXXI, 512 с.

Ганцовская Н. С., Новичихин В. И. Лексические связи акающих говоров междуречья Костромы и Унжи с восточными среднерусскими говорами // Среднерусские говоры: современное состояние и история: межвуз. тематич. сб. науч. тр. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1988. С. 42–50.

Даль В. И. О наречиях русского языка // Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. М.: Русский яз., 1981. С. XLI–LXXXV.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка // Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М.: Наука, 1965. С. 227–297.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1970. 168 с.

Касаткин Л. Л. Диалектное членение русского языка, типология русских говоров и статус Чухломского акающего острова // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 1 (7): К столетию со дня рождения Р. И. Аванесова. М.: Наука, 2002. С. 25–40.

Нерехотский Н. Слова, употребляемые жителями города Чухломы и его уезда, собранные учителем гимназии Николаем Нерехотским // Труды общества любителей российской словесности. Ч. 20. М., 1921. С. 144–150.

Николаева Е. В. Фонетические особенности южнорусских говоров Тверской области (к проблеме динамики диалекта). автореф. дис. ... канд. филол. наук / Твер. гос. ун-т. Тверь, 2003. 17 с.

Пиеничнова Н. Н. Типология русских говоров. М.: Наука, 1996. 207 с.

Русская диалектология / под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Наука, 2005. 288 с.

Савинов Д. М. Диссимилятивно-умеренное яканье в говорах Белозёрского района Тульской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 1 (7): К столетию рождения Р. И. Аванесова. М.: Наука, 2002. С. 65–66.

Соколов Н. Н. Акающие говоры Костромской губернии // Русский филологический вестник. 1917. Т. 78, № 3–4. Казань, 1918. С. 138–149.

Nina S. Gantsovskaya
Kostroma State University
(Russia, Kostroma)
gantsovsky_n@mail.ru

L. L. KASATKIN AND THE HISTORY OF THE STUDY OF KOSTROMA AKAYUSHCHY OSTROV

For many years, L. L. Kasatkin studied the problem of isolated akanya in Kostroma region, both theoretically and using field methods. Together with E. G. Burova, he identified the dissimilative akanye of the Belarusian (Zhizdrin) type and a special type of yakanye, metonymically called by him Chukhloma type, which, in his opinion, could have been the prototype of the dissimilative-moderate yakanye of the Verkhnedneprovsky (Upper Dnieper) type. It was this feature that he considered fundamental in determining the typology of Kostroma island dialects. L. L. Kasatkin's profound and nuanced research into the Kostroma akanye dialects continues to inspire scientific thought towards a more precise definition of the status of the Kostromskoi akayushchy ostrov (Kostroma akanye island) as a new intratotal formation within predominant Northern-Russia dialects with okanye. Also important for Kostroma dialectology is the consideration of L. L. Kasatkin's opinion, which coincides with R. O. Jakobson's position on the status of Vladimirsko-Povolzhsky-type dialects with incomplete okanye as dialects of the Central-Russia-type. The speech idiom of the western part of the Kostroma region includes Nerekhta and Krasnoselsky dialects with incomplete okanye and an emerging transition to Central-Russia dialects, close to the typology of Ivanovo dialects. In conclusion, the author of the article emphasizes L. L. Kasatkin's idea of the need for deep knowledge in linguogeography and language history for the proper assessment of dialect materials of complex structure, adding to this the importance of accurately accounting for dynamic extralinguistic aspects.

Keywords: L. L. Kasatkin, Chukhloma akanye and yakanye, Kostromskoi akayushchy ostrov, Western Kostroma dialects with emerging transitivity.

References

Burova E. G., Kasatkin L. L. [The Chukhloma akanye] // *Dialektologicheskie issledovaniya po russkomu yazyku* [Dialectological studies of the Russian language]. (Ed.: R. I. Avanesov). Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 64–85. (In Russ.)

Dal' V. I. [About the dialects of the Russian language] // *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. In 4 vol. Vol. 1. Moscow, Russkii yaz., 1981, pp. XLI–LXXXV. (In Russ.)

Gantsovskaya N. S. [Kostroma's Akayushchiy Island and the problems of its study in the works of G. G. Melnichenko] // *Problemy regional'noi lingvistiki* [Problems of regional linguistics]. Yaroslavl', 1996, pp. 14–17. (In Russ.)

Gantsovskaya N. S. [Vocabulary of the Kostroma Akayushchiy Island dialects: problems of typology]. SPb., Nauka Publ.; Kostroma, KGU im. N. A. Nekrasova Publ., 2007. 228 p. (In Russ.)

Gantsovskaya N. S. [On the areal specificity of some lexical groups of the Kostroma Akayushchiy Island in the linguogeographic interpretation of G. G. Melnichenko] // *Russkie narodnye govory: problemy izucheniya* [Russian folk dialects: problems of study]. Yaroslavl', 1997, pp. 30–32. (In Russ.)

Gantsovskaya N. S. [On the okayushchy-akayushchy vocalism of one of the Kostroma dialects] // *Trudy «Problemy leksikologii sovremennogo russkogo yazyka»* [Problems of lexicology of the modern Russian language: collection of scientific papers]. Is. 10. Yaroslavl', 1975, pp. 89–94. (In Russ.)

Gantsovskaya N. S. [Dictionary of Kostroma Trans-Volga Dialects: the area between the Kostroma and Unzha rivers]. Kostroma, KGU im. N. A. Nekrasova Publ., Moscow, Knizhnyi Klub Knigovek Publ., 2015. XXXI, 512 p. (In Russ.)

Gantsovskaya N. S., Novichikhin V. I. [Lexical connections between the Ak-sounding dialects of the Kostroma and Unzha interfluvium and the eastern Central Russian dialects] // *Trudy «Srednerusskie govory: sovremennoe sostoyaniye i istoriya»* [Interuniversity Thematic Collection of Scientific Papers "Central Russian Dialects: Current Status and History"]. Kalinin, 1988, pp. 42–50. (In Russ.)

Kasatkin L. L. [Dialectal division of the Russian language, typology of Russian dialects and the status of Chukhloma akayushchy island] // *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii. T. 1 (7): K stoletiyu so dnya rozhdeniya R. I. Avanesova*. [Materials and research on Russian dialectology. Vol. 1 (7). On the centenary of R. I. Avanesov's birth]. Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 25–40. (In Russ.)

Kasatkin L. L. (Ed.) [Russian dialectology]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 288 p. (In Russ.)

Nerekhotskii N. [Words used by residents of the town of Chukhloma and its district, collected by the gymnasium teacher Nikolai Nerekhotsky] // *Trudy obshchestva lyubitelei rossiiskoi slovesnosti* [Proceedings of the Society of Lovers of Russian Literature]. Ch. 20. Moscow, 1921, pp. 144–150. (In Russ.)

Nikolaeva E. V. *Foneticheskie osobennosti yuzhnorusskikh govorov Tverskoi oblasti (k probleme dinamiki dialekta)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Phonetic Features of the South Russian Dialects of the Tver Region (on the Problem of Dialect Dynamics)]. Tver', 2003. 17 p. (In Russ.)

Pshenichnova N. N. [Typology of Russian dialects]. Moscow, Nauka Publ., 1996. 207 p. (In Russ.)

Savinov D. M. [Dissimilative-moderate yakanye in the dialects of the Belozersky district of the Tula region] // *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii*. T. 1 (7): K stoletiyu so dnya rozhdeniya R. I. Avanesova [Materials and research on Russian dialectology. Vol. 1 (7). On the centenary of R. I. Avanesov's birth]. Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 65–66. (In Russ.)

Sokolov N. N. [The akayushchy dialects of the Kostroma province] // *Russkii filologicheskii vestnik*, 1917, vol. 78, no. 3–4, pp. 138–149. (In Russ.)

Vinogradov N. N. [The reasons and time of occurrence of akanya in the Chukhloma region]. Petrograd, 1918. 16 p. (In Russ.)

Zakharova K. F., Orlova V. G. [Dialectal division of the Russian language] // *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology] / ed. by R. I. Avanesov, V. G. Orlova. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 227–297. (In Russ.)

Zakharova K. F., Orlova V. G. [Dialectal division of the Russian language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1970. 168 p. (In Russ.)

М. Л. Каленчук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

mkalenchuk@yandex.ru

КАСАТКИН — ОРФОЭПИСТ

В статье предлагается анализ работ Л. Л. Касаткина в области русской орфоэпии. Его главная заслуга в орфоэпических изысканиях — то, что он смог придать этому участку звуковой системы русского языка теоретическое обоснование. Во многом благодаря работам Л. Л. Касаткина орфоэпия перестала выглядеть практическим приложением к фонетике. Перечисляются и раскрываются основные понятия, положенные в основу его орфоэпических исследований: предмет и объем орфоэпии, орфоэпема как единица орфоэпии, орфоэпическая позиция. Особое внимание уделено основной орфоэпической работе Л. Л. Касаткина — созданию «Большого орфоэпического словаря русского языка». В статье доказывается, что по жанру он является фундаментальным трудом академического типа, это проявляется в разных аспектах устройства словаря. В статье анализируются его сильные и слабые стороны. Л. Л. Касаткиным был разработан особый раздел в составе словаря — «Орфоэпические правила», раздел весьма объемный и не имеющий аналогов в отечественной произносительной лексикографии. По замыслу, в этих кратких правилах заключалась инструкция, на основе которой должны были выводиться кодификационные рекомендации по каждому конкретному слову. «Большой орфоэпический словарь» — достойный памятник Л. Л. Касаткину.

Ключевые слова: орфоэпия, орфоэпические нормы, лексикография, кодификация, словарная статья, Л. Л. Касаткин

1. Научные интересы Леонида Леонидовича Касаткина в области изучения русской звучащей речи столь разнообразны и обширны, что, наверное, легче сказать, чем он не занимался, чем назвать то, что входило в фокус его внимания. Но есть один раздел русистики, который Касаткин особо полюбил в последние десятилетия своей жизни, уже будучи маститым и известным лингвистом, автором многочисленных фонетических работ и для многих почти непререкаемым авторитетом в этой области. Речь идет о русской орфоэпии.

Впервые Леонид Леонидович заговорил со мной об орфоэпии приблизительно в 1987 году, через год после защиты моей кандидатской. Я помню каждую деталь

этой мизансцены, «картинка» стоит перед глазами: мы едем домой после занятий (мы вместе работали в МГПИ им. Ленина в то время), едем на метро, стоим, прижавшись к дверям, народу много. И вдруг ЛЛ говорит: «Маша, думаю, что Вы должны написать докторскую о русской орфоэпии». Честно говоря, я потеряла дар речи в этот момент. Конечно, я думала о направлении дальнейшей работы, но орфоэпия... Мне казалось, что Аванесов уже все сказал и делать на этом пространстве просто нечего. Если бы вы слышали, как хохотал Касаткин, когда я ему об этом сказала — звонко, громко и молодо. И как он был прав — оказалось, что объект неисчерпаем и работы хватит не одному поколению лингвистов.

Главная заслуга ЛЛ в его орфоэпических изысканиях, как мне кажется, это то, что он смог придать этому участку звуковой системы русского языка теоретическое обоснование. Во многом благодаря его работам орфоэпия перестала выглядеть практическим приложением к фонетике. ЛЛ ввел в научный оборот целый ряд принципиальных положений, описывающих орфоэпические проблемы. Перечислю только основные среди них.

- 1) Уточнение самого понятия *орфоэпия*, формулирование ее границ и строгое описание предмета изучения [Касаткин 2017: 159–164].
- 2) Введение понятия *орфоэпема*: «Основная единица орфоэпии — орфоэпема. Ее представляют варьирующиеся в одной и той же фонетической позиции звуки или фонемы и варьирующееся в одной и той же словоформе или в первой основе сложного слова место ударения» ([Касаткин 2017: 167].
- 3) Развитие понятия *орфоэпическая позиция* и выделение ее типов — собственно фонетические, другие языковые и неязыковые [Касаткин 2017: 175–190].

Но в этой статье я хочу остановиться лишь на одной орфоэпической работе Леонида Леонидовича, несомненно, самой важной и для него, и для читателей — это создание «Большого орфоэпического словаря русского языка», впервые изданного в 2012 году и неоднократно с тех пор переиздававшегося, как стереотипно, так и с изменениями. Леонид Леонидович был вдохновителем и редактором этого лексикографического труда и одним из его авторов наряду с Розалией Францевной Касаткиной и Марисей Леонидовной Каленчук [БОС 2012].

Мы работали над созданием БОСа пятнадцать лет, практически каждый день, без перерывов и пауз. Мы бесконечно переделывали и переписывали текст, меняя и сами словарные принципы, и формы представления материала. Мы постоянно обсуждали нашу работу, спорили до хрипоты, иногда немного ссорились и тут же мирились. Процесс был очень нелегким из-за грандиозности замысла, огромного объема словаря и определенных разногласий между авторами и необходимости находить приемлемые для всех троих решения. Иногда мы себя чувствовали немного как «лебедь, рак и щука». Но мы пытались это преодолеть, и в большинстве случаев нам это удавалось. Если мы находили какое-то новое решение, как в содержательном плане, так и в форме подачи орфоэпического материала, мы не позволяли себе прибегать к аргументам типа «уже так много сделано, переделывать еще раз невозможно». Мы вновь и вновь переписывали уже готовое, веря в то, что это ведет к улучшению словаря.

Но я хочу рассказать о БОСе и роли ЛЛ в его создании не в констатирующем плане (об этом уже не раз написано и сказано рецензентами разных уровней), а немного в другом ключе, глядя на эту работу с позиций сегодняшнего дня, что потребует от меня некоторую толику критического отношения к проделанному и осмысления того опыта, который обеспечил БОС почетное место в истории орфоэпии как науки. Уверена, что ЛЛ не обиделся бы на меня и как подлинный ученый оценил бы тот путь, который прошла его любимая орфоэпия после создания БОСа и во многом благодаря его созданию.

2. Словник БОС включает в себя около 100 000 слов, и критерии отбора вполне прозрачны и разумны. Формирование словника осуществлялось методом сплошной выборки слов, нуждающихся в орфоэпическом комментировании, из различных лингвистических и энциклопедических словарей, также добавлялись неологизмы, зафиксированные в средствах массовой информации. Как правило, в словарь не включались диалектизмы, жаргонизмы, просторечная лексика и узкоспециальные термины.

По охвату орфоэпических фактов и детальности описания их функционирования БОС является не просто словарем, а сводом современного русского литературного произношения. В нем описаны многие сегментные и акцентологические явления, в принципе не привлекавшие внимания специалистов раньше, например, возможность проявления гортанной смычки в некоторых позициях и вызванные ею «нарушения» синтагматики согласных звуков; отдельные особенности реализации [j] и механизм звуковой компенсации при его чередовании с нулем звука; инновации в месте ударения в формах прошедшего времени глаголов и кратких формах прилагательных и многое-многое другое.

В БОСе была разработана особая структура словарной статьи, представленная двумя противопоставленными зонами — зона ударения и зона произношения. Подобная структура была использована после БОСа и в других орфоэпических словарях, поскольку оказалась вполне удобной для пользователей. Очень тяжело решался вопрос о подаче орфоэпической информации, относящейся к разным подпарадигмам. Необходимо было противопоставить три случая: 1) информация относится ко всей парадигме; 2) информация относится к одной форме; 3) информация относится к определенной подпарадигме. Если первые две ситуации легко формализуются, то с третьей мы долго мучались. Перебирали разные возможности — от полного перечисления названий форм до неких обозначений подпарадигм условными символами. В результате был принят нестандартный для орфоэпического словаря подход с комбинацией различных приемов и использованием как букв, так и звуков. Такой ход оказался самым компактным и, как кажется, непротиворечивым, например:

забастóвка, забастóвки, *мн.* забастóвки, забастóвок, забастóвкам \ в формах с сочетанием в[к']: забастóвки... — забастó[ф]ки и допуст. стари. забастó[ф']ки;

набавля́ть, набавля́ю, набавля́ет \ наба[в]ля́ть; в формах с сочетанием ющ: набавля́ющий... — набавля́[йу]щий и набавля́[и]щий.

3. Известно, что в современной лексикографии сосуществуют два не конкурирующих между собой типа орфоэпических словарей — *фундаментальные словари академического типа* и *словари трудностей произношения*. Разница между этими словарями в первую очередь в мотивации пользователей при обращении к ним, а также в системе нормативной оценки звуковых вариантов и объеме предлагаемой орфоэпической информации. Несомненно, что БОС — фундаментальный словарь академического типа, и это проявляется в разных аспектах его устройства.

Мы ставили перед собой задачу создать полный свод произносительных явлений начала XXI в., продемонстрировав не только реализацию нормы, но и ее варианты. Подобный подход позволяет указать место конкретного варианта произношения на хронологической шкале, фиксируя как фонетические «архаизмы» разной степени удаленности от современного момента, так и «неологизмы». Также используемая система помет позволяет оценить степень употребительности и частотности произносительного варианта и возможные причины фонетической компрессии. Очевидно, что эти тонкости неважны для обычного носителя языка, ему не нужны детальные описания каждого отдельно взятого участка звуковой системы. Фундаментальный орфоэпический словарь не просто фиксирует и рекомендует или запрещает то или иное произношение: подача материала в словаре такого типа позволяет вскрыть механизмы проявления орфоэпических закономерностей. И это не та информация, за которой человек-непрофессионал обращается к орфоэпическому словарю, его запрос обычно сводится к оценке «правильно — неправильно», «литературно — не литературно», «можно — нельзя».

Таким образом, можно заключить, что БОС адресован в первую очередь специалистам, владеющим сложным метаязыком фонетического описания и способным понять все детали предложенных кодификационных решений. В самом этом факте нет ничего плохого, просто необходимо знать, кому в первую очередь будет полезен этот источник.

4. В словаре принята следующая система нормативных орфоэпических помет:

1. *и* — равноправные варианты (*ба́ржа* и *баржа́*, *а[бб]а́т* и *а[б]а́т*);
2. *и допуст. стари.* — указывает, что следующий вариант менее употребителен и относится к старшей норме (иначе *и допуст. стари.* иначе);
3. *и допуст. младш.* — указывает, что следующий вариант менее употребителен и относится к младшей норме (звало *и допуст. младш.* звало́);
4. *и допуст. устарелое* — более редкое, чем *допустимо старшее*, старомосковское произношение, встречающееся в современной речи (проти́[в]ник и *допуст. устарелое* проти́[в']ник);
5. *в беглой речи возможно* — более редкие варианты, встречающиеся при быстром темпе речи, в том числе в слабой фразовой позиции, т. е. не под основным ударением фонетической синтагмы или фразы (н[ий]тра́льный, в беглой речи возможно н[и]тра́льный).

Система нормативных помет в БОС имеет расчлененный характер, дифференцируя разные аспекты функционирования слов.

Система запретительных помет повторяет [Аванесов (ред.) 1983] — *не рекомендуется, неправильно, грубо неправильно*. Думается, что это не самое правильное решение. В основу используемой в «аванесовском» словаре трёхчленной запретительной шкалы положено представление о степени грубости отступления от нормы. Но, как показывает анализ, почувствовать разницу между «неправильно» и «грубо неправильно» во многих случаях затруднительно, многие решения носили условный характер.

5. Один из основных и наиболее спорных вопросов орфоэпии — о критериях принятия кодификационных рекомендаций. Для любого кодификатора этот вопрос особо важен, так как его решение предопределяет логику и процедуру перехода от живого произношения, от узуальной нормы к кодифицированной.

Существуют два подхода, определяющих алгоритм принятия решения при переходе от узуальных норм к кодифицированным, их принято называть — субъективный и объективный.

Субъективной оценкой фактов орфоэпической вариативности называют позицию безусловного представления о нормативности варианта, основанного на традиции, следовании авторитетным образцам и личном вкусе автора рекомендаций. А. М. Пешковский, критикуя такой подход, говорил о приоритете «литературно-языкового идеала»: «Первой и самой замечательной чертой его является поразительный консерватизм, равного которому мы не встречаем ни в какой другой области духа. Из всех идеалов это единственный, который лежит целиком позади. “Правильной” всегда представляется речь старших поколений, предшествовавших литературных школ. Нормой признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет» [Пешковский 1959: 55].

Объективная оценка орфоэпических вариантов может быть только результатом социолингвистических исследований узуса.

Выбор методологии — объективный или субъективный подход к оценке произносительных вариантов — неразрывно связан с вопросом о выборе критериев для рекомендации одного из сосуществующих вариантов произношения в качестве кодифицированной нормы.

Какая же методология была использована при принятии кодификационных решений в БОСе? Пожалуй, это самый спорный момент при оценке любого орфоэпического словаря. Думается, что подход был смешанным, что отразилось в особом внимании к «младшей» норме.

6. Л. Л. Касаткиным был разработан особый раздел в составе словаря — «Орфоэпические правила», раздел весьма объемный и не имеющий аналогов в отечественной произносительной лексикографии. По замыслу, в этих кратких правилах заключалась инструкция, на основе которой должны были выводиться кодификационные рекомендации по каждому конкретному слову. Необходимо

отметить, что эти «Орфоэпические правила» представляют собой самостоятельную ценность вне связи со словарем. По значимости их можно сравнить только с работой Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение» 1984 года. При этом ЛЛ описывал норму для другого хронологического среза, чем Аванесов, норму первой трети ХХI века, что явилось бесценным источником информации о динамике орфоэпических изменений.

Откуда ЛЛ брал информацию для «Правил»? Конечно, из разных источников. Это и прекрасно знакомые ему теоретические работы фонетистов, и данные различных словарей, и результаты проводимых им и его коллегами исследований, скажем, по побочному ударению, и метод самонаблюдения и др. Но надо сказать откровенно — в основном ЛЛ формулировал решения на основе своего чувства языка, интуиции, выросшей из огромного опыта и данных ему от природы качеств и умений. Обычно мы стесняемся говорить, что подключаем языковое чутьё к анализу звуковых явлений, это производит впечатление ненаучности и некоторого волюнтаризма. Но ЛЛ умудрялся в большинстве случаев, применяя абсолютно субъективный метод исследования, нащупать в его основе объективное начало. «Правила» настолько детальны, учитывают столь значительное число релевантных факторов и охватывают такой обширный языковой материал, что проверить их реалистичность до сих пор невозможно. Каждая позиция требовала бы проведения отдельного исследования.

Не могу скрыть, что многие выведенные формулы кажутся мне сомнительными, при этом меня крайне смущает необходимость учета одновременно большого числа условий. Например, рассмотрим всего один вопрос — реализация сочетания *аз*. В «Правилах» предлагается следующая иерархия позиций:

1. В начале слова
 - 1.1. При ударении на первом гласном
 - 1.2. При ударении на втором гласном
 - 1.3. Перед ударным слогом
 - 1.3.1. Перед твердым согласным
 - 1.3.2. Перед мягким согласным
 - 1.4. Перед первым предударным слогом
 - 1.4.1. При отсутствии заударных слогов
 - 1.4.1.1. В более употребительных словах
 - 1.4.1.2. В менее употребительных словах
 - 1.4.2. При наличии заударных слогов
 - 1.4.2. При отсутствии заударных слогов

Задумайтесь, это крошечный фрагмент системы — реализация одного вокалического сочетания и только в позиции начала слова. И я перечислила лишь начало списка релевантных факторов. Еще раз скажу честно, это распределение никто не верифицировал, это результат личного анализа ЛЛ. И хотя мне хочется сказать, что, возможно, он неправ, но весь мой опыт показывает, что почему-то он всегда оказывался правым, а его решения верными, просто это не всегда сразу очевидно.

Какие нормы положены ЛЛ в основу кодификации в «Правилах»? Несомненно, узуальные, поскольку во многих случаях он выступал как субъект нормы, описывая свое реальное произношение. И этот подход при всех его недостатках — ограниченность выборки информантов — позволяет говорить, что БОС в той или иной мере избежал основной проблемы современной лексикографии орфоэпического типа, а именно: кодификация отстает от языковой реальности, авторы словарей во многих случаях игнорируют узуальные нормы.

А нужна ли такая дескриптивная детальность для кодификации? А вот в этом я не уверена. Иначе словарь превращается в многотомную монографию. Когда мы с Розалией Францевной составляли словарные статьи, мы старались опираться на формулы, выведенные ЛЛ. Но во многих случаях у нас это не получалось, в первую очередь потому, что учет всех заложенных в инструкцию условий делал словарную статью настолько перегруженной трудно понимаемой информацией, что это могло только отпугнуть читателя. Приходилось немного упрощать процедуру. Как к этому относился ЛЛ? Не скрою, плохо. Ругал нас и обижался. Уменьшают ли высказанные мною сомнения ценность «Большого орфоэпического словаря»? Ни в коем случае. Его появление несомненно является серьезным этапом в развитии отечественной лексикографии орфоэпического типа. А сам словарь — достойный памятник Леониду Леонидовичу.

Литература

Касаткин Л. Л. Избранные труды. Т. 1. М.: Издательский дом ЯСК, 2017.

БОС — Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века норма и ее варианты. М. Л. Каленчук, Л. Л. Ксаткин, Р. Ф. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017, 1024 с.

Mariya L. Kalenchuk

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
mkalenchuk@yandex.ru*

KASATKIN–ORPHOEPIST

The article offers an analysis of L. L. Kasatkin's works in the field of Russian orthoepy. His main contribution to orthoepical research is that he was able to give this section of the sound system of the Russian language a theoretical basis. Largely due to his work, orthoepy ceased to look like a practical application to phonetics. The main concepts underlying his orthoepical research are listed and disclosed: the subject and scope of orthoepy, the orthoepeme as a unit of orthoepy, and the orthoepical position. Special attention is paid to the main orthoepical work of L. L. Kasatkin — the creation of the "Large orthoepical Dictionary of the Russian language." The article proves that this is a fundamental

academic-type dictionary by genre, which is manifested in various aspects of its structure. It describes the various problems of this lexicographic source, its strengths and weaknesses. L. L. Kasatkin developed a special section in the dictionary — “Orthoepical rules”, a very voluminous section that has no analogues in Russian pronunciation lexicography. According to the plan, these brief rules contained instructions on the basis of which codification recommendations for each specific word were to be derived. The Great Orthoepical Dictionary is a worthy monument to L. L. Kasatkin.

Keywords: orthoepy, orthoepic norms, lexicography, codification, dictionary entry, L. L. Kasatkin

References

L. L. Kasatkin. *Izbrannye trudy* [Selected works]. T. 1. Moscow: Izdatel'skij dom YASK, 1971, 590 p.

M. L. Kalenchuk, L. L. Kasatkin, R. F. Kasatkina. *Bol'shoj orfoehpicheskij slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka norma i ee varianty* [A Comprehensive Orthoepic Dictionary of the Russian Language. Literary Pronunciation and Stress of the Early 21st Century: Norms and Variations]. Moscow: AST-PRESS KNIGA, 2017, 1024 p.

ЭТИМОЛОГИЯ

Ж. Ж. Варбот

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
zhannavarbot@yandex.ru

К ЭТИМОЛОГИИ НЕСКОЛЬКИХ КОСТРОМСКИХ ДИАЛЕКТИЗМОВ

Статья состоит из трех частей. В первой части рассматривается происхождение диал. костром. *прóзер* ‘позвоночник’. Образование слова от гл. **prozьrěti* ‘смотреть’ очевидно, однако непонятна мотивация названия. Производность русск. *позвоночник* от *позвонок*, а *позвонок* — от *звоно/звено* позволяют предполагать для *прóзер* первичность денотата позвонок/звено. Соответственно мотивация для *прóзер* реконструируется как ‘прозрачное место = отверстие’. Последняя реконструкция является аргументом в поддержку ранее предложенной этимологии слав. **zveno* < и.-е. **gh'ēu-* ‘зять’.

Вторая часть посвящена этимологизации диал. костром. *хоровей* ‘иней’. Вероятность родства с диал. *хоровитый* ‘красивый, ладный’ позволяет предполагать для обоих слов производящее прилагательное ***хоронъ(ь)*, родственное с *хоровина*, и далее происхождение из **sker-* ‘резать’.

В третьей части рассматриваются костром. *сáлицы* ‘балки под коньком крыши’ и *ссáлить* ‘состругать’, которые возводятся к *сáло* с его мотивационной семантикой ‘связанное с осадком, покрытием’.

Ключевые слова: диалектная лексика, семантическая реконструкция, этимология.

I. Диал. костром. *прóзер* зафиксировано как обозначение позвоночника [Ганцовская 2015: 321]. Очевидно образование этого слова от гл. **prozьrěti* ‘смотреть’, однако непонятна мотивация названия. Принцип наименования проясняется отношениями производности русск. *позвоночник* — от *позвонок* и *позвонок* — от *звоно/звено* [Фасмер III: 303]. Видимо, можно предполагать, что первичным денотатом слова *прóзер* был позвонок как предмет с отверстием («прозрачный») и лишь вторично позвоночник как соединение, последовательность позвонков (ср. англ.

vertebra ‘позвонок’ и *vertebrai* ‘позвоночник’). Соответственно для наименования позвонка / звена (в позвоночнике) *prózer* (как производного от **prozbrěti* ‘смотреть’) реконструируется мотивация ‘просматриваемое место = отверстие’, ср. русск. диал. *прозор* ‘открытый вид куда-либо’ [Даль² III: 385].

Словообразовательные отношения и мотивация русск. диал. костром. *prózer* являются аргументом в поддержку ранее предложенной этимологии слав. **zveno* < и.-е. **gh'ēu-* ‘зять’ [Варбот 2012: 78–81].

II. Костром. *хоровей* ‘иней’ [Ганцовская 2015: 405] было истолковано О. В. Востриковым на основе прибалт.-фин. заимствования: фин. *härmä* ‘иней’, эст. *härm* ‘иней’ > русск. диал. *харма*; русская форма *хоровей* была объяснена как производная от глагола *захормовать* > (при выпадении *м*) *захаровать*. [Востриков 1981: 39–40]. При достаточной убедительности версии заимствования диал. *харма*, предложенное объяснение формы *хоровей* сомнительно. Представляется возможным другой путь от *харма* к *хоровей*, а именно: преобразование производного **хармовый* под влиянием диал. *хоровитый* ‘красивый, ладный’ [Даль² IV: 561] или даже, исходя из эстетического восприятия этого природного явления как первичной мотивации, генетическое тождество *хоровей* с прилаг. диал. *хоровитый*.

Можно предположить далее, что *хоровей* является субстантивацией прилагательного ***хоровый* (***хоровъѣ*), от которого образовано *хоровитый*.

Относительно *хоровитый* предполагается родство с *хороший* [ЭССЯ 8: 81], а для *хороший* на основании сопоставления с *хорохора*, *хорхора* ‘рваная одежда, тряпье’ и *хорохориться* ‘красоваться’ и ‘задираться’ предполагается происхождение из этимологического гнезда глагола **sker-* ‘резать’ [Варбот 1981: 28–42; Варбот 2012: 331–333]. Дополнительным аргументом в поддержку этого толкования является русск. диал. (моск.) *хорохорить* ‘строгать рубанком’ [СРНГ 51: 299], поскольку глагол подтверждает генетическую связь со **sker-*.

Предполагаемое ***хоровъѣ* может быть производным от существительного ***xor-* (ср. *хорохора* ‘рваная одежда, тряпье’), производного от **sker-* ‘резать’ и морфологически тождественного с **kora*, так что ***хоровъѣ* первоначально обозначало ‘подобный коре = шершавый’ как *kor'avъѣ* от **kora*. В свою очередь ***хоровъѣ* является непосредственным производящим для **хоровина* ‘шкура, кожа’ (возводимого к **sker-* ‘резать’ [ЭССЯ 8: 80–81]), а также для *хоровитый* и субстантивированного *хорovéѣ* ‘иней’ при восприятии инея как шершавый налет, подобный бахrome, и при народноэтимологическом преобразовании прилагательного в существительное с суф. *-ей*.

III. Костром. *сáлицы* мн. ‘верхние бревна под коньком крыши’ [Ганцовская 2015: 341] и *ссáлить* ‘соstrугать, снять стружку’ [Там же 364], априори объединяемые производящей основой *сал-*, позволяют предполагать для этой основы семантику поверхности, покрытия, что по существу соответствует мотивационной семантике русск. *сало* ‘жировое наслоение’, производного от **saditi*. Это один из нечастых

в этимологическом исследовании случаев, когда семантика производных (здесь *салицы* и *ссалить*) более близка к мотивационной основе производящего (здесь — ‘связанное с оседанием, расположением, помещением’), чем семантика производящего *сало*, см. также диал. казан. *усáлить* ‘поместить, устроить’ [СРНГ 48: 39]. Подобная «удаленность» характеризует также омонимичное *сáло* ‘кон, место «вне игры», в детских играх’, откуда *осáлить* собственно ‘остановить, осадить’ [Варбот 2002: 306–307], и *сáлка* ‘ямка при игре в шары, мяч’ (псков., курск., ворон.), ‘зарубка, паз в бревне’ (ряз.), *сáлки* мн. ‘ловушка на небольших зверьков’ (забайкал.) [СРНГ 36: 62]. Кстати, значение *сáлки* мн. ‘ловушка на небольших зверьков’ свидетельствует о вторичности = народноэтимологической природе так называемого «пищевого» кода в терминологии детских салок (*каша* ‘кон’) (см. о «пищевом» коде [Березович 2007: 349–356, 392–393, 397–399]).

Литература

- Березович Е. Л., Осипова (Пьянкова) К. В. «Пищевой» код в дискурсе игры // Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007. С. 341–404.
- Варбот Ж. Ж. Славянские этимологии // Этимология 1979. М., 1981. С. 28–42.
- Варбот Ж. Ж. К этимологии праслав. **sadlo* > русск. *сало* // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. Сб. Статей к юбилею Галины Александровны Золотовой. М., 2002. С. 306–307.
- Варбот Ж. Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. М.-СПб: Нестор-История, 2012. 648 с.
- Варбот Ж. Ж. Память славян в словах. Этимологические этюды. М., 2023. 360 с.
- Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 3–45.
- Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья. Кострома, 2015.
- Даль² — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. Изд. 2. М., 1955 (= СПб, М. 1882).
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого языка О. Н. Трубачева. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1964–1976.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Отв. ред. О. Н. Трубачев, А. Ф. Журавлев, Ж. Ж. Варбот. Вып. 1–42. М.: Наука, 1974–2021.

Zhanna Zh. Varbot

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia Moscow)*

zhannavarbot@yandex.ru

ON THE ETYMOLOGY OF SEVERAL DIALECTICISMS FROM KOSTROMA REGION

The article consists of three parts. The first part examines the etymology of the Kostroma dialect word *prózer* ‘spine’. Its derivation from the verb **prozbrěti* ‘see’ is obvious, but the motivation behind the name remains unclear. Since Russian *pozvonochnik* ‘spine’ is derived from *pozvonok* ‘vertebra’ and *pozvonok* comes from *zvono/zveno* ‘link’, it is probable that *prózer* originally meant ‘vertebra / link’. Thus the motivation for *prózer* is reconstructed as ‘transparent spot = opening’, which supports the previously proposed etymology of Slavic **zveno* < Indo-European **gh̥ēu-* ‘gape’.

The second part focuses on the origin of the Kostroma dialect word *khoro véj* ‘rime’. Its probable connection with the dialectal *khoro vityj* ‘beautiful, well-built, handsome’ suggests that both words derive from the adjective **xorovъ(jь)*, related to *khoro vina*, and ultimately going back to **sker-* ‘to cut’.

The third part analyses the Kostroma dialect words *sálicy* ‘beams under the roof ridge’ and *ssálit* ‘to plane down, shave off’. Both are traced to *sálo* ‘lard’, with its motivational semantics of ‘something connected with sediment or surface coating’.

Keywords: dialectal lexis, semantic reconstruction, etymology

References

- Berezovich E. L., Osipova (Pyankova) K. V. «Pishchevoy» kod v diskurse igry // Berezovich E. L. *Yazyk i tradicionnaya kul'tura. Etnolingvisticheskiye issledovaniya*. M., 2007.
- Dal' V. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. Vol. I–IV. 2 ed. Voscov, 1955 (=1882).
- Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Red. Trubachev, Zhuravlev, Varbot. Vol. 1–42. Moscow, 1974–2021.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. Perevod O. N. Trubacheva. I–IV. Moscow, 1964–1973.
- Gancovskaya N. S. *Slovar' govorov Kostromakogo zavolzhya*. Kostroma, 2015.
- Varbot Zh. Zh. *Slavyanskiye etimologii* // *Etimologiya*. Moscow, 1981.
- Varbot Zh. Zh. *K etimiligii Praslav. Sadlo > Rus. сало* // *Kommunikativno-smysloye parametry grammatiki i teksta K yubileyu G. A. Zolotovoy*. M: 2002.
- Varbot Zh. Zh. *Issledovaniya po russkoy i slavyanskoy etimologii*. Moscow-SPb., 2012.
- Varbot Zh. Zh. *Pamyat' slavyan v slovah*. Moscow, 2023.
- Vostrikov O. V. *Finno-ugorskiye elleksicheskiye element v russkikh govorah Volgo-Dvinskogo mezhdurechya* // *Etimologicheskkiye issledovaniya*. Sverdlovsk, 1981. P. 3–45.

И. Б. Иткин

Институт востоковедения РАН;

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(Россия, Москва)

ilya.borisovich.itkin@gmail.com

ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭТИМОЛОГИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *СКРОЗЕКОЗНЫЙ*

Заметка посвящена вопросу об этимологии засвидетельствованного в «Причитаниях Северного края», записанных в XIX в. Е. В. Барсовым, редкого прилагательного *скрозекозный* ‘≈ зловерный, чинящий неприятности’. Этимологические решения, предложенные ранее О. Д. Суриковой и Т. В. Шалаевой, основаны на предположении о тождестве второй основы этого прилагательного существительному *козни*. В настоящей работе мы, напротив, стараемся показать, что сходство между словами *скрозекозный* и *козни* может быть лишь результатом народно-этимологического сближения. Делается утверждение о том, что в качестве второй части сложного слова с первой частью *скроз(е)*- ‘сквозь’ естественно ожидать обозначения среды, через которую нечто проходит. Это утверждение обосновывается, в частности, наличием в русских говорах слова *скрозьземельный* с основным кругом значений типа ‘наблюдательный, проницательный, много знающий’ (на основе метафоры ‘видящий сквозь землю’). Соответственно, для слова *скрозекозный* реконструируется исходный вид **скрозекожный*, буквально ‘проникающий сквозь кожу (подобно насекомым-паразитам)’ с последующей дистантной ассимиляцией *з...ж* → *з...з*. Кратко рассматривается также вопрос о соотношении прилагательного *скрозекозный* с также засвидетельствованным в олонечких плачах эпитетом *кознекозный* с тождественным или близким значением. Наиболее вероятным сценарием признается (окказиональное?) преобразование «темной» формы *скрозекозный* в форму с усилительным повтором по модели типа *вековечный*.

Ключевые слова: диалектная лексика, этимология, словообразование, ассимиляция, народно-этимологические преобразования.

Прилагательное *скрозекозный* — едва ли не самая интригующая лексическая единица, встретившаяся в «Причитаниях Северного края», записанных во второй половине XIX века Е.В. Барсовым.

Семантика слова *скрозекозный*, пусть в самых общих чертах, понятна и не вызывает особых разногласий среди исследователей. Это определение всегда

относится к вышестоящим («властям», «начальству», «судьям»), обозначая какое-то их отрицательное качество, причем не замкнутое на своих обладателей (как, например, тяга к спиртному или трусость), а самым прямым образом влекущее за собой разнообразные горести и тяготы для нижестоящих (простых людей, крестьян) — ср. типичный контекст:

И про зло это начальство страховитое,
И про злых этих судей да скроекозных!

Поэтому вполне естественно выглядят имеющиеся толкования: «*Скроекозный* — зловерный, всюду чинящий козни» [Причитания 1960: 426] (издание подготовлено Б. Е. Чистовой и К. В. Чистовым), «такой, который чинит неприятности» [Сурикова 2019: 338]. Впрочем, заслуживает уважения и осторожность авторов «Словаря русских народных говоров»: в соответствующей статье какое бы то ни было толкование отсутствует и заменено выразительной пометой «[Знач. ?]» [СРНГ 38: 146].

Что касается этимологии слова *скроекозный*, нам известны две недавних работы, в которых рассматривается этот вопрос. О. Д. Сурикова выводит прилагательное *скроекозный* непосредственно из выражения *строить козни* и, соответственно, считает его результатом преобразования гипотетической более ранней формы **строекозный* [Сурикова 2019: loc. cit.]. Это решение вызвало справедливые, на наш взгляд, возражения Т. В. Шалаевой («во-первых, структура **строекозный* нигде не отмечается; во-вторых, основы *строй-* и *скроз-* не являются настолько близкими фонетически, чтобы влиять на структуру друг друга») [Шалаева 2024: 240]. Т. В. Шалаева, в свою очередь, предлагает рассматривать *скроекозный* как «сложение наречия *скрозь* (*скрое*) ‘полностью, целиком, насквозь’ и прилагательного **козный*, к значению которого добавляется сема ‘очень, в высокой степени’» [там же: 241]. Такая интерпретация, однако, вызывает не менее серьезные сомнения. Во-первых, прилагательное **козный* в таком или близком значении, как кажется, опять-таки нигде не засвидетельствовано. Во-вторых, столь существенный сдвиг значения у наречия *скрозь* приходится постулировать явно ad hoc: как указывает сама Т. В. Шалаева, «в “Причитаниях” *скрозь* функционирует исключительно как предлог в значении ‘через, сквозь’» [там же: 240]. Наконец, как таковая возможность сложения пространственного предлога *скрозь* с прилагательным, образованным от существительного *козни*, едва ли может быть чем-то обоснована: приводимые исследовательницей в качестве параллели сложения типа *многомудрый* или *маловероятный* устроены совершенно иначе: они образуются путем присоединения параметрических наречий *много* и *мало* к уже существующим прилагательным (ср. *мудрый*, *вероятный* и т. д.).

Как видно, все, кто писал о слове *скроекозный*, считают его родство со словом *козни* само собой разумеющимся (применительно к Б. Е. и К. В. Чистовым это явствует из приведенного выше толкования). Однако, как мы старались показать, со словообразовательной точки зрения такую трактовку оправдать трудно. Из общих соображений в качестве второй части сложного слова с первой частью *скроз(е)-* ‘сквозь’ естественно ожидать обозначения среды, через которую нечто проходит. Действительно: единственный (помимо *скроекозный*) композит такой структуры, засвидетельствованный в русских говорах, — прилагательное *скрозьземельный*

(вследствие упрощения геминаты также *скроземельный*) с основным кругом значений типа ‘наблюдательный, проникающий, много знающий’ [СРНГ 38: 150, 146] (на основе метафоры ‘видящий сквозь землю’); ср. также с синонимичной первой основой *провалиться сквозземно* (из **сквозьземно*) ‘исчезнуть внезапно’ и т. д. (подробнее об этом гнезде см. [Шалаева 2024: 240–241]). Мы предлагаем считать, что форма *скрозекозный* представляет собой результат преобразования первоначального **скрозекожный*, буквально ‘проникающий сквозь кожу (подобно насекомым-паразитам)’.

Некоторой семантической параллелью к гипотетическому **скрозекожный* может служить русское литературное прилагательное *въедливый*, в целом имеющее скорее негативную окраску. Другую параллель составляет широко употребительное в сленге хоккеистов и спортивных журналистов выражение *залезать под кожу* ‘провоцировать соперника грязной игрой и оскорбительными высказываниями’ (калька английского *get under skin*), ср. несколько наугад взятых примеров из Интернета:

«Залезает под кожу, играет нагло». Илья Летов назвал самого раздражающего хоккеиста в составе «Динамо-Молодечно»

— Будет ли СКА как-то пытаться действовать по Максиму Комтуа, который умеет хорошо залезать под кожу соперникам?

— Для того, чтобы залезать под кожу соперника — габариты и кулаки вовсе не нужны.

С фонетической точки зрения появление формы *скрозекозный* с *з* на месте *ж* может объясняться либо дистантной ассимиляцией *з...ж* → *з...з*, либо характерным для некоторых северных говоров шоканьем — смешением свистящих и шипящих. Нам кажется более вероятным первое объяснение.

Безусловно, определенную проблему для предлагаемой этимологии составляет прилагательное *кознекозный* [Шалаева 2024: 241]. Это прилагательное также засвидетельствовано в олонецких плачах и по употреблению явно сходно со *скрозекозный*, ср. *Вблизи-то супостатов тех, что кознекозных* [СРНГ 14: 71]. Теоретически соотношение форм *скрозекозный* и *кознекозный* может объясняться одним из трех сценариев:

- 1) сближение двух первоначально не связанных между собой слов (**скрозекожный* < *скрозь кожу* vs. *кознекозный* < *козни* + *козни*). Этот вариант представляется слишком сложным¹;
- 2) преобразование *кознекозный* → *скрозекозный* (принятие этого сценария, разумеется, влечет за собой отказ от предлагаемой нами этимологии). Однако для изменения вполне прозрачной по своей структуре формы *кознекозный*

¹ Полностью исключить такую возможность, однако, нельзя. Достаточно сказать, что, по-видимому, именно взаимным уподоблением объясняется фонетическая близость двух синонимичных предлогов — литературного *скрозь* и диалектного *скрозь*: общее происхождение двух этих лексем невероятно [Фасмер 1986–1987, т. III: 637, 658].

в *скрозекозный* как будто бы нельзя усмотреть никаких убедительных оснований. Кроме того, в таком случае пришлось бы признать случайной параллель между формами *скрозекозный* и *скро(зь)земельный*;

- 3) а) ассимиляция **скрозекожный* → *скрозекозный*; б) переосмысление формы *скрозекозный* как связанной со словом *козни* (народная этимология, «поддержанная», как это нередко бывает, и специалистами-этимологами); в) (окказиональное?) преобразование «темной» формы *скрозекозный* в более понятную *кознекозный*: модель с повтором корня хотя и встречается редко, русскому языку известна, ср. *вековечный*. Именно этот сценарий мы склонны считать наиболее правдоподобным.

Этимологическое решение, предложенное нами в настоящей краткой заметке, не лишено слабых мест. Тем не менее оно, как нам хотелось бы думать, имеет некоторые преимущества перед гипотезами о происхождении прилагательного *скрозекозный*, выдвигавшимися ранее.

Литература

Причитания / Вступ. ст. и прим. К.В. Чистова, подг. текста Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова. 2-е изд. (Библиотека поэта. Большая серия.) Л.: Советский писатель, 1960. 434 с.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–24), Ф. П. Сороколетов (вып. 25–46), С. А. Мызников (вып. 47–). Тт. 1–52–. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–.

Сурикова О. Д. «Причитания Северного края» Е. В. Барсова как источник изучения лексики Русского Севера // Славянские архаические ареалы в пространстве Европы / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2019. С. 330–353.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Тт. I–IV. М., 1986–1987.

Шалаева Т. В. К этимологии слова *скрозекозный* в «Причитаниях Северного края» Е. В. Барсова // Актуальные проблемы русской диалектологии. Материалы Международной конференции 25–27 октября 2024 г. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2024. С. 240–242.

I. B. Itkin

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, HSE University
(Russia, Moscow)*

ilya.borisovich.itkin@gmail.com

THE ETYMOLOGY OF THE ADJECTIVE *SKROZEKOZNY* REVISITED

This short paper is devoted to the etymology of the rare adjective *skrozekozny* ‘≈ malicious, causing trouble’, which was attested in the “Lamentations of the Northern Region” written down in the 19th century by E. V. Barsov. The etymological solutions

proposed earlier by O. D. Surikova and T. V. Shalaeva presuppose that the second stem of this adjective is identical to the noun *kozni*. On the contrary, we attempt to prove that the similarity between the words *skrozekozny* and *kozni* can only be the result of folk etymological rapprochement. We assert that, considering the meaning the first part *skroz(e)-* is ‘through’, the second part of a compound word should naturally designate the substance through which something passes. This assertion is substantiated, in particular, by the fact that in Russian dialects there is a word *skrozzemelny* with the main range of meanings like ‘observant, insightful, knowledgeable’ (based on the metaphor ‘seeing through the earth’). Accordingly, for the word *skrozekozny* we reconstruct the original form **skrozekozhny*, literally ‘penetrating the skin (like parasitic insects)’ with subsequent distant assimilation *z...zh* → *z...z*. The issue of the relationship between the adjective *skrozekozny* and the epithet *koznekozny* with an identical or close meaning, also attested in Olonetsky laments, is briefly considered as well. The most probable scenario is that the “opaque” form *skrozekozny* (occasionally?) transformed into a form with an intensive reduplication similar to the model of *vekovechny* ‘everlasting’.

Keywords: dialectal vocabulary, etymology, word formation, assimilation, folk-etymological transformations.

References

Fasmer M. *Ètimologicheskij slovar` russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. I–IV. Moscow, 1986–1987.

Prichitaniya [Lamentations]. 2nd ed. (Biblioteka poëta. Bol’shaya seriya.) Leningrad, Sovetskij pisatel’, 1960. 434 p.

Shalaeva T. V. [On the etymology of the word *skrozekozny* in «Lamentations of the Northern Region» by E. V. Barsov]. *Aktual’nye problemy russkoj dialektologii. Materialy Mezhdunarodnoj konferenczii 25–27 oktyabrya 2024 g.* [Actual problems of Russian dialectology. Proceedings of the International Conference of October 25–27, 2024]. Moscow, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2024, pp. 240–242. (In Russ.)

Slovar` russkix narodnyx govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow, Leningrad, Saint-Petersburg, Nauka, 1965–.

Surikova O. D. [«Lamentations of the Northern Region» by E. V. Barsov as a source for studying the lexicon of the Russian North]. *Slavyanskije arxaicheskie arealy v prostranstve Evropy* [Slavic archaic areas in the space of Europe]. Moscow, Indrik, 2019, pp. 330–353. (In Russ.)

Л. В. Куркина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия Москва)

(Россия, Москва)

lyukurkina@rambler.ru

ЭТИМОЛОГИИ РУССКИХ ДИАЛЕКТИЗМОВ (ТРАТЬ, СНЫТКИ, НАТЕШИТЬ, ОТВОЙНЫЙ)

Рассматриваются русские диалектизмы *трать*, *снытки*, *натешить*, *отвойный*, структура и семантика которых позволяет пополнить лексический состав этимологических гнезд гл. **terti*, **snovati*, **tesati*, **viti* и вместе с тем дает основания для интерпретации некоторых изолированных образований с неясной внутренней формой. Гл. *трать* ‘тереть’ < **ťrati*, производный от слав. **terti* с корневым вокализмом по основе наст. вр., имел более широкое распространение, о чем свидетельствуют отглагольные образования в разных частях славянского ареала (ср. блр. диал. *tránnе* собир. ‘рвань, лохмотья’, польск. *tracz* и др.). Структура и семантика гл. **ťrati* дает ключ к интерпретации редких неясных образований, среди них русск. диал. *tráuitь* ‘вытирать, обтирать (лицо, руки и т. п.)’, некоторые глаголы с экспрессивным преф. *ša-* / *še-* (ср. словц. диал. *šatrit’* ‘очищать конопляное поле от сорняков’) и этимологически трудное кашуб. *trât* ‘отходы человека и животного’, *trâta* ‘густая похлебка’, понимаемые как субстантивированное причастие на *-t* от гл. **ťrati* (ср. аналогично построенные укр. *страт* ‘растоптанный, раздавленный’ и *трат* ‘опилки’). Обосновывается принадлежность русск. диал. *снытки* к гнезду слав. **snuti* / **snovati* как одного из морфонологических вариантов с гласным в ступени удлинения (ср. **snyvati*). Изучение семантики гл. *тешить*, *натешить*, сферы употребления (обильный снегопад, сбор ягод, грибов и т. п.) подводят к восстановлению одного из семантических ответвлений гл. *тесать* на русской почве. Для прилаг. *отвойный* в значении ‘большой, огромный’ и ‘ловкий, смелый’ восстанавливается общая семантическая основа в рамках гнезда гл. **viti*.

Ключевые слова: лексический диалектизм, этимология, этимологическое гнездо, семантика.

ТРАТЬ

Структура и семантика диалектизма *трать*, ограниченно представленного на русской территории, подводит к восстановлению связей редких изолированных

образований, рассеянных по славянской территории, и, кроме того, позволяет выявить новые линии структурных преобразований в рамках разветвленного этимологического гнезда.

Гл. *трать* с пометой *нвг.* упомянут в словаре В. И. Даля в статье на *тереть* [Даль² IV: 400], что указывает на принадлежность редкого диалектизма к гнезду гл. *тереть*. Новые диалектные словари отмечают этот глагол с общим значением ‘тереть(ся)’ на Новгородской территории: *трать* ‘тереть’, *траться* ‘тереться; тереть себя, свое тело чем-л.’, ср. *Он так долго трал это место, что на бумаге образовалась дырка* [НОС 11: 56]. Как показывает материал, гл. *трать(ся)* широко представлен и за пределами Новгородской земли с семантикой, в разных вариантах представляющей значение ‘тереть’ — ‘воздействовать трением, натирать’ — ‘вредить’, ср. *тереть* ‘вытирать досуха что-л.’ (волог., арх.), ‘измельчать, протирая через что-л.’ (арх., печор., волог., орл., ряз., урал., свердл., алт.), ‘трением повреждать кожу (ног, рук и т. п.)’ [СРНГ 44: 11–12], ср. *трать* карел. ‘очищать от грязи, вытирать’ (ср. *Ноги трать половики наткали*), *траться* ‘утираться’ (ср. *Утиральники тоже ткали траться*), ‘натираться’ (ср. *Змеиным ядом, маслом растительным тралась*) [Сл. Карелии 6: 503] и т. п. Многочисленны приставочные образования с общим значением ‘воздействовать трением, натирать’: ср. *затрать* ‘трением навредить, натереть’, ‘очистить от грязи, пыли, мусора’, ‘убрать излишек влаги, сделать сухим, чистым’, ‘загрязнить, испачкать’ (арх., новг., урал., ряз., олон.) [СРНГ 11: 105; АОС 20: 311], новг. *натрать* ‘причинить боль трением, оставить болезненный след на теле, натереть’, *потрать* ‘потереть’ [НОС 6: 21; 8: 157, 47], *потрать* ‘потереть’, ‘натереть’, ‘помассировать’ (арх., урал., печор.) [СРНГ 30: 303] и т. п.

Замечено, что в диалектных текстах, приведенных в Новгородском словаре, гл. *трать* и глагол той же структуры *прать* ‘работать много и прилагая большие усилия’ [НОС 8: 46] имеют неполную парадигму — в примерах представлены только формы инфинитива и прош. вр. [Толстая 2019: 614]. И в этом отношении Новгородский словарь не исключение. Эта особенность наблюдается во всех других источниках, где приводится иллюстративный материал на гл. *трать* и *прать*. Этот тип глаголов на *-ati* с корневым вокализмом по основе наст. вр. охватывает очень небольшую группу глаголов — **perti*, **pъrQ* ~ **pъrati*, **pъrQ*; **terti*, **tъrQ* ~ **tъrati*, **tъrQ*, к ним примыкает **mertī*, **mъrQ* и **mъrati*, ср. русск. диал. (перм., свердл., волог.) *у-мрать* ‘умереть’ [СРНГ 47: 200].

Гл. **tъrati* известен за пределами русской территории. В словаре Ф. Миклошича в большой статье, посвященной отражениям основы **ter-* в славянских языках, наряду с русским диалектизмом упомянут хорватский диалектный глагол *trāti* ‘вытирать’, ср. *tari brže to dijete* [Mikl. EW 353]. Этот глагол отмечен в словаре Безлая [Bezljaj IV: 209, s.v. *trača*] со ссылкой на Загребский словарь [RJA XVIII: 541, Лика]. К продолжениям гл. **tъrati* отнесен в словаре Скока диал. (далм.) глагол с приставкой *sa-trati* [Skok III: 511].

О более широком распространении гл. **tъrati* в славянских языках косвенно свидетельствуют производные образования — на вост.-слав. территории отглагольные имена с суфф. *-ča* / *-čъ*, образованные от основы инфинитива по модели **jъgračъ* <

**jьgrati*, **тъкаць* < **тъkati* [Sławski. Zarys 1: 102]: польск. диал. *tracz* ‘лесопильня’, ‘пильщик’ [Warsz. VII: 90] с исходной формой **тыr-аць* [Брандт 1890: 196], а не **траць*, как это в словаре Миклошича [Mikl. EW 352], далее кашуб. *trǎć* ‘пильщик’, *trǎća* ‘ручная пила для распиливания дерева’ [Sł. kaszub. V: 376]. Этот технический термин, получивший отражение в укр. *трач* ‘пильщик, распиливающий бревно на доски’, *тра́чка* ‘лесопильня’ [Гринченко IV: 280], диал. *трач* ‘пила’, ‘орудие для распиливания колоды, бревна’ с производными *трачка*, *трачине* [Шило. Наддністр. сл. 2008: 255], а также блр. *трач* ‘пильщик’ [ЕСУМ 5: 625; ЭСБМ 14: 90], относят к заимствованиям из территориально близкого польского языка. Однако наряду с заимствованием в белорусских диалектах существуют производные, в которых можно видеть след исконного гл. **тыrati* ‘тереть’. Речь идет об именах, образованных от формы страд. причастия прош. вр. гл. **тыrati* — блр. сев.-зап. *тра́нне* собир. ‘рвань, лохмотья’, *тра́ння* ‘обработка, растирание льна мялкой’ (ср. *Пасля тра́ння чэшуць на жалезную шчотку лён*), *тра́ніца* (*трэ́ніца*) ‘женщина, которая трет лен’ [Сл. паўн.-заход. Белар. 5: 115; ЭСБМ 13: 341]. По этой же модели образовано русск. диал. *транье* ‘рваная, изношенная одежда’ (моск.), *транье* ‘растирание тела с лечебной целью, массаж’ (Низ. Печора) [СРНГ 45: 6].

В словарях Миклошича и Плетершника словен. *tráča* ‘полотенце’ приравнено к *terača*, *oterač* [Plet. II: 673] с учетом характерной для словенского языка и его диалектов редукции гласного [Furlan in: Bezljaj IV: 209]. Однако при наличии гл. **тыrati* в близких хорватско-кайкавских диалектах появляются некоторые основания для возможного включения словен. диал. *tráča* ‘полотенце’ в число возможных производных с суфф. *-ča* от глагола **тыrati*.

Гл. **тыrati*, праславянское новообразование поздней эпохи диалектного развития, открывает возможности истолкования редких изолированных диалектных образований с неясными истоками. Остановимся на некоторых диалектизмах, для которых открытой остается возможность отражения гл. **тыrati*.

К числу таких изолированных, не совсем ясных диалектизмов относится гл. *тра́ить* в значении ‘веять (зерно)’ (волог.), а также ‘вытирать, обтирать (лицо, руки и т. п.)’ (волог., карел.), ср. карел. *С рушником называли лицо траить* [Сл. Карелии 6: 502], с производным *тра́илка* ‘веялка’ (ставроп.) [СРНГ 44: 347]. Использование ветра, воздушной струи при очищении зерна от мусора, шелухи привносит дополнительный компонент в семантику ‘тереть’, что вызывает сдвиг значения в сторону ‘веять’. Попутно заметим, что приведенный в СРНГ в той же словарной статье гл. *траить* в значении, ‘перепаживать (?)’ (ср. том. *траить землю*), ‘удобрять (?) землю’), скорее всего, является производным от *три* — принято перепаживать землю трижды.

Есть еще одно свидетельство — гл. *траить*. Видимо, по ошибке в одном примере, записанном в рязанских говорах, гл. *траить* понимается как форма 3 л. ед. ч. гл. *трать*, который, как отмечено выше, не знает форм спряжения: ср. *Постом пришел и траится снегом, натирался, тело красное* [СРНГ 45: 12, s. v. *траться*]. По структуре диалектизм может быть отнесен к редкому типу глаголов на *-iti*, производных от основы наст. вр., ср. русск. диал. (зап.-брянск.) *труить* ‘травить,

отравлять' [СРНГ 45: 160], *umprýut'sya* 'отравиться' [СРНГ 48: 212], укр. *truyiti* 'отравлять' [ЕСУМ 5: 614], производные от вторичной формы наст. вр. гл. **truti*, *trujq* при исходной форме **truti*, *trovq*, связанной чередованием корневого вокализма с *трава*.

В литературе к отражениям гл. **tʀati* предположительно отнесена большая группа глагольных образований с экспрессивными префиксами **ša-* / **še-*: с.-хорв. диал. кайкав. *šatriti*, *šatrâti* 'колдовать', чакав. *šatrât* 'устраивать что-л., договариваться', словен. *šatrat* 'колдовать', *šatriti* 'относиться суеверно', чеш. *šátrati* 'приглядывать, заботиться', слов. диал. *šatrit* 'очищать конопляное поле от сорняков', польск. *szatrac*, *szatrzyć* 'смотреть, наблюдать, помнить' и т. д. с реконструируемой для них формой **ša-tʀiti* / **še-tʀiti* / **ša-tʀati* [Machek 606; Варбот 2023: 143–147, 219–220 с литературой]. Как показывает обзор этимологических версий, глаголы с разветвленной семантикой, с далеко отстоящими друг от друга значениями трактуются по-разному — как этимологически тождественные, как образования с разными истоками (заимствования, слова с разными индоевропейскими соответствиями и т. п.). Тождество структуры глагольных образований с экспрессивным префиксом как будто бы говорит в пользу общих этимологических истоков, но этому препятствуют глубокие расхождения в семантике. Трудно понять, связаны ли между собой приведенные слова, имеют ли они в итоге общую семантическую основу, можно ли восстановить для зафиксированных значений мотивационные отношения.

В версии, разрабатываемой Ж. Ж. Варбот, предполагается, что во всем многообразии конкретных значений реализуется результат общего физического воздействия на предмет путем трения. На этой основе предложена реконструкция семантических преобразований глаголов, обоснование семантической общности неясных образований с использованием приемов семантической типологии, с привлечением примеров семантически сходных преобразований в и.-е. языка. Приводятся примеры взаимосвязи значений — 'щупать, копаться руками в темноте' = 'искать' > 'смотреть, наблюдать' > 'приглядываться, заботиться' > 'устраивать, договариваться' и т. д. Заметим, что типологические параллели выполняют важную, но не основную роль при восстановлении семантических преобразований. Типология семантических взаимосвязей лишь косвенно поддерживает правомерность реконструкции несохранившихся звеньев в семантической эволюции слова, подтверждает вероятность или возможность того или иного типа семантических переходов. Однако некоторое правдоподобие, поддерживаемое «здравым смыслом», а *prigot* в полной мере не убеждает в правомерности взаимосвязи значений, поскольку нет уверенности, что привлекаемые для сравнения образования имели ту же семантическую структуру, что и рассматриваемые нами глаголы. Семантические преобразования в одной ситуации не могут быть в полной мере тождественны преобразованиям в ситуации с другим лексическим материалом. Значительная часть семантической эволюции слова остается за пределами письменной истории. При неизбежной субъективной оценке семантических связей остаются вопросы, ответы на которые требуют дальнейших поисков с привлечением всей совокупности употреблений со всеми типами связей, допускающих выделение ситуации

с нивелированием семантических различий. «Обнаружив идентичные морфемы с разными значениями, следует выяснить, существует ли такое употребление, где эти два значения перестают различаться» [Бенвенист 1974: 331–332]. При отсутствии надежного обоснования пока с большой уверенностью можно говорить, что лишь слвц. диал. *šatrit* ‘очищать конопляное поле от сорняков’ <*ša-tbriti, напрямую отражающее исходную семантику ‘тереть’, может быть отнесено к продолжениям гл. *tbrati / *tbriti.

В этом же ряду может получить объяснение еще одно образование — кашуб. *trât* ‘отходы человека и животного’, *trâta* ‘густая похлебка’ [Sł. kaszub. V: 379], неопределенно толкуемое в плане сближения с кашуб. *trôt* ‘недоношенное яйцо птицы’, ‘прозвище человека неповоротливого, недотепы’, польск. диал. *trot* ‘остатки соломы, сена’, ‘нечистоты’, ‘мелкие отходы в хлебе, зерне’, ‘мелкие ветки’, для последних восстанавливается исходная форма *tort- [Sł. etym. Kaszub. V: 161; Boguś 642]. При всех трудностях, возникающих при объяснении кашубского слова, общий славянский контекст говорит в пользу истолкования кашуб. *trât* как субстантивированного причастия на -t от гл. *tbrati. В пользу такого понимания засвидетельствованное в украинском языке причастие от гл. *tbrati с префиксальным с- <сѣ- — *страт* ‘растоптанный, раздавленный’ и субстантивированная форма причастия *трат* ‘опилки’ [Желех. II: 980, 925].

Из приведенного материала следует, что гл. *tbrati, построенный по нерегулярной модели, прямо или косвенно обнаруживает продолжения в диалектах на всей славянской территории. Знание структурных особенностей этого редкого типа образований подводит к пониманию истоков некоторых славянских диалектизмов, относимых к категории трудных, неясных, не привлекавших к себе внимание исследователей.

СНЫТКИ

На русской территории отмечен редкий диалектизм — *снытки* мн. (тамб.), производн. *сныточка* м. и ж. р. (пск., смол.), употребляемый при обозначении уставшего, обессиленного человека или лошади [СРНГ 39: 135]. Диал. *снытки* приведено в сочетании *Одни снытки у кого-л.*, значение проиллюстрировано одним примером — *Поедешь — лошадь полная, а приедешь — одни снытки останутся*. Из небольшого текста трудно понять, что конкретно обозначается словом *снытки*, что понимается под этим словом. При отсутствии материалов, позволяющих проследить изменения изолированной, ограниченно засвидетельствованной лексемы с затемненной внутренней формой, существенны все семантические и структурные характеристики слова в контексте действующих в языке моделей морфологических, словообразовательных отношений, лексико-семантических и тематических групп словаря и т. п. Во всех ипостасях слово входит в этимологическое гнездо, структура и семантика которого может стать ориентиром в поисках новых элементов, расширяющих состав родственных образований.

В приведенном примере лексема *снытки* относится к обозначениям внешних проявлений физической усталости — в этом состоянии у лошади обнажаются

снытки. По описаниям, при худобе, в изможденном состоянии у лошади ярко выражены кости, ребра, остов тела, выступают из-под кожи кости, мослаки (ср. выражение *кожа да кости*), ребра выпирают так, что их можно легко пересчитать, у лошади по угловатой форме таза угадывается скелет. Во всех случаях выпирающие кости обнажают скелет, основу телосложения. В диалектах отсутствует терминологическая закреплённость названий за внешними проявлениями худобы. Существует множество названий, которыми обозначаются выступающие при худобе части тела — кости (клык, скула, сустав, кость и т. д.), ребра (ребро, выступ, край, сторона, основа и т. д.). В ряду многочисленных такого рода названий особое внимание привлекает лексема *основа*, которая в русских диалектах отмечена в разных вариантах в значении ‘скелет, остов’: ср. русск. симб. *основ* в значении ‘остов, костяк, скелет (человека, животного)’ [Даль² II: 701; СРНГ 24: 34], ‘скелет, кости кого-л.’ [НОС 7: 26] и *основáнье* ‘костяк, скелет; остов’, ср. иркут. *Одно основáнье* ‘о сильно исхудавшем человеке’ [СРНГ 24: 34]. Диал. *основа* / *основ* (< **ob-snova* / **ob-snovъ*) [ЭССЯ 29: 237] служат обозначением того, что визуально наблюдается у изнуренного, изможденного животного, когда при каждом шаге торчащие из-под кожи кости, костяк в целом как бы приходят в движение, напоминающее снование. Новое значение, переводящее слово в сферу анатомических наименований, стало результатом переосмысления важнейшего термина текстильного производства, которым обозначается предмет, результат снования нити (> ‘основа’ > ‘основание, фундамент’). В этой связи примечательна засвидетельствованная в белорусских диалектах лексема с преф. *су-* — *сусноўка* в качестве обозначения слабого, только что родившегося ребенка: ср. *Радзіўся мой хлопчык, двек адзін чар быў, сусноўка* ‘о слабом, хилом’ [ЭСБМ 13: 63, из сб. «Наша слова» 1992 г.]. В словаре лексема сопровождается пометой «неясно» и одновременно (со знаком вопроса) дана отсылка к гл. *су-снаваць*. И последнее представляется вполне вероятным, потому что в приведенном примере речь идет о худобе, когда обнажаются кости, скелет.

Материал как будто бы говорит об общей денотативной соотнесенности приведенных вост.-слав. образований и русск. диал. *снытки*, а некоторые общие элементы в их структуре наводят на мысль о возможном родстве с гл. **snuti*, *snovq*. Это обстоятельство побуждает обратиться к структуре гнезда гл. **snovati*.

Гл. **snovati* образован от основы наст. вр. исходного гл. **snuti*, *snovq* (ср. чеш. *snouti* ‘набирать основу ткани’, польск. *snuć*, н.-луж. *snuś*, др.-русск. *осноути* ‘основать, построить’) и имеет соответствием лтш. *snaujis* ‘петля’, *snauja*, гот. *sniwan* ‘спешить’, др.-исл. *snúa* ‘вертеть, мотать, плести’ [Фасмер III: 699]. Основа инфинитива стала производящей для именных образований или причастий на *-тъ* — **snuti* > **snutъ* / *snuta*, ср. русск. диал. *снута*: как *снута сновать* ‘о суетливом беспокойном человеке’ (ярослав.), *снутка* ‘деталь ярма’, ‘перекладина в ярме’ (рост., дон.) [СРНГ 39: 134, 129], построенных по той же модели, что слав. **pluti* > **plutъ*, ср. болг. диал. *плут* ‘плот’ [Sławski. Zarys 2: 36].

Примечательно, что в составе этого гнезда представлены образования с долгим гласным в корне — ст.-слав. и цслав. *оснывати* ‘основывать’ (Sin., Pog., Bon., Eug.),

определяемое в словаре Миклошича как итератив к гл. **osnovati* < **ob-snovati* [Mikl. EW 312]. К отражениям этого глагола относят русск. *основыва́ти(ся)*, утвржда́ть(ся) [СДРЯ VI: 175], с.-хорв. *osnivati* ‘сновать (о пряже)’, ‘основывать что-л.’, несврш. к *osnovati* [RJA IX: 234, с пометой: только у Караджича], обычно с преф. *на-*, *о-*, *за-* [Skok III: 298], блр. диал. *оснывати* ‘основать’ [ЭССЯ 29: 244]. В одном из говоров Ленинградской области отмечено соотносительное с этим глаголом именное образование в качестве текстильного термина — *снывка* ‘приспособление для наматывания пряжи’, *снывни* мн. ‘часть ткацкого станка — прикрепленные палочки, на которые наматывали нитки’ [Лебедева 2022: 285]. С большой долей вероятности та же основа с удлинненным вокализмом в блр. диал. *снывныця* ‘станок для снования кросен’ [Сл. паўн.-заход. Беларусі 3: 515].

Существуют разные подходы к пониманию долгого вокализма основы. Известны попытки объяснить вокализм как результат удлинения гласного в нулевой ступени — **snъv-* > **snyv-* по типу слав. **plъv* > **plyv-* > **plyvti* > **plyti* [Machek 463], в котором появление основы **ply-* объясняют отсутствием и.-е. соответствий с долгим гласным в корне: ср. и.-е. **pleu-* / **plou-* ‘течь, плыть, парить’ > лат. *pluit* ‘идет дождь’, др.-в.-нем. *flouwen* ‘мыть’, лит. *pláuti* то же [Pokorny 635–637].

По другой версии, противопоставление гласных по долготе сложилось еще на и.-е. уровне с участием ларингальных, т. е. восстанавливается для и.-е. уровня **plōu-* = **pleuH-* (ср. с.-хорв. *plūti* и лит. *pláuti*). Такой же механизм развития долготы в основе предложен для **ob-snyvati* < **sneHu-* [Snoj in Bezlaž III: 63, 281]. На и.-е. уровне для *snovati* восстанавливаются чередующиеся основы с кратким и долгим гласным — **snēu-*: **snū-* и **snēu-* > др.-исл. *snúa* ‘мотать, плести’, др.-англ. *sneowan* ‘спешить, торопиться’ [Pokorny 977].

Сложившееся в диалектах чередование основы **snuti*, *snovq* ~ **ob-snovati* ~ **snyvati* не входит ни в один ряд активно действующих морфонологических чередований, что приводит к ослаблению родственных связей и перестройке структуры основы. Система устраняет то, что стоит особняком, вне сложившихся структурных связей, втягивая такие одиночные образования в ряды регулярных морфонологических отношений путем перестройки морфемной структуры слова, перемещения границы между морфемами. Гл. **snyvati* испытывает притяжение со стороны продуктивных глагольных образований с суфф. *-va*, в результате переразложения в гл. **snyvati* морфемный шов отделяет элемент *-va* (сочетание исхода основы наст. вр. *-v* + показатель глагольной основы), который воспринимается как суфф. *-va*, активно участвующий в образовании фактивитивов.

С перестройкой структуры складывается парное соотношение гл. **snuti*, **snovq*: **snyti* ~ **snyvati* по типу действующих в языке глагольных пар — **pluti*, **plovq*: **plyti* ~ **plyvati*, **sluti*, *slovq*: **slyti* [Фасмер III: 680].

Механизм образования основ с долгим вокализмом приближает к пониманию структуры диал. *снѣт-ка* как субстантивированного причастия или образования с суфф. *-ть* от основы гл. ***снѣти* < **snyti* по типу сев.-слав. **плѣть* ‘плот, паром’: **pluti*, *plovq*: **plyti* [Sławski. Zarys 2: 38]. Семантикой глагола мотивировано

обозначение того, что визуально выделяется на изможденном теле тяжело дышащего животного или человека. Это могут быть кости, мослы, скелет.

В ряду подобных отношений понятной становится структура еще одного диалектизма. В словаре Фасмера [III: 702] вынесенное в отдельную статью русск. диал. *сныч* ‘запор, задвижка замка’, т. е. подвижная часть замка (курск., р. Урал) [СРНГ 39: 136], определяется как родственное гл. *снова́ть*, но без раскрытия механизма появления долгого вокализма. Если следовать предложенному объяснению, то *сныч* следует понимать как производное с суфф. *-сь* в функции *nomen instrumenti* от основы незасвидетельствованного гл. ***snyti* [Sławski. Zarys 1: 102].

НАТЕШИТЬ

В говорах Печоры отмечен гл. *натéшить* безл. в значении ‘обильно уродиться (о ягодах, грибах)’, ‘насобирать (ягод, грибов)’, образно ‘нападать в большом количестве (о снеге)’ [Сл. Печоры 1: 462]. Глагол в безличной форме употреблен по отношению к природе, обильному снегопаду, урожаю, сбору ягод, грибов. И в этом качестве не известен за пределами Печоры.

В простой форме глагол *тéшить* известен в диалектах в значении ‘доить (корову)’ (ряз., тул., калуж., брянск., орл., ворон., курск., казан.) [СРНГ 44: 111], отсюда производное *тéшка* ‘доильница’, в приставочной форме — *потéшить* ‘подоить (корову)’ (тул., курск., брянск.), ‘съесть что-л.’ (тул.) [СРНГ 30: 280]. Появление этого глагола, как и других (*стрекáть*, *трёнькать* и др.), Д. Зеленин связывает с запретом обычного глагола *доить*, хотя, как он замечает, прямых сведений об этом нет [Зеленин. Табу 2: 55]. Расширительное понимание процесса табуизации не учитывает многообразия диалектных обозначений одного и того же явления, в каждом из которых получает отражение одно из свойств, одна из характеристик обозначаемого процесса в восприятии носителя языка.

Глагол стоит особняком в диалектном словаре, не совсем ясно лексическое окружение этого узколокального образования. В словаре Фасмера упомянут гл. *тéшить* ‘доить’ в статье на *тешить* ‘баловать’ < **těšiti* ~ **tixъjь* [Фасмер IV: 54], что вызывает большие сомнения.

Одно из употреблений глагола *натешить* относится к сбору ягод и т.п. путем счесывания ягод и т.п. с куста. Общая семантическая основа подводит к пониманию глагола как производного от основы наст. вр. гл. *тесать*. Русск. *тесать* < праслав. **tesati* ‘сглаживать поверхность дерева специальным острым орудием’ входит в состав древних терминов обработки дерева, строительства и т. п. [Трубачев 2008: 535]. При обобщенном понимании процесса, в отрыве от обработки дерева расширяется сфера употребления глагола, появляются контексты, в которых сбор ягод, падение снега, доение коровы уподобляется действию, обозначаемому гл. *тесать*. В результате происходит переосмысление глагола и закрепление в сочетании с объектом, подлежащим такому воздействию. Традиционно сбор ягод производился с помощью особого приспособления в виде деревянного или металлического *совка с ручкой*, нижняя часть которого составлена из *частых зубьев*. Куст черники, брусники, клюквы «прочесывался», ягода «стесывалась»

орудием, по форме похожим на гребень. Ср. в сходной функции карел. *смыкать* ‘срывая, собирать’ (ср. *Брусничные листья смыкали, чай заваривали*), ‘обрабатывать, очищать лен’ (ср. *Лен-то так таскать надо, с корнем, а потом через гребень смыкать*) [Сл. Карелии 6: 180]. В диалектах находим названия такого орудия, соотносительные с гл. *грести, грабить* ‘грести, собирать в кучу’: *грёбла* (ленингр.) [СРНГ 7: 108], *грабѣлица, грабѣлка, грабѣловка, грабѣлица* и т. п. [АОС. 10: 12]. Ср. еще *тесать* ‘чесать, расчесывать’ (ср. свердл. *Тешут козу расщеской; Шерсь всё щѣтками тѣсали* [СРНГ 44: 89], *с ума стѣшать* с ума ‘свести с ума’ [Сл. Карелии 6: 333].

ОТВОЙНЫЙ

Это прилагательное с очень ограниченной сферой употребления отмечено в некоторых русских говорах в двух значениях. В словаре В. И. Даля в статье на *отвивать* находим сочетание *отвойный воз* в значении ‘большой, огромный воз сена’ [Даль² II: 714], в этом же значении прилаг. *отвойный* (влад., моск., ярослав.) отмечено другими словарями, ср. [ЯОС *О-Пито*: 63], [СРНГ 24: 144].

В старожильческих говорах прилаг. *отвойный* определяется как ‘смелый, ловкий’, но со знаком вопроса к значению. Ограничены возможности интерпретации прилагательного по одному примеру, приведенному в качестве иллюстрации: том. *Ну, промышлять отвойный был Зайцев* [Сл. старожильч. г-ов II: 196].

Значения на первый взгляд никак не связаны между собой, поэтому не случайно в СРНГ это прилагательное в разных значениях имеет отдельные статьи. И в таком представлении прилагательных, тождественных, но с весьма удаленными друг от друга значениями, уже заложен вопрос, являются ли они омонимами, или это результат семантических преобразований на русской почве единой исходной основы.

Прилаг. *отвойный* в первом значении соотносится с гл. *отвивать (сено)* ‘укладывать сено на воз’, ‘перебрасывать сено вилами’, ср. *Отвивай воз покруче* [ЯОС *О-Пито*: 63]. Употребляемый в том же значении параллельный глагол с преф. *на-* помогает точнее понять особенности этого процесса — *навить (навивать) воз, телегу, машину* означает перебрасывать сено вилами (ярослав.) [СРНГ 24: 137] и укладывать сено на телегу так, чтобы при перевозке сено не рассыпалось, а телега не опрокинулась. Эта работа требует умения и даже мастерства, и не каждому она по силам (ср. *Грабить я магу, а вот навивать ужсы тижьло* — [ПОС 19: 270, 275]). Очевидна связь с гл. *вить*, производность от этого глагола с чередованием корневого вокализма.

Что касается *отвойный* в значении ‘смелый, ловкий’, то здесь припоминаются построенные по той же семантической модели диал. *отбойный* ‘отчаянный, удалой’ (нижегор., влад.), ‘отбивающийся от рук, непослушный’ (нижегор., якут., забайкал.) [СРНГ 24: 119–120], жарг. *отвязный* ‘не стесняющий себя условностями и правилами поведения’, ‘бесшабашный’, соврем. *неотвязный* ‘постоянно преследующий, назойливый’. Эти примеры говорят о том, что приставка *от-* привносит в семантику подобных прилагательных дополнительный компонент, который можно определить

как ‘выходящий за пределы общепринятого, не такой, как все’. Именно с активизацией, усилением этого дополнительного компонента можно объяснить развитие значения, связанного с проявлением особенностей в поведении человека — непослушания, смелости, ловкости.

В том и другом случае значения прилаг. *отвойный* мотивированы семантикой исходного глагола ‘вить, навивать, наматывать’, расхождения в значении приставки: в сочетании *отвойный воз* приставка передает завершенность действия, обозначаемого глагольной основой, акцент делается на завершении процесса [Толстая 2019а: 376], большом объеме воза с сеном (норма была 4 центнера навить на воз), а на формирование значения ‘смелый, ловкий’ оказала влияние приставка в одном из своих значений — ‘выходящий за рамки общепринятого, выделяющийся из числа подобных, отличный, особый’.

Литература

АОС — Архангельский областной словарь. Вып. 1–25—. Под редакцией Гецов О. Г., Нефедовой Е. А. М.: изд. МГУ, Наука: 1980 — 2024—.

Бенвенист Э. Семантические проблемы реконструкции // Бенвенист Э. Общая лингвистика. Перевод с французского. Под редакцией Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974.

Брандт Р. Дополнительные замечания к разбору Этимологического словаря Миклошича // РФВ XXIV, № 4. Варшава.

Варбот Ж. Ж. К этимологии славянских **šatriti*/ **šatрати*/**šetriti* // Варбот Ж. Ж. Память славян в словах. Этимологические этюды. М., 2023.

Варбот Ж. Ж. Заметки по сербохорватской этимологии. Диал. славон. *šetrica* // Варбот Ж. Ж. Память славян в словах. Этимологические этюды. М., 2023.

Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка. Т. I–IV. Киев, 1907–1909.

Даль² — Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. Набрано и перепечатано со второго издания «1880–1882 гг.». М.: государственное изд. Иностран-ных и национальных словарей, 1955.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Редактори Мельничук О. С., Лукинова Т. Б., Півторак Г. П., Скляренко В. Г., Ткаченко О. Б. Т. 1–6. Київ, 1982–2012.

Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 2: Запреты в домашней жизни // Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1930.

Лебедева Т. Е. Лексика говоров Тихвинского района Ленинградской области (материалы к Словарю лексики Ленинградской области, Л–Я) // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. Отв. редактор С. А. Мызников. С.-Петербург: ИЛИ РАН, 2022.

НОС — Новгородский областной словарь. Отв. редактор Строгова В. П. Вып. 1–13. Великий Новгород: изд. Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 1992–2000.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1—. Под редакцией Ларина Б. А., Герда А. С., Глускиной М. С., Ивашко Л. А., Лутовиновой И. С., Тарасовой М. А. СПб.: изд. С.-Петербургского ун-та, 1967.

Сл. Карелии — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1–6. Под редакцией Гердта А. С. СПб: изд. С.–Петербургского университета, 1994–2005.

Сл. паўн.-заход. Белар. — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Т. 1–5. Мінск, 1978–1986.

Сл. Печоры — Словарь русских говоров Низовой Печоры. В 2-х т. Под редакцией Л. А. Ивашко. Л.-СПб, 2003–2005.

Сл. старожи́льч. г-ов — Словарь русских старожи́льческих говоров Среднего Приирты́шья. В 3-х томах. Под редакцией Садретдиновой Г. А. Томск, 1992–1993.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 6. Гл. редактор И. С. Улукханов. М.: Азбуковник, 2000.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Под редакцией Филина Ф. П., Сороколетова Ф. П., Мызникова С. А. Вып. 1–52–. СПб.: Наука, 1965–2024–.

Толстая С. М. Заметки на полях «Новгородского областного словаря» // Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. М.: Индрик, 2019, с. 607–616.

Толстая С. М. Семантика праславянских глаголов с префиксом **отъ-* // Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. М.: Индрик, 2019, с. 367–386.

Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках // О. Н. Трубачев. Труды по этимологии. Слово • История • Культура. Т. 3. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немец. и дополнения О. Н. Трубачева. 2-е издание, стереотипное. М., 1986.

Шило Г. Наддністрянський регіональний словник. Львів — Нью-Йорк, 2008.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Галоўны рэдактар Мартынаў В. У., Цыхун Г. А. Т. 1–14–. Мінск: Беларуская навука, 1978–2017–.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1 — 42–. Под редакцией Трубачева О. Н., Журавлева А. Ф., Варбот Ж. Ж. М.: изд. Наука, 1974–2021–.

ЯОС — Ярославский областной словарь. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.

Bezljaj — Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. I–V. Ljubljana, 1976–2007.

Boryś — Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005.

Machek — Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997.

Mikl. EW — Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen. Sprachen. Wien, 1886.

Plet. — Pletersnik M. Slovensko-nemški slovar. Reproducirani ponatis. D. I–II. Ljubljana, 1974.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern-München: Francke, 1959.

RJA — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I–XXIII. Zagreb, 1880–1976.

Skok — Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knjiga 1–4. Suradivao u predradnjama i priredio za tisak V. Putanec. Zagreb, 1971–1974.

Sł. etym. kaszub. V — Boryś W., Popowska-Taborska H. Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. T. V: Š–Ž. Suplement.

Sł. kaszub. V — Sychta B. Słownik gwar kaszubskich. T. V: S–T. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1972.

Sławski. Zarys 1, 2 — Sławski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański. T. 1, 2. Pod redakcją F. Sławskiego. Wrocław etc., 1974, 1976.

Warsz. — Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Słownik języka polskiego. T. I — VIII, wyd. fotooffsetowe. Warszawa, 1952.

L. V. Kurkina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

lyukurkina@rambler.ru

ETYMOLOGIES of RUSSIAN DIALECTISMS

(tratr', snytki, nateshit', otvoyniy)

The paper discusses dialectisms *трать, снытки, натешить, отвойный*, whose morphemic and semantic structure allows to expand the lexical base of etymological nests slav. **terti*, **snuti*/**snovati*, **tesati*, **viti* and yet provides new arguments for the interpretation of some isolated formations. Verb **tırati*, derived from **terti* with a root vocalism based on the present tense, was more widespread as evidenced by the verbal formations attested in different parts of the Slavic area (blr. dial. *трáнне* ‘рвань, лохмотья’, польск. *tracz* and etc.). The general context provides the key to understanding obscure formations, among them russ. dial. *мрауть* ‘wipe (face, hands)’, some verbs with expressive perefices *sa-/se-* (slovak. dial. *satrit* ‘to clear the hemp field of weeds’) and etymologically difficult kashub. *trât* ‘human and animal waste’, *trâta* ‘gęsta zacierka’ explaining as a substantive participle on *-t* from verb **tırati*. The affiliation of the dial. *снытки* is justified to the nest of **snuti*/**snovati*/**snyvati*

The study of the semantics and scope of use verb *мешить* (snowfall, berry picking etc.) leads to the restoration of one of the semantic branches v. **tesati* on the basis of the Russian language. For the adjective *отвойный* in the meaning of ‘big, huge’ and ‘dexterous’ in general semantic basis is restored within the nest *вить*.

Keywords: lexical dialecticism, etymology, etymological nest, semantics

References

Arkhangelskii oblastnoi slovar' [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Edited by O. G. Gecova, E. F. Nefedova. Issue 1–25–. M., 1980–1924–.

Benvenist E. *Problemy semanticheskoi rekonstrukcii* [Problems of semantic reconstruction]. In: Obshchaya linguistika [General Linguistics] M.: Progress, 1974.

Bezljaj F. *Etimološki slovar slovenskega jezika* [Eymological Dictionary of Slovenian language]. T. I–V. Ljubljana, 1976–2007.

Brandt R. *Doponitel'nye zamechaniya k razboru Etimologicheskogo slovar'a Mikloszicha* [Additional notes on the analysis of Mikloshich's Etymological Dictionary]. In: RFV XXIV, № 4. Warszawa, 1890.

Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language]. Vol. I–IV. 2nd ed. Moscow 1880–1882.

Grinchenko B. D. *Slovar ukrainskogo yazyka* [Dictionary of Ukrainian language]. T. I–IV. Kiev, 1907–1909.

Etimologicheskii slovar' slav'anskih yazykov. Praslav'anskii leksicheskii fond [Etymological Dictionary of Slavonic Languages. Common Slavonic Lexical Fund]. Ed. by O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev, Zh. Zh. Varbot. Vyp. 1–42–. Moscow: Nauka Publ., 1974–2021–.

Etimologichnyi slovník ukrains'kogo yazyka [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Ed. by O. S. Meľnichuk, I. K. Bilodid, V. T. Kolomietz', O. B. Tkachenko etc. T. 1–6. Kiev: Naukova dumka Publ., 1983–2012.

Etimologichny slovník belaruskai movy [Etymological Dictionary of Belorussian Language]. T. 1–. Minsk, 1978–.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of Russian Language]. Vol. I–IV. Moscow: Progress Publ., 1964–1973.

Lebedeva T. E. *Leksika govorov Tihvinskogo raiona Leningradskoi oblasti (materialy k slovariu leksiki Leningradskoi oblasti)* [Vocabulary of dialects of the Tikhvin district of the Leningrad region (materials for the dictionary of the Leningrad regio)]. In: *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov* [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and research]. Red. S. A. Myznikov. St. Petersburg, 2022.

Machek V. *Etimologický slovník jazyka českého* [Etymological Dictionary of the Czech Language]. Praha, 1997.

Miklosich F. *Etimologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages]. Wien, 1886.

Novgorodskii oblastnoi slovar' [Novgorod Regional Dictionary]. Vyp. 1–13 Velikii Novgorod, 1992–2000.

Pleteršnik M. *Slovensko-nemški slovar*. Reproducirani ponatis. D. I–II. Ljubljana, 1974.

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [Indo-European Etymological Dictionary]. Bern–München: Francke, 1959.

Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi. [Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. Vyp. 1–. Leningrad / Saint Petersburg State University Publ., 1967–.

Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* [Etymological Dictionary of Croatian or Serbian language]. Knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974.

Ślawski F. *Zarys słowotwórstwa Prasłowiańskiego* [An Essay of Word-formation of Common Slavic Language]. In: *Słownik prasłowiański* [Common Slavonic Dictionary]. Vol. I, II. Wrocław, etc., 1974, 1976.

Sloŭnik belarusskikh gavorak paŭnochna-zachodnyai Belarusi i yae pagranichcha [Dictionary of Belorussian Dialects of the North-West Belarus and Its Borderlands]. Vol. I–5. Minsk, 1979–1986.

Slovar' drevnerusskogo yazyka [Dictionary of the Old Russian language]. Vol. 6. Red. by Uluhanov. M.: Azbukovnik, 2000.

Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei [Dictionary of Russian Dialects in Karelia and the Neighbouring Regions]. Vol. 1–6. Saint Petersburg, 1994–2005.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk Dialects]. Red. by F. P. Filin, F. P. Sorokoletov, S. A. Myznikov. Vyp. 1–52–. L.–SPb.: Nauka Publ., 1965–2024–.

Slovar russkikh starozhil'cheskikh govorov Srednego Priityshya [Dictionary on Russian Old-Timers' Dialects of the Middle Irtysh Region]. In three volumes. Edited by Sadretdinova G. A. Tomsk, 1992–1993.

Sychta B. *Słownik gwar kaszubskich* [Dictionary of Kashubian dialects]. T. V: S – T. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1972.

Shilo G. F. *Naddnistrianskii regional'nyi slovník* [Naddniester regional dictionary] L'viv, 2008.

Tolstaya S. M. *Zametki na pol'akh "Novgorodskogo oblastnogo slovar'a"* [Notes on the margins of the "Novgorod Regional Dictionary"]. In: *Mir cheloveka v zerkale yazyka. Ocherki po slav'anskomu yazykoznaniju i etnolinguistike* [The Human World in the Mirror of Language. Essays on Slavic Linguistics and Ethnolinguistics]. M.: Indrik, 2019.

Tolstaya S. M. *Semantika pralav'anskikh glagolov s prefiksom *otъ-* [Semantics of Proto-Slavic Verbs with a prefix *otъ-]. In: *Mir cheloveka v zerkale yazyka. Ocherki po slav'anskomu yazykoznaniju i etnolinguistike* [The Human World in the Mirror of Language. Essays on Slavic Linguistics and Ethnolinguistics]. M.: Indrik, 2019.

Trubachev O. N. *Remeslennaya terminologia v slavyanskikh yazykakh* [Craft terminology in Slavic languages]. In: Trubachev O. N. *Trudy po etimologii. Slovo • Istoria • Kul'tura*. T. 3. M., 2008.

Varbot Zh. Zh. *K etimologii slav. *šatriti/ *šatrati/ *šetriti* [On the etymology of slav *šatriti/ *šatrati/ *šetriti] In: Varbot Zh. Zh. *Pam'at' v slovakh* [Memory in words. Etymological sketches] M., 2023, pp. 143–147.

Varbot Zh. Zh. *Zametki po serbohorvatskoj etimologii. Dial. slavons. šetrica* [Notes on Serbo-Croatian Etymology] In: Varbot Zh. Zh. *Pam'at' v slovakh* [Memory in words. Etymological sketches] M., 2023, pp. 219–220.

Yaroslavskii oblastnoi slovar [Yaroslavl Regional Dictionary]. Vyp. 1–10. Yaroslavl', 1881–1991.

Zelenin D. K. *Tabu slov u narodov Vostochnoi Evropy i Severnoi Azii. Ch. 2. Zaprety v domashnei zhizni* [Taboo words among the peoples of Eastern Europe and Northern Asia. Part 2. Prohibitions in domestic life]. Collections of the Museum of Anthropology and Ethnography. L., 1930.

Принятые сокращения

РФВ — Русский филологический вестник. Варшава; Москва, 1897–1918. Т. 1–75.

Языки и диалекты

Блр. — белорусский, болг. — болгарский, гот. — готский, далм. — далматинский, др.-англ. — древнеанглийский, др.-в.-нем. — древневерхненемецкий, др.-исл. —

древнеисландский, др.-русс. — древнерусский, и.-е. — индоевропейский, кайкав. — кайкавский, лат. — латинский, лит. — литовский, н.-луж. — ниже-лужицкий, новг. — новгородский, польск. — польский, праслав. — праславянский, русск. — русский, слав. — славянский, славон. — славонский, слвц. — словацкий, словен. — словенский, ст.-слав. — старославянский, с.-хорв. — сербохорватский, цслав. — церковнославянский, чакав. — чакавский, чеш. — чешский, укр. — украинский.

Другие сокращения

Алт. — алтайский, арх. — архангельский, брянск. — брянский, влад. — владимирский, волог. — вологодский, ворон. — воронежский, вост. — восточный, дон. — донской, забайкал. — забайкальский, зап. — западный, иркут. — иркутский, казан. — казанский, карел. — карельский, курск. — курский, ленингр. — ленинградский, моск. — московский, нижегор. — нижегородский, новг. — новгородский, орл. — орловский, перм. — пермский, печор. — печорский, пск. — псковский, рост. — ростовский, ряз. — рязанский, свердл. — свердловский, сев.-зап. — северо-западный, сев.-слав. — севернославянский, сиб. — сибирский, смолен. — смоленский, ставроп. — ставропольский, тамб. — тамбовский, том. — томский, тул. — тульский, урал. — уральский, якут. — якутский, ярослав. — ярославский;

безл. — безличная форма глагола, гл. — глагол, диал. — диалектный, ед. ч. — единственное число, мн. — множественное число, наст. вр. — настоящее время, несврш. — несовершенный вид, преф. — префикс, прош. вр. — прошедшее время, собир. — существительное со значением собирательности, ср. — сравни, страд. — страдательное (причастие), суфф. — суффикс.

Т. В. Шалаева
 Институт славяноведения РАН
 (Россия, Москва)
 koulkuk@gmail.com

*Посвящается памяти
 Леонида Леонидовича Касаткина и
 Игоря Георгиевича Добродомова*

К ЭТИМОЛОГИИ РУССКИХ ЛЕКСЕМ СУПИР, СУПЕР ‘ПЕРСТЕНЬ, КОЛЬЦО СО ВСТАВКОЙ’

В статье анализируется этимология русской лексем *супир*, *супер* ‘перстень, кольцо с камнем’, известной по художественным текстам XIX — первой половины XX вв. и в современных диалектах. Излагаются существующие версии о происхождении данных форм и их структурных вариантов, а также формулируется новая гипотеза. Она основана на этимологии Е. Л. Березович и В. С. Кучко, которые выводят *супир*, *супер* из корня *пер-/пир-*, но указанная авторами мотивация «втиснутый, запертый камень» оспаривается и предлагается основывать семантику ‘перстень’ на значении ‘смыкать, соединять’, изначально — ‘сжимать, сдавливать’, на что указываются дериваты синонимичны корней и технология изготовления колец со вставкой.

Ключевые слова: русская этимология, диалектная лексика, кольцо со вставкой, *супир*, *супричик*.

История фиксаций лексем *супир*, *супирчик* ‘перстень, кольцо со вставкой’ в художественных текстах XIX — первой половины XX вв. и в словарях подробно описана И. Г. Добродомовым [Добродомов 2009: 93–103]¹. Е. Л. Березович и В. С. Кучко дополняют эти сведения обширнейшим диалектным материалом и выдвигают свою версию происхождения данных слов [Березович, Кучко 2024: 56–65]. Далее кратко затрагиваются вопросы, которые рассматривались в указанных работах, и излагается новая гипотеза относительно этимологии *супир*.

¹ Е. Л. Березович и В. С. Кучко с восхищением пишут о полноте собранных И. Г. Добродомовым вручную цитат, к которым при помощи «Национального корпуса русского языка» удалось добавить лишь несколько [Березович, Кучко 2024: 54, 56], с чем трудно не согласиться.

Основной в художественной и специальной геммологической литературе признается форма *супі́р* с деминутивом *супі́рчик* [Добродомов 2009: 93–103; Березович, Кучко 2024: 54–56]. В русских говорах чаще всего встречается структура *супе́рик*, *супе́ричек* [Березович, Кучко 2024: 54], но также фиксируются ее фонетические и словообразовательные варианты: *супе́р*, *супе́рник*, *супі́рка*, *супі́рь*, *сопе́рка*, *сапе́рик* и т. д. [Добродомов 2009: 101–102; Березович, Кучко 2024: 57–58]. Их основным значением является ‘перстень, кольцо с камнем’ [Березович, Кучко 2024: 54], но, кроме того, отмечается семантика ‘вставка в виде камня или стекла в кольцо, перстне’ [Добродомов 2009: 95; Березович, Кучко 2024: 55].

О географии распространения этих слов следует сказать, что они известны в русском языке повсеместно, но южнорусское наречие значительно уступает по их частотности северно- и среднерусским говорам. А наибольшая концентрация лексем *супі́р*, *супе́р* и их дериватов приходится на территорию Урала и Сибири. Березович и Кучко объясняют такое распределение экстралингвистическими причинами, поскольку, в частности, на Урале добывалось наибольшее количество драгоценных металлов и камней, а также происходила их обработка [Березович, Кучко 2024: 58].

Что касается происхождения *супі́р*, *супе́р*, то имеются три версии. Согласно наиболее старой из них и распространенной в популярных изданиях, *супі́р* представляет собой результат искажения названия камня *сапфир* [Добродомов 2009: 93–94 с литературой]. Но Добродомов указывает на отсутствие такого обозначения сапфира в русском языке, а также на то, что *супирами* назывались перстни с различными камнями (бриллиантами, изумрудами, бирюзой, самоцветами), но не с сапфиром [Добродомов 2009: 94, 97]. Березович и Кучко дополняют контраргументацию тем, что слово *сапфир* в русском языке долгое время было исключительно книжным, а в народной речи этот камень именовался как *яхонт синий*, *лазоревый* или *голубой* [Березович, Кучко 2024: 60].

По другой гипотезе, *супі́р* появился в русском языке из французского, где известно слово *soupir* ‘вдох’ [Епишкин 2010; Добродомов 2009: 99]. При этом изначальное значение русской лексемы формулируется как ‘перстень, который носят на память’ [Епишкин 2010]. *Супі́р* ставится в один ряд с такими галлицизмами, как *сувенир* из франц. *souvenir* ‘воспоминание’, ‘подарок на память’ и *репантиры* из франц. *repentir* ‘раскаяние’, ‘завитки волос, спускающиеся с висков дамской прически’. Эту этимологию поддерживает Добродомов, хотя отмечает, что семантики ‘перстень’ у франц. *soupir* нет, но допускает при этом, что *супі́р* возник как псевдогаллицизм, в «русском» французском [Добродомов 2009: 101–104].

Березович и Кучко не соглашаются с этой идеей, поскольку, во-первых, ее ослабляет отсутствие *soupir* ‘перстень’ в предполагаемом языке-источнике; во-вторых, не наблюдается семантической модели обозначения перстня через названия вдоха; в-третьих, в диалектах самой частотной является форма *супе́рик*, появление которой трудно объяснить, если считать *супі́р* исходной [Березович, Кучко 2024: 61–62].

Ввиду несостоятельности гипотезы о заимствованном происхождении, Березович и Кучко предполагают, что *супі́р*, *супе́р* имеют исконно славянские истоки.

А именно авторы возводят их к корню *пер-/пир-/пор-*, представленному в таких словах, как *запереть*, *запор*, *подпорка*, *спирать*, *упор*. В частности, обращается внимание на его производные с семантикой втыкания, всовывания: ср. русск. диал. *впереть* ‘крепко забить, туго воткнуть (кол, клин и т. п.)’, *впёривать* ‘с усилием всовывать, втискивать’, *запереть* ‘с усилием втиснуть, всунуть что-л.’, а также с префиксом *су-* — *засуперить*, *засупорить* ‘запрятать, засунуть, положить, убрать так, что трудно найти; затерять’. Главным признаком номинации перстня авторы считают прочную фиксацию, «запертость» камня в оправе. Приставка *су-* в таком случае выражает его закреплённость со всех сторон. Следовательно, согласно данной этимологии, *супёр*, *супёр* первоначально служили наименованиями камня, вставленного в кольцо, а затем метонимически распространились на все украшение целиком [Березович, Кучко 2024: 62–64].

Решение о родстве *супёр*, *супёр* с гнездом *пер-/пир-* кажется более надёжным, чем версия об их иноязычном источнике. Однако указанные конкретные основания для этого родства вызывают вопросы. Во-первых, нет других примеров обозначения камня в перстне или другом украшении с мотивацией «воткнутой, втиснутой». Во-вторых, не приводится названий перстня, кольца или аналогичных предметов с другими огласовками указанного корня, например, *пор*-². Поэтому представляется допустимым предложить другой подход к данной проблеме, взяв за основу версию Березович и Кучко.

А именно с точки зрения структуры ее подтверждает регулярная идентичность или большая близость лексем со значением ‘перстень’ и бесспорных дериватов гнезда *пер-/пир-*:

ср. русск. диал. *супёр* ‘перстень, кольцо’ (перм.) [СРНГ 42: 249], *супёрик* ‘то же’ (тобол., иван.-вознес., влад., яросл., перм., свердл., курган. и др.) [Там же] — др.-русс. *суперь* ‘противник, враг; соперник по тяжбе’ (Арханг. ев., 179. 1092 г.; Панд. Ант.¹, 108. XI в.; Ном. Меф., 251. XIII в.) [СлРЯ XI–XVII вв. 23: 32], русск. диал. *супёра* ‘соперница в любви’ (иркут., свердл.) [СРНГ 42: 249]; *супёрник* ‘перстень, кольцо’ (верхнелен., иркут., бурят.) [Там же] — *супёрник* ‘соперник в любви’ (Даль; сиб.) [Там же];

супёрень ‘перстень’ (краснояр.) [Сл. центр. Краснояр. 4: 212] — *супорень* ‘об упрямом человеке’ (иван.) [СРНГ 42: 253];

сопёрик ‘перстень’ (заурал.) [СРНГ 39: 330] — *сопёра* ‘соперница’ (том.) [Там же], *сопёрка* ‘то же’ (том.) [Там же].

Следовательно, для признания этих слов родственными структурных препятствий нет.

Для прояснения семантической связи *супёр*, *супёр* с корнем *пер-/пир-* необходимо обратиться к технологии кустарного производства перстней (рис. 1–5)³. Как

² Правда, авторы сами указывают на перечисленные недостатки своей гипотезы [Березович, Кучко 2024: 64–65].

³ Приводимые в статье фотографии взяты с интернет-страницы <https://ok.ru/group/58052107043014/topic/151707414350022>.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

можно видеть, сначала из металла вырезается полоска с узким центром и широкими концами (рис. 1). Затем она сгибается (рис. 2), ее концы соединяются и образуют гнездо, оправу (рис. 3), куда помещается вставка — камень, стекло или печатка (рис. 4). В результате, эта металлическая конструкция фиксирует, схватывает вставку со всех сторон. Вероятно, данный процесс описывает информант из Свердловской области в приводимом Березович и Кучко контексте: «Сами делали колечки своим девчонкам, а с супериком колечко трудно изладить, ремесло тонкое — камень найди, ограни, закрепляй потом — **жми да не пережимай**» [Березович, Кучко 2024: 59] (выделение мое. — Т. Ш.).

Подобные металлические предметы в виде окружности или скобы, зажимающей что-либо, регулярно называются дериватами корней со значением ‘жать, давить’ или ‘соединять, сводить’ и с префиксами *су-/со-/с-*:

ср. др.-русс., ст.-русс. *сустугъ, сустуга* ‘металлическая нагрудная пряжка, застежка’ (ПВЛ, 6454 г. (по Лавр., лет., 56. 1377 г.); Разин. вост. III, 125. 1671 г.) [Срезневский 3: 628; СлРЯ XI–XVII вв. 29: 65], ст.-русс. *состугъ (състугъ)* ‘то же’ (Сл. о премудр., 80. XV в.; Твер. Лет., 58. XVII в.) [СлРЯ XI–XVII вв. 26: 223–224], *стяжка* ‘то, чем стягивают, закрывают; застежка (в виде железного кольца)’ (Опис. Холмог. ц. 15. 1696 г.) [СлРЯ XI–XVII вв. 28: 232], *сводъ* ‘скоба, кольцо’ (Ж. Феод. Сик., ВМЧ, Апр. 22–30, 845. XVI в.) [Срезневский 3: 661; СлРЯ XI–XVII вв. 23: 180];

русс. диал. *сустуг* ‘металлическое украшение в виде пряжки, застежки на груди женской мордовской рубашки’ (нижегор., тамб.) [СРНГ 42: 313], *сутуга* ‘дуга, металлическая дужка, проволока’ [Моисеев 2005: 113], ‘верхний ободок ведра’ (якут.) [Сл. Якутии Р–Я: 70], *сотуга* ‘проволочная ручка в виде небольшой дуги’ [Сл. Низ. Печ. 2: 296], *схват* ‘пряжка на пояском ремне’ (Коми) [Сл. Низ. Печ. 2: 333], *сваты* ‘то же’ (Коми) [Сл. Низ. Печ. 2: 252], *схватка* ‘английская булавка’ (свердл.) [СРНГ 43: 53], *сватка* ‘металлическая застежка у одежды в виде загнутых крючков’ (свердл.) [СРНГ 36: 218], *схваточка* ‘фигурная металлическая застежка’ (перм.) [СРГЮП 3: 206], *смык* ‘вид замка без ключа’ (Даль) [СРНГ 39: 71], *смычка* ‘кольцо цепи’ (арх.) [СРНГ 39: 77], *сжом* ‘род шпангоута’ (том.) [Сл. Сибири 4: 295].

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает приведенная здесь старорусская лексема *сводъ* 'скоба, кольцо'. Поскольку, как известно, *сводом* называется и архитектурная конструкция, образованная смыканием дугообразных поверхностей и образующая потолок. То же архитектурное понятие в русских говорах обозначается дериватом корня *пор-*, родственного *пер-/пир-*, с приставкой *су-/с-*: ср. *супорник* 'свод помещений из дикого камня в зимовьях звероловов' (сиб., Даль), 'особый кирпич, которым выстилают свод печи' (сиб., Даль) [СРНГ 42: 254], *спорник* '«свод из плит дикаря (гранита и т.п. кремнистых пород) в зимовьях звероловов»' (сиб., Даль) [СРНГ 40: 228]. Эти лексемы представляют собой апофонические варианты упоминавшимся *супёрник* 'перстень, кольцо' и *супёрник* 'соперник в любви'.

Присутствие у основы *свод-* семантики 'потолочный свод' и 'кольцо', как представляется, указывает на высокую вероятность развития последнего значения у производных *пер-/пир-/пор-* с префиксами *су-/со-/с-* при наличии номинации ими свода потолка.

Для этого корня характерна общая семантика 'давить, жать', но имеются и более конкретные значения, которые могли бы стать основой для появления лексем с приставкой *су-/со-/с-*:

ср. ст.-русс. *сперети* 'сомкнуть' (*Верхъ же црквыныи не до конца созданы каменем, но таково **спертъ** деревом тесаном аки полостъничным образом, и тако есть без верха, не покрыта ничемже*. Х. Дан. иг., 34 об. XV в. ~ 1113 г. *А на тѣхъ сводахъ сочинена шея великая, а ней учиненъ яacob(ы) шатерьъ, составлены брусъя великия, концами вверхъ, чуднымъ строениемъ, иверху не **сперты**, мнитсѧ, сажень на пять или шесть, сѣтъ токмо распространена изъ проволоки мѣдной, чтобы птицы въ церковь не влетали*. Арс. Сух. Проскини-тарий, 153. 1653 г.) [СлРЯ XI–XVII вв. 27: 23] (выделение мое. — Т. Ш.);

русс. диал. *спереть* 'тесно сдвинуть, упереть друг в друга что-л.' (*Два камня больших положат, друг с дружкой **сопрут**, чтоб она (печь) не провалилась*. Арх.) [СРНГ 40: 144] (выделение мое. — Т. Ш.) с производными *спорник* 'особый широкий кирпич, большие камни, чугунные плиты и т. п., которые клали в основание печей в банях, охотничьих избушках и т. п.' (том., иркут., забайкал., сиб.), *спорники* 'кирпичная кладка в яме для обжига глиняной посуды' (свердл.) [СРНГ 40: 227–228].

Как видим, глагол *спереть* здесь употребляется в качестве строительного термина, что соответствует номинации свода формами *супорник*, *спорник*. В именовании перстня словами *супир*, *супер* актуализируется то же значение 'сомкнуть, соединить', поскольку металлическая часть кольца с камнем образуется сгибанием металлической полоски и сведением ее концов.

Словообразовательными параллелями для *супёр*, *супир* от *спереть* служат отглагольные производные корня *тяг-/туг-* — это перечисленные выше лексемы (др.-русс., ст.-русс. *сустугъ*, *состугъ*, *сустуга*, русск. диал. *сусту́г*, *суту́га*, *соту́га*), образованные от глаголов типа *стягáть* 'стягивать, соединять вплотную что-л.' (*Жерди стягают вместе и на стог положат*. Хабар.), 'соединять концы

чего-л.’ (Вьюшка — продолбленная береза, на нее канат повешивали и начинали крутить, стягать. Омск.) [СРНГ 42:124], *стянуть* ‘согнуть, скрючить’ (Невесту в три погибели стянуло. Карел.) [СРГК 6: 382]. Ср. также *стужить* ‘сдавить’ (мурман.) [СРГК 6: 371], *стужунить* ‘стянуть чем-либо, скрепить’ (Горшок берестечком стужунишь, и, глядишь, терпит) (киров.) [ОСВГ 10: 236].

Таким образом, по-видимому, гипотеза Березович и Кучко об исконно русском происхождении *супёр*, *супёр* и их производности от корня *пер-/пир-/пор-* находит подтверждение в языке, но представляется более надежным выводить семантику ‘перстень’ не из ‘закрепленный в оправе камень’ на основе значения ‘втыкать, всовывать’, а из ‘смыкать, соединять’, изначально — ‘сжимать, сдавливать’, на что указывают дериваты синонимичных корней и технология изготовления колец со вставкой.

Источники

Епишкин 2010 — Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: ЭТС, 2010. Электронное издание: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/gallism-dictionary/fc/slovar-209-20.htm#zag-36678>. Дата обращения: 12.07.2025.

Моисеев 2005 — Моисеев И. И. Поморська говора: Краткий словарь поморского языка. Архангельск: СОЛТИ, 2005. 138 с.

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии / Под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Вып. 1–12. Киров: ВятГГУ, 1996–2018.

Сл. Низ. Печ. — Словарь русских говоров Низовой Печоры / Науч. ред. Л. А. Ивашко. Т. 1–2. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003–2005.

Сл РЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов (т. 1–6), Ф. П. Филин (т. 8–10), Д. Н. Шмелев (т. 11–14), Г. А. Богатова (т. 15–26), В. Б. Крысько (т. 27–29), Р. Н. Кривко (т. 30–31), Я. А. Пенькова (т. 32–). Т. 1–32–. М.; СПб.: Наука; Азбуковник; Нестор-История; ЛЕКСРУС, 1975–2023–.

Сл. Сибири — Словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Федорова. Т. 1–5. Новосибирск: Наука, 1999–2006.

Сл. центр. Краснояр. — Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края / Под общ. ред. О. В. Фельде (Борхвальдт), С. П. Васильевой. Т. 1–5. Красноярск: РИО КГПУ; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2003–2010.

Сл. Якутии — Дружинина М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии: Учебное пособие по русской диалектологии. Вып. А–В, К–П, Р–Я. Якутск: ЯГУ, 1997–2007.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994–2005.

СРГЮП — Словарь русских говоров Южного Прикамья / Науч. ред. И. А. Подюков. Т. 1–3. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2010–2012.

Срезневский — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб., 1983–1912.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–24), Ф. П. Сороколетов (вып. 25–46), С. А. Мызников (вып. 47–). Т. 1–52–. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021–.

Литература

Березович Е. Л., Кучко В. С. Еще раз о происхождении рус. *супир, суперик* ‘перстень’ // *Русская речь*. 2024. № 6. С. 52–71.

Добродомов И. Г. Историко-этимологические каламбуры и филологическая достоверность лексико-фразеологического материала // *Вопросы языкознания*. 2009. № 4. С. 92–109.

Tatiana V. Shalaeva

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

koukuk@gmail.com

ON THE ETYMOLOGY OF THE RUSSIAN WORDS СУПИР [SUPIR], СУПЕР [SUPER] ‘RING’

The article analyzes the etymology of the Russian words *супир* [supir], *супер* [super] ‘ring’ which is known in the fiction of XIX and the first half of XX centuries, as well as in modern dialect dictionaries. Existing versions on the origin of given words and their structural variants are presented, also a new hypothesis is formulated. It is based on the etymology of Ye. L. Bereзович and V. S. Kuchko who derive *супир* [supir], *супер* [super] from the root *nep-/nup-* [per-/pir-]. But the given motivation “squeezed, locked stone” is disputed. The author offers to base the semantics ‘ring’ on the meaning ‘to lock, to join’, initially — ‘to squeeze, to compress’ which is proved by the synonymic root derivatives and the technology of ring production.

Keywords: Russian etymology, dialect lexicon, ring, *супир* [supir], *супричик* [supir-chik].

References

Barkhudarov S. G., Filin A. P., Shmelev D. N., Bogatova G. A., Krys’ko V. B., Krivko R. N., Pen’kova Ya. A. (eds.) *Slovar’ russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language XI–XVII of centuries]. Vol. 1–32–, Moscow; St.-Petersburg: Nauka; Azbukovnik; Nestor-Istoriya; LEKSRUS, 1975–2023–.

Bereзович Ye. L., Kuchko V. S. Yescho raz o proiskhozhdenii rus. *супир* [supir], *суперик* [superik] ‘persten’ [Once again about the origin of Rus. *супир* [supir], *суперик* [superik] ‘ring’]. *Russkaya rech* [Russian speech], 2024, No. 6, pp. 52–71.

Dobrodomov I. G. Istoriko-etimologicheskiye kalambury i filologicheskaya dostovernost’ leksiko-frazeologicheskogo materiala [Historical and etymological puns and

philological reliability of lexical and phraseologic material]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 2009, No. 4, pp. 92–109.

Dolgunchev V. G., Smetanina Z. V. (eds.) *Oblastnoi slovar' vyatskikh govorov: Uchebnoye posobiye po russkoi dialektologii* [Regional Dictionary of Vятka Dialects: Manual on the Russian Dialectology]. Vol. 1–12, Kirov: VyatGGU, 1996–2018.

Druzhinina M. F. *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov na territorii Yakutii: Uchebnoye posobiye po russkoi dialektologii* [Dictionary of the Russian native dialects in Yakutia: Manual on the Russian Dialectology]. Vol. A–V, K–P, R–Ya, Yakutsk: YaGU, 1997–2007.

Fedorov A. I. *Slovar' russkikh govorov Sibiri* [Dictionary of Siberia Russian Dialects]. Vols. 1–5, Novosibirsk: Nauka, 1999–2006.

Fel'de (Borkhval'dt) O. V., Vasil'yeva S. P. (eds.) *Slovar' russkikh govorov tsentral'nykh rayonov Krasnoyarskogo kraia* [Dictionary of the central districts of Krasnoyarsk region]. Vol. 1–5, Krasnoyarsk: RIO KGPU; Krasnoyar. gos. ped. un-t im. V. P. Astaf'yeva, 2003–2010.

Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of the Russian Folk Dialects]. Vols. 1–52–, Moscow; Leningrad; St.-Petersburg: Nauka, 1965–2021–.

Gerd A. S. (ed.) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of the Russian dialects of Karelia and adjoining regions]. Vol. 1–6, St.-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1994–2005.

Ivashko L. A. (ed.) *Slovar' russkikh govorov Nizovoy Pechory* [Dictionary of Low Pechora Russian dialects]. Vol 1–2, St.-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.

Moiseyev I. I. *Pomor'ska govorya: Kratkiy slovar' pomorskogo yazyka* [Pomor'ska govorya: Short dictionary of Pomorye language]. Arkhangelsk: SOLTI, 2005, 138 p.

Podyukov I. A. (ed.) *Slovar' russkikh govorov Yuzhnogo Priam'ya* [Dictionary of Southern Priam'ye Russian dialects]. Vol. 1–3, Perm: Perm. gos. ped. un-t, 2010–2012.

Sreznevskiy I. I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pismennym pyamyatnikam* [Materials for the Old-Russian language dictionary according to written evidences]. Vol. 1–3, St. Petersburg, 1983–1912.

Yepishkin N. I. *Istoricheskiy slovar' gallitsizmov russkogo yazyka* [Historical dictionary of Gallicisms of the Russian language]. Moscow: ETS, 2010. Online: www.rus-yaz.niv.ru. (12.07.2025).

IN MEMORIAM

Д. Ю. Ильин, Н. А. Тупикова, Н. А. Стародубцева

Волгоградский государственный университет

(Россия, Волгоград)

lprorector@volsu.ru

na_tupikova@volsu.ru

na_starodubceva@volsu.ru

«ВОЛГОГРАД ДЛЯ МЕНЯ ОСОБЕННЫЙ ГОРОД...» : ВСПОМИНАЯ ВСТРЕЧИ С ЛЕОНИДОМ ЛЕОНИДОВИЧЕМ КАСАТКИНЫМ

Статья представляет собой воспоминания о встречах с профессором Л. Л. Касаткиным во время его пребывания в Волгоградском государственном университете. Неоднократный приезд ученого в Волгоград был связан с проведением диалектологических экспедиций (конец 90-х — начало 2000 гг.), направленных на изучение южнорусского наречия, в том числе типологических характеристик донских говоров, а также с участием в научных мероприятиях, посвященных памяти академика В. И. Борковского, библиотека которого хранится в ВолГУ.

Ключевые слова: Л. Л. Касаткин, диалектологические экспедиции, донские говоры, Волгоградская область, Борковские чтения.

О личности и обаянии Леонида Леонидовича Касаткина писать одновременно легко и трудно. Легко потому, что встречи с ним запечатлелись как отдельный совокупный образ интеллигентного, легкого и простого в общении человека, несколько не возвышающего себя намеренно среди коллег, а трудно потому, что понимаем — говорим-то о большом ученом, труды которого по русской фонетике и диалектологии — давно настольные книги студента и преподавателя, и науки эти никогда, кажется, не познаваемы до конца, поскольку касаются процессов, находящихся в постоянном динамическом движении живой стихии языка. Когда осмысливаешь это, сразу в памяти всплывает дискуссия по поводу необходимости использования термина «диалектный язык» на Второй Международной научной конференции «Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов», организованной под председательством ректора профессора

Олега Васильевича Иншакова в апрельские, теплые, цветущие дни 2007 года факультетом (в тот период) филологии и журналистики нашего университета. И сразу в нашем разговоре-воспоминании «на троих» целый комплекс проблемных вопросов, связанных с этим «использовать / не использовать» термин: от оппозитивной противопоставленности литературного — диалектного по признаку отсутствие / наличие территориального различия, до своеобразного в русских диалектах представления о деревенской языковой личности [Касаткин 2007: 32–33; Пауфошима 1989: 41–48]. Объяснение Леонида Леонидовича как-то всё тогда поставило на свои места для нас — и для (в то время) аспиранта Н. А. Стародубцевой, и для опытных уже преподавателей Д. Ю. Ильина, Н. А. Тупиковой.

Леонид Леонидович Касаткин на протяжении нескольких десятилетий был верным другом и партнером нашей кафедры, факультета, долгожданным гостем в Волгоградском государственном университете. Он оказывал постоянную поддержку нашим фонетистам, начинающим молодым диалектологам, поддерживал советом первые научные темы в этой области, в короткие приезды успевал провести обучающую работу по организации выездных диалектологических практик, методике собирания и анализа диалектологического материала. Помню, как деликатно Леонид Леонидович в неформальных беседах с некоторыми из нас во время посещения кафедры говорил о возможных «хрестоматийных» промахах, возникающих при изучении народной материальной культуры, предупреждал об ошибках при неопытном опросе информанта и некорректной фиксации речи, неверном проведении процесса интервьюирования, «навязывании» информанту мнения диалектолога для получения желаемого ответа. Вот эти «второстепенные», казалось бы, детали разговоров между заседаниями на конференциях, осмотром достопримечательностей на прогулках по Волгограду, во время ожидания транспорта, за чаем в гостинице после экскурсии и др. и есть те самые «встречи с Касаткиным», которые остались в памяти как драгоценные события, незабываемые эпизоды, а в ряде случаев — отправная точка новых научных поисков по региональной тематике для каждого из нас троих. Разговор всегда плавно, не нарочито переходил на темы исследования коллектива кафедры, перспективы подготовки молодых кадров.

Впервые об экспедиции Л. Л. Касаткина в Волгоградскую область мы на кафедре узнали, когда он обратился в конце 90-х с просьбой к Софии Петровне Лопушанской, заведующему кафедрой русского языка и стилистики, посодействовать в организационных моментах поездки с иностранным гостем профессором Кристианом Саппоком в казачьи хутора. Помнится, кафедра дала «в провожатые» надежного студента, из наших сельских, поручив, конечно, молодому человеку хорошенько обучиться у ведущих профессоров приемам опроса информантов во время поездки, постараться показать настоящее гостеприимство. Понятно, что «свой», знакомый селянам, в короткие сроки может сориентировать исследователей на местности. Второе — гостеприимство — прекрасно удалось начинающему исследователю, с первым — хорошенько обучиться всем тонкостям дела, кажется, было не так успешно, поскольку кропотливая работа собирания и обработки материала, видимо, требовала особых качеств, заточенности на научном анализе фактов, умении обобщить изученное

На конференции «Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов». ВолГУ, 2007. Рядом с Л. Л. Касаткиным — доцент Русенского университета Димитрина Цонева (Болгария)

явление. Однако главная задача была решена: с сопровождением студент справился. Важными же для коллектива кафедры были консультации, которые Л. Л. Касаткин провел для преподавателей по методике диалектологической работы.

Как известно, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН в тот период сотрудничал с Рурским университетом (Бохум, Германия). Среди совместных проектов было изучение южнорусского наречия [Ровнова 2001: 243–244]. Обследовались 50 населенных пунктов на территории бытования донских говоров, в том числе в ряде станиц и хуторов Волгоградской области. Записанный в течение трех полевых сезонов несколькими экспедиционными группами огромный массив живой речи определил в дальнейшем большое издание. В него вошли и записи сельских жителей нашего края — представителей традиционной народной культуры донских казаков. Так, расшифровка рассказа «О зимней поездке на быках» жительницы, с которой беседовали Л. Л. Касаткин, К. Саппок, Д. М. Савинов в станице Букановской, имеется в составе второго выпуска звучащей хрестоматии «Русские народные говоры» [Русские народные говоры 1999: 172–173].

Обширный материал позволял дать описание говора целой деревни, а еще важнее — речи одного информанта как типичного в языковом отношении для данной местности. Экспедиционные записи в Волгоградской области дали основания

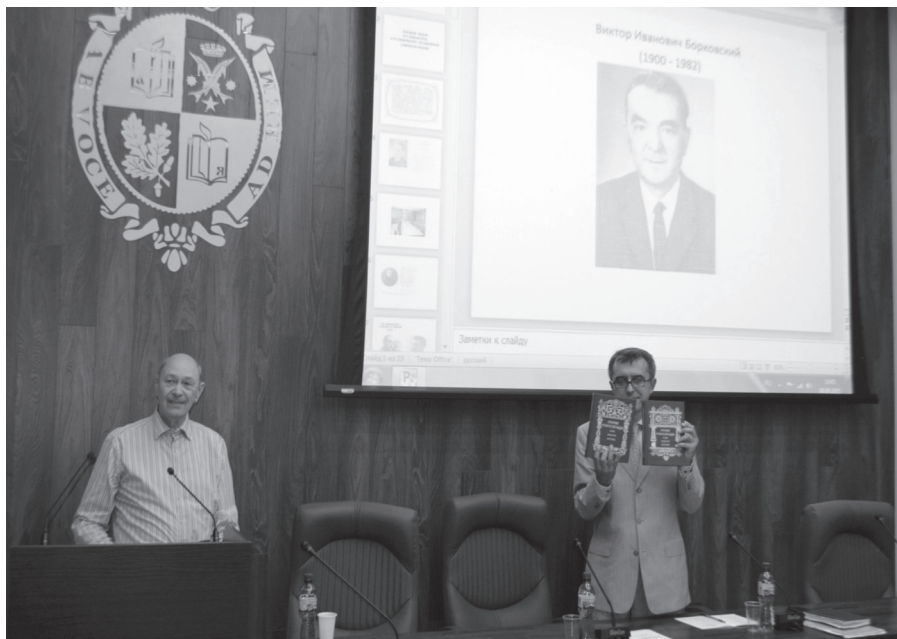
Л. Л. Касаткину описать языковой портрет донской казачки на основе рассказа жительницы станицы Тишанской («Жизнь до замужества», «Жизнь с мужем», «Дети», «Трудности жизни», «Грамота, чтение» и на другие темы). Как указывает ученый, данная речь представляет интерес не только с лингвистической точки зрения (прежде всего дан подробный фонетический комментарий). *«В этом рассказе отражается и характер рассказчицы, ее отношения с родными, соседями, местным начальством, ее отношение к власти, ее мировоззрение и мировосприятие, это и фрагмент истории русской деревни, описанный в нашей литературе все еще недостаточно»*, — отмечал Леонид Леонидович [Касаткин 2007а: 231].

Образцы работы в экспедиции, данные ученым, являются примером высокого профессионализма, научной этики, чуткого отношения к собеседнику, глубокого проникновения в суть языкового и речевого явления.

Личные беседы на научные и простые жизненные темы всегда вызывали у него огромный интерес, это оставило яркий след в нашей памяти. Удивительный по своим человеческим качествам собеседник и неисчерпаемый «кладезь» научных сведений, Леонид Леонидович успевал очень многое за короткое время пребывания в Волгограде, он находил интерес во всем: в не совсем «складном» докладе молодого ассистента и зрелой работе уже сложившегося исследователя, в «плановой» экскурсии по краеведческому музею и в простой прогулке по набережной Волги. А главное, нам было интересно, полезно, душевно в общении с ним. Мы благодарны судьбе за эти встречи!

Яркие идеи и точные выводы Ученого непременно основывались на тщательном отборе и скрупулезном анализе языковых фактов, которые многие годы «добывались» в полевых экспедициях в самых отдаленных уголках России и мира. Он рассказывал в беседах с нами о поездках в Одесскую область для фиксации говора села Приморское (Жебрияны), основанного казаками-некрасовцами, выходцами с Дона, и заселенного затем другими старообрядцами из сел по нижнему течению Дуная [Касаткин 2016]; о своем пребывании в русских старообрядческих поселениях на северо-востоке Польши, где живут предки современных старообрядцев — выходцев из псковских земель, о сотрудничестве с Торуньским университетом М. Коперника; о далеких путешествиях в другие страны. На одной из зарубежных конференций — в 2015 году в Торуньском университете, близком тогда по содружеству с нашим университетом, мы слушали доклады Леонида Леонидовича и Розалии Францевны об орфоэпических позициях и фонетических «фантамах» в русском языке. В кулуарах были интереснейшие разговоры о совместном проекте профессора Л. Л. Касаткина и профессора Ст. Гжибовского по изучению старообрядческой культуры и языка старообрядцев в Польше.

В любом возрасте Л. Л. Касаткин как ученый продолжал оставаться не просто «кабинетным» исследователем, но и «активным собирателем» народных и старообрядческих говоров. Его недюжинная физическая выносливость и закалка проявлялась и его в поездках в наш город. Вспоминается, как после долгой пешей экскурсии на Мамаев Курган в 2015 году Леонид Леонидович лишь поздним вечером, когда довели его до гостиницы, деликатно заметил: *«Ну вот, теперь я, кажется,*

Борковские чтения. ВолГУ, 2015 год. Л. Л. Касаткин во время выступления и вручения подаренных им книг в библиотеку вуза. В президиуме — декан факультета филологии и журналистики профессор Д. Ю. Ильин

стал чувствовать свои ноги». Мы призадумались: гораздо более молодые его коллеги уж давно выбились из сил.

Известно, что Леонид Леонидович увлекался фотографией, особенно любил делать фотопортреты. Эта любовь не угасла со временем. В фотоархивах кафедры сохранились снимки, сделанные им в свой последний приезд к нам в 2015 году: увидев во время культурной программы в руках молодого коллеги зеркальную фотокамеру, Леонид Леонидович попросил дать ему фотоаппарат и сам с большим удовольствием сделал несколько портретов доцентов кафедры, пожелав обязательно получить готовые фотографии. Просьбу мы выполнили, конечно же. В письме одному из нас 14 сентября 2015 года Леонид Леонидович написал: *«Дорогая Наталья Анатольевна! Дорогая Наташа! С большой радостью смотрю на эти фотографии, спасибо Вам большое за них. С удовольствием вспоминаю свою поездку в Волгоград, Вы очень скрасили моё пребывание там, спасибо Вам и за это. Если будете в Москве, дайте знать, буду рад Вас видеть. Всего Вам доброго. Л. Л. Касаткин»*.

Хранятся фотографии — он рядом с нами, без нас, в кругу коллег — участников конференций, остаются автографы на книгах, глубокое содержание которых предвещают надписи, вот, как, например, на титуле одного из томов двухтомника: «Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сборник статей к XV Междунар. съезду славистов / Отв. ред. Л. Л. Касаткин: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН.

М.: Академиздатцентр «Наука» РАН, 2013»: *«Дорогой кафедре русского языка и документалистики Волгоградского государственного университета. 9.09.2015. Л. Л. Касаткин»*; или на дарственной книге «Касаткин Л. Л. Современная русская диалектология и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: «Наука»; Школа «Языки русской культуры», 1999»: *«В библиотеку кабинета-музея академика Виктора Ивановича Борковского. 17.02.2003»*. Эти и другие издания в каждый из своих приездов Леонид Леонидович неизменно дарил кафедре, факультету, университету, библиотеке ВолГУ — научные издания собственного авторства и своих коллег. В 2015 году Леонид Леонидович, выступив с докладом на очередных Международных Борковских чтениях, проводимых нашим вузом, передал декану факультета (тогда филологии и журналистики) в дар несколько солидных больших томов, и это несмотря на то, что он летел в Волгоград один, без сопровождения, с такой тяжелой сумкой. Однако хорошо понимал, как новые книги важны для региональных исследователей. Искренние переживания за науку, отечественное образование были среди неизменных тем личных бесед с ним.

Ученый с мировым именем также внимательно относился и к людям, которые его «опекали» в Волгограде — студентам и молодым коллегам, выражая искреннюю благодарность за их помощь. С большим интересом он выслушивал вопросы студентов и аспирантов, давал рекомендации, своим лучистым взглядом и доброжелательной, возможно даже немного снисходительной, улыбкой, одобрял научные разыскания начинающих.

Ему были чужды академический снобизм и заносчивость, дежурный формализм и отстраненность от начинающих исследователей. Вспоминается, как Леонид Леонидович с непринужденностью молодого юноши и заботливостью старшего по возрасту после длительной экскурсии вдруг пригласил своих сопровождающих, совсем молодых коллег кафедры, в ресторан, накормил вкусным ужином, понимая, что с утра вряд ли ими что-то было съедено существенного, а из гостиницы еще ехать и ехать вечером на другой конец длинного-длинного Волгограда.

Человек сложной судьбы, свидетель и участник многих переломных и трагических событий в нашей стране, Леонид Леонидович оставался, прежде всего, Личностью. Светлый творческий взгляд на исследуемый материал, талант ученого будут всегда вдохновлять его учеников и последователей, коллег, знавших его, студентов и преподавателей, слушавших его лекции в нашем вузе, направлять на открытия и просветительскую деятельность, служить ориентиром новых изысканий.

И ещё. Надо сказать, наверное, о самом важном в отношении Леонида Леонидовича к Волгограду. В каждый свой приезд он подчеркивал, что Волгоград для него особенный город, с которым связано много личных воспоминаний об их союзе с Розалией Францевной Пауфошимой.

Встречи, общение с Леонидом Леонидовичем Касаткиным остаются с каждым из нас троих. Конечно, самое существенное записано в памяти очень суммарно, как некая доминанта, не всегда формулируемая «молекула знания», воспроизвести которую, может быть, не удастся абсолютно точно. Почти по В. Шаламову: «Не удержал усилием пера / Всего, что было, кажется, вчера».

Литература

Касаткин Л. Л. Диалектный язык // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: материалы Второй Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 24–26 апр. 2007 г.: в 2 т. Т. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. С. 25–34.

Касаткин Л. Л. Фрагмент языкового портрета донской казачки // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина / отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук. М.: Языки славянской культуры, 2007а. С. 231–240.

Касаткин Л. Л. История одного старообрядческого села, рассказанная его жительницей // Verba magistro. Сборник научных статей памяти профессора Александра Сергеевича Герда / отв. ред. А. Х. Гирфанова, С. А. Мызников. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 355–377.

Пауфошима Р. Ф. Житель современной деревни как языковая личность // Язык и личность / отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1989. С. 41–48.

Ровнова О. Г. Отчет о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2000 года // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 239–254.

Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие. М.: Наука, 1999. 207 с.

D. Yu. Ilyin, N. A. Tupikova, N. A. Starodubtseva

Volgograd State University

(Russia, Volgograd)

lprorector@volsu.ru

na_tupikova@volsu.ru

na_starodubceva@volsu.ru

«VOLGOGRAD IS A SPECIAL CITY FOR ME...»:

REMEMBERING MEETINGS WITH LEONID LEONIDOVICH KASATKIN

The article is a collection of colleagues' recollections of their meetings with Professor L. L. Kasatkin during his stay at Volgograd State University. Kasatkin's repeated visits to Volgograd were related to his dialectological expeditions (late 1990s and early 2000s) aimed at studying the South Russian dialect, including the typological characteristics of the Don dialects, as well as his participation in scientific events dedicated to the memory of Academician V. I. Borkovsky, whose library is preserved at Volgograd State University.

Keywords: L. L. Kasatkin, dialectological expeditions, Don dialects, Volgograd Region, Borkovsky Reading Conference.

References

Kasatkin L. L. [Dialectal Language]. *Russkaya slovesnost' v kontekste sovremennykh integratsionnykh protsessov: materialy Vtoroi Mezhdunar. nauch. konf., g. Volgograd,*

24–26 apr. 2007 g.: v 2 t. T. I. [Proc. 2nd Int. Scientific Conference “Russian Literature in the Context of Modern Integration Processes”, Volgograd, April 24–26, 2007: in 2 volumes. Vol. 1]. Volgograd, VolGU Publ., 2007, pp. 25–34. (In Russ.)

Kasatkin L. L. [Fragment of the Language Portrait of a Don Cossack Woman]. *Yazyk v dvizhenii: K 70-letiyu L. P. Krysin* [Language in Motion: On the 70th Anniversary of L. P. Krysin], ed. by E. A. Zemskaya and M. L. Kalenchuk. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2007a, pp. 231–240. (In Russ.)

Kasatkin L. L. [The Story of an Old Believer Village Told by a Resident]. *Verba magistro. Sbornik nauchnykh statei pamyati professora Aleksandra Sergeevicha Gerda* [Collection of Scientific Articles in Memory of Professor Alexander Sergeevich Gerd], ed. by A. Kh. Girfanova and S. A. Myznikov. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016, pp. 355–377. (In Russ.)

Paufoshima R. F. [The Resident of a Modern Village as a Linguistic Personality]. *Yazyk i lichnost'* [Language and Personality], ed. by D. N. Shmelev. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 41–48. (In Russ.)

Rovnova O. G. [Report on the Dialectological Expeditions of the Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences in 2000]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language in Scientific Perspective], 2001, no. 1, pp. 239–254. (In Russ.)

Russkie narodnye govory. Zvuchashchaya khrestomatiya. Yuzhnorusskoe narechie [Russian Folk Dialects. A Sounding Anthology. The South Russian Dialect]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 207 p. (In Russ.)

Е. А. Оглезнева

*Томский государственный архитектурно-строительный университет
(Россия, Томск)
eoglezneva@yandex.ru*

**«ВЕЕТ ПРОХЛАДОЙ И СЧАСТЬЕМ...»
ОБ УДИВИТЕЛЬНОМ ЛЕОНИДЕ ЛЕОНИДОВИЧЕ КАСАТКИНЕ**

Публикация основана на воспоминаниях автора о встречах и беседах с Л. Л. Касаткиным, в том числе на конференциях, организатором которых он был. Статья посвящена не только его вкладу в науку, но и раскрывает ученого с человеческой, личной стороны.

Ключевые слова: Л. Л. Касаткин, русская диалектология, конференции по русской диалектологии

Первая ассоциация с именем *Касаткин* в моем сознании была сугубо учебно-методическая и хронологически привязана к 1990-м — началу 2000 гг. — началу моей педагогической деятельности в университете: «Сборник упражнений Касаткина-Ширяева». Настолько хорошо было сделано это пособие в подборе языковых примеров для анализа, компоновке материалов, формулировке заданий, что с его помощью можно было удивляться самому и удивлять студентов новыми поворотами мысли в предмете, будто разгадывать ребусы. Правда-правда! И это можно было делать не только вместе с неторопливыми академичными студентами-филологами, но и с нетерпеливыми, вечно куда-то бегущими мыслью студентами-журналистами, которым нужно чтобы было не только «полезно-познавательно», но и «интересно-увлекательно», если хочешь, чтобы тебя слушали и удивлялись вместе с тобой. И материал казался бы рядового «Сборника упражнений по русскому языку» под редакцией докторов филологических наук Л. Л. Касаткина и Е. Н. Ширяева (Москва: «Просвещение», «Владос», 1994) позволял держать внимание и у этой взыскательной студенческой аудитории. До сих пор объясняю аспирантам некоторые темы с использованием примеров из этого сборника. Очень частный случай, но такой показательный, если говорить о Леониде Леонидовиче Касаткине. Всё на «пять», всё наилучшим образом, всё максимально доведено до идеала, всё интересно и удивительно, потому что удивляться самому и удивлять лингвистическими фактами, выстраивать их так, чтобы они действительно выглядели удивительными, — научное и педагогическое кредо Леонида Леонидовича.

Здесь одна из точек притяжения и пересечения с Мастером, за которой следуют понимание и соратничество в профессии. Хочется думать так, хотя Леонид Леонидович и не был моим университетским преподавателем и коллегой.

Знакомство с Леонидом Леонидовичем состоялось в 2003 г. с легкой руки Оксаны Герасимовны Гецовой, которая руководила моей научной стажировкой в МГУ. «Надо бы Вам походить на лекции Леонида Леонидовича, он как раз их сейчас аспирантам читает в Институте русского языка». Так я оказалась у Леонида Леонидовича на лекциях по фонетике. Пройдя через «закулисье» института, нашла его в окружении аспирантской братии, к которой и присоединилась, хотя уже давно не была аспиранткой. После разговаривали о работе, о научных интересах и новых проектах. Он слушал очень внимательно. Задавал вопросы. Говорил негромко и неторопливо. С каким-то очень деликатным московским произношением.

На тот момент, весной 2003 года, у нас уже вышел первый выпуск фольклорно-диалектологического альманаха «Слово» (он содержал фольклорные тексты, записанные за первые несколько лет наших научных экспедиций Амурского госуниверситета, где я работала, в села Амурской области), был определен дизайн издания, сформирована его миссия — сделать достоянием научной (и не только!) общест­венности диалектные и фольклорные материалы амурского края, своеобразного, интересного во всех отношениях, любопытного и неисчерпаемого для исследователей. На тот момент уже была разработана концепция второго выпуска альманаха, включающего не только собранные и записанные нами фольклорные тексты, но и диалектные тексты в жанровой интерпретации (раздел «Речевые жанры»), и первые речевые портреты ярких носителей амурских говоров (раздел «Речевые портреты»), и лексикографически обработанный диалектный материал (раздел «Словарь») и др. Сформированная нами концепция издания предполагала также, что издание обязательно должно быть ярким, красивым, непременно — с цветными иллюстрациями и звуковым приложением на цифровом носителе. Всё это было «на волне» современных исследований, выполнено на новом, добытом нами же «в полях» материале, публиковалось фактически «с колёс». И всё это хотелось обсудить. С коллегами. С мэтрами. И так получилось, что самым интересующимся мэтром оказался Леонид Леонидович, и уже в ту первую нашу встречу мы говорили с ним о своем, о любимом, — о диалектах и диалектологии. И о необходимости популяризации бесценного не только в научном, но и в человеческом смысле материала. В то же самое время под его редакцией в Институте русского языка создавалась «Русская деревня в рассказах ее жителей». Мы занимались одним делом, на разном материале, в разных концах страны, с разным жизненным и научным опытом, но с одинаковым пониманием, что нужно собирать, изучать, публиковать, и если не мы — то кто же?

Это было началом нашего общения. Это было кусочком счастья, потому что «наука, которая впрямь наука — зеленое, ласковое, зовущее дерево. Веет прохладой и счастьем» (М. В. Панов).

Леонид Леонидович, Институт русского языка имени Виноградова, рояль в закулисье Института (был ли?), весна, диалектология, новые проекты.... — всё это оказалось включенным в одно ассоциативное поле, позитивно заряженное на будущее.

Л. Л. Касаткин и С. Е. Никитина

Другая наша тема с Леонидом Леонидовичем — русское зарубежье. Восточное русское зарубежье, Харбин. Он бесконечно много знал о разных предметных областях, но мне казалось, что Харбин для него особенно близок. Я верю, что это именно так. Случайно на конференции по фонетике в Звенигороде он оказался слушателем моего доклада (просто его секция закончила работу раньше нашей). Это был один из первых опытов публичной презентации темы русского языка в восточном зарубежье. Удивительное внимание к сути, его вопросы, отвечая на которые все становится на свои места, видится глубже и дальше. Русское зарубежье стало еще одной темой нашего общения. Леонид Леонидович своими замечаниями и советами невзначай создавал область обязательного знания и обязательного чтения, за что я ему очень, очень, очень благодарна.

Леонид Леонидович затягивал в воронку собственного знания, и научного, и часто горького знания жизни. Будучи человеком очень непростой судьбы, полагал, вероятно, что разностороннее знание позволяет человеку принимать решения по голосу своей совести. Он делился своим знанием и тем, что его волновало, со своими коллегами и друзьями. Для меня было честью входить в число его адресатов, но я не оправдывала, видимо, его ожиданий, т. к. не очень активно участвовала в обсуждениях. Долго думала.

Помнится его любовь к друзьям и коллегам — она присутствовала в упоминаниях о них; например, его благоговейное внимание к Серафиме Евгеньевне Никитиной, которое мы наблюдали на конференции по русской диалектологии и исследованиям старообрядчества в Подмоскowie (2009). Серафима Евгеньевна

Л. Л. Касаткин и Р. Ф. Касаткина

виртуозно исполняла по просьбе Леонида Леонидовича молоканские песни для учёной публики, оставшейся в восторге от услышанного. А он хитро улыбался и был крайне доволен оттого, что вместе с Серафимой Евгеньевной удивил присутствующих этими песнями и их непревзойденным исполнением. Вспоминаешь это и снова думаешь о том случившемся кусочке счастья в жизни, обычной, сложной, разной, непредсказуемой по внешним и внутренним обстоятельствам, останавливаешь то счастливое мгновение в своем сознании, на ленте своей жизни, и снова немного счастлив.

Ну а дальние коллеги — это круг соратников, широкий и далекий: Санкт-Петербург, Кострома, Красноярск, Магадан, Благовещенск, Саратов, Тверь, Вологда, Самара... Попадая в круг интересов Леонида Леонидовича и совпадая с ним в этих интересах (не значит — соглашаясь абсолютно), навсегда остаешься в этом кругу и в каком-то смысле под патронажем Мастера, потому что чувствуешь его приятие, гордишься этим, имеешь смелость обсуждать с ним волнующие тебя темы и вопросы, будучи уверенным в том, что ему это тоже действительно интересно.

Леонид Леонидович был жаден до знания. Он добывал знание из всех возможных источников, а добыв и огранив его, как ювелир высочайшей квалификации, спешил поделиться им, показать во всей своей, конечно же, удивительной красе.

Вспоминается одна из диалектологических конференций с участием Леонида Леонидовича в Институте русского языка в 2012 г. Он подготовил, насколько

я помню, два доклада и прочитал оба. Первый был по его любимой диалектной фонетике, а второй — «Диалектизмы в сказке Ершова «Конек-Горбунук» как свидетельство авторства А. С. Пушкина» выполнен вместе с Розалией Францевной. Спешил поделиться открытиями, оспаривал привычное. Удивлялся и удивлял, виртуозно выстраивая систему доказательств на основе известных диалектных различий.

Возможно, высказанная в докладе гипотеза спорна. «Но пожалуйста, спорьте! Доказывайте свою истину, а мы предлагаем Вам свою: она выверена, она подтверждена языковыми фактами, она смелая, но вполне возможная с высоты наших опыта и знаний. И мы хотим поделиться этим знанием с Вами» (это если попробовать описать пафос доклада языком семантических примитивов). Конечно, этот доклад разлетелся по городам и весям и передавался из одних филологических уст в другие уста. Он был прекрасен полетом мысли, системой построения доказательств, смелостью оспорить общепризнанное в поиске истины.

В 2018 году традиционная диалектологическая конференция в Институте русского языка им. В. В. Виноградова проходила без него. Он был, но физически был не с нами, и ощущалась незамещаемая пустота, и было ожидание его доклада, хотя бы онлайн, хотя бы... На пленарном заседании на фоне портрета Касаткина проникновенно выступала Ольга Геннадьевна Ровнова с рассказом об истории исследования языка старообрядцев в ИРЯ. И были сказаны прекрасные слова о любимом проекте Касаткина, который выполнялся под его руководством.

Не состоялась запланированная на осень 2016 г. совместная диалектологическая экспедиция. Ну как совместная? Я никогда не записывала материнские разговоры, только идиомы переходного типа. Хотелось послушать разговоры на исконных территориях их бытования, посмотреть, в каком виде они сохранились. Сказала об этом Леониду Леонидовичу, и он пригласил меня поехать с ним в экспедицию. Конечно, интересно было бы посмотреть, как он работает. Знала, что «не щадя живота своего», что запись диалектной речи почти студийная. Я вполне могла это себе представить. И даже не столько из понимания ценности каждой минуты в экспедиции для собирателей народной речи, сколько с другой стороны: говорящий с Касаткиным, мне кажется, интуитивно понимает, что настал его час, час рассказа о его жизни, и эта жизнь интересна, она достойна того, чтобы о ней послушали, чтобы ее записывали. И он сам, рассказчик, интересен и достоин. И эта обстановка записи определялась бесконечным уважением Леонида Леонидовича к простому человеку, его жизни и судьбе, а также тем, как удивительно он мог слушать..

Наслышана, что Леонид Леонидович был требователен к коллегам и иногда даже безжалостен, работая в поле, собирая и создавая «золотой фонд русского народного слова». Наверное, это тоже «от жадности»: успеть записать, пока есть, пока видится. Это ведь как «по грибы ходить»: сначала не видишь ничего, потом так много, да такое хорошее, что не знаешь, как всё собрать, а собрать непременно нужно.

Особое тепло хранят книги, подаренные и бережно подписанные им. И не подписанные, но подаренные им, — тоже. Вот «Олени навстречу» Михаила Викторовича Панова с фотографией, сделанной Леонидом Леонидовичем, на обложке. А я и не знала, что Михаил Викторович писал стихи! А теперь и мои студенты об этом знают, тем более что стихи замечательнейшие, философско-парадоксальные одновременно:

Вчера *сегодня*
 было *завтра*,
Завтра *сегодня*
 будет *вчера*.
И только *сегодня сегодня — сегодня*.
Вскочи на него! Пришпорь!
В путь!

Вот такая головоломка с озарением это стихотворение! Как в фонетике: привычное очень непривычно, если затранскрибировать! Но на самом деле больше соответствует действительности. Суть науки — удивляться и удивлять!

Запомнилось прощание в метро после конференции по диалектологии и проблемам старообрядчества в 2009 г. Она проходила в Подмоскowie. Участники конференции вернулись в Москву и стали растекаться по веткам метро. Мы идем вдоль перрона на станции «Славянский бульвар», кажется, или «Парк Победы»... Леонид Леонидович, Розалия Францевна, Кристиан Саппок, Екатерина Анастасова... Осень, гулкие шаги, ветер сдувает шляпу. Ощущение свободы и молодости...

Лес без солнца и без тени —
Провинившийся старик.
Падший лист, сухой, осенний
К неприютности привык.

Высоко несутся птицы:
Принудительный отлет.
Их зима сразить грозит.
Выдворяет, гонит, бьет.

В эту пору расставаний
Так нестрашно умирать.
Только сани — сани — сани
Надо сталью подковать.

Чтобы вынесли с размаха
С этих берегов на те —
Где ни стона и ни страха,
Только вихри в пустоте.

(Будет зима... М. В. Панов)

Elena A. Oglezneva

*Tomsk State University of Architecture and Building
(Tomsk, Russia)*

**“A BREATH OF FRESHNESS AND HAPPINESS...”
ABOUT THE AMAZING LEONID LEONIDOVICH KASATKIN**

The publication is based on the author's recollections of meetings and conversations with L. L. Kasatkin, including at conferences of which he was an organizer. The article is devoted not only to his contribution to science, but also reveals Kasatkin the scientist from a human, personal perspective.

Keywords: L. L. Kasatkin, Conference on Dialectology and Old Believer Studies

Научный журнал

**Труды Института русского языка
им. В. В. Виноградова**

2026 г., № 3 (49)

Макет: *С. В. Родионова*

Гарнитура ZRCola. Формат 70×100/16

Бумага офсетная. Печать цифровая

Печ. л. 27,5

Тираж 300 экз. Заказ №